ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Кафедра всемирной и отечественной истории
Центр военно-политических исследований

А.И. Подберезкин

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В ДВУХ ТОМАХ
Том 2

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2017

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)
П44

Под редакцией К. П. Боришполец, О. Е. Родионова

Подберезкин, Алексей Иванович.

П44 Современная военная политика России : учебно-методич. комплекс. В 2 т. Т. 2 / А. И. Подберезкин; [под ред. К. П. Боришполец, О. Е. Родионова] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. всемирн. и отеч. истории, Центр военно-политич. исследований. — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 987 с.

ISBN 978-5-9228-1719-6 (т. 2)
ISBN 978-5-9228-1717-2

Настоящий учебно-методический комплекс является первой отечественной разработкой, предназначенной для подготовки специалистов международного профиля с углубленными знаниями военно-политической проблематики. Интегративный методический подход, определяющий структуру и содержание УМК, обеспечивает освоение учащимися кардинальных вопросов внешней политики России в их взаимосвязи с конкретными задачами укрепления национальной безопасности, актуальными тенденциями международного взаимодействия, формирования ресурсов стратегического планирования. Важнейшей особенностью УМК является акцент на аналитической составляющей учебных материалов, которые отражают основные аспекты цивилизационных, социально-политических и социально-экономических противоречий человеческого развития в XXI веке.

Освоение дисциплины «*Современная военная политика России*» предполагает реализацию четырех учебных частей/модулей: 1) «*Рабочий аппарат исследований*» (содержит развернутые характеристики специальных терминов и понятий, используемых в дисциплинарном дискурсе); 2) «*Обзор современного этапа военной политики России*» (содержит характеристики фундаментальных изменений в политике безопасности и военной политике России в 1991–2016 гг. с учетом роста зависимости военного искусства от политики как общемировой тенденции); 3) «*Основные особенности обеспечения безопасности современной России*» (содержит характеристики системной безопасности России в XXI веке как необходимого условия обеспечения российских национальных интересов и международного сотрудничества с учетом влияния факторов «виртуальной реальности», политико-идеологических ориентиров правящих элит, национального человеческого капитала, науки и идеологии на формирование международной обстановки); 4) «*Приложения*» (содержит документальные источники, методические рекомендации для учащихся и преподавателей, примеры выполнения практических заданий по курсу дисциплины).

Включение УМК «Современная военная политика России» в образовательный процесс оптимизирует спектр общих, профессиональных и профессионально-дисциплинарных компетенций выпускников бакалаврского уровня высшего образования по направлениям подготовки 41.03.05 «Международные отношения» и 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» в том, что касается знаний, аналитических навыков и способностей к практической деятельности в области обеспечения национальной и стратегической безопасности России в XXI веке.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-1719-6 (т. 2)
ISBN 978-5-9228-1717-2

© МГИМО МИД России, 2017
© Подберезкин А. И., 2017

Оглавление

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ II
Обзор современного этапа военной политики России

Глава I. Обзор основных направлений военной политики России в 1991–2016 годы ... 15
1.1. Общие черты современного этапа военной политики Российской Федерации (1991–2016 гг.) ... 24
1.1.а). Периодизация современного этапа военной политики России ... 25
1.1.б). Фундаментальные изменения в политике безопасности и военной политике России в 1991–2016 годы ... 45
1.1.в). Война — политическая «норма» в начале XXI века ... 54
1.2. Эволюция основных положений военного искусства в 1985–2016 годы ... 64
1.2.а). Рост зависимости военного искусства от политики ... 67
1.2.б). Военно-политическое искусство коалиций ... 75
1.3. Военное строительство в России в 1985–2016 годы: годы постоянного «реформирования» ... 84
1.3.а). Место и структура современного военного строительства России ... 90
1.3.б). Реформирование советских ВС в России: первый этап реформ (1991–2010 гг.) ... 99
1.3.в). Современные реформы в российском военном строительстве (2010 — н/вр.) ... 106
1.3.г). Военно-техническое сотрудничество России ... 119
1.3.д). Основные проблемы обеспечения военной безопасности России ... 124

Глава II. Операции ВКС России в Сирии ... 131
2.1. Военно-политическая обстановка в ходе операции ВКС в мире и в регионе ... 135
2.2. Первая российская война XXI века ... 140
2.3. Ход военной операции российских ВКС в 2015–2016 годах ... 146

Глава III. Обзор миротворческих операций ВС России в 1991–2016 гг. ... 155
3.1. Миротворческие операции как инструмент внешней политики России ... 161
3.2. Первая операция. Молдавия. Приднестровье ... 168
3.3. Грузия. Операция в Южной Осетии ... 174

3.4. Таджикистан. Коллективные миротворческие силы в Таджикистане 179
3.5. Грузия. Операция в Абхазии 182
Заключение 187

Глава IV. Обзор контртеррористических операций российских вооруженных сил и внутренних войск в Чечне 189

Глава V. Осетино-грузинский конфликт 2008 года 227

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ III

Основные особенности обеспечения безопасности современной России

Глава VI. Системная безопасность России в XXI веке 249
6.1. Концепция стратегического сдерживания России как выбор эффективных средств противодействия политике «новой публичной дипломатии» западной локальной человеческой цивилизации 257
6.1.а). Стратегическое сдерживание и Стратегия национальной безопасности России 260
6.1.б). Стратегическое сдерживание и правящие элиты 268
6.2. Возрастающее значение адекватного понимания правящей элитой угроз национальной безопасности 275
6.2.а). Адекватность правящей элиты 280
6.2.б). Субъективизм правящей элиты 283
6.2.в). Противоборство и управление: две стратегии национальной безопасности 291
6.3. Исследование системных факторов безопасности 300
6.3.а). Интерес (потребность) как фундаментальная основа понятия «безопасность» 306
6.3.б). Системные факторы угроз интересам безопасности нации, государства и общества в XXI веке 312
6.3.в). Правящая элита как важнейший системный фактор обеспечения интересов национальной безопасности в XXI веке 327
6.3.г). Локальные человеческие цивилизации как фактор системной безопасности России в XXI веке 333
6.4. Разработка основ методологии системного анализа политики безопасности в качественно новых условиях развития научного знания 343
6.4.а). Формирование потребности в методологии системного анализа политики безопасности во второй половине XX века 345

6.4.б). Основные положения методологии системного анализа политики безопасности 347
6.5. Обоснование рабочей концепции системной безопасности Россиив условиях новых рисков и уязвимостей на основе институционального доверия к научному знанию 353
6.5.а). Соотношение концепций системной безопасности России и национальной безопасности Российской Федерации 354
6.5.б). Рабочая концепция системной безопасности России на основе институционального доверия к научному знанию 357

Глава VII. Главная цель внешнего воздействия — изменение системы ценностей правящей элиты 373
7.1. Роль правящей элиты России в формировании и реализации Стратегии национальной безопасности в 1990–2016 годы 376
7.1.а). Локальные человеческие цивилизации и их правящие элиты в XXI веке 378
7.1.б). Переход противоборства между элитами локальных человеческих цивилизаций в военно-силовую фазу в XXI веке 384
7.2. Внешнее влияние на изменение субъективного восприятия правящей российской элитой международной обстановки (вектор «Б»–«Д» и вектор «Б»–«А»–«Д») 389
7.2.а). «Сила влияния» и «сила принуждения» элиты 393
7.2.б). Политика «силового принуждения» западной ЛЧЦ в XXI веке 400
7.3. Идеология как основное средство противодействия внешнему влиянию на правящую элиту страны 409
7.3.а). Достоинство идеологии как политического инструмента — системность и последовательность 412
7.3.б). Идеология как самое эффективное политическое средство управления 421
7.4. Внешнее воздействие на способность российской правящей элиты адекватно формулировать цели и задачи (векторы «Б»–«В» и «Б»–«Д») Стратегии национальной безопасности 428
7.4.а). «Политика принуждения» правящей элиты при формировании ею политических целей и задач (вектор «Б»–«Д») 429
7.4.б). «Политика принуждения» нации и общества при формировании целей и задач (вектор «Б»–«В») 438

Глава VIII. Формирование международной обстановки в XXI веке как результаты реализации «виртуальной реальности» 447
8.1. Сознательное искажение международной обстановки как средство стратегии противоборства в XXI веке (векторы «Б»–«В» и «Д»–«В») 452

8.2. Информационная война против правящей элиты с целью искажения системы ценностей и национальных интересов 464
8.3. Российская правящая элита как главный объект в стратегии западной локальной человеческой цивилизации в XXI веке 481
8.4. Либеральная парадигма и противоборство локальных человеческих цивилизаций в XXI веке: последствия для международной обстановки (вектор «А»–«Д»–«Б») 496
8.5. Либеральная российская элита и ее влияние на развитие международной обстановки в XXI веке 507
8.6. Война как главное средство политики современного либерализма в XXI веке 517
8.7. Российская либеральная элита и война 529

Глава IX. Идеология правящей элиты как важнейший субъективный фактор формирования международной обстановки в XXI веке 539
9.1. Значение исследования идеологии для анализа и прогноза сценариев формирования международной обстановки 547
9.2. Идеология как средство формирования реального представления о современном состоянии международной, военно-политической, а также стратегической обстановки в XXI веке 559
9.3. Военная организация России и идеология в XXI веке 566
9.4. Значение субъективного личностного фактора в политической идеологии современной России для формирования международной обстановки 574
9.5. Идеология и дезинформация при анализе и прогнозе развития международной обстановки в XXI веке 588

Глава X. Роль национального человеческого капитала, науки и идеологии в формировании международной обстановки в XXI веке 601
10.1. Национальный человеческий капитал, его институты и идеология 604
10.1.а). Идеологический приоритет развития национального человеческого капитала и его институтов 606
10.1.б). Идеология опережающего развития институтов национального человеческого капитала 613
10.2. Стратегия глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» и идеология 622

10.3. Идеологическая борьба внутри правящей элиты как фактор влияния на формирование международной обстановки: институциональное доверие к научному знанию 631
10.4. Влияние идеологического фактора (правящей элиты) на формирование международной обстановки 639
10.5. Усиление влияния субъективного фактора — национального человеческого капитала и его институтов на главные субъекты, акторы и тенденции, формирующие международную обстановку в XXI веке 656
10.5.а). Возрастание роли эффективности управления как функции национального человеческого капитала и его институтов в формировании международной обстановки 660
10.5.б). Национальный человеческий капитал и его институты как средство влияния на субъекты, акторы и тренды в формировании международной обстановки 667
Заключение 674

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ IV

Приложения 675

Приложение №1. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ 677

Приложение №2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ 689

Приложение №3. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. и Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности России до 2020 года» № 537 от 12 мая 2009 г. 749

Приложение №4. Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 825

Приложение №5. Указ Президента РФ «Концепция внешней политики Российской Федерации» от 12 февраля 2013 г. (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640 утратила силу) 850

Приложение №6. Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 30 ноября 2016 г. № 640 885

Приложение 7. Указ Президента Российской Федерации Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 922

Приложение №8. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 605 938

Приложение №9. Презентация: Логика анализа и долгосрочного прогноза развития международной и военно-политической обстановки в XXI веке 946

Приложение №10. Методы и методики научного исследования 959

Приложение №11. Научные основы военной политики Российской Федерации 976

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ II

Обзор современного этапа военной политики России

Вводные замечания

Военная политика является неотъемлемой частью развития российской государственности. На этапе 1991–2016 гг. ее проведение формировалось в принципиально иных, по сравнению, как с советским, так и «досоветским» периодами, условиях. Окончание «холодной войны» породило не только широкие общественные дискуссии о значимости военного потенциала России на мировой арене, но и поставило серьезные вопросы с точки зрения его реального совершенствования с учетом изменений международной обстановки, появления новых вызовов и угроз и, что не менее важно, фактора сохранения, а с начала 2000-х годов и наращивания, традиционного давления на Россию со стороны блока НАТО. В этой связи последовательное изучение особенностей современного этапа военной политики России является необходимым содержательным элементом образовательной подготовки международников по направлениям «регионоведение» и «международные отношения».

В рамках второго модуля УМК представлена развернутая характеристика основных направлений, этапов и фундаментальных изменений в деле обеспечения российской национальной безопасности в постбиполярный период, вплоть до самого последнего времени. В целях расширения горизонта осмысления учащимися профильной проблематики, ее изложение дополняется специальными разделами, посвященными вопросам эволюции основных положений военного искусства в 1985–2016 годах, т.е. материалами, которые обычно не изучаются в гуманитарных вузах, но знание которых существенно повышают уровень профессиональных компетенций молодых специалистов.

Важную содержательную роль в составе второй части/модуля УМК играют также разделы, посвященные прикладному историческому анализу участия российских вооруженных сил в реше-

нии миротворческих и контртеррористических задач, операциям российских ВКС в Сирии. Они обеспечивают полноценную дидактическую проекцию теоретико-концептуального освещения военно-политической проблематики на практику государственной оборонной деятельности, формируют в сознании учащихся реальную картину противоречий современного мира и повышают их способности к самостоятельному продолжению изучения не только отечественной военной истории, но и формирующих ее актуальных событий.

Введение

Современный этап военной политики России охватывает промежуток времени с 1991 по 2017 год, т.е. более 25 лет, — от ликвидации СССР до настоящего времени — и может быть разделён на несколько периодов, которые хронологически не вполне совпадают с периодами в развитии государства. На мой взгляд, можно выделить (с определенной долей условности) следующие периоды:

— «советский период», когда ВС России в основном сохраняли все основные черты ВС СССР, хотя самого СССР уже и не существовало (1991–1993 гг.);
— «постсоветский период», когда ВС России во многом повторяли облик ВС СССР в условиях политического и экономического кризиса и военных конфликтов на постсоветском пространстве (1994–1999 гг.);
— «российско-советский период», когда ВС России проводили реорганизацию «на ходу», в ходе военной операции на Северном Кавказе и стабилизации ситуации в стране (1999–2008 гг.);
— период начала реформ в российской армии и ОПК (2008–2013 гг.) в условиях начавшегося обострения МО;
— период ускорения реформ ВС России в условиях обострения ВПО в мире и вокруг России.

Для каждого из этих периодов характерны свои отличительные черты и особенности, но всех их объединяет в единый этап общая характерная черта: ВС России, как и вся страна, к 2017 году вышли из тяжелейшего кризиса, угрожавшего им и всей стране окончательным уничтожением. Потери 1990–2016 годов были огромны, даже катастрофичны в некоторых областях, но они не привели, ни к уничтожению государства и его вооруженных сил, ни к сокращению до критических величин их институтов и функций, которые в целом сохранили свою функциональность.

Глава I
Обзор основных направлений военной политики России в 1991–2016 годы*

* Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в монографии Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

У меня есть тысячи специалистов, которые знают, как построить пирамиду, но нет, ни одного, который знает, строить ее или нет[1]

Д. Кеннеди,
35-й Президент США

Глобальный кризис 2008–2009 гг., …
привел к обострению внутренних противоречий
во многих странах, причем линии «размежеваний»
в большинстве из них все больше приобретают
характер межконфессионального, этнического,
межобщинно-кланового, религиозного и т.д.
противостояния[2]

Н. Загладин,
профессор

Искусство политики всегда имело значение в истории человечества, но в некоторые периоды — особенное, даже исключительное. Именно такой период относятся к концу XX века, когда советско-российская элита оказалась абсолютно не способной к управлению государством, обществом, экономикой и, естественно, Вооруженными силами, что привело не просто к краху такой политики, но и уничтожению государства, развалу ВС и ОПК. Именно неудачи политического руководства СССР–России, т.е. субъективные качества правящей элиты и ее политики, стали основными причинами геополитической трагедии, которая особенно видна на фоне успехов основного противника российской локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) — западной ЛЧЦ во главе с США. Как справедливо считает в этой связи С. Глазьев,

---

[1] Цит. по: *Сиников А.* Как от задач к «ресурсам», так и «от ресурсов» «к задачам» / Военно-промышленный курьер. №34 (502). 2013. 4 сентября.

[2] Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира: коллективная монография / под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. — М.: ООО «Русское слово», 2014. — С. 5.

«… фактом остается поразительный успех английской геополитики, с одной стороны, и российские потери от вовлечения в нее, с другой стороны. (Или) Как мудро заметил русский геополитик Алексей Едрихин (Вандам): «Хуже вражды с англосаксом, может быть только одно — дружба с ним»[3]. Таким образом, мы видим, что политическая эффективность западной ЛЧЦ привела к созданию в мире мощного центра силы, с одной стороны, и фактическому ликвидацию другого центра силы в лице российской ЛЧЦ к концу XX века, с другой стороны.

Основная причина такой чудовищной разницы в политической эффективности двух ЛЧЦ заключается в политике англосаксов, их умении прямо, жестко и очень умело воздействовать на правящие элиты других стран, принуждая их к нужной политике. Подкуп, шантаж, убийства, формирование искаженного общественного мнения и т.п. — все эти инструменты «мягкой силы», «жесткой силы» и «силы принуждения» появились у англосаксов и их союзников не в конце XX века, а значительно раньше, скорее всего, одновременно с формированием торгово-ростовщического мировоззрения и глобальных торговых интересов правящей верхушки Великобритании, а затем и США. В XXI веке оформилась основная цель политики западной ЛЧЦ — сохранить свой контроль над сложившимися к началу XXI века военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире. Что, естественно, возможно только силовым образом, когда политика силы предполагает системное использование всех инструментов насилия — как военных, так и невоенных.

Но именно эта область в политической деятельности англосаксов оставалась, как правило, вне поле зрения. До тех пор, пока не наступила эра глобализации, в которой решающую роль стали играть локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и их правящие элиты.

Анализ и стратегический прогноз развития МО во все растущей степени предполагает обязательный анализ идеологического и мировоззренческого противостояния локальных человеческих цивилизаций Такому анализу в России практически не уделяется

---

[3] Глазьев С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 14.

внимания, ограничившись, как правило, анализом политических установок ведущих субъектов МО — государств[4].

Это противостояние развивается стремительно и с неизбежностью ведет к силовому и даже вооруженному противоборству между ЛЧЦ из-за передела сфер влияния и контроля над сложившимися финансово-экономическими и военно-политическими системами. Эта сложившиеся в XX веке системы отражали соотношение сил между западной ЛЧЦ и другими цивилизациями и государствами, которое было подавляющим в пользу Запада уже в XIX веке.

Примечательно, что именно в последние годы на Западе появилось немало работ, в которых делаются откровенные попытки обосновать «целесообразность» войны и военных конфликтов. С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения динамика экономического развития, особенно, если цели таких войн преследовали «демократизацию» политических режимов. Так, в исследовании Всемирного Банка, например, приводятся следующие данные.

С конца XX века геополитическая ситуация и соотношение сил между странами и ЛЧЦ стало быстро меняться, а во втором десятилетии произошло качественно событие: соотношение экономических сил между Западом и Востоком сравнялось и продолжает меняться не в пользу Запада. Совершенно очевидно, что китайская, индийская, исламская ЛЧЦ, насчитывающие в XXI веке уже более 1 млрд человек, по мере повышения качества демографического потенциала станут претендовать на равноправное участие в формировании, как минимум, новой миросистемы и изменение сложившихся норм и порядков.

Неизбежность перерастания конфликтности в отношения между ЛЧЦ во враждебность и силовое противоборство — не вызывает сомнение. Вопрос только когда силовое противоборство перерастет в вооружено-силовое? Представляется, что «сползание» к такому противоборству уже началось по инициативе США, которые фактически начали войну против исламской и российской ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века. Расчет делается на то, что обладая военно-техническим превосходством и экономическими

---

[4] См. подробнее: *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–208.

Таблица 1. Ежегодные темпы роста душевого ВВП[5]

Start and end date of conflict	Pre-conflict (%)	Number of years in conflict	In conflict (%)	Number of years post conflict	Post conflict (%)

5 The Economic Effects of War and Peace / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/economic-effects-of-war-and-peace.pdf

Start and end date of conflict	Pre-conflict (%)	Number of years in conflict	In conflict (%)	Number of years post conflict	Post conflict (%)

Таблица 2. Изменение пространственной структуры мирового ВВП, 1980–2020[6]

СТРАНЫ	Доля стран в ВВП мира, в %		
	1980 г.	2005 г.	2020 г. (прогноз)
Весь мир	**100**	100	100
Развитые страны	57,7	49,6	39,4
США	20,8	20,4	17,9
Япония	7,8	6,5	4,6
Германия	5,6	4,0	2,9
Развивающиеся страны	28,3	44,0	53,1
Китай	3,4	14,4	22,6
Индия	3,5	6,3	8,4
Страны с переходной экономикой	14,0	6,4	7,5
Россия	6,8	2,6	3,2

[6] *Слука Н.* Большой стране — большие проекты / ВВП, 2015. №5(94). — С. 30.

преимуществами, западная ЛЧЦ сможет предотвратить перерастание неизбежных сдвигов в экономике в новые политические правила. Войны в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Йемене и на Украине — начало большой войны между ЛЧЦ — в стороне от которой пока находятся другие ЛЧЦ[7].

В характере таких военных конфликтах и войнах в то же время произошли существенные изменения по сравнению с конфликтами и войнами XX века. И прежде всего в главных объектах для нападения. Из того, что уже имело место видно, что главными объектами вооруженного насилия становятся правящие элиты и режимы противостоящих ЛЧЦ, государств и наций. Примеры Румынии, Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Украины — очевидны.

Также как очевидно и то, что отсутствует такой анализ внешнего силового и военного влияния на правящую элиту и, фактически, — на общественное мнение страны. Между тем опыт последних лет показывает, что именно правящая элита и общественное мнение стали главным объектом в противоборстве ЛЧЦ, когда победа, — т.е. навязывание извне чужой воли правящей элите — означает и победу в противоборстве. Причем наиболее эффективную, чем военная.

Именно такая победа была одержана над правящей партийно-советской и хозяйственной элитой всего лишь за несколько лет «перестройки» и «демократических реформ», когда правящая элита СССР, в конечном счете, потеряла не только власть и собственность, контроль над институтами государства и общества, но и даже была вынуждена отказаться от своей идеологии, системы ценностей и государства. Развал СССР и ОВД стал, в конечном счете, следствием смены правящей элиты, которая произошла под прямым внешним политико-идеологическим давлением[8], а также тем внутриполитическим кризисом, который искусственно создали А. Яковлев и М. Горбачев. Процесс вытеснения прежней элиты, начатый М. Горбачевым весной 1985 года,

---

[7] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 11–24.

[8] *Подберезкина А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

фактически не останавливался весь период его правления, но достиг своего апогея в 1987–1988 годах, когда критическая масса прежней номенклатуры была отстранена разными способами от власти.

Этому в немалой степени способствовали внешние факторы — объективные, в форме внешней угрозы и «мирового общественного мнения» и субъективные — роли А. Горбачева и А. Яковлева, вытеснивших старую номенклатуру (Примаков, Черняев, Шахназаров и др.).

Исключительная по значению субъективная роль правящей элиты в политике в XXI веке объясняется самим фактом ее расположения, ее центральным местом в политическом процессе — в самом прямом смысле этого слова. Надо признать, что это место правящей элиты в политическом процессе традиционно: во все века вождь (император, царь и т.п.) определял не только конечные политические цели, но и стратегию и распределение ресурсов, исходя из той системы ценностей и интересов, которые он понимал и разделял. И задача принуждения этого вождя, либо его ликвидации, стояла всегда. Ее решение обеспечивало более быструю и «дешевую» победу, чем разгром армий противника и прочие результаты ведения военных действий. Но проблема заключалась в том, что в течение всей истории было придумано множество средств физической защиты лидера, которые сделали этот наиболее эффективный способ труднодостижимым. Достаточно привести примеры с обеспечением безопасности И. Сталина, А. Гитлера или Ф. Кастро, которым десятилетиями удавалось избегать покушений. А, кроме того, смена вождя не всегда гарантировала смену политического курса.

Наконец, у правящей элиты в XX–XXI веках появились новые средства и способы влияния на все группы факторов формирования политического процесса.

1.1. Общие черты современного этапа военной политики Российской Федерации (1991–2016 гг.)

У правительства США нет большей ответственности, чем защита американцев[9]
Стратегия национальной безопасности США, 2015

В настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире[10]
Стратегия национальной безопасности РФ

Военная политика, как часть политики обеспечения безопасности государства, является следствием, конечным результатом воздействия и влияния множества объективных и субъективных факторов. В этом смысле военная политика является политической практикой, наукой и искусством, а иногда даже находится под сильным влиянием религиозных представлений и иррациональных факторов[11]. Так, состояние и развитие вооруженных сил, вооружений и военной техники того или иного государства, например, зависит не только от целого ряда хорошо известных факторов — экономических, финансовых, научно-технических, организационных и пр., — но и от менее известных, среди которых исключительно важное значение имеют международные и военно-политические факторы. Прежде всего, это те политические цели, которые ставит перед собой правящая элита[12] страны, и то реальное место и значение, которое она определяет в своей политике военной силе и военной организации своего государства.

---

9 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 7.

10 *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

11 См. подробнее о роли иррациональных факторов в политике: *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 249.

12 **Правящая элита** — *зд.* достаточно узкий социальный слой общества, реально управляющий политикой страны. В России, по оценкам автора, можно говорить о 3–4 тысячах лиц, составляющих правящую элиту страны.

1.1.а). Периодизация современного этапа военной политики России

Вклад России в борьбу с сетевыми структурами исламского терроризма … можно рассматривать как своеобразный экзамен на роль шерифа Большой Евразии[13]
Д. Ефременко, политолог

За короткий этап в 25 лет военная политика СССР–России прошла путь от уничтожения ВС и их развала до возвращения России статуса великой державы.

На состоявшемся в декабре 2016 года расширенном заседании коллегии Минобороны Верховный главнокомандующий Владимир Путин заявил, что в настоящее время Россия превосходит любого потенциального противника по военному могуществу. Но при этом было отмечено, что «расслабляться не стоит», — чтобы ситуация не изменилась.

На сегодняшний день доля современных вооружений в ядерных силах РФ достигла 60%. А оснащенность частей постоянной готовности современным оружием, уточнил генерал армии Сергей Шойгу, вышла на рубеж 58,3%. Как отметил Сергей Шойгу, 99% пусковых установок полностью боеготовы, а 96% — можно пустить в ход немедленно, что свидетельствует: стратегические ядерные силы страны готовы обеспечить ядерное сдерживание — то есть нанести удар возмездия. К тому же российский ядерный потенциал ритмично обновляется. Только в текущем году РВСН получили 41 новую баллистическую ракету — на боевое дежурство заступили 4 ракетных полка, оснащенных комплексом «ЯРС».

Столько же полков, оснащенных новейшими системами ПВО С-400, получили и Воздушно-космические силы (ВКС), а авиационный парк ВКС пополнился 139 современными самолетами. Кроме того, генерал Шойгу сообщил об успешном завершении госиспытания 3 новых радаров «Воронеж». В 2017 году они заступят на боевое дежурство.

---

[13] *Ефременко Д.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике, 2016. Ноябрь–декабрь. — №6. — С. 44.

Уровень оснащенности Сухопутных войск (СВ) современным вооружением, по его словам, составил 42%. За год в СВ были сформированы 9 соединений, в том числе 4 мотострелковые и 1 танковая дивизия. В войска поступило 2930 новых и модернизированных образцов вооружения. Это позволило переоснастить еще 2 ракетные бригады, 2 зенитно-ракетные бригады и 2 зенитно-ракетных полка, а также бригаду специального назначения, 12 мотострелковых и танковых батальонов, 3 артиллерийских дивизиона. Отдельной строкой в докладе министра обороны отмечено, что на сегодняшний день решена проблема с беспилотниками. В распоряжении Вооруженных сил их около 2 тыс., а количество вылетов БПЛА по сравнению с прошлым годом выросло в 1,5 раза[14].

Но самое полное представление о том, кто какие планы вынашивает, дает отчет о военных расходах. Не секрет, что НАТО волевым порядком увеличило военный бюджет стран альянса на 26 млрд долл., который вырос до 918 млрд. Оборонный бюджет России в долларовом исчислении в 20 раз меньше — 45,9 млрд. Поэтому воевать только числом с потенциальным противником у нас никак не получится. И в Сирии наглядно доказано, что Российская армия располагает значительными боевыми возможностями.

По данным министра обороны Сергея Шойгу, российские ВКС совершили в Сирии около 19 тыс. вылетов, уничтожив 35 тыс. боевиков и 1,5 тыс. единиц техники. Ликвидированы 725 тренировочных лагерей, 405 заводов и мастерских по производству боеприпасов, было изъято у бандформирований 448 танков и других боевых бронированных машин, 57 систем реактивного залпового огня, 418 самодельных реактивных систем залпового огня, 410 минометов и более 28 тыс. единиц стрелкового оружия. А российские специалисты Международного противоминного центра ВС РФ обезвредили почти 27 тыс. взрывоопасных предметов. Как известно, у западной коалиции результаты несопоставимо скромнее[15].

---

[14] *Одноколенко О.* Путин приказал: «Не расслабляться!» // Независимая газета. 2016. 22 декабря / http://www.ng.ru/armies/2016–12–22/2_6893_putin.html

[15] Там же.

История развития СССР и России в 1985–2016 годы является яркой иллюстрацией положения о доминировании политики и ее целей. В зависимости от отношения правящей элиты СССР и России к месту, значению и роли военной силы в обеспечении безопасности страны и союзников можно выделить следующие отдельные этапы всего периода 1991–2016 годов, который можно назвать «периодом постоянного реформирования» институтов обеспечения безопасности СССР и России. Учитывая, что военную политику России можно условно разделить на три основные части — военную науку, военное строительство и военное искусство — можно (только в целях большей наглядности) попытаться рассмотреть ее состояние на всех этапах этого периода, используя вполне субъективный критерий эффективности каждой из этих частей по шкале от 1 до 10 (Таблица 3.).

1985–1987 гг. — этап продолжения традиционной политики обеспечения безопасности, основанной на сохранении военно-стратегического равновесия и активном использовании силовых институтов, включая военные, одновременно пытаясь переосмыслить характер и суть международной и военно-политической обстановки в мире и в СССР. На этом этапе М. Горбачевым и его ближайшим окружением уже готовилась идеологическая основа для будущей военной политики СССР.

1987–1991 гг. — этап постепенного сознательного отказа правящий элиты СССР от обеспечения национальной безопасности силовыми средствами, дезорганизация и развал ОВД и ВС СССР. Эти два этапа можно охарактеризовать как время субъективной неадекватности правящей советской элиты в оценке и прогнозе развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО). Что и доказало последующее развитие событий. В первом случае, на первом этапе, как консервативно-инерционная неадекватность, а на втором — как авантюристично-романтическая. Случилось то, что не так уж, редко случается в политике, включая военную политику: малоопытная и непрофессиональная правящая часть элиты навязала свою волю и представления всему правящему классу, на короткое время, которого хватило для трагического конца. «В результате, смены идеологической парадигмы советской внешней политики — как отмечают авторы фундаментальной работы по истории международных отношений, — оказались демон-

Таблица 3. Оценка эффективности реформирования военной политики

период 1985–1987 гг.	военная наука	стагнация 3–4 балла
	военное строительство	инерция 4–5 баллов
	военное искусство	развитие на основе опыта войны в Афганистане 5–7 баллов

Итог: В 1985–1987 гг. СССР сохранял наиболее эффективно ВС, имеющие опыт войны и подконтрольную коалицию.

период 1987–1991 гг.	военная наука	стагнация 2–3 балла
	военное строительство	серьезные трудности, кризис 1–2 балла
	военное искусство	развитие на основе опыта войны в Афганистане 5–7 баллов

Итог: Кризис военной организации и ОПК.

период 1991–2000 гг.	военная наука	деградация 0–1 балл (период на уровень личностей)
	военное строительство	кризис, самоуничтожение 0–1 балл
	военное искусство	Опыт участия в КТО и локальных конфликтах 2–3 балла

Итог: Кризис, который привел к 2000 году к фактическому уничтожению военной организации России и ОПК.

период 2000–2012 гг.	военная наука	деградация переходит в стадию реанимация 2–3 балла
	военное строительство	из стадии самоуничтожения переход в стадию оживления 3–4 балла
	военное искусство	стагнация 4–5 баллов

Итог: ВС и ОПК перешли из состояния деградации в состояние медленной ремиссии.

период 2012–2016 гг.	военная наука	медленно оживает 4–5 баллов
	военное строительство	экстенсивно развивается 8–9 баллов
	военное искусство	использует опыт Сирии и Украины 6–7 баллов

Итог: происходит процесс ремиссии, когда быстро восстанавливается советский опыт и активы и появляются очаги собственно российского опыта.

Таблица 4. Среднесрочный прогноз развития военной политики

период 2017–2020 гг.	военная наука	оживает, приспосабливаясь к новым потребностям 4–5 баллов
	военное строительство	продолжает развиваться, сдерживаясь финансово-бюджетными ограничениями 6–7 баллов
	военное искусство	достаточно быстро развивается на основе опыта Украины и Сирии 6–8 баллов

Итог: вариант №1: при отсутствии обострения ВПО темпы развития военной политики России в 2017–2020 гг. будут высокими;

вариант №2: при развитии неблагоприятного сценария МО и ВПО развитие военной политики будет революционно ускорено.

тированы все те несущие конструкции, которые составляли основу биполярной системы мироустройства»[16].

Третий этап, 1991–2000 гг. — период неизбежной быстрой «деградации» ВС как следствие предыдущей политики с помощью мнимых реформ, которые привели страну к фактической потере своей военной мощи в условиях явного обострения МО и ВПО. В результате, с военно-политической точки зрения, к началу века Россия фактически перестала быть суверенным государством, а контроль над ее внешней и внутренней политикой со стороны федерального центра стал практически номинальным. Очень важно подчеркнуть, что в этот период начался процесс национальной и государственной самоидентификации, продолжающийся и сегодня. Учитывая, что военная политика является следствием политики (внутренний и внешней) и результатом социально-экономического развития, необходимо признать, что все радикальные изменения в этих областях, ошибки и преступления не могли не отразиться на военной политике, которая (может быть в еще более тяжелой форме) испытывала на себе все ошибки правящей элиты[17]. Так, отказ от восприятия внешних угроз и опасностей вообще, и со стороны Запада, в частности не могло не привести в 90-е годы XX века к откровенному игнорированию потребностей вооруженных сил и ОПК, т.е. именно политические оценки, ошибки и преступления правящей элиты российской элиты являются главной причиной развала военной организации России к концу 1990-х годов.

К сожалению, политические провалы и преступления, отразившиеся на военной политике России, не осознаны до конца сегодня. К этому периоду можно отнести оценку, данную В. Сизовым: «Задача повышения эффективности военной политики является для России крайне актуальной, так как при использовании военной силы для обеспечения своих национальных интересов она может рассчитывать практически только на собственные ресурсы. Поэтому Россия заинтересована в обеспечении мирной обстановки вдоль своих границ. На западе и востоке у границ России располагают-

[16] История международных отношений: В трех томах: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 512.

[17] *Тимофеев И.* Российская идентичность. От Большой Европы к Большой Евразии / Эл. ресурс: «РСМД». 2016. 8 июня / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7900#top-content

ся два субъекта международных отношений с мощным военным потенциалом (НАТО и Китай), на юге — очаги потенциальных конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии. Следовательно, военная реформа нуждается в целенаправленной политической и дипломатической поддержке, в том числе и через налаживание взаимовыгодного международного военного сотрудничества»[18].

К концу 1990-х годов в целом закончился период «романтического отношения» правящей элиты России к обеспечению национальной безопасности и была начата (медленно и неуклюже) теоретическая разработка проблем обеспечения национальной безопасности и использования военной силы. К сожалению, поздно и не вполне адекватно, что показал крайне неудачный первый вариант Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденный в 1997 году[19], а также ряд последующих нормативных документов.

Тем не менее «процесс пошел». Новая, более реалистическая редакция Концепции национальной безопасности была утверждена Указом Президента страны от 17 декабря 2000 года[20]. В дальнейшем были разработаны новые важные документы, определявшие конкретные направления деятельности по обеспечению безопасности России, составившие в своей совокупности взаимоувязанную систему взглядов на обеспечение национальной безопасности: «Военная доктрина Российской Федерации» (2000 г.), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2000 г.), «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (2000 г.), «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года» (2001 г.), «Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года» (2001 г.), «Основы политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (2001 г.) и ряд других. В результате активной и напряженной работы был создан минимальный необходимый

---

18 *Сизов В. Ю.* Военная политика и военная безопасность России. 2010. — №2 / http://www.rusus.ru/print.php?id=191

19 Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 1997. — 26 декабря.

20 Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 2000. — 18 января.

и относительно обоснованный теоретический и политический фундамент для практической деятельности по обеспечению национальной безопасности России и ее военной политики в XXI веке[21].

В указанных выше и последующих документах[22] национальная безопасность России, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства определяются, с одной стороны, местом и ролью России в постоянно развивающейся системе международных отношений, а с другой — внутренней социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране. При этом факторы, оказывающие влияние на состояние безопасности страны, рассматриваются до сегодняшнего дня как неоднозначные, носящие в ряде случаев противоречивый характер[23].

За последнее десятилетие в российском обществе и правящей элите коренным образом изменился взгляд на источники угроз и опасностей для России. Долгое время в нашей стране под национальной безопасностью понималось только сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, обеспечение его дееспособности перед лицом угрозы применения вооруженной силы со стороны других субъектов международных отношений. Отчасти это положение осталось и позже, хотя акценты постоянно менялись — от игнорирования внешних опасностей до придания им приоритетного значения. В соответствии с изменением таких оценок на разных этапах периода «постоянного реформирования» военной политики[24].

Под влиянием самых различных — факторов от «демократизации» до оценки МО и ВПО, внешняя угроза порой отходила на второй план не только в практической политике, но и в теории, что нашло свое отражение в концептуальных документах

---

[21] Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец, А. А. Казанцев, В. П. Козин, А. А. Орлов. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 44 с.

[22] См. подробнее: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 33–78.

[23] Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 723.

[24] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 44–56.

2000–2010 годов. Позже произошла новая переоценка приоритетности внешних опасностей и военных угроз. Так, опыт применения в 2015–2016 годах российского оружия в Сирии стал предметом специально рассмотрения на совещании внешнего руководства МО. Причем не только серийного ВВСТ, но и будущего — от сухопутного, стрелкового и бронетанкового до ВКС нового поколения[25].

Все эти «зигзаги», естественно находили и нашли свое отражение в военной политике РФ в этот период.

В целом важно понимать, что не только по своей сути, но и с точки зрения законодательства и нормативных положений управления военная политика является следствием внешней и внутренней политики государства, что отражение в соответствующих ФЗ Указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ. Она конкретизируется, прежде всего, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а также Военной доктрине, Морской доктрине, Федеральном бюджете России и целом ряде других, в т.ч. секретных документов[26].

Следует признать, что нередко эти документы и практическая политика оказываются не просто противоречивыми, но и откровенно вредными для обороноспособности страны. Как правило, это происходит (как в период руководства Минобороны РФ А. Сердюковым) из-за непрофессионализма. Так, именно в эти годы была фактически уничтожена военная наука, система технического обеспечения, медицинская служба и многое другое[27].

В настоящее время мы наблюдаем, что за последние 30 лет политика безопасности и военная политика России претерпели радикальные изменения, которые требуется оценить, как минимум, под разными углами зрения — политическим, экономическим, социальным и собственно военным. Отказ, в свое время, от баз за рубежом (на Кубе, во Вьетнаме, Египте и др. странах) очевидно, признается ошибкой, сделанной под влиянием политических и эко-

---

[25] *Давлетшин Р.* Эффективность применения российского оружия в Сирии требует особого анализа / Взгляд, 2016. 6 октября / http://vz.ru/society/

[26] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 39–56.

[27] *Маев С.* Под знаменем ремонта / Эл. ресурс: «Оружие России», 2016. 3 октября / http://www.arms-expo.ru/analytics/vooruzhennye-sily/sergey-maev-pod-znamenem-remonta/

номических соображений, но требующей исправления. Неслучайно в 2016 году не только был подписан договор о базе ВВС в Хмеймим, но и намечается аналогичный договор в отношении базы ВМФ в Тарусе, а также рассматривается вопрос о возвращении базы на Кубе, во Вьетнаме и в Египте (Сиди-Баррани).

Особенно важное значение в условиях радикальных изменений в политике приобретают теоретические и методологические исследования базовых проблем безопасности и военной политики, без которых собственно историческая и военно-техническая стороны во многом теряют свое практическое значение и актуальность. Ясно, что в 2015–2016 годах ВПО в мире перешла из состояния «напряженность» в состояние «конфликтность», которое характеризуется очень быстрыми и непредсказуемыми изменениями, которые нередко обладают инерцией и внутренней логикой, не зависящей уже нередко от политики, проводимой элитами.

В истории человечества, в том числе и современной, было немало примеров, когда войны начинались «случайно», иногда по самым нелепым поводам: 100-дневная «футбольная» война Сальвадора и Гондураса; «пирожная война» 1838 года между Францией и Мессиной; «свиная война» 1859 года между США и Канадой и т.д. Сегодня такие поводы уже поставлены на поток — от спортивных соревнований до соревнований в политической риторике, что делает военный конфликт все более неизбежным.

Тем не менее, именно в начале XXI века вновь популярной среди политиков, философов и политологов стала «проблема войны», — ее сути, характера и особенностей. В данном примере можно лишь проиллюстрировать наиболее однозначные поводы для войн, которые запомнились в истории человечества[28].

Из истории войн

1. Самая забытая война — Война Берика с Россией

Берик-Апон-Туид это небольшой город на границе между Англией и Шотландией, на берегу Северного Моря. Некогда в средние

[28] Из истории войн: Хочу все знать Newsland / https://newsland.com/community/7888/content/iz-istorii-voin/5499725

века он был важным портом и яблоком раздора между Английским и Шотландским королевствами. В конечном итоге аргументы (в виде численного и технического военного превосходства) английской стороны оказались более убедительными и король Шотландии согласился передать Берик английскому королю, при условии, однако, что город не станет частью Английского королевства. Тем самым Берик получил уникальный статус автономии и отдельное упоминание как в титулатуре английских королей, так и в официальных международных документах, издававшихся от имени Соединённого Королевства.

В частности, Крымская Война в 1854 году была объявлена России королевой Викторией от имени «Англии, Шотландии и города Берик». А при заключении мира несколькими годами позже город Берик упомянуть забыли.

Тем самым гордый город Берик находился в состоянии войны с Россией (позже с СССР) вплоть до 1965 года, т.е. 111 лет. В 1965 году посол СССР в Великобритании и мер города Берик подписали, наконец, мирный договор. Однако в правомочности договора имеются сомнения, поскольку мер города Берлик не является полномочным правопреемником королевы Виктории.

2. Самая дурацкая война — Война Внешней Бальдонии с СССР

В 1940 году один из менеджеров фирмы Пепси-Кола по имени Рассел Арандел купил за 750 долларов остров Бальд площадью 1,5 га из группы Островов Таскет у атлантического берега Канады. Он назвал его княжеством Внешняя Бальдония, издал конституцию и стал главой нового государства. Гражданином мог стать каждый, кто за 50 долларов купил бы лицензию на рыбную ловлю в территориальных водах княжества. К 1947 году количество подданных достигло 70 человек.

Конституция была написана в духе такого экстремального эгоизма, что в 1953 году она удостоилась внимания «Литературной Газеты», которая подвергла её критике. В ответ 9 марта 1953 года Княжество Внешняя Бальдония объявило войну Советскому Союзу. Союзный княжеству яхтклуб Армдейл вывел свой флот в открытое море навстречу боевой славе, которую он, правда так и не стяжал, поскольку советское правительство ограничилось небольшой компанией в средствах массовой информации.

В 1970 году Рассел Арандел продал свою родину Канаде за 1 доллар. Конституция княжества Внешняя Бальдония до сих пор хранится в краеведческом музее округа Ярмут.

3. Самая смешная война — Война Раковинной Республики с США

В 1980 году власти США установили на дороге, связывающей острова Ки-Уест с остальной Флоридой контрольный пост на предмет обнаружения контрабанды наркотиков. Понемногу контрольный пост вырос в настоящий контрольно-пропускной пункт таможни со шлагбаумами, где досмотру подвергались все машины поголовно, в обоих направлениях. В конечном итоге мер города Ки-Уест решил, что США отделились от подведомственной ему территории и установили нормальный пограничный пост. Тем самым он посчитал себя вправе объявить острова Ки-Уест независимой республикой под названием Республика Раковины (Conch Republic), что он и сделал 23 апреля 1982 года. В рамках церемонии объявления независимости он заодно объявил США войну, совершив акт нападения на военнослужащего армии США. Собственно, он взял буханку хлеба и шмякнул ею об одетую в каску голову какого-то морского пехотинца. На следующий день мер объявил о капитуляции Республики и запросил 1 миллиард долларов гуманитарной помощи для ликвидации последствий войны.

Все это наводит на размышления о роли алкоголя в военной истории. Сколько я знаю, эти события легли в основу известного в свое время анекдота.

4. Самая мирная война — Война Остров Силли с Голландией

Обретшие независимость в войне с Испанией Нидерланды поддерживали всех врагов последней и, в частности, Англию. Голландцам было, в общем, то, всё равно, кто там, в Англии правит, лишь бы те находились в конфликте с Испанией. Что, в общем, не было так, уж трудно, учитывая англо-испанские отношения. Сначала голландцы имели дело с монархией, но когда случилась революция и королю отрубили голову, республиканские Нидерланды встали на сторону Кромвеля без всяких колебаний. Острова Силли, которые находятся около западной конечности Корнуолла, были последним

убежищем побеждённых роялистов. Они были (и частично остаются до сих пор) частным феодальным владением, обладавшим (и обладающим до сих пор) известной автономией от Соединённого Королевства. Хотя революционерам удалось победить на суше, королевский флот в значительной части остался в руках роялистов, укрывшись в бухтах островов Силли. Так что Кромвель обратился за помощью к голландцам и те в 1651 году объявили Островам Силли войну и устроили морскую блокаду, пока англичане готовили десант, который вынудил роялистов сдаться. Голландцы не сделали ни одного выстрела.

Дальнейшие события похоронили эпизод в пучинах забвения, пока в 1985 году запрос одного энтузиаста в голландское посольство не вскрыл факт, что война все ещё продолжается. Так что в 1986 посол Нидерландов в Великобритании совершил приятную экскурсию на живописные острова Силли, в ходе которой и был подписан мирный договор, завершивший 335 летнюю войну.

5. Самая Футбольная Война — Война Сальвадора с Гондурасом

В рамках отборочного турнира чемпионата мира по футболу 1970 года на каждом этапе предусматривалось проводить 2 матча, а если в каждом выиграет другая команда, то назначать третий. В одном из этапов должно было решиться дальнейшее участие в турнире Сальвадора или Гондураса. На карту была поставлена честь двух великих наций. Первый матч состоялся в столице Гондураса и Сальвадор проиграл. Настроение было таково, что одна из фанаток сборной Сальвадора (странно, что только одна) публично застрелилась с криком, что не может пережить такого позора своей страны. В ответном матче в Сальвадоре проиграли гондурасцы, причиной чему, возможно, стали нападения толпы на сборную Гондураса.

24 июня 1969 года правительство Сальвадора, вняв гласу народа, объявило мобилизацию армии с целью защитить национальную гордость любыми средствами. Двумя днями позже правительство Гондураса, стремясь отстоять спортивную честь своей страны, разумеется, сделало тоже самое. Немного перефразируя Клаузевица — война как продолжение спортивных соревнований другими средствами.

После поражения в третьем матче Гондурас решил, что с него достаточно и перешёл от неорганизованного мордобоя к регулярным военным действиям.

Скольких именно жизней это все стоило, сказать трудно. Непосредственные потери в боях составили несколько тысяч (цифра крайне неточна). Сюда нужно добавить погибших в беспорядках до и после военных действий. Но главное, в обеих странах в конечном итоге это привело к власти военные хунты, правление которых, а так, же последовавшие за их падением гражданские войны в обеих странах вылились в неисчислимые жертвы и страшную разруху хозяйства.

6. Самая длинная война — Третья Пуническая

Третья Пуническая война была официально объявлена в 149 году до нашей эры. Она закончилась штурмом, полным разрушением Карфагена и почти поголовной продажей, в рабство оставшихся в живых. Т.е. мирный договор заключать было не с кем.

Шло время, сменялись правители, политические субъекты, народонаселение, культуры и языки. Однако состояние войны формально продолжало существовать. Пока, наконец, в 1985 году Уго Ветере, мер Рима, и Чедли Халеби, мер Карфагена, ныне автономного района города Тунис, не подписали мирный договор, положивший формальный конец самой длинной, длившейся 2100 лет войне.

7. Самая беспричинная война — Война между Францией и Мексикой

В 1838 году владелец французской кондитерской в Мехико по имени Ремонтель обратился к королю Франции Луи Филиппу за защитой, потому что 10 годами ранее, в 1828, во время городских беспорядков какие-то негодяи в военной форме вломились в его заведение и сожрали все пирожные. Память об этом очевидно не давала французу покоя годами, пока он изготавливал торты на заказ. Франция потребовала выплаты компенсации за пирожные в размере 600 000 песо, сумму, на которую можно было бы залить улицы исторической части Мехико заварным кремом.

В ответ Мексика заморозила выплату долгов по французским кредитам. В свою очередь король Луи Филипп посчитал себя обязанным объявить Мексике войну и послать флот для блокады мек-

сиканских портов на атлантическом побережье. Мексиканцы стали осуществлять транспортные операции через порты независимой в то время Республики Техас, что привело Францию к конфликту и с ней. С типичным энтузиазмом, который в случае драки и скандала до сих пор превращает зрителей в участников, в кучу-малу уже вмешались США на стороне Франции, когда все-таки наступило протрезвление. Блокада была снята, Мексика продолжила выплату долгов, а кондитерская продолжила свою разрушительную для сахарного баланса деятельность.

8. Самая надуманная война — конфликт между Германией и Марокко

Идея защиты собственных подданных на чужой территории была с радостью подхвачена агрессорами всех мастей, но Германской Империи в 1911 году удалось довести её до абсурда. Как известно, Германия, опоздавшая к разделу мира на колонии, страстно мечтала исправить положение и, в частности, желала заполучить марокканский порт Агадир, ворота в Африку ещё с античных времён. Но в 1911 году уже нельзя было просто приплыть, воткнуть крест и объявить все собственностью немецкой монархии. Нужен был повод, и защита подданных казалась самым подходящим, что бы послать крейсер, вооружённый крупнокалиберными пушками фирмы Крупп. Закавыка, однако, заключалась в том, что в Агадире случайно не оказалось немецких подданных. Но такие мелочи не должны мешать планам Генерального Штаба! После усиленных поисков во всем Марокко нашёлся один единственный немецко-подданный, по фамилии Вильберг, который работал инженером на шахте в 3 днях пути от Агадира. Инженеру была выслана телеграмма, извещавшая, что он находится под угрозой, нуждается в защите и потому должен прибыть в Агадир. Инженер счёл это глупым розыгрышем, и понадобилось ещё 2 телеграммы, прежде чем он все-таки решил съездить и разобраться, в чем дело. Когда он прибыл в Агадир, германская канонерская лодка уже три дня как находилась посреди акватории порта, защищая несчастного Вильберга от ужасных опасностей. Прибыв в город, немецко-подданный обнаружил, что связаться с защищающим его крейсером невозможно, поскольку тот находится в состоянии боевой готовности и обещает стрелять в каждого, кто к нему

приблизится. Сначала Вильберг просто бегал по причалу, пытаясь привлечь к себе внимание корабля, а когда это не помогло, пошёл к журналистам. И только тогда, когда вся история была опубликована и вся Европа смеялась, из Берлина пришла радиограмма, что один из людей на пристани это как раз тот, кого нужно защищать. Единственного немца в Марокко забрали на борт и отвезли в Германию за государственный счёт.

9. Самая свинская война — конфликт между Великобританией и США

Когда США объявили независимость, Канады ещё не было, а было нормальное владение Британской Империи. Договор, который определял прохождение границы, как это часто бывает в подобных случаях, допускал разночтения. В частности это касалось проливов между островами в районе Ванкувера, где было не ясно, кому принадлежит небольшой островок Сан-Хуан — США или Великобритании. Это не мешало людям выращивать на острове картошку и разводить свиней. Не мешало, пока 15 июня 1859 года свинья британского подданного ирландского происхождения в очередной раз не сожрала картошку американского гражданина, тоже ирландского происхождения. Британский ирландец предложил в компенсацию разрытых грядок с картошкой 10 долларов. Американский ирландец потребовал 100, на ответ на что британский ирландец послал американского туда, куда святой Патрик свиней не гонял. Чаша ирландского терпения переполнилась. Британский ирландец потребовал от британских властей арестовать американца, а американский ирландец потребовал защиты.

Американский комендант послал на мирный до того остров Сан-Хуан роту солдат с приказом помешать выдаче американского гражданина британским властям. Английский губернатор в свою очередь послал 3 корабля. Началась военная эскалация и в конечном итоге 450 военнослужащих и 14 пушек армии США смотрели со своих укреплённых позиций через прицелы на британскую эскадру из 5 кораблей с 2000 человек и 170 пушек на борту. Надо отдать должное, что именно солдаты и офицеры, как в окопах, так и на палубах, посчитали верхом идиотизма отдавать свои жизни за сожранную соседской свиньёй картошку и раз за разом отказывались выполнять приказы открыть огонь. В более высоких инстанциях,

как в Британии, так и в Америке от действий местных кабинетных вояк пришли в ужас и приказали вступить на путь дипломатии. Сначала договорились о совместной оккупации острова и ограничении военного контингента по 100 человек с каждой стороны. Так что на севере острова расположился британский лагерь, а на южной американский. Такая патовая ситуация продолжалась 12 лет, пока американцы и англичане, отчаявшись найти решение сами, не решили обратиться к первому встречному. Первым встречным оказался германский император Вильгельм 2, который решил, что остров должен принадлежать Америке. Больше никто никакой пользы из этого не извлёк. Свинья к этому времени уже давно была забита и съедена. И я сильно сомневаюсь, что бы хоть один ирландец поделился бы картошкой с германским императором задаром.

10. Самая собачья война

И ещё одна история о том, как животное стало «яблоком раздора». В 1925 году на границе между Грецией и Болгарией произошло серьёзное вооружённое столкновение. Эти страны когда-то были союзниками, но потом между ними начался спор за владение Македонией. В результате в Первой мировой войне Греция воевала на стороне Антанты, а Болгария присоединилась к Германии, Турции и Австро-Венгрии.

Поражение в войне не сделало болгар более дружелюбными по отношению к грекам.

А вот греки на пограничной заставе в районе города Петрич были, напротив, весьма дружелюбными. Одному из них, например, захотелось погладить бродячую собаку. Но та побежала прочь и, вместе со своим преследователем, пересекла болгарскую границу. Болгарские пограничники открыли огонь, и грек получил смертельное ранение.

Через несколько дней границу пересекли уже греческие войска. Без объявления войны они заняли несколько болгарских сел. Болгарская сторона начала стягивать войска к границе и строить оборонительные сооружения…

Только своевременное вмешательство Лиги Наций, аналога современной ООН, спасло Балканский полуостров от новой войны. Оказывается, собака на границе — не всегда верный друг и помощник солдата.

11. Самая пустопорожняя война

Говорят, встретить женщину с пустыми вёдрами к несчастью. Ну, не знаю. Встретить солдата с пустым ведром ещё хуже.

В 1325 году служил в итальянском городе Болонья бравый кавалерист. Вернее, недостаточно бравый — в один прекрасный день он решил покинуть место службы и отправиться в город Модену (надо заметить, в то время многие итальянские города были самостоятельными микрогосударствами). Для того чтобы поить коня, болонец прихватил с собой деревянное ведро.

Через некоторое время возмущённые соотечественники дезертира обратились к моденцам. Они требовали вернуть… казённое деревянное ведро. Жители Модены никак не отреагировали на абсурдную просьбу, после чего Болонья отправила войско к зазнавшимся соседям.

Война продолжалась 22 года, потери обеих сторон составляли сотни человек. В итоге злосчастное ведро Болонье так и не вернула — она проиграла этот конфликт.

12. Самая прочая война

В 1653 г. Швеция и Речь Посполитая должны были подписать соглашение о дружбе и союзе. Когда шведский король прочитал договор, его возмутило, что после всех его титулов слова «и прочая» повторяются дважды, а после перечисления титулов польского короля — трижды.

В результате шведские дипломаты написали гневное письмо, поляки ответили, слово за слово — началась война 1655–1660 гг., победу в которой праздновала Швеция.

13. Самая дерьмовая война.

Гуано — ценность, от которой попахивает. Это разложившиеся естественным образом остатки помёта морских птиц и летучих мышей. Оно является важным удобрением, содержащим много фосфора и азота.

Залежи драгоценного помета встречаются на некоторых островах Тихого океана. Но крупнейшее «месторождение» гуано располагается в пустыне Атакама, то есть на тихоокеанском побережье Перу и Боливии. Их северному соседу Чили также хотелось поучаствовать в добыче и экспорте полезного ресурса, и в 1879 году чилийцы напали на Боливию.

Между Перу и Боливией существовал секретный договор о взаимопомощи. Но даже помощь союзника не спасла Боливию от сокрушительного поражения. Чилийцы имели огромное морское преимущество, это позволило им быстро завладеть всем побережьем, высадить десант и нанести удары по ряду боливийских городов.

В результате общие потери воюющих сторон убитыми и ранеными составили около 30 тысяч человек. Боливия потеряла выход к морю. А Чили приобрела сто тысяч квадратных километров береговой линии покрытой желанным помётом.

14. Война за ухо Дженкинса

В нашем обзоре нельзя обойти вниманием ещё один колониальный конфликт, который перерос в одно из крупнейших европейских противостояний XVIII века — Войну за австрийское наследство.

Испания в то время владела огромными территориями в Вест-Индии (то есть в Карибском бассейне). Но управление ими было налажено из рук вон плохо. Правда, колониальные товары поступали в Европу исправно. Британское правительство во главе с премьер-министром Робертом Уолполом считало, что проще и дешевле покупать сахар и какао у испанцев, чем пытаться вырвать у них господство в Вест-Индии и создавать там свою торговую систему.

Но однажды на заседание парламента (не без помощи оппозиции) явился капитан британского торгового судна Роберт Дженкинс. Он заявил, что испанские корабли грабят все суда, поднимающие британский флаг, отнимают у них груз и чинят обиды британским подданным.

В качестве доказательства он продемонстрировал стеклянную бутыль с заспиртованным ухом, которое отрезал ему испанский офицер. Ухо это он возил с собой уже семь лет, в надежде, что врачи сумеют пришить его обратно.

15. Война ульев

В 1830 г. американские штаты Миссури и Айова едва не объявили друг другу войну из-за неточных пограничных линий. Миссурийские сборщики налогов заявились в деревню, находившуюся под юрисдикцией Айовы, и потребовали выплат. Местные жители

послали их по известному адресу. Тогда налоговики спилили несколько деревьев, на которых висели ульи, и забрали весь мед.

Между штатами начался обмен грозными дипломатическими нотами, а вскоре и в Миссури, и в Айове началась мобилизация. Правда, правительствам штатов хватило ума не начинать войну из-за такого мелкого недоразумения, но сам дипломатический конфликт уже успел получить ироничное название «война ульев».

16. Война из-за удара опахалом

В 1827 г. посол Франции потребовал от правителя Алжира вернуть все долги и уплатить по ним проценты. Алжирский монарх начал горячиться, спорить и требовать отсрочку. В процессе дискуссии он легонько шлёпнул посла по лицу опахалом из страусиных перьев.

Тот оскорбился, но не стал реагировать на обиду. Зато через три года посол вспомнил этот эпизод, когда Франции понадобился повод для оккупации Алжира.

17. Самая страусиная война

В 1930 году австралийское правительство, измученное жалобами фермеров на страусов, осуществлявших набеги на поля с зерновыми, решило покончить с проблемой раз и навсегда и послало на борьбу со страусами вооружённых пулемётами солдат. Репортажи австралийских газет того времени читаются как сообщения с реального театра военных действий — где и какого размера отряды страусов замечены, что они намереваются предпринять и какие ответные действия осуществляются. Операция в целом проходила безуспешно, так что количество войск постоянно увеличивалось и размах военных действий, затрагивая все большие территории. Всего было предпринято три операции. Было затрачено огромное количество средств, сожжено масса горючего и выстрелены сотни тысяч патронов. Все с поразительно малыми результатами. В пересчёте на эти затраты убийство одного страуса обходилось дороже, чем смерть солдата противника во время Второй мировой войны. Никакие задачи военная операция в конечном итоге не решила и никакие проблемы не устранила. Набеги на поля продолжились, как ни в чем не бывало, поголовье страусов заметно не изменилось. По общему мнению, включая и мнение членов австралийского правительства, войну выиграли страусы.

18. Война из-за золотого стула.
Колонизация Золотого Берега (ныне Гана) Англией протекала, как и прочих местах, без особых проблем. Был изгнан какой-то там король, каких то там Ашанти и англичане стали располагаться как у себя дома. Пока генерал губернатор не прознал, что у ашанти имеется ни много ни мало как золотой трон, символ власти. И выразил желание на этот стул сесть. Что тут началось, описывать слишком долго. Народ ашанти восстал почти поголовно. Понадобилась посылка дополнительных войск, что бы подавить его. Но условием сдачи стало, что, ни одна белая задница не коснется священного стула. Договор соблюдается и поныне.

1.1.б). Фундаментальные изменения в политике безопасности и военной политике России в 1991–2016 годы

Один за другим (лидеры Европы. — *А. П.*,)
они приходили к выводу о том, что война для них
наиболее выгодный вариант[29]
Я. Моррис,
английский политолог

… в России официальная военная мысль
практически мертва…[30]
А. Владимиров,
эксперт

В 1985–2016 годы в политике безопасности в мире и в России (СССР) произошли настолько глубокие изменения, что они не могут быть охарактеризованы иначе как революционные перемены только в военной, технической или даже политической областях. Эти перемены затронули все области жизнедеятельности и имели общемировой, цивилизационный характер, сказались непосред-

[29] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 286.
[30] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. — С. 96.

ственно на всей МО и ВПО в мире. Это означает, что при анализе политики безопасности России, вообще, и военной политики[31], в частности, любого государства включая Российскую Федерацию, требуется исходить как из общепринятых, традиционных положений политической и военной науки, сложившихся до конца XX века, так и из оценки того качественно нового состояния человеческой цивилизации, проявившегося в том числе во внешней и военной политике всех государств, в последние десятилетия XX века и начала нынешнего столетия.

Это непростая диалектическая взаимосвязь «старого и нового» осложняется в еще большей степени, как минимум, тремя важнейшими обстоятельствами, имеющими даже не военное и стратегическое, а цивилизационное значение.

Во-первых, за 1990–2016 годы в мире произошли качественные и системные изменения, как в международной, так и в экономической и технологической областях. В результате исчезли не только некоторые прежние влиятельные субъекты и акторы мировой политики, но и появились новые. Вследствие этого радикально изменилось соотношение сил в мире, которое стало во многом определяться контролем со стороны западной локальной человеческой цивилизацией (ЛЧЦ) над созданными ею в XX веке финансово-экономической и военно-политической системами[32]. Мир стал преимущественно не только «однополярным», но и «односистемным». При этом некоторые «внесистемные» центры силы не только не исчезли, но и стали постепенно играть возрастающую роль, что (наравне с нарастающей агрессивностью западной ЛЧЦ) представляет, по мнению З. Бжезинского, «… наибольшую угрозу миру во всем мире, а международный порядок, учитывающий интересы разных цивилизаций, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны»[33].

---

[31] **Военная политика** — *зд.* часть политики безопасности, государства и нации, непосредственно отвечающая за подготовку и использование средств и способов вооруженного насилия.

[32] Впервые достаточно подробно об этом явлении рассказал в начале 90-х гг. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 11–44.

[33] *Бжезинский З.* Предисловие к книге / *С. Хантингтон.* Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 6.

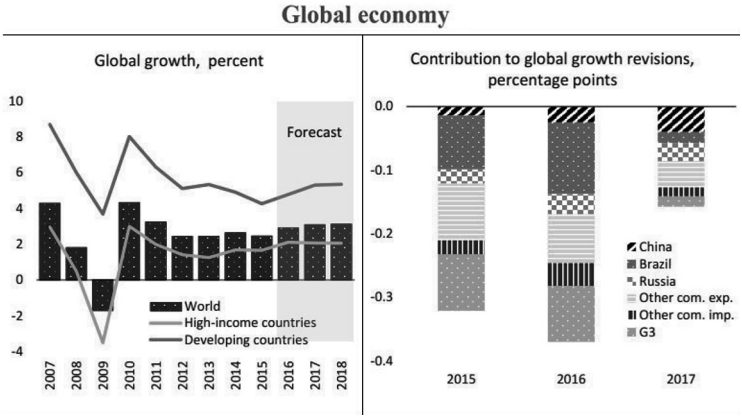

Рис. 1.[34]

Приходится признать, что это предупреждение З. Бжезинского, процитировавшего С. Хантингтона, — крайне своевременно и симптоматично: весь период 1990-х — 2000-х годов западная ЛЧЦ демонстрирует нарастающую угрозу именно от того, что она не хочет учитывать интересы других цивилизаций и государств, откровенно переделывает мировой порядок под свои представления.

Во-вторых, в военной области произошла военно-техническая революция, сопоставимая с революцией «моторов» 30-х — 40-х годов XX века, полностью изменившая не только критерии эффективности вооружений и военной и специальной техники (ВиВСТ), но и военное искусство, т.е. способы управления ими. Иными словами военная политика стала качественно иной, чем 30 лет назад, не избавив, однако, себя от субъективности и иррациональности, которые были ей всегда присуща. Как писал в свое время основатель Военной академии Генштаба России Жомини, «война — это великая драма, в которой действуют тысячи причин морального или физического порядка, которые нельзя

[34] Source: World Bank Global Economic Prospects, January 2016. Note: Contributions to global growth revisions measured in 2010 U.S. dollars. «Other com. exp.» stands for other commodity exporter, and excludes Russia, Brazil and South Africa; «Other com. imp.» stands for other commodity importers, and excludes China, India and G3 (Euro Area, Japan, and United States).

Рис. 2.[35] Культурные ценности как методолонический аспект геополитических противоречий и фальсификации истории

свести к математическим подсчетам…»[36]. Субъективность, иррациональность стали нормой поведения и одновременно средствами политико-информационного воздействия на мировую политику. Достаточно вспомнить «псакизмы» 2014–2015 годов или двойные стандарты Государственного департамента США.

Иными словами за 1990–2016 годы произошли качественные изменения, как в средствах, так и способах ведения боевых действий, что в решающей степени отразилось на внешней политике ведущих государств, предоставив им новые военно-иловые возможности, которыми они и воспользовались. Война западной коалиции против Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии — это война, прежде всего с помощью новых **средств**

[35] *Дербин Е. А.* Теоретические основы систем знаний о войне и обороне страны классификации знаний, их основного содержания и направленности дальнейших исследований. — М.: МГТУ, 2016. — С. 20.

[36] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 89.

(ВиВСТ) — крылатых ракет, высокоточного оружия и т.д. — и новыми способами, — как правило, нанесение высокоточных ударов, которые не всегда сопровождались участием сухопутных сил[37].

Надо сказать, что такое развитие ВС и ВВСТ в истории человечества вполне закономерно. Можно назвать несколько ключевых этапов в истории, когда происходили такие радикальные изменения (появление железа, пороха, моторов), которые качественно меняли характер войны. Известный военный теоретик И. Блиох писал в 1898 году: «В последние 25 лет произошли такие изменения в самом образе ведения военных действий, что будущая война в самых существенных условиях не будет похожа на предшествовавшие», а великий русский теоретик А. Свечин писал в 1926 году, что «… и гений не в силах предусмотреть, как фактически развернется война»[38].

Наконец, **в-третьих**, в СССР и России также в целом ряде других стран, произошли революционные социально-политические изменения, которые самым радикальным, даже принципиальным, образом отразились на всей как на международной и военно-политической обстановке (МО и ВПО), так и на военной организации СССР и России. Исчез не только самостоятельный и влиятельный в мире военно-политический центр силы в лице ОВД и СССР, но Россия после развала СССР на какое-то время даже потеряла свою военную субъектность, превратилась во второстепенное по своему военному значению государство, имеющее даже не региональное, а «местное» значение для мировой политики.

В этой связи необходимо рассмотреть военную политику и военную доктрину Российской Федерации в эти годы под углом зрения как традиционно сложившихся, «классических», не утративших свою актуальность, так и новых теоретических представлений, которые еще очень далеки от завершения и совершенства[39].

---

[37] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 45–63.

[38] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

[39] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 29–56.

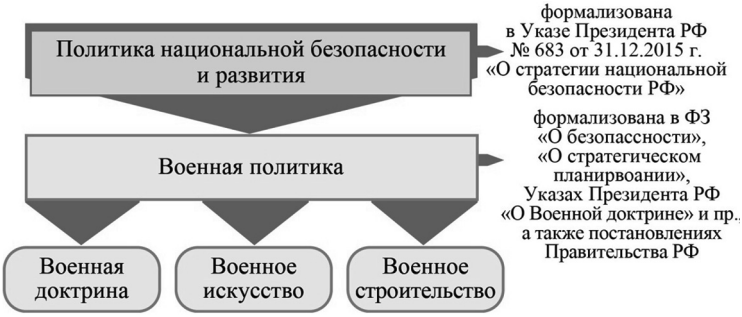

Рис. 3.

Прежде всего, рассмотрим традиционное определение военной политики, которое в целом достаточно объективно, хотя для XXI века уже слишком абстрактно: «Военная политика — составная часть общегосударственной политики, отвечающая за создание военной организации государства, а также за организацию, развитие и применение средств вооруженного насилия для достижения политических целей»[40]. Военная политика, как часть политики безопасности, конкретизируется в военной доктрине, стратегии и практике военного строительства. На рисунке эту структуру и взаимосвязь составных частей военной политики можно показать следующим образом: рис. 3.

В том или ином виде это определение военной политики считается большинством экспертов-международников общепризнанным, не теряющим свою актуальность и сегодня, хотя в последние десятилетия внесены очень существенные коррективы как в понятие «военная организация государства», так и «средства вооруженного насилия» и «способы вооруженного насилия», которые существенно изменили свое начальное содержание. Так, в XXI веке военная организация государства (например, в США) стремительно расширилась, включив в себя и такие «негосударственные» компоненты, как[41]:

---

[40] См., например: Политология. Словарь — М.: РГУ. Коновалов, 2010 / http://dic.academic.ru/dic.nsf

[41] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 215–265.

— общество, включая негосударственные и даже международные институты и организации;
— бизнес, причем не только крупный, но и средний и даже мелкий;
— наконец, главный субъект военной политики прежних лет — государство — фактически расширился до коалиций, объединяющих, как правило, локальные человеческие цивилизации (против Югославии и Сирии, например, воевали не только США и НАТО, но и десятки других государств)[42].

Такие же радикальные изменения произошли и со «средствами вооруженного насилия», роль которых стали играть не только традиционные ВиВСТ, но и нелетальные виды оружия — кибернетические, медийные, психологические и иные, а также средства, используемые гражданскими военизированными формированиями (служебное оружие, подручные средства и специально подготовленные для уличных беспорядков средства насилия).

Наконец, еще более радикальные изменения произошли в объективном характере политики безопасности. Как известно, военная политика, имеет две стороны — внешнюю (предназначенную для обеспечения военной безопасности государства) и внутреннюю — охватывающую подготовку нации, общества и государства к использованию военных средств в качестве политических инструментов[43], которые конкретизируются в нормативных документах. В XXI веке стало, однако понятно, что между внутренней и внешней стороной существует не только известная взаимосвязь и взаимозависимость (известная и ранее), но и своего рода взаимозаменяемость — когда цели внешней политики достигаются за счет радикальных внутренних перемен (например, дестабилизации извне или «оранжевых революций»).

Это привело не только к исчезновению границы между понятием «война» и «не война», которая фактически исчезла, но и появлению совершенно новых представлений о политике и военном искусстве. В 2015 году в России, а затем и в США совершенно

---

[42] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 206–249.

[43] **Военная политика**, как явление, конкретизируется, прежде всего, в документах о военной доктрине, военной стратегии и практике военного строительства.

неслучайно возникли споры о том, находятся ли эти страны и коалиции в состоянии реальной (а не формально объявленной) войны[44], которые к концу 2016 года привели к признанию значительной частью экспертов фактического состояния войны.

Изменения о состоянии безопасности, включая ее военную часть, произошедшие в мире с конца 90-х годов XX века, потребовали переоценки доктринальных положений в соответствии с новыми представлениями о национальной безопасности, в качестве основных критериев которой стали входить «экология», «душевые доходы», «культура», «образование» и пр.[45] Более того, изменились и представления об основных угрозах национальной безопасности, о которых в 2010 году (подводя черту под периодом «стратегического отступления» России в мире) в Стратегии национальной безопасности России говорилось: «Россия **преодолела** последствия системного политического и социально-экономического кризиса… **остановила** падение уровня и качества жизни…, **устояла** под напором национального сепаратизма…, **предотвратила** дискредитацию конституционного строя, **сохранила** суверенитет… **восстановила** возможности по наращиванию конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов…»[46].

В дальнейшем это положение было развить в новой редакции Стратегии, утвержденной В. Путиным 31 декабря 2015 года, где акцент был сделан уже не на итог развития, а на состояние безопасности России. К сожалению, только в настоящее время, не пытаясь прогнозировать развитие этого состояния МО и ВПО в будущем[47].

К сожалению, в это же время, в XXI веке, произошли существенные изменения в пользу использования военной силы в качестве политического инструмента, не только допускающие, но

---

[44] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[45] *Медведев Д. А.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» №537 от 12 мая 2009 г.

[46] Там же.

[47] *Путин В.* В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

и предполагающие, даже планирующие развитие мира по военному сценарию[48], что особенно наглядно проявилось в 2016 году в ходе кризиса в Сирии. Это, в свою очередь, значительно усилило комплекс субъективных и иррациональных факторов использования военной силы в политике[49].

Ситуация обострилась в октябре до такой степени, что позволила, например, сказать С. Лаврову 25 сентября 2016 года, что «президент США не контролирует своих генералов». Сто, конечно же, не вполне соответствовало действительности, хотя бы потому, что ровно то же самое говорил госсекретарь Керри и другие.

История войн человечества вообще и Второй Мировой войны, в частности, показала, что далеко не всегда состояние и потребности военно-политической обстановки в мире и в регионе определяют интенсивность и масштаб боевых действий и потерь среди военнослужащих и гражданского населения. Иными словами, далеко не всегда война вызвана реальными причинами. Нередко бессмысленные и масштабные военные действия имеют с политической точки зрения совершенно иные обоснования[50]. Иногда даже субъективные. Так, массированные бомбардировки союзниками Дрездена и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — как теперь уже признано — не имели военной необходимости. В меморандуме для летчиков перед бомбежкой Дрездена в феврале 1945 года, например, говорилось, что «надо показать русским, что могут королевские ВВС Великобритании», а также «дать потренироваться молодым пилотам». А бомбардировка Хиросимы объяснялась необходимостью демонстрации американской военной мощи. Это значит, что сотни тысяч жертв в самом конце войны были понесены напрасно, только в угоду политическим амбициям некоторых политиков. Более того, в начале XXI века, в США и других странах стали вновь популярными работы, которые обосновывали не только неизбежность, но и по-

---

48 *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 57–82.

49 *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–183.

50 *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

лезность» войн. Так, огромной популярностью в XXI веке стала пользоваться книга Я. Морриса «Война! Для чего она нужна?», в которой автор прямо доказывал, что «Мир стал безопаснее именно благодаря войнам»[51].

1.1.в). Война — политическая «норма» в начале XXI века

С принятием (1 декабря 2016 г. — *А.П.*) новой редакции Внешнеполитической концепции Россия произвела ревизию своих внешних контактов по сравнению с 2013 годом[52]
Аналитики РИСИ

Надо признать, что в XXI веке война стала нормой. Уже в настоящее время, в XXI веке, в войнах в Ираке, Афганистане и Сирии погибли миллионы человек, а военные провокации (как в сентябре 2016 года в Сирии) стали обычным явлением. Это свидетельствует о приемлемости для Запада гибели сотен тысяч и даже миллионов гражданских и о том, что война представляется вполне «мыслимым» инструментом политики в XXI веке. В этой связи очень примечательна работа, подготовленная в РЭНД по заказу МО США, в которой рассматриваются реальные возможные последствия военного конфликта или войны США и КНР[53]. В частности, рассматривая войну между США и КНР по критериям «мягкой» и «тяжелой», с одной стороны, и «короткой» и «продолжительной» авторы строят матрицу, в которой достаточно подробно списывают не только характер военного столкновения, но и его последствия при реализации различных вариантов (Таблица 5).

Особенно актуальным представляются оценки военных потерь обеих сторон при различных условиях развития военных действий. Учитывая известную аккуратность, даже педантичность

---

[51] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 11.

[52] Изменения баланса сил в структурах власти и бизнес-сообществе / Информационно-аналитический мониторинг. РИСИ, 2016. Декабрь. — № 380. — С. 10.

[53] *Gompert D.C., Cevallos A.S., Garafola C.L.* War with China: Thinking Through the Unthinkable. — RAND, 2016. — P. 25.

Таблица 5. Matrix of the Four Cases

	Brief	Long
Mild	**Premise**: Leaders restrict hostilities and quickly agree to end conflict.	**Premise**: Leaders restrict hostilities but do not agree to end conflict.
	Description: — Hostilities are triggered by incident or miscalculation, possibly involving a third party. — Political leaders take immediate and tight control of operations, communicate directly, withhold authority for major attacks on opposing forces, and agree to end conflict with no change in the status quo. — Hostilities end within a week or so.	**Description**: — This is an extension of the brief, mild case. — Political control keeps hostilities limited — Forces of both sides are augmented and operate in close proximity. Incidents and losses are sporadic but continue. — Leaders communicate but cannot agree on terms to end fighting. — Low-grade conflict is economically and politically sustainable, as neither side wants to concede or to wage costly war. — Conflict persists for a year or more.
Severe	**Premise**: War-winning logic and counterforce strategies govern from the outset.	**Premise**: Severe fighting persists per war-winning logic, absence of clear winner, deepened antagonism, and strengthened resolve.
	Description: — Stakes are very important for both sides. — Crisis becomes unstable because of counterforce pressures. — Military concept of operations executed immediately by both sides. China uses kill chain to attack U.S. aircraft carriers and air bases. Simultaneously, U.S. attacks kill chain. — There are selective U.S. strikes on China. — Both sides wage selective cyberwar. — Military-operational exigencies dictate fast pace and severe intensity. — Political leaders get control only by agreeing on terms to end conflict. — Conflict lasts a week or so.	**Description**: — Leaders cannot or choose not to stop. — Losses make compromise harder, not easier. — Extensive U.S. strikes on China. — Nonnuclear escalation occurs: geographically, and with respect to targets, weapons, expanded cyberwar, and ASAT. — Both sides face continued high losses. — Both sides bring more forces into action; China mobilizes for long war as losses mount. — Conflict persists for a year or more.

Таблица 6. Estimated Military Losses, Severe Case, 2015

Capability	U.S. Losses	Chinese Losses
Air forces	Some possibility of early loss of a carrier to Chinese submarines or missiles and of use of regional air bases to missiles. Significant aircraft losses to Chinese surface-to-air missiles until suppressed.	Sharp loss of air power from U.S. air strikes, air intercept, and air defense. Reinforcements are less capable and more vulnerable. China can keep some aircraft hidden but out of use.
Surface naval forces	Significant early losses of forward fleet because of submarine and missile attacks. Losses can be limited by keeping fleet out of range, or out of effective use. Strikes on Chinese anti-naval forces reduce U.S. losses in time.	Heavy initial and sustained fleet losses because of U.S. air power and submarines. Naval bases vulnerable. Chinese shipbuilding capacity only takes effect in the long term (post-T2) and is vulnerable.
Submarines	Largely invulnerable to poor and quickly depleted Chinese ASW capability.	Older submarines vulnerable to U.S. ASW. A few advanced ones survive and threaten U.S. surface forces.
Missile launchers (land, surface, submarine, air) and missile inventories	Surface ship-launch and short-range air-launch platforms suffer attrition. Submarine-launch and long-range air-launch survive. Major expenditure of missiles.	Land launchers survive if mobile or hidden. U.S. air power and missiles eventually wear down Chinese missile launchers. Also susceptible to degraded C4ISR. Large fraction of modern missiles expended early, leaving older, less accurate shorter-range ones.
C4ISR (computer systems and satellites)	Some loss because of Chinese cyberwar and ASAT, which are difficult to suppress.	Some loss because of U.S. cyberwar and ASAT capabilities. Also, untested C2 processes could unravel under pressure of war.
Aggregate	Chinese counterforce capabilities take a major early toll on the United States but then have less of an effect as they are degraded by superior U.S. counterforce.	U.S. counterforce capabilities take a major toll early and throughout as Chinese A2AD is degraded.

аналитиков РЭНД в этих вопросах, представляется, что их оценки заслуживают внимания[54] (Таблица 6).

В агрегированном виде военные потери США и КНР, просчитанные многократно по разным методикам, в случае реализации наихудшего сценария представляют следующее.

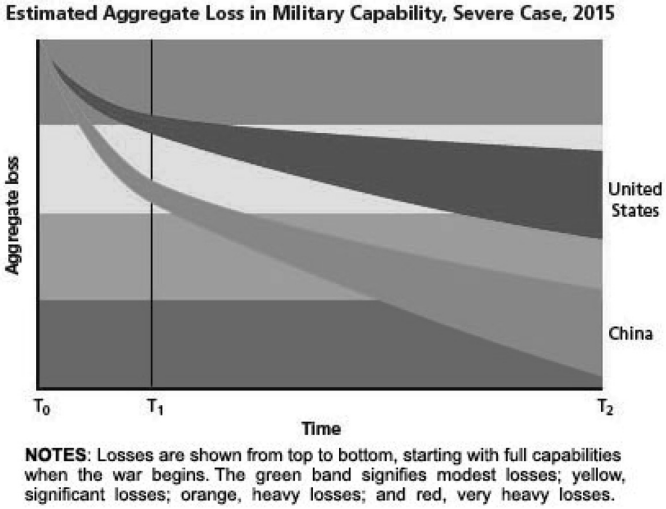

Рис. 4[55]

Работа, сделанная в РЭНД в 2016 году, оказалась заказанной отнюдь не случайно: именно в сентябре–октябре 2016 года в США прошла серия совещаний в СНБ и МО, посвященная анализу последствий возможного военного конфликта с Россией.

Этот вывод о реальности войны особенно актуален сегодня, когда мы с сожалением констатируем, что стремительно реализуется один из самых негативных возможных сценариев развития военно-политической обстановки — сценарий «Военно-силового противоборства западной локальной цивилизации» с другими цивилизациями, прежде всего российской, локальной цивили-

---

54 *Gompert D.C., Cevallos A.S., Garafola C.L.* War with China: Thinking Through the Unthinkable. — RAND, 2016. — P. 36.

55 Там же. P. 37.

зацией[56]. Характер этого сценария предполагает эскалацию использования военной силы в международных отношениях в качестве главного политического средства, способного обеспечить сохранения в будущем существующих сегодня под контролем США финансово-экономических и военно-политических систем в мире. К сожалению, развитие этого сценария идет быстрее, чем предполагалось мною еще в 2013–2014 годах[57].

Надо понимать, что в рамках развития этого сценария и его наиболее вероятных вариантов будут развиваться следующие положения военной науки, военного искусства и военного строительства, которые не были характерны для XX века, но станут основополагающими даже для XXI века[58]:

Во-первых, в теории безопасности в XXI веке произошел еще не до конца осознанный правящими элитами и не признанный ими сдвиг в ключевом представлении XX века о том, что «Отсутствие войн обеспечено военно-стратегическим равновесием в ядерной области» и возможностью «взаимного гарантированного уничтожения» («Mutually Assured Destruction — MAD»).

Известно, что достаточно долгое мирное сосуществование двух систем в период холодной войны объяснялось именно сохранением военно-стратегического паритета, сложившегося в послевоенные годы. Именно этот паритет, прежде всего по количеству ядерных боеприпасов и средств их доставки, являлся той материальной основой, которая не только спасла мир от глобальной войны, но и, в конечном счете, привела к разрядке международной напряженности, формированию справедливой системы международной безопасности и сокращению целых классов вооружений.

К сожалению, нынешняя стратегия Запада предполагает уже в среднесрочной перспективе завершение создания новой системы международной безопасности, в основе которой лежит военно-тех-

---

[56] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–54.

[57] *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона М.: МГИМО–Университет, 2013.

[58] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 16–26.

нологическое превосходство Запада и возглавляемой США военной коалиции. Такое превосходство предполагает ликвидацию, прежде всего ядерного паритета за счет обесценения ядерных потенциалов, с одной стороны, и создания по сути дела новых стратегических неядерных потенциалов, с другой[59]. Этот новый интегрированный «наступательно-оборонительный комплекс» (о реальности создания которого я писал еще в 1980-е годы) сделает войну вполне «мыслимой» не только на ранних стадиях развития неядерного конфликта, но и при использовании новых способов силовой политики, получившей название «политика принуждения» («the politics of coerce»), которая является синтезом политики «мягкой силы» («soft power») и «жесткой силой» («hard power»).

Победа в такой войне может быть обеспечена:

— асимметричными действиями;
— созданием «облачного противника»;
— применением сетецентрической стратегии против политической элиты;

И др. нетрадиционными средствами и способами, исключающими до определенного времени прямое («лобовое») столкновение вооруженных сил[60].

Иными словами, мы видим, что усиление силовой политики западной ЛЧЦ происходит по нескольким векторам, что позволяет достаточно уверенно говорить о выбранном курсе на военно-силовую конфронтацию:

— развитию технологического и военно-технического превосходства, существующему в настоящее время;
— «упрочению союзов» и созданию новых коалиций[61];
— совершенствованию традиционных систем и видов ВиВТ;
— созданию качественно новых ВиВСТ;
— систем высокоточного оружия (ВТО), включая гиперзвуковые

---

[59] См., например: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 30–31.

[60] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

[61] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

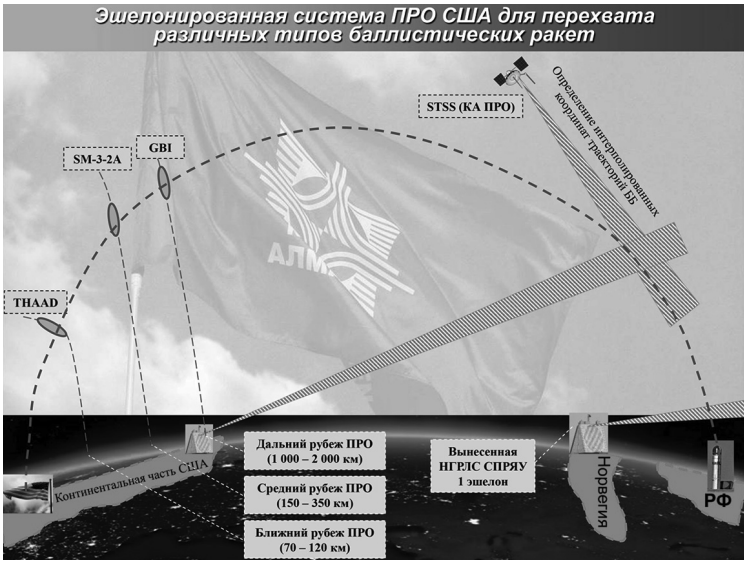

Рис. 5.[62]

и ударные беспилотники (БПЛА), способные выполнять стратегические задачи;

— наконец, созданию системно-сетецентрической «стратегии принуждения» («the power to coerce»), когда каждый из элементов мощи и политики (экономический, информационный, дипломатический и пр.) обеспечен военной мощью.

Особое значение в этой связи имеет попытка создания «наступательно-оборонительного» комплекса, основой которого является широкомасштабная система ПРО. Реализация этого проекта будет означать, что ядерное сдерживание окончательно исчезло. Его техническое исполнение очень трудно, но реально.

Во-вторых, в целях управления любым военным конфликтом на любом ТВД, на любом уровне, предполагается создание многократно дублированной системы боевого управления в условиях войны, способную обеспечить руководству США не только контроль над эскалацией, но и победу в реально военном конфликте.

---

62 *Новиков Я. В.* Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования / Доклад. МГИМО–Университет, 2016. 16 сентября.

Подчеркну — на любом уровне от мелкой операции (которые любят показывать в кино) до глобального. Это потребует создание в России не только соответствующих Центров управления, средств передачи и обработки информации (которые сегодня частично созданы и создаются), но и универсальной системы, обеспечивающей деятельность всей военной организации страны, которую требуется модернизировать, включив в нее общество, его институты, бизнес и негосударственные институты[63].

В-третьих, в этих условиях особая важность приобретает воздушно-космическая оборона (ВКО) и сохранения эффективных СЯС и ВКС в России. Сегодня эффективная ПРО–ПВО–ВКО становится **синонимом национального** суверенитета. Более того — синонимом сохранения национальной идентичности. Война в Югославии и Сирии особенно наглядно это продемонстрировала.

Очевидно, что в России эту логику и намерения Запада прекрасно понимают. Как и необходимость не допустить слома военно-стратегического паритета, который в XXI веке определяется в военной области, прежде всего состоянием и соотношением сил в области стратегических наступательных ядерных вооружений и средств воздушно-космической обороны (ВКО)[64].

Именно поэтому данные категории вооружений и военной техники (ВиВСТ) развиваются в последнее десятилетие в России в приоритетном порядке. Мы ожидаем, что их полная модернизация и развертывание новых образцов завершится по плану, к 2021 году.

С политической и военной точек зрения Россия по-прежнему рассматривает ЯО и средства воздушно-космической обороны как основу своего суверенитета и главную гарантию международной безопасности[65], но в будущем только этого будет уже недостаточно. Необходимо будет иметь не только военные, но и иные средства

---

[63] Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П.М. Шмелев, А.И. Подберезкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3–4.

[64] Проблема взаимосвязи СЯС и ПРО возникала не раз в XX веке и отказ от учета этой взаимосвязи М. Горбачевым стал политической ошибкой, последствия которой направляются на сегодняшний день.

[65] *Подберезкин А.И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. — М.: МГИМО–Университет, 2013. — 488 с.

противодействия силовой политике — финансовые, информационные, социальные и особенно сетевые.

В-четвертых, необходима эффективная стратегия противодействия формированию политики «силового принуждения» («the power to coerce») и ядерного разоружения, которая является синтезом военно-силовой («hard power») и просто силовой («soft power») политики, системой силовых средств, где каждое силовое воздействие обеспечено поддержкой военной силы, которая используется на всех трех уровнях противоборства[66]:

— национальных интересов;
— интересов безопасности;
— военных целей.

Это означает, что Стратегия национальной безопасности России должна так же, как минимум, учитывать эти уровни противоборства. Это означает, например, что, на уровне системного противоборства (на котором сегодня задействована концепция «стратегического сдерживания») необходимо перейти от обороны к наступлению.

Следует также обратить в этой связи внимание на два новых, сугубо политических, обстоятельства в стратегии Запада, с помощью которых тот пытается радикально изменить военно-стратегическое равновесие в свою пользу и создать по сути дела новую систему международной безопасности. Это:

— во-первых, создание нового, более широкого спектра в системе средств политики «новой публичной дипломатии», например, террористических и экстремистских организаций, диверсионных структур и частных военных кампаний — (ЧВК), деятельность которых должна быть обеспечена так называемой «силой принуждения» — комбинацией средств «мягкой» и «жесткой» силы.

Такие силы и средства направлены непосредственно на изменение политического курса правящих элит, прежде всего их способности отстаивания национальных интересов и систем ценностей. И в этой стратегии ведущая роль предназначена военной силе, которая должна стать «материальным обеспечением» способности эффективного использования этих средств и способов уничтожения наций и государств;

---

[66] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 5.

— во-вторых, важная роль в реализации этой стратегии предназначается политике принуждения дипломатическими, политическими, экономическими и иными средствами публичной дипломатии — к уничтожению оппонентами своего ядерного оружия, как фактически единственному средству, способному нейтрализовать политику силы Запада. В этих целях заметно активизировалась не только официальная дипломатия, но и мобилизуются все институты гражданского общества, СМИ, некоммерческие организации, фонды, партии и т.д., которые должны достаточно агрессивно навязывать идею всеобщего и полного ядерного разоружения[67].

В-пятых, сохранение для России политики ядерного сдерживания — как военной основы стратегического сдерживания.

Необходимо отчетливо понимать, что международная безопасность в реальной перспективе может быть гарантирована — как это ни прискорбно — только при помощи сохранения стратегического сдерживания Запада, материальным фундаментом которого, в свою очередь, является уже не только ядерное сдерживание, но и возможность ответа на других уровнях конфликта. Это обеспечивается только высоким качеством стратегических наступательных вооружений и систем воздушно-космической обороны, составляющих, как подчеркнул в 2016 году В. Путин, «единый стратегический комплекс». Это положение зафиксировано не только в нашей Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине, но и в политической практике: военные конфликты в Грузии и вокруг Крыма показали их абсолютную применимость, более того, — незаменимость сегодня во внешнеполитической области.

Вместе с тем развитие средств и сил СНВ и ВКО не гарантирует Россию от ведения войны, в т.ч. на отдельных ТВД, с помощью неядерных вооружений, а также сил и средств «облачного противника» или террористических и иных военных действий «малой интенсивности». Создание в октябре 2016 года вновь второй дивизии дальней авиации, ориентированной на применение в районах Тихого океана (Японии — Гуама — Гавайских островов), подтверждение того, что необходимо сохранить возможность применения военной силы

---

[67] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 260–268.

на самых удаленных ТВД против самых различных государств[68]. Относительная слабость ВМФ и ВВС России в АТР отражается на ее международных позициях в этом огромном регионе и не может быть полностью компенсирована потенциалом СНВ и ВКО.

Война может вестись (и, как показала недавняя история на Украине) и с помощью синтеза различных сил и средств[69] — от ставших уже традиционных средств «мягкой силы» до использования «жесткой силы» в форме террористических формирований, ЧВК, диверсионных групп и т.д.

1.2. Эволюция основных положений военного искусства в 1985–2016 годы

Национальная военная стратегия США (2015 г. — *А. П.*) усиливает необходимость глобальной вовлеченности в целях сохранения безопасного окружения и развития сети альянсов[70]
Национальная военная стратегия, 2015

Кризис наступает тогда, когда старый порядок уже умирает, а новый еще не готов родиться[71]
А. Грамши, политик

За последние 25–30 лет военное искусство[72] претерпело самые радикальные изменения. Причем одновременно во всех областях. Но еще большие изменения предстоят в ближайшем буду-

---

[68] В России сформирована новая дивизия тяжелых бомбардировщиков // Известия. 2016. 8 октября / http://izvestia.ru

[69] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

[70] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. i.

[71] Цит. по: Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства / Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. — №2. — С. 137.

[72] **Военное искусство** — *зд.* теория и практика подготовки и ведение военных (боевых) действий на суше, море, в околоземном и космическом пространстве. В.И. — составная часть военного дела и делится на: военную стратегию, оперативное искусство и тактику.

щем. И связано это не только с фундаментальными изменениями в экономике и социальной жизни последних десятилетий, в основе которых стал новый, — информационный — этап научно-технической революции. Но и с глубочайшими изменениями в МО и ВПО, произошедших с конца 80-х годов XX века.

Одновременно, т.е., с начала XXI века, видим, что мировой и российский кризис по времени совпал с глубоким кризисом в российском военном искусстве. Это влияние выразилось, прежде всего, в том, что в условиях кризиса и ограниченности ресурсов, как правило, ни времени, ни возможности развивать военное искусство не остается: учения становятся редкостью, выходы судов и полеты самолетов сокращаются до минимума, а профессионализм военных оставляет желать лучшего. В 1990-е годы, случалось, что некоторые летчики годами не вылетали, а военные суда ржавели в портах без выхода в открытое море.

История эволюции военного искусства России в 1990–2016 годы является одной из наиболее трагических и одновременно героических тем истории современной военной политики России. С одной стороны, можно констатировать (и с этим согласны, как минимум, некоторые специалисты), что в области военного искусства, т.е. разработки **способов и форм** применения военной силы, долгие годы наблюдалась деградация военной науки и искусства, а, с другой стороны, — на уровне отдельных соединений и подразделений на практике, часто «с кровью», отрабатывались новые способы и иногда достигался заметный прогресс в области военного искусства. К сожалению, как правило, этот прогресс достигался большой кровью, как, например, при штурме Грозного в январе 1995 года и в первые месяцы КТО.

В XXI веке в военном искусстве произошли решительные изменения, вытекающие из переоценки целей войны, и главных объектов, средств и способов ведения. Так, с точки зрения вероятных противников России, И. Попов и М. Хамзатов, например, выделяют три группы[73]:

— современные высокотехнологичные вооруженные силы высокоразвитых государств (США, НАТО и ряд других. — *А.П.*);

---

[73] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 7.

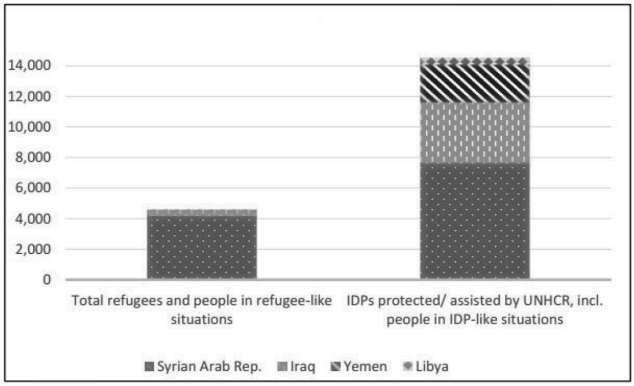

Рис. 6.[74] Оценки ООН численности беженцев (в тыс. чел.)

— вооруженные силы традиционного типа, основанные на принципах массовой армии и военного искусства второй половины XX века (например, Украина, Грузия, Сирия. — *А.П.*);
— иррегулярные вооруженные формирования негосударственных акторов, действующих как на международной арене, так и внутри государств (Ирак, Афганистан, Йемен, Сирия. — *А.П.).*

Именно иррегулярные вооруженные формирования стали той базой, которую специальные службы стран используют в качестве важнейшего «инструмента принуждения» еще с войны СССР в Афганистане и России на Северном Кавказе. Сегодня этот «ресурс» насчитывает миллионы человек.

В любом случае оставался объективный закон, который определял направление и качество развития военной политики вообще и военного искусства, в частности, от закономерностей развития МО и вытекающей из нее ВПО и СО[75]. Этот закон проявлялся многопланово и сказался самым радикальным образом на характере войны в конце XX — начале XXI века, средствах и способах ведения боевых операций и войн, которые во все большей степени

[74] The Economic Effects of War and Peace / Source: UNHCR, International Organization for Migration (IOM), governments, and NGOs. / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/economic-effects-of-war-and-peace.pdf. — С. 27.

[75] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 57–82.

смыкались с политическими и иными силовыми (но не военными) средствами политики Запада[76]. Типичным примером такого синтеза силовых (военных и не военных) способов ведения войны стала не объявленная война США в Сирии, где против законного правительства был использован «облачный противник» в виде вооруженной оппозиции, авиации и сил специального назначения, которые обеспечивались Западом. Более того, в сентябре 2016 года США угрожали, что подконтрольные им экстремистские силы могут быть использованы и против вооруженных сил России и даже ее гражданского населения «в городах»[77]. В целом же такая эволюция военного искусства подтвердила его определение, данное еще в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Военное искусство — есть умение изобретать и применять самые целесообразные средства и приемы для скорейшего достижения общей и окончательной цели войны. Заметьте: «самые целесообразные средства и приемы», а не «военные средства и приемы», которые часто и в решающей степени определяют представления о современном военном искусстве.

1.2.а). Рост зависимости военного искусства от политики

… существуют известные, неизменные законы и правила ведения войны … история военного искусства изображает ход их постепенного развития, как в военное, так и в мирное время…[78]

Энциклопедический словарь
Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона

Итак, военное искусство развивается как в мирное, так и в военное время против трех основных видов современного противника (развитых государств, традиционных государств, акторов)

---

[76] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 215–228.

[77] Госдеп США запугивает Россию атаками террористов на российские города / Эл. ресурс «Известия». 2016. 29 сентября / http://izvestia.ru/news/635115

[78] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. — С.-Спб.: Брокгауз–Ефрон 1890–1907.

постоянно и является одним (а именно) военным средством политики, т.е. ее частью. Именно это «политическое» значение военного искусства в XXI веке стало решающим, так как конечная цель войны всегда была политическая цель, которая в наше время может быть достигнута самыми разными силовыми (в т.ч. невоенными) способами, составляющими сегодня «набор» средств политики принуждения (the power to coerce) «новой публичной дипломатии».

Процесс «политизации» ВПО и СО в XXI веке зашел настолько далеко, что нередко политики и дипломаты предопределяли ход военного конфликта далеко до его завершения, оставляя военным возможность в достаточно узких рамках использовать весь свой имеющийся потенциал. Так, в ходе российско-грузинского конфликта вооруженные силы могли в кратчайшие сроки не только оккупировать всю территорию Грузии и сменить политический режим в стране, но и сформировать совершенно новую реальность во всем Закавказье и даже на южном фланге НАТО, однако политические издержки, по-мнению Москвы, многократно перевешивали потенциальные плюсы от таких действий.

В любом случае логика развития того или иного сценария войны или военного конфликта предопределялась логикой развития сценариев более высокого уровня — СО–ВПО–МО, — что можно продемонстрировать на следующей упрощенной логической модели (рис. 7)[79].

Как видно из этой модели, войны и конфликты являются достаточно отдаленными и опосредованными явлениями от развития того или иного (политического) сценария развития МО, которые, в свою очередь, предопределяются отношениями между ЛЧЦ, нациями, государствами и этносами. Человеческая история во многом это — история войн, точнее, — войны — обязательный атрибут человеческой истории. Из этого положения следует вполне естественный и обоснованный вывод о том, что и в будущем (если не допустить создания гипотетической идеальной цивилизации на Земле) войны не исчезнут. Более того, вполне очевидно, что в неко-

[79] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.

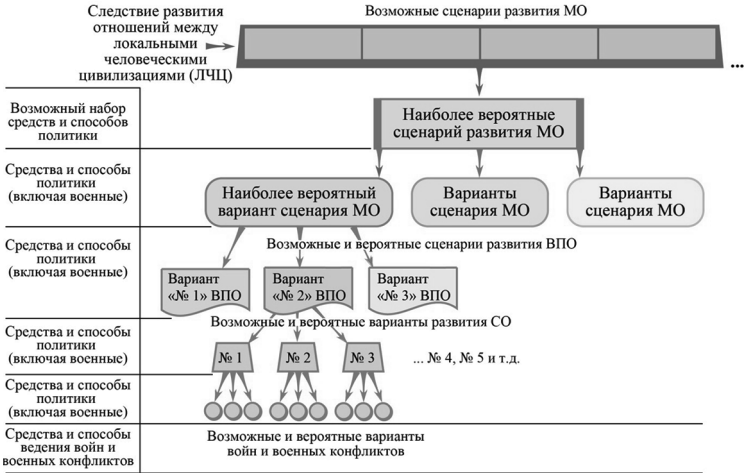

Рис. 7. Упрощенная логическая модель зависимости войны и военного конфликта развития сценариев МО–ВПО–СО

торые периоды развития человечества войны становятся обычным явлением и неизбежностью, даже заурядностью, а бытующее мнение об исключительности войн XX столетия, — вряд ли обосновано.

Более того, именно рубеж XX века показал, что войны и конфликты стали нормой МО, а их масштаб и интенсивность **усиливаются** даже с исчезновением радикальных идеологических противоречий. Этот вывод имеет принципиальное значение для такой области как военное искусство, которая в XXI веке получила новый толчок в своем развитии. В решающей степени на появление и совершенствование этих способов ведения вооруженной борьбы имеет характер войн и военных конфликтов. Как видно из диаграммы ниже, после Второй мировой войны произошли качественные, радикальные изменения в характере войн. Прежде всего:

1. С конца XX века основным типом войн стали гражданские войны.
2. С 70-х годов XX века заметен рост численности гражданских войн с участием иностранных государств.
3. Войны между государствами, ведущиеся профессиональными армиями, и колониальные войны практически исчезли в XX веке.

Таблица 7. Перечень войн, в которых погибло более 1 млн человек[80]

War	Death Range	Geometric Mean	Date	Location
World War II	40,000,000–85,000,000	58,309,519	1939–1945	Worldwide
Taiping Rebellion	20,000,000–100,000,000	44,721,360	1850–1864	China
Conquest of the Americas	8,400,000–137,750,000	34,016,173	1492–1691	Americas
Second Sino-Japanese War	25,000,000	25,000,000	1937–1945	China
An Lushan Rebellion	13,000,000–36,000,000	21,633,308	755–763	China

[80] List of wars by death toll / https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_wars_by_death_toll

War	Death Range	Geometric Mean	Date	Location
Dungan Revolt	8,000,000–20,770,000	12,890,306	1862–1877	China
Chinese Civil War	8,000,000	8,000,000	1927–1949	China
Thirty Years' War	3,000,000–11,500,000	5,873,670	1618–1648	Europe
Second Congo War/ Great War of Africa	2,500,000–5,400,000	3,674,235	1998–2003	Central Africa
Shaka's conquests	2,000,000	2,000,000	1816–1828	South Africa

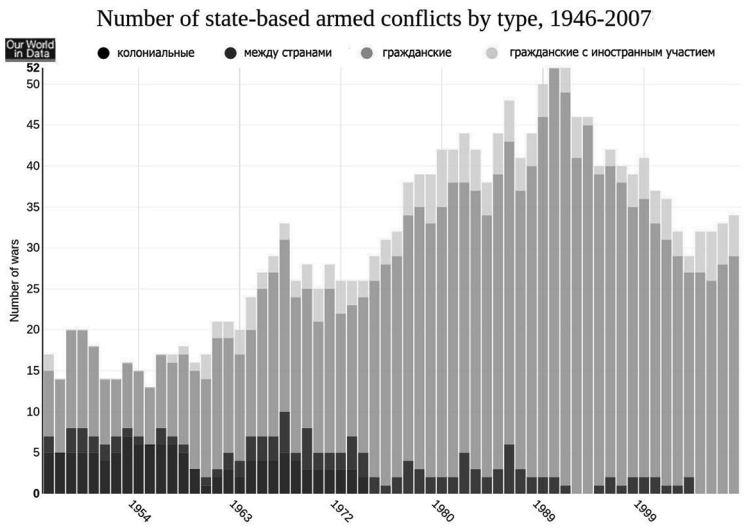

Рис. 8.[81]

Оценки состояния и перспективы развития МО–ВПО–СО в мире в принципиальном плане зависят от:

— во-первых, политических интересов, конкретизирующихся в политических целях и намерениях, т.е. во внешней и военной политике государств;
— во-вторых, соотношения сил в мире, прежде всего, в тех областях, которые определяют военную мощь;

Рассмотрим коротко первую группу вопросов, относящихся к военной политике главного потенциального противника России — США.

Как справедливо отмечает Д. Суслов, «Консенсус, разделяемый как демократическими либералами-интернационалистами, так и республиканскими неоконсерваторами, базируется на четырех столпах[82]:

---

[81] Human Security Project (PRIO data) / https://ourworldindata.org/war-and-peace-after-1945. — С. 9.

[82] *Суслов Д.* Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–ноябрь. — С. 13–14.

1. неоспоримость «глобального лидерства»;
2. приверженность укреплению и распространению «либерального международного порядка»;
3. признание неразрывной связи между влиянием, безопасностью и процветанием Соединенных Штатов, с одной стороны, и их доминированием в «либеральном международном порядке» — с другой;
4. необходимость распространения демократии. Это, в свою очередь, предполагает сохранение (и даже приумножение) глобального присутствия США и их вмешательство в урегулирование большинства международных и даже внутригосударственных проблем и кризисов»[83].

Сравнение и сопоставление вооруженных сил, ВиВСТ, военной мощи и военных потенциалов субъектов международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в период 1991–2016 годов представляет существенную трудность, которая объясняется не только общими методологическими и методическими трудностями оценки и подсчета военных потенциалов, но и теми драматическими изменениями, которые произошли в этот период.

Напомню, что традиционно до 1990 года сравнивались военные потенциалы СССР и США, ОВД и НАТО. После 1991 года эти сравнения стали бессмысленными: с одной стороны исчезли такие субъекты как СССР и ОВД, а с другой, — произошло не только абсолютное, но и относительное усиление других субъектов — США и НАТО. Наконец, в-третьих, резко усилились новые военно-политические центры силы, прежде всего, КНР, Индия, Индонезия, Бразилия, Вьетнам, Республика Корея и др., а также произошло превращение целых групп акторов МО в активных участников формирующих ВПО (ИГИЛ — только один из примеров).

В целом ВПО во втором десятилетии XXI века стала качественно отличаться от ВПО во втором половине XXI века при том, что система международно-правовых и иных отношений осталась по сути прежней. Произошел процесс хаотизации, активно не только поддержанный, но и инспирированный США, которые оказались в исключительно благоприятных условиях для создания эффективной системы контроля над развитием МО и ВПО со своей стороны.

---

[83] *Суслов Д.* Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–ноябрь. — С. 13–14.

Значительная роль в этом процессе принадлежит военно-техническому и военно-технологическому факторам. США и их союзники с начала 90-х годов XX века оказались в исключительно благоприятных условиях, когда их основной потенциальный противник — СССР — фактически отказался от военно-технического соперничества, свернув свои фундаментальные и опытно-конструкторские работы. СС тех пор ставка на военно-техническое и технологическое превосходство в стратегии национальной безопасности США и Запада стала важнейшим условием политики.

Это, в свою очередь, предоставило США исключительные возможности в средствах воздушно-космического нападения, которые обеспечили им «победоносные» войны 1990–2016 годов в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и др. странах, что хорошо видно на следующем графике, представленном в сентябре 2016 года генеральным директором Концерна ВКО «Алмаз-Антей Я. Новиковым (рис. 9).

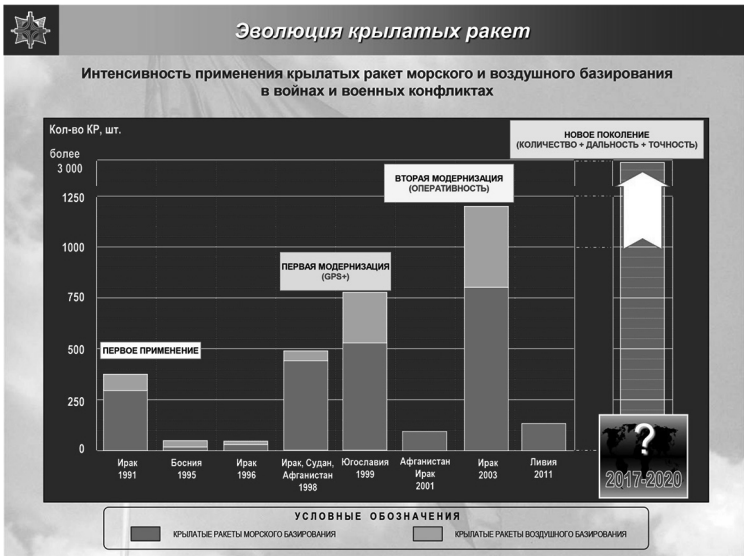

Рис. 9.[84]

[84] *Новиков Я. В.* Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования / Доклад. МГИМО–Университет, 2016. 16 сентября.

1.2.б). Военно-политическое искусство коалиций

Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом[85]

А. Гилёв,
военный эксперт

Военно-политическое противостояние ЛЧЦ в XXI веке носит во многом черты противостояния не только западной и других ЛЧЦ, но и центров силы, и коалиций, сформированных к началу XXI века на базе ЛЧЦ. Соответственно и военное искусство государств, имеющее историю и традицию, не только изменяется в военное и мирное время, но и от него устойчиво выделяется военное искусство коалиций и ЛЧЦ. Это наглядно видно на примере действий западной коалиции против Югославии, Афганистана, Ливии, Ирака и Сирии, а также таких акторов как талибы и ИГИЛ. Иными словами, если прежде военное искусство государства развивалось и применялось по отношению к трем видам потенциального противника, то сегодня в возрастающей степени это искусство предполагает развитие искусства коалиции относительно этих трех групп субъектов МО.

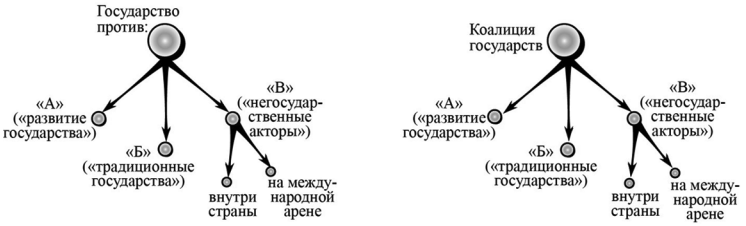

Рис. 10.

Нетрудно увидеть, что военное искусство относительно разных субъектов МО должно отличаться. Причем радикально.

---

[85] Гилёв А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. Сентябрь–октябрь. — Т. 12. — №5. — С. 47.

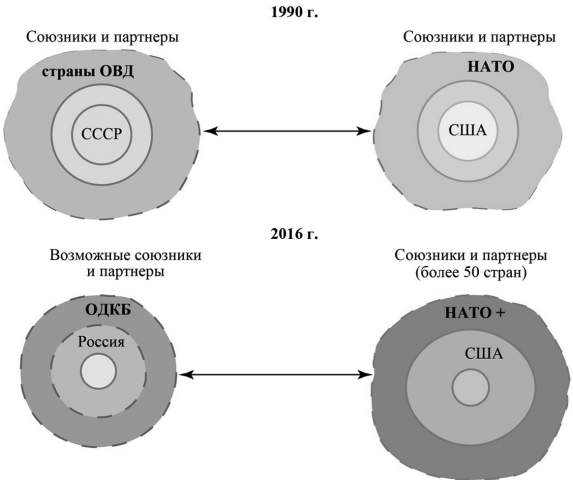

Рис. 11. Сравнение систем военно-политических коалиций, характеризующих ВПО в мире в 1990 г. и 2016 г.

Дестабилизация в целом ряде регионов планеты, которая рассматривается западной ЛЧЦ в качестве одного из важнейших условий развития процесса, в результате которого США, и возглавляемая ими коалиция сможет полностью контролировать военно-политическую и финансово-экономическую ситуацию в мире в XXI веке, требует использования, прежде всего сил специальных операций и ВТО, а «традиционный конфликт» на Украине — вполне традиционных средств — артиллерии, стрелкового оружия и бронетанковой техники. В то же время нарастающее противостояние с Россией требует развития СЯС и ПРО.

Сохранение военно-технического и технологического превосходства рассматривается в этих условиях в качестве важнейшего средства, способного обеспечить решения этих задач.

Сравнение только военных расходов противостоящих коалиций в 1990 году и в 2016 году показывает, что:

— соотношение военных расходов РФ и США примерно **1 : 12**;
— соотношение военных расходов ОДКБ и НАТО примерно **1 : 25**;
— соотношение военных расходов потенциальных коалиций (без учета КНР и Индии), возглавляемых Россией и США, примерно **1 : 35.**

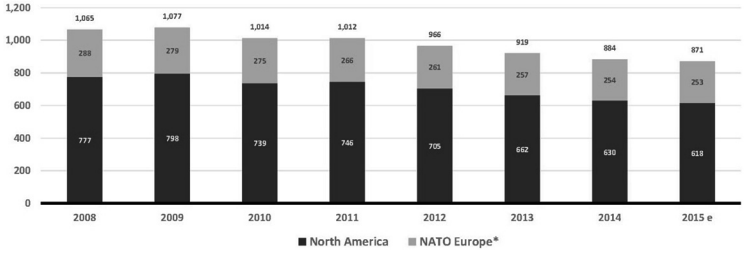

Рис. 12. Военные расходы стран-членов НАТО (в ценах 2010 года)

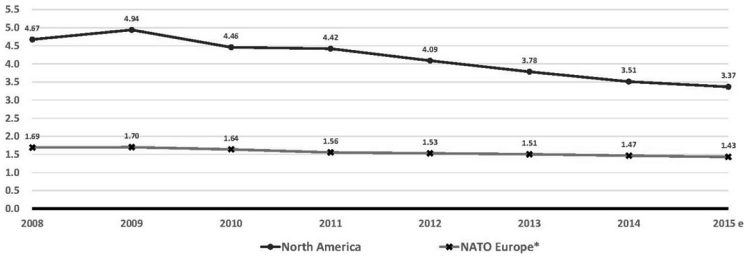

Рис. 13. Военные расходы относительно ВВП (в ценах 2010 года)

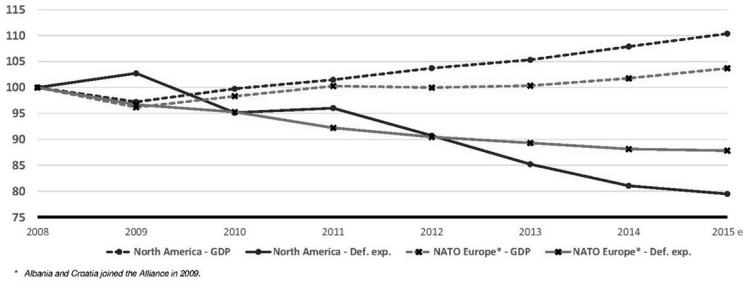

Рис. 14. Соотношение динамики ВВП и военных расходов

Определенное представление о существующих тенденциях последних двух десятилетий дает официальная статистика НАТО, из которой видно, что после 2008 года наблюдается оптимизация военных расходов блока и улучшение их соотношения с состоя-

нием и динамикой роста ВВП. Причем не только у США (где это особенно заметно), но и у европейских стран[86].

Подобные тенденции свидетельствуют, на мой взгляд, о высокой эффективности политики в области обороны со стороны НАТО и всей западной ЛЧЦ, которая снижает последнее десятилетие абсолютные и относительные военные расходы на фоне некоторого роста ВВП. Это означает определенное противоречие с усилением силовой внешней политики, если исходить из механической экстраполяции увеличения силовых элементов политики с военными расходами. На самом деле это усиление происходит за счет других силовых областей — информационной, кибербезопасности, управления, управления, когнитивной и пр.

В этой связи становится понятным решение российского руководства о сокращении военных расходов в 2017 году на 100 млрд рублей и снижении их доли в ВВП страны до менее 4%.

Такое соотношение финансовых средств, выделяемых на нужды обороны (точнее — военной политики коалиций) не переносится механически на соотношение сил в других областях — экономической, технологической, демографической и пр., — где это соотношение выражается гораздо более сложными формулами. Так, важное значение имеет, например, соотношение сил в области природных ресурсов, где оно близко к равенству (1 : 1), или геополитическому положению, где США имеют не только неоспоримые преимущества (контроль над Атлантикой и Тихим океаном), но и недостатки (удаленность от потенциальных ТВД в Евразии).

Иными словами сравнивать количественно потенциалы с точки зрения военных расходов бессмысленно.

Аналогичная ситуация складывается и при сопоставлении демографических потенциалов и потенциалов национального человеческого капитала (НЧК) между двум военно-политическими коалициями, которое (без учета КНР, Индии, Бразилии и ряда др. стран) равно примерно **1 : 6**.

Вышесказанное означает, что вопрос о военно-стратегическом равновесии между Россией и другими центрами силы, прежде

---

[86] Defence Expenditures of NATO Countries (2008–2015) Communique PR/CP(2016)011. 2016. 28 January. — P. 2 / http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160129_160128-pr-2016–11-eng.pdf

всего с западной ЛЧЦ должен исключать симметрический подход, сводящийся к простому количественному равновесию (а тем более равенству). Для обеспечения военной безопасности следует развивать как **средства**, так и **способы**, которые могут компенсировать количественное превосходство и военную мощь Запада. Тем более, если сохраняется качественное и технологическое превосходство в области ВиВСТ, которое в перспективе (в соответствии с планами Запада) должно быть даже увеличено.

В 1990–2016 годы вопрос о соотношении сил стал принципиальным политическим вопросом, от решения которого непосредственно зависел политический и военный суверенитет государств. Его решение правящими элитами, по сути, означало выбор между суверенитетом и продолжением военно-экономического соревнования. В 1989–2000 годы эта проблема была решена в пользу экономических соображений и не в пользу суверенитета. Не только бывшие страны ОВД и СССР, но и правящая элита России сделали фактически выбор в пользу отказа от материального и финансового обеспечения военной безопасности.

Естественно, что такой политический выбор элиты М. Горбачева — Б. Ельцина привел к фактическому разрушению ВС и ОПК. Он обосновывался вплоть до 2008 года «чрезвычайно благоприятными внешними условиями» развития России и «отсутствия внешних врагов», т.е. **сознательным выбором** правящей элиты РФ. Причем этот выбор был сделан в условиях:

— ведущейся фактически террористической войны против России;
— усиления военно-силового давления на Россию.

Такой вектор в развитии военной политики России неизбежно не мог ни сказаться на всех ее трех важнейших областях:

— в военно-теоретической области наблюдалась деградация не только военной науки и образования, но и всего НЧК, занятого в ВС и ОПК;
— в области военного искусства сохранялись, очевидно, устаревшие представления об использовании военной силы, а, главное, невоенных инструментов политики. Так, начиная с 90-х годов XX века революция в средствах управления, информации и связи позволила создать такие виды и системы высокоточного оружия (ВТО), которые по своей боевой эффективности не

уступают ядерному. Это радикально изменило не только соотношение военных сил, но и всю геополитическую картину в мире. Так, например, сегодня уже с помощью ВТО в неядерном оснащении можно достаточно эффективно вести не только военные действия на ТВД, но и в глобальном масштабе.

Параллельно с совершенствованием системы «Иджис» происходит ее развертывание:

— Aegis BMD 3.6.1. — 2008 год — способна сбивать ракеты с дальностью полёта до 3500 км, ракета SM-3 Block IA;
— Aegis BMD 4.0.1. — 2014 год — предполагается способность сбивать ракеты с дальностью полёта до 5500 км, ракета SM-3 Block IA/IB;
— Aegis BMD 5.0.1. — 2016 год — предполагается способность сбивать ракеты с дальностью полёта до 5500 км, ракеты SM-3 Block IA/IB и SM-6;
— Aegis BMD 5.1.1. — 2020 год — предполагается способность сбивать ракеты с дальностью полёта до 5500 км, ограниченно по МБР, ракеты SM-3 Block IA/IB/IIA и SM-6;
— Aegis BMD 5.1.1. (4 фаза) — 2022 год — предполагается способность сбивать ракеты с дальностью полёта до 5500 км, ограниченно по МБР, ракеты SM-3 Block IA/IA/IB/IIB,SM-6.

И установка на кораблях различных государств:

— США Крейсера типа «Тикондерога»
— США Эсминцы типа «Арли Бёрк»
— Японии Эсминцы типа «Конго»
— Японии Эсминцы типа «Атаго»
— Республики Корея Эсминцы типа KDX-III
— Норвегии Фрегаты типа «Фритьоф Нансен»
— Испании Фрегаты типа «Альваро де Базан»

Радар предполагается установить на эсминцах типа «Хобарт» (Австралия).

Этот процесс будет стремительно и неизбежно развиваться в дальнейшем, предоставляя стране-лидеру не только технические, но и военно-политические и стратегические преимущества. В частности, в период 2020–2025 годов ожидается, что ВС США получат в распоряжение средства для массированного удара с помощью ВТО, которыми они смогут воспользоваться, прежде всего, в тех районах мира, безопасность которых сегодня гарантирована применением ЯО.

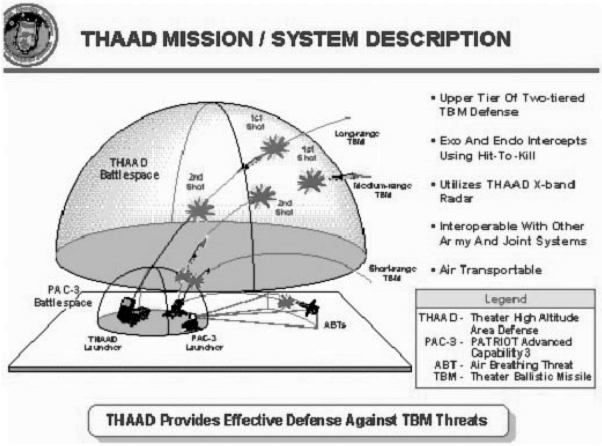

Рис. 15.[87]

Рис. 16.[88]

---

87 http://space4peace.net/newsletter/thaad.jpg

88 *Новиков Я. В.* Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования / Доклад. МГИМО–Университет, 2016. 16 сентября.

Рис. 17.[89]

— в области военного строительства активно шел процесс приватизации и распродажи активов, отказа от большинства НИР и НИОКР…

В итоге к началу XXI века ВС и ОПК России оказались, например, не в состоянии быстро обеспечить развертывание 50-и тысячной группировки против чеченских сепаратистов на Северном Кавказе, а на других стратегических направлениях фактически существовали провалы.

Военно-политическое руководство РФ исходит из того, что в современных условиях приоритетное значение имеют политико-дипломатические, правовые, экономические, информационные и другие средства. Их комплексное использование направлено на снижение степени военных опасностей и угроз; упрочение военно-политической стабильности в России и на мировой арене; создание неприемлемой обстановки для действий агрессивных, экстремистских, террористических сил, их изоляцию в мире,

[89] *Новиков Я. В.* Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования / Доклад. МГИМО–Университет, 2016. 16 сентября.

в регионе; предотвращение межгосударственных военных конфликтов; урегулирование мирными, политическими средствами кризисных ситуаций.

В то же время возможности политико-дипломатических способов и средств обеспечения военной безопасности не следует преувеличивать. Известно, что в практике межгосударственных отношений они реализуются, как правило, непросто, в течение продолжительного времени, с теми или иными ограничениями, условиями и т.д. Нельзя забывать, что, кроме того, нередко приходится иметь дело с проявлениями политической и военной пассивности, с одной стороны, и военно-политического авантюризма — с другой.

Рис. 18.[90]

[90] *Попов И. М.* Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства / Доклад: МГИМО–Университет, 2014. Апрель.

1.3. Военное строительство в России в 1985–2016 годы: годы постоянного «реформирования»

Настоящая Стратегия (национальной безопасности. — *А.П.*) является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности… и обеспечение устойчивого развития…[91]
Стратегия национальной безопасности России

В России эти вопросы (подготовка к войне. — *А.П.*) сохранились на стадии их теоретического осмысления и практической разработки времен Советского Союза и Варшавского Договора…[92]
А. Владимиров, генерал-медик, эксперт

Области военного строительства России в 1991–2016 годы стала наиболее пострадавшей от тех катаклизмов, в которых оказалась страна. Кроме того область военного строительства во втором десятилетии XXI века стала не только наиболее решающей, но и наиболее дискуссионной общественно-политической областью как в военной, так и во внутренней политике России. Это произошло, прежде всего, в силу тех глобальных и радикальных изменений в военной области, которые произошли в конце XX века и которые затронули, прежде всего, область военного строительства. Один очень наглядный пример: многие десятилетия (опираясь, прежде всего на опыт Второй мировой войны) в СССР рассматривалось превосходство в танках и бронетанковой техники в качестве главного условия обеспечения успеха Сухопутных войск. В результате к началу 90-х годов в СССР были накоплены десятки тысяч танков, которые пришлось с большим трудом утилизировать.

---

[91] *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[92] *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 310.

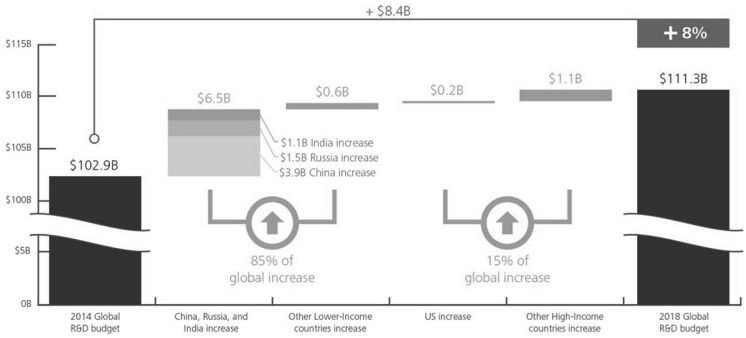

Рис. 19.[93] Изменения в расходах на военные НИОКР

Именно в эти же годы определяющими боевую эффективность стали средства боевого управления, связи, разведки, целеуказания и пр. средства управления, которые смогли увеличить боевую эффективность ВиВСТ в десятки и даже сотни раз, не увеличивая существенно ни огневую мощь, ни мощь двигателей.

Во втором десятилетии XXI века окончательно проявилась новая особенность в военно-технической политике: уровень наиболее современных военных технологий определяется общим уровнем научного и технологического развития страны. Иначе говоря, прежняя ситуация, когда концентрируясь (как в СССР в 40-е — 60-е годы) на нескольких военно-технических направлениях, можно было сохранять военно-техническое равновесие, стала меняться на ситуацию, когда общий научный и технологический уровень развития стал определять военно-технические возможности государств.

Концентрированное внимание на гражданских и военных НИОКР стало другой особенностью военно-технического развития в XXI веке. При любых военных бюджетах и тенденциях в их развитии, расхода на НИОКР продолжали оставаться не просто высокими, но и опережали темпы роста расходов по другим статьям.

Для России, имеющей в десятки раз меньше ресурсов для военного строительства, чем у ее оппонентов, вопрос эффективности военного строительства с обострением МО и ВПО во втором

[93] Global Defense Outlook 2015. Defense and Development. A. Report. — P. 5.

десятилетии XXI века стал особенно острым. Вот почему целесообразно вновь вернуться к базовым положениям российской военной политики.

Известно и общепринято, что военное строительство — составная часть (военного дела) военной политики государства, включающая теорию и практику создания и реформирования вооруженных сил государства и его военной организации. Существует и несколько отличное определение военного строительства как «системы взаимосвязанных экономических, социально-политических, собственно военных и других мероприятий по совершенствованию военной организации государства»[94].

Любое определение военного строительства, однако, предполагает, что в его процессе не только создаются новые и совершенствуются (а также ремонтируются и поддерживаются в рабочем состоянии) средства ведения вооруженной борьбы — вооружения и военная, а также специальная техника (ВиВСТ), но и совершенствуется вся военная организация нации и государства, прежде всего вооруженные силы и система управления ими. Современный военный бюджет на 2017 год дает достаточно полное представление о характере военного строительства в России.

Во-первых, абсолютный и относительный рост военных расходов не только остановлен, но и началось их снижение (на 100 млрд руб.), что приведет к тому, что относительно ВВП эти расходы составят менее 3%, т.е. как в значительной части развитых стран. Это вызвано тем, что значительная часть силовой политики в XXI веке теперь относится не только к военной, но и социально-экономической и внутриполитической областям, где военные расходы играют роль «обременителя» экономики. Общая тенденция 2008–2016 годов такова: в развитых странах снижается доля военных расходов в ВВП, либо, как минимум, не увеличивается, а закупки ВВСТ занимают стабильную долю военных затрат. Представление об этом дают данные (в текущих и постоянных ценах) о военных расходах стран-членов НАТО (рис. 20)[95].

[94] Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь. — М.: Вече, 2016.

[95] Defence Expenditures of NATO Countries (2008–2015) Communique PR/CP(2016)011. 2016. 28 January. — P. 2 / http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160129_160128-pr-2016–11-eng.pdf

Country	Currency unit (million)	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015 e
(0)	(-)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Current prices									
Albania	Leks	//	17,356	19,321	19,877	19,820	19,022	18,788	16,671
Belgium	Euros	4,298	4,048	3,960	3,956	4,023	3,964	3,913	3,758
Bulgaria (a)	Leva	1,553	1,273	1,230	1,066	1,099	1,196	1,102	1,036
Canada	Canadian dollars	21,100	21,828	19,255	21,808	19,978	18,764	20,076	20,011
Croatia	Kunas	//	5,356	5,057	5,323	5,059	4,848	4,625	4,596
Czech Republic	Koruny	52,755	59,656	50,808	43,131	42,780	42,035	41,002	43,761
Denmark	Kroner	24,410	23,252	25,328	24,259	25,618	23,682	22,769	23,296
Estonia (b)	Krooni-Euros	4,595	3,978	3,922	280	340	361	386	418
France (c)	Euros	45,366	39,190	39,241	38,443	39,105	39,402	39,199	39,199
Germany	Euros	32,824	34,171	34,925	34,630	36,168	34,593	34,749	35,517
Greece	Euros	6,896	7,311	5,966	4,934	4,384	3,999	3,939	4,265
Hungary	Forint	326,792	298,620	280,895	295,967	297,650	286,341	281,402	285,765
Italy	Euros	22,631	21,946	21,637	21,741	20,600	20,078	18,427	16,328
Latvia (b)	Lats-Euros	259	160	133	145	136	149	221	257
Lithuania (b)	Litai-Euros	1,251	998	849	855	870	923	1,111	425
Luxembourg	Euros	146	145	187	167	167	176	190	247
Netherlands	Euros	8,488	8,733	8,472	8,156	8,067	7,702	7,788	8,000
Norway (d)	Kroner	35,932	38,960	39,279	40,534	41,560	43,518	46,234	47,550
Poland	Zlotys	20,528	23,323	25,608	26,979	28,365	28,467	31,874	38,836
Portugal	Euros	2,536	2,692	2,673	2,627	2,366	2,457	2,263	2,491
Romania	New Lei	7,558	6,785	6,630	7,255	7,282	8,160	9,014	10,052
Slovak Republic (b)	Koruny-Euros	30,146	972	859	766	794	729	752	877
Slovenia	Euros	566	575	583	479	423	382	366	367
Spain	Euros	12,756	12,196	11,132	10,059	10,828	9,495	9,508	9,666
Turkey	Liras	18,755	19,603	21,241	22,807	24,956	27,466	29,727	32,690
United Kingdom	Pounds	37,127	37,357	39,053	39,204	36,563	39,824	39,985	39,019
United States	US dollars	729,544	757,466	720,423	740,744	712,947	680,825	654,264	649,931
2010 prices									
Albania	Leks	//	18,136	19,321	19,427	19,172	18,360	17,957	15,830
Belgium	Euros	4,367	4,113	3,960	3,894	3,898	3,776	3,665	3,451
Bulgaria (a)	Leva	1,636	1,289	1,230	997	1,013	1,110	1,018	950
Canada	Canadian dollars	21,194	22,405	19,255	21,093	19,036	17,636	18,535	18,497
Croatia	Kunas	//	5,401	5,057	5,235	4,898	4,654	4,439	4,396
Czech Republic	Koruny	53,365	58,792	50,808	43,225	42,288	40,972	38,998	41,201
Denmark	Kroner	25,295	23,776	25,328	23,604	24,340	22,314	21,339	21,822
Estonia (b)	Krooni-Euros	4,684	4,054	3,922	266	314	322	337	361
France (c)	Euros	45,901	39,614	39,241	38,084	38,297	38,297	37,883	37,552
Germany	Euros	33,654	34,430	34,925	34,263	35,255	33,030	32,613	32,707
Greece	Euros	7,141	7,376	5,966	4,902	4,354	4,066	4,113	4,530
Hungary	Forint	347,325	305,369	280,895	289,584	281,372	262,613	249,978	250,713
Italy	Euros	23,830	22,476	21,637	20,949	19,521	18,525	16,709	14,641
Latvia (b)	Lats-Euros	232	158	133	136	123	133	196	226
Lithuania (b)	Litai-Euros	1,238	1,021	849	813	806	844	1,004	383
Luxembourg	Euros	154	150	187	160	154	158	170	213
Netherlands	Euros	8,727	8,845	8,472	8,057	7,827	7,359	7,374	7,565
Norway (d)	Kroner	38,310	39,707	39,279	39,465	39,622	40,244	41,985	41,872
Poland	Zlotys	21,820	23,865	25,608	26,133	26,835	26,822	29,901	36,376
Portugal	Euros	2,580	2,710	2,673	2,634	2,382	2,418	2,207	2,397
Romania	New Lei	8,346	7,153	6,630	6,927	6,641	7,196	7,813	8,593
Slovak Republic (b)	Koruny-Euros	29,940	977	859	754	771	705	728	848
Slovenia	Euros	579	569	583	474	417	373	356	354
Spain	Euros	12,809	12,216	11,132	10,056	10,819	9,434	9,484	9,575
Turkey	Liras	20,869	20,716	21,241	21,005	21,501	22,288	22,267	22,813
United Kingdom	Pounds	39,067	38,520	39,053	38,399	35,240	37,635	37,153	35,854
United States	US dollars	756,205	776,298	720,423	725,398	686,340	644,935	611,745	599,554

(a) Data do not include pensions.
(b) Data are expressed in Euros (for Slovak Republic from 2009, for Estonia from 2011, for Latvia from 2014 and for Lithuania from 2015).
(c) From 2009, data include only the deployable part of the Gendarmerie.
(d) From 2009, new methodology is used to calculate pensions.

Рис. 20. Военные ресурсы стран-членов НАТО

Во-вторых, сохранения военных расходов в России в 2017–2020 годы приоритетных областей:

— закупов ВВСТ;
— расходов на человеческий капитал;
— боевую подготовку;
— НИОКР.

Бюджет военного ведомства формируется на основе учета затрат на выполнение постоянно существующих задач, планового перевооружения и вновь возникающих задач, главным образом

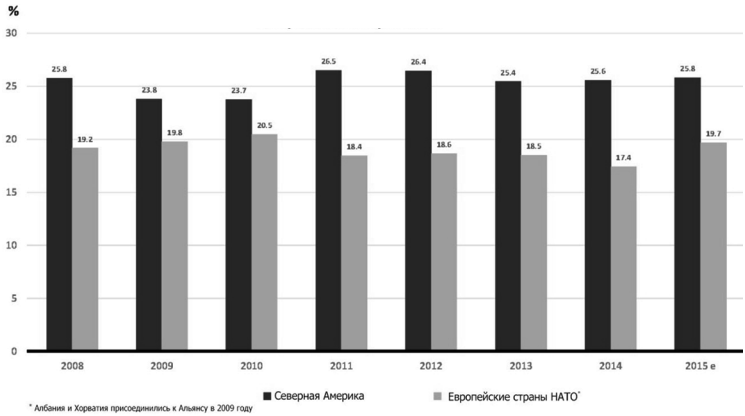

Рис. 21. Расходы на закупку ВВТ в % от военных расходов США/Канады и европейских стран НАТО

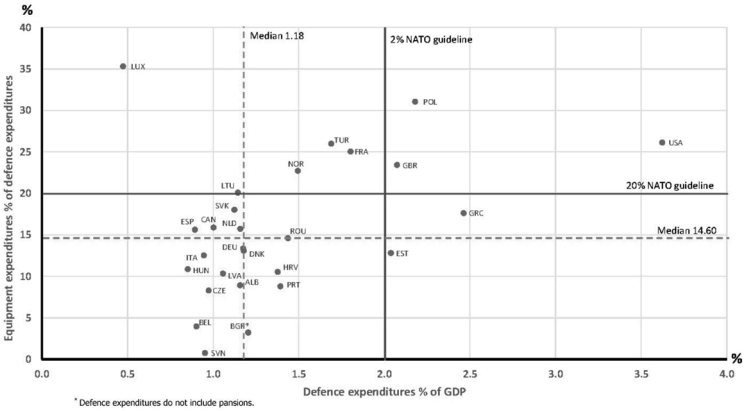

Рис. 22.[96] Военные расходы в % от ВВП и отношения к зарплатам на закупку ВВТ

96 Defence Expenditures of NATO Countries (2008–2015) Communique PR/CP(2016)011. 2016. 28 January. — P. 1 / http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160129_160128-pr-2016–11-eng.pdf

поступающих от Верховного главнокомандующего.Урезанию в ассигновании подвергаются только текущие расходы на содержание Вооруженных сил, это так называемые базовые расходы. Ранее секвестр статей, связанных с этим сегментом, приводил к дефициту (от 80 до 90 млрд руб.), который приходилось пополнять (в том числе и за счет ГПВ). Основными дефицитными статьями расходов, можно сказать, традиционно были продовольственное и вещевое снабжение и ЖКХ. Есть надежда, что в 2017 году этого удастся избежать, так как военные финансисты представили сбалансированный проект, в котором смогли учесть все предыдущие просчеты, и добились от Минфина принятия практически бездефицитного бюджета. Президент Владимир Путин поддержал военных, но одновременно поставил задачу, направленную на выполнение ГПВ 2018–2025 годов. Он также обратил внимание военных на то, что ситуация, сложившаяся с ГПВ 2011–2020, впредь недопустима, когда к моменту поступления новой техники не были готовы в полном объеме инвестиционные программы по созданию необходимой инфраструктуры, не учтены затраты на ее содержание, отсутствовали в нужном количестве специалисты, готовые к эксплуатации этой техники, и т.д.[97]

Кроме того для решения оперативных задач Минобороны получило право перебрасывать финансы с одной статьи расхода на другую в объеме 10% от бюджета в очень короткие сроки, на что сейчас уходит не более трех недель. Вопрос решается на уровне взаимоотношений Минфина и Минобороны, без внесения изменений в соответствующий закон.

---

[97] *Шарковский А.* Бюджет Минобороны урежут на 100 миллиардов // Независимая газета, 2016. 19 декабря / http://www.ng.ru/armies/2016–12-19/2_6888_oborona.html

1.3.а). Место и структура современного военного строительства России

… военнослужащий (независимо от воинского звания…)
в перспективе будет испытывать минимальные физические нагрузки,
но подвергнется огромным психологическим
и интеллектуальным нагрузкам[98]
И. Попов, М. Хамзатов,
военные эксперты

Современное военное строительство, как часть военной политики, которая, в свою очередь, является частью политики безопасности, как известно, зависит от качества и количества ресурсов государства (реальных, оперативных и потенциальных). Но в еще большей степени в XXI веке она стала зависеть от политики и стратегии государства в области безопасности и развития, от того, какие цели ставятся перед военной силой и какие средства обеспечения безопасности планируется использовать[99]. Так, если для обеспечения национальной безопасности вы планируете использовать преимущественно силовые (экономические, информационные и пр.) средства, то доля (удельный вес, масштаб, объем) военных средств соответственно становится меньше. И наоборот.

В XX веке наблюдалась общая тенденция уменьшения доли собственно военных средств среди других средств обеспечения безопасности вплоть до конца века, однако, начиная с нового десятилетия, эта тенденция изменилась: военные средства стали вновь доминировать в политике безопасности государств.

Возвращаясь к структуре военной политики, мы вычленяем три важнейших направления в военном строительстве — развитие вооруженных сил, военной организации и вооружений и военной техники, т.е. материальной базы для использования военной силы. Сказанное означает, что военное строительство концентрирует в себе усилия государства и нации по созданию средств вооруженной борьбы (хотя требуется подчеркнуть, что не все средства

[98] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 577.

[99] *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Рис. 23.

вооруженной борьбы относятся к компетенции и области министерства обороны). Место военного строительства общей в системе обеспечения безопасности государства определяется следующим образом[100].

Как видно из рисунка 23, военное строительство зависит не только от мер в области безопасности, но и от того, насколько быстро и эффективно развивается социально-экономическая и общественно-политическая области, т.е. экономика и общество. И это естественно, ведь именно там производятся и воспроизводятся основные национальные ресурсы — национальный человеческий капитал и его институты развития, природные ресурсы, промышленные ресурсы и активы. Так, в настоящее время по прогнозам Минэкономразвития, ожидается, что российская экономика выйдет из рецессии в 2017 году и следующие 20 лет будет расти в среднем по 2% в год, что примерно в 1,5 раза ниже среднемировых темпов, а численность трудовых ресурсов восстановится только к 2035 году (с учетом притока 300 000 мигрантов в год). До этого с аналогичным прогнозом выступило министерство финансов России. Другими словами, если все будет идти в экономике по-прежнему, то она станет относительно других стран более слабой, чем сегодня.

---

[100] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 269–271.

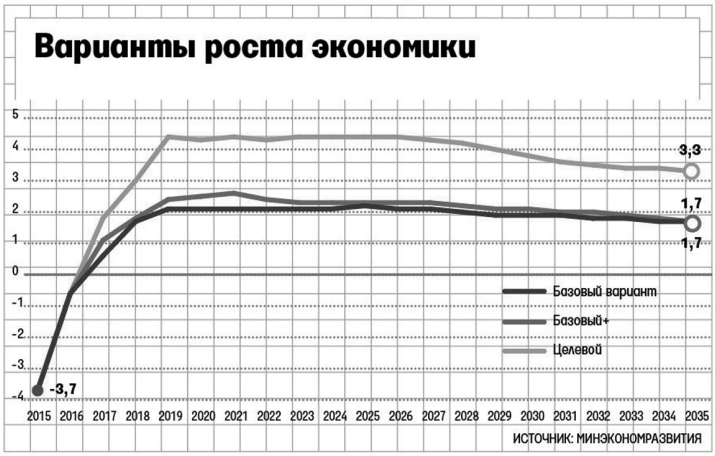

Рис. 24.[101] Прогноз Минэкономразвития

Это означает, как минимум, что расходы на оборону нужно либо сохранять пропорционально объему ВВП на сегодняшнем уровне, т.е. фактически сокращать, либо увеличивать за счет других областей экономики. В любом случае при подобном сценарии рассчитывать на увеличение объема финансирования не приходится, если не идти на откровенные жертвы. Остается выбор: либо мобилизация и отказ от развития, либо повышение эффективности имеющихся расходов.

Военное строительство, реализуемое собственно Министерством обороны, в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», ФЗ «О безопасности»[102] и Указом Президента РФ «О стратегии национальной безопасности России» (от 31 декабря 2015 года, №683)[103], охватывает далеко не

---

[101] *Кувшинова О., Прокопенко А.* Еще 20 лет стагнации прогнозирует Минэкономразвития / Эл. ресурс: Ведомости 2016. 20 октября. / http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689–20-let-stagnatsii#/galleries/140737492976325/normal/1

[102] Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г., а также Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

[103] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

все области безопасности, а только те, которые непосредственно связаны с военной безопасностью и деятельностью Министерства обороны страны.

Говоря о собственности Министерства обороны России, то эти документы предполагают реализацию комплекса мероприятий, ориентированных на 2013-2020 годы, в следующих наиболее приоритетных и достаточно традиционных областях военного строительства:

— оснащение Вооруженных сил современными образцами ВВСТ;
— совершенствование системы военного управления;
— повышение качества подготовки войск;
— совершенствование системы военного образования;
— развитие военно-научного комплекса.

Таким образом, в долгосрочном плане выделяются наиболее приоритетные области военного строительства, развитие которых планируется и обеспечивается соответствующими ресурсами до 2020 года.

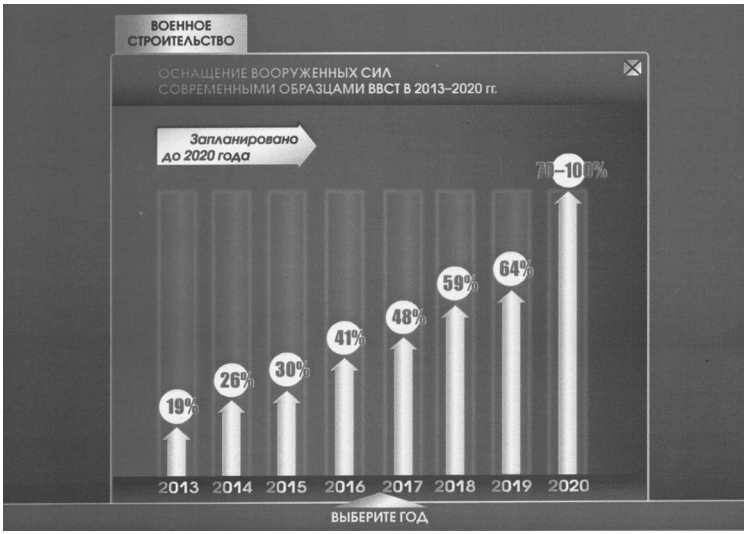

Рис. 25.[104] План деятельности Минобороны России 2013–2020 гг.

[104] Министерство обороны РФ (Официальный сайт) / http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/vvst/plan.htm

Вместе с тем остается до конца не решенным в практике строительства ВВСТ ключевой вопрос: кто и что, в конечном счете, определяет конкретные направления и масштабы такого военного строительства? Ответов может быть несколько, но, скорее всего, можно согласиться с теми, кто полагает, что в итоге происходит не просто формальное согласование, но и интеграция политических, военных, экономических и финансовых, а также социальных интересов и стоящих за нами групп, представляющих правящую элиту страны.

Так, например, строительство ВиВСТ в долгосрочной перспективе предполагает развитие таких ресурсоемких направлений, имеющих стратегическое назначение, как:

— стратегические наступательные вооружения (СНВ) всех типов базирования и их боезарядов;
— сил и средств воздушно-космической обороны;
— сил специальных операций;
— различных видов судов и вооружений ВМФ и т.д. и т.п.

Решение о тех или иных программах может быть мотивировано совершенно по-разному, но на первом месте должны стоять политические интересы. Так, если политические интересы, прежде всего, требуют сохранения национальной идентичности и суверенитета, то задача о создании мощных авианосных соединений вряд ли будет актуальной, учитывая её экономические и финансовые издержки.

Так, если говорить о динамике переоснащения ВВСТ в 2016 к 2020 году, то полезно сопоставить эти планы, из которых видны приоритеты военного строительства Российской Федерации. Это СНВ, вертолеты и артиллерия Сухопутных сил, а также подводные лодки для ВМФ.

Из этих же конкретных планов видно, какое внимание уделяется, например, повышению исправности ВВСТ, прежде всего в Сухопутных войсках и авиации. Это связано с тем, что (исходя из опыта войн и конфликтов) небоевые потери в ВВСТ составляют до 75–80%.

Аналогичное сравнение можно привести и по комплектованию Вооруженных сил России к 2016 и 2020 году.

В 2017–2020 годы предполагается снижение темпов роста оборонных расходов, что естественно, не может не отразиться на

Таблица 8. В 2016 году планируется[105]:

Оснащение Вооруженных Сил современными образцами вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ):	41%
Динамика закупок современных и модернизированных образцов ВВСТ:	
подводные лодки	53%
надводные корабли	47%
самолеты	45%
вертолеты	71%
ракетные комплексы Сухопутных войск	82%
артиллерия	55%
боевые бронированные машины	44%
многоцелевые автомобили	52%
Повышение исправности ВВСТ:	
Сухопутных войск	85%
ВВС	80%
ВМФ	78%
Разработка перспективных образцов ВВСТ. Принятие на вооружение. Начало серийного производства.	
авиационный комплекс	до 30.12
зенитная ракетная система	до 30.12
корвет	до 30.12
эсминец	до 2019 г.
Переоснащение воинских формирований на современные образцы ВВСТ (количество формирований, объем прироста к показателю 2012 г.)	112

[105] Министерство обороны РФ (Официальный сайт) / http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/vvst/plan.htm

Таблица 9. В 2020 году планируется[106]:

Оснащение Вооруженных Сил современными образцами вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ):	70–100%
Динамика закупок современных и модернизированных образцов ВВСТ:	
подводные лодки	71%
надводные корабли	71%
самолеты	71%
вертолеты	85%
ракетные комплексы Сухопутных войск	100%
артиллерия	79%
боевые бронированные машины	82%
многоцелевые автомобили	72%
Повышение исправности ВВСТ:	
Сухопутных войск	85%
ВВС	80%
ВМФ	85%
Переоснащение воинских формирований на современные образцы ВВСТ (количество формирований, объем прироста к показателю 2012 г.)	406

[106] Министерство обороны РФ (Официальный сайт) / http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/vvst/plan.htm

Таблица 10. В 2020 году планируется[107]:

Повышение численности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (тыс. чел.), в том числе комплектование (%):	425,0
Формирование научных рот и комплектование их наиболее одаренными выпускниками вузов	в соответствии с задачами ВС РФ

Таблица 11. В 2016 году планируется[108]:

Повышение численности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (тыс. чел.), в том числе комплектование (%):	400,0
должностей технического персонала, водителей, специалистов ремонтно-восстановительных органов войскового звена в боевых соединениях и воинских частях и воинских частях боевого обеспечения	100%
должностей, связанных с эксплуатацией сложного и дорогостоящего вооружения и военной техники	95%
Формирование научных рот и комплектование их наиболее одаренными выпускниками вузов	в соответствии с задачами ВС РФ

всей военной политике России. Этому есть главное объяснение — необходимость снижения всех государственных расходов для того, чтобы сбалансировать бюджет при цене на нефть 40$ за баррель, а не 70$. Минфин и другие специалисты полагают, что такое сокращение госрасходов приведет к росту ВВП. По их мнению, рост доли госрасходов в ВВП на 1 п.п. замедляет темпы

[107] Министерство обороны РФ (Официальный сайт) / http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/vvst/plan.htm

[108] Там же.

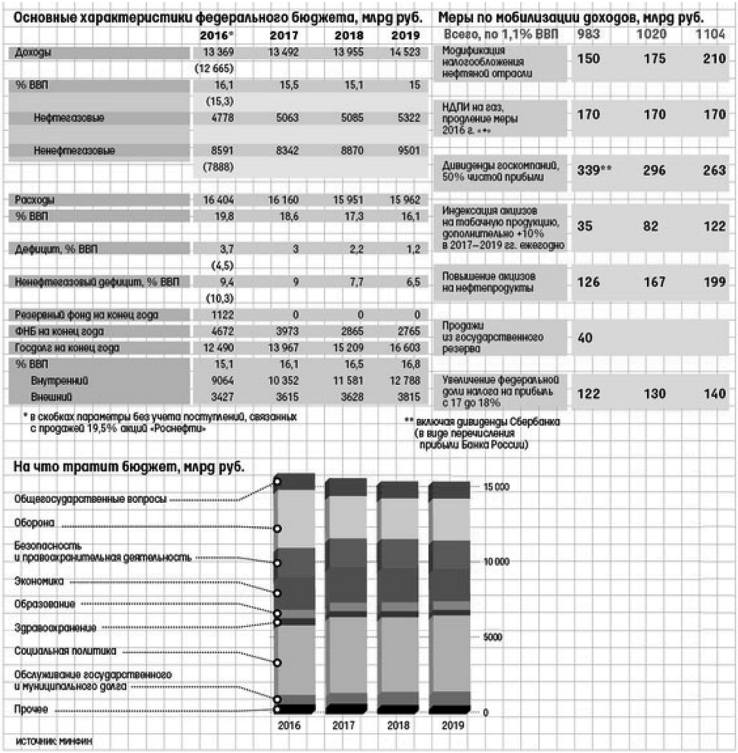

Рис. 26. Будущее бюджета

роста экономики на 0,5 п.п. Это должно привести к сокращению доходов бюджета в ВВП до 15% (по равнению с 23% в 2006 г.), а в целом обеспечит следующую (рис. 26) макроэкономическую картину[109].

[109] *Кувшинова О., Папченкова М., Прокопенко А.* Минфин предлагает новую бюджетную политику / Ведомости, 2016. 7 октября / http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/07/659983-minfin-byudzhetnuyu-politiku

1.3.б). Реформирование советских ВС в России: первый этап реформ (1991–2010 гг.)

В будущих конфликтах военные (силовые) действия могут даже не вестись вообще, либо они не будут иметь определяющее значение[110]
И. Попов, М. Хамзатов, военные эксперты

России к началу XXI века досталась старая, во многом разрушенная армия и преимущественно старая советская техника, у которой была такая уже старая военная элита, обладающая еще более старыми взглядами на войну. Это, может быть, излишне резкая оценка того состояния, в котором оказались ВС России (как и вся экономика и общество) к 2009–2010 годам XXI века, ни в коем случае не относится ни к истории, ни к традициям, а тем более тем самоотверженным и героическим военнослужащим, которые в то время пытались (и решали) несмотря ни на что боевые задачи.

Эти проблемы, сравнения и планы, дающиеся в 2016 году, полезно сравнить с ситуацией, в которой оказалась Россия в 1991 году:

Союз Советских Социалистических Республик имел общие для всех республик (в том числе для РСФСР) Вооружённые Силы, в отличие от ведомств МВД.

После распада СССР принимались попытки сохранить в рамках СНГ единые вооружённые силы, в период с лета 1991 года по начало 1993 года Объединённые Вооружённые Силы СНГ состояли из остатков Советской Армии, дислоцированных на территории РСФСР и других союзных республик.

7 мая 1992 года Указом президента России №466 части бывшей Советской Армии, дислоцировавшиеся на территории России были объявлены Вооруженными Силами Российской Федерации, входящими в состав ОВС СНГ.

К весне 1993 года без громогласных объявлений название «ОВС СНГ» повсеместно в России заменилось названием «Вооруженные Силы Российской Федерации». Строго говоря, с весны 1993 года и существует Российская Армия.

---

[110] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 183.

За эти годы, Вооружённые силы России приняли участие в ряде вооружённых конфликтов на территории бывшего СССР и на территории бывшей Югославии: молдавско-приднестровский конфликт, грузино-абхазский и грузино-югоосетинский, а также в 1999 году в Косово.

201-я мотострелковая дивизия была оставлена в Таджикистане в условиях начала гражданской войны 1992–1996 гг.

В период осетино-ингушского конфликта на Северном Кавказе 31 октября — 4 ноября 1992 в регион вводились войска.

Кроме того Российская армия принимала участие в двух чеченских войнах — 1994 г. — 1996 г. («восстановление конституционного порядка») и 1999 г. — фактически до 16 апреля 2009 года («контртеррористическая операция») — и в «пятидневной войне» в Грузии в августе 2008 года («Операция по принуждению к миру»), фактически военная агрессия РФ и оккупация части территории Грузии[111].

27 февраля 2014 года Вооружённые силы России, дислоцировавшиеся в Автономной республике Крым (Украина), главным образом силы Черноморского флота, а также части введенные с территории РФ начали военную операцию по захвату Крыма и его последующей аннексии. В ходе военной операции, которая с точки зрения международного права классифицируется, как военная агрессия военнослужащие РФ действовали без знаков принадлежности к ВС РФ и именовались в российских СМИ т.н. «вежливыми людьми». Российскими военными были блокированы, а впоследствии захвачены все объекты силовых структур Украины, здания администраций и взята под контроль административная граница с остальной частью Украины на перекопском перешейке.

Позднее они обеспечивали силовое прикрытие т.н. «референдума о статусе Крыма» проведенный РФ 16 марта 2014 года для легализации аннексии Автономной республики Крым (Украина).

В первой половине 1990-х годов Вооружённые силы России в значительной степени подверглись трансформациям, связанным как с разделом остатков Советской Армии, так и выводом на территорию Российской Федерации ряда формирований из Восточ-

[111] Вооружённые силы России. 2015. 23 декабря / http://www.milkavkaz.net/2015/12/vooruzhjonnye-sily-rossii.html

ной Европы. Примером может служить использование фронтовой авиации все время Второй Чеченской войны.

Военное командование сделало определенные выводы из прошлой Чеченской кампании, а также из боевых действий НАТО в Югославии. В Первой Чеченской войне федеральные войска понесли большие потери в живой силе и в технике, развивая наступление без предварительной огневой подготовки. Большие потери были и среди мирного населения, когда для достижения результатов срочно потребовалась поддержка ударной авиации.

На этот раз основная роль в воздушно-наземной операции отводится авиации. Предварительно ведется тщательная разведка авиационными средствами, разведывательными подразделениями спецназа, агентурной разведкой. Как следствие, более грамотно производится выбор средств поражения выявленных конкретных целей, что подразумевает уменьшение разрушений гражданских объектов и количества жертв среди мирного населения.

По сравнению с предыдущей войной качественный состав авиационной группировки почти не изменился. Ударная авиация представлена исключительно самолетами разработки ОКБ Сухого: фронтовые бомбардировщики Су-24М и штурмовики Су-25. Бомбардировщики Ту-22М пока не вводились в бой. Радиотехническая, воздушная и фоторазведка ведется самолетами МиГ-25РБ и Су-24МР. Для выполнения фото- и воздушной разведки привлекаются самолеты Ан-30Б. Так же, как и во время прошлой Чеченской военной кампании, к ведению тактической воздушной разведки привлечен беспилотный разведывательный комплекс «Строй-П».

Возможности авиационных средств неоднородны применительно к действиям в сложных метеоусловиях, ночью, по точности навигации и номенклатуре применяемых боеприпасов с точным наведением. Дистанционно-пилотируемые летательные аппараты (ДПЛА) «Пчела-1Т» в составе комплекса «Строй-П» могут вести разведку только в дневное время при хороших метеоусловиях, т.к. оборудованы только телевизионными камерами (т.е. в той же комплектации, что и три года тому назад, в период прошлой войны).

Фронтовые бомбардировщики Су-24М и штурмовики Су-25 в боевых действиях также применяются практически без изменений по составу оборудования и номенклатуре вооружения.

Самолет Су-24М отличает всепогодность боевого применения, мощная прицельно-навигационная система и широкая номенклатура управляемого оружия, в состав которой входят управляемые ракеты класса «воздух — поверхность», корректируемые бомбы КАБ-500, а также тяжелые бомбы КАБ-1500Л и КАБ-1500ТК с лазерным или с телевизионно-командным наведением, предназначенные для поражения высокопрочных целей (бункеров, мостов)[112].

Почти всё время своего существования Вооружённые силы России находились в стадии реформирования. Очередной этап военной реформы завершился 16 ноября 2004 года. В октябре 2008 года было объявлено о начале новой реформы, которая по задумке авторов должна привести к коренному изменению облика российской армии.

В сентябре 2008 г. Президент России Д. Медведев выделил пять главных задач развития Вооруженных Сил[113]:

— Совершенствование организационно-штатной структуры и системы базирования войск с переводом всех боевых соединений и частей в категорию постоянной готовности;
— Повышение эффективности системы управления Вооруженными Силами;
— Совершенствование системы подготовки кадров, военного образования и военной науки;
— Оснащение Вооруженных Сил современным оружием;
— Решение социальных проблем военнослужащих.

Через полтора года, в марте 2010 г., выступая на коллегии министерства обороны, Президент уточнил эти задачи, сведя их к трем последним из перечня 2008 г. и добавив «задачу повышения боеготовности сил общего назначения в их новой организационно-штатной структуре»[114]. Вторая задача — повышения эффективности системы управления ВС — не исчезла полностью, а трансформировалась в «обеспечение Вооруженных Сил автоматизированными пунктами управления и информационными комплексами». Пятая задача приросла «повышением престижа военной службы».

---

112 Чечня: Авиация во Второй Чеченской Войне / http://www.combatavia.info/index9chechna2.html

113 *Сизов В. Ю.* Военная политика и военная безопасность России. 2010. — №2 / http://www.rusus.ru/print.php?id=191

114 Там же.

Главными направлениями военной политики России в период после 2010 года были:

— во внутренней военной политике — реформа вооруженных сил и модернизация военно-промышленного комплекса страны;
— во внешней военной политике — сохранение режима обеспечения стратегической стабильности, укрепление военно-политического сотрудничества на постсоветском пространстве и улучшение отношений с США и НАТО.

К основным факторам, определявшим выбор приоритетов текущей военной политики России и промежуточные результаты реформы Вооруженных Сил, наряду с вводом в действие новых концептуальных документов, следует отнести:

— критическое осмысление руководством страны состояния Вооруженных Сил по результатам их участия в разрешении конфликта на Кавказе в августе 2008 г.;
— отказ стран Запада начать конструктивный диалог с Россией по вопросу о совершенствовании системы обеспечения международной безопасности в Евроатлантическом регионе;
— двойственность политики НАТО по отношению к России (предложения о расширении сотрудничества наряду с подтверждением курса на расширение блока, в том числе за счет приема в него Грузии и Украины);
— сохранение очагов потенциальных вооруженных конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии;
— изменение характера российско-американского диалога по обеспечению стратегической стабильности (подписание нового договора по сокращению стратегических наступательных вооружений при одновременном сохранении планов США по развертыванию системы противоракетной обороны в Европе);
— продолжающийся рост военной мощи Китая;
— снижение темпов экономического развития страны в условиях глобального кризиса;
— продолжающуюся стагнацию большей части военно-промышленного комплекса страны;
— сокращение финансовых возможностей РФ по комплексной реформе военной организации государства;

— отсутствие активной поддержки военной реформы со стороны населения страны[115].

Намеченные Стратегией (2010 г.) и Доктриной-2010 задачи по «укреплению национальной обороны» и «строительству и развитию Вооруженных Сил и других войск» стали еще одним важным фактором влияния на военную политику России.

Исходя из содержания статьи 32 Стратегии, главными задачами государства по укреплению национальной обороны следует считать:

— сохранение потенциала стратегических ядерных сил;
— наращивание количества частей постоянной готовности;
— совершенствование оперативной и боевой подготовки;
— организацию межвидового взаимодействия войск и сил;
— уточнение системы комплектования ВС РФ и других войск;
— повышение престижа военной службы и статуса офицерского состава;
— выполнение государственных программ по разработке и созданию вооружения и военной техники.

Доктрина-2010, суммируя данные задачи в статье 32, определила основную задачу строительства и развития Вооруженных Сил и других войск как «приведение их структуры, состава и численности в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов <…>, а также возможностями Российской Федерации».

Эти правильные с точки зрения любой военной теории задачи лишены в рассматриваемых документах базиса — определения возможного характера военных конфликтов с участием России в краткосрочной и среднесрочной перспективе и перечня конкретных источников военной опасности, способных перерасти в непосредственную военную угрозу Российской Федерации. Это, в свою очередь, отразилось на стратегии всего военного строительства в России, которая в некоторые годы оказывалась не просто неэффективной, а разрушительной. Так, во времена руководства МО А. Сердюковым был нанесен мощный удар по всей системе материально-технического обеспечения ВС, созда-

[115] *Сизов В. Ю.* Военная политика и военная безопасность России. 2010. — №2 / http://www.rusus.ru/print.php?id=191

вавшиеся десятилетиями. Как отмечает ее бывший начальник, генерал-полковник С. Маев, такое «реформирование» в 2000-е годы привело к значительной утрате возможностей по поддержанию ВВТ собственными силами (что обеспечивало прежде до 80% возвращенных в строй ВВТ)[116].

Другой пример «реформ Сердюкова» — сокращение численности офицеров в ВС, которое привело к массовому увольнению. Так, в ходе военной реформы 2008–2012 годов бывшим руководством военного ведомства было принято решение о лавинообразном сокращении офицерских должностей. За год (с 2009 по 2010) их количество сократилось с 335 тыс. до 150 тыс. Из-за этого части младших офицеров, в основном выпускникам военных вузов, было предложено либо уволиться в запас, либо занять вакантные должности сержантов — командиров отделений, заместителей командиров взводов, командиров боевых машин. Были уникальные случаи, когда офицеры становились простыми стрелками или пулеметчиками. Также были упразднены звания прапорщиков и мичманов. Их обязанности планировалось переложить на сержантов-контрактников, однако последних в достаточном количестве не оказалось, и на их должности также стали назначать офицеров.

В пик реформ Анатолия Сердюкова в статусе «офицеров-сержантов» было около 10 тыс. человек. Со сменой руководства Минобороны их количество неуклонно снижалось, и сейчас Минобороны должно переназначить с сержантских и старшинских должностей менее тысячи военнослужащих. Ситуацию удалось исправить только к 2017 году[117].

Упоминания в статье 12 Стратегии, что «в условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы», явно недостаточно для определения возможных союзников и потенциальных противников России в конфликтах будущего, а также задач для первых операций вооруженных сил. Вряд ли поможет решению этой проблемы

[116] *Маев С.* Под знаменем ремонта / Эл. ресурс: «Оружие России», 2016. 3 октября / http://www.arms-expo.ru/analytics/vooruzhennye-sily/sergey-maev-pod-znamenem-remonta/

[117] В войсках больше не будет «офицеров-сержантов» // Известия, 2016. 29 декабря /http://izvestia.ru/news/654626

отнесение руководством России к «потенциальным угрозам национальной безопасности нашей страны» существующего вблизи российских границ «конфликтного потенциала» и «неурегулированных проблем». Если принять этот посыл («потенциал — это потенциальная угроза») как руководство к уточнению направлений военной политики России, то придется признать, что НАТО является потенциальным противником, так же как и многие соседи России.

1.3.в). Современные реформы в российском военном строительстве (2010 — н/вр.)

> Система стратегического планирования — механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования… в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования…[118]
>
> *ФЗ №172 «О стратегическом планировании в РФ» от 2014 г.*

Игнорирование потребностей стратегического прогнозирования и планирования вплоть до второго десятилетия XXI века стали одной из причин того, что современные реформы в области военной политики вообще и военного строительства, в частности, характеризуются попытками в короткие сроки максимально быстро ликвидировать сложившуюся к 2008–2010 годам разруху в Вооруженных силах страны. Такая спешка неизбежно ведет к экстенсивным, иногда не продуманным и даже вредным действиям, что не удивительно, ведь даже ФЗ «О стратегическом планировании» приняли только летом 2014 года. В целом можно сказать, что военное строительство в этот период развивается в рамках старой, традиционной парадигмы, характеризуемой оснащением более современной техникой и вооружениями, экипировкой и боевой подготовкой войск[119]. Этот традиционный подход, к сожалению,

---

[118] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г. Ст. 3.

[119] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

не акцентирует внимания на том, что США перестали массированно модернизировать сухопутные силы и даже свои СЯС, но редко увеличили расходы на информационных и кибернетических средствах борьбы[120].

Очевидно, что в нынешних условиях определение вероятных противников и характера возможных конфликтов — это очень сложная задача для любого государства. Неопределенность и непредсказуемость развития международной обстановки вынуждает большинство стран придерживаться традиционных моделей военной политики. Их адаптация к современным реалиям идет практически в режиме удовлетворения текущих потребностей группировок вооруженных сил, участвующих в конкретном вооруженном конфликте в том или ином регионе мире.

Тем не менее, опыт передовых стран, в первую очередь США, позволяет сделать вывод, что большинство стран приступили к перераспределению своих научных и военно-экономических ресурсов для подготовки к «нетрадиционным войнам». Руководство этих стран, не отвергая полностью мнения российского Президента «о возможности повторения конфликта, сопоставимого с масштабами второй мировой войны», уже выделяет значительные ресурсы для решения задач, несвойственных вооруженным силам в классических войнах. Выступая 16 июня 2010 г. в одном из комитетов Сената, министр обороны США Р. Гейтс привел следующие данные: из доли военного бюджета страны, предназначенной для финансирования закупок вооружения и военной техники, около 50% средств расходуются на программы модернизации вооружений для возможных конфликтов с почти равными по потенциалу странами (можно предположить, что имелись в виду Россия и Китай); около 40% средств расходуются на программы двойного назначения, такие как транспортные самолеты C-17s и примерно 10% выделяется на средства вооруженной борьбы для нетрадиционных или ассиметричных военных действий[121].

---

[120] См. подробнее: *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 183.

[121] *Сизов В. Ю.* Военная политика и военная безопасность России. 2010. — №2 / http://www.rusus.ru/print.php?id=191

По словам Начальника ГШ ВС РФ, главная цель военной реформы была — создать к 2015 г. современные, мобильные, хорошо подготовленные, оснащенные новейшими образцами вооружений и военной техники ВС, способные адекватно реагировать на все возможные угрозы[122].

Основной упор был сделан на развитии стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Предполагалось к 2020 году заменить до 80% СНВ на качественно новые и создать фактически новый вид вооруженных сил — Воздушно-космические илы — для организации системной обороны территории страны и защиты от новейших средств ВКН США и их союзников.

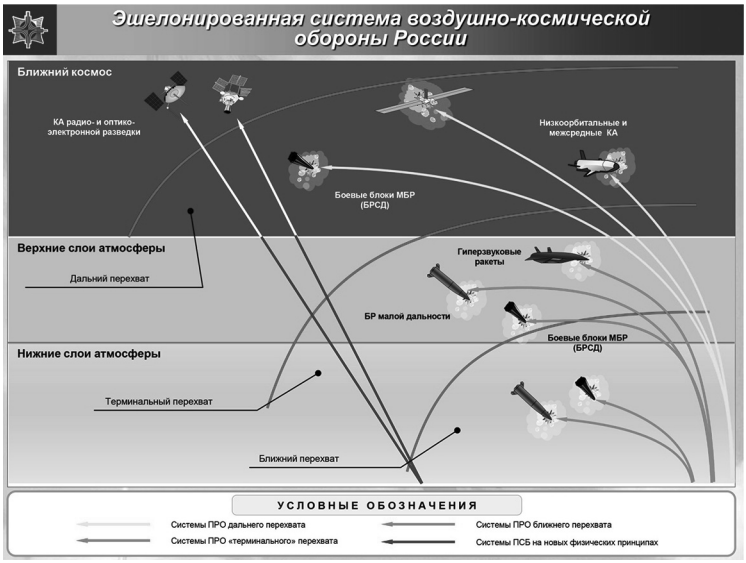

Рис. 27.[123]

Территориально ВС РФ представлены 4 военными округами и одним объединенным стратегическим командованием, это мощ-

---

122 Вооружённые силы России. 2015. 23 декабря / http://www.milkavkaz.net/2015/12/vooruzhjonnye-sily-rossii.html

123 *Новиков Я. В.* Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования / Доклад. МГИМО–Университет, 2016. 16 сентября.

ные межвидовые объединения войск на ключевых стратегических направлениях. Объединение под единым руководством командующего войсками военного округа общевойсковых (танковых) армий Сухопутных войск, флотов ВМФ, армий ВКС, бригад специального назначения, дивизий и бригад ВДВ позволило качественно увеличить боевые возможности новых военных округов за счёт сокращения времени реакции в кризисных ситуациях и роста их совокупной ударной мощи.

— Западный военный округ (ЗВО)
— Южный военный округ (ЮВО)
— Центральный военный округ (ЦВО)
— Восточный военный округ (ВВО)
— Объединенное стратегическое командование «Север»

Кроме того составной частью ВС РФ являются гибридные вооруженные формирования на территории отдельных (оккупированных) районов Донецкой и Луганской областей Украины — т.н. **Народная милиция ДНР и Народная милиция ЛНР**.

Управление Вооруженными силами России

Минобороны России является центральным органом управления вооружёнными силами России за исключением войск ГО, пограничных и внутренних войск. Качественное, эффективное управление Вооруженными силами не всегда оценивается должным образом, хотя примеры даже Второй мировой войны показывают,

какую важную роль на первых этапах войны с Германией сыграл опыт и знание старшего и высшего командного состава Германии. Так, с точки зрения соотношения картина выглядела следующим образом[124].

Таблица 12. Условный расчетный боевой опыт войск

	Человек	Дней	Тыс. чел. *дней
Красная армия			
Война б Испании	1811	974	1764
Бои на озере Хасан	15 000	12	180
Бои на Халкин-Голе	57 000	125	7125
Польский поход	466 517	19	8864
Финская война	425 640	102	43 415
		Итого:	**61 348**
Германия			
Война б Испании	5500	974	5357
Польская кампания	1 500 000	35	52 500
Дацко-Норвежская операция	122 100	59	7204
Французская кампания	3 350 000	42	140 700
Югославская кампания	700 000	11	7700
Греческая операция	680 000	24	16 320
		Итого:	**229 781**
	Отношение Германия / СССР		3,75/1

[124] *Поляков А.* 1941-й год: малоизвестные причины поражений // Военное обозрение, 2016. 25 октября / https://topwar.ru

Еще выразительнее картина выглядит, если сравнивать опыт конкретных генералов и офицеров Германии и СССР перед началом Второй мировой войны (табл. 13–15)[125].

В этом смысле опыт генералов, офицеров, сержантов и рядовых Вооруженных Сил России в Сирии оказывается бесценным. Как и опыт применения тех или иных видов и систем ВВСТ, чему были проведены соответствующие совещания в Минобороне и Генштабе осенью 2016 года.

Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации (ГШ ВС РФ) является центральным органом военного управления и основным органом оперативного управления Вооруженными Силами Российской Федерации, **осуществляющим координацию деятельности пограничных войск и органов федеральной службы безопасности, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации**, Железнодорожных войск Российской Федерации, федерального органа специальной связи и информации, войск гражданской обороны, инженерно-технических и дорожно-строительных воинских формирований Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, федеральных органов государственной охраны, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации по выполнению задач в области обороны, строительства и развития других войск, воинских формирований и органов, а также планирование и применения Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов в области обороны.

— Структура Генерального штаба ВС РФ:
— Главное оперативное управление ГШ ВС РФ
— Главное управление ГШ ВС РФ (в/ч 45807, бывшее Главное разведывательное управление — ГРУ ГШ ВС РФ)
— Главное организационно-мобилизационное Управление ГШ ВС РФ
— Главное управление связи ВС России
— Управление начальника войск радиоэлектронной борьбы ВС России

---

[125] *Поляков А.* 1941-й год: малоизвестные причины поражений // Военное обозрение, 2016. 25 октября / https://topwar.ru

Таблица 13. Боевой опыт и карьера немецких командующих

	Командование	Наивысшее звание в ПМВ	Наивысшая должность в ПМВ	Возраст, на 1941 год, лет	Военный стаж на 1941 год, лет	Год вступления в должность уровня «дивизия и выше»
Вальтер фон Браухич	Сухопутные войска	Майор	В штабах дивизий	60	41	1915
Группа армий «Центр»						
Федор фон Бок	Гр. арм. «центр»	майор	Нач. штаба дивизии	61	43	1914
Клюге, Ханс Гюнтер фон	4-я армия	Капитан	Нач. опер отдела дивизии	59	42	1914
Гудериан, Гейнц Вильгельм	2-я танковая группа	Капитан	Нач. опер отдела армии	53	34	1917
Гот, Герман	3-я танковая группа	Капитан	Нач. опер отдела дивизии	56	37	1915
Штраус, Адольф	9-я армия	Н.д.	Н.д.	62	43	Н.д.

Группа армий «Север»						
Вильгельм фон Лееб	Гр. арм. «Север»	Майор	Нач. опер отдела дивизии	65	46	1914
Буш, Эрнст	16-я армия	Капитан	Командир батальона	56	44	1921
Кюхлер, Георг фон	18-я армия	Капитан	Нач. штаба корпуса	60	41	1915
Гёпнер, Эрих	4-я танковая группа	Капитан	Начштаба корпуса	55	36	1914
Группа армий «Юг»						
Герд фон Рунштедт	Гр. Арм. «Юг»	Майор	Знач. штаба корпуса	66	49	1915
Клейст, Эвальд фон	1-я танковая группа	Капитан	Знач. штаба дивизии	60	41	1915
Рейхенау, Вальтер фон	6-я армия	Капитан	Зам. знач. штаба дивизии	57	38	1915
Шоберт, Ойген фон	11-я армия	Н.д.	Командир батальона	58	39	1934
Штюльпнагель, Карл фон	17-я армия	Н.д.	Сотрудник ген. штаба	55	37	1936

Таблица 14. Боевой опыт и карьера советских командующих

	Командование	Наивысшее звание в ПМВ	Наивысшая должность в ПМВ	Возраст, на 1941 г., лет	Военный стаж на 1941 г., лет	Год вступления в должность уровня «дивизия и выше»
Тимошенко, Семён Константинович	Нарком обороны	Рядовой	Рядовой	46	27	13
Западный фронт						
Павлов, Дмитрий Григорьевич	Ком. Фронтом	Унтер-офицер	Н.д.	44	27	13
Кузнецов, Василий Иванович	3-я армия	Подпоручик	Н.д.	47	26	Н.Д.
Голубев, Константин Дмитриевич	11-я армия	Поручик	Ком. роты	45	26	13
Коробков, Александр Андреевич	4-я армия	Прапорщик	Ком. взводом	44	26	5
Филатов, Пётр Михайлович	13-я армия	Подпоручик	ком. роты	45	27	14

Северо-западный фронт						
Кузнецов, Федор Исидорович	Ком. фронтом	Прапорщик	Н.д.	43	25	3
Собенников, Пётр Петрович	8-я армия	Корнет	Н.д.	47	26	20
Морозов, Василий Иванович	11-я армия	Прапорщик	Н.д.	44	26	10
Берзарин, Николай Эрастович	27-я армия	В ПМВ участия не принимал	В ПМВ участия не принимал	37	23	3
Юго-западный фронт						
Кирпонос, Михаил Петрович	Ком. фронтом	Фельдшер	Н.д.	49	26	10
Потапов, Михаил Иванович	4-я армия	В ПМВ участия не принимал	В ПМВ участия не принимал	39	21	6
Музыченко, Иван Николаевич	6-я армия	Рядовой	Рядовой	40	24	4
Понеделин, Павел Григорьевич	12-я армия	Прапорщик	Н.д.	48	26	3

	Командование	Наивысшее звание в ПМВ	Наивысшая должность в ПМВ	Возраст, на 1941 г., лет	Военный стаж на 1941 г., лет	Год вступления в должность уровня «дивизия и выше»
Юго-западный фронт						
Костенко, Федор Яковлевич	26-я армия	Унтер-офицер	Н.д.	45	26	4
Южный фронт						
Тюленев, Иван Владимирович	Ком. фронтом	Прапорщик	Ком. взвода	49	26	3
Черевиченко, Яков Тимофеевич	9-я армия	Унтер-офицер	Н.д.	47	27	5
Смирнов, Андрей Кириллович	18-я армия	Поручик	Ком. роты	46	27	12
Добросердов, Константин Леонидович	7-й СК	Поручик	Ком. роты	50	26	10
Батов, Павел Иванович	9-й СК	Унтер-офицер	Н.д.	44	26	5

Таблица 15. Сводные данные по стажу советских и немецких офицеров

	Вермахт	РККА
Средний возраст на 1941 год. лет	55	45
Средняя продолжительность армейской службы к 1941 году, лет	41	26
Средняя продолжительность стажа управления соединениями от дивизии и выше« 1941 год. лет	21	9
Среднее воинское звание, достигнутое за годы Первой мировой	Капитан	Прапорщик
Средняя должность, занимаемая в годы Первой мировой	Знач. штаба дивизии	Командир роты

— Военно-топографическое управление ГШ ВС России
— Восьмое управление ГШ ВС России
— Управление строительства и развития системы беспилотных летательных аппаратов ГШ ВС России
— Управление оперативной подготовки ВС России

Национальный центр управления обороной Российской Федерации (бывший Центральный командный пункт ГШ ВС России)

Центр военно-стратегических исследований ГШ ВС России

28 марта 2014 года на опытно-боевое дежурство заступили дежурные смены Национального центра управления обороной Российской Федерации (НЦУОГ). Центр начал полноценно функционировать 1 декабря 2014 года и стали основным звеном в системе управления военной организацией государства. Он свяжет действующие ведомственные системы управления и мониторинга — Генштаба, кризисный центр МЧС, Росатом, Росгидромет и другие — в единую систему.

Приоритетом военной политики является строительство и подготовка военной организации государства, призванной обеспечить гарантированную защиту «национальных интересов

и военной безопасности Российской Федерации и её союзников». Мы отказались от односторонней реализации принципа «оборонной достаточности», так как это сыграло отрицательную роль в строительстве Вооружённых Сил, ослабило военно-промышленный комплекс страны. Этот принцип ориентирован лишь на «оборонительные» действия по защите национальных интересов, при этом войскам зачастую отводилась пассивная роль. Характер, способы действий ВС должны не только гарантировать военную безопасность страны, но и служить мощным сдерживающим фактором по отношению к внутренним и внешним деструктивным и агрессивным силам. В настоящее время этот подход нашел свое выражение в Стратегии национальной безопасности России в виде концепции «стратегического сдерживании», предполагающей использование всего набора средств обеспечения национальной безопасности — политических, военных, экономических, информационных и др., и др.[126]

Важная роль в осуществлении стратегии военной безопасности отводится Вооружённым силам РФ. Для этого они должны располагать всеми необходимыми средствами. В Военной доктрине в этой связи заявлено, что «Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству или коалиции государств) в любых условиях. При этом ядерное оружие, которым оснащены ВС РФ, рассматривается Российской Федерацией как **фактор сдерживания агрессии**, обеспечения военной безопасности РФ и её союзников, поддержания международной стабильности и мира».

---

[126] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

1.3.г). Военно-техническое сотрудничество России

Сокращение военного бюджета также приведет к заморозке или даже отказу от ряда НИОКР по перспективным образцам вооружений, включая как раз те, которые будут формировать «лицо армии» в 2030-е — 2040-е годы[127]
А. Фролов,
главный редактор журнала «Экспорт вооружений»

За последние 3400 лет человечество имело лишь 250 лет всеобщего мира[128]
А. Смирнов, И. Кохтюлина,
политологи

Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными странами, как и в других государствах мира, является, прежде всего, частью общей внешней и военной политики, где собственно экономическая сторона играет важное, но не решающее значение. Тем не менее, в период 1991–2016 годов экспортная выручка от ВТС для многих промышленных предприятий и КБ России была существенной частью доходов, которые обеспечили продолжение НИОКР, а нередко и само выживание всей системы ОПК России. Это обстоятельство следует иметь ввиду, когда речь идет о политике ВТС России в рамках общей стратегии национальной безопасности, включая ту ее часть, которая относится к военной политике[129].

Таким образом, говоря о функциях ВТС в современном мире вообще и в России в частности, можно говорить о следующих ее особенностях, которые характерны для политики России в период 1991–2016 годов:

— ВТС, как и прежде, выступает частью внешней и военной политики государства и в этом смысле не может противоречить

---

127 *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике. 2016. 13 января. — С. 51.

128 *Смирнов А. Н., Кохтюлина И. Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 19.

129 *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 336–337.

ее приоритетам и принципам, отражая прямо всю ее специфику и особенности. Так, десуверенизация внешней политики России в 1990-е годы крайне негативно отразилась и на ВТС, чьи объемы резко упали, в том числе и из-за того, что США, так или иначе влияли на формирование выгодные контракты, предлагавшиеся в те годы (например, Ираком или Ливией) оказались нереализованными. Более того, Россия отказалась и от выполнения уже подписанных контрактов, т.е. не выполняла свои обязательства. Развал экономики России привел неизбежно и к развалу ВТС.

Рецидивы такой политики продолжались в последующие годы (например, приостановка контракта на поставку системы С-300 в Иран), но они уже носили менее выраженный характер.

— ВТС в России выступил важным инвестором ОПК, включая некоторые важные НИОКР, которые реализовывались (как в концерне ВКО «Алмаз-Антей») за счет внутренних ресурсов. Этот аспект — крайне важен для будущего финансирования военных НИОКР в условиях бюджетного дефицита 2017–2020 годов.
— ВТС в XXI веке может и должно сыграть важную роль с точки зрения укрепления международных позиций России, которые уже не ограничиваются диктатом США. Прежде всего, по отношению к тем странам, которые не смогут покупать оружие и военную технику у основных ее экспортеров — США, Франции, Великобритании и Израиля.

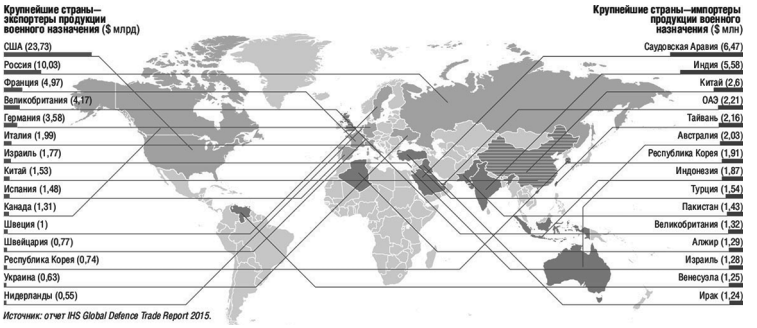

Рис. 28.

Отдельный аспект внешней и военной политики любой страны — военно-техническое сотрудничество (ВТС), которое по формальным признакам может быть отнесено к военному строительству.

В настоящее время (за 11 лет) экспорт ВТС вырос в 3 раза — с 5 до 15,3 млрд долл., а портфель заказов превышает 5 млрд долл., что существенно укрепляет международные позиции России.

На сегодняшний день Россия связана соглашениями о ВТС более чем с 90 государствами, а твердые оружейные контракты заключены как минимум с 60 странами. Несмотря на внушительную цифру, большая часть выручки приходится лишь на несколько из них — заказчиками российской техники и вооружений традиционно выступали крупные игроки вроде Индии, Китая, Алжира, Венесуэлы и Вьетнама. С недавнего времени к ним присоединились страны вроде Египта и Ирака. Но и такой набор клиентов позволяет относительно спокойно удерживать вторую позицию на общемировом рынке вооружений с долей в 27%, пропуская вперед только США — у них этот показатель составляет 31%[130].

Несмотря на то, что за последние 10 лет объемы экспорта выросли с 2,6 до 8,83 млрд долл. США, рост объемов не привел к занятию лидирующих позиций на мировом рынке вооружений. По общим объемам продаж Россия значительно проигрывает США и в совокупности ряду стран, входящим в НАТО (доля России не превышает 12–14% от общемирового объема). Показано, что существенного роста российского экспорта ВиВТ в обозримом будущем не предвидится, а с учетом продолжающегося ухудшения показателей финансово-экономической деятельности многих предприятий ОПК, возможность исполнения портфеля заказов (42 млрд долл. до 2015–2017 гг.) вызывает сомнения. При этом обращено внимание, что количественный рост экспорта в деньгах не является прямым отражением роста поставок и возрастанием престижа России.

По многим военным технологиям Россия еще находится на уровне 1970–1980-х годов. Безвозвратно утеряны несколько сотен

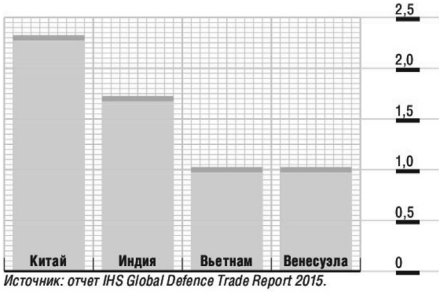
[130] *Сафронов И.* Тенденции военно-технического сотрудничества России в последние годы. 2015. 19 октября / http://bmpd.livejournal.com/1533594.html

критических технологий, доля высоких технологий составляет порядка 0,2%. При этом даже за период экономически благополучных лет (2003–2008 гг.) существенного перевооружения ОПК не произошло. Положение многих предприятий ОПК остается критическим, около 30% организаций ОПК имеют признаки банкротства (в отрасли боеприпасов и спецхимии — до 50%), темпы обновления оборудования составляют 1–3% в год, вместо необходимых 10–15%. Получен материал, доказывающий отсутствие координации военно-экономических и военно-политических целей ВТС, гособоронзаказа и Государственной программы вооружения, что ведет к деформации в развитии ОПК под задачи оснащения армий иностранных государств, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности.

Можно говорить в то же время о низкой эффективности военно-экспортной политики и необходимости пересмотра и принятия в самое ближайшее время комплекса решений по глубокой корректировке государственной политики в данной сфере. Рассмотрены (разработаны) концептуальные положения о содержании, месте, роли, качественных и количественных критериев и параметров ВТС, а также предложены подходы к оценке эффективности ВТС во взаимосвязи с укреплением национальной безопасности. В частности, предложены оригинальные подходы по оценке конкурентоспособности экспортных образцов ВиВТ, которые могут рассматриваться в качестве практических рекомендаций по совершенствованию государственной политики в этой области[131].

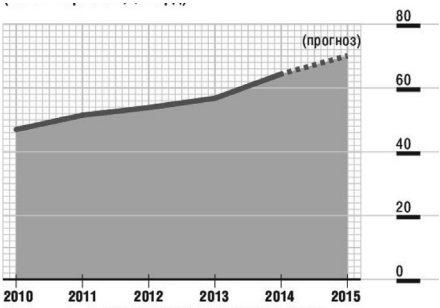
Многие потенциальные заказчики хотели бы получить желаемую технику гораздо раньше, если вообще не сразу. В некоторых случаях Россия готова идти навстречу, передавая заинтересованной стороне военную продукцию из наличия Минобороны РФ. По словам директора Федеральной службы по ВТС Александра Фомина в 2014 году экспорт такого оружия достиг «невероятно высокого уровня» и превысил $1,3 млрд. В частности, иракским ВВС было передано девять штурмовиков Су-25 из числа состоявших на вооружении российского Минобороны, которые сразу

[131] Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы / Под ред. Н.И. Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010. — С. 7–8.

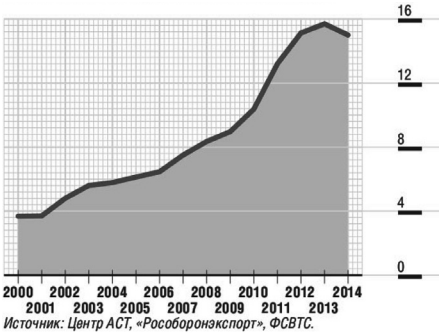
Источник: отчет IHS Global Defence Trade Report 2015.

Рис. 29. Крупнейшие импортеры вооружений и военной техники из России (импорт в 2014 году, $ млрд)

Источник: отчет IHS Global Defence Trade Report 2015.

Рис. 30. Мировой рынок продукции военного назначения (объем торговли, $ млрд)

Источник: Центр АСТ, «Рособоронэкспорт», ФСВТС.

Рис. 31. Динамика экспорта вооружений и военной техники из России (сумма поставок, $ млрд)

были пущены для борьбы с боевиками «Исламского государства». До этого для проведения контртеррористических операций они законтрактовали партию новых вертолетов типа Ми-35 и Ми-28НЭ, которые по сей день поставляются в иракские войска. США, в свою очередь, через своих союзников в регионе поставляют сирийской оппозиции свои противотанковые ракетные комплексы BGM-71 TOW, которые, правда, используются не для борьбы с «Исламским государством», а с армией президента Асада.

1.3.д). Основные проблемы обеспечения военной безопасности России

… наиболее важной и очевидной угрозой
является появление у потенциального противника
возможности уничтожения стратегических
ядерных сил (СЯС) России первым ударом…[132]
А. Фролов,
главный редактор журнала
«Экспорт вооружений»

Среди множества проблем обеспечения военной безопасности России можно выделить три, на мой взгляд, наиболее приоритетные:

Во-первых, это растущее отставание России в уровне экономического, технологического и, как следствие, военно-технического развития, когда качество ВВСТ определяется в возрастающей степени не только и даже не столько объемом и качеством ВВП и ОПК, но и уровнем общего технологического развития. Реальная ситуация в этой области выглядит угрожающей:

1. Соотношение экономики России и западной ЛЧЦ (без Японии, Австралии и др. стран) за 2008–2015 годы не только не изменилась в лучшую сторону, но и ухудшилось. Причем не только в абсолютных величинах, но и относительно душевого ВВП[133].

---

[132] *Фролов А. Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике. 2016. 13 января. — С. 51.

[133] Defence Expenditures of NATO Countries (2008–2015) Communique PR/CP(2016)011. 2016. 28 January. — P. 6 / http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160129_160128-pr-2016–11-eng.pdf

Country	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015 e
(0)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Real GDP (billion US dollars)								
Albania	//	12	12	12	12	13	13	13
Belgium	482	471	484	492	493	493	500	506
Bulgaria	52	50	50	51	51	52	52	53
Croatia	//	61	60	59	58	58	57	58
Czech Republic	213	203	207	211	209	208	212	221
Denmark	332	315	320	324	321	320	323	329
Estonia	22	19	20	21	22	22	23	24
France	2,674	2,596	2,647	2,702	2,707	2,725	2,729	2,759
Germany	3,479	3,283	3,417	3,542	3,556	3,567	3,624	3,686
Greece	332	317	300	274	256	245	247	244
Hungary	138	129	130	132	130	133	137	142
Iceland	14	14	13	14	14	14	14	15
Italy	2,211	2,090	2,125	2,140	2,078	2,042	2,034	2,050
Latvia	29	25	24	25	26	27	28	28
Lithuania	43	37	37	39	41	42	44	44
Luxembourg	52	49	52	54	53	56	58	60
Netherlands	858	825	836	850	841	838	846	865
Norway	433	426	429	433	445	448	458	463
Poland	450	462	479	503	511	518	535	553
Portugal	241	234	238	234	225	222	224	228
Romania	182	169	168	170	171	177	182	188
Slovak Republic	90	85	89	92	93	95	97	100
Slovenia	51	47	48	48	47	47	48	49
Spain	1,484	1,431	1,432	1,417	1,380	1,357	1,376	1,419
Turkey	704	670	731	795	812	846	871	898
United Kingdom	2,470	2,367	2,403	2,450	2,479	2,533	2,607	2,670
NATO - Europe *	***17,037***	***16,385***	***16,750***	***17,084***	***17,032***	***17,095***	***17,340***	***17,666***
Canada	1,605	1,561	1,614	1,662	1,694	1,728	1,770	1,791
United States	15,012	14,595	14,964	15,204	15,542	15,774	16,157	16,549
North America	***16,616***	***16,156***	***16,578***	***16,866***	***17,236***	***17,501***	***17,926***	***18,340***
NATO - Total *	***33,653***	***32,542***	***33,328***	***33,950***	***34,268***	***34,596***	***35,266***	***36,006***
GDP per capita (thousand US dollars)								
Albania	//	3.9	4.1	4.2	4.3	4.3	4.4	4.5
Belgium	45.0	43.6	44.4	44.8	44.6	44.4	44.8	45.1
Bulgaria	6.8	6.6	6.6	6.9	7.0	7.1	7.2	7.4
Croatia	//	14.1	13.9	13.9	13.6	13.5	13.6	13.7
Czech Republic	20.4	19.3	19.7	20.1	19.9	19.8	20.2	21.0
Denmark	60.4	57.0	57.7	58.1	57.5	57.0	57.3	58.0
Estonia	16.7	14.3	14.6	15.8	16.6	17.0	17.5	17.9
France	41.6	40.1	40.7	41.4	41.3	41.4	41.2	41.5
Germany	42.4	40.1	41.8	43.3	43.4	43.4	44.0	44.4
Greece	29.9	28.6	27.0	24.6	23.1	22.4	22.6	22.3
Hungary	13.8	12.9	13.0	13.3	13.1	13.4	13.9	14.4
Iceland	45.1	43.0	41.6	42.3	42.6	43.8	44.1	45.6
Italy	37.3	35.1	35.5	35.6	34.4	33.7	33.5	33.7
Latvia	13.2	11.5	11.3	12.2	12.9	13.4	13.9	14.3
Lithuania	13.4	11.5	12.0	13.0	13.7	14.3	14.9	15.3
Luxembourg	107.0	99.3	103.1	103.3	100.1	101.8	103.5	104.4
Netherlands	52.2	49.9	50.3	50.9	50.2	49.9	50.2	51.1
Norway	90.8	88.2	87.7	87.4	88.6	88.2	89.1	89.8
Poland	11.8	12.1	12.4	13.1	13.3	13.4	13.9	14.4
Portugal	22.8	22.1	22.5	22.2	21.4	21.2	21.5	22.0
Romania	8.9	8.3	8.3	8.4	8.5	8.9	9.1	9.4
Slovak Republic	16.6	15.7	16.4	17.0	17.2	17.5	17.9	18.4
Slovenia	25.4	23.2	23.4	23.5	22.9	22.6	23.2	23.8
Spain	32.3	30.9	30.7	30.3	29.5	29.1	29.6	30.6
Turkey	9.9	9.3	10.0	10.7	10.8	11.1	11.3	11.5
United Kingdom	40.0	38.0	38.3	38.7	38.9	39.5	40.4	41.0
NATO - Europe *	***31.2***	***29.5***	***30.0***	***30.5***	***30.3***	***30.3***	***30.7***	***31.1***
Canada	48.2	46.3	47.3	48.2	48.6	49.1	50.0	50.2
United States	49.3	47.5	48.3	48.7	49.4	49.8	50.6	51.5
North America	***49.2***	***47.4***	***48.2***	***48.7***	***49.3***	***49.7***	***50.6***	***51.3***
NATO - Total *	***38.1***	***36.3***	***37.0***	***37.5***	***37.6***	***37.8***	***38.3***	***38.9***

* *Albania and Croatia joined the Alliance in 2009.*

Рис. 32. ВП стран-членов НАТО (2008–2015 гг.)

Country	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015 e
(0)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
As a percentage of gross domestic product								
Albania	//	1.52	1.56	1.53	1.49	1.41	1.35	1.16
Belgium	1.20	1.16	1.08	1.05	1.05	1.01	0.97	0.90
Bulgaria (a)	2.13	1.75	1.67	1.33	1.35	1.46	1.32	1.20
Croatia	//	1.62	1.54	1.60	1.53	1.47	1.41	1.38
Czech Republic	1.31	1.52	1.29	1.07	1.06	1.03	0.96	0.97
Denmark	1.36	1.34	1.41	1.30	1.35	1.24	1.17	1.18
Estonia	1.78	1.79	1.70	1.68	1.89	1.90	1.93	2.04
France (b)	2.27	2.02	1.96	1.87	1.87	1.86	1.84	1.80
Germany	1.28	1.39	1.35	1.28	1.31	1.23	1.19	1.18
Greece	2.85	3.08	2.63	2.37	2.26	2.19	2.20	2.46
Hungary	1.21	1.14	1.04	1.05	1.04	0.95	0.87	0.85
Italy	1.43	1.42	1.35	1.30	1.24	1.20	1.09	0.95
Latvia	1.52	1.21	1.06	1.02	0.89	0.93	0.94	1.06
Lithuania	1.11	1.07	0.88	0.79	0.76	0.76	0.88	1.14
Luxembourg	0.39	0.40	0.47	0.39	0.38	0.38	0.39	0.47
Netherlands	1.35	1.42	1.34	1.26	1.23	1.16	1.15	1.16
Norway (c)	1.46	1.54	1.52	1.51	1.47	1.49	1.52	1.49
Poland	1.61	1.71	1.77	1.72	1.74	1.72	1.85	2.18
Portugal	1.42	1.53	1.49	1.49	1.41	1.44	1.30	1.39
Romania	1.44	1.33	1.24	1.28	1.22	1.28	1.35	1.44
Slovak Republic	1.46	1.52	1.27	1.09	1.10	0.99	0.99	1.12
Slovenia	1.49	1.59	1.61	1.30	1.18	1.06	0.98	0.95
Spain	1.14	1.13	1.03	0.94	1.04	0.92	0.91	0.89
Turkey	1.97	2.06	1.93	1.76	1.76	1.75	1.70	1.69
United Kingdom	2.44	2.51	2.51	2.42	2.20	2.30	2.20	2.07
NATO - Europe *	***1.69***	***1.70***	***1.64***	***1.56***	***1.53***	***1.51***	***1.47***	***1.43***
Canada	1.28	1.39	1.16	1.23	1.09	0.99	1.02	1.00
United States	5.04	5.32	4.81	4.77	4.42	4.09	3.79	3.62
North America	***4.67***	***4.94***	***4.46***	***4.42***	***4.09***	***3.78***	***3.51***	***3.37***
NATO - Total *	***3.16***	***3.31***	***3.04***	***2.98***	***2.82***	***2.66***	***2.51***	***2.42***
Annual real change								
Albania	//	-4.6	6.5	0.5	-1.3	-4.2	-2.2	-11.8
Belgium	9.0	-5.8	-3.7	-1.7	0.1	-3.1	-2.9	-5.8
Bulgaria (a)	1.5	-21.2	-4.6	-18.9	1.5	9.6	-8.3	-6.7
Croatia	//	-11.1	-6.4	3.5	-6.4	-5.0	-4.6	-1.0
Czech Republic	0.8	10.2	-13.6	-14.9	-2.2	-3.1	-4.8	5.6
Denmark	3.8	-6.0	6.5	-6.8	3.1	-8.3	-4.4	2.3
Estonia	0.6	-13.4	-3.3	6.2	17.9	2.4	4.7	7.3
France (b)	-1.9	-13.7	-0.9	-2.9	0.6	0.0	-1.1	-0.9
Germany	4.7	2.3	1.4	-1.9	2.9	-6.3	-1.3	0.3
Greece	10.2	3.3	-19.1	-17.8	-11.2	-6.6	1.2	10.1
Hungary	-4.6	-12.1	-8.0	3.1	-2.8	-6.7	-4.8	0.3
Italy	4.3	-5.7	-3.7	-3.2	-6.8	-5.1	-9.8	-12.4
Latvia	1.7	-31.8	-15.8	2.3	-9.5	8.3	3.1	15.6
Lithuania	-0.2	-17.5	-16.8	-4.3	-0.9	4.7	19.0	31.9
Luxembourg	-32.2	-2.5	25.0	-14.7	-3.7	3.0	7.2	25.3
Netherlands	-1.3	1.4	-4.2	-4.9	-2.8	-6.0	0.2	2.6
Norway (c)	0.1	3.6	-1.1	0.5	0.4	1.6	4.3	-0.3
Poland	-8.6	9.4	7.3	2.0	2.7	-0.1	11.5	21.7
Portugal	3.1	5.0	-1.4	-1.5	-9.6	1.5	-8.7	8.6
Romania	2.8	-14.3	-7.3	4.5	-4.1	8.4	8.6	10.0
Slovak Republic	4.2	-1.7	-12.0	-12.2	2.3	-8.6	3.2	16.6
Slovenia	7.0	-1.7	2.4	-18.8	-11.9	-10.5	-4.8	-0.4
Spain	2.2	-4.6	-8.9	-9.7	7.6	-12.8	0.5	1.0
Turkey	8.8	-0.7	2.5	-1.1	2.4	3.7	-0.1	2.5
United Kingdom	4.8	-1.4	1.4	-1.7	-8.2	6.8	-1.3	-3.5
NATO - Europe *	***2.6***	***-3.3***	***-1.5***	***-3.2***	***-1.9***	***-1.3***	***-1.3***	***-0.3***
Canada	5.5	5.7	-14.1	9.5	-9.8	-7.4	5.1	-0.2
United States	21.4	2.7	-7.2	0.7	-5.4	-6.0	-5.1	-2.0
North America	***20.9***	***2.7***	***-7.4***	***0.9***	***-5.5***	***-6.1***	***-4.9***	***-1.9***
NATO - Total *	***15.3***	***1.1***	***-5.8***	***-0.2***	***-4.6***	***-4.8***	***-3.9***	***-1.5***

* *Albania and Croatia joined the Alliance in 2009.*

(a) Data do not include pensions.
(b) From 2009, data include only the deployable part of the Gendarmerie.
(c) From 2009, new methodology is used to calculate pensions.

Рис. 33. Военные расходы на одного человека и военнослужащего

2. За эти же годы западная ЛЧЦ существенно улучшила показатель затратности своих военных расходов (на одного человека) и собственно количество военнослужащих[134] (рис. 33).
3. В эти же годы не произошло сколько-нибудь заметного сокращения технологического отставания России от Запада.

Другими словами, на роле усиления политики «силового принуждения» западная ЛЧЦ демонстрирует свою способность эффективно приспосабливаться к растущей конфронтации.

Во-вторых, отставанием в качестве развития национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, что отражается непосредственно как на эффективности ВВСТ и ВС, так и на возможностях силового, но не военного использования других инструментов политики (СМИ, университетов, культуры и т.п.).

В-третьих, необходимости качественного изменения всей военной организации России, превращения ее из государственной в национальную систему и привлечения в ее деятельность институтов бизнеса, общества и личностей[135].

Реформа Вооруженных Сил в 2008–2009 гг. позволяют сделать, по мнению В. Сизова, ряд выводов о сущности современной военной политики России и о характере ее влияния на уровень военной безопасности страны.

1. Главными факторами, определяющими характер военной политики государства в последние годы, являются финансово-экономические возможности России и состояние глобальной среды безопасности.

Новая система международных отношений, обеспечивающая равную безопасность всех государств, в ближайшие годы создана не будет. В действующей системе международной безопасности Россия занимает особое положение, поэтому при обеспечении собственной безопасности она вынуждена учитывать необходимость парирования угроз любого характера и масштаба. Это вынуждает Россию расходовать огромные средства на обеспечение национальной безопасности.

---

[134] Defence Expenditures of NATO Countries (2008–2015) Communique PR/CP(2016)011. 2016. 28 January. — P. 7 / http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160129_160128-pr-2016–11-eng.pdf

[135] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

2. Военный потенциал страны продолжает оставаться главным ресурсом обеспечения национальной безопасности РФ, причем поддерживается он, главным образом, за счет боевого потенциала ВС.

Поэтому военная политика России в целом не выходит за рамки «национальной обороны». Не растут показатели технического, научного, демографического и духовного потенциалов России, которые в современных условиях необходимо задействовать для обеспечения военной безопасности и значение которых в военных конфликтах будущего будет только возрастать.

Главная составляющая современного военного конфликта — информационно-идеологическая, то есть борьба за общественное мнение, за волю к сопротивлению после окончания начального этапа вооруженной борьбы на высоком технологическом уровне. Чтобы быть устойчивым в этом компоненте противоборства, одного «оборонного сознания» населения страны не достаточно. Необходимо реальное единство армии и народа. Защита общественного сознания должна стать одной из целей военной политики государства.

3. Теория и практика военной политики России сегодня не являются взаимосвязанными и взаимодополняющими.

Военная теория не дает практике реальных ответов на вопросы:

— каков возможный характер военных конфликтов будущего и сценарии участия в них России;
— какие государства являются потенциальными противники, а какие союзниками;
— в чем сущность новых способов и форм применения группировок ВС РФ;
— каковы современные особенности организации взаимодействия всех элементов военной организации государства для парирования нетрадиционных угроз национальной безопасности;
— какие негосударственные субъекты международных отношений могут обладать потенциалом вооруженного насилия и т.д.

Практика военного строительства, в том числе последняя реформа ВС РФ, пока не дает военной науке практических примеров, требующих научного обоснования и внедрения.

4. Результаты первого этапа реформы Вооруженных Сил не способствовали повышению уровня военной безопасности государства. Потребуется еще несколько лет, прежде чем новые объединенные группировки войск (сил) на стратегических направлениях достигнут требуемого уровня боевой готовности. В мирное время возлагать задачи по обеспечению военной безопасности государства на средства ядерного сдерживания не всегда является оправданным.

Некоторые проблемы военной безопасности (повышение авторитета вооруженных сил как надежного института государства, повышение авторитета самого государства, определение нового статуса Вооруженных Сил в российском обществе) не могут быть решены в рамках военной организации государства, поскольку сегодня военная организация РФ не является системой в классическом ее понимании. Это, скорее, набор отдельных элементов без эффективных функциональных связей.

Совершенствование военной организации РФ не стало действенным механизмом развития политической и экономической системы государства, гражданского общества, а, следовательно, не является пока фактором устойчивого развития России.

Глава II
Операции ВКС России в Сирии

Нет недостатка в угрозах, требующих
продолжения американского лидерства в мире[1]
Стратегия национальной безопасности США

Концептуальные положения в сфере
обеспечения национальной безопасности Российской Федерации
основываются на фундаментальной взаимосвязи
и взаимозависимости стратегий национальной
безопасности Российской Федерации и стратегии
социально-экономического развития…[2]
ФЗ «О стратегическом планировании»
от 28.06.2014 г.

Операции ВКС России в Сирии в 2015–2016 годах вызвали широкую дискуссию в мире и в стране. Во многом из-за крайне негативных на первый взгляд международных последствий в отношениях с Западом, которые усугубили политическое противоборство западной и российской ЛЧЦ активно развивавшееся после конфликта с Украиной[3].

Между тем участие России в военно-политическом конфликте в Сирии означало только одно: на нарастающее давление со стороны Запада России удалось ответить не менее остро и эффективно, продемонстрировав свою готовность и возможность на практике и силовому, в т.ч. военному противоборству. Мне представляется, что этот мотив был главным при решении об участии российских ВКС в вооруженной борьбе в Сирии: Запад, прежде всего США, должен были убедиться в готовности и способности Росси защи-

---

1 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 1.

2 Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28 июня 2014 г. Ст. 5 / http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630

3 *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 44–52.

щать свои национальные интересы силой в условиях развития глобального сценария «военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ[4].

Тем не менее, вопрос оставался открытым для значительной части правящей элиты России: была ли необходимость в условиях санкций и кризиса (продолжавшегося к началу операции уже несколько лет) снова отвечать на вызов Запада. Что в политике является следствием чего? Является ли стратегия социально-экономического развития следствием Стратегии национальной безопасности или наоборот — Стратегия национальной безопасности следствием «фундаментальной взаимосвязи» со Стратегией социально-экономического развития (которой, кстати, так до сих пор и нет). На практике это означает, что либо приоритеты безопасности определяют стратегию социально-экономического развития страны, либо сама эта стратегия (сформулированная в разное время конкретными людьми) определяет стратегию национальной безопасности. Эта проблема существует отнюдь не только в России, но и в США, где Д. Трамп в сентябре 2016 года высказался вполне определенно: «важно быть живым, чтобы пользоваться благами демократии»[5].

Сказанное имеет прямое отношение к военной операции ВКС России в Сирии 2015–2016 годов, которая имела очевидные экономические и социальные издержки (не говоря уже о международных) и не вполне очевидные аргументы в пользу интересов безопасности России, которые легли в основу решения о помощи Х. Асаду. На мой взгляд, политические интересы и интересы безопасности России, стоявшие за этим решением, были существенно важнее экономических и других интересов.

---

[4] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 84–85.

[5] *Трамп Д.* Укрепить силу Америки // Россия в глобальной политике, 2016. — Сентябрь–октябрь. — №5. — С. 34.

2.1. Военно-политическая обстановка в ходе операции ВКС в мире и в регионе

… отсутствие современной теории войны сдерживает развитие России и делает ее внешнюю и внутреннюю политику негибкой, а государственную деятельность неэффективной…[6]
А. Владимиров, военный теоретик

… наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас … ориентации на межцивилизационные коалиции…[7]
З. Бжезинский, политолог

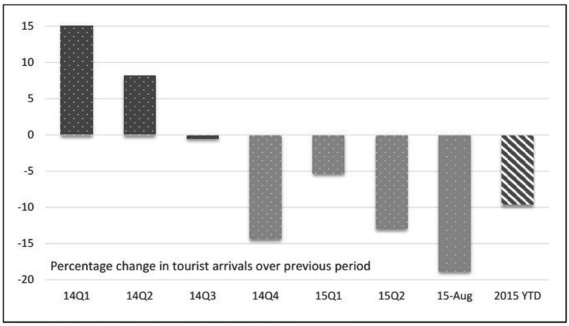
Участие в военных действиях происходит не в безвоздушном пространстве, а при вполне определенных военно-политических и стратегических обстоятельствах и условиях. Коротко к осени 2015 года она, как мне представляется, характеризовались следующими особенностями:

С точки зрения международной обстановки (МО), западная ЛЧЦ усилила силовую (включая военную) составляющую своей политики, демонстрируя, что сложившаяся в XX веке военно-политическая и финансово-экономическая системы будут отстаиваться западной коалицией с помощью военной силы. Это произошло на фоне развивающегося кризиса, на «большом Ближнем Востоке», который охватил практически все страны от Пакистана и Афганистана до Марокко, не исключив даже «благополучные» богатые нефтяные государства. Итогом кризиса к 2017 году стала дестабилизация всего региона, его «хаотизация», которая происходит отнюдь не только в Ираке, Афганистане и Сирии, но и на всем «Большом Востоке» и в странах Северной Африки. Так, в Саудовской Аравии ожидается, что в 2017 году внешний долг достигнет 20% ВВП, а за ЗВР сократятся на 96 млрд долл.

---

[6] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 37.

[7] *Бжезинский З.* Предисловие / *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 4.

Source: United Nations World Tourism Organization (UNWTO).

Рис. 1. Количество туристов в Северной Африке

В целом ожидается, что СА и Ирак потеряют в 2017 году от 40 до 55 млрд долл., а к концу десятилетия ожидается финансовый кризис[8].

С военно-политической точки зрения, США и НАТО стремились усилить свое влияние не только вдоль периметра российских границ и на постсоветском пространстве, но и максимально дестабилизировать ситуацию в мире, создав по возможности серию «управляемых» военных конфликтов, требующих участия ВС западной коалиции.

С точки зрения сложившейся стратегической обстановки (СО) на севере Африки и Большом Ближнем Востоке США смогли спровоцировать серию военных конфликтов — от Туниса, Египта, Йемена до Ирака и Афганистана — где стратегически важная роль принадлежала войне в Сирии. Там к осени 2015 года «силам оппозиции» (а по сути, войскам США, действовавшим «по-доверенности») удалось добиться решительных результатов, которые без вмешательства России могли бы в короткие сроки привести к поражению Асада.

Прежде всего, если говорить о безопасности с точки зрения военной политики, то очевидно, что в условиях фактического начала войны побеждает и будет успешной та армия, которая воюет

[8] Mena Quarterly Economic Brief / Issue 6 / January 2016 / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/economic-effects-of-war-and-peace.pdf

и развивается, приобретает опыт, навыки и совершенствует ВВСТ в боевых условиях. В этом смысле военная операция России в Сирии стала первой военной операцией за пределами постсоветского пространства для ВС России с 1991 года, осуществленная в соответствии с Соглашением между Россией и Сирией от 26 августа 2015 года о размещении авиационной группы ВС РФ на сирийской территории.

Российское военное участие в Сирии представляет собой существенное отступление от прежней практики применения военной силы в период после окончания холодной войны, поскольку не ограничивается более российской территорией или ближним зарубежьем и наряду с успешной операцией в Крыму вынуждает западных экспертов переосмысливать военные возможности России. При том, что в ходе крымской операции российские военные явили целый ряд примеров качественного роста, к ее проведению были привлечены главным образом элитные части сухопутных и береговых войск, а также сил специальных операций. В случае же Сирии акцент сделан на воздушную кампанию, реализуемую с привлечением сил общего назначения, а также ряда новых технических решений и систем вооружения[9].

Более того, с политической, даже геополитической, точки зрения участие России в войне в Сирии означает — хотим мы того или нет — первый силовой ответ нашей страны на прямой вызов США и возглавляемой или заказной военно-политической коалиции, которые вступили в очередной этап реализации своей долгосрочной стратегии по контролю над Россией и постсоветским пространством[10]. Этот этап предполагает постепенное сползание де-факто к «асимметричной» войне с Россией посредством расширения использования в политике силовых и военных средств принуждения[11]. Иными словами, в ответ на военно-силовую политику США последних десятилетий Росси впервые использовала свои военно-силовые средства политики.

---

[9] *Ли Р. А.* Военные аспекты российской операции в Сирии / НВО, 2016. 15 января / http://nvo.ng.ru/wars/2016–01–15/8_aspects.html

[10] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–54.

[11] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 11–24.

Это следует подчеркнуть, ибо участие России в осетино-грузинской войне 2008 года, или конфликте на востоке Украины в 2014–2015 годах подчеркнуто не имело каких-либо политических обоснований и амбиций, носило исключительно ответный, сдержанный и не силовой характер. Даже использование специальных сил в Крыму было подчеркнуто мирным, невоенным способом политики.

Другой аспект проблемы — политико-информационный, — демонстрирующий минимальную политическую значимость сохранения переговорных отношений с США не только по вопросу Украины, но и Сирии, итогом чего стало прекращение этого формата в октябре 2016 года. Убедительную аргументацию этой тактики привел заместитель министра обороны России А. Антонов 9 октября 2016 года: «После того, как в феврале 2016 года США и РФ договорились обменяться сведениями о противоборствующих сторонах, американцам передали список и координаты расположения 47 отрядов „умеренной“ оппозиции, готовых прекратить огонь. Был такой перечень и от США. Однако в ходе его проверки выяснилось, что две указанные там группировки воюют на стороне запрещенного у нас ИГИЛ, а еще восемь входят в состав „Джебхат ан-Нусры“ — филиала „Аль-Каиды“ в Сирии. Поэтому так и не удалось отделить «умеренную оппозицию» от радикальных террористов», — рассказал А. Антонов. И далее: «Единственный пункт, который был выполнен американцами, касался создания Целевой группы по прекращению огня. Эта совместная структура должна была мониторить ход примирения в Сирии, и контролировать процесс отделения от „Джебхат ан-Нусры“ умеренной оппозиции. Но если сведения о нарушениях режима прекращения боевых действий наши военные добывали с помощью авиации, в том числе 70 беспилотников, и получали от сирийских генералов и чиновников, то представители США анализировали обстановку по сообщениям в социальных сетях и СМИ. Таким образом, говорить о создании полноценной системы объективного мониторинга, к сожалению, не приходится», — отметил замминистра обороны РФ[12].

---

[12] *Гаврилов Ю.* США без рычагов // Российская газета. 2016. 9 октября / https://rg.ru/

Такая политика США в Сирии в 2015 годы объясняется достаточно просто: для США приоритетом остается иракский фронт, где готовилось наступление на Мосул и где сконцентрированы были основные военные ресурсы США. Именно поэтому со второй половины сентября 2016 года США разворачивают в Ираке масштабную боевую операцию. При этом в мосульское приоритетное направление встраиваются действия Пентагона и Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) ВС США в Сирии. Здесь у американского командования нет соответствующих ресурсов, чтобы диктовать свою повестку, как это происходит в Ираке. Зато выработалась принципиальная установка на то, что «диктовщиком» такой сирийской повестки не может быть Россия. Тем более пентагоновцам нельзя допустить формирования российско-иранского альянса в Сирии, с возможным подключением к нему, в отдельных вопросах, Турции.

Именно на эту главную установку заточена политика США на сирийском театре военных действий (ТВД). Чтобы добиться поставленной цели, американские военные убедили покидающего вскоре Белый дом президента Барака Обаму «хлопнуть дверью» перед тем, как отойти от государственных дел. **Джона Керри** с его Госдепартаментом не просто оттеснили на второй план, а вложили в уста госсекретаря ястребиную риторику, которой может позавидовать даже сенатор-республиканец **Джон Маккейн,** который посоветовал Белому дому создать «повышенный уровень угроз» для ВКС РФ в Сирии. Следуя этому примеру, глава американской дипломатии теперь вещает о «военных преступлениях русских в Сирии», а его подчинённый **Джон Кирби** снизошёл до совершенно недипломатических угроз в адрес Москвы 6 октября 2016 года.

«Хлопнуть дверью» по-обамовски — не значит перейти от слов к делу в том же вопросе (нанесения крылатыми ракетами ударов по объектам ВВС Сирии, выведения из строя взлётно-посадочных полос авиации **Башара Асада**). Выложенного на всеобщее обозрение пакета возможных шагов США, чтобы принудить Москву и Дамаск отказаться от планов взятия под полный контроль сирийского города Алеппо, и так достаточно. Это передача «умеренным» повстанцам через арабских партнёров в Персидском заливе эффективных средств борьбы с воздушными (переносные зенитные ракетные комплексы) и наземными (противотанковые

управляемые ракеты) целями. Это поставка на поток снабжения подопечных боевиков разведданными. В сумме с рядом других шагов, указанные меры призваны сдержать правительственные войска в сирийском Алеппо[13].

2.2. Первая российская война XXI века

> Активное внедрение в вооруженные силы новых инновационных средств вооруженной борьбы и расширение возможностей по дистанционному воздействию на объекты тыла противника … привели к тому, что полем боя сегодня стала вся страна[14]
>
> *И. Попов, М. Хамзатов, военные эксперты*

Война XXI века радикально отличается от войн предыдущих эпох как по политическим целям, так и по средствам (ВВСТ) и способам (военное искусство) ведения[15]. Именно такая война шла в Сирии до того как российские ВС оказали помощь законному сирийскому правительству в 2015 году. Фактически не только российские ВКС, но и все ВС России, так или иначе, стали участниками новой войны XXI века. Со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями по требованиям к ВС и управлению.

Так, сравнивая характеристики двух «классических» систем оружия — 45 мм орудия (образца 1937 г.) и гранатомета РПГ-7, военные эксперты обращают внимание на следующие особенности (рис. 2)[16].

Ряд экспертов поспешили назвать это «первой российской войной в американском стиле», поскольку Россия впервые ведет

---

[13] Россия — Сирия — США: Пентагон просит огня / https://eadaily.com/ru/news/2016/10/10/rossiya-siriya-ssha-pentagon-prosit-ognya

[14] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 549–550.

[15] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[16] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 551.

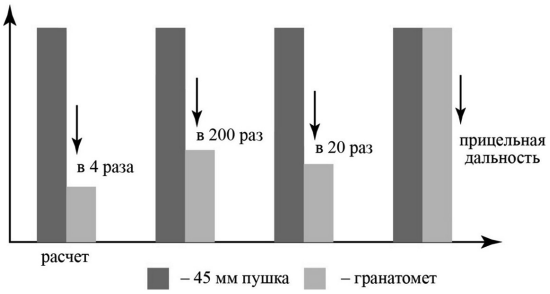

Рис. 2.

военные действия вне своих территориальных пределов, полагаясь главным образом на воздушную мощь и дальнобойное высокоточное оружие с минимальным риском для своих войск и сил. По сравнению с пятидневной войной 2008 года действия российского контингента в Сирии свидетельствуют о существенном росте военных возможностей, опровергая мнение многих западных экспертов о том, что Россия якобы не способна к ведению экспедиционных действий на удалении от своих границ.

Тем не менее, ряд западных специалистов указывают на наличие существенного разрыва в возможностях России и США либо ставят под сомнение эффективность авиаударов ВКС России и их способность к ведению продолжительных военных действий столь высокой интенсивности[17].

В отличие от конфликта 2008 года в Южной Осетии, в ходе которого ВВС России не смогли добиться превосходства в воздухе или оказать надлежащую авиационную поддержку Сухопутным войскам, воздушная кампания российских ВКС в Сирии продемонстрировала качественный сдвиг, имевший место за минувшие семь лет. Россия продемонстрировала однозначный рост возможностей в вопросах управления и связи, организовав наступательную воздушную операцию с интенсивностью до 90 самолетовылетов в сутки силами самолетов и вертолетов различных родов авиации — армейской, фронтовой и дальней — действующими с аэродромов в Сирии и России.

---

[17] *Ли Р.А.* Военные аспекты российской операции в Сирии / НВО, 2016. 15 января / http://nvo.ng.ru/wars/2016–01–15/8_aspects.html

Многих западных аналитиков удивляет высокая интенсивность полетов весьма скромной по составу российской авиационной группировки в Сирии — по разным оценкам, это около 45 боевых вылетов в сутки в октябре, 60 — на пике. Дэйв Маджумдар, военный аналитик журнала National Interest, заявил, что «подавляющее большинство должностных лиц американского военного ведомства прогнозировали существенно меньшую интенсивность полетов российской авиации — не более 20 боевых вылетов в стуки». Газета New York Times отмечает, что российские самолеты «по крайней мере, на текущий момент ежедневно наносят почти столько же ударов по повстанцам, противостоящим силам президента Башара Асада, сколько американская коалиция, воюющая против запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», наносит ежемесячно на протяжении последнего года». При этом следует иметь в виду, что высокий коэффициент оперативного напряжения обеспечивается, в том числе и близостью российской авиабазы в Сирии к объектам ударов, в то время как американским самолетам зачастую приходится работать на большом удалении от своих авианосцев[18].

Наиболее заметным моментом операции в 2016 году стал групповой пуск 26 крылатых ракет «Калибр-НК» с кораблей российской Каспийской флотилии, находившихся на удалении более 900 миль от поражаемых целей. Аналитик Центра военно-морского анализа (CNA) Майкл Кофман отмечает, что «это на удивление эффективное оружие» и что «в области ракетных технологий Россия не только достигла паритета с Западом, но кое в чем и превзошла его». Россия также осуществила групповой пуск крылатых ракет «Калибр-ПЛ» с дизель-электрической подводной лодки «Ростов-на-Дону», недавно включенной в боевой состав ВМФ. Сверх того 16 ноября Россия задействовала свою дальнюю авиацию: в тот день пять Ту-160, шесть Ту-95МС и 14 Ту-22М3 в сопровождении истребителей Су-27СМ выпустили 34 крылатые ракеты воздушного базирования и сбросили большое количество неуправляемых авиационных бомб. Если до того дня в воздушной наступательной операции участвовали исключительно самолеты фронтовой авиации — истребители и бомбардировщики, действовавшие с аэродрома в Сирии, — то этот удар самолетов

[18] *Ли Р. А.* Военные аспекты российской операции в Сирии / НВО, 2016. 15 января / http://nvo.ng.ru/wars/2016–01–15/8_aspects.html

дальней авиации продемонстрировал, что российские стратегические бомбардировщики по-прежнему в состоянии наносить согласованные по времени и месту удары с использованием крылатых ракеты Х-555 и Х-101. Если иметь в виду то, что удары, нанесенные по целям в Сирии крылатыми ракетами морского и воздушного базирования с боевых кораблей и дальних бомбардировщиков, вполне могли быть выполнены и силами фронтовой авиации с аэродрома Хмеймим, становится понятно, что тем самым Россия направила своим соперникам и союзникам некий месседж, свидетельствующий о ее возможностях по проецированию силы за рубежом[19].

Как отмечает отставной генерал ВВС США Дэвид А. Дэпула, «по сути, Россия использует свое вмешательство в Сирии для отработки систем вооружения в условиях полигона». Кофман также замечает, что эта демонстрация силы имеет важное значение еще и потому, что «дальняя авиация, оставаясь традиционным компонентом ядерной триады Москвы, превращается в практический инструмент неядерного сдерживания, позволяющий дотянуться до США или их союзников по НАТО через большие расстояния».

Рис. 3.[20]

[19] *Ли Р. А.* Военные аспекты российской операции в Сирии / НВО, 2016. 15 января / http://nvo.ng.ru/wars/2016–01–15/8_aspects.html

[20] Брифинг начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника Картаполова А. В. 2015. 2 ноября.

Действуя в соответствии с Договором «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 8 октября 1980 года, 30 сентября 2015 года с официальной просьбой об оказании военной помощи к России обратился президент Сирии Башар Асад. В тот же день Совет Федерации дал Президенту Российской Федерации Владимиру Путину согласие на использование Вооружённых сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики. При этом речь шла лишь о применении военно-воздушных сил для оказания поддержки сухопутным войскам Сирии с воздуха, без проведения наземной операции.

Для проведения военной операции в Сирии была развёрнута смешанная авиационная группа ВВС России. По заявлению представителя Министерства обороны Российской Федерации И. Е. Конашенкова, в неё вошли более 50 самолётов и вертолётов: по 12 фронтовых бомбардировщиков Су-24М и штурмовиков Су-25СМ, 6 бомбардировщиков Су-34, 4 истребителя Су-30СМ, а также вертолёты Ми-24 и Ми-8. 17 ноября 2015 года было объявлено о привлечении к операции в Сирии 25 самолётов дальней авиации, а также дополнительно 8 бомбардировщиков Су-34 и 4 бомбардировщика Су-24СМ. На 20 ноября 2015 года задействованная в операции авиационная группировка составляла 69 самолётов.

Только за первый месяц 2015 года ВКС России совершили 1391 вылет и уничтожили 1623 военных объектов (249 командных пунктов, управления и связи, а также 51 лагерь подготовки террористов и 35 заводов и мастерских 131 склад боеприпасов и 786 полевых лагерей)[21].

Для контроля территории Сирии и ведения космической разведки Космические войска России используют группировку из 10 спутников, осуществляющих видовую и радиоэлектронную разведку. Была проведена коррекция орбит ряда спутников с тем, чтобы получать наиболее полную информацию с заданной периодичностью. Официально о том, какие спутники задействованы

[21] Брифинг начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника Картаполова А. В. 2015. 2 ноября.

Рис. 4.

в ходе операции не сообщалось. По мнению экспертов, применяются: новый картографический аппарат «Барс-М», радиоретрансляторы «Гарпун», электронный пост прослушки «Лотос-С», современные «Ресурс-П2» и «Персона».

О точном количестве и модификациях используемых робототехнических средств в открытой печати не сообщалось, однако известно два случая потерь БПЛА российского производства: Элерон-3 в июле 2015 года и «Орлан-10» в районе Алеппо в октябре 2015 года. По информации ряда СМИ, в ходе военной операции также используются роботы «Платформа-М» и «Арго». В ходе операции активно применяются самолёты-беспилотники «Орлан» и «Гранат».

К 1 марта 2016 года на аэродром Хмеймим, для усиления контроля за режимом прекращения боевых действий на территории Сирии, были переброшены три современных комплекса с беспилотными летательными аппаратами и две радиолокационные станции обнаружения малоразмерных целей.

2.3. Ход военной операции российских ВКС в 2015–2016 годах

… есть и такие обстоятельства…, при которых война становится еще более продуктивной. Она дает не только Левиафанов, а неких мировых жандармов[22]
Я. Моррис, британский политолог и социолог

Римляне убивали до самой ноги … в той битве погибло 10 000 каледонцев и … всего 360 наемников и ни одного (римского) легионера[23]
Тацит (о войне Рима в Британии)

Ход военной операции в Сирии показал не раз, что численность (как и во времена Древнего Рима) далеко не всегда предопределяет успех той или иной стороны. Город Мосул в Ираке, который оборонялся 30 000 иракскими солдатами, был взят отрядом ИГИЛ, который по некоторым подсчетам, составлял от 400 до 1500 человек.

С точки зрения участия российских ВКС в вооруженном конфликте в Сирии эффективность оценивалась не победой или поражениями сухопутных сил Сирии и даже не количеством уничтоженных военнослужащих, баз и техники, а другими критериями, с помощью которых можно говорить об «эффективном» или «неэффективном» участии России в этом военном конфликте, а именно: за весь период с 30 сентября 2015 года по ноябрь 2016 года России удалось продемонстрировать свои военные способности на удаленном ТВД во многих областях — от разведки и средств РЭБ, ПВО и ПРО до логистики и взаимодействия всех видов и родов ВС на удаленных ТВД.

Первые авиаудары на сирийской территории самолёты ВКС России нанесли 30 сентября 2015 года; за первую неделю операции российская авиагруппа нанесла удары по 112 объектам в Сирии. За период с 30 сентября по 16 октября российская авиагруппа совершила 669 боевых вылетов (в том числе 115 ночных вылетов) и уничтожила 456 объектов противника, к 22 октября число совер-

---

[22] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 33.

[23] Там же. — С. 39.

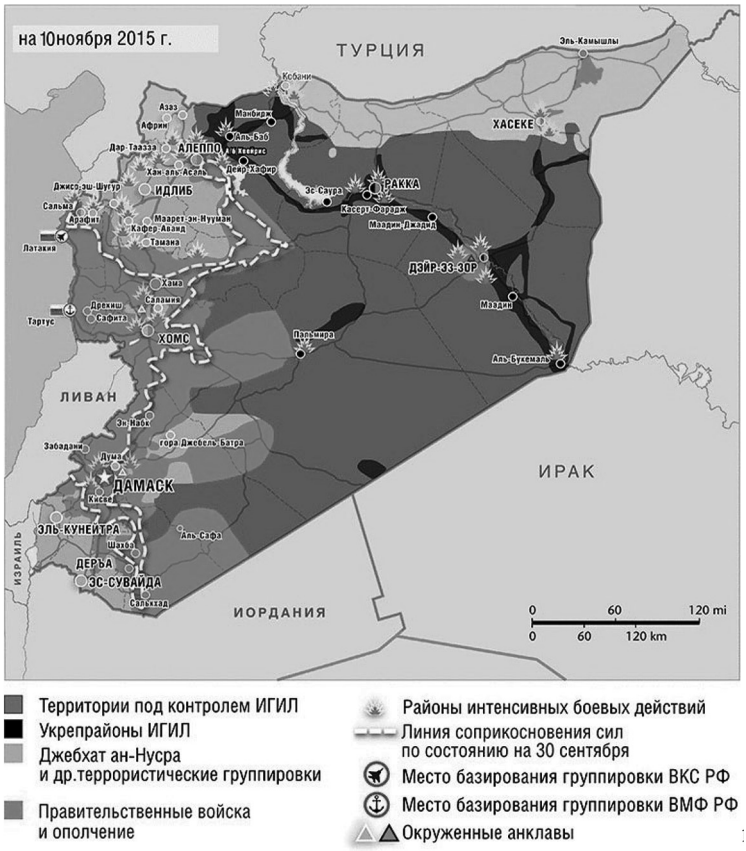

Рис. 5.

шённых вылетов достигло 934, а уничтоженных объектов — 819, к 30 октября российская авиация совершила 1391 боевой вылет и уничтожила 1623 объекта противника, к 3 ноября российская авиация выполнила 1631 вылет и нанесла удары по 2084 объектам противника, к 17 ноября российские самолёты совершили 2289 вылетов и нанесли 4111 ракетно-бомбовых ударов по целям в Сирии, к 25 декабря 2015 года российская авиация совершила 5240 вылетов в рамках сирийской операции, в том числе 145 вылетов самолетов стратегической ракетоносной и дальней бомбардировочной

авиации, к 22 января 2016 года — свыше 6 тысяч боевых вылетов, к 14 марта 2016 года — свыше 9 тысяч боевых вылетов[24].

7 октября корабли Каспийской флотилии выполнили 26 пусков крылатых ракет из акватории Каспийского моря, уничтожив 11 целей на территории Сирии. 20 ноября корабли Каспийской флотилии выполнили 18 пусков крылатых ракет, поразив 7 целей на территории Сирии. 8 декабря 2015 года удары крылатыми ракетами по целям в Сирии произвела подводная лодка «Ростов-на-Дону», находившаяся в акватории Средиземного моря. 19 августа 2016 года малые ракетные корабли «Зелёный Дол» и «Серпухов» нанесли удар тремя ракетами «Калибр» из акватории Средиземного моря.

В ходе сирийской операции были впервые применены крылатые ракеты морского базирования «Калибр» и крылатые ракеты воздушного базирования Х-101.

14 марта 2016 года Верховный Главнокомандующий ВС РФ Владимир Путин распорядился начать вывод «основной части» российской военной группировки с территории Сирии с 15 марта 2016 года, поскольку «задача, поставленная перед Министерством обороны и вооруженными силами, в целом выполнена». Вместе с тем, ВКС России продолжили нанесение ударов на территории Сирии.

Всего к 10 мая 2016 года было совершено свыше 10 тысяч боевых вылетов российской авиации и поражено более 30 тысяч объектов противника, кроме того было осуществлено 115 пусков крылатых ракет воздушного и морского базирования с судов ВМФ и самолетов стратегической авиации; последние совершили 178 боевых вылетов.

Участие в наступлениях

Российские ВКС осуществляют поддержку наступления Сирийской Арабской Армии на ряде фронтов:

— Наступление на северо-западе Сирии (октябрь–ноябрь 2015);
— Наступление в Алеппо (октябрь–декабрь 2015);
— Наступление в Хомсе (ноябрь–декабрь 2015);
— Наступление на востоке Алеппо (2015–2016);
— Наступление в Латакии (с 2015);
— Вторая битва за Шейх-Мискин;
— Наступление в Дейр-Эз-Зор;

[24] Военная операция России в Сирии / https://ru.wikipedia.org/wiki/

— Наступление на севере Алеппо (2016);
— Наступление от Итрии в сторону Ракки (с 2016);
— Наступление на Ханассер (2016);
— Освобождение Пальмиры;
— Битва за Эль-Карьятейн[25].

Рис. 6.[26]

Появление в распоряжении Сирийской арабской армии (САА) новых высокоточных средств разведки и огневого поражения позволяет защитникам Сирии прибегать к новой тактике уничтожения террористов.

Наступление САА развивается после авиационных и артиллерийских ударов, а также специальных операций по ликвидации полевых командиров террористических группировок и проведению диверсий против их инфраструктуры: систем связи, управления и обеспечения.

Также операциям сирийских войск по освобождению оккупированных боевиками территорий предшествуют проведение информационных и пропагандистских мероприятий. Таким

---

[25] Военная операция России в Сирии / https://ru.wikipedia.org/wiki/

[26] Брифинг начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника Картаполова А. В. 2015. 2 ноября.

Рис. 7.[27]

образом, мирному населению и даже боевикам предоставляется возможность уйти из зоны наступления.

Иногда, заняв тот или иной населенный пункт, сирийские войска создают видимость отступления из него.

Что касается крупных населенных пунктов, то их попросту изолируют, захватив господствующие высоты и дорожные развязки.

Все передвижения террористов отслеживаются. В случае их концентрации в той или иной местности по ним наносится точный удар силами авиации и артиллерии. Именно так были уничтожены отряды, пытавшиеся снова проникнуть в Ачан и Сукейк в районе севернее Хамы, а также группировка, попытавшаяся обратно занять населенный пункт Джуб аль-Ахмар в горах на севере провинции Латакия.

Большое значение имеет взаимодействие появившихся у САА беспилотных летательных аппаратов с артиллерией, которая значительно усилила свой огневой потенциал и точность.

Однако подобная тактика лучше подходит для равнинной местности. В горах преимущества сирийской армии в разведыва-

---

[27] Брифинг начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника Картаполова А. В. 2015. 2 ноября.

тельном и огневом обеспечении снижаются. Поэтому правительственные войска заинтересованы в выходе террористов на равнину для их последующего уничтожения либо, по крайней мере, в их уходе в Турцию и другие соседние страны. С этим, однако, возникают проблемы: с недавних пор турки значительно ограничили возможности перемещения террористов и даже начали минировать участки сирийско-турецкой границы.

Во-первых, правительственные войска при российской воздушной поддержке смогли оттеснить силы умеренной оппозиции от Дамаска и Хомса, отбить у исламистов Пальмиру и расширить зону контроля на подступах к Алеппо. Правда, при этом сторонникам Асада пришлось оставить часть территории к востоку от Дамаска. В результате действий российской авиации было нарушено, а в отдельных местах полностью прекращено ресурсное обеспечение террористов. Таким образом, при поддержке российской авиации за год были освобождены более 600 населенных пунктов и более 12 тыс. кв. км территории Сирии[28].

Еще в 2015 году казалось, что режим Башара Асада вот-вот падет под натиском «Исламского государства» и он обречен. В то время действительно сирийская армия была деморализована и отступала на всех фронтах. Так вот, следует отметить, что воздушные удары российской авиации фактически переломили ход войны с террористами. При поддержке наших ВКС войска Асада перехватили инициативу и теперь уверенно наступают.

Во-вторых, несмотря на отсутствие опыта ведения военных операций за рубежом ВКС РФ достаточно успешно решили многочисленные вопросы обеспечения снабжения как российского контингента в Сирии, так и сирийской армии, показав, что Россия может достаточно эффективно проводить масштабные военные операции не только непосредственно у своих границ.

Так же стоит отметить, что помимо обкатки задействованных в войне подразделений, Министерство обороны РФ получило отличную возможность испытать в Сирии различные новинки

---

[28] *Гусев А.* Чего добилась Россия в Сирии или почему рано подводить итоги военной операции / Эл. ресурс: «Виперсон». 2016. 30 сентября / http://viperson.ru/articles/chego-dobilas-rossiya-v-sirii-ili-pochemu-rano-podvodit-itogi-voennoy-operatsii

военной техники, включая танки, бронеавтомобили, артиллерийские системы, БПЛА, средства радиотехнической разведки, причем в боевых условиях. Безусловно, этот опыт в будущем будет иметь важное значение в развитии отечественных вооруженных сил.

В-третьих, по террористам был нанесен мощный удар, в результате которого было уничтожено не менее 2 тыс. бывших граждан России.

«Таким образом, военное вмешательство России в Сирии свидетельствует о значительном прогрессе российских Вооруженных сил со времени окончания российско-грузинской войны 2008 года. Тем не менее, под вопросом остается то, насколько репрезентативна российская экспедиционная группировка в Сирии по отношению ко всем ВС РФ. При относительно небольшом размахе действий в Крыму и Сирии Россия может позволить себе направлять для решения подобных задач, наиболее оснащенные и подготовленные войсковые контингенты; однако маловероятно, что большинство соединений и частей Воздушно-космических сил и Сухопутных войск России оснащены и подготовлены столь же достойно. Более того, многие из наиболее важных задач, решавшихся в ходе пятидневной войны 2008 года, такие как подавление развитой ПВО противника, невозможно повторно отработать в борьбе с нетрадиционным и относительно слабо вооруженным противником, каковым являются отряды повстанцев в Сирии. Ну и наконец, остается предметом дискуссии вопрос об эффективности ударов, наносимых ВКС России, хотя внешне они и свидетельствуют об их возросших возможностях. Как следует из опыта США, опиравшихся на свою воздушную мощь при проведении целого ряда военных кампаний, одних авиаударов зачастую недостаточно для адекватного военно-политического решения конфликта. Вследствие этого Россия, быть может, и сумеет предотвратить падение режима Башара Асада и, вполне вероятно, отвоевать часть территории силами своего скромного экспедиционного контингента, но достижение более амбициозных целей потребует от нее резкого увеличения своего — или иранского — военного присутствия в Сирии»[29].

---

[29] *Ли Р. А.* Военные аспекты российской операции в Сирии / НВО, 2016. 15 января / http://nvo.ng.ru/wars/2016–01–15/8_aspects.html

Наконец, важное значение приобретает приобретенный опыт международных операций России за рубежом, который имеет не только военно-техническое, но и военно-политическое значение. Так, осенью 2016 года стало известно о совместных российско-египетских маневрах в пустыне по уничтожению террористических формирований, а также о масштабных учениях ВДВ, в которых примут участие около 5 тыс. десантников и почти 1000 единиц бронетехники[30].

Все это свидетельствует о том, что Россия в последние годы вернула себе способность не только к стратегическому и ядерному сдерживанию, но и активному применению военной силы как в ближнем, так и дальнем зарубежье. Это означает, что ее вес в мире и влияние на самый широкий спектр возможных сценариев развития МО и ВПО усиливается.

---

30 *Валагин А.* Российские десантники высадятся в Африке / Эл. ресурс: «Российская газета», 2016. 3 октября / http://rg.ru

Глава III
Обзор миротворческих операций ВС России в 1991–2016 гг.

Проведение Россией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах[1]
Стратегия национальной безопасности России, 2015

Оказалось, что с окончанием холодной войны никакой «кантианский мир» не наступил[2]
Д. Суслов, политолог

В первые годы после окончания холодной войны количество военных конфликтов в мире резко пошло на убыль. По данным Центра оборонной информации США //(1) с 1988 по 1991 гг. происходило снижение ежегодного количества военных конфликтов в мире: в 1988 г. — до 12-ти, в 1989 — до десяти, в 1990 — до восьми. Однако с 1991 г. число конфликтов снова стало возрастать. В 1991 году их уже зафиксировано 13, в 1992 — 17, в 1993 — 18, столько же в 1994–1996 гг. В 1997 г., по данным штаб-квартиры ООН, в мире значилось 22 очага активных военных конфликтов. Прямая причина такого положения вещей — рост числа раздражителей международных отношений в лице новых независимых государств.

Конкретные причины, мотивы и источники отдельных межгосударственных и внутригосударственных конфликтов очень многообразны. Определенное представление на этот счет дает таблица конфликтов 90-х годов[3]:

---

[1] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[2] *Суслов Д.* Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–ноябрь. — С. 15.

[3] *Ермолаев М. М., Ларионов В. В., Мазинг В. А.* Россия и проблемы миротворчества / Эл. ресурс. Режим доступа: http://www.iskran.ru/russ/works98/larionov.html. (дата обращения — 13.07.2013).

Таблица 1.

конфликтующие стороны	годы	причины конфликта	иностр. посредн.
прав. Ирака — шиитское движ.	1991	Религиозные	ООН
Движ. курдов в Турции, Ираке, Иране	1991–97	Этнические	ООН
прав. Алжира — исламисты	1991	Религиозные	не было
Бурунди: движ. тутси, хуту	1988	Этнические	не было
Руанда: движ. тутси, хуту	1990	Этнические	ООН
Армения — Азербайджан	1090–94	этнич. Нагорн. Кар-х	ОБСЕ
Внутритаджикский конфл.	1990–97	Религиозные	ООН, СНГ
прав. Анголы — движ. Унита	1975–97	эконом, этнич.	ООН, Орг. Юж. Афр.
Камерун — Нигерия	1994–96	территор. Бакосия	не было
Межнац. конфликт в Конго	1996–97	Этнические	не было ООН
Эритрея — Йемен	1995–96	территор.-этнич.	ООН не было
Марокко, фронт Полисарио	1975–96	территор., Зап. Сахара	ООН
Югославия: сербы, хорваты, мусульмане	1990–96	территор.-этнич	НАТО, РФ
Чечня — федеральн. прав. РФ	1994–96	борьба за независ.	не было

конфликтующие стороны	годы	причины конфликта	иностр. посредн.
Абхазия — Грузия	1992–93	борьба за независ.	ООН, РФ
Приднестровье — Молдавия	1991	этнич, экономич	не было
Англия — Сев. Ирландия	1960–97	религиозно-этнич.	США
Движ. басков в Испании	1968–97	Этнические	не было
рев. движ. в Гватемале	1968–96	Этнические	ООН
Коррупцион. групп. на Гаити	1991–94	Экономические	ООН
Перу — Эквадор	1995–97	погран. Споры	США
нар. — рев. армия в Мексике	1983–93	религиозно-этнич.	не было

Анализ приведенных в таблице данных позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, большинство военных конфликтов в 1990-е гг. (16 из 22) возникали в зоне государств третьего мира и прямо не затрагивали национальных интересов государств враждующих блоков периода холодной войны.

Во-вторых, причины возникновения конфликта сводились в основном к местным этническим, религиозным, территориальным спорам и не затрагивали глобальных проблем международных отношений.

В-третьих, иностранное посредничество или постороннее вмешательство в конфликты было зафиксировано в 14-ти случаях. В этих акциях участвовали в различных формах ООН, ОБСЕ, Организация государств южной Африки, СНГ, США, РФ. В восьми случаях внешнего вмешательства вообще не было.

В-четвертых, значительная часть конфликтов приходится на территории бывших многонациональных государств. Это говорит о том, что в недрах интернациональных конгломераций естественно больше, чем где бы то ни было источников межнациональных противоречий и конфликтов. Следует отметить, что в таблице не отражен конфликт в Косово, вспыхнувший в 1998 году[4].

Как это ни парадоксально, мирное разрешение конфликтов на постсоветском пространстве не было выгодно кремлевскому руководству. Одной из важнейших частей общеполитической игры в Советском Союзе того периода было противопоставление республиканских государственных структур в недавнем прошлом полудекоративных — союзной центральной власти. В первую очередь через захват власти на республиканском уровне альянсом демократических и националистических движений и перехват полномочий центрального правительства шло преобразование советского властного аппарата. Возможной контригрой центрального правительства стала поддержка возникших сепаратистских движений внутри республик и в силу этого сохранение напряженности между территориями населенными этническими меньшинствами и республиканскими правительствами. Почувствовав эту поддержку, представители этнических меньшинств в большинстве республик стали выдвигать лозунги сохранения Союза, а в ряде случаев — присоединения своих территорий к РСФСР.

В то время как в столицах республик попытки выступления против властей и подчас возникающие при этом массовые беспорядки приводили к жесткой и эффективной силовой реакции войск по приказу центрального руководства (в Алма-Ате, Ереване, Тбилиси, Душанбе и Баку), действия этнических парамилитарных групп в зонах повышенной напряженности зачастую получали поддержку от расквартированных на их территориях советских частей. Эта поддержка включала в себя не только тайную продажу вооружений, на что воинское начальство снисходительно закрывало глаза, но и в некоторых случаях даже участие отдельных военнослужащих как наемников в боевых столкновениях.

---

[4] *Ермолаев М. М., Ларионов В. В., Мазинг В. А.* Россия и проблемы миротворчества / Эл. ресурс. Режим доступа: http://www.iskran.ru/russ/works98/larionov.html. (дата обращения — 13.07.2013).

Отдельные детали этой картины проступали во время конфликтов в Приднестровье, в Нагорном Карабахе и в Южной Осетии. При этом общим правилом становилась та ситуация, когда расположенная на какой-либо территории воинская часть становилась «сверхлояльна» местному населению. Независимым наблюдателям удавалось зафиксировать факты поддержки обеих враждующих сторон военнослужащими различных советских частей[5].

3.1. Миротворческие операции как инструмент внешней политики России

Миротворческие операции[6] России в 1991–2016 годы стали важной частью внешней и военной политики страны. Они оставались в ряде случаев основным и главным, а иногда и единственным силовым инструментом политического влияния России на постсоветском пространстве. При этом история и условия, в которых они формировались и действовали, была часто не только тяжела, но и трагична.

Предполагалось, что демонстративный отказ от имперского наследия России, принятие первой в Советском Союзе «Декларации о суверенитете», многочисленные заявления о поддержке стремлений к суверенитету советских республик, в первую очередь Прибалтики, призывы Ельцина к российским автономиям «брать столько суверенитета, сколько проглотите» и бескомпромиссная борьба с союзным правительством М. Горбачева, — все это должно было не только обеспечить поддержку руководителями союзных республик борьбы российских лидеров за переезд из московского Белого Дома Правительства РСФСР в Кремль, но и создать дружеские отношения с руководством других республик Советского

[5] *Соколов А. В.* Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ / в книге «Restructuring the Global Military Sector» / http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/

[6] Миротворческие операции ООН проводятся в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру путем совместных принудительных действий, если иные меры оказываются недостаточными или неэффективными.

Союза. Следует признать, что эти надежды в дальнейшем не оправдались. Показательно, что во время событий в августе 1991 года реально только руководители прибалтийских республик оказали поддержку российским лидерам в борьбе с пошедшей ва-банк высшей коммунистической номенклатурой.

Последовавшие за тем Беловежские и Алма-Атинские соглашения, завершившие существование Советского Союза, но не создали механизмов урегулирования конфликтов на территории, бывшего СССР. В этой области единственным позитивным результатом переговоров стало определение судьбы советского ядерного и химического оружия. Принятые тогда решения позволили наметить реализованные в последствии меры по его уничтожению или вывозу в Россию и исключить его использование в конфликтах на постсоветском пространстве[7], — пишет исследователь А. Соколов.

«Когда Российская Федерация заявила о себе как о правопреемнице СССР, то никто из ее руководителей не осознавал степени ее ответственности за происходящее вне границ новой страны. Склады советского оружия в бывших братских республиках захватывали неизвестные лица, правительства новых независимых государств при этом не признавали своей связи с этими захватами, но и не проводили серьезных расследований. Советские воинские части, большей частью, принявшие российскую присягу, с трудом выходили в Россию, иногда теряя при этом свою технику и вооружение. Например, в 1992 году при выводе из Нагорного Карабаха мотострелкового полка, ставшего таким образом российским, его боевая техника была захвачена армянскими формированиями. Специальным группам российских десантников пришлось выявлять и взрывать российские танки и бронемашины. В других случаях российские войска оставались в местах своей старой дислокации, не имея ни четкой правовой базы для своих действий, ни представления о своем будущем.

Министерство обороны России не могло обеспечить контроль за действиями подчиненных ему войск в „ближнем зарубежье“. Личный состав изолированных российских частей, в том числе

---

[7] *Соколов А. В.* Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ / в книге «Restructuring the Global Military Sector» / http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/

офицеры и прапорщики, пополнялся выходцами из местного населения. Оторванные от Москвы части продолжали оказывать помощь существующим вооруженным формированиям. Командиры закрывали глаза на действия своих подчиненных и пытались проводить самостоятельную политику в отношении местного населения. Небывалый размах приобрела коррупция.

На примере 201-й дивизии, расквартированной в Таджикистане, было видно, как еще до начала гражданской войны 1992 года, дезорганизованные российские войска становились источником вооружений для обеих конфликтующих сторон. Один из представителей российских властей, в числе прочего курировавший состояние российских войск в Таджикистане, достаточно лаконично оценил в 1993 году итоги двухлетней коррупции в 201-й дивизии словами: „Разворовано все". При этом следует отметить, что даже в таком виде 201-я дивизия во время гражданской войны, сыграла роль буфера при столкновениях…»[8].

В первое время после распада СССР руководство России не уделяло существенного внимания развитию отношений с новыми независимыми государствами. Действия Кремля, в том числе и попытки участия в урегулировании вооруженных конфликтов, носили случайный, реактивный характер (ad hoc). В рамках своей общеполитической стратегии Россия декларировала основную роль международных коллективных организаций в деле установления добрососедских отношений между новыми независимыми государствами. Разрабатывалась концепция общего для всего СНГ соглашения по проведению операций по установлению мира.

Стало очевидно, что представления либеральных руководителей, стоявших в тот период во главе правительства России, и государственного внешнеполитического ведомства о том, каковы должны быть отношения между странами на постсоветском пространстве, мало соотносятся с действительностью. России не удастся решить проблемы преобразования из посттоталитарного в демократическое общество, изолированное от остальных стран постсоветского пространства. Нестабильность на границах России и продолжающиеся конфликты будут неизменно нарушать стабильность российского общества. Следовательно, активная

[8] Там же.

роль России в скорейшем урегулировании конфликтов отвечает ее национальным интересам, а миротворческие операции, наряду с дипломатическими усилиями, должны стать одним из эффективных средств реализации интересов России. Национал-патриотические силы также требовали активного вмешательства России в дела своих соседей, рассматривая такое вмешательство, как возрождение политики великой державы и наследницы Российской империи.

Советское наследство

В то же время, Россия не была готова для проведения миротворческих операций. В нашей стране подобный опыт отсутствовал. **В рамках операций ООН Советский Союз никогда не посылал свои войска для установления мира**. На протяжении всей своей истории советские войска или советские военные советники во время гражданских войн в других странах оказывали помощь прогрессивным, по мнению коммунистического руководства, режимам или повстанческим движениям. Это полностью соответствовало доктрине так называемого «пролетарского интернационализма», требующего оказывать помощь борющимся за свое освобождение трудящимся в их прогрессивной борьбе за освобождение от гнета капитализма и его последней стадии — империализма. Мирные переговоры могли использоваться только как элемент этой борьбы, конечный результат которой был предопределен марксистско-ленинской теорией.

Этому не противоречило участие советских офицеров в операциях ООН в качестве наблюдателей, так как международным организациям отводилась роль силы, «сдерживающей империалистические державы в их агрессивных устремлениях». Политика мирного сосуществования рассматривалась как диалектическая форма борьбы между государствами с различным общественно-политическим строем, а международные институты представляли собой одно из полей этой борьбы.

Миротворческие операции Организации Объединенных Наций проводятся в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и безопасности путем совместных принудительных действий, если меры экономического и политического характера оказались недостаточными и неэффективными. Решения о создании, составе,

использовании и финансировании миротворческих сил принимает Совет Безопасности ООН. Стратегическое руководство такими силами осуществляет Военно-штабной комитет.

Будучи постоянным членом Совбеза ООН, Российская Федерация несет ответственность за поддержание мира и безопасности на планете. За последние годы военнослужащие ВС РФ наравне с другими членами международного сообщества неоднократно участвовали в предотвращении или ликвидации междоусобных и межнациональных конфликтов как на территории республик бывшего СССР, так и в странах дальнего зарубежья. География таких мест обширна: Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Босния и Герцеговина, Косово и Метохия, Ангола, Чад, Сьерра-Леоне, Судан[9].

Миротворческие силы Российской Федерации представляют собой контингенты военного и гражданского персонала, а также правоохранительных органов, комплектуемые на добровольной основе по контракту и выделенные для участия в ОПМ по мандату ООН и региональных организаций.

Всего численность военнослужащих РФ, участвовавших в ОПМ, составила 16 000 человек{79}. Для выполнения этих задач были задействованы части и подразделения 27 гв. мед (ПриВО), 45 гв. мед (ЛенВО), 59 гв. мед Оперативной группы российских войск (ОГРВ) в Приднестровском регионе Республики Молдова, ВДВ, а также часть сил и средств Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ). На конец 1996 года одновременно в ОПМ на территории государств-участников СНГ было задействовано: личного состава — около 10 000 человек, танков — 168, БМП и БТР — 532, артиллерии — 247, вертолетов — 29, автомобилей — 1380. В настоящее время для этих целей сформирована 15-я отдельная мотострелковая бригада.

Другим важным аспектом участия Российской Федерации в международной миротворческой деятельности является направление в миссии ООН военных наблюдателей. Они служат на Ближнем Востоке, в Западной Сахаре, Демократической Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Либерии и Судане. Примечательно,

[9] Участие России в миротворческих миссиях ООН. 2013. 7 июня / https://ria.ru/spravka/20130607/942178963.html

что наша страна входит в первую десятку по количеству военных наблюдателей в Организации Объединенных Наций.

В то же время Россия несет особую ответственность за сохранение безопасности на пространстве СНГ. Так, в Приднестровье в целях мирного урегулирования вооруженного конфликта и на основании соответствующего соглашения все еще находятся совместные миротворческие силы России и Молдовы.

Кроме того, российские военнослужащие входят в миротворческий контингент Организации Договора о коллективной безопасности. Этот контингент был сформирован в октябре 2007 г. Он предназначен, прежде всего, для участия в операциях по поддержанию мира на территориях государств-членов ОДКБ (по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ), а также за пределами этих государств (на основании Мандата, выдаваемого Советом Безопасности ООН)[10].

Россия выделила на миротворческую деятельность около $331 млн в 2015 году. По данным ООН, это 3,15% от общего бюджета миротворческих операций в $8,27 млрд. Лидерами — участниками бюджета являются США (28,4%, $2,35 млрд), Япония (10,8%, $893,2 млн) и Франция (7,22%, $597 млн).

Кроме того, Россия вложила $61,8 млн в гуманитарные программы ООН. В рамках Всемирной продовольственной программы ООН она осуществила поставки продовольствия на $30 млн Таджикистану и Киргизии была оказана помощь на $7 млн. Минимальная помощь была отправлена в Сомали — на $1 млн. Кроме того, как отмечается в докладе, Россия в 2015 году выделила $9,6 млн на финансирование систем устойчивого школьного питания в Армении, Таджикистане и Киргизии. В 2016–2018 годах Россия планирует увеличить свой вклад в общий бюджет миротворческих операций. По мнению составителей доклада, это поможет укрепить влияние страны, а также позволит направлять российских миротворцев на руководящие должности в «полевых» миротворческих миссиях.

Российские миротворцы участвовали в девяти из 16 операций по поддержанию мира ООН с апреля 2015 года по март 2016 года. В миротворческих операциях приняли также участие 68 военных

[10] Министерство обороны Российской Федерации: Миротворческие операции / http://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm

наблюдателей и 22 сотрудника МВД России. В 2016 году к выполнению этой миссии были привлечены отряды Национальной гвардии[11].

Основополагающим документом, определяющим создание миротворческих контингентов РФ, принципы их применения и порядок использования, является Закон РФ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», принятый Государственной Думой 26 мая 1995 года. Этот закон определил содержание и функции специального воинского контингента России, установил порядок предоставления военного и гражданского персонала для участия в операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, а также при выполнении Российской Федерацией принятых обязательств по международным договорам и соглашениям.

В мае 1996 года для реализации этого федерального закона Президент РФ подписал Указ №637 «О формировании специального воинского контингента Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», которым определены количество привлекаемого в его состав воинского контингента, а также вопросы его финансирования.

Предусматривалось сформировать в пределах установленной штатной численности Вооруженных Сил РФ специальный воинский контингент для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности в составе 17 мотострелковых и 4 парашютно-десантных батальонов в количестве 22 тыс. человек[12].

Присутствие воинских контингентов в «горячих точках» позволило значительно улучшить социально-политическую обстановку в регионах, перейти к поиску мирного диалога, восстановлению народного хозяйства и возвращению беженцев[13].

---

[11] Россия потратила на миротворческие операции треть миллиарда долларов / http://www.rbc.ru/politics/12/05/2016/57334c509a7947ddd464fd62

[12] Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. — М.: Триада-фарм, 2002. — С. 460 / http://militera.lib.ru/h/20c2/19.html

[13] Там же.

При осуществлении миротворческих функций российские воинские контингенты несли потери, общее число которых за период с 1992 г. по декабрь 1996 г. составило: 227 чел. убитыми и 159 — ранеными. Самые большие потери приходятся на долю российского контингента в КСПМ в Таджикистане (150 убитых и 79 раненых). Далее в порядке уменьшения потерь следуют: Абхазия, Приднестровье, бывшая Югославия, Южная Осетия.

Всего непосредственное участие в миротворческих операциях только в 1997 году принимало 11 109 российских солдат и офицеров, 153 танка, 254 артиллерийских орудия, 688 бронетранспортеров, боевых машин пехоты и боевых разведывательно-дозорных машин, 19 систем реактивного залпового огня, 1903 автомобиля, 29 вертолетов и 9 самолетов[14].

Рассмотрим основные миротворческие операции ВС России.

3.2. Первая операция. Молдавия. Приднестровье

Весной 1992 г. резко обострился конфликт в Приднестровье. С 1989 г. в этом регионе возрастала напряженность между правительством Молдавии (сначала партийно-правительственным руководством Молдавской Советской Социалистической Республикой, а в после 1991 г. правительством независимой Республики Молдова) и местным русскоязычным населением, которое заявило о создании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (позднее так же переименованной в Приднестровскую Молдавскую Республику). Сепаратистские настроения в Приднестровье поддерживались симпатиями как Москвы, так и расквартированных в регионе частей советской 14-й армии. Ряд неудачных политических ходов обеих сторон привели к эскалации напряженности и вооруженным стычкам начиная с ноября 1990 г., в марте 1992 г. начавшим перерастать в открытые военные действия.

---

[14] Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. — М.: Триада-фарм, 2002. — С. 460 / http://militera.lib.ru/h/20c2/19.html

Под сильным давлением различных общественных кругов российское руководство начинает активно вмешиваться в происходящие в Молдавии события. Националистическая оппозиция требует военной помощи русскоязычному населению Приднестровья. Добровольцы, включая группы казаков, отправляются поддержать сепаратистов. Демократическое правительство Гайдара, в частности министр иностранных дел Андрей Козырев пытаются отстаивать дипломатический путь выхода из кризиса, доказывают, что военное решение проблемы Приднестровья невозможно. 2 апреля расквартированные в регионе части бывшей советской 14 армии переходят под юрисдикцию России. Это происходит на следующий день после неудачной попытки усилить полицейские силы Молдавии в Бендерах — частично контролируемом приднестровскими властями городе на правом берегу Днестра. Армейский гарнизон Бендер принимает обращение с просьбой придать 14 армии статус миротворческих сил.

7 апреля 1992 г. А. Козырев, выступая в качестве посредника, проводит многостороннюю встречу, пытаясь найти компромиссное решение. Создается смешанная комиссия из представителей правоохранительных органов и напряженность несколько снижается.

Но «партия войны» и в России, и в Молдавии оказывается сильнее. Российский вице-президент Александр Руцкой резко высказывается по поводу «паркетной дипломатии» Андрея Козырева и настаивает на необходимости решительных действий. Такие выступления прямо провоцировали «партию войны» и в Приднестровье. Националистические элементы с обеих сторон также пытается решить проблему военным путем. После серии взаимных провокаций 19 июня в Бендеры входят регулярные части молдавской армии и волонтеры, прибывшие из разных районов Молдавии. В ходе столкновений гибнет множество мирных жителей. Приднестровские формирования, используя технику 14-й армии, останавливают продвижение правительственных войск, отбивают часть города. Начинается позиционная война.

Важным фактором, остановившим войска молдавского правительства, стала позиция российских войск, выраженная в выступление нового командующего 14 армией генерала Александра Лебедя. Командующий прямо обещал поход на Кишинев и своими действиями не оставлял сомнений, что эти обещания выполнит.

Так российская артиллерия стала наносить удары по молдавским войскам, как сообщалось в прессе, в ответ на обстрелы территорий военных частей. Московское руководство не стало одергивать воинственного генерала.

Открытое вступление 14 армии в конфликт поставило бы молдавские силы на грань прямого военного поражения. Только после возникновения этой угрозы последовало соглашение между Молдавией и Россией «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровье» от 23 июля 1992 г. Согласно этому соглашению были созданы трехсторонние миротворческие силы, в которые вошли представители конфликтующих сторон и России.

Миротворческие силы включали в себя 12 батальонов, 6 из которых были российские. Российская часть миротворческих сил была направлена в Приднестровье из внутреннего района России — Приволжского военного округа.

Была создана зона безопасности длиной 220 и шириной 10–20 км по обе стороны реки Днестр. Руководство миротворческими силами было возложено на "Объединенную контрольную комиссию по урегулированию вооруженного конфликта в приднестровском регионе", в которую входили по 6 представителей конфликтующих сторон и России. Деятельность российских миротворцев включала в себя минимальный стандартный набор мер по разграничению — разведение конфликтующих стороны в случаях возникновения напряженности, осуществление контроля за складированием оружия, организация постов и застав. Первый руководитель миротворческой операции генерал-полковник Эдуард Воробьев, позднее ставший известным общественности из-за отказа возглавить российские войска в начале военной компании в Чечне, так описывал обстановку во время своего командования: «Первоначально то одна, то другая сторона открывали огонь каждый день. Но быстрая реакция на каждый случай стрельбы, применение эффективных мер расследования и поиска виновных привели к тому, что к середине сентября случаи применения оружия стали единичными». К этому сроку по каждому случаю применения оружия проводилось разбирательство на месте и принимались решения на ежедневных заседаниях комиссии. Дополнительно, миротворческие силы стали проводить изъятие незаконно хранящегося стрелкового оружия, боеприпасов, разминирование плотин, садов, полей.

По ходу своей деятельности миротворческие силы в некоторых случаях объединяли для выполнения конкретных задач представителей различных контингентов миротворческих сил, в других случаях задачи решались изолированными силами. На дорогах были организованны совместные контрольно-пропускные пункты, на которых находились миротворцы, представлявшие одну из конфликтующих сторон и Россию. При защите же от подрыва плотины гидроэлектростанции на Днестре охрану несли только российские миротворцы. Согласно рассказам одного из офицеров, принимавших участие в охране гидроэлектростанции, в разное время предпринимались попытки ее взрыва то с одной, то с другой стороны. В некоторых случаях, когда намерения подходящих ночью групп были очевидны, миротворцы из специально оборудованной засады открывали огонь без предупреждения.

Участие в операции по поддержанию мира находящихся в регионе частей российской 14-й армии не предусматривалось. Однако командование российского контингента миротворческих сил постоянно поддерживало связь с ее командующим А. Лебедем. В значительно большей степени, чем миротворческие силы, подразделения 14-й армии могли осуществлять меры направленные на стабилизацию обстановки в Приднестровье, такие как разоружение и ликвидация бандитских групп, в которые превратились некоторые из парамилитарных формирований Приднестровья. Эти группы провоцировали напряженность и были постоянным источником опасности для населения, как на левом, так и на правом берегу Днестра.

Так совместными усилиями 14 армии и миротворческих сил в городе Дубоссары была ликвидирована группа бандитов, по словам генерала Э. Воробьева, «состоявшая частично из бывших работников правоохранительных органов, частично уголовников. Они провоцировали обе стороны, обстреливая и тех и других». Была проведена тщательно спланированная операция по ликвидации этой группы. После этого обстановка стала значительно спокойнее, а затем окончательно стабилизировалась.

В Приднестровье фактически возникла ситуация двоевластия. В результате ультимативных требований командующего 14-й армии к Приднестровскому руководству российские военные стали осуществлять охрану общественного порядка, задержание лиц,

подозреваемых в совершении преступлений проверки и досмотры на вокзале и дорогах Приднестровья. В конце 1992–1993 г. российская комендатура в Тирасполе с приданными ей силами, действуя явочным порядком, присвоила себе правоохранительные функции и частично функции миротворческих сил. Это создало напряжение в отношениях с местным властями, но местное население поддержало действия российских военных. Российский генерал и гражданин А. Лебедь даже стал депутатом местного парламента.

Однако достигнутый к концу 1992 г. успех не был использован. Этому во многом мешало возникшее в то время противостояние в Москве. Силы «красно-коричневой» оппозиции в Москве постоянно эксплуатировали тему страданий «брошенных» русских в Приднестровье, депутаты Верховного Совета России открыто заявляли о своей поддержке приднестровских сепаратистов. В этих условиях Россия не могла оказывать многостороннее давление на руководство сепаратистов, жестко настаивая на необходимости признания разумных компромиссов.

О реальном отношении Московского руководства и Приднестровья говорит следующий факт. Когда осенью 1993 г. Президент РФ издает Указа №1400 о роспуске Верховного Совета, группы боевиков из Приднестровья прибывают в Москве и поддерживают антиельцинское выступление А. Руцкого. После его подавления, согласно средствам массовой информации, вернувшиеся боевики получают приднестровские награды. Участие офицеров приднестровских формирований, оставивших свою службу на этот период приднестровским командованием не расследуется. В знак протеста против действий властей Приднестровья, А. Лебедь складывает с себя полномочия депутата Приднестровской Молдавской Республики.

Ситуация же на линии разделения сил в течение этого оставалась стабильной. Казалось, что напряжение в регионе проходит с течением времени. Согласно решению министерства обороны России и в конце 1994 г. в два раза сокращается контингент российских миротворческих сил. Решение об этом было принято в конце ноября 1994, когда в сжатые сроки разрабатывался план военной компании в Чечне. По мнению Президента Молдавии Мирча Снегура, высказанному им на встрече с верховным комиссаром СБСЕ по делам национальных меньшинств Максом Вандерстулом, вновь

«возникла угроза провокаций и возможности возобновления конфликта». Действительно, уже весной 1995 г. отмечался рост столкновений с участием молдавских и приднестровских военнослужащих, участились случаи применения оружия российскими миротворцами.

В 1995 г. генерал А. Лебедь вступает с резкой критикой состояния российской армии и государства. Он получает огромную поддержку в офицерской среде. В числе прочего, А. Лебедь в очередной раз предлагает передать функции миротворческих сил 14 армии, указывая на ее признанную Москвой роль в обеспечении стабильности в регионе и снижение, в случае положительного решения, бюджетных расходов на содержание войск. После долгих дипломатических усилий Москвы и длительной аппаратной борьбы министерство обороны России принимает решение о расформировании 14 армии и смене командования образовавшейся группировкой. Вместе с тем, Москва предпринимает отчаянные усилия передать статус миротворческих сил частям, входившим в состав 14 армии, и вывести части нынешнего российского контингента миротворческих сил к местам постоянной дислокации. Против этого решительно возражает руководство Молдавии, рассматривая эту предложения, как попытку России сохранить военную группировку в Приднестровье, и ссылаясь на неготовность частей 14-й армии к исполнению функций миротворцев.

Преодолевая недоверие молдавского руководства, российское министерство обороны приняло решение в ноябре 1995 г. о создании центра по подготовке миротворческих сил в Приднестровье. Предполагается, что осуществление этого решения позволит переобучить военнослужащих бывшей 14 армии и тем или иным способом высвободить подразделения, задействованные сегодня в российском контингенте миротворческих сил.

В течение всего конфликта участие международных институтов в урегулировании конфликта было малоэффективным. В мае 1995 г. в Приднестровье посланник ОБСЕ Иштван Дьярмати настаивал на расширении миротворческого мандата этой организации и замене действующего трехстороннего механизма урегулирования конфликта на новый, четырехсторонний, в котором заметная роль отводилась бы ОБСЕ. В тот момент руководство Приднестровья заявило о необходимости активизации договорного процесса в существующих рамках. Однако через два месяца руководители

Молдавии и Приднестровья обратились с предложениями к Украине об участии в переговорах по урегулированию совместно с Россией и ОБСЕ. Длительное время обсуждался вопрос и об участии украинского контингента в составе смешанных миротворческих сил.

Таким образом, в Молдавии смешанные миротворческие силы были созданы на основе контингентов противоборствующих сторон и России. Основная нагрузка при этом легла на российский контингент миротворческих сил. Миротворческие силы относительно успешно осуществили разделение сторон, не допускали перерастание отдельных стычек в крупномасштабные столкновения, проводили профилактическую работу с местным населением. Однако их участие в обеспечении правопорядка не было систематическим и носило в основном реактивный характер. Полицейские функции, присвоенные себе российской армией, дислоцированной в регионе, осуществлялись вне рамок миротворческой операции, хотя и способствовали ее успеху.

3.3. Грузия. Операция в Южной Осетии

Практически одновременно с приднестровской операцией летом 1992 г. началась миротворческая операция в Южной Осетии.

Первые столкновения между осетинами и грузинами во время распада СССР в приграничной с Россией южно-осетинской автономии начались зимой 1989–1990 гг. Осенью 1990 г., после прихода к власти в Грузии первого некоммунистического руководства во главе с З. Гамсахурдиа, Верховный Совет автономной области принял ряд решений, направленных на создание независимой республики. 9 декабря 1990 г., несмотря на протесты тбилисского руководства, осетины избирают новый состав Верховного Совета автономии. 11 декабря Верховный Совет Грузии упразднил Юго-Осетинскую автономную область и принял закон «О чрезвычайном положении». В тот же день в столице автономии городе Цхинвали произошло убийство осетинского милиционера и двух грузин (по словам осетин, сотрудников охраны Председателя грузинского парламента З. Гамсахурдия). На следующий день грузинский парламент принял решение о введении чрезвычайного положения на территории, контролируемой властями бывшей автономии.

6 января 1991 г., при полном бездействии внутренних войск СССР, находившихся в регионе, в столицу автономии Цхинвали вошли силы грузинской милиции и грузинские добровольцы. Осетинское население оказало сопротивление. После боев с группами осетинских боевиков 26 января 1991 г. грузинские силы оставили город. Вслед за тем, осетинским отрядам постепенно удалось оттеснить грузинские силы на несколько километров от Цхинвали. Весной 1991 г. стало очевидно, что активные боевые действия между осетинскими и грузинскими формированиями закончилась и тактической целю каждой воюющей стороны стало удержание контролируемой территории.

С начала конфликта произошел массовый исход осетин из внутренних районов Грузии в Южную и Северную Осетию, несколько десятков осетинских сел было сожжено; грузинские жители Цхинвали и ряда, осетинских сел также бежали из зоны конфликта.

Основной проблемой в регионе стала криминализация зоны конфликта. При общем снижении числа вооруженных столкновений между этническими формированиями сторон, стали возникать столкновения между отрядами одной этнической группы. Грабежи и бандитизм, ранее направленные только против этнически враждебного населения, после исхода последнего стали направляться против представителей невовлеченных в конфликт местных национальных групп — армян и евреев. Вместе с тем продолжались вылазки и обстрелы контролируемой противником территории и нападения на транспорт на дорогах, сопровождавшиеся убийствами, захватом заложников, с целью получения выкупа либо обмена, и угоном скота.

Предпринятая Б. Ельциным и З. Гамсахурдия в марте 1991 г. неудачная попытка урегулирования конфликта, о которой говорилось раннее, никак не изменила ситуацию в регионе.

В целях стабилизации обстановки и предотвращения повторной вспышки конфликта 14 июня 1992 г. между Б. Ельциным и новым лидером Грузии Э. Шеварднадзе были заключены так называемые Дагомысские соглашения. Результатом заключенного соглашения предусматривалось создание для решения военных вопросов и поддержания мира в зоне вооруженного конфликта трехсторонних Смешанных сил мира и правопорядка, а для решения административно-хозяйственных и экономических вопросов — Смешанной Контрольной комиссии.

Следует отметить, что собственно Дагомыские соглашения не были в итоге реализованы, однако они заложили основы для миротворческой деятельности в регионе. Смешанной Контрольной комиссии, в состав которой должны были войти представители грузинской, южноосетинской стороны и России (в том числе Северной Осетии), так и не удалось начать систематическую работу. На протяжении всего периода, прошедшего после соглашения, тема необходимости постоянной работы комиссии обсуждалась, однако ее работа ограничивалась проведением нескольких встреч делегаций в течение года и принятием протокольных решений.

Миротворческие силы, по тексту принятых решений, должны были состоять из трех батальонов. Один батальон должен был формироваться из состава грузинских вооруженных сил, один — из состава российских вооруженных сил, и один — из сил, подчиненных правительству российской автономной республики — Северной Осетии, которой доверяли власти Южной Осетии. Миротворческие силы должны были нести совместную, с объединенным штабом и тремя старшими воинским начальниками, службу по поддержанию мира. Предусматривалось, как и в Приднестровье, создание смешанных постов, для проверок на дорогах и разоружения населения.

Однако реальное развитие миротворческого процесса пошло мимо запланированных решений. Начавшиеся боевые действия в Абхазии отвлекли внимание грузинского руководства от проблем Цхинвальского региона. Грузинский батальон оказался в основном сформирован из представителей местного грузинского населения, принимавших до того участие в боевых действиях в регионе. Добровольцы из Северной Осетии также вскоре покинули миротворческие силы, и личный состав североосетинского батальона пополнили контрактники из местного осетинского населения. Предполагаемое общее превосходство осетинских сил в боевой технике было причиной постоянного беспокойства грузинского командования. В качестве сдерживающей меры грузинский батальон миротворческих сил, представлявший из себя основную силу грузинской стороны в регионе, был оснащен мало подходящими для миротворческих сил боевыми машинами пехоты. Не исчезла подозрительность в отношении намерений грузинских военных и среди осетин. В сложившихся условиях командованием

миротворческих сил было принято решение не устанавливать на дорогах смешанные посты и разделять, по возможности, посты миротворцев грузинского и осетинского контингента постами российских сил.

В условиях паралича власти в Грузии и Южной Осетии в 1992–1993 гг., создание миротворческих контингентов из бывших боевиков позволило сковать действия противоборствующих групп в регионе. Лучшие из старших воинских начальников миротворческих сил — в прошлом офицеров Советской Армии, часто возвращенных из отставки для командования грузинскими и осетинскими силами — видели свою основную задачу в сдерживании своих подчиненных. Один из них в разговоре с автором просто называл своих бойцов бандитами. Действительно, ни в какой другой миротворческой операции на территории бывшего СССР не было столько случаев правонарушений со стороны миротворцев, в том числе торговли наркотиками. Виновные в большинстве случаев не несли никакого наказания.

В этих условиях российский миротворческий батальон нес основную нагрузку по поддержанию правопорядка в регионе. На территории его расположения и под его охраной проходили встречи грузинских и южноосетинских представителей. Благодаря расплывчатым формулировкам мандата, предусматривавшего поддержание мира и правопорядка в регионе, российские миротворческие силы фактически приняли на себя обязанности правоохранительных органов Южной Осетии в части охраны порядка в регионе и задержания правонарушителей. Однако, по словам командующего, российскими миротворцами генерал-майора Николая Павлова, зачастую местные правоохранительные органы, состоявшие из бывших бойцов осетинских отрядов, тут же выпускали задержанных не проводя расследования. На парламентских выборах 27 марта 1994 г. в Южной Осетии представители местных силовых министерств потерпели поражение. Изменить новый расклад политических сил они не смогли, так как российские миротворческие силы стали противовесом отрядам боевиков и опорой избранного нового руководства республики. Командование батальона решало и большинство хозяйственных вопросов, связанных с совместными действиями грузинской и осетинской стороны.

После того как и в Грузии и в Южной Осетии власти укрепились и смогли в большей степени чем раньше контролировать свои силовые структуры, на заседании Смешанной контрольной комиссии 6 декабря 1994 г. с согласия грузинской, северо- и южно-осетинской и российских сторон миротворческие силы были объединены под единым командованием российского генерал-майора Анатолия Меркулева. по его словам, в течение 1994–1995 гг. личный состав грузинского батальона был заменен практически полностью. На треть был очищен от лиц, принимавших участие в боевых действиях в регионе, и осетинский батальон. Также было принято решение законсервировать тяжелую технику миротворческих сил грузинского и осетинского контингента. Решение не распространялось на технику миротворческих сил России.

В 1995 г. акцент работы командования миротворческих сил сместился с вопросов правоохранительной сферы на вопросы восстановления хозяйства региона. По словам Анатолия Меркулева, максимально широко понимающего свой мандат, как предупреждение повторного возникновения вооруженного конфликта, командующий миротворческими силами стал проводить на территории российского контингента еженедельные совещания административно-хозяйственного актива осетинской и грузинской стороны региона, на которых обсуждались не только случаи нападений и угона скота, но и восстановление работы местного завода, борьба с безработицей в регионе и даже обеспечение школьными учебниками школ перед началом учебного года.

Оценивая миротворческую операцию в Южной Осетии, следует признать, что объединение задач по поддержанию мира и правопорядка, позволило достичь успеха в миротворческой деятельности войскам, даже при отсутствии запланированной поддержки со стороны гражданских ведомств. Использование трехсторонних миротворческих сил, в которые были вовлечены участники прошедших боевых действий, позволило ограничить влияние вооруженных формирований боевиков на жизнь региона и создать условия для мирного строительства. Планируемое изменение состава миротворческих сил, заключающееся в смене осетинского батальона, формально считающегося батальоном Министерства по чрезвычайным ситуациям Северной Осетии и финансируемого из российского бюджета, на российский батальон Вооруженных Сил

позволит еще более облегчить переход к мирной жизни. Однако окончательное урегулирование конфликта возможно только после политического определения статуса Южной Осетии.

3.4. Таджикистан. Коллективные миротворческие силы в Таджикистане

Третья операция, которую российское руководство рассматривает как миротворческую, проводится российскими силами в Таджикистане в составе Коллективных миротворческих сил под эгидой СНГ.

Коллективные миротворческие силы в этой горной среднеазиатской республике были созданы в ноябре 1993 года на совместном заседании глав государств СНГ. При разработке их задач учитывался опыт миротворческих операций в Приднестровье и Южной Осетии. В этот период уже были сделаны первые шаги по анализу действий российских войск во время вооруженных конфликтов на территории бывшего Советского Союза. Сходное и успешное использование силовых методов при поддержании мира в зонах конфликтов породили преувеличенные ожидания при использовании миротворческих сил. Операция в Таджикистане стала иллюстрацией ошибочности этого подхода. Планировалось, что в Коллективные Миротворческие Силы войдут контингенты российских войск до того расквартированные в Таджикистане, части из Киргизии, Узбекистана и Казахстана. К этому моменту российские и узбекские военные уже давно увязли в конфликте в Таджикистане.

Подразделения ставшей российской после распада СССР 201-я дивизии были источником оружия для противоборствующих сторон. В ходе чрезвычайно жестокой войны лета и осени 1992 г. Россия всячески призывал конфликтующие стороны к переговорам, в том числе в октябре в ходе специального визита А. Козырева. Вместе с тем, части 201-й дивизии, находившиеся в различных частях республики, оказались в трудном положении. И отряды, поддерживавшие исламско-демократические власти Душанбе и, так называемые, прокоммунистические формирования Народного Фронта стремились привлечь на свою сторону российских военных,

или любыми способами изъять технику и оружие. Если бы значительные российские запасы вооружения и боеприпасов попали бы в руки враждующих сторон, война вспыхнула бы с большей силой, от чего пострадало бы и русское население Таджикистана.

Части российской дивизии фактически оказались в окружении и вынуждены были перейти к круговой обороне в границах военных городков. В эти же городки устремились и беженцы. Осенью было принято решение о доукомплектовании 201 дивизии и в ее состав были переброшены специально подготовленные подразделения из России. Дивизия, которая до этого страдала от нехватки личного состава, восстановила свою боеспособность. По договоренности с исламско-демократическими властями на дорогах вокруг столицы была временно выставлена боевая техника. Эта акция имела целью предотвратить проникновение в город мелких банд, занимавшихся грабежом населения.

После разгрома исламско-демократической коалиции и смены власти в Душанбе российские власти открыто поддержали новое правительство, согласившись ради "стабильности" закрыть глаза, массовые нарушения прав человека и на коммунистические лозунги, с которыми оно шло к власти. Поддержка выражалась не только в значительной экономической помощи предоставленной Россией новому правительству, но и в активном военном сотрудничестве. Президент Борис Ельцин, министр обороны Павел Грачев и министр иностранных дел Андрей Козырев в разное время заявляли, что Таджикистан является зоной особых интересов Российской Федерации. Россия подписала с новым правительством отдельный договор «О сотрудничестве в военной области», но конкретное сотрудничество оказалось еще более тесным, чем предусматривал договор, в том числе зафиксированы случаи, когда российские войска обеспечивали безопасность правительственных сил, которые осуществляли операции по изъятию оружия.

Перед российскими войсками была поставлена задача не допустить повторной вспышки конфликта, грозившего перекинуться на страны Средней Азии. По оценкам российских военных, Россия до сих пор не имеет экономической возможности оборудовать собственную полноценную южную границу, а, следовательно, начавшаяся гражданская война в странах Средней Азии открыла бы южную границу России для потока оружия и наркотиков из

Афганистана и с Памира. Вместе с тем в Афганистане, куда ушли остатки отрядов исламской оппозиции, шла деятельная подготовка новых отрядов для возвращения к власти в Таджикистане.

По согласованию с Таджикским правительством Россия отправила на таджикско-афганскую границу сначала воздушно-десантные части, а затем и пограничников. Ночью на 13 июля 1993 г. одна из российских застав была практически полностью уничтожена пришедшим из Афганистана отрядом исламской оппозиции. Эта трагедия получила широкий резонанс в России и заставила обратить внимание на одну из существенных проблем — отсутствие серьезной правовой базы при действиях российских войск в странах СНГ.

Российская либеральная интеллигенция справедливо обвинила правительство в попытках установить контроль над Таджикистаном и по-сути повторить неудачный опыт советской помощи Афганистану. В ответ правительством России была выдвинута идея создания коалиции сил стран СНГ для обеспечения стабильности в регионе.

В ноябре 1993 на встрече глав государств СНГ было подписано решение о создании Коллективных Миротворческих Сил (КМС). Помимо России, еще 3 страны взяли на себя обязательство направить по одному батальону в состав миротворческих сил. Узбекистан фактически не принял участия в формировании КМС и его силы действуют практически автономно, участие киргизского батальона в КМС несколько раз оказывалось под вопросом. Полностью выполнил свои обязательства лишь Казахстан, однако, по целому ряду свидетельств, казахский батальон, расквартированный в полуоппозиционном Горном Бадахшане, не способен изменить сложившуюся обстановку в зоне своей ответственности.

В целом же действия КМС мало похожи на действия обычных миротворцев. Их военная сила поддерживает нынешний режим и позволяет ему оставаться пассивным на переговорах с представителями вооруженной оппозиции. Более того, на Совете министров обороны стран СНГ 19 апреля 1995 г., во время осложнения ситуации в Таджикистане, командующий КМС генерал-полковник Валерий Патрикеев прямо говорил о необходимости «помощи Таджикистану войсками и техникой, доведя численность личного состава до 16 тысяч».

Это, по словам генерала, позволило бы обеспечить эшелонированную поддержку пограничников на основных направлениях».

Несмотря на то, что этот план не был принят и российское правительство продолжает подталкивать таджикское правительство к поиску компромисса с оппозицией, стабильности в регионе так и не прибавилось.

По мнению автора, сегодня так называемые Коллективные миротворческие силы представляют собой обычную войсковую группировку российской армии. Используя вывеску Коллективных миротворческих сил и эгиду СНГ Россия занимает стратегически важное для нее положение в этом регионе, поддерживая своей мощью сложившийся расклад сил в Таджикистане и делая бессмысленными попытки его изменения военным путем. Эта группировка реально не принимает участия в разведении конфликтующих сторон и не несет разграничительной функции на границе с Афганистаном. Последнюю функцию пытаются выполнить пограничные войска России, которые в состав Коллективных миротворческих сил не входят.

3.5. Грузия. Операция в Абхазии

Самой поздней операцией российских миротворческих сил на территории СНГ стала операция в Абхазии, начавшаяся в июле 1994 г. К этому моменту российские военные увязли в гузино-абхазском конфликте еще в большей степени, чем в Таджикистане.

Напряженность в отношениях между грузинской и абхазской общинами, грузинским правительством и абхазской автономией проявилась еще в начале перестройки. В 1987 г. на сходах абхазского населения выдвигались требования о переходе Абхазской автономной республики из состава Грузии в состав России. Первые вооруженные стычки между представителями абхазского и грузинского населения произошли 15–17 июля 1989 г. Коммунистическое руководство тогда сумело урегулировать конфликт и произошедшее осталось без серьезных последствий. Позднее стабилизировали ситуацию и значительные уступки требованиям абхазского руководства, сделанные в период пребывания у власти в Тбилиси З. Гамсахурдия. Однако после военного переворота

в Тбилиси и прихода к власти Государственного Совета во главе с Э. Шеварнадзе ситуация в Абхазии стала обостряться.

14 августа 1992 г. начался вооруженный конфликт между Грузией и ее автономной республикой Абхазией. Целью грузинского правительства было установление контроля над частью своей территории и сохранение ее целостности. Целью абхазких властей — расширение прав автономии и, в конечном счете, получение независимости. Со стороны центрального правительства выступали Национальная Гвардия, парамилитарные формирования и отдельные добровольцы, со стороны абхазского руководства — вооруженные формирования негрузинского населения автономии и добровольцы, прибывшие с Северного Кавказа, а так же российские казаки. Это единственный из описываемых конфликтов, в котором столкновения происходили на земле, в воздухе и в море. С обеих сторон было убито несколько тысяч человек, сотни тысяч покинули свои дома и стали внутренними беженцами. Обе стороны прибегали к вытеснению враждебной этнической группы из стратегически важных районов. Захват и обмен заложников приобрел массовый характер. К началу 1993 года абхазские силы, воспользовавшись перемирием, нанесли внезапный удар и установили контроль над стратегически важным городом Гагра, а 16 сентября 1993 г., снова нарушив перемирие, восстановили свой контроль почти над всей территорией Абхазии, заняли столицу Абхазии — Сухуми. Тем самым военная обстановка вернулась к положению перед началом военных действий. После победы и установления контроля над территорией Абхазии абхазские силы препятствовали возвращению грузинского населения.

Во время всего конфликта официальная Москва сохраняла нейтралитет, выступала с осуждением нарушений прав человека и вводила санкции против обеих воюющих сторон. При этом российские части, доставшиеся России после раздела союзных вооруженных сил, находились в зоне конфликта с самого начала и оказывали неофициальную поддержку абхазским формированиям. По многочисленным свидетельствам, именно российские самолеты бомбили грузинские позиции, а на российских судах осуществлялась высадка абхазских десантов. При этом официальные источники в министерстве обороны России утверждали, что российские войска охраняют лишь сами себя и отвечают только

ответным огнем. После Сочинского соглашения о перемирии 27 июля 1993 года этим войскам попытались постфактум придать статус миротворческих. Рассчитывая, что их присутствие сможет стать сдерживающим фактором, российское правительство взяло на себя роль гаранта выполнения достигнутых соглашений. Дополнительно ООН обещала выделить 50 военных наблюдателей и действительно направила их часть в регион.

Однако когда Абхазия нарушила эти соглашения и ее силы начали штурм столицы автономии города Сухуми, оказалось, что российские войска не имеют полномочий, чтобы заставить выполнять соглашения о перемирии. Вскоре выяснилось, что и Грузия не желает присутствия российских миротворческих сил на своей территории.

И неизвестно, состоялась бы российская миротворческая операция, не вспыхни с новой силой на прилегающей к Абхазии грузинской территории вооруженная борьба между сторонниками свергнутого президента З. Гамсахурдия и отрядами, поддерживавшими новое правительство. Поддержав Э. Шеварднадзе, российские войска в октябре 1993 г. взяли под контроль важнейшие транспортные коммуникации Грузии и преградили дорогу на столицу разрозненным отрядам сторонников З. Гамсахурдия.

23 октября Э. Шеварднадзе принял решение санкционировать вступление Грузии в СНГ. Тбилиси дал разрешение на сохранение российских военных баз в Грузии. Было принято и принципиальное решение о согласии на проведение миротворческой операции российских войск в Абхазии. 1 декабря 1993 г. абхазской и грузинской делегациями было подписано «Соглашение о взаимопонимании». 9 мая 1994 г. Генеральный секретарь ООН Бутрас Гали представил в Совет Безопасности отчет, в котором высказал мнение об отсутствии необходимых условий в Грузии для ввода войск ООН. Он высказал мнение, что до прибытия войск ООН задачи поддержания мира могут решать российские войска, которые затем смогут войти в состав контингента ООН.

Впервые введению миротворческих сил предшествовала длительная подготовка. Обе стороны предварительно приняли предложения о полном прекращении боевых действий. Россия добилась признания ООН своей операции, как операции СНГ. Был детально разработан с привлечением опыта ООН мандат ми-

ротворческих сил и ограничена зона ответственности пределами Гальского районом, прилегающим к внутренним районам Грузии. Контроль ситуации в зоне конфликта должны были осуществлять наблюдатели ООН. После проведения целого ряда согласований к 26 июня 1994 г. российские миротворцы вошли в Абхазию.

В первые месяцы в зону конфликта были также дополнительно введены сводные батальоны ахалкалакской и батумской дивизий Российской армии. В составе этих двух дивизий, а ныне военных баз России служат и местные жители. До последнего времени среди них были и граждане Грузии.

В итоге была принята следующая схема расположения миротворческих сил. Три батальона разместились на территории Абхазии, один батальон — в Мингрелии, в соседнем с Абхазией городе Зугдиди. Командующий и штаб миротворческих сил расположились в Сухуми, а заместитель командующего — в грузинском районом центре городе Зугдиди. Первой задачей российских сил стало разделение сторон и организация контрольно-пропускных пунктов на реке Гумиста, ставшей демаркационной линией. В течение короткого времени миротворцам удалось взять под контроль мосты и основные броды, однако до сих пор группы абхазских и грузинских боевиков периодически проникают на противоположные стороны реки и тревожат население.

Следующей задачей стала демилитаризация Кодорского ущелья в горах — последнего участка Абхазии, населенного грузинской народностью — сванами и контролируемого правительством Грузии. После длительных переговоров удалось снизить уровень противостояния, исключив тяжелое вооружение из арсеналов обеих сторон и развести отряды. При этом, хотя оказалось невозможным провести полную демилитаризацию ущелья количество обстрелов упало в несколько раз.

Миротворческие силы начали также широкомасштабные операции по разминированию, дав возможность жителям Абхазии заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Разминирование было чрезвычайно затруднено из-за отсутствия карт минирования, однако в течение первого месяца размещения миротворческих сил разминирование было осуществлено в 10 километровой полосе зоны их ответственности. Миротворческие силы взяли под охрану и ИнгуриГЭС, обеспечивающий регион электричеством.

Однако миротворцам не удалось выполнить важнейшую с точки зрения Грузии задачу — обеспечение процесса возвращения беженцев. Следует отметить, что многие в Грузии воспринимали заключенные соглашения как обязательства России силой создать возможность к возвращению беженцев. Между тем российские войска обязаны лишь обеспечивать безопасность при возвращении. Абхазские власти всячески препятствовали возвращению беженцев за пределы Маленького Гали. На территории же этого района до последнего времени правопорядок должна была поддерживать абхазская милиция, сотрудники которой еще недавно принимали участие в вооруженном конфликте. В результате вернувшиеся на места своих домов беженцы не только подвергаются опасности нападения многочисленных криминальных групп, но и испытывают притеснения со стороны сотрудников абхазской милиции. Описаны случаи, когда такие действия происходили на глазах российских военнослужащих, которые не принимали никаких мер для их пресечения. При этом командование миротворческих сил, оправдывало своих подчиненных отсутствием в мандате миротворцев полицейских функций.

Только один раз российские миротворцы попытались действовать на свой страх и риск, как они привыкли действовать до этого в других операциях. В начале сентября 1994 г. заместитель министра обороны, курировавший в числе прочего миротворческие силы России, генерал-полковник Георгий Кондратьев, находившийся в регионе и возмущенный гибелью российских офицеров на контролируемой абхазскими силами территории и нежеланием абхазской стороны принимать грузинских беженцев, предпринял отчаянный шаг. Он заявил, что 14 сентября, а затем перенес эту дату на 16 сентября, российские войска начнут операцию по возвращению беженцев, «давая вооруженный отпор всем тем, кто будет стараться этому помешать». 15 сентября абхазская милиция в Гальском районе была блокирована российскими военными и ими же были перекрыты пути для подхода срочно перебрасываемых из других районов Абхазии сил. Однако 16 сентября министр обороны Павел Грачев остановил проведение операции и по поручению Б. Ельцина вылетел в Грузию. Была назначена встреча руководителей России и Грузии. Абхазская сторона заявила о готовности рассматривать дела возвращающихся беженцев с 1 октября. Вскоре

Георгий Кондратьев вернулся в Москву исполнять обязанности заместителя министра обороны, которым он оставался до начала вооруженного конфликта в Чечне.

С самого начала операции объектом критики было отсутствие полицейских функций у миротворческих сил в зоне их ответственности. Следует признать, что требования о предоставлении таких функций грузинские политики стали выдвигать начиная с весны 1995 г., до того более рассчитывая, что миротворческие силы помогут быстро восстановить контроль над территорией Абхазии. Власти же Абхазии постоянно выступают за максимальное ограничение функций миротворцев. По их мнению, население, в том числе и возвращающихся грузинских беженцев, должны защищать от воров и бандитов правоохранительные органы республики.

Заключение

В ходе урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве наглядно отразилась борьба двух подходов российских властей к проведению миротворческих операций — дипломатического, с привлечением миротворческих сил для закрепления отдельных результатов длительного переговорного процесса, и чисто силового, основанного на абсолютизации военного разрешения конфликта, которое подразумевает введение миротворческих сил и их действия исходя из соображений здравого смысла, в том числе и вне установленных договорным мандатом рамок.

Глава IV
Обзор контртеррористических операций российских вооруженных сил и внутренних войск в Чечне

В соседних с Россией регионах
развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений[1]
Стратегия национальной безопасности России

Наши военные возможности обеспечивают поддержку
дипломатическим, информационным и экономическим усилиям,
направлены на обеспечение
национальных интересов (США)[2]
Национальная военная стратегия США,
июнь 2015 г.

Политику России и деятельность ее ВС на постсоветском пространстве можно правильно понять только в том случае, если согласиться с тем, что конфликты на советском и постсоветском пространстве создаются, поддерживаются и развиваются, как правило, и в обязательном порядке при внешней поддержке со стороны, прежде всего США и их союзников.

Существует и много попыток другого объяснения этих конфликтов, которые, на мой взгляд, только запутывают ситуацию. Другие факторы могут иметь значение, но никогда они не были решающими в 1990–2016 годы. Можно согласиться с оценкой Т. Грачевой, которая справедливо полагает, что в современной войне происходит замена национальных целей на международно-корпоративные, а сами военные участники «приватизируются»: «Подтверждением служат пентагоновские наставления для сил спецопераций по ведению иррегулярной, в том числе нетрадиционной войны. Командование американских ССО определяет ее как действия с целью обеспечить условия для движения оппозиции

[1] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[2] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 5.

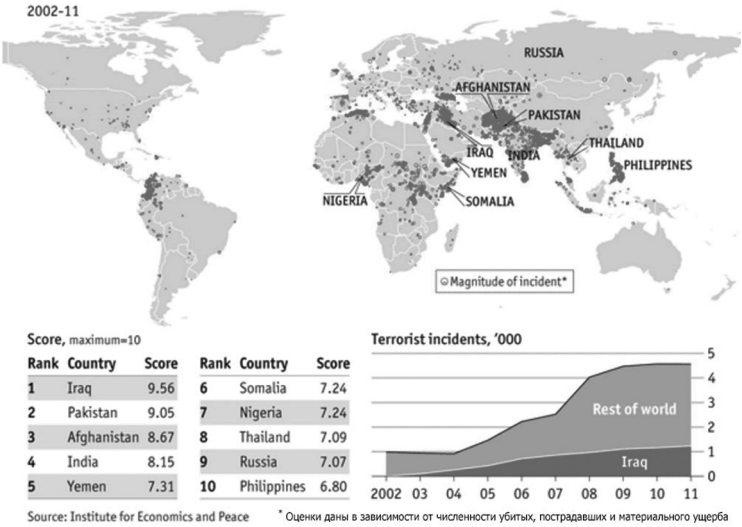

Рис. 1.[3] Карта глобального терроризма (2002–2011 гг.)

или для восстания, чтобы силой сместить власть, расколоть, или уничтожить правительство, действуя через или совместно с подпольными, наемными или повстанческими силами в зоне закрытого доступа. И таким образом достичь стратегических целей США.

Согласно этому подходу главным субъектом ведения войны является не американская армия, а подпольные, наемные или повстанческие силы, оппозиция. То есть государство-агрессор дистанцируется от жертвы и проблемы максимально с целью сокращения рисков.

Такая стратегия взрывает систему международного права. Больше того — создает проблемы и для национальных законодательных систем. Так, «непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации могут признаваться действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны».

---

[3] https://ourworldindata.org/war-and-peace-after-1945. — С. 6.

Но наемники не армия, подчиненная стране. Тот, кто их направляет, действует в так называемой серой зоне. Здесь трудно установить факт подготовки к агрессии и непосредственную угрозу. То есть объявлять войну, как того требует международное право, в этом случае просто некому»[4].

Что касается масштабов и характера военных действий, то современная стратегия западной ЛЧЦ предполагает выбор «отдельного ТВД», «географически взаимосвязанного», чтобы дать «интегрированное политическое маневрирование и военное планирование». Как полагает один из известных экспертов этой политики Фридман, «… необходимо думать в понятиях единого оперативного центра тяжести»[5].

Именно таким «оперативным центром тяжести» в 90-е годы для США и их союзников стал юг России — от границы Украины — через Северный Кавказ — до Средней Азии. Эти территории должны были стать под контроль США с помощью ЕС и НАТО. И значение Чечни, Грузии, Молдавии и Украины определяется именно этим обстоятельством. Борьба за «зону ответственности» ЕС на постсоветском пространстве объясняет не только продолжающийся конфликт в Закавказье и на Северном Кавказе, но и переворот на Украине, и попытки дестабилизировать ситуацию в Средней Азии[6].

Глобальная стратегия западной ЛЧЦ в этом случае может быть выражена следующей логикой, изложенной в программной статье Д. Трампа (и отражающей отнюдь не только его мнение), в котором четко озвучены следующие 7 принципов для «любой внушающей доверие доктрине внешней политике»[7]:

— Интересы Америки, прежде всего. Всегда. И никаких извинений.
— Максимальная огневая мощь и военная готовность.
— В войну США вступают только для того, чтобы одержать победу.
— Всегда сохранять верность друзьям и подозрительность в отношении врагов.

---

4 Грачева Т. Глобальное Черное море / Военно-промышленный курьер. 016. 8 октября / http://vpk-news.ru/articles/32740

5 Там же.

6 *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 194–196.

7 *Трамп Д.* Укрепить силу Америки. 2016. 6 сентября / http://globalaffairs.ru/number/Ukrepit-silu-Ameriki-18340

— Постоянно поддерживать остроту нашего технологического «меча».
— Видеть невидимое. Готовиться к отражению угроз еще до того, как они материализуются.
— Уважать и поддерживать нынешних военнослужащих и ветеранов прежних времен.

Эти же принципы могут быть изображены графически с тем, чтобы ясно показать не только логику внешнеполитической стратегии США, но и последовательность шагов по ее реализации. Эта логика, принципы и последовательность шагов полностью подтверждается на примере военно-политического конфликта в Чечне, который начался в 1991 году, но продолжается в той или иной форме до сегодняшнего дня (только 9 октября 2016 года было уничтожено 8 бандитов и ранено 4 сотрудника МВД).

Первая чеченская война (официально называлась Восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике, другие названия Чеченский конфликт, Первая чеченская кампания) — название боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа между войсками России (ВС и МВД) и непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия с целью взятия под контроль территории Чечни, на которой в 1991 году была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия.

Официально конфликт определялся как «меры по поддержанию конституционного порядка». Этот конфликт и предшествующие ему события характеризовались большим количеством жертв среди гражданского населения, военных и правоохранительных органов, отмечались факты этнических чисток нечеченского населения в Чечне, откровенного геноцида русских.

Любопытно в этой связи описание причин военного конфликта бывшим послом США в России В. Д. Бернсом, который отправил в Вашингтон секретную депешу следующего содержания:

«4. Чечня была только одним из конфликтов, которые возникли в результате распада Советского Союза. Территориальные конфликты, в основном сепаратистские, возникли в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии, Северной Осетии/Ингушетии, Абхазии и Таджикистане. Российские войска участвовали в боевых действиях во всех этих конфликтах, где открыто, где тайно. Везде, за исключением Нагорного Карабаха, российские войска

Рис. 2.

остались по настоящее время в качестве миротворцев. Россия упорно настаивает на том, чтобы сохранять это присутствие и не хочет выводить войска. Ее дипломатические усилия были направлены на поддержание конфликтов в замороженном состоянии и сохранение военного присутствия»[8].

[8] Чечня: прошлая и будущая война / http://maxpark.com/community/14/content/661197

По мнению американского посла, «Секретная история чеченской войны» заключалась в следующем:

«8. Отсутствие центрального контроля за военными и алчность офицеров, возможно, были главными причинами первой чеченской войны. В момент распада Советского Союза цены на источники энергии в «рублевой зоне» составляли 3% от мировых рыночных цен. Государственные чиновники и их партнеры покупали нефть по рублевым ценам, а затем направляли ее за рубеж, где продавали по рыночным ценам. Военные присоединились к этой перепродаже. Павел Грачев, тогдашний министр обороны, предположительно переправлял нефть командиру Западной Группы войск Бурлакову, который продавал ее в Германии.

9. Чечня была одним из основных перевалочных пунктов в этой перепродаже нефти. По-видимому, она использовалась и военными (включая Грачева), и группой Руцкого-Хасбулатова в Думе. Дудаев объявил независимость, но оставался частью российской элиты. Независимость Чечни, ее месторождения, нефтеперерабатывающие заводы и нефтепроводы делали Чечню идеальной для „отмывания нефти". Самолеты, поезда, автобусы, дороги и нефтепроводы в Чечню исправно работали, позволяя перевозить всем все что угодно — кроме аудиторов. В начале 1990-х миллионы тонн „русской" нефти было ввезено в Чечню, где они волшебным образом превратились в „чеченскую" нефть, которая была продана на мировых рынках по мировым ценам. Часть выручки пошла на закупки чеченских вооружений, в основном у русских военных, и возник еще один выгодный вид торговли. Дудаев взял большую часть своей доли оружием. Базар в Грозном в начале 1990-х славился обилием и разнообразием оружия, включая тяжелое вооружение[9].

10. Чечня была родиной Руслана Хасбулатова и использовалась для различных целей его фракцией российской элиты. Он воспользовался независимостью армии от Ельцинского контроля. Информированный источник считает, что именно Хасбулатов, а не „официальное" российское правительство перебросил Шамиля Басаева и его, вооруженных до зубов боевиков из Чечни в Абхазию в 1992 году, что именно он приказал российской авиации

[9] Чечня: прошлая и будущая война / http://maxpark.com/community/14/content/661197

бомбить Сухуми, когда Шеварднадзе отправился туда, чтобы лично возглавить там последнее сопротивление грузин в июле 1993 года. Правительство Ельцина всегда отрицало, что они бомбили Сухуми, несмотря на свидетельства наблюдателей с Запада, которые видели бомбежку и знаки на самолетах»[10].

С началом перестройки в различных республиках Советского Союза, в том числе и в Чечено-Ингушетии, активизировались различные националистические движения. Одной из подобных организаций стал созданный в 1990 году Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), ставивший своей целью выход Чечни из состава СССР и создание независимого чеченского государства. Его возглавил бывший генерал советских Военно-воздушных сил Джохар Дудаев.

«Чеченская революция» 1991 года.

По этому поводу глава Чеченской Республики Завгаев Д. Г. высказался в 1996 году на заседании Государственной Думы 8 июня 1991 года на II-й сессии ОКЧН Дудаев провозгласил независимость Чеченской Республики Нохчи-чо, таким образом, в республике сложилось двоевластие.

Во время событий 19–21 августа 1991 года в Москве, руководство ЧИАССР поддержало ГКЧП. Оценив ситуацию, 6 сентября 1991 года Дудаев объявил о роспуске республиканских государственных структур, обвинив Россию в «колониальной» политике. В этот же день сторонники Дудаева штурмом захватили здание Верховного Совета, телецентр и Дом радио. Более 40 депутатов было избито, а председателя грозненского горсовета Виталия Куценко убили, выбросив из окна.

«Да, на территории Чечено-Ингушской Республики (сегодня она разделена) война началась осенью 1991 года, именно война против многонационального народа, когда преступный криминальный режим при некоторой поддержке тех, кто сегодня здесь тоже проявляет нездоровый интерес к ситуации, залил кровью этот народ. Первой жертвой происходящего стал именно народ этой республики, и чеченцы, прежде всего. Война началась тогда, когда среди бела дня был убит Виталий Куценко, председатель

[10] Там же.

Грозненского городского совета, во время заседания Верховного Совета республики. Когда на улице был застрелен Беслиев, проректор государственного университета. Когда был убит Канкалик, ректор этого же государственного университета. Когда ежедневно осенью 1991 года на улицах Грозного находили убитыми до 30 человек. Когда начиная с осени 1991 года и до 1994 года морги Грозного были до потолка забиты, делались объявления по местному телевидению с просьбой забрать, установить, кто там находится, и так далее»[11].

После распада СССР Джохар Дудаев объявил об окончательном выходе Чечни из состава Российской Федерации.

27 октября 1991 года в республике под контролем сепаратистов прошли выборы президента и парламента, Президентом республики стал Джохар Дудаев. 2 ноября 1991 года Пятым съездом народных депутатов РСФСР эти выборы были признаны незаконными. 7 ноября 1991 года президент России Борис Ельцин подписал Указ «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике (1991)».

Сторонники сепаратистов окружили здания МВД и КГБ, военные городки, блокировали железнодорожные и авиаузлы. В конце концов, введение режима чрезвычайного положения было сорвано, Указ «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике (1991)» был отменен 11 ноября, через три дня с момента его подписания, после горячей дискуссии на заседании Верховного Совета РСФСР и из республики был начат вывод российских военных подразделений и частей МВД, окончательно завершившийся к лету 1992 года. Сепаратисты начали захваты и разграбления военных складов.

В июне 1992 года министр обороны РФ Павел Грачёв распорядился передать дудаевцам половину всего имевшегося в республике оружия и боеприпасов. По его словам, это был вынужденный шаг, так как значительная часть «передаваемого» оружия уже была захвачена, а оставшуюся вывезти не было никакой возможности из-за отсутствия солдат и эшелонов.

---

[11] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/pervaja_chechenskaja_vojna_1994_1996/0–87

«Силам Дудаева досталось много оружия: Две пусковые установки оперативно-тактического ракетного комплекса в небоеготовом состоянии. 111 учебно-тренировочных самолетов Л-39 и 149 Л-29, самолеты переделаны в легкие штурмовики; три истребителя МиГ-17 и два истребителя МиГ-15; шесть самолетов Ан-2 и два вертолета Ми-8, 117 штук авиационных ракет Р-23 и Р-24, 126 штук Р-60; около 7 тыс. авиаснарядов ГШ-23. 42 танка Т-62 и Т-72; 34 БМП-1 и БМП-2; 30 БТР-70 и БРДМ; 44 МТ-ЛБ, 942 автомобиля. 18 РСЗО Град и более 1000 снарядов к ним. 139 артсистем, в том числе 30 122-мм гаубиц Д-30 и 24 тыс. снарядов к ним; а также САУ 2С1 и 2С3; противотанковые пушки МТ-12. Пять ЗРК, 25 ЗУ различных типов, 88 ПЗРК; 105 шт. ЗУР С-75. 590 единиц противотанковых средств, в том числе два ПТРК Конкурс, 24 комплекса ПТУР Фагот, 51 комплекс ПТУР Метис, 113 комплексов РПГ-7. Около 50 тыс. единиц стрелкового оружия, более 150 тыс. гранат. 27 вагонов боеприпасов; 1620 т ГСМ; около 10 тыс. комплектов вещевого имущества, 72 т продовольствия; 90 т медицинского имущества»[12].

В результате Чечня стала фактически независимым, но юридически не признанным, ни одной страной, включая Россию, государством. Республика имела государственную символику — флаг, герб и гимн, органы власти — президента, парламент, правительство, светские суды. Предполагалось создание Вооружённых сил, а также введение собственной государственной валюты — нахара. В конституции, принятой 12 марта 1992 года, ЧРИ охарактеризовывалась, как «независимое светское государство», её правительство отказалось подписывать федеративный договор с Российской Федерацией.

В 1992–1993 на территории Чечни было совершено свыше 600 умышленных убийств. За период 1993 года на Грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги подверглись вооружённому нападению 559 поездов с полным или частичным разграблением около 4 тысяч вагонов и контейнеров на сумму 11,5 миллиардов рублей. За 8 месяцев 1994 года было совершено 120 вооруженных нападений, в результате которых разграблено 1156 вагонов и 527 контейнеров. Убытки составили более 11 миллиардов рублей. В 1992–1994 году в результате вооруженных

[12] Там же.

нападений погибло 26 железнодорожников. Сложившаяся ситуация вынудила правительство России принять решение о прекращении движения по территории Чечни с октября 1994 года.

Особым промыслом являлось изготовление фальшивых авизо, по которым было получено более 4 триллионов рублей. В республике процветал захват заложников и работорговля — по данным «Росинформцентра», всего с 1992 года было похищено и незаконно удерживалось в Чечне 1790 человек.

Даже после этого, когда Дудаев прекратил платить налоги в общий бюджет и запретил сотрудникам российских спецслужб въезд в республику, федеральный центр продолжал перечислять в Чечню денежные средства из бюджета. В 1993 году на Чечню было выделено 11,5 млрд рублей. Российская нефть до 1994 года продолжала поступать в Чечню, при этом она не оплачивалась и перепродавалась за рубеж.

Весной 1993 года в ЧРИ резко обострились противоречия между президентом Дудаевым и парламентом. 17 апреля 1993 года Дудаев объявил о роспуске парламента, конституционного суда и МВД. 4 июня вооружённые дудаевцы под командованием Шамиля Басаева захватили здание Грозненского городского совета, в котором проходили заседания парламента и конституционного суда; таким образом, в ЧРИ произошёл государственный переворот. В конституцию, были внесены изменения, в республике установился режим личной власти Дудаева, продолжавшийся до августа 1994 года, когда парламенту были возвращены законодательные полномочия.

После государственного переворота 4 июня 1993 года, в северных районах Чечни, неподконтрольных правительству сепаратистов в Грозном, формируется вооружённая антидудаевская оппозиция, начавшая вооружённую борьбу с режимом Дудаева. Первой оппозиционной организацией был Комитет национального спасения (КНС), проведший несколько вооружённых акций, но вскоре потерпевший поражение и распавшийся. На смену ему пришёл Временный совет Чеченской Республики (ВСЧР) во главе с Умаром Автурхановым, провозгласивший себя единственной законной властью на территории Чечни. ВСЧР признавался в качестве таковой российскими властями, оказывавшими ему всяческую поддержку (в том числе оружием и добровольцами).

С лета 1994 года в Чечне развернулись боевые действия между верными Дудаеву войсками и силами оппозиционного ВСЧР, неофициально поддерживаемыми Россией. Верные Дудаеву войска проводили наступательные операции в контролировавшихся оппозиционными войсками Надтеречном и Урус-Мартановском районах. Они сопровождались значительными потерями с обеих сторон, применялись танки, артиллерия и миномёты.

Силы сторон были приблизительно равны, и ни одна из них не смогла одержать верх в борьбе.

26 ноября оппозиционеры в третий раз безуспешно штурмовали Грозный. При этом в плен к сторонникам Дудаева попал ряд российских военнослужащих, «сражавшихся на стороне оппозиции» по контракту с Федеральной службой контрразведки.

В тот период, использование выражения «ввод российских войск в Чечню», по мнению журналиста Александра Невзорова, было, в большей степени, вызвано публицистической терминологической путаницей, — Чечня находилась в составе России. На заседании Совета безопасности 29 ноября министр по делам национальностей Николай Егоров заявил, что 70% чеченцев поддержат ввод войск и будут посыпать российским солдатам дорогу мукой, а остальные 30 % отнесутся нейтрально.

Ещё до объявления какого-либо решения российских властей, 1 декабря, российская авиация нанесла удар по аэродромам Калиновская и Ханкала и вывела из строя все самолёты, находившиеся в распоряжении сепаратистов. 11 декабря Президент Российской Федерации Борис Ельцин подписал Указ №2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». Позднее Конституционный суд РФ признал большую часть указов и постановлений правительства, которыми обосновывались действия федерального правительства в Чечне, соответствующими Конституции.

В день подписания Указа №2169, 11 декабря 1994 года, подразделения Объединённой группировки войск (ОГВ), состоявшие из частей Министерства обороны и Внутренних войск МВД вступили на территорию Чечни. Войска были разделены на три группы и входили с трёх разных сторон — с запада из Северной Осетии через Ингушетию, с северо-запада из Моздокского района Северной Осетии, непосредственно граничащего с Чечнёй, и с востока с территории Дагестана.

Восточная группировка была блокирована в Хасавюртовском районе Дагестана местными жителями — чеченцами-аккинцами. Западная группа также была блокирована местными жителями и попала под обстрел близ села Барсуки, однако применив силу, всё же прорвалась в Чечню. Наиболее успешно продвигалась Моздокская группировка, уже 12 декабря подошедшая к посёлку Долинский, расположенному в 10 км от Грозного.

Близ Долинского российские войска подверглись обстрелу чеченской ракетной артиллерийской установкой «Град» и затем вступили в бои за этот населённый пункт.

Кизлярская группировка достигла селения Толстой-Юрт 15 декабря.

Новое наступление подразделений ОГВ началось 19 декабря. Владикавказская (западная) группировка блокировала Грозный с западного направления, обойдя Сунженский хребет. 20 декабря моздокская (северо-западная) группировка заняла Долинский и блокировала Грозный с северо-запада. Кизлярская (восточная) группировка блокировала Грозный с востока, а десантники 104 воздушно-десантного полка блокировали город со стороны Аргунского ущелья. При этом южная часть Грозного оказалась не заблокирована.

Таким образом, на начальном этапе боевых действий, в первые недели войны, российские войска смогли практически без сопротивления занять северные районы Чечни.

20 декабря командующим Объединённой группировкой российских войск в Чечне стал первый заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации Анатолий Квашнин. Павел Грачев позднее вспоминал:

Давно хотелось посмотреть на Командующего ОГВ в Чечне (а также Командующего СКВО) до 20.12.1994 генерал-полковника Алексея Николаевича Митюхина, и всё как-то не представлялось возможности, но как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт. А для начала парочка мнений.

Генерал-лейтенант Лев Яковлевич Рохлин: «Взять, например, командующего округом генерала Митюхина. Это сильный руководитель, который умел добиться выполнения своих приказов. Он много сделал для обустройства округа. И для мирного периода был

хорошим командующим. Но в, то, же время он был продуктом эпохи. У него не было никакого опыта руководства войсками в условиях войны. Он легко подвергался сомнениям, когда дело касалось решения прямых задач армии. Как свидетель ее развала, бегства (иначе не назовешь) из Германии и других стран Восточной Европы, он не был готов к решительным действиям. Испытав на себе все самодурство политиков, он не видел возможности противостоять ему. Его приучили думать только о том, как бы не подставиться…»

Начальник разведки ВДВ полковник Павел Яковлевич Поповских: «Командующий группировкой войск Митюхин, ещё раз его называю, вообще никаких указаний и распоряжений в это время не отдал. Единственное, что он сподобился сказать командирам частей, которые завтра должны были вводить в Чечню, это: «с полей солому у чеченцев воровать не надо. Я, у меня есть немного денег, я вам, в крайнем случае, дам, заплатите». Клянусь, это было на самом деле».

Командир 42 АК Геннадий Трошев: «Митюхин, когда под станицей Слепцовской началась стрельба, запаниковал. Начал орать на подчинённых, растерялся. Я пробовал успокоить — не вышло. Потом позвонил ему: ты, говорю, видимо, „заболел", садись на вертолёт и лети в Ростов. Сам начал командовать».

Начальник разведки ВДВ полковник П. Я. Поповских: «12 декабря на подходе к Долинску группировка войск 106-й дивизии шла вместе с внутренними войсками. Руководил ею генерал-лейтенант Сегудкин. На окраине Долинска боевые вертолёты сопровождения, два „двадцать четвёртых", обнаруживают в опорных пунктах две установки „Град", два танка, два БТР, подготовленную оборону. На ГБУ докладывают, группе боевого управления, командующему, командиру этой группы, он начинает разворачивать войска. Там местность такая, с изгибом, что ему мало что видно. Начинают потихоньку выдвигаться, организовывать взаимодействие для того, чтобы наступать на эти опорные пункты.

Командир экипажа вертолета, кроме ГБУ, докладывает об этом на КП авиации генерал-майору Иванникову. Иваннников докладывает Митюхину по телефону об обнаруженных целях. Вертолёты, кстати, запросились на поражение… боекомплект полный, светло, и нет проблем с нанесением удара. Они могли запросто всё это дело подавить.

Митюхин запрещает Иванникову наносить удар, говорит: „Там нефтепровод, он загорится". Там действительно какая-то кривая ветка шла со Ставрополья. Через 20 минут вертолёты уходят из зоны барражирования. У них замена, надо топливом заправиться и так далее. Установки делают по нам полный залп и накрывают одно из подразделений. У нас шесть убитых, двенадцать раненых. Именно эти залпы были показаны по Центральному телевидению оператором компании НТВ, который в это время находился в боевых порядках чеченцев на западной окраине Долинска, на высотке. Я потом на ней был, смотрел место, откуда он снимал. После этого можно судить о наших СМИ, их патриотизме или еще о чем, я не знаю, как это и назвать». Командующий ОГВ в Чечне Алексей Николаевич Митюхин был отстранён от командования 20 декабря 1994 года.

Штурм Грозного (декабрь 1994 — март 1995)

В середине декабря федеральные войска начали артиллерийские обстрелы пригородов Грозного, а 19 декабря был нанесен первый бомбовый удар по центру города.

Несмотря на то, что Грозный по-прежнему оставался незаблокированным с южной стороны, 31 декабря 1994 года начался штурм города. В город вступили около 250 единиц бронетехники, крайне уязвимой в уличных боях. Российские войска были плохо подготовлены, между различными подразделениями не было налажено взаимодействие и координация, у многих солдат не было боевого опыта. Войска имели аэрофотоснимки города, устаревшие планы города в ограниченном количестве. Средства связи не были оборудованы аппаратурой закрытой связи, что позволяло противнику перехватывать переговоры. Войскам довели приказ о занятии только промышленных зданий, площадей и недопустимости вторжения в дома гражданского населения.

Западная группировка войск была остановлена, восточная также отступила и не предпринимала никаких действий до 2 января 1995 года. На северном направлении 1-й и 2-й батальоны 131-й отдельной Майкопской мотострелковой бригады (более 300 человек), мотострелковый батальон и танковая рота 81-го Петракувского мотострелкового полка (10 танков), находившиеся под командованием генерала Пуликовского, дошли до железнодорожного вокзала

и Президентского дворца. Федеральные силы попали в окружение — потери батальонов Майкопской бригады, по официальным данным, составили 85 человек убитыми и 72 пропавшими без вести, уничтожено 20 танков, командир бригады полковник Савин погиб, более 100 военнослужащих попало в плен. Усиленный батальон Петракувского мотострелкового полка тоже понёс большие потери — к исходу 1 января в нём оставалось 30% списочного состава[13].

Восточная группировка под командованием генерала Рохлина также была окружена и увязла в боях с подразделениями сепаратистов, но, тем не менее, Рохлин не дал приказ отступать.

7 января 1995 года группировки «Северо-восток» и «Север» объединены под командованием генерала Рохлина, а командующим группировкой «Запад» становится Иван Бабичев.

Российские войска сменили тактику — теперь вместо массового применения бронетехники применяли маневренные десантно-штурмовые группы, поддерживаемые артиллерией и авиацией. В Грозном завязались ожесточённые уличные бои.

Две группировки двинулись к Президентскому дворцу и к 9 января заняли здание нефтяного института и грозненский аэропорт. К 19 января эти группировки встретились в центре Грозного и захватили Президентский дворец, но отряды чеченских сепаратистов отошли за реку Сунжа и заняли оборону на площади «Минутка». Несмотря на успешное наступление, российские войска контролировали на тот момент только около трети города.

К началу февраля численность ОГВ была повышена до 70 000 человек. Новым командующим ОГВ стал генерал Анатолий Куликов.

Только 3 февраля 1995 года была образована группировка «Юг» и началось осуществление плана по блокаде Грозного с южной стороны. К 9 февраля российские подразделения вышли на рубеж федеральной трассы «Ростов — Баку».

13 февраля в станице Слепцовской (Ингушетия) прошли переговоры между командующим ОГВ Анатолием Куликовым и начальником Генерального штаба Вооружённых сил ЧРИ Асланом

---

[13] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/pervaja_chechenskaja_vojna_1994_1996/0–87

Масхадовым о заключении временного перемирия — стороны обменялись списками военнопленных, также обеим сторонам предоставлялась возможность вывезти погибших и раненых с улиц города. Перемирие, однако, нарушалось обеими сторонами.

В 20-х числах февраля в городе (особенно, в его южной части) продолжались уличные бои, но чеченские отряды, лишённые поддержки, постепенно отступали из города.

Наконец, 6 марта 1995 года отряд боевиков чеченского полевого командира Шамиля Басаева отступил из Черноречья — последнего района Грозного, контролировавшегося сепаратистами, и город окончательно перешёл под контроль российских войск.

В Грозном была сформирована пророссийская администрация Чечни во главе с Саламбеком Хаджиевым и Умаром Автурхановым.

В результате штурма Грозного город был фактически уничтожен и превращён в руины.

Установление контроля над равнинными районами Чечни (март–апрель 1995)

После штурма Грозного главной задачей российских войск стало установление контроля над равнинными районами мятежной республики.

Российская сторона начала вести активные переговоры с населением, убеждая местных жителей изгонять боевиков из своих населённых пунктов. Вместе с тем, российские подразделения занимали господствующие высоты над селениями и городами. Благодаря этому, 15–23 марта был взят Аргун, 30 и 31 марта были взяты без боя города Шали и Гудермес соответственно. Однако отряды боевиков не были уничтожены и беспрепятственно покидали населённые пункты.

Несмотря на это, в западных районах Чечни шли локальные бои. 10 марта начались бои за село Бамут. 7–8 апреля сводный отряд МВД, состоящий из Софринской бригады внутренних войск и поддерживаемый отрядами СОБРа и ОМОНа вошёл в село Самашки (Ачхой-Мартановский район Чечни). Утверждалось, что село обороняли более 300 человек (так называемый «Абхазский батальон» Шамиля Басаева). После того, как российские военнослужащие вошли в посёлок, некоторые жители, имевшие оружие, начали оказывать сопротивление, на улицах села завязались перестрелки.

По утверждению ряда международных организаций (в частности, Комиссии ООН по правам человека — UNCHR) в ходе боя за Самашки погибло множество мирных жителей. Эта информация, распространённая сепаратистским агентством «Чечен-пресс», однако, оказалась достаточно противоречивой — так, по заявлению представителей правозащитного центра «Мемориал» эти данные «не вызывают доверия». По оценке «Мемориала», минимальное количество мирных жителей, погибших при зачистке села, составляло 112–114 человек.

Так или иначе, эта операция вызвала большой резонанс в российском обществе и усилила антироссийские настроения в Чечне.

15–16 апреля начался решающий штурм Бамута — российским войскам удалось войти в село и закрепиться на окраинах. Затем, однако, российские войска были вынуждены покинуть село, так как теперь уже боевики заняли господствующие высоты над селом, используя старые ракетные шахты РВСН, рассчитанные на ведение ядерной войны и неуязвимые для российской авиации. Серия боёв за это село продолжалась до июня 1995 года, затем бои были приостановлены, после террористического акта в Будённовске и возобновились в феврале 1996 года.

К апрелю 1995 года российскими войсками была занята почти вся равнинная территория Чечни и сепаратисты сделали упор на диверсионно-партизанские операции[14].

Установление контроля над горными районами Чечни (май–июнь 1995)

С 28 апреля по 11 мая 1995 года российская сторона объявила о приостановке боевых действий со своей стороны.

Наступление возобновилось только 12 мая. Удары российских войск пришлись на сёла Чири-Юрт, прикрывавшем вход в Аргунское ущелье и Сержень-Юрт, находившееся у входа в Веденское ущелье. Несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, российские войска увязли в обороне противника — на то, чтобы взять Чири-Юрт, генералу Шаманову потребовалась неделя обстрелов и бомбардировок.

---

[14] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/pervaja_chechenskaja_vojna_1994_1996/0–87

В этих условиях российское командование решило сменить направление удара — вместо Шатоя на Ведено. Подразделения боевиков были скованы в Аргунском ущелье и 3 июня Ведено было взято российскими войсками, а 12 июня были взяты райцентры Шатой и Ножай-Юрт.

Так же, как и в равнинных районах, силам сепаратистов не было нанесено поражение и они смогли уйти из покинутых населённых пунктов. Поэтому, ещё во время «перемирия», боевики смогли перебросить значительную часть своих сил в северные районы — 14 мая город Грозный обстреливался ими более 14 раз.

Террористический акт в Будённовске (14–19 июня 1995)

14 июня 1995 года группа чеченских боевиков, численностью 195 человек, во главе с полевым командиром Шамилем Басаевым на грузовиках въехала на территорию Ставропольского края и остановилась в городе Будённовске[15].

Первым объектом атаки стало здание ГОВД, затем террористы заняли городскую больницу и согнали в неё захваченных мирных жителей. Всего в руках террористов находилось около 2000 заложников. Басаев выдвинул требования к российским властям — прекращение боевых действий и вывод российских войск из Чечни, ведение переговоров с Дудаевым при посредничестве представителей ООН в обмен на освобождение заложников.

В этих условиях власти решили пойти на штурм здания больницы. Из-за утечки информации террористы успели подготовиться к отражению штурма, продолжавшегося четыре часа; в итоге спецназ отбил все корпуса (кроме главного), освободив 95 заложников. Потери спецназа составили три человека убитыми. В этот же день была предпринята неудачная вторая попытка штурма.

После провала силовых действий по освобождению заложников начались переговоры между возглавлявшим тогда прави-

---

[15] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/pervaja_chechenskaja_vojna_1994_1996/0–87

тельство РФ Виктором Черномырдиным и полевым командиром Шамилем Басаевым. Террористам были предоставлены автобусы, на которых они вместе со 120 заложниками прибыли в чеченское село Зандак, где заложники были отпущены.

Общие потери российской стороны, по официальным данным, составили 143 человека (из которых 46 являлись сотрудниками силовых структур) и 415 раненых, потери террористов — 19 убитыми и 20 ранеными.

После теракта в Будённовске, с 19 по 22 июня, в Грозном прошёл первый раунд переговоров между российской и чеченской сторонами, на которых удалось достигнуть введения моратория на боевые действия на неопределённый срок.

С 27 по 30 июня там же прошёл второй этап переговоров, на котором была достигнута договорённость об обмене пленными «всех на всех», разоружении отрядов ЧРИ, выводе российских войск и проведении свободных выборов.

Несмотря на все заключённые договорённости, режим перемирия нарушался обеими сторонами. Чеченские отряды возвращались в свои сёла, но уже не как участники незаконных вооружённых формирований, а как «отряды самообороны». По всей территории Чечни шли локальные бои. Некоторое время возникающую напряжённость удавалось урегулировать с помощью переговоров. Так, 18–19 августа российские войска блокировали Ачхой-Мартан; ситуация разрешилась на переговорах в Грозном.

21 августа отряд боевиков полевого командира Алауди Хамзатова захватил Аргун, но после сильного обстрела, предпринятого российскими войсками, покинул город, в который затем была введена российская бронетехника.

В сентябре Ачхой-Мартан и Серноводск были блокированы российскими войсками, поскольку в этих населённых пунктах находились отряды боевиков. Чеченская сторона отказывалась покидать занятые позиции, так как, по их словам, это были «отряды самообороны», имевшие право находиться в соответствии с достигнутыми ранее соглашениями.

6 октября 1995 года на командующего Объединённой группировкой войск (ОГВ) генерала Романова было совершено покушение, в результате которого он оказался в коме. В свою очередь, были нанесены «удары возмездия» по чеченским сёлам.

8 октября предпринята неудачная попытка ликвидации Дудаева — по селению Рошни-Чу нанесён авиационный удар. В селе было разрушено более 40 домов, погибли 6 и получили ранения 15 местных жителей.

Российское руководство решило перед выборами сменить руководителей пророссийской администрации республики Саламбека Хаджиева и Умара Автурханова на последнего председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР Доку Завгаева.

10–12 декабря город Гудермес, занятый российскими войсками без сопротивления, был захвачен отрядами Салмана Радуева, Хункар-Паши Исрапилова и Султана Гелисханова. 14–20 декабря шли бои за этот город, ещё около недели «зачисток» понадобилось российским войскам, чтобы окончательно взять Гудермес под свой контроль.

Основная статья: Нападение боевиков на Гудермес (декабрь 1995)

14–17 декабря в Чечне прошли выборы, проводившиеся с большим количеством нарушений, но, тем не менее, признанные состоявшимися. Сторонники сепаратистов заранее заявили о бойкотировании и непризнании выборов. На выборах победил Доку Завгаев, получив свыше 90% голосов избирателей; при этом в выборах участвовали все военнослужащие ОГВ.

Террористический акт в Кизляре (9–18 января 1996)

9 января 1996 года отряд боевиков численностью 256 человек под командованием полевых командиров Салмана Радуева, Турпал-Али Атгериева и Хункар-Паши Исрапилова совершил рейд на город Кизляр. Первоначально целью боевиков являлась российская вертолётная база и оружейный склад. Террористы уничтожили два транспортных вертолёта Ми-8 и взяли несколько заложников из числа охранявших базу военнослужащих. К городу стали подтягиваться российские военные и правоохранительные органы, поэтому террористы захватили больницу и родильный дом, согнав туда ещё около 3000 мирных жителей. В этот раз российские власти не стали отдавать приказ на штурм больницы, чтобы не усиливать антироссийские настроения в Дагестане. В ходе переговоров удалось договориться о предоставлении боевикам автобусов до границы с Чечнёй взамен на освобождение заложников, которых предполагалось высадить у самой границы. 10 января

колонна с боевиками и заложниками двинулась к границе. Когда стало ясно, что террористы уйдут в Чечню, автобусная колонна была остановлена предупредительными выстрелами. Воспользовавшись замешательством российского руководства, боевики захватили село Первомайское, разоружив находившийся там милицейский блокпост. С 11 по 14 января проходили переговоры, 15–8 января состоялся неудачный штурм села. Параллельно со штурмом Первомайского, 16 января в турецком порту Трабзон группа террористов захватила пассажирский теплоход «Авразия» с угрозами расстреливать заложников-россиян, если штурм не будет прекращён. После двухдневных переговоров террористы сдались турецким властям.

18 января под покровом ночи боевики прорвали окружение, и ушли в Чечню.

Потери российской стороны, по официальным данным, составили 78 человек погибшими и несколько сотен ранеными.

Нападение боевиков на Грозный (6–8 марта 1996)

6 марта 1996 года несколько отрядов боевиков атаковали с различных направлений контролировавшийся российскими войсками Грозный. Боевики захватили Старопромысловский район города, блокировали и обстреливали российские КПП и блокпосты. Несмотря на то, что Грозный остался под контролем российских вооружённых сил, сепаратисты при отходе захватили с собой запасы продовольствия, медикаментов и боеприпасов. Потери российской стороны по официальным данным составили 70 человек убитыми и 259 ранеными.

Бой у села Ярышмарды (16 апреля 1996)

16 апреля 1996 года колонна 245-го мотострелкового полка Вооружённых Сил России, двигавшаяся в Шатой, попала в засаду в Аргунском ущелье близ села Ярышмарды. Операцией руководил полевой командир Хаттаб. Боевики подбили головную и замыкающую колонну машины, таким образом, колонна оказалась заблокирована и понесла значительные потери — оказалась потеряна вся бронетехника и половина личного состава.

Вторая чеченская война официально называлась контртеррористической операцией (КТО) на Северном Кавказе — обиходное

название боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа. Началась 7 августа 1999 года (дата Вторжения боевиков в Дагестан). Активная фаза боевых действий продолжалась с 1999 по 2000 год, затем, по мере установления контроля Вооружёнными силами России над территорией Чечни, перешла в ведение местных чеченских сил самоуправления и самообороны. С 0 часов 16 апреля 2009 года режим КТО был отменён.

После подписания Хасавюртовских соглашений и вывода российских войск в 1996 году мира и спокойствия в Чечне и прилегающих к ней регионах не наступило[16].

Чеченские криминальные структуры безнаказанно делали бизнес на массовых похищениях людей. Регулярно происходил захват заложников с целью выкупа — как официальных российских представителей, так и иностранных граждан, работавших в Чечне — журналистов, сотрудников гуманитарных организаций, религиозных миссионеров и даже людей, приезжавших на похороны родственников. В частности, в Надтеречном районе в ноябре 1997 года были захвачены два гражданина Украины, приехавшие на похороны матери, в 1998 году в соседних республиках Северного Кавказа регулярно похищались и вывозились в Чечню турецкие строители и бизнесмены, в январе 1998 года во Владикавказе (Северная Осетия) похищен гражданин Франции, представитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев Венсент Коштель. Он был освобожден в Чечне 11 месяцев спустя, 3 октября 1998 г. в Грозном похищены четыре сотрудника британской фирмы «Грейнджер телеком» (в декабре они были жестоко убиты и обезглавлены). Бандиты наживались на хищениях нефти из нефтепроводов и нефтяных скважин, производстве и контрабанде наркотиков, выпуске и распространении фальшивых денежных купюр, терактах и нападениях на соседние российские регионы. На территории Чечни были созданы лагеря для обучения боевиков — молодых людей из мусульманских регионов России. Сюда направлялись из-за рубежа инструкторы по минно-подрывному делу и исламские проповедники. Значительную роль в жизни Чечни стали играть

[16] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/pervaja_chechenskaja_vojna_1994_1996/0–87

многочисленные арабские добровольцы. Главной их целью стала дестабилизация положения в соседних с Чечнёй российских регионах и распространение идей сепаратизма на северокавказские республики (в первую очередь Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария).

В начале марта 1999 года в аэропорту Грозного террористами был похищен полномочный представитель МВД РФ в Чечне Геннадий Шпигун. Для российского руководства это было свидетельством того, что президент ЧРИ Масхадов не в состоянии самостоятельно бороться с терроризмом. Федеральный центр предпринял меры по усилению борьбы с чеченскими бандформированиями: были вооружены отряды самообороны и усилены милицейские подразделения по всему периметру Чечни, на Северный Кавказ были отправлены лучшие оперативники подразделений по борьбе с этнической оргпреступностью, со стороны Ставрополья были выставлены несколько ракетных установок «Точка-У», предназначенных для нанесения точечных ударов. Была введена экономическая блокада Чечни, приведшая к тому, что денежный поток из России стал резко иссякать. Из-за ужесточения режима на границе всё труднее стало переправлять в Россию наркотики и захватывать заложников. Бензин, изготавливаемый на подпольных заводах, стало невозможно вывезти за пределы Чечни. Была также усилена борьба с чеченскими преступными группировками, активно финансировавшими боевиков в Чечне. В мае–июле 1999 года чечено-дагестанская граница превратилась в милитаризованную зону. В результате доходы чеченских полевых командиров резко сократились и у них возникли проблемы с закупкой оружия и платой наёмникам. В апреле 1999 главкомом внутренних войск был назначен Вячеслав Овчинников, успешно руководивший рядом операций во время Первой чеченской войны. В мае 1999 российские вертолёты нанесли ракетный удар по позициям боевиков Хаттаба на реке Терек в ответ на попытку бандформирований захватить заставу внутренних войск на чечено-дагестанской границе. После этого глава МВД Владимир Рушайло заявил о подготовке крупномасштабных превентивных ударов.

Тем временем чеченские бандформирования под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба готовились к вооружённому вторжению в Дагестан. С апреля по август 1999, проводя разведку

боем, они только в Ставрополье и Дагестане совершили более 30 вылазок, в результате которых погибли и получили ранения несколько десятков военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц. Поняв, что на кизлярском и хасавюртовском направлениях сосредоточены наиболее сильные группировки федеральных войск, боевики решили нанести удар по горной части Дагестана. При выборе этого направления бандформирования исходили из того, что там нет войск, а в кратчайшие сроки перебросить силы в этот труднодоступный район не удастся. Кроме того, боевики рассчитывали на возможный удар в тыл федеральных сил со стороны Кадарской зоны Дагестана, с августа 1998 года контролируемой местными ваххабитами.

Как отмечают исследователи, дестабилизация обстановки на Северном Кавказе была выгодна многим. Прежде всего, исламским фундаменталистам, стремящимся к распространению своего влияния на весь мир, а также арабским нефтяным шейхам и финансовым олигархам стран Персидского залива, не заинтересованным в начале эксплуатации нефтегазовых месторождений Каспия.

7 августа 1999 с территории Чечни было совершено массированное вторжение боевиков в Дагестан под общим командованием Шамиля Басаева и арабского полевого командира Хаттаба. Ядро группировки боевиков составляли иностранные наёмники и бойцы «Исламской международной миротворческой бригады», связанной с «Аль-Каидой». План боевиков по переходу на их сторону населения Дагестана провалился, дагестанцы оказали вторгшимся бандитам отчаянное сопротивление. Российские власти предложили ичкерийскому руководству провести совместную с федеральными силами операцию против исламистов в Дагестане. Было также предложено «решить вопрос о ликвидации баз, мест складирования и отдыха незаконных вооруженных формирований, от которых чеченское руководство всячески открещивается». Аслан Масхадов на словах осудил нападения на Дагестан и их организаторов и вдохновителей, однако реальных мер для противодействия им не предпринял.

Более месяца шли бои федеральных сил с вторгшимися боевиками, закончившиеся тем, что боевики были вынуждены отступить с территории Дагестана обратно в Чечню. В эти же дни — 4–16 сентября — в нескольких городах России (Москве, Волго-

донске и Буйнакске) была осуществлена серия террористических актов — взрывы жилых домов.

Учитывая неспособность Масхадова контролировать ситуацию в Чечне, российским руководством было принято решение о проведении военной операции по уничтожению боевиков на территории Чечни. 18 сентября границы Чечни были блокированы российскими войсками.

23 сентября президент России Борис Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Указ предусматривал создание Объединённой группировки войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции.

23 сентября российские войска начали массированные бомбардировки Грозного и его окрестностей, 30 сентября они вошли на территорию Чечни.

Характер

Сломив сопротивление боевиков силами армейских частей и внутренних войск МВД (командование российских войск успешно применяет военные хитрости, такие, к примеру, как заманивание боевиков на минные поля, рейды по тылам противника и многие другие), Кремль сделал ставку на «чеченизацию» конфликта и переманиванию на свою сторону части элиты и бывших участников чеченских вооружённых формирований. Так, во главе прокремлевской администрации Чечни в 2000 стал бывший сторонник сепаратистов, главный муфтий Чечни Ахмат Кадыров. Боевики, напротив, сделали ставку на интернационализацию конфликта, вовлекая в свою борьбу вооруженные отряды нечеченского происхождения. К началу 2005, после уничтожения Масхадова, Хаттаба, Бараева, Абу аль-Валида и многих других полевых командиров, интенсивность диверсионно-террористической деятельности боевиков значительно снизилась. За 2005–2008 в России не было совершено ни одного крупного теракта, а единственная масштабная операция боевиков (Рейд на Кабардино-Балкарию 13 октября 2005) завершилась полным провалом. Однако с 2010 года отмечены несколько крупных терактов (см. Взрывы в московском метро (2010), Террористический акт во Владикавказе (2010), Террористический акт в аэропорту Домодедово).

Генерал КГБ Филипп Бобков в 2005 году дал такую характеристику действиям чеченского сопротивления: «Эти операции мало чем отличаются от боевых действий израильтян до создания их государства на территории Палестины, а затем палестинских экстремистов на территории Израиля или ныне албанских вооруженных формирований в Косово».

Обострение ситуации на Северном Кавказе в 2009 году

16 апреля 2009 года в Шатойском районе произошел бой между участниками вооруженных формирований и военными. Боевики, ведущие партизанскую войну, активизировались, участились случаи террористических актов. Начиная с осени 2009 был проведён ряд крупных спецопераций по ликвидации бандформирований и лидеров боевиков. В ответ была совершена серия терактов, в том числе, впервые за долгое время, в Москве.

Боевые столкновения, теракты и полицейские операции активно происходили не только на территории Чечни, но и на территории Ингушетии, Дагестана, и Кабардино-Балкарии. На отдельных территориях неоднократно временно вводился режим КТО. Например, 20 апреля режим КТО вводился Итум-Калинском и части Веденского района. А 23 апреля в зону проведения КТО попали вся территория Веденского, Шатойский и часть предгорного Шалинского района Чечни. Многие жители Чечни заявляли, что не почувствовали перемен в республике после отмены КТО, а сама отмена режима, по их мнению, носила формальный характер и преследовала, в первую очередь, политические цели.

Хронология
1999 год

18 июня — со стороны Чечни совершены нападения на 2 заставы на дагестано-чеченской границе, а также нападение на казачью роту в Ставропольском крае. Российское руководство закрывает большую часть КПП на границе с Чечней.

22 июня — впервые за всю историю МВД России была предпринята попытка совершить теракт в его главном здании. Бомба была вовремя обезврежена. По одной из версий, теракт являлся ответом чеченских боевиков на угрозы главы МВД РФ Владимира Рушайло провести акции возмездия в Чечне.

23 июня — обстрел со стороны Чечни заставы у села Первомайское Хасавюртовского района Дагестана.

30 июня — Рушайло заявил, что «мы должны отвечать на удар более сокрушительным ударом; на границе с Чечней дана команда применять превентивные удары по вооруженным бандам».

3 июля — Рушайло заявил, что МВД РФ «приступает к жесткому регулированию ситуации на Северном Кавказе, где именно Чечня выступает криминальным „мозговым центром", управляемым зарубежными спецслужбами, экстремистскими организациями и криминальным сообществом». Вице-премьер правительства ЧРИ Казбек Махашев в ответ заявил: «Нас угрозами не запугать, и это Рушайло хорошо известно».

5 июля — Рушайло заявил, что «рано утром 5 июля был нанесен превентивный удар по скоплениям 150–200 вооруженных боевиков в Чечне».

7 июля — группа боевиков из Чечни напала на заставу у Гребенского моста в Бабаюртовском районе Дагестана. Секретарь Совета Безопасности РФ и Директор ФСБ РФ Владимир Путин заявил, что «Россия впредь будет предпринимать не превентивные, а лишь адекватные действия в ответ на нападения в приграничных с Чечней районах». Он подчеркнул, что «чеченские власти не полностью контролируют ситуацию в республике».

16 июля — командующий внутренними войсками МВД РФ В. Овчинников заявил, что «прорабатывается вопрос о создании буферной зоны вокруг Чечни».

23 июля — чеченские боевики атаковали заставу на территории Дагестана, защищающую Копаевский гидроузел. В МВД Дагестана заявили, что «на этот раз чеченцы провели разведку боем, и вскоре начнутся крупномасштабные действия бандформирований по всему периметру дагестано-чеченской границы».

7 августа — 14 сентября — с территории ЧРИ отряды полевых командиров Шамиля Басаева и Хаттаба вторглись на территорию Дагестана. Ожесточённые бои продолжались более месяца. Официальное правительство ЧРИ, неспособное контролировать действия различных вооружённых группировок на территории Чечни, отмежевалось от действий Шамиля Басаева, но практических действий против него не предприняло.

12 августа — замглавы МВД РФ И. Зубов сообщил, что президенту ЧРИ Масхадову «направлено письмо с предложением провести совместную с федеральными войсками операцию против исламистов в Дагестане».

13 августа — председатель правительства РФ Владимир Путин заявил, что «удары будут наноситься по базам и скоплениям боевиков независимо от их расположения, в том числе и на территории Чечни».

16 августа — президент ЧРИ Аслан Масхадов ввёл в Чечне военное положение сроком на 30 дней, объявил частичную мобилизацию резервистов и участников Первой чеченской войны.

25 августа — российская авиация наносит удар по базам боевиков в Веденском ущелье Чечни. В ответ на официальный протест со стороны ЧРИ, командование федеральных сил заявляет, что «оставляет за собой право наносить удары по базам боевиков на территории любого северокавказского региона, включая и Чечню».

4–16 сентября — взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске.

6–18 сентября — российская авиация наносит многочисленные ракетно-бомбовые удары по военным лагерям и укреплениям боевиков на территории Чечни.

11 сентября — Масхадов объявил в Чечне всеобщую мобилизацию.

14 сентября — В. Путин заявил, что «следует подвергнуть беспристрастному анализу Хасавюртовские соглашения», а также «временно ввести жесткий карантин» по всему периметру Чечни.

18 сентября — российские войска блокируют границу Чечни со стороны Дагестана, Ставропольского края, Северной Осетии и Ингушетии.

23 сентября — российская авиация начала бомбардировки столицы Чечни и её окрестностей. В результате было уничтожено несколько электроподстанций, ряд заводов нефтегазового комплекса, грозненский центр мобильной связи, телерадиопередающий центр, а также самолет Ан-2. Пресс-служба российских ВВС заявила, что «авиация будет и впредь продолжать наносить удары по объектам, которые бандформирования могут использовать в своих интересах».

27 сентября — Председатель Правительства России В. Путин категорически отверг возможность встречи Президента России и руководителя ЧРИ. «Никаких встреч ради того, чтобы дать боевикам зализать раны, не будет», заявил он.

30 сентября — Владимир Путин в интервью журналистам пообещал, что новой чеченской войны не будет. Он также заявил, что «боевые операции уже идут, наши войска входили на территорию Чечни неоднократно, уже две недели назад занимали господствующие высоты, освобождали их и так далее». Как сказал Путин, «нужно набраться терпения и сделать эту работу — полностью очистить территорию от террористов. Если эту работу не сделать сегодня, они вернутся, и все понесенные жертвы будут напрасны». В тот же день бронетанковые подразделения российской армии со стороны Ставропольского края и Дагестана вошли на территорию Наурского и Шелковского районов Чечни.

4 октября — на заседании военного совета ЧРИ было принято решение образовать три направления для отражения ударов федеральных сил. Западное направление возглавил Руслан Гелаев, восточное — Шамиль Басаев, центральное — Магомед Хамбиев.

6 октября — в соответствии с указом Масхадова в Чечне начало действовать военное положение. Масхадов предложил всем религиозным деятелям Чечни объявить России священную войну — газават.

15 октября — войска Западной группировки генерала Владимира Шаманова вошли в Чечню со стороны Ингушетии.

16 октября — федеральные силы заняли треть территории Чечни к северу от реки Терек и начали осуществление второго этапа антитеррористической операции, основная цель которой — уничтожение бандформирований на оставшейся территории Чечни.

18 октября — российские войска форсировали Терек.

21 октября — федеральные силы нанесли ракетный удар по центральному рынку города Грозный, в результате которого погибло 140 человек из числа мирного населения.

11 ноября — полевые командиры братья Ямадаевы и муфтий Чечни Ахмат Кадыров сдали федеральным силам Гудермес.

16 ноября — федеральные силы взяли под контроль населенный пункт Новый Шатой.

17 ноября — первые крупные потери федеральных сил с начала кампании. Под Ведено была потеряна разведывательная группа 31-й отдельной воздушно-десантной бригады (12 погибших, 2 пленных).

18 ноября — по сообщению телекомпании НТВ, федеральные силы взяли под контроль райцентр Ачхой-Мартан «без единого выстрела».

25 ноября — президент ЧРИ Масхадов обратился к воюющим на Северном Кавказе российским солдатам с предложением сдаться в плен и перейти на сторону боевиков.

7 декабря — федеральные силы заняли Аргун.

К декабрю 1999 года федеральные силы контролировали всю равнинную часть территории Чечни. Боевики сосредоточились в горах (около 3000 человек) и в Грозном.

8 декабря — федеральные силы начали штурм Урус-Мартана.

14 декабря — федеральные силы заняли Ханкала.

17 декабря — крупный десант федеральных сил перекрыл дорогу, связывающую Чечню с поселком Шатили (Грузия).

26 декабря 1999 — 6 февраля 2000 — осада Грозного.

2000

5 января — федеральные силы взяли под контроль райцентр Ножай-Юрт.

9 января — прорыв боевиков в Шали и Аргун. Контроль федеральных сил над Шали был восстановлен 11 января, над Аргуном — 13 января.

11 января — федеральные силы взяли под контроль райцентр Ведено.

27 января — в ходе боев за Грозный убит полевой командир Иса Астамиров, заместитель командующего юго-западным фронтом боевиков.

9 февраля — федеральные войска блокировали важный узел сопротивления боевиков — село Сержень-Юрт, а в Аргунском ущелье, столь знаменитом еще со времен Кавказской войны, десантировались 380 военнослужащих, которые заняли одну из господствующих высот. Федеральные войска блокировали в Аргунском ущелье более трех тысяч боевиков, и затем методично обрабатывали их объемно-детонирующими боеприпасами.

10 февраля — федеральные силы взяли под контроль райцентр Итум-Кале и село Сержень-Юрт.

29 февраля — взятие Шатоя. Масхадов, Хаттаб и Басаев снова ушли из окружения. Первый зам командующего объединенной группировкой федеральных сил генерал-полковник Геннадий Трошев объявил об окончании полномасштабной войсковой операции в Чечне.

28 февраля — 2 марта — Бой у высоты 776 — прорыв боевиков (Хаттаб) через Улус-Керт. Гибель десантников 6-й парашютно-десантной роты 104 полка.

2 марта — трагическая гибель сергиевопосадского ОМОНа в результате «дружественного огня».

5–20 марта — Битва за село Комсомольское.

12 марта — в поселке Новогрозненский захвачен сотрудниками ФСБ и доставлен в Москву террорист Салман Радуев, впоследствии осужденный к пожизненному лишению свободы и скончавшийся в местах заключения.

19 марта — в районе села Дуба-Юрт сотрудниками ФСБ задержан чеченский полевой командир Салаутдин Темирбулатов по кличке Тракторист, впоследствии осужденный к пожизненному лишению свободы.

20 марта — накануне президентских выборов Владимир Путин посетил с визитом Чечню. В Грозный он прибыл на истребителе Су-27УБ, пилотируемом начальником Липецкого авиацентра Александром Харчевским.

29 марта — гибель пермского ОМОНа у селения Джаней-Ведено. Погибло более 40 человек.

20 апреля — первый заместитель начальника Генштаба генерал-полковник Валерий Манилов заявил об окончании войсковой части контртеррористической операции в Чечне и переходе к спецоперациям.

19 мая — убит заместитель министра шариатской безопасности ЧРИ Абу Мовсаев.

11 июня — указом президента РФ Ахмат Кадыров назначен главой администрации Чечни.

2 июля — в результате серии терактов с использованием заминированных грузовиков погибло более 30 милиционеров и военнослужащих федеральных сил. Наибольшие потери понесли сотрудники ГУВД Челябинской области в Аргуне.

1 октября — в ходе боевого столкновения в Старопромысловском районе Грозного уничтожен полевой командир Иса Мунаев.

2001

23–24 июня — в селении Алхан-кала специальный сводный отряд МВД и ФСБ провёл спецоперацию по ликвидации отряда боевиков полевого командира Арби Бараева. Было уничтожено 16 боевиков, включая самого Бараева.

11 июля — в селении Майртуп Шалинского района Чечни в ходе спецоперации ФСБ и МВД России уничтожен помощник Хаттаба Абу Умар.

25 августа — в городе Аргуне в ходе проведения спецоперации сотрудниками ФСБ уничтожен полевой командир Мовсан Сулейменов, племянник Арби Бараева.

17 сентября — нападение боевиков (300 человек) на Гудермес, нападение отбито. В результате применения ракетного комплекса Точка-У уничтожена группа более чем в 100 человек. В Грозном сбит вертолёт Ми-8 с комиссией Генерального штаба на борту (погибли 2 генерала и 8 офицеров).

3 ноября — в ходе спецоперации уничтожен влиятельный полевой командир Шамиль Ирисханов, входивший в ближайшее окружение Басаева.

15 декабря — в Аргуне при проведении спецоперации федеральными силами были уничтожены 20 боевиков.

2002

27 января — в Шелковском районе Чечни сбит вертолёт Ми-8. В числе погибших были заместитель министра внутренних дел РФ генерал-лейтенант Михаил Рудченко и командующий группировкой внутренних войск МВД в Чечне генерал-майор Николай Горидов.

20 марта — в результате спецоперации ФСБ уничтожен путем отравления террорист Хаттаб.

18 апреля — в своём Послании Федеральному Собранию президент Владимир Путин заявил о завершении военной стадии конфликта в Чечне.

9 мая — в Дагестане произошел теракт во время празднования Дня Победы. Погибли 43 человека, более 100 ранены.

19 августа — чеченские боевики из ПЗРК Игла сбили россий-

ский военно-транспортный вертолет Ми-26 в районе военной базы Ханкала. Из 152-х находившихся на борту человек погибли 124.

23 сентября — Рейд на Ингушетию (2002)

23–26 октября — захват заложников в театральном центре на Дубровке в Москве, погибли 129 заложников. Уничтожены все 44 террориста, включая Мовсара Бараева.

9 декабря — теракт с использованием смертников у гостиницы «Националь» (Москва).

27 декабря — взрыв Дома правительства в Грозном. В результате теракта погибли свыше 70 человек. Ответственность за теракт взял на себя Шамиль Басаев.

2003

12 мая — в селе Знаменское Надтеречного района Чечни трое боевиков-смертников провели теракт в области зданий администрации Надтеречного района и УФСБ РФ. Автомобиль «КамАЗ», начиненный взрывчаткой, снес шлагбаум перед зданием и взорвался. Погибли 60 человек, более 250 были ранены.

5 июля — теракт в Москве на рок-фестивале «Крылья». Погибли 16 человек, 57 получили ранения.

1 августа — Подрыв военного госпиталя в Моздоке. Начиненный взрывчаткой армейский грузовик «КамАЗ» протаранил ворота и взорвался возле здания. В кабине сидел один террорист-смертник. Число погибших составило 50 человек.

3 сентября — теракт в электричке Кисловодск-Минводы на перегоне Подкумок-Белый уголь, были подорваны железнодорожные пути с использованием фугаса.

5 декабря — теракт с использованием смертников в электричке в Ессентуках.

2003–2004 — Рейд на Дагестан отряда бандитов под командованием Руслана Гелаева.

2004

6 февраля — теракт в московском метро, на перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая». Погибли 39 человек, 122 получили ранения.

28 февраля — в ходе перестрелки с пограничниками смертельно ранен известный полевой командир Руслан Гелаев.

16 апреля — в ходе обстрела горных массивов Чечни уничтожен лидер иностранных наёмников в Чечне Абу аль-Валид аль-Гамиди

9 мая — в результате теракта на параде в честь Дня Победы в Грозном погиб глава администрации Чечни Ахмат Кадыров

17 мая — в результате подрыва в пригороде Грозного погиб экипаж БТР ВВ МВД и ранено несколько человек

22 июня — Рейд на Ингушетию

21 августа — 400 боевиков атаковали Грозный. По данным МВД Чечни, погибли 44 человека и тяжело ранены 36.

24 августа — взрывы двух российских пассажирских авиалайнеров, погибли 89 человек.

31 августа — теракт у станции метро «Рижская» в Москве. Погибли 10 человек, более 50 человек ранены.

1 сентября — террористический акт в Беслане, в результате которого погибло свыше 350 человек из числа заложников, мирных жителей и военнослужащих. Половина погибших — дети.

2005

18 февраля — в результате спецоперации в Октябрьском районе Грозного силами отряда ППС-2 уничтожен «эмир Грозного» Юнади Турчаев, «правая рука» одного из лидеров террористов Доку Умарова.

8 марта — в ходе спецоперации ФСБ в селе Толстой-Юрт ликвидирован президент ЧРИ Аслан Масхадов.

15 мая — в Грозном уничтожен бывший вице-президент ЧРИ Ваха Арсанов. Арсанов и его сообщники, находясь в частном доме, обстреляли милицейский патруль и были уничтожены прибывшим подкреплением.

15 мая — в дубовском лесу Шелковского района в результате спецоперации ВВ МВД уничтожен «эмир» Шелковского района ЧР Расул Тамбулатов (Волчек).

13 октября — Нападение боевиков на город Нальчик (Кабардино-Балкария), в результате которого, по данным российских властей, было убито 12 мирных жителей и 35 сотрудников силовых структур. Уничтожено, по разным данным, от 40 до 124 боевиков.

2006

3–4 января — в Карабудахкентском и Унцукульском районах Дагестана крупные силы федеральных и местных силовиков (до 700 ми-

лиционеров и военнослужащих, танки, БТР, миномёты и гаубицы) пытаются ликвидировать банду из 8 боевиков под командованием полевого командира О. Шейхулаева. В операции участвуют силы спецназа МВД, ФСБ и бригады морской пехоты Каспийской флотилии. По официальной информации, убиты 5 боевиков, сами террористы признают гибель лишь 1-го. Потери федеральных сил составили 2 человека убитыми, по разным оценкам, ещё от 10 до 15 были ранены.

31 января — президент России Владимир Путин заявил на пресс-конференции, что в настоящее время можно говорить об окончании контртеррористической операции в Чечне.

9–11 февраля — в селении Тукуй-Мектеб в Ставропольском крае в ходе спецоперации уничтожены 12 боевиков т. н. «ногайского батальона Вооружённых Сил ЧРИ», федеральные силы лишились 7 человек убитыми. В ходе операции федеральная сторона активно использует вертолёты и танки.

16 июня — в Аргуне уничтожен «президент ЧРИ» Абдул-Халим Садулаев.

4 июля — в Чечне атакована военная колонна вблизи села Автуры Шалинского района. Представители федеральных сил сообщают о 6 убитых военнослужащих, боевики — более чем о 20.

9 июля — веб-сайт чеченских боевиков «Кавказ-центр» объявил о создании Уральского и Поволжского фронтов в составе ВС ЧРИ.

10 июля — в Ингушетии уничтожен в результате спецоперации (по другим данным — погиб из-за неосторожного обращения с взрывчаткой) один из лидеров террористов Шамиль Басаев

12 июля — на границе Чечни и Дагестана милиция обеих республик уничтожает относительно крупную, но плохо вооружённую банду, состоящую из 15 боевиков. 13 бандитов уничтожены, ещё 2 задержаны.

23 августа — чеченские боевики атаковали военную колонну на трассе Грозный — Шатой, недалеко от входа в Аргунское ущелье. Колонна состояла из автомашины «Урал» и двух БТР сопровождения. Как сообщают в МВД Чеченской республики, в результате были ранены четверо военнослужащих федеральных сил.

7 ноября — в Чечне убиты семеро омоновцев из Мордовии.

26 ноября — в Хасавюрте уничтожен лидер иностранных наёмников в Чечне Абу Хафс аль-Урдани. Вместе с ним были убиты ещё 4 боевика.

2007

4 апреля — в окрестностях села Агиш-батой Веденского района Чечни убит один из самых влиятельных лидеров боевиков, командующий Восточным фронтом ЧРИ Сулейман Ильмурзаев (позывной «Хайрулла»), причастный к убийству президента Чечни Ахмата Кадырова.

13 июня — в Веденском районе на автодороге Верхние Курчали — Белгатой боевики расстреляли колонну милицейских машин.

23 июля — бой у селения Тазен-Кале Веденский район между батальоном «Восток» Сулима Ямадаева и отрядом чеченских боевиков во главе с Доку Умаровым. Сообщается о гибели 6 боевиков.

18 сентября — в результате контртеррористической операции в селении Новый Сулак уничтожен «амир Раббани» — Раппани Халилов.

2008

январь — в ходе спецопераций в Махачкале и Табасаранском районе Дагестана уничтожены не менее 9 боевиков, причём 6 из них входили в группировку полевого командира И. Маллочиева. Со стороны силовиков в этих боестолкновениях убитых не было.

5 мая — военная машина подорвалась на фугасе в пригороде Грозного селе Ташкола. Погибли 5 милиционеров, 2 ранены.

19 июня — о своём присоединении к подполью заявил Шейх Саид Бурятский — один из самых известных проповедников в России и странах СНГ.

сентябрь 2008 года — уничтожены крупные лидеры НВФ Дагестана Ильгар Маллочиев и А. Гудаев, в общей сложности до 10 боевиков.

18 декабря — бой в городе Аргун, 2 милиционера погибло и 6 ранено. Со стороны бовиков в Аргуне убит один человек.

23–25 декабря — спецоперация ФСБ и МВД в селении Верхний Алкун в Ингушетии. Убит полевой командир Ваха Дженаралиев, воевавший против федеральных войск в Чечне и Ингушетии с 1999 г., его заместитель Хамхоев, в общей сложности 12 боевиков. Ликвидированы 4 базы НВФ[17].

---

[17] Война в Чечне — чеченская война, Первая Чеченская война 1994–1996 / http://www.warchechnya.ru/index/vtoraja_chechenskaja_vojna/0–88

Глава V
Осетино-грузинский конфликт 2008 года

Россия избрана первоочередной мишенью, поскольку представляет собой, с одной стороны потенциально организационное ядро сопротивления планам Запада, а с другой — ресурсную базу любой антизападной коалиции[1]

А. Гилёв, эксперт

Как уже говорилось выше, сущность конфликтов на территории СССР, а затем и на постсоветском пространстве нельзя понять без соотнесения, происходящего в разное время на самых разных территориях бывшего СССР со стратегическими планами западной ЛЧЦ, имеющими системный и долгосрочный характер. Их суть заключается, в конечном счете, в том, чтобы взять полностью под свой контроль не только бывшую территорию союзных республик, но и России, но, прежде всего, все-таки — те регионы, которые прилегают к ее границам и которые можно превратить в плацдармы для продвижения влияния США, НАТО и ЕС от Карелии до Центральной Азии[2].

Важную роль в этом играет регион Кавказа и Закавказья, который является традиционным южным флангом НАТО и ЕС, обладающим необходимой для этого инфраструктурой и влиянием в лице Турции и новых членов НАТО в регионе Черного моря.

Распад СССР вызвал резкое обострение межнациональных отношений в Грузии, которые с разной степенью конфликтности развивались на всем протяжении XX века. 19 января 1992 года в Южной Осетии прошел референдум, в результате которого 98% участников проголосовали за независимость и присоединение

---

1 *Гилёв А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. Сентябрь–октябрь. — С. 47.

2 *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 255–296.

к России. 22–24 июня 1992 года в Дагомысе в результате встречи Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе было заключено соглашение о разъединении противоборствующих сторон и созданию коридора безопасности[3].

С середины 90-х годов руководство Грузии сближалось с США, не препятствуя антироссийской деятельности боевиков. В 2002 году была запущена американо-грузинская программа «Обучение и оснащение», стоимостью около 100 млн долл.

В ноябре 2003 года после «революции роз» к власти пришли националисты-либералы, а 5 января 2004 года на президентских выборах победу одержал их лидер М. Саакашвили, взявший курс на еще более сотрудничество с США и ликвидацию независимых территорий Абхазии и Южной Осетии.

Российская внешняя политика фактически игнорировала проамериканский курс грузинского руководства, в частности, поддержав соглашение между лидером Аджарии А. Абашидзе и М. Саакашвили о восстановлении контроля Тбилиси над этой территорией, что, в вою очередь, усилило давление на Абхазию и Южную Осетию. В августе 2004 года это привело к демаршам вооруженных сил и обстрелам Грузией, провокациям против России, а затем и размещению вооруженных сил Грузии в Кадарском ущелье[4].

Российская позиция постепенно менялась в направлении противодействия растущим амбициям Тбилиси: 16 апреля 2008 года В. Путин принял решение «об особых отношениях» с Абхазией и Южной Осетией, а в мае 2008 года введены дополнительные войска ВДВ.

8 августа 2008 года грузинские войска в составе нескольких полностью экипированных и модернизированных бригад вторглись на территорию Южной Осетии, предварительно обстреляв артиллерией российские миротворческие силы и город Цхинвал с прилегающими сёлами.

---

[3] См. подробнее: *Фененко А. В.* Современная история международных отношений. 1991–2016: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 67.

[4] *Фененко А. В.* Современная история международных отношений. 1991–2016: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 227 228.

Рис. 1.[5]

Планы и силы сторон

Грузия

В основе грузинского плана наступления лежало блокирование автодороги Р297 («Транскам»), являющейся единственным средством связи с Россией, занятие города Цхинвали и основных населенных пунктов Южной Осетии в течение 3–4 суток.

В наступлении должны были быть задействованы крупные силы министерства обороны и МВД Грузии. Планировалось, что к западу от Цхинвала 4-я пехотная бригада грузинской армии займет село Хетагурово, к востоку — 3-я пехотная бригада захватит Присские высоты, а также села Дмениси и Сарабуки. Затем обе бригады должны были обойти столицу Южной Осетии с севера и соединиться у села Гуфта, замкнув окружение. После этого планировалось развивать наступление в сторону Джавы и Рокского туннеля. Артиллерийская бригада интенсивным огнём должна была оказывать содействие грузинской группировке на всех этапах наступления.

---

5 Файл:2008 South Ossetia war ru.svg / https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:2008_South_Ossetia_war_ru.svg

Небольшими силами, численностью до батальона, планировалось нанести удары и на второстепенных направлениях — в Ленингорском и Знаурском районах и на поселок Квайса.

Собранная для проведения операции грузинская группировка к утру 8 августа насчитывала 12 тысяч человек и 75 танков.

Россия

Поскольку план грузинского наступления был известен командованию ВС России, но не была известна дата его начала, после завершения учений Кавказ-2008 у границы с Южной Осетией была оставлена небольшая российская группировка в составе двух усиленных мотострелковых батальонов, которая должна была в течение нескольких часов после начала грузинского наступления войти на территорию республики и оказать помощь миротворческому батальону.

Во взаимодействии с авиацией эти две батальонно-тактические группы (БТГр) должны были сдержать наступление грузинских войск вглубь республики до подхода более крупных сил из России. Частям постоянной готовности Северо-Кавказского военного округа, расположенным вблизи от границы, чтобы прибыть в Южную Осетию требовалось от одних до двух суток. Планировалась при необходимости и оперативная переброска в регион частей Воздушно-десантных войск.

Для обеспечения безопасности Абхазии в случае начала конфликта в неё также планировалось введение дополнительных российских войск. К началу войны было несколько усилено присутствие ВС России в республике: за счет БТГр 7-й десантно-штурмовой дивизии и двух рот спецназа до максимально разрешенной численности в 3000 человек был доукомплектован миротворческий контингент.

Ход боевых действий

8 августа

В ночь на 8 августа (ок. 00:15 мск.) грузинские войска подвергли Цхинвал обстрелу из реактивных установок «Град», а примерно в 03:30 мск. начали штурм города с применением танков.

За несколько минут до начала операции грузинских сил командующему смешанными силами по поддержанию мира (ССПМ) генералу Мурату Кулахметову сообщили по телефону из Тбилиси об отмене перемирия. На экстренно созванном брифинге в Цхинвале Кулахметов заявил журналистам: «Грузинская сторона фактически объявила Южной Осетии войну».

В 00:30 мск. 8 августа командующий операциями вооружённых сил Грузии генерал Мамука Курашвили объявил в эфире телеканала «Рустави-2», что, в связи с отказом осетинской стороны от диалога для стабилизации обстановки в зоне конфликта, грузинская сторона «приняла решение о восстановлении конституционного порядка в зоне конфликта». Мамука Курашвили призвал российских миротворцев, дислоцированных в зоне конфликта, не вмешиваться в ситуацию.

К утру МВД Грузии передало сообщение: «Под контроль правительственных сил взяты сёла Мугут, Дидмуха и Дмениси, а также окраины города Цхинвали».

Около 10 часов 8 августа госминистр по реинтеграции Грузии Темур Якобашвили призвал Россию вмешаться в грузино-осетинский конфликт в качестве «настоящего миротворца». Якобашвили также заявил, что Грузия контролирует «почти все» населённые пункты Южной Осетии, кроме Цхинвала и Джавы.

По данным российской стороны, преднамеренному нападению подверглись и места дислокации российских миротворцев. Более десяти российских военнослужащих было убито, несколько десятков — ранено (подполковнику Константину Тимерману, руководившему обороной российского миротворческого батальона, впоследствии было присвоено звание «Герой России»). По данным грузинской стороны, российские миротворцы в нарушение своего статуса вели артиллерийский огонь по грузинским позициям. Международная комиссия по выяснению обстоятельств конфликта заявила, что не может подтвердить факты целенаправленного обстрела российских миротворцев грузинскими войсками или атаки со стороны самих миротворцев независимыми от сторон конфликта свидетельствами. Правозащитная организация Human Rights Watch подтвердила факт разрушения российских миротворческих постов в Цхинвали и Хетагурово, однако заявила, что у неё не было возможности подтвердить или опровергнуть факты

преднамеренного нападения на миротворцев или неправомерного ведения огня самими миротворцами.

Утром 8 августа российская авиация приступила к бомбардировке целей на территории Грузии. Согласно заявлениям российских военных, «самолёты накрывали только военные объекты: военная база в Гори, аэродромы Вазиани и Марнеули, где базируются самолёты Су-25 и Л-39, а также РЛС в 40 километрах от Тбилиси».

Согласно утверждению бывшего военного представителя России при ООН генерал-лейтенанта Николая Уварова, который во время войны был официальным представителем министерства обороны, первое российское боевое подразделение (1-й батальон 135-го полка) прошло через Рокский тоннель в 14 часов 30 минут. По версии генерал-лейтенанта Анатолия Хрулёва, во время войны командовавшего 58-й армией, первая российская батальонная тактическая группа прошла Рокский тоннель гораздо раньше — в 1 час 40 минут ночью 8 августа.

Около 17 часов глава МИД Грузии Эка Ткешелашвили призвала зарубежные страны оказать давление на российское руководство, дабы прекратить «прямую военную агрессию» на территории Грузии. Министр иностранных дел России Сергей Лавров напомнил, что ещё утром 8 августа Грузия призывала Россию выступить в роли миротворца. «Мы это и делаем», — сказал Лавров.

9 августа

Продолжалась переброска войск с территории России в Южную Осетию и создание ударной группировки. Утром помощник главкома сухопутных войск РФ И. Конашенков заявил, что части и подразделения 58-й армии, прибыв на окраину Цхинвали, «приступили к подготовке операции по принуждению к миру в зоне ответственности миротворцев».

В район боевых действий была переброшена 76-я Псковская воздушно-десантная дивизия.

Днём произошла неудачная попытка деблокирования российских миротворцев в Цхинвали силами батальонной группы 135 мотострелкового полка. Группа вошла в город и встретилась с грузинскими войсками, начавшими новый штурм Цхинвали. После боя, понеся потери в людях и технике, группа отошла из города. В этом бою были ранены несколько корреспондентов российских

СМИ и командующий 58-й армией генерал-лейтенант Хрулёв. Не получив подкрепления, российские военные были вынуждены отступить из Южного лагеря.

В течение дня продолжался обмен артиллерийским огнём и удары российской авиации по территории Грузии.

Российские корабли вошли в территориальные воды Грузии и приступили к боевому патрулированию. В Абхазии в это время началась высадка морского десанта в районе Очамчира и переброска частей ВДВ на аэродром Сухуми.

10 августа

Произошло российско-грузинское военно-морское столкновение.

11 августа

11 августа российские войска перешли границы Абхазии и Южной Осетии и вторглись непосредственно на грузинскую территорию. Вторгшаяся со стороны Абхазии российская армия без боя заняла западногрузинский город Зугдиди. В результате продвижения колонн российской бронетехники грузинские солдаты оставили город Гори.

По утверждению сотрудника МВД Южной Осетии, был сбит грузинский Су-25, атаковавший позиции 58-й армии. Ранее в этот день российский военный представитель заявил, что ВВС России прочно завоевали господство в небе и военные самолёты Грузии не летают. Российские войска заняли грузинское село Хурча в Зугдидском районе. Российские войска подошли к городу Сенаки и отступили после того, как ликвидировали возможность обстрелов с военной базы.

Перемирие

12 августа

12 августа на рабочей встрече в Кремле с министром обороны А. Э. Сердюковым и начальником Генштаба Н. Е. Макаровым Президент России Д. А. Медведев заявил, что «на основе доклада принял решение о завершении операции по принуждению Грузии к миру»: «Безопасность наших миротворческих сил и гражданского населения восстановлена. Агрессор наказан и понёс значительные

потери. Его вооружённые силы дезорганизованы. При возникновении очагов сопротивления и иных агрессивных наступлений принимать решения об уничтожении».

После этого во время визита в Москву председателя ЕС президента Франции Н. Саркози в ходе встречи с президентом России Дмитрием Медведевым и премьер-министром Владимиром Путиным были согласованы шесть принципов мирного урегулирования (План Медведева — Саркози):

1. Отказ от использования силы.
2. Окончательное прекращение всех военных действий.
3. Свободный доступ к гуманитарной помощи.
4. Возвращение Вооружённых сил Грузии в места их постоянной дислокации.
5. Вывод Вооружённых сил РФ на линию, предшествующую началу боевых действий.
6. Начало международного обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

После этого президент Н. Саркози посетил Тбилиси, где провёл встречу с президентом Грузии М. Саакашвили.

12 августа президент Чечни Р. А. Кадыров заявил о готовности направить 10 тысяч человек для поддержки российских миротворцев. Кадыров назвал действия грузинских властей преступлением, отметив, что грузинская сторона совершала убийства мирного населения.

13 августа

Грузия заявила, что российские войска на бронетехнике вошли в город Гори. По данным корреспондента Франс Пресс, колонна российской военной техники вышла из грузинского города Гори и направилась в сторону Тбилиси. Полтора десятка танков, которые накануне показывала CNN, утверждая, что они идут на Тбилиси, были обнаружены российскими военными вблизи Гори и вывезены из этого региона в целях обеспечения безопасности мирного населения, как заявил глава МИД РФ С. В. Лавров.

Заместитель начальника Генштаба А. А. Ноговицын: «Российских танков в Гори — нет, и быть не могло». Генштаб РФ: «Под Гори находились не танки, а БТРы».

Министр иностранных дел России С. В. Лавров подтвердил присутствие российской армии вблизи грузинских городов Гори и Сенаки, но опроверг информацию об их пребывании в Поти.

Представитель миротворческих сил категорически опроверг утверждения секретаря Совета нацбезопасности Грузии Александра Ломая о бомбардировке российскими военными грузинского города Гори и вводе туда казаков.

Радио «Эхо Москвы» утверждало, что в районе грузинского города Гори присутствует батальон «Восток» 42-й мотострелковой дивизии Минобороны России.

13 августа Грузия приняла план урегулирования конфликта, но с оговорками. Так, по просьбе грузинского президента был убран пункт о начале обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии. Президент Франции Н. Саркози подтвердил заявление М. Саакашвили, добавив, что пункт о начале обсуждения будущего статуса двух непризнанных республик убран с согласия президента РФ Д. А. Медведева. Этот пункт был переформулирован, так как допускал двусмысленную трактовку. После внесения изменений Саакашвили объявил, что подписывается под планом урегулирования и принимает условия прекращения огня в зоне грузино-осетинского конфликта.

По мнению Н. Саркози, «текст из шести пунктов не может ответить на все вопросы. Он не решает окончательно проблему».

14 августа

Произошло нападение неизвестных на служащих ООН в Гори, сообщило «Эхо Москвы» со ссылкой на «Франс Пресс».

По заявлению министерства внутренних дел Грузии, в 14 часов российские войска полностью заняли территорию города Гори. Российская сторона это опровергла. Глава информационно-аналитического управления МВД Грузии заявил, что российские войска минируют Гори и Поти.

Войска РФ передали контроль над Гори грузинским полицейским. Генерал-майор Александр Борисов официально подтвердил: в Гори могут спокойно входить грузинские полицейские для совместного патрулирования. Вместе с грузинскими полицейскими в Гори въехали несколько групп журналистов. У некоторых из них забрали автомобили (журналисты обвинили в этом осетинских

ополченцев). В окрестностях Гори был замечен грузинский спецназ. Ситуация в городе и его окрестностях вновь обострилась. Обстрелы и постоянные грабежи продолжались.

Российские военные должны покинуть город за два–три дня, которые понадобятся на ремонт бронетехники.

15 августа

«Миротворческая группировка в Южной Осетии будет увеличена, ей будет придана бронетехника», — заявил в интервью РИА Новости 15 августа официальный представитель Минобороны РФ генерал-лейтенант Николай Уваров.

«Мы обязательно сделаем уроки из событий в Южной Осетии. Группировка миротворцев, которая останется здесь на постоянной основе, будет увеличена. Миротворцы будут вооружены не только стрелковым оружием, но и тяжёлой военной техникой, в том числе танками», — сказал представитель Минобороны РФ.

Грузинская полиция, которой генерал Вячеслав Борисов накануне передал контроль над городом Гори, по его распоряжению была снова оттуда выведена и расположилась в километре от него.

16 августа

16 августа президент России Д. Медведев поставил подпись под планом мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. До этого документ подписали руководители непризнанных государств Южная Осетия и Абхазия, а также президент Грузии М. Саакашвили. Подписание этого документа сторонами конфликта окончательно обозначило завершение военных действий[6].

Основные выводы

1. В 1991-2016 годы в мире произошли радикальные изменения не только в военно-политической обстановке, отразившиеся на всей военной политике России, но и в более широком контексте — в международной обстановке, — которые при-

[6] Вооружённый конфликт в Южной Осетии (2008) / https://ru.wikipedia.org/wiki

вели к появлению единственного глобального политического, финансово-экономического, технологического и военно-политического центра силы: западной локальной человеческой цивилизации во главе с США.

Этот центр силы сумел создать военно-политическую коалицию и сеть союзов, объединяющую более чем из 50 государств, которая фактически контролирует ситуацию на планете. Основной противник этой коалиции заявляется ею в лице России и ее возможных союзников[7].

2. Изменения в соотношении сил в мире, неизбежно последующие уже в среднесрочной перспективе не в пользу США и западной ЛЧЦ, толкают эту коалицию на осуществление военно-силовой политики, в основе которой находится превосходство США и их союзников в военно-технологической и экономической мощи. Этот вероятный сценарий развития МО и ВПО можно охарактеризовать как «наиболее вероятный сценарий развития МО и ВПО» в форме глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ»[8].
3. Подобная логика развития МО и ВПО требует от России усиления военной политики во всех ее важнейших областях — военно-доктринальном, военном строительстве и военном искусстве, — но особенного внимания требует развитие военной организации государства и повышения уровня военно-политического управления и информационно-аналитического обеспечения[9].
4. Усилия в области эффективности военной политики России в решающей степени влияли в последнее десятилетие на возвращение международного авторитета и влияния России в мире, повышению уровня обеспечения ее национальной и военной безопасности.

---

[7] Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец, А. А. Казанцев, В. П. Козин, А. А. Орлов. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 44 с.

[8] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 338.

[9] См. например: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П. М. Шмелев, А. И. Подберезкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 159 с.

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ III

Основные особенности обеспечения безопасности современной России

Вводные замечания

События последних лет (особенно 2014–2016 годов) определили состояние бифуркации системы международных отношений, сложившейся после окончания «холодной войны». Суть наступившего момента заключается во все более очевидном провале однополярной гегемонии, которую США несколько десятилетий подряд пытались реализовать в различных регионах и, прежде всего, по отношению к России. Процесс переформатирования мировой политики не является завершенным, его особенности на современном этапе обусловлены, с одной стороны, резким усилением взаимного недоверия по линии «Россия — Запад», что привело к ситуации во многом типичной для периода блокового противостояния, а с другой, нарастанием турбулентности международной среды, преодолеть которую, невозможно без эффективного консенсуса ведущих членов мирового сообщества. В то же время, такие события, как, например, кризис на Украине, показали несовершенство многосторонних механизмов урегулирования политических конфликтов, неспособность ведущих международных организаций что-либо противопоставить дестабилизирующим действиям НАТО. Другими словами, главную роль в обеспечении безопасности России в обозримом будущем будут играть факторы наращивания ее оборонного потенциала, понимаемого не только как набор определенных типов вооружений, но и в более широком смысле — выдвижения идейных ориентиров в интересах ускоренного социально-экономического развития, консолидацию элит, совершенствование управленческой практики, и многих других вопросов, от решения которых зависит успешное формирование национального человеческого капитала и конкурентоспособность российской цивилизации

в условиях затягивающейся на неопределенное время турбулентности на мировой арене.

В рамках третьего модуля УМК представлена развернутая характеристика проблематики системной безопасности России в XXI веке в контексте проводимой российской стороной политики стратегического сдерживания и противодействия деструктивному использованию ресурсов гуманитарного сотрудничества («новой публичной дипломатии»), применяемых представителями западной локальной человеческой цивилизации. Существенное внимание уделено вопросам блокирования, нейтрализации и преодоления внешнего воздействия, направленного на изменение системы ценностей правящей элиты и проекции этих изменений на широкую общественную среду. В завершающих разделах модуля подробно анализируется значимость субъективных аспектов формирования международной обстановки XXI века, которым обычно уделяется сравнительно мало места в отечественном дискурсе и учебных изданиях: идеологическому выбору пути развития правящей элитой, а также национального человеческого капитала, науки и идеологии.

Освоение учащимися материалов третьей части/модуля УМК решает несколько дидактических задач: во-первых, включает в пространство профессиограммы образовательной подготовки по направлениям «международное регионоведение» и «международные отношения» существенный объем нового информационного и методического материала, позволяющего углубить освоение профильной современному международному взаимодействию проблематики, а, во-вторых, предоставляет молодым профессионалам эффективный инструментарий для самостоятельной исследовательской деятельности, выполнения задач по прикладной аналитике в различных ведомственных структурах и организациях в России и за рубежом.

Введение

Доминирование США на мировых финансовых рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет сказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт[1]

А. Гилёв,
военный эксперт

В XXI веке безопасность государства в традиционном понимании перестала сводиться к военной безопасности, хотя традиционно, «по инерции», связанные, прежде всего с применением «силы принуждения» («the power to coerce»), стали тем реальным и практическим механизмом политического влияния. С точки зрения невосполнимым демографических и материальных потерь, военные потери оказались вытеснены другими причинами, которые намного превосходили их по своим масштабам и последствиям.

Как видно из приведенных данных (рис. 1)[2], смертность детей до 5 лет от недоедания в 2011 году была в 35 раз выше, чем численность погибших в это же время от военных действий и в 300 раз выше, чем от терроризма.

Масштабы смертности от военных действий за XX век также несоизмеримо уменьшились не только по сравнению с Первой и Второй мировыми войнами, но и относительно «спокойными» годами XX века, о чем свидетельствуют следующие данные погибших на 100 000 (рис. 2).

---

[1] *Гилёв А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. Сентябрь–октябрь. — Т. 12. — №5. — С. 47.

[2] War and Peace / https://ourworldindata.org/war-and-peace-after-1945. — С. 9.

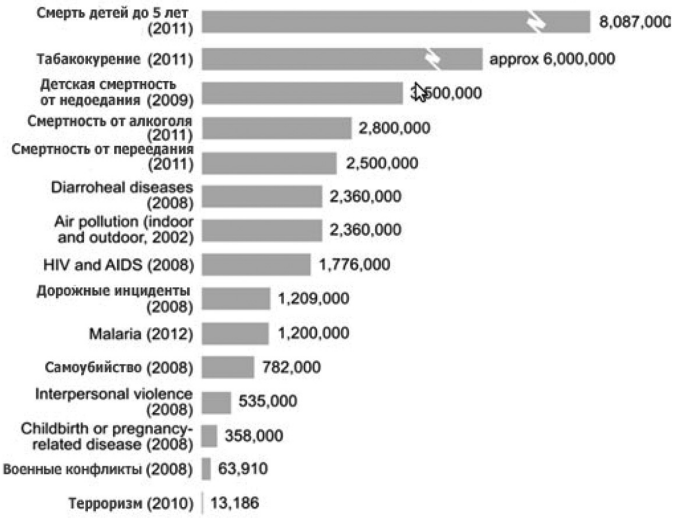

Рис. 1. Количество смертей в зависимости от разных причин

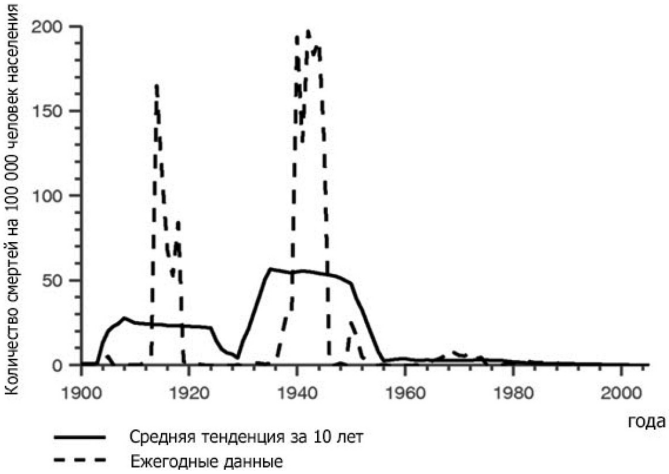

Рис. 2.[3] Численность смертей на 100 000 в XX веке

[3] War and Peace / https://ourworldindata.org/war-and-peace-after-1945. — С. 9.

Видимо эти и подобные соображения превратили опасения войны, которые были очень сильны в 50–60-е годы XX века, в менее актуальные страхи к концу XX века. Война в Ираке и Югославии НАТО в 1991–1992 годах означали возвращение военных средств в качестве активных инструментов политики самой сильной, западной ЛЧЦ.

Несколько позже проявились и серьезные политические, философские и политологические последствия этой новой реальности:

— формирование политики «силового принуждения» в рамках общей политики «новой публичной дипломатии» Запада;
— создания новых военных и невоенных средств и способов обеспечения такой политики;
— разработка принципиально новой политической философии силового обеспечения доминирования западной ЛЧЦ в мире, основанной на:
— коалиционных возможностях;
— военно-технологическом превосходстве.

Как уже говорилось выше, изменился и характер и основные особенности современных войн: практически исчезли войны между государствами и нациями, а их место заняли гражданские войны и интервенции; полностью исчезли антиколониальные войны и войны по традиционным причинам и интересам. Таким образом, можно констатировать, что в XXI веке представления об обеспечении военной безопасности государства радикально изменились и потребовали от политического руководства страны решительных перемен в политике.

В настоящем разделе рассмотрим только некоторые аспекты обеспечения безопасности России, включая ее военную безопасность, в XXI веке. Эти аспекты, по мнению автора, являются ключевыми для понимания сути политики безопасности и являются результатом серии работ, опубликованных автором и сотрудниками Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ — Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в 2013–2016 годах[4].

---

[4] См., например: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016 и др.

Данный раздел не претендует на систематическое изложение всей проблематики обеспечения военной безопасности России, а тем более безопасности России и нации в целом. Целый ряд теоретических, методологических, политических и иных разделов, необходимых для такого изложения, опубликован автором в других работах, которые доступны в открытой печати и на интернет-ресурсах: www.viperson.ru; www.eurasian-defence.ru; www.nasled.ru.

Глава VI
Системная безопасность России в XXI веке

Сущность политики заключается в умении управлять будущим …
сильному может противостоять только более сильный[1]
К. Райс,
бывший Государственный
секретарь США

… всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы
глобальной, региональной, региональной и национальной безопасности[2]
С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

Изменения в формировании МО и ВПО в XXI веке, политике ведущих ЛЧЦ и стран неизбежно ведут их изменения в стратегии обеспечения безопасности России, корректировке ее концепции. В свою очередь анализ и прогноз развития концепции системной безопасности России (в нормативной форме публикуемой в Указе Президента России Стратегии национальной безопасности) представляется не абстрактным процессом, а в связи с эволюцией конкретной внешней политики Запада от официальной дипломатии[3] в направлении формирования политики «новой публичной дипломатии»[4], которая произошла в начале XXI века. Эта политика

---

[1] *Труш М. И.* Кондализа. Путь к Олимпу. — М.: «Редакция Исторической газеты», 2009. — С. 117.

[2] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО (У), 2014. — С. 3.

[3] **Официальная дипломатия** — *зд.* совокупность средств и действий, совершаемых официальными органами, в интересах внешней политики государства.

[4] «**Новая публичная дипломатия»** — *зд.* совокупность всего спектра всех средств, форм и методов, совершаемых официальными и неофициальными органами государства и ЛЧЦ, для достижения решительных внешнеполитических целей посредством формирования решающего

явилась, по сути, новой стратегией Запада, целью которой является сохранение установленного в XX веке западной ЛЧЦ контроля в мире в финансово-экономической и политической области, с помощью широкого спектра средств и способов силового принуждения («the power to coerce»).

Выбор в тот или иной конкретный исторический период и в конкретных исторических, политических, экономических и иных условиях наиболее эффективных средств и способов воздействия политики, как известно, — прямая обязанность и ответственность тех, кто принимают политические решения, т.е. политических и государственных деятелей, финансовых и культурных лидеров, объединенных в правящую элиту страны. Этот выбор изначально обусловлен самыми разными условиями и обстоятельствами, — существующими и потенциальными национальными возможностями, прежде всего качеством национального человеческого капитала и его институтов, возможностями экономики и уровнем развития технологической базы и т.д., он основан на обеспечении интересов той или иной части правящей элиты и продвижении ее системы ценностей, которая обосновывает необходимость соблюдения тех или иных норм и правил. Иными словами изначально в основе любой политики находятся интересы (потребности) и система ценностей той или иной части правящей элиты, общества и нации, которые в основном[5]:

— во-первых, отнюдь не всегда и во всем совпадают у всех представителей правящей элиты и у остальной нации, а тем более интересами правящих элит других государств;
— во-вторых, выстроены в строгой приоритетности в зависимости от представлений той или иной части правящей элиты о степени важности этих интересов;
— в-третьих, понимаются по-разному и формулируются в разных (порой очень противоречивых) представлениях в конкретные политические цели и задачи политики;
— в-четвертых, находятся под влиянием самых разных внешних условий, вызовов и обстоятельств;

влияния на правящие круги и общественность зарубежных стран.

[5] См. подробнее: *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 464 с.

— в-пятых, находятся под прямым влиянием имеющихся реальных и потенциальных ресурсов у нации и правящей элиты;
— наконец, в-шестых, качеством политической и военной науки и искусства, умением эффективно формулировать и достигать поставленных целей[6].

Таким образом, концепция системной безопасности России и разрабатываемые ею средства и методы обеспечения находятся под влиянием множества групп объективных и субъективных факторов, большинство из которых являются переменными величинами, а также субъективных, а нередко и иррациональных представлений правящей элиты, которая отнюдь не является однородной и не разделяет одинаково основные ценности и интересы нации и государства.

В целях некоторой формализации этих основных групп факторов, формирующие политику целесообразно использовать модель, предлагавшуюся в свое время профессором МГИМО МИД СССР М. Хрусталевым. Эта модель поможет нам лучше понять характер формирования МО и ВПО, вытекающий из современной политики, и место концепции системной безопасности России, вытекающей из сути характера и особенностей МО–ВПО современной западной ЛЧЦ. Базовые интересы (потребности) ценности определяются их приоритетность в представлении правящей элиты, которая может меняться в различных странах и в различные периоды времени, что немедленно отражается на стратегии развития государства и обеспечения его безопасности. Так, Д. Трамп в период избирательной кампании неоднократно декларировал мысль о том, что интересы безопасности США лежат в основе всей системы интересов и ценностей, которые без эффективной политики безопасности не существуют. Другой пример приоритетности политики безопасности — решение России сократить в 2017–2020 годах относительные и абсолютные расходы на обеспечение своей военной безопасности.

Естественно, что политика безопасности любого государства зависит как от внешних условий угроз и опасностей, так и от представлений и стратегического прогноза правящей элиты об этих угрозах, а также имеющихся ресурсах и возможностях. Яркий

---

[6] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 272–278.

пример — стратегический прогноз до 2030 года, который несколько раз делал Национальный Совет по разведке США, в котором, в частности, делается прогноз роста численности среднего класса в мире с 1 млрд до 2 млрд человек и даже 3 млрд человек. Авторы, в частности пишут: «Все изученные нами прогнозы предполагают наиболее стремительный рост среднего класса в Азии, при этом Индия будет немного опережать Китай в течение длительного периода». По утверждению Азиатского банка развития, если Китай «выполнит плановые цели по повышению бытовых расходов, по меньшей мере, так же быстро, как по ВВП, доля среднего класса в стране буквально взорвется». При этом «75% населения Китая будут иметь уровень жизни среднего класса, а бедность при доходах 2 доллара в день значительно снизится». «Голдман Сакс» в своем исследовании среднего класса в мире, подчеркнул, что даже без учета Китая и Индии, «количество новых контингентов, вступающих в средний класс, будет больше, чем отмечалось в мире за многие десятилетия»[7].

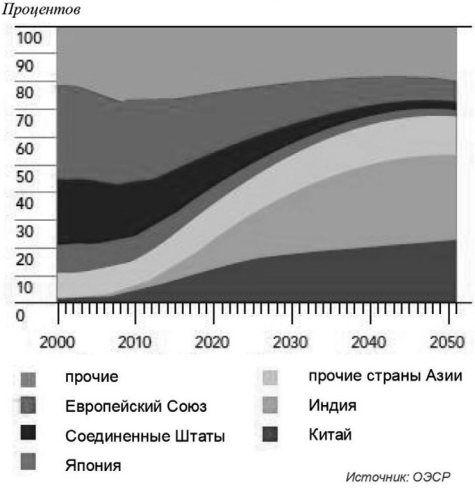

Рис. 1. Рост численности среднего класса

[7] Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Факторы, меняющие правила игры / Национальный Совет разведки США. 2012. Декабрь. — С. 2 / www.dni.gov/nic/globaltrends

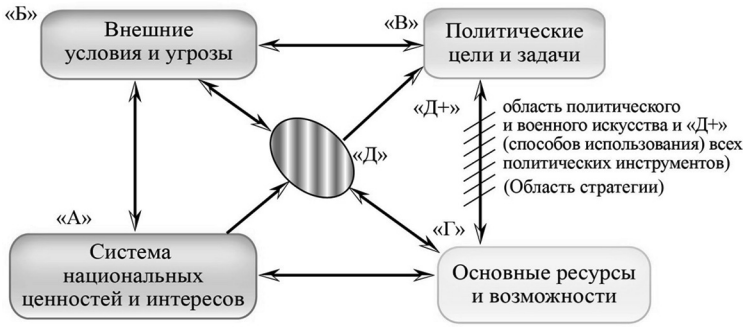

Рис. 2. Логическая модель политики западной ЛЧЦ «новой публичной дипломатии»

Если говорить очень коротко и упрощенно, то модель политики «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ в XXI веке демонстрирует, что:

1. В основе ее политики лежат интересы и система ценностей западной ЛЧЦ (что многократно подтверждалось в самых разных обстоятельствах ее лидерами).
2. Субъекивное понимание этих интересов и целей правящей элитой западной ЛЧЦ трансформируется в политические цели и задачи, которые в деталях (иногда значимых) могут отличаться друг от друга (Б. Обама — Д. Трамп; интеграция ЕС — дезинтеграция ЕС; отношения с Россией и т.д.).
3. Представления о внешних угрозах западной ЛЧЦ и вызовах формируются как под воздействием объективных факторов — интересов западной ЛЧЦ, — так и субъективных представлений различных частей правящей элиты западной ЛЧЦ.
4. Стратегия западной ЛЧЦ и ее политика в мире находятся под влиянием субъективно сформулированных политических целей и ресурсных возможностей западной ЛЧЦ. И первое, и второе может существенно отличаться друг от друга. Политически цели могут быть агрессивными, «универсалистскими», либо достаточно консервативными, «изоляционистскими», а затрагиваемые ресурсы (например, на военные цели) — от 0,5% от ВВП до 30% от ВВП.

Естественно, что для обеспечения максимально эффективной политики стратегического сдерживания и концепции (стратегии) национальной безопасности России необходимо[8]:

— тщательно проанализировать объективное состояние и развитие этих факторов и тенденций в политике западной ЛЧЦ и, возможно, других ЛЧЦ;
— попытаться сделать стратегический прогноз развития этих факторов на долгосрочную перспективу, который может стать основой для стратегического планирования;
— рассмотреть объективную возможность адекватности представлений обо всех группах этих факторов у российской правящей элиты, т.е. влияние субъективных, иррациональны и др. обстоятельств;
— наконец, рассмотреть основные стратегии всех вероятных противников. В нашем случае это западная ЛЧЦ и ее политика «новой публичной дипломатии».

Только после завершения этих обязательных действий можно приступать к созданию эффективной собственной стратегии противодействия. К сожалению, необходимо констатировать, что при разработке современной редакции Стратегии национальной безопасности России (от 31 декабря 2015 г.) и Концепции внешней политики России (от 1 декабря 2016 г.) этой работы по многим направлениям сделано не было. В частности, ни в Стратегии, ни в концепции вообще нет никакого стратегического прогноза развития МО и ВПО[9].

Также стратегические прогнозы обязательны, в том числе и для процесса стратегического планирования в области разработки сил, средств и способов силовой политики России. Необходима своего рода постоянная «инвентаризация» всех средств и методов политики, которые меняются достаточно быстро, либо уступают место более эффективным новым политическим средствами и методам.

---

[8] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[9] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

Именно это произошло в начале XXI века при переходе Запада от традиционной публичной дипломатии к политике «новой публичной дипломатии», основанной на синтезе средств и способов силовой политики.

6.1. Концепция стратегического сдерживания России как выбор эффективных средств противодействия политике «новой публичной дипломатии» западной локальной человеческой цивилизации

> Выявление различия между стратегией и политикой не имело бы большого значения, если бы и та и другая были сосредоточены в руках одного и того же лица, как, например, в прошлом в руках Фридриха и Наполеона. Но такие самодержавные правители-полководцы встречаются редко в наши дни, временно исчезли они и в XIX в., и последствия этого оказались весьма вредными: военные могли абсурдно утверждать, что политика должна быть подчинена их планам ведения военных действий, а государственный деятель, особенно в демократических странах, — переступать границы сферы своей деятельности и вмешиваться в функции своих военных работников, в фактическое использование ими средств, находящихся в их распоряжении[10]
>
> *Л. Гарт, военный теоретик*

Зыбкая граница между стратегией и политикой, о которой говорил великий военный теоретик Л. Гарт, стала еще менее заметной в XXI веке. Не только политические цели, но и средства и способы политики стали еще с конца XX века вытеснять военные, а те, в свою очередь, не прекращали свое проникновение

[10] *Гарт Л.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 1999 / http://militera.lib.ru/science/liddel_hart1/index.html

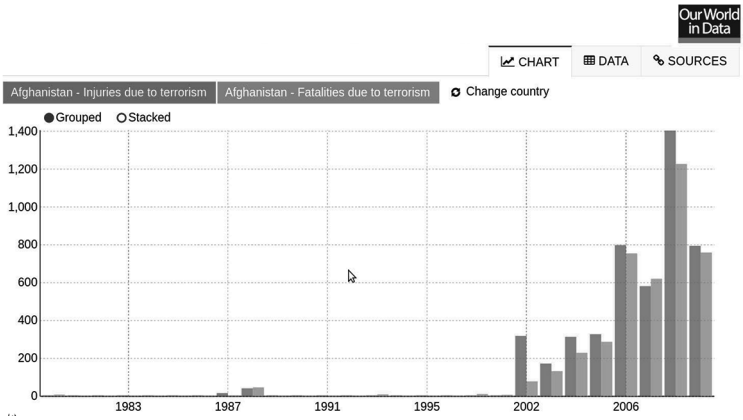

Рис. 3.[11] Численность убитых и раненых в результате террористической деятельности в Афганистане (1989–2009 гг.)

в политические сферы. Как правило, неудачно. Так, антитеррористическая война в Афганистане и в Ираке привела к резкому росту численности убитых и пострадавших и огромным материальным издержкам, что хорошо видно на примере Афганистана.

Этот пример точно показывает необходимость точного выбора наиболее адекватных и эффективных средств противодействия для нейтрализации внешней угрозы, которая в XXI веке может носить как военный, так и невоенный характер.

Очень важно при этом, осознавая значение военной силы, которая может быть использована западной ЛЧЦ для решения невоенных задач. Эта тенденция отчетливо проявилась с самого начала XXI века, удивительно «совпав» хронологически с террористическими актами в США. Так, еще в самом начале века эксперты западной ЛЧЦ прогнозировали изменение в соотношении сил в мире, которого будет невозможно избежать в будущем. С целью «антимизации» этого процесса была начата серия войн (в Афганистане, Ираке и др. стран), в которых предполагалось «размыть» новые центры экономической и финансовой мощи в мире.

[11] RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents / mail.google.com/_/scs/mail-static/_/js/k=gmail.main.ru.gNqavEubTY0.O/m=m_i,pdt,…t8.png

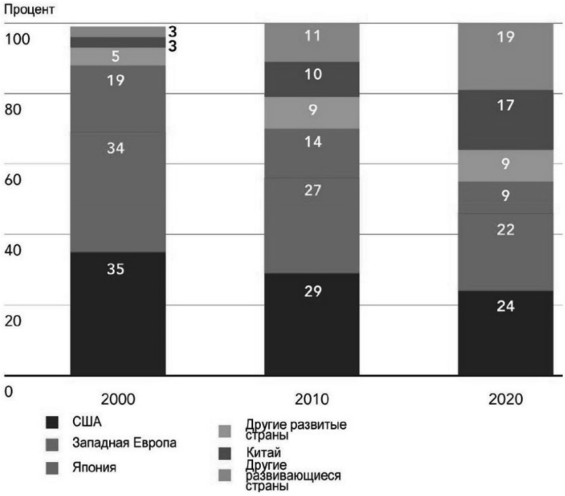

Рис.4.[12] Прогноз ВВП для отдельных стран и валют развивающихся рынков относительно доллара

В настоящее время, в 2017 году, можно признать, что эта стратегия в целом оказалась успешной: американский доллар и экономика продолжают оставаться наиболее эффективными факторами развития несмотря на изменившееся соотношение сил, а другие центры силы пока что не стали решающими факторами мировой политики.

[12] Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Факторы, меняющие правила игры / Национальный Совет разведки США. 2012. Декабрь. — С. 44 / www.dni.gov/nic/globaltrends

6.1.а). Стратегическое сдерживание и Стратегия национальной безопасности России

Смысл всей нашей политики — это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, на улучшение экологии, здоровья людей, на развитие образования и культуры[13]

В. Путин,
Президент России

Стратегическое сдерживание[14] — как комплекс мероприятий по предотвращению и отражению агрессии — предполагает несколько взаимосвязанных аспектов[15]. Так, современная стратегия национальной безопасности России исходит из того, что силовое противодействие внешним угрозам, «… имеющим комплексный взаимосвязанный характер»[16], осуществляется с помощью, во-первых, «усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности…» и, во-вторых, «повышении обороноспособности страны» (Ст. 26 Стратегии)[17].

В тексте редакции Стратегии от 31 декабря 2015 года также раскрывается коротко суть стратегического сдерживания как «… взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной

---

[13] *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. / http://kremlin.ru/

[14] **Стратегическое сдерживание** — *зд.* разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции).

[15] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 278–287.

[16] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

[17] Там же.

целостности», путем «поддержания потенциала ядерного сдерживания», а Вооруженных Сил «в заданной степени готовности к боевому применению» (Ст. 26 Стратегии)[18].

Таким образом, политика стратегического сдерживания, описанная очень коротко в Стратегии национальной безопасности в ее редакции от 31 декабря 2015 года, по сути, сводится только к предотвращению войны посредством развития эффективных ядерных и обычных ВиВСТ и ВС России. Иными словами она не предполагает[19]:

— активных, инициативных мероприятий, ориентируется только на подготовку и оборону от военного нападения;
— противоборства в условиях «асимметричного» конфликта, т.е. до формального и публичного старта использования военной силы.

Кроме того важно, что политика стратегического сдерживания сознательно не обозначает конкретно своего потенциального противника (западную ЛЧЦ) и действующую против России стратегию — политику «новой публичной дипломатии», т.е. носит излишне абстрактный характер. Не случайно в этой связи то, что на своей ежегодной пресс-конференции в декабре 2016 года В. Путин сказал о том, что ВС России «сильнее любого агрессора» туманно не конкретизировав кого он имел ввиду. При этом если категория «средства» политики относится к национальным ресурсам (или ресурсам всей ЛЧЦ, что характерно для XXI века), то категория «методы» («способы») их применения — относится целиком к политическому и военному искусству. Причем во все большей степени это относится уже не, только к стране-лидеру, но и всей ЛЧЦ, хотя лидерство в этой области в XXI веке, отнюдь не исчезает, и исчезнуть не может в принципе.

Взаимосвязь между средствами и способами их применения в политике органическая, а изменения в средствах политики немедленно отражаются на способах их использования, и, наоборот, новые способы использования тех или иных средств (от вооружений до санкций) ведут к появлению новых требований к созданию или совершенствованию средств ведения войны. Это особенно заметно

---

[18] Там же.

[19] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 278–279.

в военной области, где появление танков привело к ведению крупных наступательных операций, а новые задачи военного искусства немедленно формализуются в новых требованиях к ТТД ВиВСТ.

Но не только. Именно в политике в XXI веке появилось множество новых средств и способов (включая способов принуждения), которые активно разрабатывались в рамках концепции политики «новой публичной дипломатии». Именно это следует иметь в виду, когда речь идет о стратегическом сдерживании в современной стратегии национальной безопасности России.

Для того чтобы полнее ответить на вопрос о наиболее эффективных средствах и способах стратегического сдерживания необходимо четко ответить на следующие вопросы:

1. Что является и будет в дальнейшем главной целью Стратегии национальной безопасности и, соответственно, главным объектом для внешнего влияния и нападения?
2. Каковы основные средства такого влияния (нападения), которые неизбежно будут зависеть от главной цели нападения?
3. Каковы основные способы применения этих средств нападения?
4. Наконец, каковы наиболее эффективные средства и способы противодействия им в рамках стратегического сдерживания России?

Прежде чем ответить на эти вопросы требуется сформулировать свою позицию относительно роли объективных и субъективных факторов в формировании МО–ВПО и политика государства, ибо от него во многом зависит и ответ на вопрос о взаимосвязи средств и способов политики.

Причем процесс такой взаимосвязи, как правило, развивается крайне противоречиво из-за столкновения множества групповых и личных интересов. Очень наглядно он проявился, например, накануне Второй мировой войны и нападения Германии на СССР в Советском Союзе[20], когда политическое и военное искусство претерпевало радикальные изменения в течение месяцев.

На практике этот процесс еще более сложен и зависит от множества других факторов, в т.ч. субъективных, а нередко и иррациональных. Так, существует множество свидетельств того как в силу субъективных ложных представлений отказывалась от создания

[20] Сталин против «Оранжевой чумы». Глобальный заговор 1937 / А. Елисеев. — М.: Яуза-пресс, 2012. — С. 192–205.

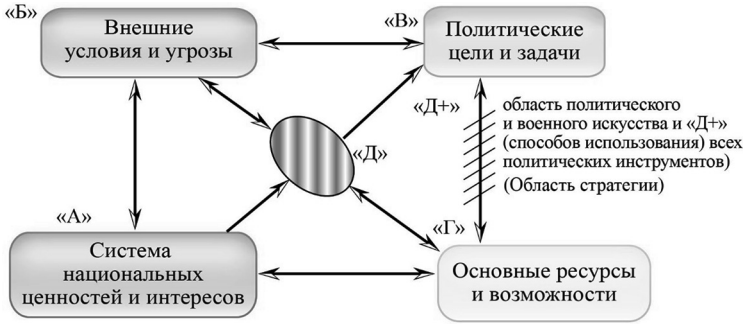

Рис. 5. Логическая модель взаимосвязи между способами и средствами стратегического сдерживания «новой публичной дипломатии»

эффективных систем ВиВСТ и, наоборот, создавались неэффективные, а также внедрялись ложные концепции их использования. Вот почему необходимо вернуться сначала к логической модели политики, на примере которой проще всего проиллюстрировать эти очень сложные и противоречивые взаимосвязи между средствами и способами ведения силовой политики и войны[21], а также попытаемся дать, пусть самые общие, ответы на поставленные вопросы.

Исходя из логики, описанной в рисунке 5, главными целями (объектами) внешнего влияния и силового воздействия (группы факторов «Б») являются: система национальных ценностей, политические цели и правящая элита. Исходя из того, что главной целью российской Стратегии является (используя определение В. Путина) «… сбережение людей, умножение человеческого капитала»[22], следует предположить, что именно это и является главной целью в политике «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ. Причем достичь эту цель и возможно через ее решение при влиянии на три объекта — систему ценностей, цели и элиту страны.

[21] См., например: *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[22] Я абсолютно согласен с этим утверждением. Более того, неоднократно писал о приоритетности национального человеческого капитала. См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

Соответственно основные средства, направленные на достижение этой цели, будут использоваться против НЧК, а именно: против его демографических, экономических, образовательных, научных и культурных критериев.

Соответственно и способы применения этих средств против НЧК будут самые разнообразные, но, прежде всего те, которые можно будет быстро использовать через правящую элиту.

Наконец, из логики этих рассуждений неизбежно следует вывод о том, что эффективная Стратегия противодействия (стратегическое сдерживание) политике «новой публичной дипломатии» будет та стратегия, которая нейтрализует воздействие средств и способов влияния западной ЛЧЦ на развитие НЧК России.

Как видно из рисунка, самое простое и очевидное взаимодействие между средствами (ресурсами) политики и ее целями (группами факторов «Г» и «В») происходит через область политического искусства (в военной области — военного искусства), а также политической науки и веры, которыми обладает правящая элита и её отдельные группы (группа факторов «Д»). Оно выражается в том, что политические цели при проведении радикальной политики соответствуют возможностям, т.е. средствам и разработанным (как правило, заранее) способам их использования. Так, под влиянием обеспокоенности армейского командования RAND Corporation провела исследование реального опыта действий Армии обороны Израиля против Хезболлы в 2006 г. В выпущенном в 2010 г. отчёте был сделан важный вывод, что «гибридность» противника выражается в том, что он оснащён системами вооружений, которые можно получить лишь при поддержке центральных властей или с государственного уровня других стран, но во всём остальном остаётся всё теми же группами террористов. Специально оговаривалось, что в организационном отношении такой противник может создавать регулярные подразделения силами до батальона. Однако конкретных примеров участия в боях со стороны Хезболлы самостоятельных военных единиц численностью до 800 человек не приводилось[23].

---

[23] *Николайчук И.А.* О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации / https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/3/08.pdf

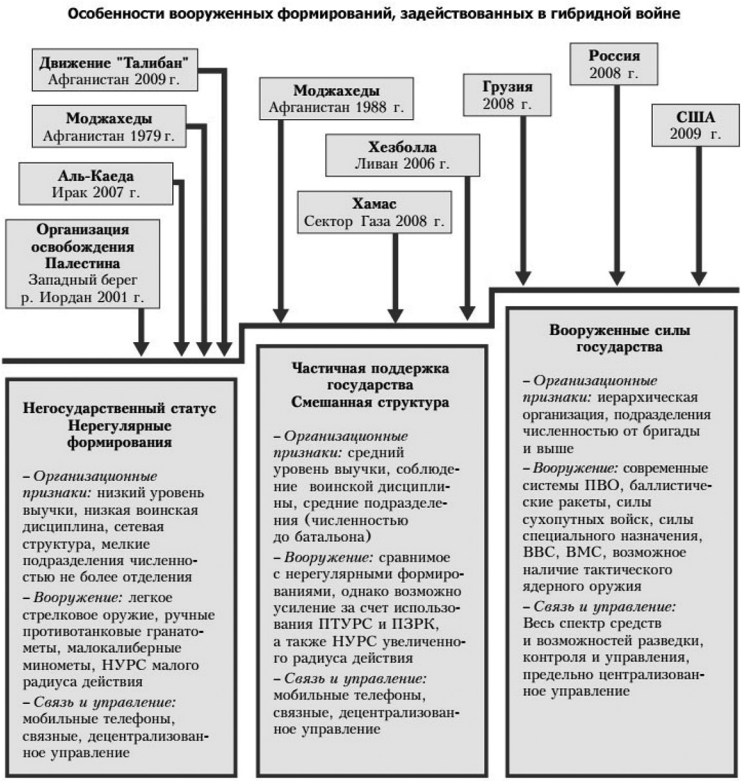

Рис. 6. Схема средств силового принуждения в политике «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ

Как видно из схемы (рис. 7), внешнее влияние, выражающееся в политике «новой публичной дипломатии», может быть теоретически направлено на три объекта:

1-й объект: политические цели и задачи (вектор «Б»–«В»). Традиционный вектор влияния на государство и общество, реализуемый с тех пор, когда появились международные отношения в самых различных формах и способах — от политико-дипломатического, информационного до военного. Современная политика «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ предполагает синтез

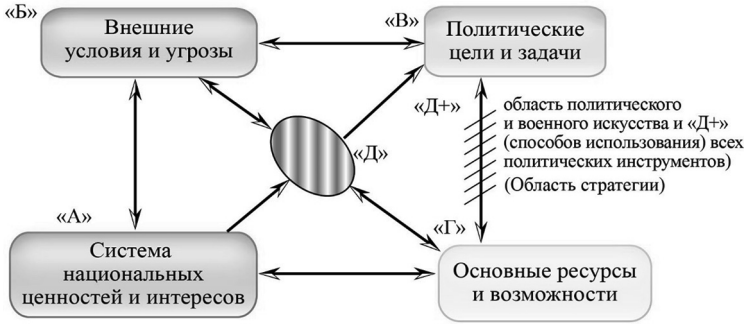

Рис. 7. Логическая модель взаимосвязи между способами и средствами стратегического сдерживания «новой публичной дипломатии»

всех средств, включая силовые, для такого эффективного влияния, которое нередко приобретает форму «принуждения силой»[24].

2-й объект: система ценностей и национальных интересов субъектов и акторов МО (вектор «Б»–«А»). Также достаточно традиционный вектор (вспомним, например, религиозные войны XV–XVII веков в Европе), однако в XXI веке этот объект становится особенно приоритетным в связи с перемещением центра противоречий в область отношений между ЛЧЦ. Не случайно, например, что антитеррористическая война, которую ведет коалиция западной ЛЧЦ, сталкивается с проблемами ценностного и цивилизационного характера[25].

3-й объект: Правящие элиты субъектов и акторов МО (вектор «Б»–«Д»). Этот объект становится в XXI веке наиболее приоритетным для политики «новой публичной дипломатии» и «силового принуждения», а, соответственно, средства, используемые против него, — наиболее эффективными.

В отличие от предыдущих столетий, когда давление, шантаж и угрозы также использовались против правящих элит (в част-

[24] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 79–111.

[25] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–316.

ности, наиболее эффективным средством оказывался банальный подкуп), в современную эпоху этот объект стал наиболее приоритетным в результате создания новых средств силового влияния: информационных, политико-дипломатических, финансово-экономических и пр., которые делают правящую элиту достаточно уязвимым объектом.

Другой аспект — критерий «стоимость — эффективность», когда значительно дешевле и быстрее, например, купить генералов С. Хусейна или Б. Асада, чем бороться с ними с помощью военной силы. Именно подкуп и коррупция элиты оказываются самыми эффективными средствами силового воздействия в эпоху «развитых демократических институтов», ведь подкупить короля, царя, императора очень трудно, а его окружение далеко не всегда и во всем может обеспечить результат.

Важно подчеркнуть, что неверные действия правящих элит могут делаться не только из-за силового давления, но и из-за обмана, некомпетенции.

Правящая элита — что важно — вполне субъективно, т.е. необъективно, оценивает существующие ресурсы и возможности, (как минимум, относительно «реалистично», «пессимистично» и «оптимистично»), а также формулирует не менее субъективно политические цели, в основе которых, однако, лежат вполне объективные интересы и система ценностей. В этом заключаются нередко ошибки: в политике опасно как переоценить свои возможности, так и недооценить их. В первом случае становиться «авантюристом», а во втором — «нерешительным», «лузером», «не способным» политиком.

Огромное значение в этой связи приобретают качества правящей элиты и экспертно-научное обеспечение ее деятельности. Если правящая элита принимает адекватные решения, основанные на научном анализе и стратегическом прогнозе, точной и достоверной информации и т.д., то вероятность реализации этих решений очень высока даже в том случае, когда возникают неожиданные обстоятельства.

6.1.б). Стратегическое сдерживание и правящие элиты

… мы не углубились в какие-то мелочи текущего дня, не занимались только проблемами выживания, мы думали над повесткой развития и обеспечивали ее. И сегодня именно эта повестка становится главной…[26]

В. Путин,
Президент России

Среди комплекса мер противодействия силовому давлению политики «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ, как правило, не перечисляются меры воздействия на правящую элиту страны. Прежде всего, на ее представления о системе ценностей и национальных интересах, хотя именно эти меры, как показывает современная история, и являются самыми эффективными силовыми инструментами.

Выше уже говорилось, что политические цели, стратегия, распределение ресурсов определяются правящими элитами достаточно субъективно, т.е. в конечном счете, значительная часть объективных реалий реализуются в практической политике на основании субъективных, иногда очень противоречивых решений. Соответственно, такие решения могут формироваться под внешним влиянием. В этом случае именно такое внешнее, вполне субъективное, влияние оказывается самым эффективным средством силовой «политики принуждения» («the power to coerce») среди всего набора средств политики «новой публичной дипломатии». Достаточно схематично это можно отразить на следующем рисунке.

К сожалению, адекватные решения принимаются правящей элитой не часто и без внешнего давления. И не только из-за отсутствия объективной и достоверной информации и соответствующих рекомендаций, но и из-за совершенно не научных, а порой и просто иррациональных субъективных представлений, интуитивных решений, которые — надо признать — иногда вполне оправдываются позже. Многие современные политики и научные

---

[26] *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. — М. 2016. 1 декабря / http://www.kremlin.ru/

эксперты больше доверяют субъективным ощущениям, принципам веры, интуиции, чем научному знанию и анализу. Как ни странно, но такому подходу дается вполне научное обоснование. Так, известный политолог Ш. Султанов пишет в одной из своих работ: «В этой книге есть глава, посвященная практическим концепциям, технологиям, методам и методикам политического анализа, прогнозирования, планирования… (но!) Речь совсем не о том, чтобы с их помощью попытаться подчинить мистику истории. Нет, это невозможно ни теоретически, ни практически…

Задача заключается в другом. При помощи такого рода методов пассионарий сможет легче и быстрее сформировать свой собственный инструментарий, позволяющий ему наиболее эффективным способом проявить и использовать свой инсайт, свою интуицию…»[27]

По большому счету это означает, что акцент в современном противоборстве между ЛЧЦ делается **на борьбе за понимание**[28] нового содержания политики, экономики и безопасности правящими элитами противостоящих государств, наций и других акторов. То есть средством влияния и давления может стать не силовое информационное давление, а сознательный искусный обмен. Или, как говорил покойный «архитектор перестройки А. Яковлев, «на игре в дефиниции». Причем тот, кто сознательно планирует такую «игру» (как тот же А. Н. Яковлев) очень, хорошо понимает ее значение и старается скрыть от других, прежде всего оппонентов ее, исключительно важную роль в политике, всячески стараясь уйти от содержательного обсуждения. Именно на такой «игре в дефиниции» выиграли в свое время те, кто хотел развалить, и развалили мировую систему социализма, СЭВ, ОВД и, в конечном счете, СССР, а теперь делает это и с Россией. Не случайно то, что, например, в одном из «штабов» перестройки — ИМЭМО РАН СССР, — где директорствовал академик А. Яковлев (очень быстро ставший вторым человеком в КПСС и СССР), такие обсуждения тщательно готовились, проходили часто, но не публично, даже

[27] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 7.

[28] **Понимание** — *зд.* (лат. *Intellectus*) — универсальная операция мышления, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся парадигм (идей, концепций, правил).

секретно. Эта секретность должна была скрыть именно важность значения «дефиниций», которые тем же А. Яковлевым публично осуждались.

Сам политический процесс перестройки и развала ОВД, СЭВ и СССР основывался исключительно на внедрении в массовое сознание правящих элит социалистических стран необходимого «понимания» реалий, которое без сколько-нибудь серьезного научного обоснования и дискуссии объявлялось фактически официальной доктриной во внешней и внутренней политике, основанной на простых, даже примитивных, штампах и идеологемах — «перестройка», «демократизация» и т.п., которые не могли порой внятно объяснить даже сами авторы. Помню, например, как в 1987 году в издательстве ЦК КПСС «Политиздат», где мне приходилось до этого несколько раз печататься, меня попросили … поучаствовать в редактировании и обосновании книги М. Горбачева из набора его выступлений и обрывков цитат. Естественно, что в итоге с трудом что-то было напечатано, но такое, же невнятное, как и мысли самого автора, за которого необходимо было объяснить логику и цель его действий.

В конце XX века в правящие элиты окончательно пришло осознание важности целевого политического влияния именно на элиты, через формирование их «понимания» объективных реалий. Как с точки зрения формирования реального политического курса и стратегии, так и стратегии противодействия, прежде всего, через внешние каналы. Поэтому резко возросло значение факторов внешнего влияния (вектор «Б»–«Д») через средства информации и коммуникации. При этом отношение само «**понимание**», как считается, уже делится сегодня, например, А. Брудным в современной философии на **три** «**поля** понимания», в рамках которых различаются и **три способа** понимания (рис. 8)[29].

Подобный подход на практике открывает широкие политические перспективы для воздействия на правящую элиту и ее лидеров, что проявляется особенно наглядно в герменевтике[30], которая стремительно развивалась в XXI веке. Главным в политике

---

[29] *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. — М.: ИП РАН, 1994. — С. 235.

[30] **Герменевтика** — *зд.* искусство толкования.

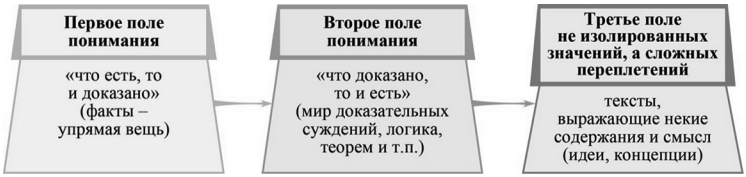

Рис. 8.

стало не **что** происходит в реальности, а **как** это толкуется и интерпретируется правящей элитой и СМИ. Этот подход отчетливо виден в стратегии США и западной ЛЧЦ, точнее — в отношении к ним, — которое иногда получает название «двойных стандартов». Политика «новой публичной дипломатии» является ярким выражением этого подхода, когда не реалии определяют стратегию («что есть, то и доказано»), и часто даже не результат трансформации этих реалий («что доказано, то и есть», как в случае с «пробиркой», послужившей основанием для нападения на Ирак), а «третье поле понимания» — некие идеи, концепции, необходимые для «обоснования» политики[31].

Вот почему получается, что нередко у политических действий и акций западной ЛЧЦ нет не только каких либо объективных предпосылок, но и более менее внятного научного обоснования. Политика «новой публичной дипломатии» поэтому строится не на научном обосновании и даже не на учете объективных реалий, а на неких искусственно придуманных идеях и текстах «третьего поля понимания»[32], за которыми скрываются реальные интересы.

Но и противодействовать такой политике трудно с помощью научных инструментов и обоснования политических и иных реалий, так как изначально заложена **асимметрия в понимании и средствах понимания** между политикой «новой публичной дипломатии» и политикой стратегического сдерживания.

---

[31] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[32] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

Политика «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ	Политика стратегического сдерживания России
Основание, обоснование, аргументация:	**Основание, обоснование, аргументация:**
— абстрактные тексты	— объективные реалии, научный анализ
Средства:	**Средства:**
— сознательная дезинформация, виртуальные модели и стратегии	Реальные инструменты политики: — дипломатические; — экономические; — военные и др.
Цели:	**Цели:**
— смена представлений элиты	— конкретные политические, экономические цели развития и безопасности

Примеров такой политики «новой публичной дипломатии» в последнее десятилетие множество — от переворота на Украине («революции») и уничтоженного «Боинга» до бесконечных обстрелов Донбасса, участия российских спортсменов на Олимпиаде-2016 и пр., пр. Представляется, что в XXI веке правящая элита западной ЛЧЦ окончательно перешла к концепции «третьего поля понимания» и «третьего способа понимания», когда реальность формируется сознательно, целенаправленно и последовательно вслед за созданием идеи «виртуальной реальности», ее «доказания» и признания за фактическую реальность. Так, на Украине изначально была сконструирована концепция «виртуальной реальности», в основе которой лежала идея «российских террористов», вторгнувшихся на территорию «демократической Украины». Эта «виртуальная реальность» стала «доказываться» с использованием многочисленных аргументов — международно-правового, гуманитарного и иного характера. В итоге удалось «доказать», что Крым и Донбасс — захваченные регионы Украины, — существующие в таком качестве де-факто с 2014 года.

При этом основные усилия и ресурсы — политические, медийные, финансовые и иные — были сконцентрированы на том, чтобы «доказать» правящим элитам большинства стран (включая Россию) именно этот тезис «незаконно-террористической» деятельности российской власти, т.е. основные усилия были сконцентрированы не на изменении реалий МО и ВПО, а на продвижении этого представления о России. Это, кстати, объясняет и эффективность минских переговоров.

Таким образом, в современной политике безопасности Запада, называемой «новой публичной дипломатией», мы наблюдаем, как минимум, трижды сознательное субъективное искажение политической реальности: в оценке ресурсов, в оценке системы ценностей и их изложение в политических целях. Причем, как правило, это делается не, только сознательно, но и с полным пониманием необъективности реалий и отказу от научного анализа и обоснования — субъективизм и иррациональность, безусловно, доминируют в таком подходе.

Это, естественно, не может не отразиться на области политической стратегии (область «Д+»), которая является в наибольшей степени подверженной субъективному мнению. Строго говоря, в области политического искусства (и военного искусства) меньше всего рационального, научного и больше всего от иррационального — веры, эмоции, настроений. Это в полной мере относится ко всем стратегиям, не зависимо от национальной или государственной принадлежности. Но разница заключается в том, что в некоторых из них (например, стратегии ИГИЛ или других радикальных и экстремистских акторов) такая иррациональная стратегия объясняется верой, а в некоторых из них, прежде всего, западной ЛЧЦ, — интуицией, созданием искусственного «поля понимания» и средств его реализации. Соответственно, ответная (в данном случае российская) рациональная реакция и стратегия оказывается асимметричной изначально, а в некоторых областях и неэффективной.

В качестве одного из примера можно привести часто повторяющийся прием с заведомо ложной публичной информацией. Ответная, «аргументированная» реакция России оказывается, как правило, неэффективной потому, что «выстрел» уже произошел и доказать то, что не было — невозможно.

Другой пример — формирования ложного образа России, против которого наша стратегия предполагает симметричные

ответные действия — «привлекательный образ России», что, как показывает практика, неэффективно.

Поэтому наша стратегия противоборства оказывается изначально неэффективной. Этим объясняется, в частности, то, что именно область знаний и деятельности является наиболее спорной и в наименьшей степени подвержена объективному анализу. Между тем условия для такого анализа существуют. Они складываются из объективных реалий и предпосылок анализа, прежде всего, в таких областях как национальные ресурсы. Тезис о том, что о вашей политике говорят не ваши намерения, а возможности, — наилучшим способом характеризует эту реальность («intentions» and «capabilities»).

Сказанное означает, что традиционный подход заключается в том, что реальную стратегию того или иного субъекта лучше всего раскрывает анализ:

— **во-первых**, его возможностей (ресурсов, группы факторов «Г»);
— **во-вторых**, анализ реальных политических целей, вытекающих из системы ценностей и интересов того или иного субъекта;
— **в-третьих**, анализ существующих способов и методов использования этих возможностей, которые, так или иначе, известны и формализованы в документах.

Что на практике в XXI веке уже не соответствует действительности: эффективность стратегии объясняется конечным результатом, а не адекватностью мер по его достижению.

В XXI веке произошли решительные изменения во всех этих трех областях, которые еще требуют своего тщательного анализа. Так, например, радикально изменились средства политики. И не только в военной области, но и во всех других областях жизнедеятельности общества, которые превратились уже не просто в силовые, а военные средства.

Изменились и политические цели, причем не менее радикально, чем политические средства, прежде всего, с точки зрения их несоответствия объективным реалиям.

Наконец, также радикально изменились и методы и способы политического и военного искусства. Перечень этих революционных изменений можно было бы продолжить, однако даже приведенных вполне достаточно, чтобы по новому посмотреть на проблему безопасности в XXI веке.

6.2. Возрастающее значение адекватного понимания правящей элитой угроз национальной безопасности

… как показывает опыт… люди, находящиеся у власти, всегда реагируют на конкретную угрозу, а не на отдаленную проблему[33]
С. Переслегин, Е. Переслегина

Чем дальше горизонт будущего…,
тем по факту больше искусства, больше интуиции…
больше непонятной мистики[34]
Ш. Султанов

Понятие «адекватность» в политике не только очень размыто и неопределенно, но и нередко абсолютно противоположно в понимании того или иного представителя правящей элиты[35]. Так, если взять такой аспект политической адекватности, который может показаться наиболее простым, — отношением к войне, — то мы можем, например, обнаружить, что один из самых известных интеллектуалов XXI века английский профессор Ян Моррис доказал, что «мир стал безопаснее благодаря войнам», «последствиями которых стало 90-процентное падение индекса насильственной смерти». С 15–70% 10 000 лет тому назад до менее 1%. Даже 100–200 миллионов погибших в годы мировых войн составили всего 1–2% населения планеты[36].

Иными словами адекватность политической элиты, принимающей решения, в осознании и понимании сути явлений является очень условной, даже относительной. Более того, можно говорить,

---

[33] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 69.

[34] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 5.

[35] **Адекватность** — *зд.* совпадение субъективных качественных характеристик правящей элиты объективным требованиям и реальным условиям существования ЛЧЦ, нации и государств.

[36] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 11.

что даже в рамках одного общества и одной элиты представления об адекватности будут разные. Тем более они будут разные, если речь идет о понимании (т.е. усвоении качественно новых знаний) в разных странах и в разные исторические периоды. Думается, что чем стабильнее общество, экономика и политика, тем адекватнее представления разных слоев правящей элиты и ближе их понимание реалий. Это предохраняет общество от шараханий и крайностей революционных и переходных периодов. Так, при кажущейся противоречивости позиций республиканцев и демократов в США (особенно в период избирательных циклов), как правило, между ними не возникает радикальных, качественных противоречий в восприятиях изменений и последующих переходных периодов могут возникать самые противоположные оценки у различных слоев правящей элиты, часть которых может вполне относиться к неадекватным оценкам. Так, политическая история современной России демонстрирует нам прямо противоположное понимание понятия «безопасность» у различных частей правящей элиты СССР и России в разные периоды времени[37]. Со второй половины 1980-х годов, например, в СССР настойчиво внедрялось понимание «безопасности для всех» как универсального представления, что имело наивный характер и катастрофические последствия для безопасности СССР и России. К сожалению, это представление о безопасности сохранились и позже, в частности, в период президентства Д. Медведева, предложившего концепцию международной и европейской безопасности, на которую даже не последовало сколько-нибудь заметной реакции со стороны западной ЛЧЦ. Другими словами, можно говорить об адекватности (точнее — ее отсутствия) у части горбачевско-медведевской внешнеполитической элиты.

В конечном счете, адекватность правящей элиты это максимально точное субъективное представление ее доминирующей части о международных реалиях, национальных интересах, цен-

[37] *Подберезкин А.И.* Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Эволюция идеологии российской политической элиты / *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал (1990–2011 гг.) / Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

ностях и потребностях, а также — что немаловажно — ресурсах и возможностях. Это представление может быть:

— оценкой современного состояния;
— прогнозом будущего состояния;
— которые, как правило, выражены в неких публичных декларациях и документах.

Если вновь обратиться к нашей логической схеме политического процесса, то адекватность правящей элиты можно условно соотнести с двумя доминирующими современными тенденциями мирового развития — глобализацией (универсализацией) и изоляционизмом. Первая тенденция направлена на максимально быстрое вовлечение в процесс глобализации и соответствия мировым реалиям. Вторая — на максимальный учет национальных интересов, система ценностей и традиций:

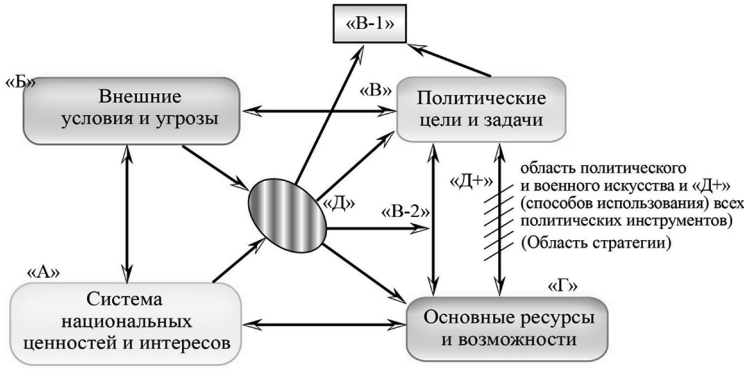

Рис. 9. Процесс формирования адекватных политических целей и средств их достижения

где:

— вектор «Д»–«В» — адекватное (точное) соотношение субъективных политических целей и политических средств с объективными реалиями;
— вектор «Д»–«В-1» — (либерально-глобалистский) — неадекватное субъективное представление, в основе которого лежит переоценка значения влияния глобальных тенденций и мировых реалий на политику и стратегию правящей элиты;

— вектор «Д»–«В-2» — неадекватная оценка значения национальных интересов, ценностей и традиций для политических целей и средств их реализации.

Если эту схему соотнести с потребностями стратегического планирования, будущего для того или иного субъекта, и, соответственно, с адекватностью стратегического прогноза, то она приобретет следующий вид.

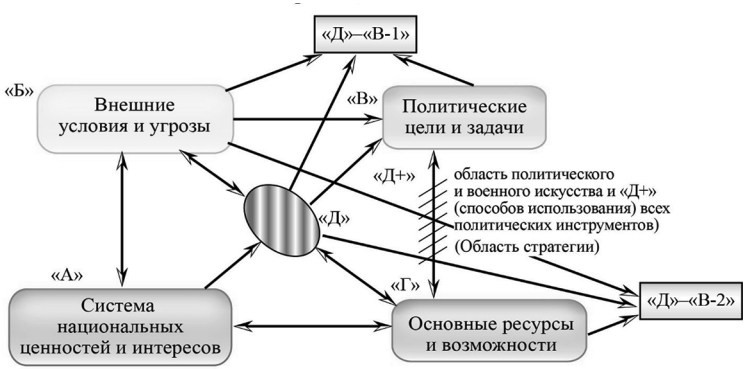

Рис. 10. Адекватность стратегического планирования правящей элиты

Вариант «стратегического планирования» и прогноза «Д»–«В-1» — это сегодняшний вариант неадекватности правящей элиты России, ориентированный на чрезмерный учет реалий глобализации, который за последние 7–10 лет «сполз» к более реалистическому варианту, но отнюдь не превратился в вариант «Д»–«В-2»

Традиционно считается, что выбор наиболее эффективных средств обеспечения национальной безопасности России в XXI веке (т.е., по сути, — главная задача, стоящая перед Стратегией национальной безопасности) зависит от:

— **во-первых**, фактически существующих объективных реалий, сложившейся МО и (может быть, даже важнее — стратегического прогноза этих реалий, т.е. будущего состояния МО);
— **во-вторых**, адекватности такой оценки и прогноза правящей элитой, т.е. степенью точности и профессионализма субъек-

	Actual 2015	Enacted 2016	Planned 2017	2018	2019	2020	2021
No War Costs, Current Dollars							
	$497.3	$521.7	$523.9	$556.7	$564.8	$570.4	$585.2
No War Costs, Constant FY 2017 Dollars							
	$517.9	$534.2	$523.9	$543.3	$538.0	$530.3	$531.0
With War Costs, Current Dollars							
	$560.4	$580.3	$582.7	$615.5*	$623.6*	$629.2*	$644.0*
With War Costs, Constant FY 2017 Dollars							
	$583.6	$594.2	$582.7	$600.7*	$594.0*	$585.0*	$584.4*

*Includes placeholder value of $58.8 billion in war funding.

Рис. 11. Бюджетные полномочия ($ billions)

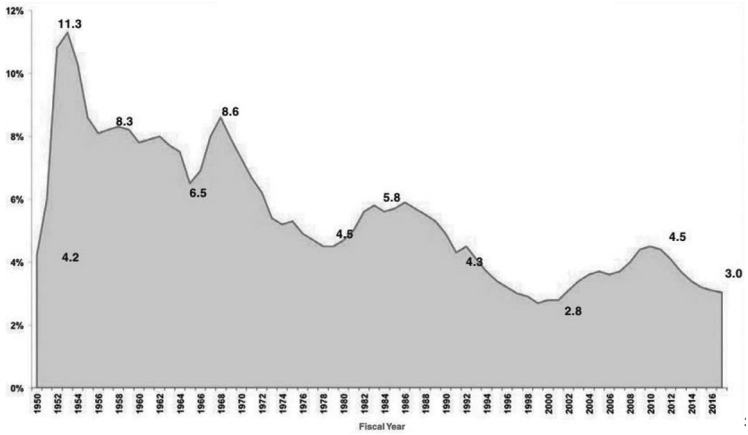

Рис. 12. Доля военных расходов в ВВП США (1950–2016 гг.)

тивных оценок отдельными представителями правящей элиты и экспертного сообщества;

— **в-третьих**, выбора точного набора средств и методов влияния на формирование МО и ВПО со стороны отдельного государства и средств противодействия внешнему влиянию.

Иными словами, традиционно считается, требуется точно и объективно (т.е. прежде всего, научно!) оценить и спрогнозировать развитие будущей международной и военно-политической обстановки, а также попытаться абстрагироваться от анализа только современных угроз, и представить себе полнее будущие проблемы. В этих целях в последнее время сформировались целые отрасли наук и отдельные дисциплины, разработаны многочисленные методы, методика, модели и алгоритмы, прежде всего, в США и других

странах, но также и в России[38]. В качестве примера можно привести среднесрочный прогноз формирования военного бюджета США, предложенного еще в начале 2016 года Б. Обамой (на 2017–2021 гг.), в котором достаточно конкретно расписаны основные статьи полномочий и расходов на эти годы (рис. 11)[39].

Как видно из самого общего взгляда на динамику военных расходов их относительный рост в условиях войны и мирного времени ориентирован на 3% ВВП страны (рис. 12)[40].

6.2.а). Адекватность правящей элиты

Мы все прекрасно знаем, что ситуация единомыслия в стратегическом плане всегда ведет в тупик[41]
И. Попов, М. Хамзатов, военные эксперты

… мы можем дать более краткое определение стратегии «как искусства распределения и применения средств для осуществления целей политики[42]
Л. Гарт, военный теоретик

Состояние и будущее национальной безопасности того или иного субъекта МО (ЛЧЦ, нации, государства или любого актора) во многом определяется степенью адекватности его правящей элиты, прежде всего, ее способностью формулировать точные политические цели и находить наиболее эффективные средства их достижения.

Адекватность или неадекватность правящей элиты связаны не столько с личными профессиональными когнитивными, мораль-

---

38 См., в частности, работы: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с., а также многие другие.

39 Defense Budget at a Glance / Air Force Magazine. 2016. May. — P. 12–13.

40 Там же.

41 *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

42 *Гарт Л.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 1999 / http://militera.lib.ru/science/liddel_hart1/index.html

ными или душевными качествами (которые, конечно же, имеют определенное значение), сколько со способностью максимально точно формулировать политические цели, основываясь на вполне объективных интересах и ценностях, и учитывая другие факторы, а также талантом (искусством) определять время, способы и средства для их достижения. Если первый набор качество целиком относится к политике, — как науке и искусству, то второй — к искусству политической и военной стратегии.

Если обратиться к известной модели политического процесса, уже не раз использованной выше, то сказанное означает, что правящая элита должна, прежде всего, обладать способностью системно и одновременно уметь решать следующие задачи:

— максимально точно и **адекватно** осознавать национальные, глобальные, социальные, групповые и т.д. интересы и ценности;
— **адекватно** оценивать влияние этих интересов на внешний мир и внешнего мира;
— **точно формулировать** политические цели;
— **оценивать** ресурсы и возможности;
— **формулировать задачу** стратегии: выбирать средства и способы для достижения этих целей.

Рассмотрим весь комплекс этих задач подробнее применительно к логике политического процесса, используемой в известной модели. Из нее, в частности, видно, что группа факторов «Д» (правящая элита) находится в самом центре политического процесса влияния одновременно на все его основные группы:

1. Прежде всего правящая элита влияет в наибольшей степени на формирование политических целей и задач, от которых в решающей степени з ависит состояние и будущее безопасности того или иного субъекта МО. Так, если цели будут излишне амбициозными, неадекватными, не соответствовать политическим реалиям, интересам и возможностям, то в лучшем случае они останутся декларативными, нереализованными, а в худшем — нанести ущерб престижу и авторитету субъекта МО.

И, наоборот, если цели будут недостаточно амбициозными, т.е. не отражать реальных потребностей МО и субъекта, то, как правило, такая правящая элита быстро теряет свое доверие и популярность, за тем неизбежно следует и потеря ею власти, т.е. она перестает быть «правящей».

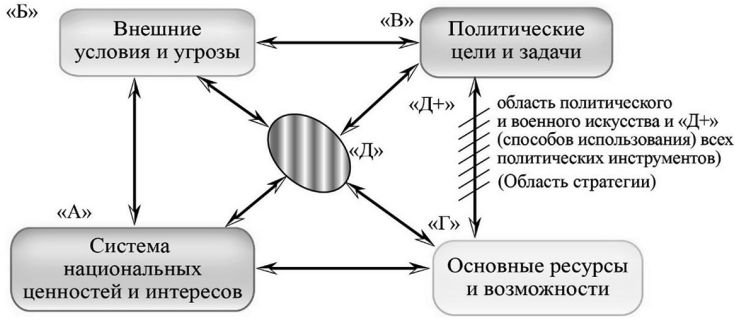

Рис. 13. Логическая модель, лежащая в основе понимания адекватности правящей элиты

И первое, и второе состояние неадекватности опасно для правящей элиты, которая перестает быть в итоге таковой в результате проигранных сражений, либо внутренних переворотов.

В целях иллюстрации этого подхода на конкретном примере можно обратиться к «пониманию» правящей советско-российской элитой основных особенностей развития СССР–России в 1990–2016 годы, которое делится на несколько этапов:

1 этап: 1985–1987 гг.;
2 этап: 1987–1991 гг.;
3 этап: 1991–1995 гг.;
4 этап: 1995–2000 гг.;
5 этап: 2000–2004 гг.;
6 этап: 2004–2008 гг.;
7 этап: 2008–2012 гг.;
8 этап: 2012 — н/в.

Так, в частности, на этапе 1985–1987 годов правящая элита СССР:

— попыталась переоценить значение национальных интересов и ценностей, отказавшись от части коммунистических представлений (роли партии, отдельных лидеров, ошибок в истории и т.д.), «исправив» и «модернизировав» социализм (вектор «Д»–«А»);
— правящая элита СССР также попыталась (и смогла) переоценить влияние внешних факторов и угроз, отказавшись от ряда прежних «конфронтационных» представлений в пользу «нового мышления». Однако, исправив неадекватность в отношении прежних оценок, правящая элита переоценила готовность других стран и акторов к сотрудничеству, т.е. одна адекватность была сменена на другую (вектор «Д»–«Б»);
— правящая элита не смогла скорректировать не вполне адекватные политические цели («построения коммунизма») на более

реалистические, предложив, по сути, некие абстракции в виде «перестройки», «демократизации» и т.п. (вектор «Д»–«В»);

— наконец, правящая элита не смогла предложить эффективной стратегии достижения этих целей, прежде всего в силу их размытости и неопределенности, а также средств их достижения — «демократизации», «рыночных реформ» и пр.[43]

Таким образом, отношение советской элиты к пониманию политической ситуации в мире и в стране, и, соответственно, к стратегии национальной безопасности, трудно назвать адекватным и эффективным. С одной стороны, правящая элита понимала необходимость модернизации, а с другой не имела точных (адекватных) представлений ни о целях, ни о средствах национальной стратегии.

6.2.б). Субъективизм правящей элиты

… несмотря на все различия (между демократиями и диктатурами. — *А. П.*), определения и исключения, на протяжении 10 000 лет правительства возникали в результате войн, и именно они стремились поддерживать мир[44]

Ян Моррис,
британский политолог

«Цена ошибки» от неверно определенных приоритетов и форм реагирования может оказаться весьма высокой. Задача долгосрочного военно-технического прогнозирования становится еще более актуальной, если принять во внимания, что Совет Безопасности России … анализирует угрозы с горизонтом не более 12 лет[45]

А. Фролов,
главный редактор журнала «Экспорт вооружений»

Субъективизм в политике и стратегии неизбежен, но он может быть отчасти компенсирован рядом действий, которые, безусловно, отразятся на повышении эффективности принимаемых решений,

[43] См. подробнее *Подберезкин А. И.* (отв. ред.) Современная политическая история России (1985–2000 гг.). — М.: РАУ-корпорация. В 2-х томах.

[44] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 11.

[45] *Фролов А.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — С. 45.

если речь идет о национальной безопасности. Прежде всего, следует обратить внимание на следующие области:

Во-первых, качество правящей элиты, которое должно соответствовать целому ряду критериев, среди которых есть, как минимум, пять обязательных:

— образование;
— профессионализм, опыт;
— нравственность;
— способность к стратегическому прогнозу;
— креативность, творческие возможности[46].

Примечательны в этой связи размышлении военных экспертов И. Попова и М. Хамзатова относительно качества военной элиты, к которой в XXI веке предъявляются новые требования[47].

В отличие от этих экспертов я предлагаю все-таки делить необходимые качества представителей элиты на «обязательные» и «желательные». Так, если «обязательные» качества перечислены выше, то «желательными», на мой взгляд, могут быть как те, которые перечислены И. Поповым и М. Хамзатовым, так и такие, например, как:

— способность к системному анализу;
— знание конкретных реалий в своей области (не тать с профессионализмом, как обязательным требованием);

и т.д.

---

[46] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I — 2011; Т. II — 2012; Т. III — 2013;. — М.: МГИМО–Университет, 2011,

[47] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

Во-вторых, в научном и информационном обеспечении, включающем и глубинную аналитическую проработку отдельных проблем. Научная экспертиза и информационное обеспечение подготовки принятия решений — отдельная тема, требующая особого внимания, которой, в частности, посвящено немало специальных работ, в том числе и Центра военно-политических исследований МГИМО–Университета — ВКО «Алмаз-Антей»[48]. Причем здесь требуется не только развитие профильной науки соответствующих министерств и ведомств (МО, МЧС, МВД, ФСБ, ГРУ и т.д.), но и фундаментальной, и гражданской науки, а также привлечение широкого круга независимых экспертов, способных генерировать новые и критиковать готовящиеся решения.

Это означает, прежде всего, серьезную реорганизацию всего экспертно-информационного обеспечения военной организации страны, которая пока что ориентируется фактически на специальные институты и центры. Так, при разработке и корректировке Стратегии национальной безопасности России (Ст. 112) основной упор делается на «информационных ресурсах государственной власти и органов местного самоуправления, системы распределенных ситуационных центров и государственных научных организаций»[49]. Этого совершенно недостаточно потому, что государственные центры инерционны, бюрократичны и консервативны, а, главное, в настоящее время уже не соответствуют новым качественным требованиям.

Необходимо создать систему привлечения «околого государственных», «независимых» институтов и центров, а также широкий спектр независимых экспертов, не связанных дисциплиной и обязательствами перед государством. В Настоящее время ситуацию с использованием научно-информационного обеспечения в области безопасности России можно проиллюстрировать следующим образом (рис. 14).

---

[48] См., например: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[49] *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

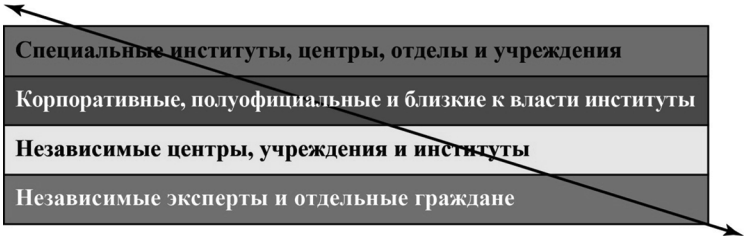

Рис. 14. Область использования отдельных институтов в интересах безопасности России

Как видно из рисунка, основная часть «поставщиков» информации и аналитики принадлежит государственным (как правило, ведомственным) институтам и центрам, которые за последние годы:

— в значительной степени деградированы, ослаблены или вообще практически уничтожены, а сохранившаяся часть — крайне консервативна;
— вынуждены ориентироваться на потребности своего министерства, ведомства или «хозяина»;
— не выходят за рамки узкой компетенции.

В определенной степени ситуацию компенсируют другие организации и институты, ориентированные и финансируемые государством, однако их слабость, недофинансированность и ангажированность (например, РАН) не делают их эффективным инструментом.

В наибольшей степени могут быть полезны независимые центры и отдельные эксперты, которые могут генерировать идеи, но страдают следующими недостатками:

— не всегда достаточным профессионализмом;
— плохим финансированием;
— отсутствием доступа к власти и ее «социального заказа».

В-третьих, широком культурно-историческом и духовно-нравственном подходе к научному анализу, обеспечивающему интуитивные решения и использование знаний и компетенций, всего общества (социума) с помощью самых разных подходов — от веры до коллективного знания и отношения, сформулированного культурой и историей.

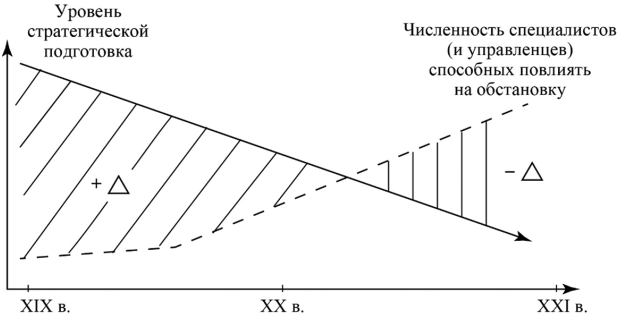

Рис. 15. «Ножницы военной элиты» в XXI веке

Можно также отнести эту третью группу условий не только к набору интуитивных методов, но и творческому подходу, искусству. Действительно, политика вообще и военная политика, в частности, это не только наука, но и искусство учитывать тысячи факторов, случайностей и переменных величин, которые не может учитывать, ни одна программа и, ни один алгоритм. Так, например, только с помощью новых механизмов экспертизы можно преодолеть катастрофически растущее отсутствие опыта и недостаток профессионализма у представителей большинства правящей элиты. Если говорить о ее военной части, то И. Попов и М. Хамзатов используют для иллюстрации этой идеи «ножниц военной элиты» следующий рисунок, вполне применимый также ко всей правящей элите России (рис. 15)[50].

Опыт политической истории СССР и России показывает, что отсутствие подобных условий для принятия политических и иных решений крайне негативно сказывается на качестве лидеров и принимаемых или решений. Так, М. Горбачев, если рассмотреть его политику с этой точки зрения:

Во-первых, не соответствовал качеству лидера потому, что:

— обладал низким уровнем образования и интеллекта;
— имел ограниченный уровень профессионализма и опыта руководства только партийной организацией аграрного Ставропольского края;

---

[50] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

— очевидные недостатки с точки зрения нравственности, приоритетов национальных интересов и лично-групповых интересов;
— не обладал способностью к стратегическому прогнозу;
— характеризуется как личность, у которой отсутствует творческий подход.

Во-вторых, при принятии решений М. С. Горбачев игнорировал научные подходы, «выбирая» из науки то, что нужно для «прагматической» политики.

В-третьих, декларируя готовность к диалогу и учету мнения общества, полностью игнорировали учет этих требований, что явно отразилось на социально-экономических условиях жизни населения.

Как правило, правящей элите не удается стратегический прогноз потому, что для нее безусловную ценность имеют только современные угрозы, вызовы и проблемы, а не будущие. В качестве примера можно привести явную недооценку, советским руководством в 80-е годы, роли высокоточного оружия, которая привела к тому, что СССР и Россия существенно отстали от возможностей США в 90-е годы. Как видно из презентации А. Созинова, США более чем в четыре раза новыми эффективность своих ВВС.

Соответственно и выбор наиболее эффективных средств для противодействия этим угрозам и решению будущих проблем определяется субъективностью и качеством правящей элиты. Так, во второй половине 1980-х годов субъективное восприятие проблем М. Горбачевым и его окружением привело к совершенно неадекватной оценке МО и ВПО, уничтожению СЭВ и Варшавского Договора, а затем и СССР. Они не увидели главного, а именно перехода политико-идеологического противоборства двух систем в будущее состояние доминирования западной ЛЧЦ. Со всеми вытекающими из этого последствиями в военной организации страны, развития коалиции, общества, экономики и средств противоборства. В том числе в области официальной и публичной дипломатии, где СССР к началу 1990-х годов фактически разоружился в одностороннем порядке.

Поэтому, для того, чтобы точнее определить наиболее эффективные средства и способы противодействия политике «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ необходимо системные и комплексно относиться к подготовке и принятию решений в области стратегии национальной безопасности, максимально

обеспечив адекватность принимаемых субъективных решений их алгоритмом. В этом обязательном алгоритме должны присутствовать такие обязательные условия, как:

— стратегический прогноз развития МО–ВПО;
— стратегический прогноз развития российской ЛЧЦ и союзников;
— долгосрочное стратегическое планированное, вытекающее из долгосрочных целей, задач и возможностей (и ресурсов).

В настоящее время, однако, доминирует традиционный подход, который характеризуется:

— во-первых, преимущественным вниманием к собственно военным угрозам;
— во-вторых, выделением, из этих угроз, прежде всего, тех военно-технических угроз, которые демонстрируют рост военного потенциала;
— вычленением в качестве наиболее приоритетных угроз тех угроз развития военного потенциала, которые относятся к качественному и количественному росту ВиВСТ. Последнее обстоятельство хорошо иллюстрирует, например, рисунок генерального

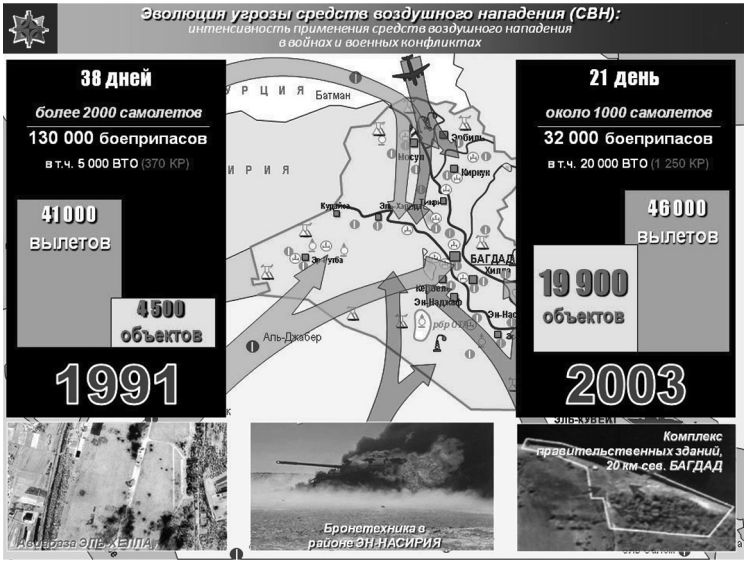

Рис. 16.

конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П. Созинова, демонстрирующий (очень точно, кстати) рост эффективности ВТО в последние десятилетия (рис. 16)[51]. Это — классический (и, главное, правильный) пример растущей военной угрозы, который достаточно понятен уже правящей элите страны, хотя для этого и потребовалось 20–25 лет.

Вместе с тем только этот «военно-технический», подход уже не может являться достаточным хотя бы потому, что он не учитывает многие новые обстоятельства, например, резкое усиление силовой политики, не связанное непосредственно с вооруженным насилием. Именно эта реальность в политике национальной безопасности «выпала» из внимания руководства страны (хотя попытки привлечь к ней внимание НГШ В. Герасимовым и Оперативным управлением ГШ предпринимались), что показало развитие ситуации в 2014–2016 годы на Украине и в Сирии.

Можно задним числом коротко перечислить такие ошибки политической элиты России, вызванные не вполне адекватным пониманием реалий формирования МО и ВПО в XXI веке:

— запоздалым и так и не до конца осознанным признанием того, что против России действует западная ЛЧЦ в виде широкой коалиции (более 60 стран), а не только НАТО и ЕС с самыми решительными целями;
— не до конца осознанным фактом изменения характера современной войны и средств ее ведения;
— не осознанной необходимостью изменения структуры военной организации нации и включения в нее общественных, коммерческих и негосударственных структур;
— недооценкой роли НЧК и его институтов и т.д.

Эти ошибки очень напоминают ошибки кануна 1941 года, когда бывший начальник Генштаба К. Мерецков предупреждал о том, что необходимо готовиться к обороне, которая «… должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной…»[52], но предупрежденным которого пренебрегли.

---

[51] *Созинов П. А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. — М.: МГИМО–Университет, Концерн ВКО «Алмаз-Антей», 2014.

[52] *Елисеев А. В.* Сталин против «Оранжевой чумы». Глобальный заговор 1937. — М.: Яуза-пресс, 2012. — С. 231.

6.2.в). Противоборство и управление: две стратегии национальной безопасности

В политическом и военном руководстве США сформировалось стратегия войны нового типа, нацеленная не на разгром противника, а на его «удушение»[53]
А. Гилёв,
военный эксперт

Стремительно меняющаяся международная обстановка во втором десятилетии XXI века ставит совершенно по-новому важнейшие вопросы, связанные с формированием стратегии национальной безопасности. К числу таких наиболее принципиальных вопросов следует отнести следующие:

— формирование стратегии национальной безопасности базируется на оценке угроз и внешних опасностей или национальных интересов?
— защита от угроз (или отстаивание интересов) происходит исключительно ответными средствами противоборства или выбором стратегии поведения, при которой такие опасности и угрозы могут даже игнорироваться?
— каким образом защититься от угроз (или отстоять интересы), обладая заведомо более слабыми возможностями?
— наконец, что будет означать в будущем успешная (эффективная) стратегия национальной безопасности?

Ситуация меняется качественно, что хорошо видно на примере такого феномена как террористическая борьба (рис. 17)[54].

Совершенно справедливое замечание А. Гилёва, как и другие предупреждения, относительно современной стратегии «удушения» России, к сожалению, не стало поводом для серьезной публичной дискуссии о стратегии развития и национальной безопасности России в XXI веке в условиях, которые ограничились спорами о социально-экономической политике России и бюджете страны.

---

[53] *Гилёв А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. — Т. 12. — №5.

[54] https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?start_yearnoly=1970&end_yearnoly =2015&end…

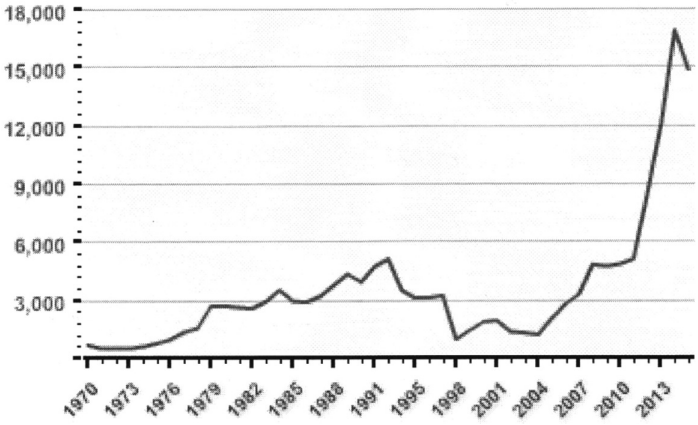

Рис. 17. Количество террористических атак за 1970–2015 годы

Между тем остались в стороне вопросы, от которых зависит будущее существование государства, когда:

— сложилось абсолютное экономическое и технологическое превосходство западной ЛЧЦ, которое не только превышает возможности России в десятки раз, но и;
— прогнозируемо сохранится на будущее;
— будет увеличиваться еще больше при сокращении военных издержек западной ЛЧЦ относительно своего ВВП;
— будет сопровождаться продолжающимся увеличением научно-технологического отставания России.

Важно принципиально понимать, что распределение стран и коалиций по их экономическим потенциалам в мире в будущем будет определяться, прежде всего, по двум группам факторов, которые будут определяться по двум основным критериям:

■ **качеству национального человеческого капитала**, который, в свою очередь, будет преимущественно определяться:
  — уровнем образования;
  — творческих возможностей (креативности);
  — уровнем науки, технологии;
  — уровень душевого ВВП;
  — продолжительности жизни.

- **качеством институтов развития человеческого капитала** во всех секторах деятельности и управления, а именно:
  - в государственном управлении;
  - бизнес-управлении;
  - управлении и степени развития общественных институтов;
  - развитом самоуправлении личности.

Рис. 18.[55]

Покупая, например, иностранную компьютерную программу или технологическое оборудование вы покупаете не технологию, а **зависимость от иностранного производителя**. Настоящие технологии создаются в стране или передаются от человека к человеку. Так было, например, в 30-е годы прошлого века, когда западные специалисты приезжали в Советскую Россию и передавали свой опыт советским инженерам и рабочим.

---

[55] *Чернавский Д. С., Щербаков А. В.* Социальный и экономический кризис в России. Промежуточные итоги». 10.07.2016 / http://spkurdyumov.ru/economy/socialnyj-i-ekonomicheskij-krizis-v-rossii-promezhutochnye-itogi/

Традиционные показатели и критерии влияния субъектов МО (ВВП, численность населения, Вооруженные силы и ВВСТ, и т.д.) будут занимать постепенно все менее важное значение.

Прогнозируя сегодня, будущее соотношение сил в мире, требуется учитывать стремительно усиливающееся влияние именно этих факторов, которое к 2030 году разделит всех субъектов и акторов МО в мире на три неравные группы:

Группа субъектов и акторов МО №1: группа стран, обладающих развитой национальной научно-инновационной системой, способной самостоятельно **развивать основные направления** науки, техники и технологий, в которую смогут войти несколько стран-лидеров.

Группа субъектов и акторов МО №2: группа стран, способных использовать достижения научно-технического прогресса (приобретая, покупая, воруя и пр.).

Группа субъектов и акторов МО №3: группа стран, не использующая, либо слабо использующая достижения техники и технологии субъектов из группы № 2.

Соответственно основное внимание в социально-экономическом развитии и стратегии национальной безопасности требуется сделать именно двум группам факторам. Именно в этих направлениях должны быть сконцентрированы все основные финансовые, материальные, информационные и административно-организационные ресурсы. Впервые категорично об этом президент России заявил 1 декабря 2016 года в послании Федеральному Собранию.

Примечательно, что именно такую стратегию избрали Соединенные Штаты в период второго срока управления Б. Обамы.

Так, если рассмотреть все расходы федерального бюджета США, то собственно на безопасность планируется потратить 25% из 3 трлн. долл., а подавляющая часть, так или иначе, направляется на развитие НЧК США — прямо (образование, здравоохранение и т.п.), либо косвенно (пенсии и т.п.)[56]. При этом собственно доля этих расходов относительно ВВП постоянно снижается.

---

[56] Where Your Income Tax Money Really Goes FY2017 / Lafayette Street. NY, NY 10012. 212–228–0450 / https://www.warresisters.org/store/where-your-income-tax-money-really-goes-fy2017

WHERE YOUR INCOME TAX MONEY REALLY GOES
U.S. FEDERAL BUDGET 2017 FISCAL YEAR
TOTAL OUTLAYS
(FY 2017 FEDERAL FUNDS)
$3,042 BILLION
NON-MILITARY: 56% AND $1,687 BILLION
$1,346 BILLION
• Health/Human Services
• Soc. Sec. Administration
• Education Dept.
• Food/Nutrition programs
• Housing & Urban Dev.
• Labor Dept.
• Earned Inc./Child Credits
• Health Insurance Credits
• other human resources
44% HUMAN RESOURCES
$197 BILLION
• Treasury incl. 20% interest on debt ($102.8)
• Government personnel
• Justice Dept.
• State Dept. (partial)
• Homeland Sec. (partial)
• Int. Soc. Assist. (partial)
• Judicial
• Legislative
• Allowances (proposals)
• other general govt.
7% GENERAL GOVERNMENT
$142 BILLION
• Agriculture
• Interior
• Transportation
• Homeland Sec. (partial)
• HUD
• Commerce
• Energy (non-military)
• NASA (50%)
• Environmental Protection
• Nat. Science Fdn.
• Army Corps Engineers
• Fed. Comm. Commission
• other physical resources
5% PHYSICAL RESOURCES
$589 BILLION
• Veterans' Benefits $179 billion
• Interest on national debt $409 billion (80% est. to be created by military spending)
19% PAST MILITARY
25% CURRENT MILITARY
$768 BILLION
Total Outlays DoD $586 billion
• Military Personnel $146 billion
• Operation & Maint. $255 billion
• Procurement $103 billion
• Research & Dev. $71 billion
• Construction $8 billion
• Family Housing $1 billion
• Revolving Management $3 billion
$41 billion for Overseas Contingency Operations ("war on terror") included in $586 DoD budget
Non-DoD Military Spending*
• Retiree Pay/Healthcare $82 billion
• DoE make weapons/clean-up $21 billion
• NASA (50%) $10 billion
• Internl. Security Assc. $13 billion
• Homeland Secur. (military) $34 billion
• State Dept. (partial) $10 billion
• FBI military $9 billion
• other $3 billion
MILITARY: 44% AND $1,357 BILLION

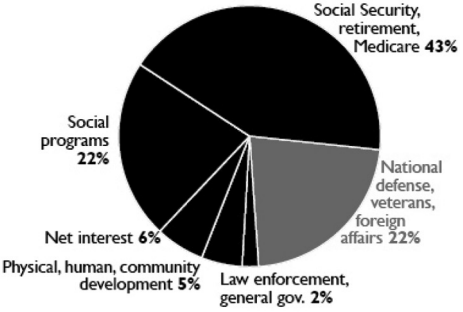

Social Security, retirement, Medicare 43%
Social programs 22%
National defense, veterans, foreign affairs 22%
Net interest 6%
Physical, human, community development 5%
Law enforcement, general gov. 2%

Рис. 19.

Традиционная стратегия отношений между государствами в МО и ВПО на протяжении тысячелетий исходила из базовых положений силового, прежде всего военного противоборства, которые предполагали, что политические цели достигаются в результате использования различного вида противоборства между субъектами международных отношений. На первое место, как правило, выносилось соотношение сил (военных, финансовых, экономических), которое и предопределяло исход противоборства. В соотношение сил вносило поправку умение политиков и военное искусство военачальников, которые могли повлиять на результат противоборства.

В XX веке Россия перенесла несколько этапов в развитии стратегии противоборства, которые отличались друг от друга, прежде всего инициативой и выбором места, средств и способов противоборства. Тогда, когда это происходило, Россия, как правило, достигала серьезных политических результатов. В противном случае (когда она только реагировала) результаты были существенно хуже, либо вообще отрицательные. Так, русско-японская и Первая мировая война явились для России по своей сути вынужденными, она была спровоцирована и втянута в эти войны, получив отрицательный результат.

Наоборот, активная политика СССР в 1930-е и 1940-е годы в мире, которая определялась собственной, а не навязанной, стратегией, дала фантастические результаты — формирование просоветской политико-экономической системы в мире. Со второй половины 1970-х годов СССР и его союзники вновь вступили в фазу «пассивного противоборства» — борьбы за права человека и т.п., — которая в итоге привела к окончательному подчинению воле противника при М. Горбачеве — Б. Ельцине.

К сожалению, и сегодня мы медленно отходим от этого алгоритма поведения, выстраивая **свою стратегию из оценок** внешних опасностей и **угроз, а не национальных интересов**.

В XXI веке для России наступило время, когда необходимо перейти от стратегии противоборства к стратегии управления, от состояния постоянной борьбы и противостояния с вызовами и угрозами противника, к стратегии **улучшения условий для выживания и развития**. Разница между двумя стратегиями — принципиальная.

Противоборство как традиционная стратегия:

— жесткое;
— мягкое;
— хитрое;
— прямолинейное;
— сетевое, системное;
— сетецентрическое и пр., пр.

→ В результате идет борьба за то, кто окажется сильнейшим (в силах, средствах, искусстве)

Суть: силе, средствам и способам противника противопоставляются **свои**

«Победа» в результате противоборства всегда связана с огромными жертвами и потерями. Колоссальные победы СССР в XX веке — включали его огромные демографические и материальные потери, которые рассматривались в качестве неизбежной платы.

Управление — как стратегия

Предполагает отрицание абсолютного значения преимуществ в силах, средствах и способах применения военной силы. Управление, как принцип стратегии, исходит из отрицания абсолютизации не только военного, но и силового превосходства.

→ Использование искусства «парадокса», т.е. создание своей системы национальной безопасности и соответствующей стратегии, которая не основывается на необходимости поддержания равновесия или даже асимметричности в ВВСТ и ВС или других областях использования силы государством.

Стратегия «управления» основана на четком представлении о национальных приоритетах и соответствующих целях, а не на внешних вызовах и угрозах, которые нередко не имеют прямого отношения к национальным интересам, либо могут иметь отсроченный характер.

Одно из важных условий стратегии управления заключается в том, чтобы рассматривать потенциальную внешнюю опасность или угрозу как благоприятную предпосылку или даже возможность для повышения эффективности собственной стратегии. Речь идет

не просто об асимметричности ответных действий, а о возможностях использования гораздо более широкого диапазона средств и действий:

— ответных действий;
— нейтрального отношения;
— «включения» в процесс.

При выборе любого вида действий, однако, необходимо обязательно исходить не из необходимости автоматического ответа, а из собственных интересов и собственной стратегии. Так, например, с этой точки зрения далеко не все переговоры по ограничению и сокращению вооружений являются благом для России. Если исходить и, того, что затраты на СНВ и ВКО составляют не более 20% военного бюджета, а гарантируют сохранение суверенитета и контроля, то необходимы ли нам вообще эти переговоры?

Можно допустить, что переговоры могут быть полезны в области ограничения ВВСТ на море, но именно там наши потенциальные противники их никогда и не будут вести потому, что их превосходство, как минимум, в несколько десятков раз больше.

Если исходить из интересов стратегии «управления», то для России высшим приоритетом является развитие национального человеческого капитала[57], о чем впервые со всей определенностью заговорил В. Путин только в послании ФС в декабре 2016 года[58], то следует в обязательном порядке и стратегию национальной безопасности России формировать исходя не из опасностей и угроз (как это сделано в существующей Стратегии)[59], а из интересов развития НЧК России. В этом случае совершено по иному будут выглядеть и другие базовые документы, на которых основаны внешняя и военная политика государства — Концепция внешней политики и Военная доктрина России[60]. В частности, в Концепции внешней

---

[57] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. — Т. 1–3.

[58] *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. — М. 2016. 1 декабря / http://www.kremlin.ru/

[59] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://www.kremlin.ru/

[60] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

политики России («представляющей собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации»[61] говорится о том, что «обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов» … «направлена на выполнение следующих основных задач»:

а) обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности…;
б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения «конкурентоспособности экономики России…»;
в) упрочнения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира;
г) укрепление позиций России в системе мирохозяйственных связей … и т.д.[62], но нигде (за исключением подпункта 4), где говорится о «популяризации достижений национальной культуры» и наследия, не говорится о высшем приоритете стратегии — развитии НЧК.

---

61 *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.

62 Там же.

6.3. Исследование системных факторов безопасности[63]

Стратегическими целями государственной
и общественной безопасности является защита
конституционного строя, суверенитета, государственной
и территориально целостности…, основных прав
и свобод человека и гражданина, сохранение
гражданского мира, политической и социальной
стабильности в обществе, защита населения
и территории от чрезвычайных ситуаций природного
и техногенного характера[64]
Стратегия национальной безопасности
Российской Федерации

Не следует вступать в беседу с помыслами или греховным
образом, который представляет наше воображение[65]
Маркелл,
монах

Традиционный подход, существующий до настоящего времени, предполагает, что в целях повышения эффективности стратегии противоборства, требуется, прежде всего, точнее определить характер и особенности внешних опасностей и угроз. Исследование системных факторов безопасности[66] в условиях новых рисков и уязвимостей российской нации, государства и общества предполагает, как минимум, вычленение достаточно специфических проблем,

---

[63] **Безопасность** — *зд.* понимается в качестве состояния защищенности от внутренних и внешних угроз того или иного субъекта. Наиболее часто используется понятие «национальная безопасность Российской Федерации» как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз … (Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г.).

[64] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://base.consultant.ru

[65] Духовный опыт старца Иосифа Исихаста / Пер. с греч. А. Крюкова. — СТСА, 2010. — С. 100.

[66] **Фактор безопасности** — *зд.* принимается мера приближения контролируемой величины к ее предельно-допустимому значению, установленного в качестве норматива или субъективного восприятия.

которые формируют основной спектр опасностей и угроз[67] относительно конкретных субъектов международной обстановки[68]:

— нации;
— государств;
— обществ (и их отдельных социальных групп);
— личности[69];
— локальных человеческих цивилизаций[70].

Конкретной задачей изначально является определение критериев безопасности («факторов безопасности») для каждого из этих субъектов МО, т.е. тех предельно-допустимых значений, при которых обычные внешние условия переходят в категорию «опасностей», а «опасности» — в «угрозы»[71]. Другими словами, с точки зрения внешних условий на субъекты МО предлагается выделить три принципиально отличных уровня:

— уровень внешнего влияния (нейтрального, позитивного, негативного), который может быть также слабым, сильным, очень сильным и т.д.;
— уровень опасности, когда внешнее влияние достигает какого-то предела (по аналогии с пяью уровнями природной или террористической опасности), но пока еще не перешло на уровень угрозы;
— уровень угрозы, когда потенциальная опасность сопровождается соответствующими намерениями и даже действиями. В отличие от опасности угроза представляет собой сочетание возможностей и намерений.

---

67 **Опасности и угрозы** — *зд.* используется определение **опасности** как объективно существующей возможности негативного воздействия, а **угроза** — степень готовности к нанесению ущерба интересам того или иного субъекта (т.е. сочетание возможностей и намерений у какого-то субъекта) имеющая конкретный характер.

68 В основополагающих документах большинства стран в качестве единственных субъектов безопасности рассматриваются нации — государства. См. например: The National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

69 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 13–44.

70 См.: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 19–40.

71 *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 17–28.

Таким образом, факторы безопасности (которые являются нормативными или субъективными критериями) отражают представление о состоянии защищенности **интересов** от:

— внешнего негативного влияния;
— опасностей;
— угроз.

В самом общем виде эти представления можно формализовать в некой матрице, в которой показана логика их развитии, но которая требует Подробной конкретизации.

Таблица 1. Матрица состояния отношений между ЛЧЦ и другими субъектами в политической области

Внешнее воздействие	Потенциал и намерения		Нации	Государства	Общества	Личность	ЛЧЦ
Внешние условия	благоприятные	сильные					
		слабые					
	нейтральные	сильные					
		слабые					
	негативные	сильные					
		слабые					
Опасности (потенциал)	слабые						
	существенные						
	сильные						
	критические						
Угрозы (намерения + потенциал)	скрытые						
	открытые						
	публичные						

В этих целях необходимо сделать несколько таких матриц, отражающих состояние отношений различных субъектов МО в различных областях. Например, состояние отношений между ЛЧЦ и другими субъектами с политической области (табл. 1).

В частности, если говорить, например, о политических отношениях западной ЛЧЦ к России (как нации, государству, обществу и ЛЧЦ), то можно и нужно выделить отдельные составляющие, характеризующие эти отношения, в такой области как создание и использование стратегического наступательного и оборонительного потенциалов (СЯС и ПРО).

Для целее практической политики это необходимо, чтобы определить конкретные действия того или иного субъекта, противодействующего опасностям и угрозам, организации такого противодействия этим опасностям и угрозам потому, что в реальной политике возникновение неких внешних негативных условий и их превращение в опасности и угрозы, как правило, с самого начала уже сопровождается неким противодействием. Это противодействие может быть организовано со стороны:

— нации;
— государства;
— общества (и его отдельной социальной группы);
— личности;
— локальной человеческой цивилизации приблизительно по следующему алгоритму (рис. 20), который в принципе известен, в т.ч. и заложен в ФЗ Российской Федерации «О безопасности»[72] .

Таким образом, изначально важно выделить всего пять объектов для анализа состояния их безопасности, которые по целому ряду признаков существенно отличаются друг от друга, но, главное, чья безопасность отнюдь не тождественна. Это — ЛЧЦ, нация, государство, общество и личность, хотя в традиционном подходе (например, в Стратегии национальной безопасности России в редакции 31 декабря 2015 года)[73] национальная безопасность включает в себя безопасность государства, и безопасность обществ,

---

[72] Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г.

[73] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

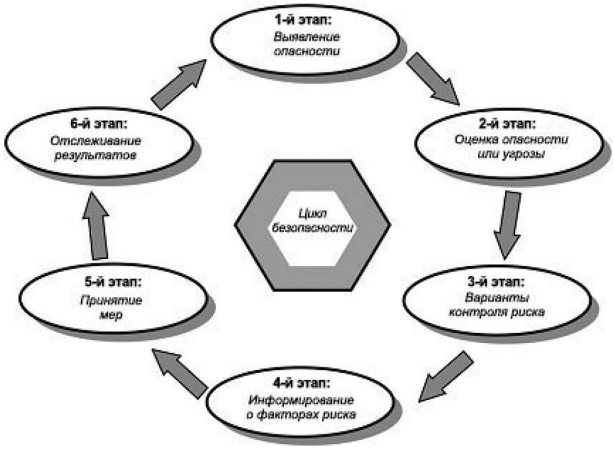

Рис. 20.

и личности, что не вполне справедливо потому, что существуют специфические различия как в угрозах этим объектам, так и способах нейтрализации опасностей и угроз.

Соответственно, в нашем подходе выделяются отдельно безопасность национальная (которую мы не отождествляем с государственной), безопасность государственная (т.е. институтов государства и всего государства), безопасность общества и личности, а также ЛЧЦ, которые в порядке приоритетов в XXI веке выглядят следующим образом:

— безопасность ЛЧЦ;
— безопасность нации;
— безопасность государства;
— безопасность общества;
— безопасность личности.

Представляется, что выделение приоритетности среди объектов обеспечения безопасности в XXI веке имеет существенное значение, как и само по себе разделение безопасности этих объектов. Наивысшая угроза ЛЧЦ означает, что не только нация, но и государство, и общество, и личность могут деградировать или исчезнуть[74].

---

[74] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 272–278.

Сама по себе приоритетность у разных социальных групп и сторонников идеологий вызывает возражения у других групп элит, более того политические споры и разногласия. Так, например, либералы считают, что наивысший приоритет безопасности принадлежит безопасности личности, за которым следует приоритетность общества и государства, а приоритетность безопасности нации вообще нередко отрицается. Еще сложнее с приоритетностью безопасности ЛЧЦ, о чем активно заговорили с начала 1990-х годов после публикаций, С. Хантингтона[75] и А. Тойнби[76], но постепенно дискуссия в научных кругах выдохлась, хотя именно на базе западной ЛЧЦ США создали к началу XXI века военно-политическую коалицию из более 60 государств, навязывающую свою волю всем остальным ЛЧЦ, нациям и государствам. Существование и укрепление этой коалиции рассматривается в США в качестве одного из двух важнейших условий сохранения доминирования в мире[77].

При выделении пяти основных объектов обеспечения безопасности — ЛЧЦ, нации, государства, общества и личности — неизбежно возникает вопрос об излишней абстрактности понятия «безопасность» по отношению к этим объектам как только состояния защищенности от внутренних и внешних угроз, которое приобретает содержательное значение только в сочетании с понятием «интерес» («потребность»)[78]. Именно опасности и угрозы **интересам** того или иного субъекта, а не их абсолютные характеристики, следует рассматривать в качестве основы для анализа национальной безопасности в XXI веке. «Интерес» (потребность) и опасности, и угрозы этим интересам значительно информативнее, шире, чем собственно угрозы абстрактной безопасности потому, что опасность или угроза существуют не сами по себе, а относительно конкретных интересов — политических, экономических, военных, социальных и др. — субъектов МО. Выше уже говорили, что

---

[75] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016.

[76] *Тойнби А.* Подъем и падение цивилизаций. — М.: ИД «Алгоритм», 2016.

[77] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June.

[78] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теорий и методологии / М. А. Хрусталев. — М.: НОФМО, 2008. — 232 с.

если главным интересом (и соответственно целью развития нации и государства) является опережающее развитие НЧК, то и угрозы этому интересу носят, безусловно, приоритетный характер.

Иначе говоря анализ состояния безопасности того или иного субъекта приобретает смысл только в сочетании с опасностью или угрозой его «интересу» или «потребности». В этом случае опасности и угрозы существуют не абстрактно, сами по себе, а применительно к конкретным интересам тех или иных субъектов политики, их можно оценить качественно и количественно. Именно в этом контексте понятие «фактор безопасности» как некий нормативный или субъективный критерий оценки, приобретает смысл.

6.3.а). Интерес (потребность) как фундаментальная основа понятия «безопасность»

… любой международной ситуации, созданной насильно, включая и территориальные перекрашивания, можно придать внешний вид международного права с помощью юридических … декларации, подлогов, монтажей и конструкций…[79]

А. Владимиров, военный эксперт

Если … создать частно-научную теорию не удается, то начинается процесс дивергенции, т.е. дробление предметной области на сегменты в каждом из которых начинается формирование своего рода субтеорий[80]

М. Хрусталев, политолог

Изначально важно определиться, что в основе понятия «безопасность» того или иного субъекта или актора МО лежит не международное право или традиции, нравственные нормы, либо еще какие-либо основания, а интересы (потребности) этого субъекта и других участников МО. Многие, в том числе и ученые «от по-

---

[79] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 51.

[80] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 104.

литики», полагают иначе, а именно, что безопасность может быть обеспечена неким «пониманием», «договоренностью», «новым мышлением» или международным правом.

Именно на это обстоятельство следует, прежде всего, обратить особое внимание, когда речь идет о теории и анализе вопросов безопасности, где сосуществуют сотни теорий и методов, некоторые из которых выглядят вполне правдоподобно и практически применимо.

В целях точного анализа и построения практической модели обеспечения безопасности того или иного субъекта МО требуется обратить особое, исключительно важное внимание, на такую категорию, как «интерес» (потребность) того или иного субъекта политики. При этом целесообразно выделить отдельные интересы, которые в разной степени и каждый раз по-разному определяют политику того или иного субъекта и его безопасность.

В самом общем виде эту совокупность интересов можно выразить в некой матрице[81], где сделана искусственно, даже грубая попытка применительно к современной России выделить основные факторы влияния («веса») того или иного интереса, управляющего политикой. Из нее, например, видно, что современной политикой России управляет преимущественно и прежде всего **личный и групповой экономический интерес**, а не интересы нации, государства, а тем более ЛЧЦ, влияние которых на политику носит второстепенный, подчиненный характер.

Как видно из этой матрицы (табл. 2), современную реальную политику России формируют конкретные краткосрочные личные интересы, что, кстати, подтверждает масштаб коррупции, когда рядовой полковник МВД смог украсть бюджет целого региона, или когда отток капитала ежегодно превышает величину бюджета страны, или когда до 75% всех основных фондов контролируются оффшорами из-за рубежа и т.д.

Другое доказательство — отсутствие перспективного целеполагания. Так, в октябре 2016 года МЭР сделало долгосрочный прогноз развития экономики России, в соответствии с которым ее темпы роста на протяжении 20 лет будут в 2 (!) раза ниже

[81] Основу этой матрицы разработали в 70-е — 80-е год профессора МГИМО МИД СССР М. А. Хрусталев и А. С. Злобин.

Таблица 2. Матрица экспертной степени влияния отдельных интересов на политику России в XXI веке

Интересы / потребности субъектов политики	политические		экономические		нравственные	
	кр*	дл**	кр*	дл**	кр*	дл**
нации	5%	5%	3%	0%	0%	0%
государства	5%	0%	5%	0%	5%	0%
общества (отдельных социальных групп)	5%	0%	5%	0%	0%	0%
личности	5%	10%	**50%**	0%	5%	0%

где: 0% — величина статистической погрешности от 0% до 2%.
кр* — краткосрочный
дл** — долгосрочный

среднемировых при том, что уже последние 30 лет они были некие общемировых в 2,5 раза.

Поэтому «нормальное» (логически и практически объясняемое) распределение по приоритетам интересов того или иного субъекта безопасности меняется, когда речь заходит об его реальном, а не декларируемом интересе, что можно определить не искусственными построениями, а только анализом реальных действий, политической практики. В соответствии с такими интересами и их приоритетами и выстраиваются реальные приоритеты безопасности (рис. 21).

Естественно, что факторы, определяющие интересы безопасности каждого из субъекта, политики, далеко не всегда тождественны. Как и угрозы и опасности. Так, то, что может критически угрожать современным интересам безопасности личности (например, эпидемия СПИДа и наркомании в России), далеко не всегда угрожает обществу, государству и нации в представлении правящих кругов. Но если интересы личности (включая интересы безопасности) находятся на приоритетном месте, то можно ожидать и того, что угрозы этим интересам будут наиболее приоритетны.

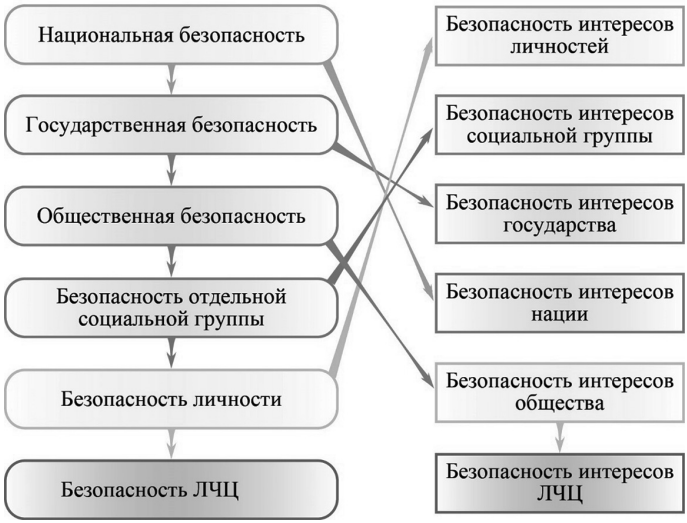

Рис. 21. Приоритетность понятия «безопасности»

И, естественно, наоборот — то, что очень хорошо видно в наиболее переломные периоды истории. В 1918–1924 годах, например, была такая ситуация в России, когда ее национальным, государственным и общественным интересам безопасности угрожали прежде всего неудачи «победы мировой революции» (т.е. разновидности интересов социально-классовых, идеологических, III интернационала), что привело к серьезному конфликту в ВКП(б) и руководство страны: Каменев и Зиновьев, а также Троцкий и др. «старые большевики», представлявшие главный центр силы, — Коммунистический Интернационал — требовали пожертвовать национальной и государственной безопасностью ради «мирового пожара», а Сталин и ряд его сторонников — наоборот — боролся за приоритеты национальной безопасности, т.е. за национально-государственные интересы России, против угроз, возникающих в связи с деятельностью III Интернационала. Эта борьба между интересами — национальными и классово-социальными — закончилась после 1937 года победой И. Сталина, но она продемонстрировала антагонистичность, которая порой может возникать, между отдельными интересами.

Собственно говоря, эти примеры демонстрируют, что в основе исследования системных факторов безопасности в условиях новых рисков и уязвимостей находится детальный анализ интересов (потребностей) нации, государства, общества и личностей и их приоритетности при формировании политики (опять же нации, государства, общества и личности).

Сами по себе факторы безопасности[82] определяются только после того, как анализ интересов (потребностей) приведет к анализу политических целей и задач, которые являются следствием **субъективного понимания** тех или иных объективных интересов. Иначе говоря, цели и задачи политики — следствие субъективного восприятия правящей элитой тех или иных интересов — национальных, государственных, общественных и личных, — которые «неизбежно «выстраиваются» в той же приоритетности как и интересы. Получается «двойная субъективность»:

Первая как субъективная оценка факторов безопасности (ибо их даже нормативная характеристика будет субъективной) — это влияние, опасность или угроза, и в какой степени и насколько актуальна?

Вторая субъективность неизбежно вытекает из субъективности формулирования политических целей, в основе которых должны находиться (и находятся) объективные реалии. Так, объективный интерес ускорения научно-технического развития СССР в начале 80-х годов был субъективно переформатирован в ложные политические цели — «перестройка», «гласность» и пр., не отражавшие реальных экономических и научно-технических потребностей (интересов) нации и государства.

Так, в настоящее время важнейшие объективные интересы (потребности) российской ЛЧЦ практически не отражены в политических целях государства, что является самой серьезной ошибкой. Соответственно и не учитывается масштаб опасностей и угроз российской ЛЧЦ и государству.

В любом случае при определении факторов безопасности требуется «пройти» всю логическую цепочку от «интереса» до конкретных угроз. В нашем случае этот процесс выглядит следующим образом

---

[82] **фактор безопасности** — *зд.* мера приближения контролируемой величины к ее предельно-допустимому значению, установленного в качестве норматива или субъективного восприятия.

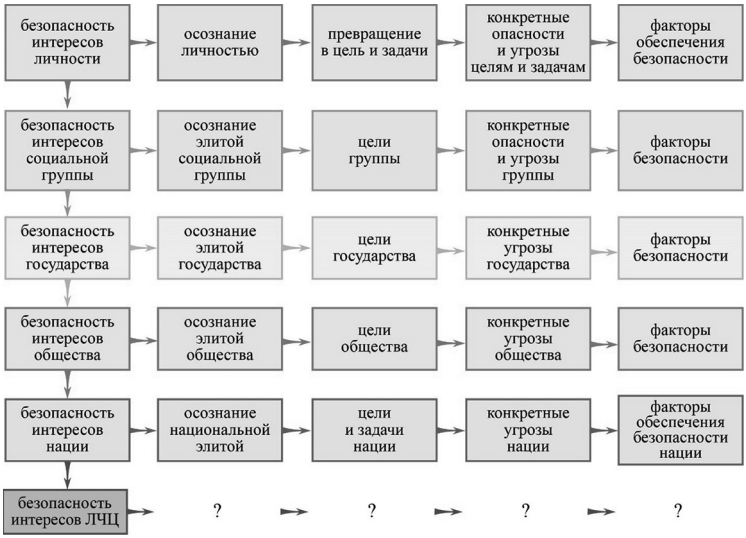

Рис. 22.

(рис. 22), иллюстрируя превращение интересов безопасности в угрозы безопасности[83] и факторы, влияющие на безопасности.

Если согласиться (при всей условности) с этим рисунком, то неизбежно приходиться сделать несколько далеко идущих и тревожных выводов относительно анализа факторов обеспечения безопасности. В частности:

1. В реальной политике России ее цели и задачи определяются, прежде всего, интересами отдельных личностей, причем эти интересы находятся преимущественно в финансово-экономической области, а не интересами ЛЧЦ, нации и государства. Тем более долгосрочными и стратегическими. Это полностью искажает политическую стратегию, которая формируется на основе «ответной редакции» и не учитывает приоритетности интересов.
2. Интересы нации, находящиеся в последние десятилетия на последнем по приоритетности месте, означают одновременно

[83] **угрозы безопасности личности** — *зд.* угрозы правам, свободам и интересам (потребностям) личности, установленным в конституционном или ином порядке.

и отсутствие сформированной национальной элиты (что является сущей правдой), а также отсутствием общенациональных целей. Соответственно пока что не обнаруживаются и (существующие в реальности) действительные угрозы и опасности, а также факторы противодействия им. Так, например, цивилизационная угроза или угрозы национальной идентичности России только в самые последнее время стали осознаваться. До настоящего времени в области образования, культуры и науки эти аспекты практически не учитываются.

3. На относительно низком уровне по приоритетности находятся и интересы безопасности государства (приоритетность которых только декларируется) и совсем низком — общества. Соответственно это означает и реальную недооценку этим угрозам, вытекающим из этих интересов.

6.3.б). Системные факторы угроз интересам безопасности нации, государства и общества в XXI веке

В сегодняшнем мире… на смену колониальным освободительным войнам пришли конфликты между освобожденными народами[84]
С. Хантингтон, политолог

Основными принципами обеспечения безопасности являются:
1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
2) законность; 3) системность и комплексность…
4) приоритет предупредительных мер…;
5) взаимодействие федеральных органов власти …[85]
ФЗ №390, 28 декабря 2010 г.

С самого начала попыток анализа стратегии национальной безопасности России в любой из редакций обращает на себя внимание тот факт, что угрозы безопасности интересам личности стоят

---

[84] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 31.

[85] Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» №390-ФЗ от 28 декабря 2010 г.

в системе приоритетов выше, чем интересы безопасности нации, государства и общества, хотя уже несколько десятилетий тому назад было подмечено, что интересы, например, цивилизации приоритетнее интересов личности. Эта псевдолиберальная точка зрения, однако, не отражает современных политических реалий, служа лишь старомодным идеологическим стереотипам, но запутывая процесс анализа политической ситуации и подготовку политических решений. Более того, вряд ли когда-нибудь было, чтобы правящая элита любой страны ставила интересы безопасности личности выше государственных, в реальности, а не в пропагандистском угаре. Примечательно, что даже когда эти интересы ставятся публично на первое место (как, например, Д. Трампом в его приветствии по случаю победы 9 ноября), они отражают безусловную способность части правящей элиты осознать значение человеческого потенциала для интересов безопасности и развития нации и государства. К сожалению, далеко не все правящие элиты на это способны[86].

Поэтому, если рассматривать системные факторы безопасности в качестве предельного допустимых значений угроз интересам личности, нации, государству и обществу, то, прежде всего, следует последовательно определить **наиболее важные интересы**, затем — наиболее вероятные (из всех возможных наиболее важных) угрозы этим интересам и, наконец, именно те предельно-допустимые значения этих угроз безопасности, которые необходимо устранять. И здесь неизбежно сталкиваешься с приоритетами интересов личности, нации, государства и общества, не говоря уже об интересах ЛЧЦ: если для вас интересы личности и угрозы безопасности этим интересам стоят выше угроз безопасности интересам государства, то неизбежно следуют и соответствующие выводы. Как правило, краткосрочного и конъюнктурного характера.

Это противоречие отнюдь не носит теоретического характера. Оно — универсально и существует в той или иной форме и в том или ином качестве во всех странах. Так, в ходе избирательной кампании 2016 года в США Д. Трамп не раз прямо заявлял, что «только обеспечив интересы национальной безопасности можно реализовать все права и свободы личности».

---

[86] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2011 г., Т. III.

Очевидно, однако, и то, что уделяя приоритетное значение интересам личности, ее прав и возможностей по отношению к нации, государству и обществу, как правило, пытаются ослабить институты нации, государства и общества, искусственно ущемив их интересы в угоду интересам личности. Как правило, тогда, когда хотят нанести ущерб интересам идентичности нации и её суверенитету. Это происходит в политике последовательно на протяжении нескольких десятилетий в качестве реализации принципиальной установки стратегии западной ЛЧЦ в отношении ее потенциальных, а тем более реальных противников. Так, Заключительный Акт ОБСЕ, подписанный 1 августа 1975 года в Хельсинки, нужен был Западу только для того, чтобы легализовать приоритеты интересов личностей, прежде всего, прав человека (третья «корзина» Акта), направив их на игнорирование и ослабление, в конечном счете, институтов социалистических государств и наций. Не случайно и то, что в конце 1980-х годов главный идеолог горбачевских реформ А. Н. Яковлев начал масштабную «борьбу с этатизмом».

Во многом аналогичная ситуация характерна не только для МО, но и для внутриполитической обстановки. При этом даже уже на самой первой стадии — выстраивания в приоритетном порядке интересов нации, государства, общества и личности — мы сталкиваемся с серьезными трудностями, когда разные политики и исследователи совершенно по-разному определяют эти интересы (и, соответственно, вытекающие из них цели) и их приоритеты.

На наш взгляд, эти интересы, а также возникающие в этой связи проблемы и вытекающие угрозы в XXI веке, в практическом плане, в целом могут быть определены, исходя из приоритетности, сформулированных в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности[87], и выглядеть следующим образом: табл. 3.

Таким образом, мы можем выделить в порядке приоритетности, как минимум, четыре основные группы интересов, из которых происходят угрозы и системные факторы угроз безопасности, ко-

[87] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

Таблица 3. Соотношение приоритетов интересов, угроз и факторов безопасности России в XXI веке

Интересы	Угрозы	Системные факторы безопасности
— интересы национальной безопасности и обеспечения суверенитета государства;	— потеря идентичности и суверенитета;	— размывание национальной идентичности и ослабление суверенитета;
— интересы сохранения безопасности государства, его институтов и суверенитета;	— внутриполитические кризисы;	— угроза суверенитету и территориальной целостности, разжигание: — социальной; — национальной вражды;
— интересы развития личности и человеческого капитала;	— низкие темпы развития ЧК;	— ослабление ЧК и его институтов;
— интересы сохранения и развития государства	— ослабление институтов государства	— деградация институтов государства

торые необходимо конкретизировать для разработки эффективных средств противодействия[88].

1-я, наиболее важная группа — системные факторы угроз безопасности всей нации:

— размывание и деградация системы национальных ценностей как основы национальной самоидентификации, которое (как в конце 1980-х годов) может приобрести критические, прозападные формы;
— искажение и извращение национальных интересов, их подчинение интересам западной ЛЧЦ;
— системная политика по формированию новых научных, образовательных и иных школ и институтов, ориентированных

[88] См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

на антинациональную стратегию развития в области науки, культуры и образования и ликвидацию прежней системы подготовки научных, образовательных и культурных кадров.

Эта системная и долгосрочная последовательная работа против всей системы национальных ценностей и интересов имеет стратегический характер и наивысший приоритет для противников России[89].

2-я группа — системные факторы угроз безопасности российского государства и его институтов:

— предполагает ослабление (и даже уничтожение) институтов государства во всех областях — от экономики и финансов до правоохранительной и военной области, — что уже активно делалось в СССР в ходе кампании по «борьбе с этатизмом» и в России в ходе либеральных реформ, а затем в России в ходе «борьбы с бюрократией». В результате этих двух кампаний некоторые институты государства были вообще уничтожены, а некоторые ослаблены до своей крайней степени (МИД, СВР, МО, ФСБ);
— создание в России влиятельной оппозиции, способной на силовые действия антиправительственного характера по 3-м основным направлениям антигосударственного противоборства:
  — религиозном;
  — этническом;
  — социальном;
— регионализации России и ее развалу по аналогии с развалом СССР, когда региональные интересы и идентичность станут доминировать над союзными и федеральными. Постепенное «обособление» регионов под самыми разными предлогами и мотивами — от воссоздания Карельской республики и Кенигсберга до отделения Восточной Сибири и Дальнего Востока — совершенно конкретная геополитическая цель западной ЛЧЦ, имеющая приоритетное политическое значение.

Следует признать, что правящая элита России до сих пор, к сожалению, не придает этому нужное значение и не уделяет необходимого внимания, хотя ситуация в целом ряде регионов страны

---

[89] См. подробнее: *Боришполец К. П.* Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010 г. — С. 17–23.

выглядит значительно хуже, чем даже в свое время в советской Белоруссии или Узбекистане. Предложение В. В. Путина о принятии закона «О нации» — первый реальный шаг в этом направлении, — в котором прежде все действия ограничивались шагами по формированию «гражданской нации».

3-я группа системных факторов безопасности, достигших критического значения, это степень развития человеческого капитала и его институтов в России[90]:

— качество ЧК, а также культуры, науки и образования, включая демографические показатели и душевой доход ВВП, отбрасывают Россию на одну из отсталых позиций в мировом рейтинге, которая сопоставима с позицией Чили, Бразилией, но уже уступает Словакии;
— другая проблема — качество институтов ЧК отстает в своем развитии, что предопределяет экономическое, научно-техническое и общественно-политическое отставание России.

Не случайно Д. Трамп в своих выступлениях неоднократно подчеркивал значение человеческого капитала и творческих возможностей для безопасности и развития США.

Наконец, 4-я группа факторов безопасности общественного развития является во многом следствием быстрого развития вышеперечисленных угроз и опасностей, но одновременно имеет и самостоятельное значение: общество и правящая элита (и ее лидеры) превратились, как уже говорилось выше, в наиболее приоритетную цель влияния и воздействия со стороны военно-силовой политики западной ЛЧЦ[91].

Мы можем попытаться формализовать эти четыре группы системных факторов угроз безопасности в SWOT-матрицу. Напомним, что, как правило, SWOT-анализ, т.е. анализ сильных и слабых сторон организации, возможностей и угроз, исходящих от окружающей среды, проводится с помощью вспомогательных таблиц (матриц). Простейшая форма представления результатов SWOT-анализа приведена в следующей таблице (табл. 4).

---

[90] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

[91] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

Таблица 4. Матрица SWOT

	возможности	угрозы
сильные стороны	СИВ	СИУ
слабые стороны	СЛВ	СЛУ

Так, например, анализируя возможные последствия войны США и КНР, американские эксперты в 2016 году пришли к следующим выводам, выстроенным именно в SWOT-матрице:

Таблица 5. Потенциальные последствия для внутренней политики США в четырех случаях развития военного конфликта[92]

	Краткосрочные последствия	Долгосрочные последствия
мягкие последствия	Противники войны могут взять под жесткий контроль ведение войны	Сторонники войны будут настаивать на том, что политики «связывают руки военным»
жесткие последствия	Слабые сторонники прекращения войны не смогут предотвратить военной эскалации, не смогут ограничить свободу действий	Экономические и социальные последствия разделят страну

В качестве дополнений к данной таблице может быть также составлена вспомогательная матрица, в которой информация переносится в основную и используется для обобщения результатов анализа. Таких матриц должно быть две: матрица возможностей и матрица угроз[93]. В нашем случае, напомним, возможности — это

[92] War with China. Thinking Through the Unthinkable / RAND Corporation, 2016. — P. 54.

[93] SWOT-анализ / http://studopedia.ru/6_33632_SWOT-analiz.html

опасности, а угрозы — потенциал + намерения. При этом изначально важно, как уже говорилось, изначально адекватно оценить вероятность (возможность) опасностей и угроз т степень их влияния, например, в такой матрице:

Таблица 6. Степень вероятности использования угроз и величина их влияния

Вероятность использования возможностей	влияние		
	Сильное	Умеренное	Малое
высокая	ВС	ВУ	ВМ
средняя	СС	СУ	СМ
низкая	НС	НУ	НМ

Таблица 7. Матрица угроз

Вероятность использования возможностей	влияние			
	разрушение	критическое состояние	тяжелое состояние	легкие ушибы
высокая	ВР	ВК	ВТ	ВЛ
средняя	СР	СК	СТ	СЛ
низкая	НР	НК	НТ	НЛ

В процессе выполнения SWOT-анализа кроме того рекомендуется составлять профиль среды, т.е. таблицу, в которой должны быть отмечены факторы среды, оказывающие или могущие оказать существенное влияние на субъект МО или его акторы. Затем для каждого фактора определяется его важность для отрасли, влияние на организацию, направление данного влияния и подсчитывается совокупная степень воздействия по каждому фактору и в целом (Все вспомогательные матрицы SWOT-анализа представлены в таблицах). В нашем случае такие матрицы полезно использовать для всех средств политического влияния, о чем будет сказано ниже.

Таблица 8. Составление профиля среды

Фактор среды	Важность для отрасли A	Влияние на организацию B	Направление влияния C	Степень важности D=A*B*C
1 2 3 …				

Изменения в соотношении мировых сил в последние 30 лет и в общественно-политических устройствах государств, экономике и технологиях в XX веке привели к возникновению в международных отношениях принципиально новых факторов, влияющих на интересы безопасности государств.

Эти новые факторы, прежде всего создание на базе ЛЧЦ военно-политических коалиций, стали инструментами сохранения и принуждения государств в XXI веке к «новому миропорядку», созданному к началу века США. Очень точно его охарактеризовала в октябре 2016 года председатель комитета по международным делам Всекитайского собрания народных представителей Фу Ин, которая на Валдайском форуме публично высказалась следующим образом: «Правильно ли я понимаю, что «мировой порядок», который утверждает США, представляет собой силовую структуру, основанную на американских ценностях, отвергающую другие идеологии при поддержке военного союза, не принимающий во внимание интересы безопасности других?»[94]

Именно на этот политический вызов военно-силового противоборства ЛЧЦ так или иначе, придется отвечать в XXI веке всем странам и мировым акторам, которые к 2016 году уже де-факто разделились на три неравные группы:

— более 60 стран, вошедших в военно-политическую коалицию западной ЛЧЦ во главе с США, принявших безоговорочно (или с незначительными оговорками) систему ценностей и интересы США;
— страны, бросившие вызов — открыто или держа «фигу в кармане» — Россия, Китай, ряд исламских государств, некоторые другие, новому «мировому порядку»;

[94] *Фу Ин*. Ловушка Фукидида. Подчиниться или бросить вызов США? / Эл. ресурс: «Валдайский клуб», 2016. 26 ноября / http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/lovushka-fukidida-podchinitsya-ili-brosit-vyzov/

— страны, пытающиеся балансировать между этими двумя основнымигруппами государств, определяющими себя как «сторонники многовекторного» и прочих псевдонезависимых подходов — от Индии и Узбекистана до других.

Очевидно, что по отношению к этим группам государств и акторов США и возглавляемая ими коалиция будет придерживаться разных политических стратегий. И эти стратегии, отражающие в целом национальные и цивилизационные интересы США, будут создавать порой разные угрозы, как по степени вероятности, так и масштабу. Для нас, естественно, первостепенный интерес представляет та стратегия, которую будут использовать США против государств, которые (как Россия) осмелились «бросить вызов» коалиции США. Прежде всего, с точки зрения средств стратегии или факторов влияния, которые будут создавать непосредственные угрозы интересам национальной безопасности и интересам российской ЛЧЦ.

Среди таких основных новых системных факторов безопасности можно выделить следующие традиционные группы, имеющие четко выраженный системный характер, а именно:

— военные (военно-политические, военно-технические, военно-психологические, военно-информационные, технологические и военно-когнитивные) факторы, объединенные в единую подгруппу военно-силовых факторов, где «предельно-допустимые» значения не являются застывшими (как прежде «ядерный порог»), а становятся очень гибкими иногда даже не осознаваемыми. Так, очевидное силовое противостояние России и США на Украине и в Сирии в 2015–2016 годах пока не превратилось в открытое военное противоборство[95];
— политические (политико-дипломатические, информационно-политические) и иные силовые факторы, традиционно относящиеся к официальной дипломатии, спектр которых стремительно расширился вплоть до угроз руководству России[96];
— социально-экономические факторы противоборства, включая санкции и ограничения торговли;

---

95 *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 117–129.

96 Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 5–14.

— валютно-финансовые факторы, прежде всего сдерживающие развитие страны и возможности правящей элиты;
— гуманитарные и прочие факторы влияния — от спортивных до культурных и парных связей.
— системные силовые факторы «принуждения», представляющие собой, по сути, синтез традиционных и принципиально новых факторов, объединенных в единую военно-силовую стратегию, которая получила название политики «новой публичной дипломатии» или «Политики принуждения».

Очень важно понять, что разница и даже противопоставление военно-силовой политики и средств публичной дипломатии исчезла. Современная «политика принуждения» это синтез всех средств — старых и новых, военно-силовых и силовых, — используемых одновременно и системно против нескольких объектов, т.е. сетецентрично.

В самом общем виде все эти группы факторов силового влияния, точнее — «силового принуждения» — можно объединить в целях наглядности следующим образом при том понимании, что они составляют единую систему факторов влияния, которая, как правило, используется одновременно: табл. 9.

Соответственно появление новых факторов влиянии, прежде всего средств и способов силовой политики, неизбежно ведет к появлению новых угроз национальной безопасности, которые, однако, крайне трудно и вряд ли необходимо перечислить именно в силу их системности, почему, что они могут быть использованы «в наборе» из всех известных и новых инструментов воздействия силой. Это своего рода «набор Лего», когда создаются конфигурация любого рода для достижения политической цели. Также как неповторима каждая конкретная стратегическая обстановка (СО) или война, а тем более военный конфликт, также невозможно и перечислить все возможные вытекающие из этой конкретной СО (войны, конфликта) угрозы и средства ее преодоления.

В свою очередь эти и другие группы факторов делятся на многочисленные отдельные конкретные факторы влияния в зависимости от их роли и значения для безопасности для нации, государства, общества и личности, ведь достаточно очевидно, что существуют совершенно разные степени угрозы для нации (факторы безопасности). Причем, повторим, именно в XXI веке основным

Таблица 9.

Военно-силовые факторы («жесткой силой» («hard power»)	Силовые факторы («мягкой силы» («soft power»)	Системные факторы «принуждения» («the power to coerce»)
— прямое вооруженное насилие в разных формах — от интервенции до полномасштабной войны;	— политико-дипломатические;	— системно-силовые, обеспеченные вооруженным насилием при расширении спектра возможностей;
	— информационные;	
— специальные операции;	— психологические;	— создание вооруженной оппозиции, экстремистских, террористических и любых антиправительственных организаций;
— терроризм;	— когнитивно-разрушающие;	
— диверсии	— экономические;	— использование ЧВК и «облачного противника»;
	— финансовые;	— пр. действия, включающие все силовые и вооружено-силовые средства и способы
	— торговые и пр.	

объектом внешнего влияния становится уже не государство, а нация, её правящая элита и ее система ценностей. Представляется, что целесообразно разделить эти группы факторов безопасности на группы относительно **силы влияния**, а именно:

— на группу системных факторов безопасности нации;
— группу факторов безопасности общества;
— группу факторов безопасности государства.

В итоге получается некая матрица, свидетельствующая о приоритетах в объектах и средствах влияния, которая может выглядеть следующим образом в зависимости от предпочтений в средствах влияния.

Таблица 10. Наиболее предпочтительные средства влияния на безопасность нации, государства, общества

	Военно-силовые факторы («hard power»)	Силовые факторы («soft power»)	Системные факторы принуждения («the power to coerce»)
Объект «нация» (локальная человеческая цивилизация — ЛЧЦ)	3–7 балла	5–7 баллов	8–9 балла
Объект «государство»	8–10 баллов	5–6 баллов	8–10 баллов
Объект «общество»	1–2 балла	7–8 баллов	8–9 баллов
Объект «личность»	1–2 балла	2–3 балла	7–9 баллов

Как видно из матрицы (табл. 10), степень внешнего влияния в зависимости от используемых средств, — очень разная. Так, вооруженное насилие может быть эффективно против государства, относительно эффективно (в случае геноцида) — против нации и малоэффективно против общества, которое может оказать ему сильное сопротивление и малоэффективно против отдельной личности, которая может просто эмигрировать[97]. Совсем другое дело, когда против личности используется силовая система (право, розыск, преследование, информационный прессинг и т.д.).

Относительно эффективно применение «мягкой силы» против всех объектов, а, главное, это несет в себе наименьший риск для нападающего, но ошибочно думать, что эти средства универсальны.

[97] Подробнее об особенностях современного характера войны см.: *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

Хороший пример может так и остаться лишь примером, который может быть проигнорирован другой стороной.

Наиболее эффективно использование против всех объектов, т.е. «универсально», системное применение всех силовых и вооруженных средств.

Это вызвано тем, что приоритетность факторов, влияющих на безопасность нации значительно выше, чем аналогичных факторов, влияющих на безопасность общества и государства. Так, например, факторы, определяющие демографическую безопасность и качество человеческого капитала являются наиболее приоритетными относительно факторов, определяющих демократизацию общества или даже военную безопасность государства[98]. Это может быть отражено на следующем рисунке (рис. 23), но часто характеризуется современными политиками. Так, Д. Трамп, например, построил всю свою избирательную кампанию на лозунге «Национальная оборона — самая важная функция федерального правительства»[99].

Особенное значение в XXI веке приобрели факторы безопасности правящих элит. Эти группы факторов, определяющие безо-

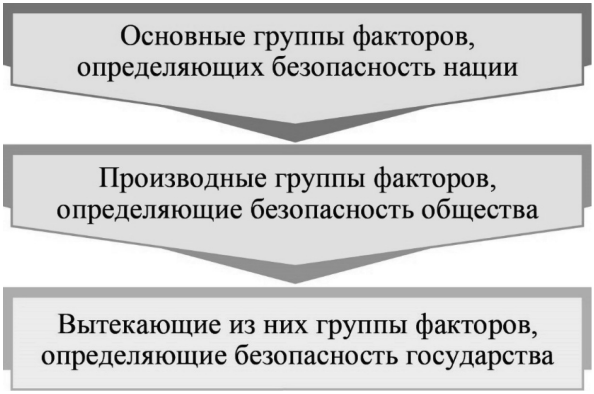
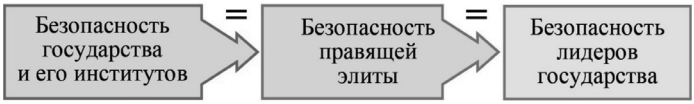

Рис. 23.

[98] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — Т. 2.

[99] *Трамп Д.* Укрепить силу Америки. 2016. 6 сентября. — С. 34 / http://globalaffairs.ru/number/Ukrepit-silu-Ameriki-18340

пасность государств в XXI веке, относятся непосредственно к интересам безопасности правящей элиты и лидерам, т.е. безопасность государства в настоящее время фактически стала равнозначна безопасности правящей элиты и ее лидеров. Не случайно то, что силовое воздействие США на своих противников в последние десятилетия заканчивалось не только политическим, но и нередко демонстративным физическим уничтожением их лидеров — от Чаушеску и Наджибуллы, Хусейна и Кадафи до угроз Милошевичу и Асаду. Требовалось демонстративно выиграть и запугать других противников, заставив «уравнять» личную безопасность правящей элиты и безопасность субъекта или актора МО.

В этом заключается существенное отличие факторов безопасности и угроз безопасности государств в XXI веке от предыдущих периодов в развитии человечества. Прежде всего, это объясняется тем, что в XXI веке именно лидеры и представители правящей элиты получили уникальные возможности, прежде всего в области информатики и связи, формировать понимание (смыслы, идеи, концепции) и внедрять это понимание в общество (т.е. «третья поле сложных интерпретаций и их переплетений).

6.3.в). Правящая элита как важнейший системный фактор обеспечения интересов национальной безопасности в XXI веке

… президент (США), как Верховный главнокомандующий вооруженными силами, имеет исключительные полномочия на использование ядерных сил США[100]

Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером[101]
Стратегия национальной безопасности США, 2015, февраль

Изменение характера противоборства между субъектами МО в XXI веке привело к радикальным изменениям в роли правящих элит и их лидеров для обеспечения интересов безопасности наций, государств и обществ. Степень их независимости и суверенитета, их способность и умение управлять государством и обществом стали главным предметом борьбы и фактором обеспечения интересов безопасности. Контролируемая правящая элита и ее лидер, либо попавшие во внешнюю зависимость уже не способны защищать интересы безопасности, что делает такую зависимость (или свободу) главным системным фактором безопасности. Поэтому степень независимости и суверенитета правящей элиты становятся **основным предметом внешнеполитической борьбы**. Это абсолютно ясно продемонстрировало отношение Запада к В. Путину и его окружению, которые стали предметом не просто жесткого воздействия и даже санкций, но именно такого жестокого влияния и угроз. Эскалацию развития таких факторов влияния на правящую элиту можно отразить в следующей таблице (табл. 11).

---

[100] Доклад «О стратегии использования ядерного оружия США» / http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf

[101] *Обама Б.* The National Security Strategy / «The White House», 2015. 7 February.

Таблица 11.

Обычное влияние	Давление с помощью средств «мягкой силы»	Влияние с помощью инструментов политики «новой публичной дипломатии» («силы принуждения»)
взаимодействие, сотрудничество	использование средств влияния	система силового усиления

Эскалация влияния «силы принуждения»		Военно-силовое давление	Демонстративное уничтожение
санкции, личные, против группы	угрозы, международный суд и пр.	военный конфликт, войны	Каддафи, Хусейн, Чаушеску и др.

Не случайно, что в конфликте российской ЛЧЦ с Западом с августа 2008 года отчетливо присутствует политика санкций против правящей российской элиты и ее лидера. Такая политика представляет собой целую систему факторов, влияющих на безопасность страны и нации в наибольшей степени. Достаточно вспомнить, как эта политика сработала в мягкой форме во времена М. Горбачева, А. Яковлева, Э. Шеварднадзе и др. представителей правящей советской элиты, уничтожавшей фактически систему безопасности СССР. Причем, еще прежде российскими исследователями было подмечено, что «тоталитарная тенденция с наибольшей силой проявляется в развитых странах, где господствующей является либеральная идеология…»[102], то сегодня эта тенденция превратилась в доминирующую составляющую политики западной ЛЧЦ.

Многочисленные примеры последних лет показывают, что смена политического лидера и его окружения в той или иной стране

[102] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 403.

Рис. 24.

становится главной целью политики США и возглавляемой ими коалиции — от Чаушеску, Наджибулы и Хусейна до Каддафи и, сегодня, Асада. Соответственно и по отношению к другим лидерам применяется похожая стратегия, в том числе даже тем, которые считаются союзниками США. «Шпионские скандалы», о которых стало известно в последние годы в связи с использованием технических средств против лидеров крупных западных государств, — очевидное свидетельство такой политической практики.

Особенно наглядно она проявляется в отношении лидера России В. Путина, по отношению к которому в 2010–2016 годы был использован широкий набор силовых средств — от информационного давления и санкций для его окружения до шантажа и прямого запутывания.

Можно даже представить себе в целом набор таких средств, применяемых в процессе эскалации силового давления по отношению к лидеру зарубежного государства, на примере политики США последних десятилетий.

Этапность развития фактора безопасности до предельно-допустимых значений в отношении неугодного политического лидера[103]

1 этап: объявление лидера «недружественным» по отношению к США, «нормам» международного права и «общепризнанным» правилам.

2 этап: «назначение» лидера в качестве возможной «угрозы безопасности» США и международному сообществу.

3 этап: превращение лидера из «угрозы» в «прямую угрозу» безопасности США и их союзников.

4 этап: применение по отношению к этой непосредственной угрозы широкого спектра средств «новой публичной дипломатии» в виде «политики принуждения» («the power to coerce») — от средств психологического давления до силовых средств.

5 этап: переход от фазы «силового давления» к прямой силовой поддержке оппозиции, выступающей против лидера и режима.

6 этап: непосредственное участие в военно-силовом противоборстве с лидером на стороне созданной оппозиции.

7 этап: свершение политического режима и лидера и организация его публичного осуждения.

8 этап: физическое и демонстративное уничтожение лидера и его сторонников[104].

Важнейшая задача лидера и правящей элиты в современных условиях — сохранение национальной идентичности и национальных интересов. Соответственно, что те лидеры и правящие элиты, которые могут реализовывать эти задачи, рассматриваются лидерами западной ЛЧЦ как объекты, подлежащие уничтожению. Причем демонстративному физическому, как правило, широко показанному в СМИ «в назидание другим» и как конкретный пример

[103] См., например: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 292–316.

[104] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

Рис. 25.

запугивания и шантажа. Руководство США рассматривает простую, но эффективную логическую схему (рис. 25) применительно к своему лидерству и угрозам этому лидерству.

«Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. — Подчеркивается в официальной стратегии национальной безопасности США. — Вопрос состоит в том, **как** мы должны лидировать»[105].

Ответ на вопрос «как?» предполагает, что угрозы американскому лидерству исходят, прежде всего, от политиков и руководства. Эти угрозы (политиков) надо ликвидировать. «Как?» — Ответ лежит в области политики «новой публичной дипломатии» и «стратегии принуждения» («the power to coerce»).

Последовательность действий против политического лидера описана выше на примере восьми основных этапов. Если говорить о России и ее лидере В. Путине, то с 2010 по 2017 год были пройдены второй, третий и четвертый этапы стратегии «силового принуждения». При том понимании, что политика «новой публичной дипломатии», предусматривающая эскалацию системных мер давления, предполагает развитие (а, значит, какое-то время) всей системы факторов безопасности до ее предельно-допустимых значений, когда она (постепенно) переходит от системно-силовой в военно-силовую фазу, т.е. фактически, фазу военного конфликта (шестой этап).

Вооруженная борьба на Украине 2014–2016 годов представляет собой именно региональную часть такой военно-силовой политики на отдельном ТВД, т.е. глобальное противоборство с Россией находится на разных ТВД на пятом и шестом этапе своего развития.

---

[105] *Обама Б.* The National Security Strategy / «The White House», 2015. 7 February.

В этой связи представляется необходимым подчеркнуть приоритетность целей такого военно-силового противоборства, а именно когда лидер и правящие элиты ориентированы на эту приоритетность:

— безопасность нации;
— безопасность государства;
— безопасность общества;
— безопасность личности.

Не случайно, что именно в период крайнего обострения противоборства в октябре 2016 года В. Путин говорит о необходимости принятия закона «О нации» и создании национального фонда культуры[106].

Проиллюстрировать эту логику можно на примере приоритетности понятия «безопасность» относительно нации, общества и государства и соответствующих угроз России. Так, относительно нации, безопасность будет означать такое сочетание социальных, природных и иных процессов, которое не несет в себе угрозы существованию и развитию нации и ее идентичности (включая существование государственных и общественных институтов), хотя и может угрожать государству и обществу[107].

Применительно к государству, это уже будет только отсутствие угрозы для его институтов, суверенитета и территориальной целостности, а общества — угрозы общественно-политическому устройству, не угрожая интересам нации и ее ценностям.

Легко допустить (и в истории такое случалось), что в результате тех или иных процессов страдали институты государства или даже все государство, но нация сохранялась, не потеряв возможности к восстановлению. Пример — Польша, — которая как государство не существовало более 100 лет, но достаточно быстро восстановилось в начале XX века. Или Израиль. И, наоборот, уничтожение нации неизбежно вело к уничтожению впоследствии самого государства. Пример — печенеги, половцы, крымские татары, а задолго до них хазары и пр. нации и народности, не сумевшие защитить свою национальную идентичность.

---

[106] ТАСС — Информационное агентство. 2016. 31 октября / http://tar-tass.ru

[107] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

Соответственно, можно выделить и лидеров, и их окружение, понимающих жизненно важную приоритетность национальной системы ценностей и интересов по отношению к государственным, общественным и личным. Такие лидеры, как, например, в США и России, борются за сохранения и развития системы национальных ценностей и интересов даже по отношению к другим системам — государственным, общественным и личным. Борьба с этими лидерами является наиболее приоритетной военно-политической задачей противоборствующих ЛЧЦ.

6.3.г). Локальные человеческие цивилизации как фактор системной безопасности России в XXI веке

Анализ современного бытия человечества наглядно свидетельствует о том, что основным субъектом геополитики становятся цивилизации[108]
А. Владимиров, военный эксперт

Это (цивилизационный подход) обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определить узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего…[109]
С. Хантингтон, политолог

Выше уже говорилось о приоритетном значении факторов опасностей и угроз, вытекающих из противоборства локальных человеческих цивилизаций в XXI веке, которое не учитывается до настоящего времени при анализе угроз национальной безопасности России, а, значит, и фактически не участвуют в формировании стратегии противоборства. Между тем именно они являются теми новыми системными факторами, наиболее ярко характеризующи-

---

[108] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — 973 с.

[109] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 37.

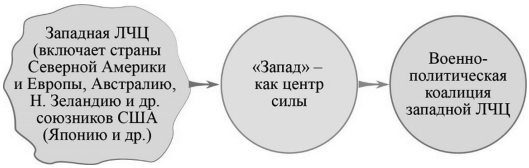

Рис. 26.

ми опасности и угрозы безопасности нации, обществу и личности, требующими наиболее приоритетного внимания. Еще хуже то, что не только на Западе, но и на Востоке — в исламском мире и Китае, Индии и в Бразилии — политика безопасности не только учитывает значение формирований ЛЧЦ и их коалиций, но и в полной мере пытается делать на них ставку: каждая из стран-лидеров пытается стать в той или иной мере уже и лидером ЛЧЦ или, как минимум, региональным лидером[110].

Традиционное противоборство в мире между нациями — государствами сменилось в XXI веке противоборством военно-политических коалиций, сформированных и формирующихся на основе центров силы, которые, в свою очередь, создаются на базе ЛЧЦ, входящих в них государств и отдельных акторов, объединенных цивилизационными интересами и ценностями. Появление феномена ИГИЛ (а до этого ХАМАЗа и ООП) отнюдь не случайно. Логика возникновения и развития, например, военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, которая в последние десятилетия инициировала множество военных конфликтов от Югославии до Сирии и Йемена, — выглядит следующим образом (рис. 26).

Таким образом, возникновение и стремительное развитие локальных человеческих цивилизаций и созданных на их основе неких ценностных общностей и интересов военно-политических и финансово-экономических коалиций в решающей степени влияет в XXI веке на формирование МО и ВПО. Более того, в XXI веке центр противоборства субъектов международных отношений и их отдельных акторов сместился именно в сторону противоборства этих локальных человеческих цивилизаций за сохранение и про-

[110] См.: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014 г.

движение ими своих систем ценностей и интересов, что однако далеко не всеми и не всегда признается и учитывается при анализе состояния и развития международной обстановки в XXI веке.

Между тем именно ЛЧЦ и созданные на их основе союзы и коалиции стали в нашем столетии решающими системными факторами обеспечения безопасности, что открыто и постоянно признается в основных документах США, странах — союзниках и иных государствах. Так, в Стратегии национальной безопасности США, принятой в феврале 2015 года, прямо подчеркивается, что безопасность США основывается на двух важнейших факторах — военно-технологическом превосходстве и «обновленных союзах»[111]. Именно «обновленный союз» и является той военно-политической коалицией западной ЛЧЦ во главе с США, которая сегодня выступает важнейшим системным фактором угрозы безопасности России.

Некоторое представление о значение системного фактора противоборства западной ЛЧЦ дают сопоставления военно-политических и военно-экономических потенциалов коалиций и ЛЧЦ, сделанные экспертами Центра военно-политических исследований МГИМО–Университета в 2013–2016 годах сделанных по методу Саати. Напомним, что выше мы рассматривали прямую взаимосвязь между понятием «потенциал» и «опасность», которые превращаются в прямую и непосредственную угрозу по мере появления соответствующих политических «намерений», Именно поэтому потенциал ЛЧЦ и перспективы его увеличения имеет решающее значение для анализа опасностей и угроз. На предлагаемой карте видно примерное геополитическое распределение ЛЧЦ, сложившееся в начале XXI века (рис. 27).

По аналогии со значением, местом и ролью систем ценностей локальных человеческих цивилизаций, их потенциалы играют исключительно важное значение, определяя границы потенциальные возможности не только наций, но и возможных коалиций и союзов. Так, в случае реализации планов США по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТТП), объединенные финансово-экономические, демографические и военно-политические ресурсы западной локальной человеческой

[111] The National Security Strategy / The White House, 2015. 7 February.

Рис. 27. Геополитическое распределение потенциалов ЛЧЦ

цивилизации, контролируемые США, будут составлять от 50% до 70% мировых ресурсов. Сказанное, в конечном счете, означает, что такая военно-политическая коалиция сможет какое-то время гарантировать сохранение необходимых для США и их союзников, сложившихся в XX веке финансово-экономических и военно-политических систем. Так, например, сравнение военно-экономических потенциалов ЛЧЦ и их коалиций иллюстрирует масштаб возможных опасностей и угроз для других ЛЧЦ (табл. 12).

Сказанное означает, что не только анализ и прогноз такого потенциала западной ЛЧЦ, но и сама политическая возможность создания западной коалиции имеют исключительно важное значение для формирования будущих угроз и сценариев развития МО в XXI веке. Из сопоставлений видно, например, что «сложение» потенциалов двух крупных ЛЧЦ в одной коалиции (например, Европа+США+др. страны) ведет неизбежно к неравенству потенциалов, т.е. возникновению потенциальных опасностей для любых других ЛЧЦ.

Вряд ли возможно точно оценить экономическую и иные составляющие мощи западной ЛЧЦ, но даже самые простые попытки экспертов это сделать могут иметь большое значение. В Центре военно-политических исследований МГИМО созданы подобные базы данных и сопоставления, которые, однако, из-за невозможности точного качественного анализа не вполне совершенны. В частности,

если попытаться рассмотреть сопоставление военно-экономических потенциалов ЛЧЦ, которые играют все более важное значение по отношению к быстро меняющемуся соотношению экономических потенциалов государств и наций, то можно обнаружить интересные данные. Так, различия между военно-экономическими потенциалами российской и североамериканской ЛЧЦ не так уж и велики, а между арабо-мусульманской и западноевропейской практически отсутствуют.

Таблица 12. Сравнение военно-экономических потенциалов ЛЧЦ[112] (оценка экспертов ЦВПИ, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	7	1	9	5	1	1	1	1	5	9
восточно-европейская		1	0,25	7	1	0,2	0,2	0,2	0,25	0,2	7
северо-американская			1	9	3	1	1	5	5	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	2	7	8
китайская						1	1	3	1	7	8
индийская							1	3	1	7	8
японская								1	5	7	9
арабо-мусульманская									1	5	7
буддийская										1	3
африканская											1

[112] *Подберезкин А.И.* Оценка потенциалов локальных человеческих цивилизаций / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2016. 7 ноября / http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/ocenka-potencialov-lokalnyh

Не менее показательны и различия между ведущими ЛЧЦ в сравнении военно-политических потенциалов в частности, между китайской и остальными ведущими ЛЧЦ. Применительно к сравнению российской ЛЧЦ в военно-политической области, обращает на себя внимание ее сопоставимость с другими ведущими ЛЧЦ, где отмечается единственное существенное отставание от американской ЛЧЦ. Наконец, обращает на себя внимание высокая оценка индийской ЛЧЦ и низкая — военно-политического потенциала арабо-мусульманской ЛЧЦ (табл. 13).

Стремительное развитие информационно-технических средств обработки и передачи информации с конца XX века привело к еще большему изменению их политической роли, превратив

Таблица 13. Военно-политический потенциал локальных человеческих цивилизаций

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,5	7	2	0,9	1	1	5	7	9
восточно-европейская		1	0,1	6	1	0,7	0,6	0,2	0,3	3	5
северо-американская			1	9	3	1	3	5	7	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	5	9	9
китайская						1	0,2	5	2	5	9
индийская							1	3	1	5	8
японская								1	0.2	3	5
арабо-мусульманская									1	5	8
буддийская										1	3
африканская											1

их в главные инструменты политики всей западной ЛЧЦ, которые оттесняют довольно успешно традиционную дипломатию и военную силу, создав, по сути, новый политический феномен — «новую публичную дипломатию». Примеры того, как массово и эффективно используются СМИ и ИКТ западной ЛЧЦ показывают, что можно целиком деформировать общественное мнение практически в любых масштабах легитимизировать любые нарушения международного права. Именно так и происходит в Сирии и на Украине.

Мы видим, также, как быстро социализируется уже не только информационное, но и политическое пространство, а средства информации, с помощью которых можно контролировать это пространство становятся решающими политическими инструментами. Причем — и это особенно важно подчеркнуть — темпы развития информационно-технических средств значительно опережают темпы их социализации, а тем более политико-дипломатические средства, т.е. мы зачастую, просто не успеваем разработать меры использования и противодействия этому новому виду оружия. Именно так произошло в период «арабской весны», когда политические (а тем более международно-политические) усилия по стабилизации заведомо отставали от усилений по дестабилизации. Надо иметь в виду, что в XXI веке радикально изменились цели вооруженного противоборства, если прежде, до XXI века, главной политической целью войны и вооруженной борьбы был контроль над армией, столицей, промышленными районами, то в настоящее время такой главной целью становится общество, точнее, ее достаточно узкая часть — правящая элита и системы ценностей, реализуемые в интересах[113]. Соответственно меняются и средства влияния (воздействия, контроля) над правящей элитой, той или иной ЛЧЦ, которые необходимы оппоненту, т.е. **главной целью противоборства становятся интересы и система ценностей правящей элиты ЛЧЦ**. В самом простом виде приоритетность этих целей можно продемонстрировать на следующем рисунке (рис. 28), который не раз использовался в зарубежной и российской литературе[114].

[113] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 14–37.

[114] См., например: *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

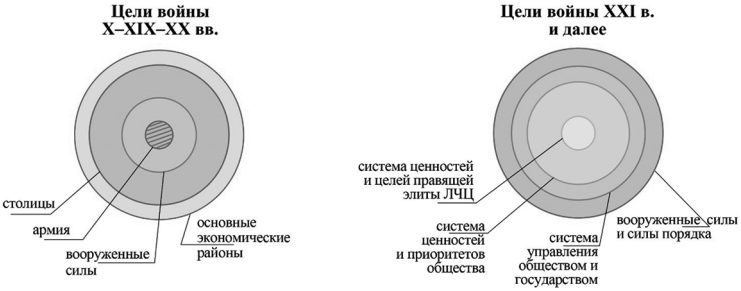

Рис. 28.

Очевидно, что если для достижения одних целей (X–XX вв.) требовались свои специфические средства насилия (прежде всего армии), то для достижения других целей в XXI веке (а именно смены системы ценностей ЛЧЦ) требуются уже **другие насильственные средства**: ВВСТ здесь могут быть уже неэффективны. Их наличие и развитие становится критически важным фактором системной безопасности ЛЧЦ, наций и государств. Речь идет о СМИ, интернете и социальных сетях, с помощью которых создается не только новая виртуальная реальность, но и трансформируется в реальность политическую, экономическую, социальную. Как, например, на Украине, где «виртуальная реальность» русофобства стала политической реальностью.

Эти новые средства не просто новые средства силовой борьбы. Они качественно другие, а именно — «средства принуждения», которые представляют собой единую систему силовых средств коалиции, не разделенных как прежде на «вооруженные» (военные) и невоенные.

Такой подход означает, что в современном противоборстве новую и очень важную роль системного фактора обеспечения безопасности играют:

— **во-первых**, коалиции и союзы государств, в частности, способных противостоять коалиции западной ЛЧЦ;
— **во-вторых**, силовые средства, объединенные в систему средств нападения и защиты, когда возникает новое качество силы, имеющая синергетический эффект, от объединения «мягкой» и «жесткой» силы;

Рис. 29. «Средства принуждения» политики ЛЧЦ и их коалиций в XXI веке

— **в-третьих**, умение защищать национальную систему ценностей и интересы ЛЧЦ;
— наконец, **в-четвертых**, способных противодействовать сетецентрическому характеру использования «средств принуждения».

Очевидно, таким образом, что без обладания именно этими средствами (как с точки зрения нападения, так и эффективной защиты) ЛЧЦ, вы уже не можете говорить ни о какой эффективной обороне. В нашем случае — не только эффективном стратегическом или даже ядерном сдерживании[115].

Использование новых смыслов, концепций и идей, возможность и способность их внедрения в понимание обществом меняет его представления не только о политических целях и задачах, но даже о системе ценностей и национальных интересах. Именно это и произошло в странах СЭВ и ОВД, а также в СССР, где в 70-е–80-е годы изменили сначала **понимание** основных идеологических и цивилизационных целей, а затем и **понимание** ценностей и национальных интересов у значительной части правящих элит и их лидеров. Это, кстати, немедленно отразилось и на безопасности не только самих государств, но и их лидеров (Чаушеску, Хонеккера,

[115] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

Живкова и др.), их возможностях принимать самостоятельные решения. Это стало прямой угрозой и российской ЛЧЦ

В начале XXI века стало окончательно ясно, что парадигма безопасности изменилась. Ее важнейшим системным фактором стала безопасность ЛЧЦ, а не государств, цивилизационных ценностей и интересов которые способны защищать соответствующие коалиции ЛЧЦ. У вас может быть значительно больше ВиВСТ и лучшего качества, лучше подготовлены ВС, но ваша армия не выполнит главной задачи — она не сохранит суверенное право правящей элиты принимать самостоятельные решения в соответствии с ее национальными интересами[116]. Очень иллюстративен в этой связи пример с развернутыми в Сирии российскими средствами ВКС и РЭБ, которые превратили значительную часть страны фактически в «бесполетную зону» и обеспечили выживание Б. Асада, но этот успех не помог решить стратегической задачи развития российской ЛЧЦ, темпы прироста ВВП которой, уровень жизни, демографические показатели, уровень развития промышленности и технологий развивались в последние 30 лет не только в 3–5 раз медленнее, чем в Китае и Индии, но и в 2 раза медленнее, чем во всем мире.

В конечном счете, это означает, что в противоборстве ЛЧЦ российская сторона уступила западной ЛЧЦ, поставив себя на грань выживания.

---

[116] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО, 2015. Т. I — 772 с.; т. II — 790 с.

6.4. Разработка основ методологии системного анализа политики безопасности в качественно новых условиях развития научного знания[117]

В XXI веке … произошло не только
сокращение масштабов фундаментальных
систематических исследований…,
но и серьезное снижение качества исследований[118]
Т. Шаклеина,
политолог

Предлагаемый проект стратегии национальной безопасности создает, на мой взгляд, новую концептуальную и нормативную основу для подготовки и эффективного ответа со стороны России на возрастающую агрессию со стороны западной цивилизации[119]
Генеральный директор АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

Политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний в силу целого ряда объективных причин, связанных, прежде всего доступностью и достоверностью информации, которая изначально не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна. Достаточно привести исторический пример, вызывающий и сегодня множество споров, о том, знал ли И. В. Сталин о конкретном сроке и плане нападения Германии на СССР.

Кроме объективных и признаваемых трудностей при изучении политики безопасности, однако, возникают многочисленные трудности теоретического, методологического и методического

[117] Работа подготовлена в соответствии с ТЗ гранта РНФ №16–18–10411.

[118] *Шаклеина Т. А.* Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 35.

[119] *Новиков Я. В.* Вступительное слово / Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 4.

порядка, с одной стороны, и субъективных подходов, с другой[120]. Причем, как показывает исторический опыт, в вопросах безопасности, особенно военного и политического искусства, субъективно и иррациональные факторы не, только играют важное значение, но и значение это в XXI веке, только усиливается[121].

Представляется, что важнейшим теоретическим положением, на основе которого можно делать системный анализ политики безопасности, является положение о том, что в таком исследовании должны всегда сочетаться два подхода: во-первых, нормативный политический анализ, основанный на теоретических знаниях и выверенных методологических и методических подходах, без которого огромное количество факторов, влияющих на политику безопасности, будут представлять собой простой нагромождение фактов и тенденций; во-вторых, эмпирический политический анализ, базирующийся на опыте, здравом смысле и интуиции[122]. И первый, и второй подход не противоречат друг другу, а взаимно дополняют и уточняют результаты исследования в области безопасности.

Методология системного анализа политики безопасности нации, общества и государства в качественно новых условиях развития научного знания составляет наименее изученную область в исследовании политики и в целом проблематика безопасности. Прежде всего, потому, что вопросами безопасности государств прежде занимались профессионалы — политики и ученые от отношения, знаний и возможностей которых зависело, в конечном счете, представление политической элиты и общества в тот или иной период времени. Как правило, численность таких политиков и экспертов была ничтожно мала и сводилась к нескольким десят-

---

[120] См. подробнее в работе: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.

[121] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[122] *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 8.

кам человек, сконцентрированных вокруг высшего руководства страны, даже — точнее — вокруг одного руководителя. Причем чем сложнее становилась обстановка в области безопасности (что требовало, казалось бы, привлечения большего числа экспертов), тем уже становился круг людей, которые реально занимались этой проблематикой в интересах высшего политического руководства страны. Так, в СССР по мере нарастания напряженности в мире в 30-е годы XX века, проходила концентрация власти от ЦК до Государственного комитета обороны (ГКО) и Ставка Верховного главнокомандующего.

6.4.а). Формирование потребности в методологии системного анализа политики безопасности во второй половине XX века

… международные отношения — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов …, а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих …[123]

Т. Шаклеина, политолог

Во второй половине XX века и особенно в конце века в МО произошли качественные изменения, связанные с исчезновением главного конкурента западной ЛЧЦ и центру силы — ОВД и СССР. Но это далеко не всё. С конца XX века ситуация в области анализа МО и ВПО стала быстро меняться еще и потому, что количество субъектов международной политики (государств, союзов, коалиций и пр.) резко возросло. Более того, к ним стали добавляться новые факторы — международные и иные акторы, — участвующие в международной политике, а также усилились многочисленные мировые и региональные тенденции. В итоге вместо одной достаточно узкой группы факторов, формирующих политику безопас-

[123] *Шаклеина Т. А.* Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 14.

ности, появились, как минимум еще три — глобальные тенденции развития, международные акторы и институты человеческого капитала[124].

Таким образом, появилась объективная потребность у новых субъектов исследовать политику безопасности, с одной стороны, а у прежних субъектов МО — анализировать и прогнозировать развитие международной и военно-политической обстановки[125], — что также требовалось и для стратегического планирования в области развития ВВСТ[126]. Это, в свою очередь, потребовало создания уже не только научных концепций, но и политических документов по стратегическому прогнозированию и планированию в конце XX века не только в России, но и в других ведущих странах мира[127], среди которых необходимо выделить принятие в 90-е годы XX века первые редакции Концепции национальной безопасности, Военной доктрины, Морской доктрины, а позже — федеральных законов «О безопасности», «Об обороне», «О стратегическом планировании», которые легки в основу целой системы стратегических документов, утверждаемых указами Президента Российской Федерации[128]. Прежде всего, речь идет о Стратегии национальной безопасности России (в редакции 31 декабря 2015 года), Концепции внешней политики, Военной доктрины и др.[129], а наций и обществ — только

---

[124] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 343–394.

[125] *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 455–560.

[126] *Леонтьев С.К., Губинский А.*М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 23–27.

[127] См., например: National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

[128] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — 86 с.

[129] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 338.

начали заниматься в XX веке. Тем более что новые условия существования многочисленных субъектов и акторов МО в XXI веке радикально изменили характер их отношений и существенно политики безопасности.

Вместе с тем в этой области в самые последние годы были сделаны наиболее прорывные достижения, которые отражают, прежде всего, потребности обеспечения безопасности наций и государств в новых условиях. На Западе, а также в Китае, Индии, ряде других государств мира были разработаны Многочисленные методики анализа международной, военно-политической и стратегической обстановки, а также стратегические прогнозы и перспективные оценки.

Существенные изменения в научном и информационном аппарате исследований, которые произошли в последние десятилетия во многом благодаря революции в области информатики и связи, позволили сегодня обрабатывать огромные массивы информации, анализировать и прогнозировать развитие сотен тысяч и даже миллионов факторов и переменных. Политическое и военное искусство, которое прежде игнорировало научное знание, стало опираться на его достижения.

6.4.б). Основные положения методологии системного анализа политики безопасности

… каждая научная гипотеза может рассматриваться не только как некая идея, но и как модель…[130]

К. Боришполец, политолог

Принципиальная разница в теоретических и методологических подходах, сложившихся до конца XX века и подходах настоящего времени заключается в переходе от историко-описательного, эмпирического подхода и нормативно-теоретическому, в основе которого лежит та или иная логическая модель,

[130] *Боришполец К. П.* Методы политических исследований. 2-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010 г. — С. 95.

требующая формализации и неких количественных и качественных критериев для своего анализа[131]. Можно спорить о достоверности и правильности тех или иных теоретических подходов и методов, избранных критериев и т.д., но, в конечном счете, современный подход отличается от традиционно-исторического (описательного) подхода практическими, даже прагматическими потребностями, вытекающими из необходимости стратегического прогнозирования и планирования, ставших абсолютно востребованными в XXI веке.

Основные положения методологии системного анализа состояния и стратегического прогноза будущей безопасности государств, наций и обществ, а также отдельных акторов основываются на взгляд, на следующих принципиальных положениях, сформулированных в разных работах 2013–2016 годов[132]:

Первое. В основе любого политического процесса в XXI веке, включая процессы, связанные с обеспечением национальной и международной безопасности, лежит стремлении всех субъектов и акторов МО, объединенных в разных ЛЧЦ, сохранить и продвинуть свои системы ценностей и обеспечить национальные интересы (потребности). Особенно откровенно и настойчиво это реализуется в политике западной ЛЧЦ, которую в настоящее время формулируют и реализуют США и их ближайшие союзники в рамках широкой военно-политической коалиции. Это открыто признается и подтверждается политической практикой и многочисленными примерами[133].

В XXI веке основными субъектами МО стали локальные человеческие цивилизации и прежде всего их страны-лидеры: США, Китай, Россия, Индия. Поэтому основной приоритет

---

[131] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 44–52.

[132] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — 743 с.

[133] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. — М. 2015. — С. 51–312.

в обеспечении безопасности принадлежит обеспечению безопасности национальной идентичности ЛЧЦ, нации и государства, а также безопасности интересов этих ЛЧЦ. Это означает, что методология анализа современной МО и ВПО должна основываться, прежде всего, на анализе систем ценностей и интересов ЛЧЦ и их военно-политических коалиций, союзов и двусторонних партнеров.

Второе. Политические цели и задачи (включая те, которые относятся к области безопасности) формулируются по-прежнему достаточно субъективно правящей элитой наций и государств, исходя из их объективных реалий, а нередко и собственных групповых и личных интересов.

Эти субъективные представления правящей элиты и ее лидеров могут существенно отличаться не только от объективных потребностей и даже им противоречить, но и иметь различия между отдельными социальными группами и личностями в отделение периоды времени. Поэтому требуется анализ не только объективных реалий, систем ценностей и интересов нации, государств и ЛЧЦ, формирующих МО (т.е. всех четырех групп факторов и акторов), но и субъективных представлений, и лично-групповых интересов, и концепций, идей и пр. суждений. Важно иметь в виду, что усиление роли человеческого потенциала и его институтов в МО в XXI веке неизбежно ведет к тому, что в отдельные периоды субъективные и даже иррациональные факторы могут играть решающую роль для МО и ВПО.

Третье. Существует достаточно строгая логика и вертикально-выстроенная последовательность в развитии отдельных сценариев (отношений ЛЧЦ, МО, ВПО, СО, войн и конфликтов), которая является концептуальной основой для анализа и прогноза системы безопасности. Она требует исследования этой проблемы изначально «сверху–вниз» — от общего к частному, — хотя и признает неизбежное влияние частного на формирование более общей системы, особенно если речь идет о тех областях, где субъективный фактор играет решающее значение[134].

---

[134] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 111–128.

Четвертое. В XXI веке ВПО в мире (и, как следствие, СО, характер войн и конфликтов) формируется в результате развития МО, а та, в свою очередь, прежде всего, под влиянием развития отношений между ЛЧЦ, т.е. «сверху–вниз»[135].

Вместе с тем, изменения в характере войн и военных конфликтов, т.е. изменения на самых «нижних этажах» этой пирамиды, безусловно, влияют не только на формирование ВПО и МО, но и на отношения между ЛЧЦ. В частности, бескомпромиссный характер будущих войн неизбежно требует и ведет к обострению МО и отношений между ЛЧЦ. Это видно на принципиальной схеме (рис. 30), описывающей различный характер войн в истории человечества[136].

Другими словами, субъективные факторы, прежде всего развитие человеческого капитала и его институтов, в XXI веке усили-

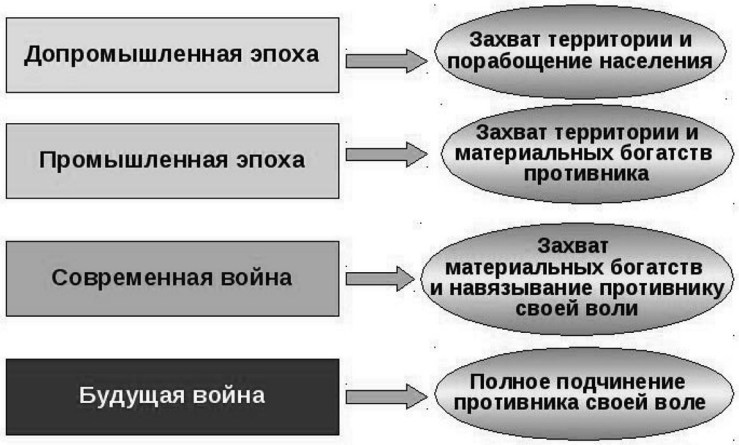

Рис. 30. Цели войн в разные эпохи

---

[135] Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[136] *Попов И.М.* Доклад «Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. — М.: МГИМО–Университет / http://eurasian-defence.ru/

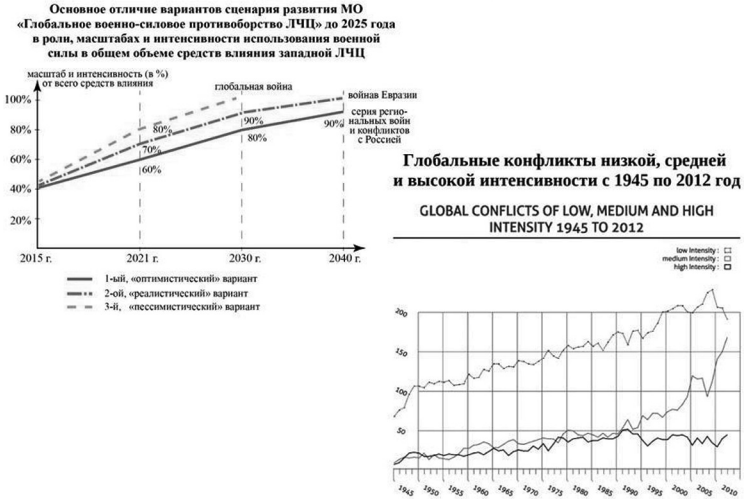

Рис. 31.

вают влияние личности, в т.ч. нередко и неадекватное и иррациональное, на развитие МО и отношений между ЛЧЦ[137]. В ноябре 2016 года, например, на исходе своего президентства, Б. Обама признал, что вооруженное нападение на Ливию в 2011 году было личностной ошибкой, которая принесла масштабные негативные международные последствия.

Пятое. Системный анализ в области безопасности в XXI веке предполагает, что не только возможно, но и необходимо использование научно-теоретических, концептуальных построений, с одной стороны, и создание объемных информационных баз данных и алгоритмов их анализа, с другой[138]. Опыт самых первых работ в области синтеза этих двух подходов — норма-

[137] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 11–13.

[138] См. например: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П. М. Шмелев, А. И. Подберезкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

тивного и эмпирического — дает достаточно положительные результаты[139].

Шестое. Анализ политики безопасности предполагает обязательный стратегический прогноз и планирование политики безопасности, без чего собственно анализ теряет практический смысл в силу очень быстрых изменений в МО и особенно в ВПО и СО. Это означает, что стратегия национальной безопасности должна включать в себя в качестве единых интегрированных частей анализ, прогноз и планирование, что далеко не всегда находит место на практике. Так, Стратегия национальной безопасности России в последних двух редакциях (2009 и 2015 гг.) фактически не исходит из потребностей стратегического прогноза и планирования[140], хотя это требование и сформулировано в ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

---

[139] Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналит. доклад / А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец, А. А. Казанцев, В. П. Козин, А. А. Орлов. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[140] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

6.5. Обоснование рабочей концепции системной безопасности России в условиях новых рисков и уязвимостей на основе институционального доверия к научному знанию[141]

Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности[142]
Стратегия национальной безопасности России

Способность к самоорганизации системы международных отношений позволяет прогнозировать ее долгосрочное развитие, т.к. в основе самоорганизации находятся объективные закономерности[143]
Авторы альтернативной Стратегии национальной безопасности

Исходя из радикальных и качественных изменений в МО и ВПО, произошедших в начале XXI века, которые привели к обострению военно-силового противоборства между ЛЧЦ, требуется пересмотреть основы стратегии национальной безопасности России, как минимум, исходя из двух принципиальных соображений.

Во-первых, качественное увеличение когнитивных, прежде всего, информационно-аналитических и теоретических возможностей научного значения в XXI веке позволяет минимизировать влияние иррациональных и субъективных факторов на политику безопасности, т.е. усилить нормативный подход в формировании политики, сделав ее продуктом научного исследования.

---

141 Работа подготовлена в соответствии с ТЗ гранта РНФ №16–18–10411.

142 *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г. / http://base.consultant.ru

143 Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С. 11.

Во-вторых, развитие всех групп факторов, влияющих на формирование МО и ВПО в XXI веке, привело к резкому увеличению их многообразия и появлению принципиально новых факторов и акторов, формирующих МО и ВПО, которые требуется не только учитывать при принятии решений, но и чье развитие — прогнозировать.

Концепция системной безопасности России в этих условиях новых рисков и уязвимостей отличается от существующей Стратегии национальной безопасности как значительно более широким подходом к оценке рисков, угроз и опасностей для нации и общества, так и возможностью разработки более эффективных средств противоборства. Если Стратегия национальной безопасности фактически ориентирована на обеспечение только безопасности государства (хотя и называется «национальной»), то концепция системной безопасности в качестве своего приоритета видит обеспечение безопасности и **развитие** нации и общества и ЛЧЦ. Соответственно если в Стратегии важнейшими задачами безопасности является сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности (фактически только это), то в концепции системной безопасности — развитие нации, общества их институтов, самоидентификации.

6.5.а). Соотношение концепций системной безопасности России и национальной безопасности Российской Федерации

В реальном мире мы постоянно принимаем решения,
исходя из теории меньшего зла[144]
Ян Моррис,
социолог

К концу 2016 года в России росло понимание неэффективности государственного управления в области национальной безопасности, что привело даже к тому, что в ноябре 2016 года В. В. Путин инициировал необходимость принятия закона «О нации» и созда-

[144] *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 15.

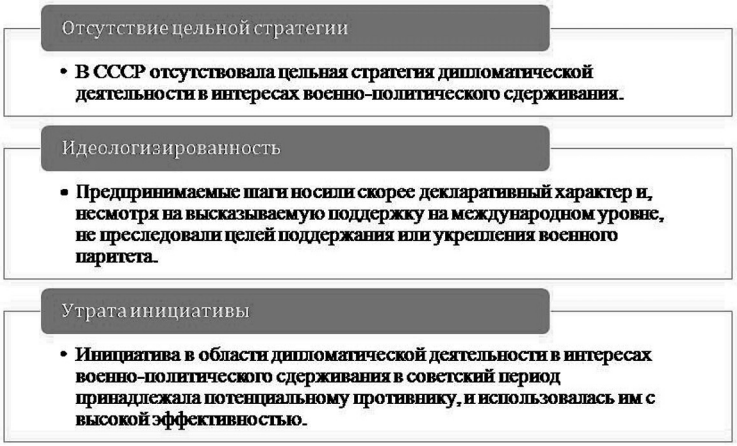

Рис. 32. Анализ советского опыта

ние фонда «Национального наследия». Это было вызвано, прежде всего, тем, что со стороны государственной власти наблюдалось очевидное отсутствие долгосрочной и национальной стратегии. Так, некоторые эксперты полагали, что такая стратегия в области национальной безопасности в 2016 году характеризовалась следующими особенностями (рис. 32).

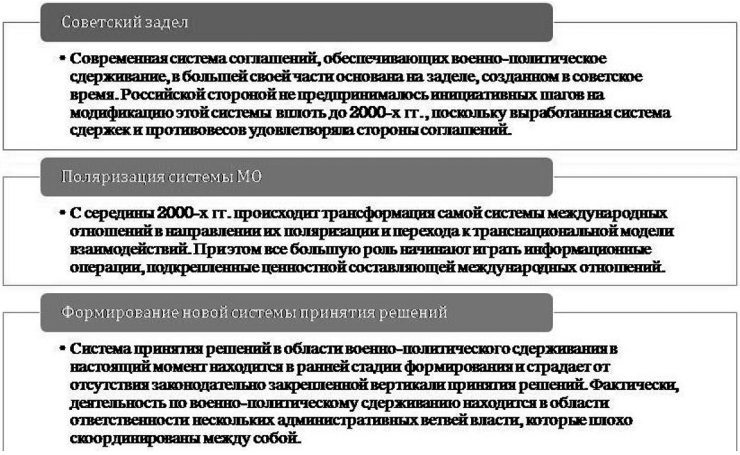

Рис. 33. Современные условия

Рис. 34. Структуры концепции системной безопасности и стратегии национальной безопасности

Сказанное выше, по мнению этих экспертов, привело к следующим (далеко не во всем) бесспорным выводам относительно существующей стратегии национальной безопасности (рис. 33).

Концепция системной безопасности соотносится со Стратегией как общее с частным, что может быть продемонстрировано на рисунке следующим образом (рис. 34).

Эта Стратегия должна обеспечивать одновременно как собственно безопасность нации, государства и общества, так и обеспечивать наилучшие условия для их развития: социально-политические, экономические, финансовые, демографические, иные. Причем в XXI веке обеспечение благоприятных социально-политических и социально-экономических условий развития становится не менее, а более важным для безопасности (включая военную безопасность) наций, государств и обществ.

Рис. 35.[145] Логика революции: главный удар по состоянию стабильности в государстве

6.5.б). Рабочая концепция системной безопасности России на основе институционального доверия к научному знанию

Действующая Федеральная целевая программа («Развития ОПК до 2011–2020 гг.)…, представляет шаг в верном направлении, но с учетом текущей финансово-экономической ситуации ее реализация под угрозой…[146]
А. Фролов,
редактор журнала «Эксперт вооружений»

Требование «национальной идеи», «эффективной стратегии», «хорошего управления» и т.п. сводятся, в конечном счете, к требованию иметь научно обоснованную общенациональную

[145] *Попов И. М.* Доклад «Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. — М.: МГИМО–Университет / http://eurasian-defence.ru/

[146] *Фролов А.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — С. 45.

концепцию безопасности и развития, которая в ясной и короткой форме и доступной парадигме могла бы сформулировать основную цель национального развития и вытекающие из нее представления о безопасности. Причем реализовывать эту концепцию безопасности и стратегию развития придется наверняка в условиях кризиса и жестких ресурсных ограничений, что делает требования к повышению ее эффективности еще более жесткими.

Иными словами резкое обострение МО и ВПО во втором десятилетии XXI века особенно остро поставило вопрос перед руководством страны не только о немедленных тактических действиях по нейтрализации этих угроз (санкций, действий на Украине, в Сирии, киберугрозах и т.д.), но и выстраивании общенациональной стратегии безопасности и развития на стратегическую перспективу в неблагоприятных и даже враждебных внешних условиях[147]. Ни попытки сформулировать стратегию национальной безопасности России (Указ 683 от 31 декабря 2015 г.), ни предложения стратегии социально-экономического развития (март 2008 г.) этой задаче на соответствовали.

Решать эту задачу предстоит, видимо, тем же структурам, которые уже пытались ее решать прежде в имеющихся институтах государства и на той же материальной и информационно-аналитической основе, что уже ставит под сомнение возможность такого эффективного решения.

Если говорить о законодательной и нормативной основе, то в ней, как оказывается, нет места для долгосрочной стратегии самого высокого уровня, в которой, прежде всего, формируется национальное целеполагание, т.е. цели развития и основные требования к безопасности[148]. Коротко и не бесспорно они описаны в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности России (2009 и 2015 года), в которых подчеркивается, что они являются «базовым документом стратегического планирования,

[147] Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2016. Июль. — С 9–11.

[148] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

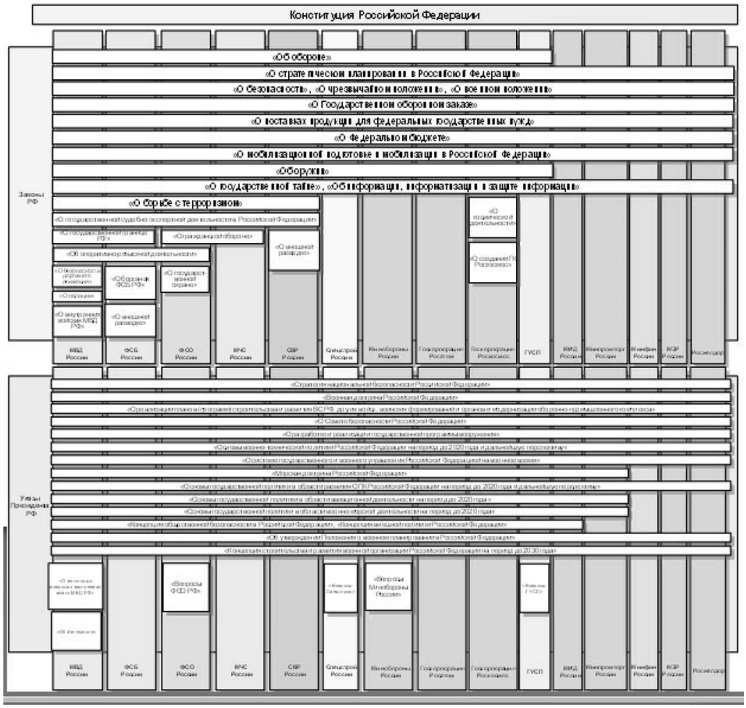

Рис. 36. Законодательные и нормативные основы политики безопасности России

определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты[149], но где сами интересы и приоритеты изложены противоречиво и вызывают серьезные возражения (Ст. 30 Стратегии).

Прежде всего, если говорить о законодательной основе, то, с одной стороны она была создана в 2000–2016 годы посредством принятия ФЗ, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, но как **система** для правового обеспечения разви-

[149] *Путин В. В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» №683 от 31 декабря 2015 г.

тия и безопасности нации, она так и не сложилась, ориентируясь, прежде всего, только на институты государства (да и то далеко не все), игнорируя:

— институты нации;
— общества;
— человеческого капитала и личности.

Более того эта система не включает вообще, в качестве приоритета, цели **развития**, хотя именно здесь и формируется главный приоритет безопасности. Если, например, МЭР изначально планирует (как в октябре 2016 г.) темпы роста ВВП России на 20 лет в 2 раза ниже общемировых, то это и есть главная угроза безопасности.

В этой связи особенно важное значение приобретает проблема формирования новых и развития существующих национальных и общественных институтов, укрепляющих институциональное доверие к власти, науке, вере и образованию, прежде всего, с точки зрения определения целей национального развития.

Рабочая концепция формирования системы безопасности России в условиях новых рисков и уязвимостей должна исходить из следующих принципиальных посылок:

Во-первых, опережающего количественного и качественного роста национального человеческого капитала России как главного фактора развития относительно наиболее динамично развивающихся стран-представителей отдельных ЛЧЦ. Прежде всего, США, КНР и Индии[150].

Во-вторых, опережающего развития институтов НЧК в социальной, научно-технической, экономической и иных областях. Именно такие институты в настоящее время определяют в решающей мере не только темпы развития экономики, общества и нации, но и безопасность государства.

Институты развития НЧК играют в XXI веке решающую роль с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Это находит свое прямое выражение в базовой стратегии западной ЛЧЦ, которая получила свое название «политика новой публичной дипломатии», а на самом деле стала новым вариантом политики

[150] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

Рис. 37. Новая публичная дипломатия

силы — политика «силового принуждения» (the power to coerce). Ее эволюцию можно продемонстрировать на следующем рисунке (рис. 37).

Соответственно у такой политики качественно меняется и набор силовых средств, с помощью которых планируется достичь сформулированных целей. В самом общем виде эту эволюцию можно изобразить в следующей таблице (рис. 38).

В этой связи, повторим, особая, исключительная роль принадлежит институтам развития НЧК.

В этой связи обращает на себя внимание, например, следующее суждение немецкого специалиста: «Центральную проблему эволюционной экономики составляет недостаток знаний, поэтому поведение в условиях неопределенности рассматривается как важный характерный признак действующих агентов. В виду нехватки знаний у агентов процесс познания может происходить лишь на основе метода проб и ошибок. Это значит, что пути решения человеческих проблем в какой-то мере могут восприниматься в качестве гипотез, которые, подобно биологии, проходят через вариации и отбор, тестируясь и устанавливаясь на рынке. Особая роль в данном инновационном процессе отводится конкуренции, ибо она создает стимулы к поиску все новых способов решения

Главные цели публичной дипломатии во второй половине XX века:	Главные цели публичной дипломатии в начале XXI века:
1. Дестабилизация внутриполитической ситуации в социалистических странах;	1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики;
2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ;	2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах;
3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока.	3. Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ.
Основные ресурсы:	Основные ресурсы:
1. Государственные средства внешней политики, СМИ и специальные средства;	1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (МО, например, финансов и др.) и ведомств;
2. Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах.	2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу.
Стратегия:	Стратегия:
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО.	Сетецентрическая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ.

Рис. 38. Политика «новой публичной дипломатии»

проблем»[151]. И далее: «Неоклассика исходит из определяющего предположения о том, что простое увеличение НИОКР ведет к росту экономики; при этом традиционно в значительной степени недооценивается роль институциональных рамочных условий. Если бы этот подход был абсолютно верен, то Советский Союз с его сравнительно высоким уровнем расходов на НИОКР, возможно, все еще существовал бы. Ведь, что касается показателей вложений, то они были вполне благоприятными для развития советской экономики»[152].

Примечательно, что если с точки зрения обеспечения национальной безопасности степень доверия национальным институтам превратилась в решающий фактор в результате политики западной ЛЧЦ по дестабилизации противников и созданию обстановки хаоса, то в то же самое время российские исследователи обнаруживают достаточно резкое падение доверия. Как отмечает коллектив международных исследователей, измерение уровня

---

[151] *Айхелькраут С.* Институты, инновации и экономическая политика / Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. — Т. 1. — №1. — С. 37.

[152] Там же.

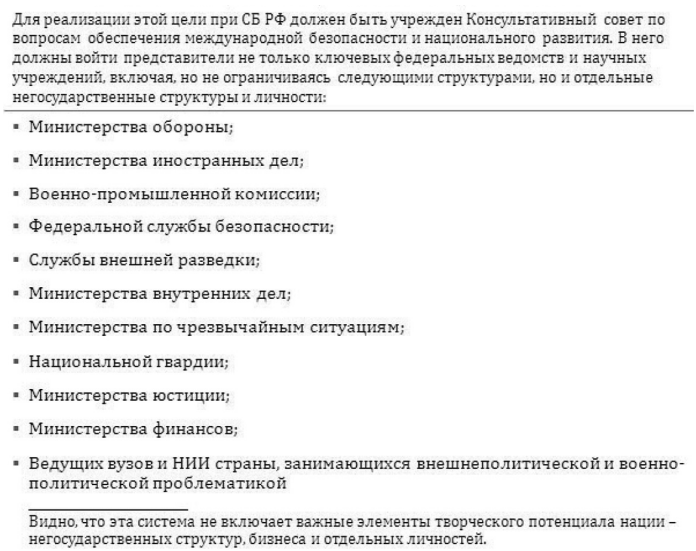

Рис. 39. Система существующих консультаций в России

доверия в постсоветской России, одного из индикаторов запасов социального капитала в национальной экономике, является очень важной научной задачей. В ходе опроса «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации» обнаружены, в частности, следующие закономерности:

— уровень доверия всем институтам власти и управления невелик;
— уровень доверия отдельным властным институтам имеет тенденцию быть обратно пропорциональным степени близости этой власти к рядовому гражданину;
— меньше всего россияне доверяют тем институтам власти, которые больше всего соответствуют демократической модели (Думе и, особенно, негосударственным организациям);
— уровень доверия социальным институтам выше у людей с более низким человеческим капиталом, у менее образованных людей[153].

[153] *Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н.* В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. — Т. 1. — №1. — С. 20.

При этом человеческий капитал и его составная часть — научные знания, опыт, навыки — занимают особое место среди всех национальных ресурсов, но пока еще не стали высшим приоритетом безопасности российской ЛЧЦ, нации и государства. В этом, я уверен, заключается главная проблема обеспечения эффективного развития и безопасности. Предлагается еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса.

В XXI веке человеческий капитал окончательно превратился в главную цель и средство развития человеческого общества и, естественно, любой нации или ЛЧЦ. В конечном счете, к середине XXI века победителем станет та ЛЧЦ или нация, которая сможет обеспечить максимально высокое качество НЧК и самореализацию личности, наиболее эффективные институты развития НЧК, включая военные[154].

При этом роль ЛЧЦ, системы ее ценностей, наследия, интересов в XXI веке стремительно возрастает, а национально-государственная общность, выступая альтернативой глобализации, все больше расширяется до цивилизационной. Это видно не только на примере неожиданно быстрой духовно-интеллектуальной интеграции стран ЕС, но и мусульман, латиноамериканцев и других цивилизаций. НЧК становится в возрастающей мере не абстрактно-глобальным, а принадлежащим локальной цивилизации, ориентированным на ее систему ценностей.

Из сравнения ЛЧЦ по человеческому потенциалу (национальному человеческому капиталу) видно, что вперед выходят те ЛЧЦ страны, где уровень душевого ВВП на образование, культуру и здоровье выше (табл. 14). Но эти же показатели являются решающими и в военной области, где они определяют качество личного состава и ВиВТ. Стратегический прогноз для ЛЧЦ и будущего сценария развития МО во многом предопределяется темпами развития НЧК в разных центрах силы. Особенно в таких, как китайский, индийский, бразильский и индонезийский, где его темпы могут привести к радикальным изменениям в МО и появлению принципиально новых парадигм развития.

---

[154] *Подберезкин А.И.* Оценка потенциалов локальных человеческих цивилизаций / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2016. 7 ноября / http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/ocenka-potencialov-lokalnyh

Таблица 14. Потенциал человеческого развития
(оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	3	1	8	3	7	7	1	6	7	9
восточно-европейская		1	0,1	8	1	3	3	0,2	5	3	9
северо-американская			1	9	5	7	7	2	9	9	9
океаническая				1	0,1	0,5	0,5	0,1	0,3	0,9	2
русская					1	3	5	0,1	5	5	9
китайская						1	3	0,5	5	5	8
индийская							1	0,2	2	2	5
японская								1	8	8	9
арабо-мусульманская									1	2	4
буддийская										1	2
африканская											1

Формирование будущих сценариев МО после 2021 года зависит от того, какая из ЛЧЦ и в каких масштабах сможет реализовать свой коалиционный потенциал. Этот результат будет зависеть не только от того, какая нация идентифицирует себя в наибольшей степени с той или иной ЛЧЦ, но и от многих частных условий. Далеко не всегда, например, союзник является усилением коалиции. История знает немало примеров того, когда близкая по многим критериям нация или государство становилась ненужным и даже вредным членом альянса. Иными словами, коалиционный потенциал можно оценивать не только и даже не столько по цивилизационным признакам, сколько по политической выгоде. Так, Грузия, Молдавия или Украина могут стать сомнительным дополнением

к коалиции западной ЛЧЦ. Так же, как таким сомнительным приобретениям для ЕС и НАТО стала Румыния.

Коалиционный потенциал может быть увеличен и не только на цивилизационной, но и на межцивилизационной основе. Не случайно, например, интерес к ТС проявили не только бывшие советские республики, но и Вьетнам, Новая Зеландия, Израиль, Египет и Индия. Поэтому нельзя ставить знак равенства меду цивилизационным и коалиционным потенциалами, хотя надо признать, их содержание в XXI веке все больше сближается. В любом случае, как показывает практика, в основе устойчивого военно-политического союза должно лежать единое цивилизационное ядро. Тем не менее, вполне возможны ситуативные коалиции

Таблица 15. Сравнение коалиционных потенциалов ЛЧЦ в XXI веке (оценки экспертов по методу Саати, 2015 г.)

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5	0,8	9	5	5	7	4	7	7	9
восточно-европейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
северо-американская			1	9	7	7	7	7	8	8	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

государств различных ЛЧЦ, если для них существует угроза со стороны общего врага.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что огромный коалиционный потенциал западной ЛЧЦ должен встретить в перспективе, после 2021 года, вполне адекватную реакцию со стороны других ЛЧЦ. Например, ШОС и другие межцивилизационные объединения могут получить свое политическое, и даже военное наполнение по мере усиления экономического веса, входящих в них стран и нарастания военно-силового давления со стороны западной ЛЧЦ. В итоге может сложиться коалиция, в которую будут входить государства, объединенные на основе системы ценностей западной ЛЧЦ, с одной стороны, и коалиция, объединяющая несколько ЛЧЦ, с другой. Например — российская, китайская, индийская, бразильская. В этом случае, как показывают оценки экспертов, после 2020 года могут существовать и противоборствовать сопоставимые центры силы (табл. 15).

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некого общего знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий. Примером может служить нижеследующая матрица (табл. 16).

Естественно, что подобное распределение «весов» является очень субъективным и требующим не только аргументации, но и серьезной экспертной работы. Очень важно также, чтобы были четко обоснованы критерии таких оценок, которые пока что представляются очень условными. Подобные попытки могут называться только первым опытом количественного анализа потенциалов, позволяющим более прагматично и конкретно прогнозировать будущие сценарии развития МО.

Основоположником современной теории человеческого капитала считается американский экономист Гэри Беккер (лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 г.). Под влиянием его работ человеческим капиталом стали называть имеющиеся у индивидуума знания, производственные навыки и мотивации, повышающие

Таблица 16. Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный	Управленческий потенциал	Потен-циал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

производительность труда. Беккер доказывал, что инвестиции в человеческий капитал (в подготовку и переподготовку специалистов и квалифицированных работников) оказываются гораздо более прибыльными, чем расходы на машинную технику.

У предложенного Г. Беккером подхода был, однако, существенный недостаток — он основан на парадигме рационального поведения индивида как автономного субъекта экономической жизни. Хозяйственная жизнь выглядит, в рамках его подхода, как совокупность индивидуальных решений ответственных инди-

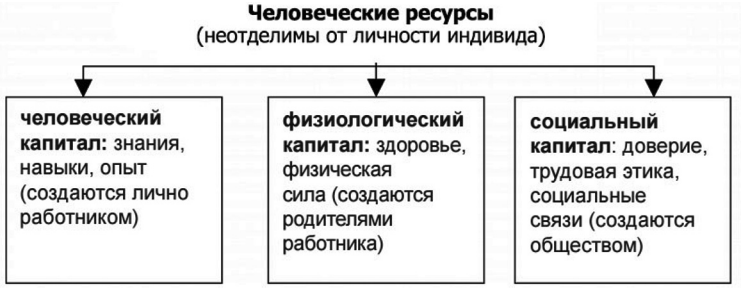

Рис. 40. Типология человеческих ресурсов

видов, своего рода «рациональных робинзонов». Современные обществоведы выражают сомнения по поводу и рациональности, и автономности индивидуального поведения индивидов. Идеи Г. Беккера стимулировали разработку все новых и новых концепций «человеческих ресурсов» (рис. 40), которые отражали те аспекты, которые не зависят (или не полностью зависят) от воли и сознания отдельного человека.

Одно принципиально важное уточнение сделал американский экономист-историк Роберт Фогель (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г.), предложив выделять физиологический капитал, который человек получает при рождении и в первые годы жизни, после чего уже почти не может его изменить (Фогель 2004 г.). Другое, еще более важное уточнение сделал американский экономист-социолог Джеймс Коулман, разработавший концепцию социального капитала, который создается не столько отдельным индивидом, сколько обществом в целом[155].

Таким образом, социальный капитал можно определить как нормы взаимоотношений индивидов, повышающие производительность труда. Дж. Коулман объяснил различие трех основных форм капитала следующим образом: «Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем. Он проявля-

[155] *Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В.* Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. — Т. 1. — №1. — С. 21.

ется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» (Коулман 2001г.). Объяснение Коулмана можно дополнить так: у Робинзона Крузо, на его необитаемом острове, был физический и человеческий капитал, но не было социального капитала. Можно сказать, что если физический и человеческий капитал определяют величину трансформационных издержек, то социальный капитал — трансакционных издержек (чем выше капитал, тем, ниже удельные издержки).

В таблице 17 показаны черты сходства и различия между человеческим и социальным капиталом[156].

Таблица 17. Сравнительная характеристика человеческого и социального капиталов

Человеческий капитал	Социальный капитал
Знания, навыки, компетенции и свойства индивидуумов	Связи, а также признанные нормы и ценности внутри социальных групп
Воплощен в отдельных людях	Воплощен в коллективах людей
Создается и накапливается индивидом	Создается и накапливается внутри социальных групп и организаций
Измеряется в основном при помощи показателей уровня образования	Измеряется в основном при помощи показателей уровня доверия

Под влиянием новейших социально-экономических научных разработок происходит качественное переосмысление методики расчета национального богатства. Ранее оно рассчитывалось как сумма чисто материальных (физического и природного) капиталов, теперь в него стали включать и неосязаемый капитал, воплощенный в людях. Под «неосязаемым капиталом» (intangible capital)

[156] *Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В.* Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. — Т. 1. — №1. — С. 22.

понимают ресурсы, воплощенные в людях, т.е. все человеческие ресурсы.

По оценкам зарубежных экономистов (табл.), по состоянию на начало XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет лишь несколько процентов, доля физического капитала — менее 20%, зато удельный вес неосязаемого капитала (ресурсов, воплощенных в людях) превышает 70%. В России же, согласно оценке Всемирного банка, среднедушевая величина национального богатства достаточно велика (38,709 долл.). Однако его основу составляет природный капитал, на который приходится 44%, физический капитал составляет 40%, а неосязаемый — лишь 6%[157].

Таблица 18. Структура национального богатства разных групп стран мира, 2000 г.

Группы стран	Величина национального богатства на душу населения, долл.				Структура национального богатства, %		
	*	**	***	всего	*	**	***
бедные	1,925	1,174	4,434	7,532	26	16	59
средние	3,496	5,347	18,773	27,616	13	19	68
богатые	9,531	76,193	353,339	439,063	2	17	80
в среднем	4,011	16,850	74,998	95,860	4	18	78

* — природный капитал

** — физический капитал

*** — неосязаемый капитал

Источник: Where Is the Wealth of Nations? World Bank, Wachington, D.C., 2006 http://siteresources.worldbank.org/INTEEI/214578–1110886258964/20748034/All.pdf

[157] *Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н.* В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. — Т. 1. — №1. — С. 22.

Очень малая относительная величина человеческих ресурсов России в расчетах Всемирного банка связана, очевидно, с низким уровнем, прежде всего, социального капитала, поскольку по показателям человеческого и физиологического капитала (уровень образования, здоровья и т.д.) Россия смотрится на мировом фоне более-менее средне. Действительно, суждение о том, что «Россия — страна с низким социальным капиталом»[158], повторяется настолько часто, что стало едва ли не банальностью.

[158] Европейская метрика для российской экономики. Где пересекаются формальные показатели и реальная инновационная политика // Независимая газета. 12 марта 2008 г. (http://p1.hse.ru/pressa2002/default.php?show=19207&selected=3).

Глава VII
Главная цель внешнего воздействия — изменение системы ценностей правящей элиты*

* Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в монографии Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015.

… интеллектуальная потребность в философском понимании проблем и парадоксов политики России пока очевидна[1]
В. Гуторов, профессор

… эффективное управление нуждается в эффективной экспертизе — политологической, социологической, экономической[2]
О. Гаман-Голутвина, профессор

Излишня и догматическая идеологизация политики и экономики правящей советской элитой, безусловно, негативно отразилась на качестве принимаемых политических и иных решений в СССР в 1980-е годы. Однако разрушение и полное уничтожение идеологии как системы взглядов привело к гораздо более худшему: отказавшись полностью от прежней системы, правящая элита вообще ничего не предложила взамен за исключением грубой кальки с западной системы ценностей. Более того, полностью «отказала» идеологии в праве на существование, попытавшись «отменить» ее даже в Конституции РФ 1993 года.

Подобное развитие событий (продолжающееся до настоящего времени) означало полную дезориентацию правящей элиты и разрушение всей национальной системы культурных, исторических и духовных ценностей, что — с точки зрения противоборства ЛЧЦ в современном мире — и является стратегической целью западной ЛЧЦ. В области внешней и военной политики это нашло свое немедленное отражение: во — второй половине 80-х годов национальную систему ценностей и интересов за-

---

[1] Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 11.

[2] *Гаман-Голутвина О. В.* Предисловие к работе. — С. 8.

менили на более «прогрессивную», «универсальную» систему ценностей западной ЛЧЦ, которая потребовала от СССР и затем России уже не идеологических, а конкретных геополитических, военных и экономических уступок. В конечном счете, эта тенденция не стихла и сегодня.

7.1. Роль правящей элиты России в формировании и реализации Стратегии национальной безопасности в 1990–2016 годы

Россия и Соединенные Штаты
фактически ведут опосредованную войну в Сирии[3]
С. Чарап, Д. Шапиро,
политологи

… для множества серьезнейших людей во всем мире культурная матрица различных стран, народов и цивилизаций является предметом тщательного анализа. Потому, что это фундамент, на котором предстоит строить будущее[4]
В. Никонов,
политолог

Избранная цитата В. Никонова, примечательна тем, что автор высказал бесспорное суждение, с одной стороны, но эта, же цитата отнюдь не являлась таковой в период 80-х и 90-х годов XX века и даже в XXI веке для многих представителей российской элиты (включая, возможно, самого В. Никонова). «Культурна матрица», а также все наследие России, в т.ч. советский период, оказалось на целые годы исключенным из процесса подготовки и принятия политических решений. Ни М. Горбачев, ни Б. Ельцин, ни их ближайшее окружение не опирались в своей деятельности ни на национальную систему ценностей, ни национальные интересы,

[3] *Чарап С., Шапиро Д.* Среднего не дано // Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–октябрь. — №5. — С. 49.

[4] Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 565.

действуя, как правило, рефлекторно и в зависимости от политической конъюнктуры. Это неизбежно отрицало любую стратегию и любой долгосрочный результат, что и стало потом их политикой в области безопасности[5].

Итогом действия (бездействия) правящей советско-российской элиты в 1987–1999 годы стало полное уничтожение системы безопасности СССР–ОВД, остатки которой в России к 2000 году существовали скорее по инерции, чем по расчету и политической воле. Лучшим доказательством этому стал позорный проигрыш чеченской кампании и потеря уважения к России в мире в 1990-е годы, которые поставили в 1999 году Россию на грань распада.

Правящие элиты, которые всегда играли ведущую роль в политике, в XXI веке фактически узурпировали власть. И не только в России, но и в США. Но не это стало проблемой, а то, что как сказал Ф. Фукуяма, «… и элиты не принимают верных решений, а их пренебрежение гласом народа нередко маскирует тот факт, что «король-то голый»[6]. И это справедливо для всех стран в XXI веке: чем сложнее ситуация, тем хуже эффективности элит.

---

[5] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

[6] *Фукуяма Ф.* Политический закат или обновление Америки? / Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–октябрь. — №5. — С. 73.

7.1.а). Локальные человеческие цивилизации и их правящие элиты в XXI веке

Глобальный кризис носит, в первую очередь, этносоциокультурный характер…[7]
Н. Загладин, политолог

Долгосрочная стратегия национальной безопасности — это инструмент активного планирования, а не пассивного реагирования. Основой такого планирования могут являться только ценности, при этом ценности цивилизационные[8]
Я. Новиков, Генеральный директор АО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Международная обстановка в XXI веке стала формироваться под сильнейшим влиянием правящих элит отдельных локальных человеческих цивилизаций, прежде всего западной. При этом сохранившееся влияние на формирование МО других групп факторов, о котором говорилось выше[9], стало заметно уступать влиянию западной ЛЧЦ, которая к началу XXI века оформилась в широкую военно-политическую коалицию[10].

Если посмотреть в очередной раз на логическую модель политического процесса, то легко увидеть, что само по себе занимаемое центральное место правящей элиты объясняет не только ее традиционно ключевую, но и растущую роль в XXI веке. Причем не только с точки зрения влияния на политическую элиту, но и с точки зрения влияния самой политической элиты на все группы

---

[7] Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира: коллективная монография / под ред. д.э.н. Е.Ш. Гонтмахера, д.и.н. Н.В. Загладина, д.п.н. И.С. Семененко. — М.: ООО «Русское слово», 2014. — С. 7.

[8] *Новиков Я.В.* Вступительное слово / Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 7.

[9] *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 74–99.

[10] *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 117–129.

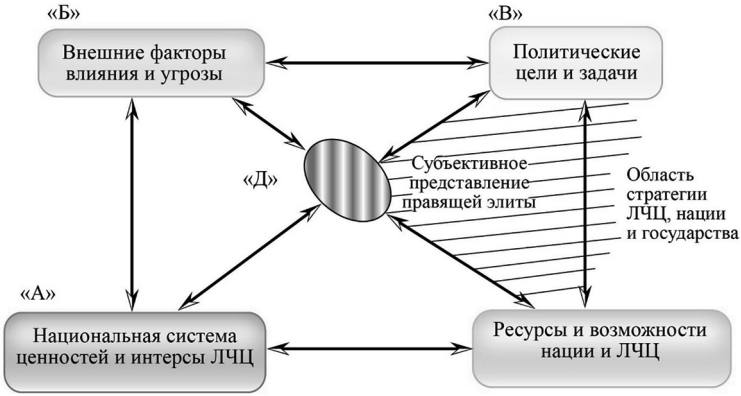

Рис. 1. Логическая модель политического процесса

факторов (области политического процесса) — те же политические цели, внешние факторы влияния, интересы и ресурсы.

Эта роль в настоящее время превратилось в решающий фактор политического успеха нации и государства, превратив, тем самым, элиту и ее лидеров в главные цели войны. Войны последних лет полностью подтверждают этот вывод. Как правило, они заканчивались не классическими мирными договорами, а сменой элит и смертью их лидеров: вся череда «революции» и войн 90-х годов XX века и «арабская весна», а также перевороты на Украине, в Грузии, Молдавии и пр. странах — прямое свидетельство этому. Как и переворот в Москве в октябре 1993 года. Смена элит проходила грубо, демонстративно, нарочито показательно. Иногда такие перевороты заканчивались смертью демонстративной, в назидание другим элитам и лидерам.

Как видно из рисунка 1[11], современная правящая политическая элита ЛЧЦ оказывает прямое воздействие на все группы факторов, составляющих политический процесс[12]. Это очень хорошо видно

[11] Эта модель неоднократно использовалась ранее, но в целях наглядности к ней будем прибегать и впредь, чтобы сохранить четче логику размышлений.

[12] Это влияние правящей элиты более подробно описывалось в работе: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–4. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

на многочисленных примерах, из которых наиболее очевидный — правящая элита США, фактически контролирующая западную ЛЧЦ через сеть формальных, полуформальных и неформальных организаций и клубов. И если это воздействие на другие правящие элиты было разрушительно, как было в СССР и России, то достигается радикальный и системный политический успех:

— изначально и прежде всего, деформируется представление в обществе о системе национальных ценностей и интересах (группа факторов «А»). Именно это и произошло в СССР, а позже в России в 1985–1990-е годы, а также в республиках и странах — союзниках по социалистическому лагерю (за некоторым исключением);
— происходит глубокая трансформация и подмена политических целей и задач (группа факторов «В») в нужном для внешних сил направлении, что также отчетливо было видно на примере СССР в 80-е и России в 90-е годы;
— происходит изменение внешней политики (воздействие на группу факторов «Б») в нужном направлении, Внешняя политика СССР–России в 1985–1990-е годы стала носить отчетливо прозападный и часто антинациональный характер;
— наконец, происходят необходимые манипуляции с национальными ресурсами. В СССР и России, например, произошли массовые «неорганизованные» приватизация и развал ОПК и т.д., в результате которых страна быстро лишилась огромной части национального богатства.

Таким образом, с политической точки зрения, победа в противоборстве между ЛЧЦ это, прежде всего победа над правящей элитой ЛЧЦ, нации и государства — идеологическая, политическая, нравственная, а как показывают нынешние санкции против российской элиты, — и материальная, финансовая и правовая. В отличие от традиционной военной победы такая победа над элитой означает не заключение мирных компромиссов, а **полную победу**, капитуляцию, когда у противника меняется вся система ценностей, политическая система, делаются радикальные экономические и финансовые изменения, внешнеполитические и даже внутриполитические уступки[13].

[13] См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Кроме того, победа над элитой означает окончательную политико-цивилизационную победу, не допускающую возвращения прежних (национальных) правил, ценностей, норм и порядков.

Важно также оговориться, что политическая победа над правящей элитой противника невозможна без ее обеспечения военными средствами на каждом из этапов продвижения к политической цели. Военная сила должна — по замыслам авторов стратегии западной ЛЧЦ — обеспечивать эффективность всех других силовых средств политики. Это одновременно предполагает, что каждого такого средства — дипломатического, информационного, гуманитарного — должна быть гарантирована реальная военная мощь[14]. Именно поэтому собственно военно-технической подготовке США и их союзников уделяется такое огромное внимание, которое количественно можно привести к сопоставлению военных расходов России, с одной стороны, США и НАТО, а также других союзных стран, с другой, к простой формуле:

1 : 10 + 10 +

Эта формула означает, что с точки зрения материальных и финансовых затрат военные усилия просто несопоставимы, что дает, по мнению западных аналитиков, Западу возможность широкого выбора силовых средств и сценариев их использования. Так, по оценкам одного из экспертов МО США, Д. Джуберга, военное столкновение с Россией будет закончено в течение 10–20 дней победой США и НАТО, которые «возьмут на себя руководство страной до избрания (в России) демократического правительства[15].

«Контроль над постсоветским пространством» — как стратегическая цель, делегированная НАТО и ЕС, отнюдь не вымысел, а реальная политическая цель, сформулированная публично и политически в ходе целого ряда заседаний высших органов ЕС и НАТО в последние годы.

Именно такая системная — полная и окончательная — победа была достигнута над гитлеровской Германией в 1945 году антигитлеровской коалиций, когда было разрушено не только государство,

---

[14] National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 1.

[15] В Пентагоне собираются разбросить РФ за 20 дней и отдать руководство России НАТО / Эл. ресурс: ТВ «Звезда», 2016. 12 октября / http://tvzvezda.ru/news/

но и общество и даже их институты, а нация претерпела радикальные насильственные изменения в целом ряде областей.

В начале XXI века эта тенденция «силового принуждения» (the power to coerce) уничтожения правящей элиты превратилась в ведущую, определяющую тенденцию в развитии стратегии военно-силового противоборства, которая[16]:

— во-первых, выходит по приоритетности и значению на первое место по сравнению с другими межцивилизационными и межгосударственными тенденциями и противоречиями, отодвигая на задний план даже традиционные способы влияния и воздействия — экономические, финансовые, торговые и иные. Как показали события на Украине 2011–2015 годов, именно приход к власти прозападной элиты в Киеве обеспечил не только радикальное изменение политики страны, но и еще более радикальное изменение всей МО и ВПО в Европе и в мире;
— во-вторых, межцивилизационные противоречия внутри правящих элит отодвигают межгосударственные и иные (включая социально-классовые) противоречия на второй план. Этот феномен не является абсолютно новым явлением в человеческой истории, но он не привлекал до сегодня к себе внимания. И прежде мы знаем, что стремление сохранить цивилизационную и религиозную идентичность элиты становилось нередко важнее, чем сохранить государственный суверенитет. Религиозные войны в Европе, политика А. Невского — лишь часть примеров этого явления в прошлом. Но немало и обратных примеров отказа правящей элиты от своей национальной идентичности, что вело, в конечном счете, к деформации наций и государств и даже их исчезновению. Яркий пример этого — Украина, где десятилетиями и столетиями среди граждан воспитывали идентификацию «нерусскости» и русофобства.

После появления, оформления и укрепления государств в XVI–XVIII веках в Европе межгосударственные противоречия между ними постепенно уступили место межцивилизационным, хотя и не исключили их полностью. Так, война Франции и России

---

[16] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

в 1812–1814 годах была не только продолжением соперничества Англии и Франции, но и во многом войной локальных человеческих цивилизаций, когда объединенная Европа под руководством Наполеона обеспечила своими ресурсами (материальными демографическими и идеологическими) нашествия на Россию. Именно нашествие большинства европейских стран в форме коалиции европейской ЛЧЦ под руководством Наполеона против российской цивилизации, которое позже повторила и гитлеровская Германия, также объединившая всю западную ЛЧЦ. Если война между Англией и Францией была войной в рамках одной локальной цивилизации за контроль над «периферий» в использовании ее ресурсов, то война Франции и России в начале XX века была войной двух локальных цивилизаций. Одной — за право контролировать. Другой — за право существовать.

Цивилизационный характер европейского «нашествия Наполеона» и Гитлера на Россию до сих пор остается в тени, уступая место межгосударственным отношениям и дипломатии XIX–XX веков. Вместе с тем, чтобы понять характер современных «российско-европейских» и «российско-украинских» противоречий необходимо вспомнить именно о борьбе за влияние на элиту мировоззрений и систем ценностей различных локальных человеческих цивилизаций — западной и российской — проживающих в Европе. Европе, как западной части Евразии. Очень ярким примером была Польша, которая выступила активно на стороне западной ЛЧЦ в XXI веке, но которая не менее активно занимала такую же позицию с X века нашей эры. Воспитание Польшей «украинства» как русофобства было одной из черт такой политики.

Надо сказать, что как в период наполеоновских войн, так и последующих мировых войн, численность противостоящих России европейских народов всегда намного превосходила те немногие пророссийские силы, которые были в Европе. Так, на стороне Гитлера выступали несколько десятков дивизий сателлитов и вся промышленность западноевропейских стран, а против него — очень скромные силы сопротивления, которые не имели (за исключением Сербии) реального значения. Эта ситуация характерна и сегодня: западная ЛЧЦ сможет аккумулировать ресурсы не только откровенных сателлитов США, но и отдать им под контроль все ресурсы, доступные не только в Европе, но и на других континентах. Война

в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии — пример формирования такой коалиции.

В этом смысле идеологическое и мировоззренческое противоборство и противостояние, и его политическое проявление, которые постоянно сказывались на российской правящей элите, начавшееся многие столетия назад (вероятно, еще до разделения церквей на католическую и православную), никогда не прекращалось. Оно, бывало, замещалось относительно мирными и небольшими паузами между вооруженным противоборством. Паузами, которые неизбежно заканчивались войнами, конфликтами и силовым противоборством. За исключением очень коротких периодов во времена Александра III, Сталина и Брежнева, которые характеризовались отчетливо выраженными силовыми возможностями России. И не только в военной области, но и в идеологии, где Россия становилась лидером.

7.1.б). Переход противоборства между элитами локальных человеческих цивилизаций в военно-силовую фазу в XXI веке

Цивилизационное прогнозирование и планирование — методологическая основа выработки долгосрочной стратегии национальной безопасности[17]
Я. Новиков,
Генеральный директорАО «Концерн ВКО „Алмаз-Антей“»

Полицивилизационная парадигма … представляет собой … упрощенную … схему для понимания того, что происходит в мире…[18]
С. Хантингтон,
политолог

Упрощенная модель формирования МО и ВПО — конфликт цивилизаций, — предполагает, что главными субъектами такого конфликта становятся правящие элиты этих цивилизаций, на которых

[17] *Новиков Я. В.* Вступительное слово / Подберезкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 7.

[18] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 39.

концентрируются основные усилия противоборства. Именно этот «теоретический» вывод подтверждается политической практикой последних 20-и лет, начиная со смены части правящей элиты России в октябре 1993 года и всеми последующими событиями в Ираке, Афганистане, Тунисе, Ливии, Египте, на Украине, в Грузии и т.д.

В отличие от социальных революций конца 80-х годов в Европе и СССР, где элиты были заменены силой, но не с помощью физического насилия (за исключением Румынии), последующие смены элит и их лидеров были гораздо более кровавыми потому, что конфликт перешел на межцивилизационный уровень: западной ЛЧЦ потребовался гарантированный контроль над формируемой ею финансово-экономической и военно-политической системами[19].

Начало XXI века стало периодом завершения очередной относительно мирной паузы в отношениях между элитами, представляющими разные ЛЧЦ и переходом к традиционному, уже не только силовому, но и военному, противоборству[20].

Так же как и в предыдущие периоды истории России, обострение противоборства и скатывания к войне, являлось прямым следствием:

— военно-политического ослабления России;
— отказа ее элиты от претензий на политико-идеологическое лидерство.

Если вернуться к рисунку, на котором показана логическая модель политического процесса, то следует сделать принципиальный вывод: в XXI веке центральным объектом военно-политического противоборства стали правящие элиты ЛЧЦ и наций, через трансформацию (или смену) которых происходит изменение целей (группа факторов «В») политики, ее стратегии (вектор «В»–«Г»), перераспределение и доступ к ресурсам и транспортным коридорам (группа факторов «Г»), а также меняется влияние внешней политики (вектор «Д»–«Б») и трансформируется система ценностей и интересов (группа факторов «А»).

---

[19] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 74–99.

[20] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 171–182.

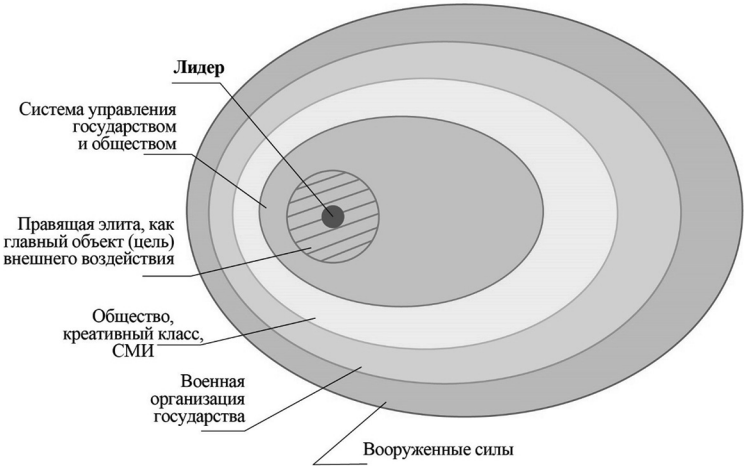

Рис. 2. Приоритетность объектов внешнего силового воздействия и влияния на стороны западной ЛЧЦ

Таким образом, правящая элита становится тем главным, наиболее приоритетным, и наиболее уязвимым объектом политики, влияя на который достигается максимальный системный эффект. Соответственно и способы влияния и давления на правящую элиту в XXI веке несколько отличаются не только от традиционных способов давления, но и от способов противоборства и давления на правящую элиту государства. Они, например, во все возрастающей степени носят и будут носить личностный, даже персонифицированный и идеологический характер. Существует немало примеров, иллюстрирующих приоритетность в целях и способы влияния на правящие элиты ЛЧЦ, нацию и государство. Наиболее яркие и последние — персональные санкции, объявленные Западом против представителей российской правящей элиты в 2014–2016 годы. Эти приоритеты выглядят следующим образом (впервые об этом написал, как считается, американский полковник Уорден):

Из рисунка 2 видно, что самая приоритетная, наиболее важная цель — принудить к капитуляции правящую элиту ЛЧЦ, страны и нации. Затем — разрушить систему управления и государственно-общественные институты, с помощью которых управляются ЛЧЦ и государства. В предпоследнюю очередь — уничтожить во-

енную организацию и собственно вооруженные силы[21]. И совершенно особую роль в этой борьбе играет национальный лидер, от которого в наибольшей степени зависит достижение политических целей. Именно поэтому он и его окружение становятся самыми приоритетными, исключительно важными целями. Не случайно то, что политика США, направленная против России, персонифицируется, прежде всего, с В. Путиным и его ближайшим окружением, которое подвергается открытому давлению. Не случайно и те, что в качестве демонстрации возможного отношения к лидеру служат примеры Чаушеску, Хонеккера, Каддафи, Хусейна, Милошевича и др. лидеров, которые по разным причинам не устроили руководство западной ЛЧЦ и ее военно-политической коалиции.

Примечательно и другие: как только происходит обострение отношений с Западом, то немедленно возникают намеки и прямые угрозы не только «изолировать» Россию, но и применить к ней «уголовные» санкции и пр. международно-правовые шаги, которые явно нацелены и на то, чтобы сделать правящую элиту и ее лидера досягаемыми с точки зрения уголовного и иного преследования[22].

Подобное распределение политических приоритетов означает, что при стратегическом прогнозе угроз и стратегическом планировании развития военной организации необходимо учитывать эту приоритетность в максимально полной степени. Причем не только (и даже не столько) в военное, но и в относительно (условно) мирное время, когда правящая элита страны наиболее подвержена внешнему влиянию. Так, в 2014–2016 годах, когда формально военные действия против России не велись, фактически была начата широкая политико-идеологическая кампания лично против В. Путина и его ближайшего окружения, направленная на дискредитацию запутывание и уничтожение правящей элиты.

Таким образом, к началу XXI века в области безопасности уникальная в истории России ситуация, которая характеризовалась тремя разнонаправленным тенденциями:

---

[21] Очень подробно и ясно об этом написано: *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.: ил. (Искусство войны).

[22] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June.

— **во-первых**, усилением военно-силового давления со стороны западной ЛЧЦ на правящую элиту России, которая должна была абсолютно воспринять систему ценностей и интересы Запада, либо столкнуться с угрозой уничтожения, в т.ч. физического;
— **во-вторых**, на фоне полного контроля со стороны западной ЛЧЦ над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире стали усиливаться другие ЛЧЦ и центры силы, пытающиеся оспорить этот контроль, в том числе и российская ЛЧЦ;
— **в-третьих**, во втором десятилетии XXI века значительная часть правящей российской элиты во главе с В. Путиным бросила публичный вызов США и западной ЛЧЦ в целом, не только заявив, но и в реальности продемонстрировав в серии практических шагов свое несогласие со сложившейся парадигмой мирового развития во главе с США;
— **в-четвертых**, эти процессы непосредственно отразились как на характере, так и по форме изложения Стратегии (концепции) национальной безопасности России во втором десятилетии XXI века, которые претерпели существенные изменения и привели к принятию не только новых нормативных актов и законов, но и — что более важно — концептуальной переоценке всей политики в области обеспечения безопасности;
— наконец, **в-пятых**, переоценка правящей элитой России основных положений стратегии национальной безопасности и военной политики затруднялась двумя обстоятельствами. Прежде всего, сохранением либеральной тенденции, идей и кадров, сформировавшиеся с конца 80-х годов в правящей элите страны, которые ориентированы на западную систему ценностей и фактически являются сторонниками отказа России от суверенитета[23].

Кроме того остается и даже усугубляется проблема, связанная с качеством человеческого капитала и его институтов в России, прежде всего в области эффективности управления, исполнительской дисциплины и коррупции[24]. Она выражается в области

---

[23] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

[24] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 3. — М.: МГИМО–Университет, 2011.

безопасности в том, что значительное число лиц, занимающихся подготовкой, принятием и реализацией решений в военно-политической области не соответствуют предъявляемым требованиям и заведомо не способны к эффективным решениям.

Ниже предлагается подробнее рассмотреть отдельные аспекты и важнейшие особенности внешнего влияния на правящую элиту ЛЧЦ, наций и государств, и возможные последствия такого влияния для формирования МО в XXI веке.

7.2. Внешнее влияние на изменение субъективного восприятия правящей российской элитой международной обстановки (вектор «Б»–«Д» и вектор «Б»–«А»–«Д»)

Готовящиеся в МГИМО экспертные предложения нередко используются в процессе принятия государственных решений по многим внешнеполитическим вопросам…[25]
В. Путин,
Президент России

Сегодня под теорией войны понимается некий перечень работ, изречений, выступлений и просто мнений авторов и специалистов разного уровня…, которые … по вполне субъективным причинам считаются правильными и аксиоматичными[26]
А. Владимиров,
военный эксперт

Очень важное, даже решающее, значение имеет внешнее влияние на правящую элиту с целью сознательного искажения ее субъективного восприятия мировых реалий вообще и международ-

---

[25] *Путин В.В.* 70-летие МГИМО. 2014. 20 мая / http://www.kremlin.ru/news/46791

[26] *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013.

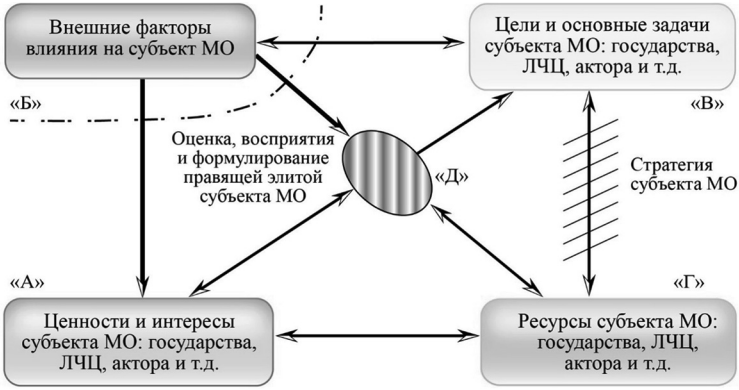

Рис. 3. Логическая модель политического процесса

ной обстановки, в частности[27], которые на нашем рисунке (рис. 3), отображающем логику политического процесса, мы обозначаем как вектор «Б»–«Д».

Это непосредственное, прямое, как правило, силовое влияние с помощью самых разных инструментов — политико-дипломатических, экономических, информационных, иных — дополняется косвенным влиянием на правящую элиту через изменение базовых ценностей и интересов (вектор «Б»–«А»–«Д») с помощью средств массовой информации, образования, культуры и пр. Очень образно и точно это влияние описал политик и журналист Дж. Кьеза: «Цифровая революция представляет собой оружие, позволяющее преодолевать любые препятствия. Распространяемые по созданным ею каналам месседжи (идеи, обращения, послания человечеству) обходят все физические барьеры и, невзирая на принимаемые меры контроля, достигают своей цели — через глаза и уши миллионов людей воздействуют на их сознание.

Однако чтобы успешно распространять те или иные месседжи, необходимо, чтобы они были востребованы людьми, вызывали у них интерес и сочувствие. И Запад располагает целым массивом средств,

---

[27] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 183–194.

открывающим пути к умам и чувствам людей по всему миру. Точнее говоря, именно на Западе был совершен **революционный прорыв в технологии производства такого рода посланий человечеству**.

Главным источником подобных месседжей был и остается Голливуд, навязывающий миллионам людей «систему ценностей» американского образа жизни. Наступление, которое Голливуд ведет в масштабах всей планеты, направлено на то, чтобы добиться радикальных перемен в умонастроениях огромных масс и заставить весь мир служить интересам Запада. Контролируемый американцами глобальный рынок произвел на свет соответствующую технологию и добился распространения ее на всех континентах. В результате США получили возможность с помощью Интернета и программного обеспечения сотен миллионов компьютеров определять количество (объемы) и качество (содержание) направляемых человечеству сообщений[28].

И далее: «Поисковые системы позволили создать нечто вроде «глобального мозга», а традиционные средства массовой информации гармонизировали среду, в которой живет и действует этот «глобальный мозг». Была сфабрикована иллюзия доступности к нему для каждого. На самом деле, однако, использовать его способны лишь те, кто держит в своих руках контроль над ним. Умение распоряжаться информационными потоками и направлять их в нужную сторону позволило хозяевам «технологической триады» выявлять доминирующие в данный момент эмоциональные настроения и страхи людей, их вкусы, предпочтения и устремления. Заблаговременное обладание знаниями об этом позволяет легко соответствующим образом переориентировать и модифицировать чувства значительных масс людей в различных странах.

Контроль над эмоциональной сферой позволил добиться стандартизации вкусов и настроений в глобальном масштабе. Это неизбежно привело к снижению общего интеллектуального уровня миллионов индивидов, что, в свою очередь, до предела сократило их способность к самозащите от виртуальной экспансии и одновременно увеличило возможности манипуляции их сознанием. Таким образом, мы становимся свидетелями начала новой «антропологической му-

---

[28] *Кьеза Дж.* О «цветных революциях» / Свободная мысль, 2016. №4 / http://svom.info/entry/653-o-cvetnyh-revolyuciyah/

тации». Она заключается в быстром уходе из реальной жизни homo legens (человека, который читает) и столь же быстром появлении и широком распространении homo videns (человека, который видит). Цифровая революция действительно преобразовала большую часть получаемой нами информации в «визуальную». Такая информация очень мобильна и предельно сокращает время ее восприятия, упрощает и примитивизирует ее, накладывая свой «неестественный» темп и ритм на формирование наших мыслей и чувств.

Именно на основе накопленного в этой области опыта в США возникла доктрина свержения политических режимов, которые по той или иной причине считаются «нежеланными» для Империи. Центром разработки доктрины стал расположенный в Бостоне Институт имени Альберта Эйнштейна (Albert Einstein Institution), финансируемый ЦРУ через руководимый сенатором Джоном Маккейном Международный республиканский институт (International Republican Institute) — одно из четырех подразделений Национального фонда за демократию (National Endowment for Democracy). Его возглавляет философ и социолог Джин Шарп (Gene Sharp), автор теории «ненасильственного сопротивления». Преподносимая общественному мнению в качестве, безусловно, правильной и демократической, эта теория на самом деле лишь служит оправданием секретных действий западных спецслужб — отнюдь не демократических по своей сути»[29].

«Современные возможности для искажения представлений правящей элиты извне, таким образом, достаточно обширные, а в XXI веке они существенно, качественно увеличились, что превратило **возможность** внешнего влияния в реальный **инструмент прямого управления** правящей элитой, прежде всего за счет практического подчинения средств информации и связи западной ЛЧЦ — от финансовых расчетов и межбанковских операций, контроля за глобальным движением финансов и торговых операций до глобального контроля за компьютерными сетями и средствами связи[30].

---

[29] *Кьеза Дж.* О «цветных революциях» / Свободная мысль, 2016. №4 / http://svom.info/entry/653-o-cvetnyh-revolyuciyah/

[30] *Шмелев П. М., Подберезкин А. И., Еремченко Е. Н.* [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

7.2.а). «Сила влияния» и «сила принуждения» элиты

Конфронтация быстро превращается
в новую холодную войну[31]
С. Чарап, Д. Шапиро,
полтологи

В современной политике именно действительные друзья и союзники, их эффективность, их лояльность являются важнейшими козырями … А такая надежность зависит либо от идеологической близости, либо от экономической целесообразности[32]
Ш. Султанов,
политолог

Борьба с правящей элитой противника неизбежно предполагает, в конечном счете, уже не только борьбу за усиление влияния, но уже за подчинение правящей элиты оппонента своей политике, т.е. превращение ее в управляемый объект, лишенный, естественно, суверенитета. Этого можно добиться только с помощью мощных средств принуждения, а не только влияния, спектр которых был специально разработан и совершенствуется в США и включает как традиционные средства «мягкой силы» («soft power») и «жесткой силы» («hard power»), так и более современный набор системных средств, интегрирующих как те, так и другие. Ключ к пониманию этой стратегии — ее системное применение, когда интегрируются одновременно все потенциалы и возможности союзников — от спортивных организаций до СПУ ООН, с одной стороны, и экстремистские и террористические действия, с другой. Именно они и получили название «силы принуждения» («the power to coerce»)[33].

Фактически речь идет о том, чтобы в «одном пакете» объединить все имеющиеся ресурсы и инструменты влияния для того, чтобы добиться самой радикальной политической цели. Именно это продемонстрировали США в 2014–2016 годах в отношении

---

[31] *Чарап С., Шапиро Д.* Среднего не дано // Россия в глобальной политике, 2016. Сентябрь–октябрь. — №5. — С. 49.

[32] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 11.

[33] *Подберезкин А. И., Харкевич М. В.* Прогноз развития МО на долгосрочную перспективу // Свободная мысль, 2016. №4.

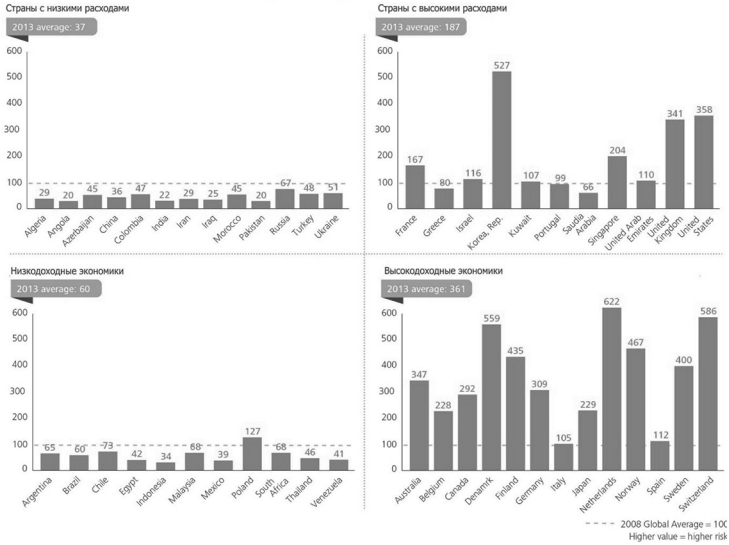

Рис. 4. Индекс киберуязвимости

России, когда в рамках единой «стратегии принуждения» России объединили не только традиционные дипломатические и силовые средства, но и развернули широкомасштабную идеологическую кампанию на фоне ценностей и интересов (вектор «Б»–«А»–«Д»).

В этих целях ведется постоянный поиск новых средств и инструментов влияния и принуждения — от создания различных международных правозащитных и иных организаций (включая активизацию деятельности СПЧ ООН, как в октябре 2016 года), до применения нетрадиционных средств и угроз, вплоть до ареста на чужой территории российских граждан или «официального запугивания», например, киберугрозами.

Примечательно, однако, что использование таких средств и способов чревато ответными мерами. Это продемонстрировала Россия в 2014–2016 в ответ на санкции и недружественные шаги США и их союзников. Думается, однако, что ответные шаги должны перейти из категории «ответной реакции» в категорию активных (ответных) действий, предусматривающих перехват инициативы и создание для западной ЛЧЦ «зоны дискомфорта». При этом со-

всем не обязательно эти действия использовать сразу: о некоторых из них можно намекнуть по соответствующим каналам, а о некоторых и сказать открыто. Так, в ответ на прозвучавшие со стороны США в октябре 2016 года «киберугрозы» можно было бы сказать, что развитие страны гораздо уязвимое для кибератак, чем менее развитые.

Как видно из исследования (рис. 4[34]), в наиболее уязвимом положении для кибератак в XXI веке оказались развитие страны. Причем чем выше доходы граждан — тем выше и уязвимость от кибератак, что подтверждается практикой 2010–2016 годов, когда кибератаки стали нормой внешнего вмешательства, а в октябре 2016 года США официально пригрозили России использованием против нее кибероружия.

Такое качественное изменение в информационно-технических средствах трансформировалось с неизбежностью в политический факторов влияния, который, в свою очередь, очень быстро превратился в фактор фактического внешнего управления правящей элитой другого государства. Бесконечные скандалы 2011–2016 годов с прослушиванием переговоров представителей правящей элиты говорят о том, что в XXI веке в мире фактически сложилась система глобального контроля со стороны США, позволяющая им уже не просто влиять, но и диктовать внешнеполитические и даже внутриполитические решения, принимаемые правительствами других государств. Тем более что в России стремительно развивается процесс, который военные эксперты И. Попов и М. Хамзатов назвали «ножницы военной элиты» — стремительный разрыв между численностью участников политического и военного процесса принятия решений и их качеством, — который выглядит следующим образом (рис. 5)[35].

Если попытаться зафиксировать это влияние на известной модели политического процесса, то речь идее о векторах «Б»–«Д» и «Д»–«Б»: искажение представления о международных реалиях неизбежно приведет правящую элиту государства к неверным

[34] Global Defense Outlook 2015. Defense and Development. A. Report. — P. 13.

[35] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 65.

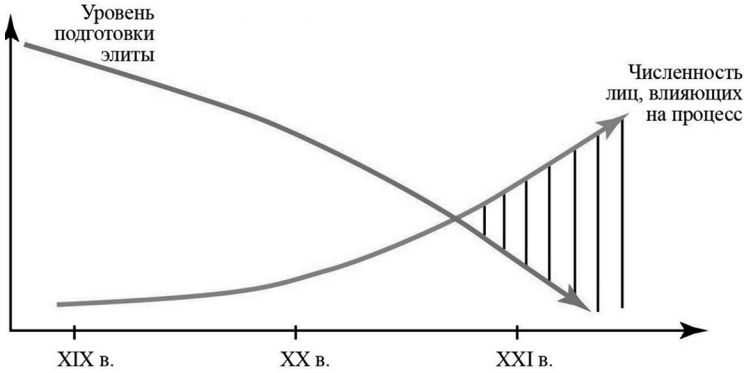

Рис. 5. «Ножницы профессионализма и нравственности политической и военной элиты» России в XXI веке

оценкам и действиям, что «транзитом» отражается не только на реалистичности политических целей («В») и эффективности распределения ресурсов («Г»), но и на всей политической стратегии противника[36]. Поведение М. Горбачева — Б. Ельцина — пример такой сознательной внешней дезинформации СССР и России, которая явилась следствием не столько плохой информированности со стороны экспертов и спецслужб, сколько следствием отсутствия у этих **руководителей и правящих элит понятийного мышления**. Привыкшие действовать в рамках старой коммунистической парадигмы, М. Горбачев — Б. Ельцин и их окружение оказались не способны определить суть такого явления как современная МО, дать его объективный анализ и прогноз, увидеть развитие во всей сложности взаимосвязей. Не случайно, например, то, что ни у М. Горбачева, ни у Б. Ельцина, ни у их окружения не было вообще никаких теоретических и программных работ, концепций и программ, а те очень немногие псевдопрограммы, которые все-таки были разработаны, даже не были начаты реализовываться.

На рисунке область внешнего влияния условно обозначена пунктиром. Это влияние существует в самых различных областях — от культуры и спорта до политики и экономики — и любая ЛЧЦ

[36] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

или нация и государство заинтересованы в том, чтобы сохранить и усилить это влияние на другие государства. Проблема начинает возникать в том случае, когда это влияние начинает откровенно противоречить интересам другой ЛЧЦ и превращается из ссредства влияния в средство управления правящей элитой другой ЛЧЦ и нации.

Границы между взаимовлиянием и управлением практически не существует. Эта граница находится в области соприкосновения добровольного восприятия чужого опыта и вынужденных действий. На практике, как правило, более сильные государства откровенно пытаются как можно скорее преодолеть такую границу и превратить свое влияние в инструмент политического управления. Естественно, что в обосновании этого выдвигаются многочисленные «аргументы» цивилизационного, политического, экономического и иного характера — от «универсальны», «общечеловеческих» законов и «норм международного права» до необходимости соблюдать «основные права человека» и т.п.

Главное, что такое влияние на правящую элиту и все «объективные обоснования» такого влияния являются абсолютно субъективными факторами, которые в действительности лишь отражают интересы (ценности) и политические цели той стороны, которая оказывает это влияние на правящую элиту. Речь идет о векторах «Б»–«Д» и «Б»–«А», которые характеризуют суть, содержание этого влияния, но не его субъективную форму. Так, форма внешнего влияния на СССР (после подписания Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 года) была «борьбой за права человека в социалистически странах», а суть, содержание — ослабление и ликвидация социалистической системы посредством создания и поддержки оппозиции в этих странах.

В этой связи следует иметь в виду, что субъективность в политике (и особенно международной деятельности) — является предметом самостоятельного исследования, однако, следует просто повторить, что: анализ и стратегический прогноз, целеполагание и стратегическое планирование в XXI веке (как процессы подготовки и принятии политических решений, влияющие на формирование МО и ВПО), находятся традиционно под очень сильным воздействием субъективных факторов. Прежде всего, таких как способность и готовность правящей элиты адекватно восприни-

мать, оценивать и прогнозировать развитие МО, ВПО и СО, а также своевременно принимать точные решения.

Не секрет, что такая способность представителей правящей элиты разная, а степень сопротивления внешнему влиянию также проявляется по-разному. В российской истории, к сожалению, бывало, что внешнее негативное влияние на лиц, принимающих важнейшие решения, оказывалось очень сильным, что не раз в российской истории приводило к трагическим последствиям. Идеи «мировой революции», например, в начале XX века привели к целому трагическому периоду в истории России. Естественно, что это не могло не сказаться на участии и роли России в формировании МО после Первой мировой войны.

Можно, вероятно, говорить о том, что способность оказывать внешнее влияние на правящие элиты других ЛЧЦ зависит от трех основных групп факторов:

— во-первых, соотношения сил в мире между ЛЧЦ;
— во-вторых, стратегии, прежде всего, политических целей ЛЧЦ, которая оказывает такое влияние;
— в-третьих, системы ценности и качества национальной элиты, которая подвергается такому внешнему влиянию.

Учитывая, что, роль субъективных факторов в формировании МО в XXI веке будет усиливаться, дальнейшее усиление влияния на правящую российскую элиту извне можно считать неизбежным последствием развития стратегии противоборства западной ЛЧЦ. Его конкретные проявления особенно ярко стали заметны в ходе и после грузино-осетинского конфликта 2008 года и войны на Украине 2014–2016 годов. Именно тогда беспрецедентное давление на российскую элиту — как на социальную группу, так и на конкретные личности — стало вдруг откровенно заметной отличительной чертой внешней политики западной ЛЧЦ и части подчиненных ей стран.

В фундаменте такой новой силовой политики есть две объективные предпосылки, характеризующие особенности формирования МО в XXI веке, о которых говорилось выше. **Во-первых**, усиление группы субъективных факторов формирования МО и даже выделение особой группы факторов, связанных с развитием НЧК и его институтами. **Во-вторых**, изменением в целевых приоритетах в стратегии западной ЛЧЦ (о котором также уже говорилось),

Рис. 6. Целевые приоритеты внешней и военной политики развитых государств и западной ЛЧЦ до XXI века

которые выглядела до XXI века, напомним, в самом общем виде следующим образом[37]: (рис. 6)

Как видно из рисунка наименее важной целью войны была система национальных ценностей и органы управления государством, против которых, как правило, никогда радикально не выступали захватчики, а иногда даже помогали сохранить (как, например, монголы в отношении княжеской власти и православия на Руси). Наиболее важной целью была оккупация территории и столицы с целью их разграбления, а самой важной — разгром армии (помните у М. Кутузова: «сохраним армию, сохраним Россию»).

Только Вторая мировая война стала менять эти приоритеты внешней и военной политики. Причем не только у гитлеровской Германии, которая сформулировала свою идеологическую доктрину, систему ценностей и критерии для правящей элиты, но и у членов антигитлеровской коалиции, которые в той или иной

[37] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 148–161.

степени отстаивали свои требования к будущему мироустройству. Вместе с тем важной особенностью этих перемен являлось то, что подобные сдвиги в приоритетах военных и внешнеполитических целей формулировались не **до начала** войны, **а после** ее завершения. В ходе самой войны основные приоритеты оставались теми же, что и в предыдущие века, а именно — разгром армии и флота противника, его военного потенциала, оккупация территории и столиц.

7.2.б). Политика «силового принуждения» западной ЛЧЦ в XXI веке

Парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы помогать ориентироваться в мире после холодной войны[38]
С. Хантингтон, политолог

Наши военные и гражданские профессионалы — решающее преимущество[39]
Военная стратегия США

«Политика влияния» на правящую элиту того или иного государства в различные периоды времени может меняться на «политику принуждения». Разница между ними такая же, как разница между просьбой (вежливой, настойчивой, даже настоятельной) и шантажом, применением силы и даже физического насилия. Переход от одной политики к другой зависит от нескольких обстоятельств, но, прежде всего от того, имеются ли возможности («possibilities») для такого принуждения — желательно максимально широкий спектр, включая военные.

Это означает, что переход западной ЛЧЦ к новой политике «силового принуждения» России был связан с появлением у нее новых политических, экономических, информационных и военных возможностей, которых у нее не было до конца XX века. Речь идет, прежде всего, о следующих возможностях:

---

[38] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 30.

[39] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 13.

— в политико-дипломатической области западная ЛЧЦ сформировала широкую коалицию из более 50 государств, в то время как СССР и Россия растеряли не только ОВД, но и остальных союзников;
— в экономической области неудачи «реформ» 90-х годов привели к развалу экономики России и росту отставания от уровня экономического и технологического развития ведущих стран Запада;
— в информационной области основные ресурсы, — прежде всего СМИ, интернет, сетевые — на 90% аккумулировала западная ЛЧЦ;
— наконец, западная военно-политическая коалиция в целом в 25–30 раз превосходила Россию по своим военным возможностям (исключая СЯС), военным бюджетам, ВС и ВВСТ. Это позволило заявить в октябре 2016 года начальнику штаба армии США генералу М. Милли, что война с Россией «почти гарантирована» и «будет крайне быстрой и смертоносной»[40].

Не удивительно, что в XXI веке целевые приоритеты ведущих стран Запада во внешней и военной политике радикально изменились. Прежде всего, как показано, из-за превращения западной ЛЧЦ в единственную доминирующую силу в мире, которая не только контролировала финансово-экономическую и военно-политическую системы, но и претендовала на универсальность своей системы ценностей и норм права. Самым главным, как и в конце XX века, стало воздействие на систему ценностей и политическую позицию правящей элиты, а собственно ВС, ВиВТ, военный потенциал и даже контроль над территорией и столицей уже потеряли практическое значение[41]. Но изменилась сама **форма** воздействия. От «влияния» она достаточно быстро эволюционизировала к «принуждению», что было впервые опробовано на самом слабом оппоненте — Югославии, а затем и Ираке.

Более того, к началу XXI века уже не только правящая элита, но и сам лидер и его окружение превратились в наиболее

[40] «Война будущего» между США и Россией или Китаем будет крайне быстрой и смертоносной — американские генералы / Эл. СМИ: «УНИАН». 2016. 6 октября / http://www.unian.net/world/

[41] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

приоритетные цели такой силовой политики. Милошевич и Хусейн в 1990-е годы стали своего рода «пробным камнем», за которыми последовали физические уничтожения лидеров. Опыт, который западная ЛЧЦ получила в ходе такого прямого воздействия (от «влияния» до «принуждения») на М. Горбачева и его окружение, а затем — на Б. Ельцина — показал, что даже в отношении великих государств смена приоритетов внешнего воздействия оказывается эффективной: политические цели западной ЛЧЦ были достигнуты без войны. Осталось их закрепить новыми нормами международного права (или «толкованием» этих норм по-новому), чего неожиданно для Запада не произошло. «Бунт» В. Путина был публичным и реальным, что особенно было неприятно.

Этот же опыт внешнего управления полностью подтвердил свою эффективность в отношении практически всех государств, мира, чьи элиты и лидеры не смогли создать защиты от внешнего влияния (за исключением КНДР, Кубы, Венесуэлы). Даже такие крупные державы как Германия и Франция не оказались исключением, оказавшись, в конечном счете, с вполне «условным суверенитетом». Не случайно то, что «шпионские скандалы» с прослушиванием А. Меркель и других лидеров, по сути, не оказались ни для кого новостью: контроль над политическим руководством субъектов и акторов МО стал глобальным и всеобъемлющим. Причем на самых разных уровнях — от личностного, до финансового и политического. Таким образом в начале XXI века произошло две смены парадигм:

— во-первых, сменились внешнеполитические приоритеты среди объектов политики и внешнего влияния, окончательно выделив на первое место систему ценностей и политических лидеров;
— во-вторых, сама стратегия «внешнего влияния» трансформировалась в стратегию «внешнего силового принуждения»[42].

Такое изменение политических приоритетов в целях политики в XXI веке неизбежно привело к переоценке значения этих главных целей политики и войны, а также средств их достижения. Такой главной целью стала уже сама правящая элита, точнее, — ее политическое восприятие и позиция, т.е. когнитивная способность к оценке и прогнозу. Соответственно изменилось и значение тех

[42] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

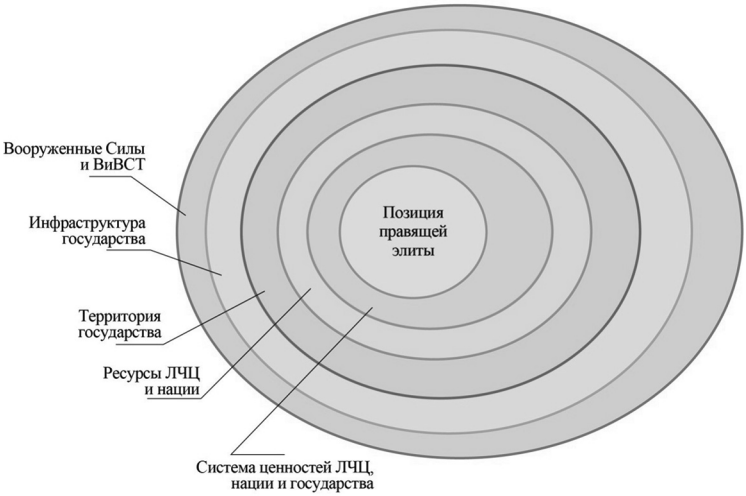

Рис. 7. Целевые приоритеты внешней и военной политики развитых государств в XXI веке

или иных силовых средств политики, среди которых важнейшее значение стали играть наиболее эффективные внешние средства информационно-интеллектуального воздействия на конкретных представителей правящей элиты[43]. «На слуху» между тем остаются только средства финансово-экономического давления на конкретных представителей правящей элиты, которые на самом деле не являются главными и легко обходятся.

Не случайно в этой связи то, что именно средства массовой информации и «новой публичной дипломатии» были использованы против правящей элиты России в 2014–2016 годах Западом. Прежде их называли бы средствами информационно-пропагандистского давления, пропаганды, но сегодня они превратились в средства принуждения потому, что были подкреплены политико-дипломатическими, экономическими и военными средствами «силового принуждения».

---

[43] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016.

В этой связи надо чётко отдавать себе отчёт о значении такого внешнего влияния, которое практически используется в политике в форме силового принуждения особенно после периода «перестройки» и «реформ», но до сих пор избегается называться в политической теории, рассматривается как антинаучная конспирологическая концепция.

В XXI веке стало ясным, что в связи с изменениями в приоритетах и целях внешней политики и средств влияния (т.е. принятия по сути стратегии силового принуждении правящей элиты и ее лидеров), качественно изменилась и роль и значение таких факторов формировании МО и ВПО как человеческий капитал и его институты. В том числе и значение когнитивных способностей правящей элиты, включая эффективность ее управления внешний и военной политикой[44].

Это, естественно, не могло не отразиться на Стратегии национальной безопасности и других нормативных документах внешней и военной политики России, которые стали более адекватны современным международным реалиям. В том числе и для правящей российской элиты, значительная часть которой пересмотрела прежние оценки и реалии.

Можно и нужно построить много достоверных научно обоснованных абстрактных и логических схем подготовки и принятия решений, обосновать такие решения, но их судьба будет зависеть от влияния субъективных факторов — известных и даже неизвестных, значимых и малозначимых, выраженных в воле лиц, принимающих решения. Причем эта воля может и, как правило, диктует извне.

Механизм, мотивы тех или иных решений, естественно, до конца не описаны и, наверное, не полностью известны. Для наших целей анализа важно констатировать, что:

— эти субъективные решения всегда играли важную роль в политике, но в XXI веке эта роль еще больше возрастает в связи с ростом влияния НЧК и его институтов на формирование МО и ВПО;

[44] См. подробнее: Правящая элита цивилизаций и государств как основной объект внешнего силового воздействия. В кн.: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–316.

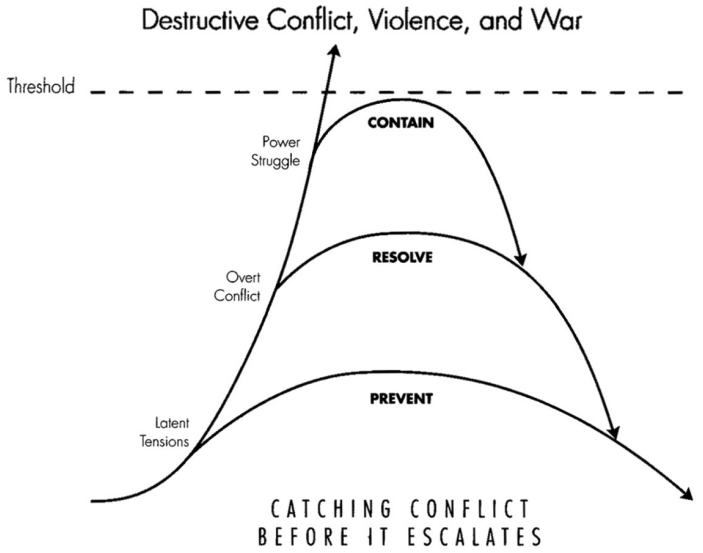

Рис. 8.

— внешнее влияние, которое оказывалось во всей предыдущей истории человечества на лиц, принимающих решения, еще больше возросло и превратилось в политику принуждения, т.е. сознательного искусственного формирования политической позиции правящей элиты противника. Это обстоятельство имеет особенно важное значение в кризисных ситуациях, когда принимаются принципиальные решения, которые вытекают из разных, порой полярных вариантов.

Например, на следующем рисунке (рис. 8[45]), видно, как может делиться на варианты решений это внешнее вмешательство, но никто и никогда, однако не скажет точно как, когда и почему одни конфликты остаются в латентном состоянии, и затухают, а другие

[45] Process Work and the Facilitation of Conflict by Stanford Siver Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy with a concentration in Psychology and specialization in the Psychology of Conflict June 6, 2006 Core Faculty Advisor: Robert McAndrews, Ph.D. Union Institute & University. Cincinnati, Ohio // http://www.processwork.org/files/Finalprojects/Process_Work-Siver-2006.pdf

развиваются, превращаясь в войны. Почему правящая элита США принимает в сходных условиях Афганистана, Ирака и Сирии разные решения.

Наконец, сам процесс подготовки и принятия таких решений становится все более автоматизированным, управляемым и программируемым, что означает не только качественное повышение его информационной вооруженности, но и возможности более эффективного внешнего воздействия (Речь в данном случае не идет только об автоматических алгоритмах использования СЯС или ПРО). Так, например, тотальный контроль электронных средств со стороны АНБ США и других ведомств позволяет не только собирать огромные объемы информации, но и формировать новую, «виртуальную» политическую реальность по своему усмотрению, навязывая ее политической элите. Иногда, радикально отличную от представлений политиков. В особенности на предварительных, самых ранних стадиях, конфликта.

Но не только: в XXI веке создаются системы внешнего вмешательства и силового принуждения на всех уровнях и создания глобальной системой контроля над формированием нужного сценария МО через целенаправленное и массированное воздействие на правящие элиты и общество. Именно это произошло в случае с Югославией и Ираком, когда заранее, в соответствии с «политическим заказом» была сформирована «виртуальная реальность», которая была необходима для начала военных действий США.

Интересно, например, что нередко даже те, кто принимал участие в процессе подготовки и принятия такого решения, не всегда могут объяснить мотив и процедуру произошедшего. В наибольшей степени, почти на 100%, это относится к оценке СО, войн и конфликтов, где роль субъективных факторов и сугубо конкретных обстоятельств наиболее сильна. Но не только. В оценке МО такие расхождения также встречаются нередко. Вот почему субъективные решения могут корректироваться с помощью научного анализа и прогноза, в т.ч. с помощью «… оптимального использования содержательных результатов среднесрочного и долгосрочного прогнозирования»[46].

---

[46] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 249.

Очевидно, что для точного политического анализа и прогноза важно, чтобы эксперты и политики в минимальной степени были подвержены внешнему влиянию, а тем более давлению, т.е., чтобы они были независимыми от внешних обстоятельств насколько это возможно. Такая независимость — политическая, финансовая, нравственная — всегда была важным условием принятия адекватных политических решений. Можно согласиться в этой связи с Д. Трампом, который написал в своей книге: Президент не всегда в состоянии предвидеть, где в следующий раз возникает угроза национальной безопасности, но может и должен иметь устойчиво работающий и надежный компас… (доктрину)»[47].

Именно поэтому внешнее влияние нацелено в XXI веке уже не только и даже не столько на использование традиционных средств — подкупа, шантажа, насилия, — но на сознательное искусственное и силовое, включая военное принуждение к формированию необходимой внешней информационной среды и соответствующего «идеологического пространства». Причем как внутри страны, так и как часть МО[48].

Такое искусственное формирование «виртуальной МО» является уже «Большой политикой», ориентированной на создание четких рамок, за пределы которых никакой политик не может заступать без серьезного ущерба и личного риска. Она (такая политика) предполагает изначально целый комплекс мероприятий: получение соответствующего образования, воспитание, создание необходимого окружения, формирование «имиджа», наконец, получения разного рода гарантий — политических, нравственных, финансовых. Именно таким образом формируется сегодня политическая элита государств, которая с самого начала находится под контролем западной ЛЧЦ.

Таким образом, в XXI веке западная ЛЧЦ изменила, приоритеты своей внешней политики и усилила акцент на силовых средствах их достижения, прежде всего, посредством силового давления на политические элиты. Средства «новой публичной дипломатии» стратегии «силового принуждения» в значительной степени были

---

[47] Цит. по: *Трамп Д.* Укрепить силу Америки // Россия в глобальной политике, 2016. — Сентябрь–октябрь. — №5. — С. 354.

[48] *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016.

расширены за счет более активного использования экстремистских террористических и иных организаций против правящих элит государств, что особенно ярко проявилось в 2014–2016 годы на Украине и в Сирии.

Ответная реакция со стороны России последовала не только на Украине и в Сирии, но и в области национальной стратегии, где были усилены элементы информационной борьбы и электронного противодействия. Что очень примечательно, так это то, что стратегия противодействия России стала во многом коалиционной стратегией ОДКБ и ШОС. Так, в октябре 2016 года на сессии Совета ОДКБ в Ереване было подписано 24 документа, посвященных общей стратегии, включая определение общего списка террористических организаций и решение о «Стратегии коллективной безопасности до 2026 года». В ней, по мнению Ю. Ушакова, здесь закрепляется приоритет политических средств в обеспечении безопасности, отмечается, что к внутренним вызовам и угрозам отнесены терроризм, экстремизм, вербовка в ряды этих организаций, разжигание межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, использование информационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на обстановку в государствах-членах». В документе к внешним угрозам относится нестабильность и неурегулированность конфликтов в сопредельных государствах, деятельность по подрыву баланса сил, включая одностороннее развертывание ПРО, наращивание возможностей концепций глобального удара, распространение оружия массового уничтожения, деятельность по дезорганизации госвласти и изменению конституционного строя в государствах-членах ОДКБ.

Очевидно, что на саммите были определены задачи на фоне этих угроз — большая координация позиций по международным и региональным проблемам, совершенствование обороноспособности государств-членов, повышение боеготовности и боеспособности вооруженных сил, наращивание военно-технического сотрудничества, развитие сотрудничества в противодействии терроризму, оргпреступности и незаконному обороту наркотиков, улучшение взаимодействия по охране границ[49].

[49] Путин примет участие в заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в Ереване. 2016. 14 октября / http://tass.ru/politika/3703865

7.3. Идеология как основное средство противодействия внешнему влиянию на правящую элиту страны

Без ясного представления о желаемом, цели, результате невозможен прогноз. Без прогноза невозможен план действий. Без плана нет механизмов его выполнения. А без всего этого нет стратегии развития нации, государства и общества (1999 г.)[50]
А. Подберезкин,
профессор МГИМО, директор ЦВПИ

…любой президент любого государства обязан предложить Нации программу, как минимум, свое системное видение роли и места государства в мировом сообществе, целей и задач, и способов их решения администраций и правительством (1999 г.)[51]
А. Подберезкин,
профессор МГИМО, директор ЦВПИ

Усиление субъективного фактора влияния, с одной стороны, и превращение правящей элиты в главный объект воздействия, с другой, делают особенно актуальным проблему, повышения эффективности противодействия такой политике «силового принуждения», которая неизбежно предполагает переоценку значения тех или иных средств политики и способов их использования. В этом смысле идеология, как система взглядов на мир и система ценностей, является одним из наиболее эффективных политических средств, а также способов влияния и противодействия такому влиянию. К сожалению, очевидно недооцененных в современной России после испуга господства партийной идеологии.

Идеология, как система взглядов и самое эффективное средство управления, в XXI веке неизбежно превращается в основное

---

[50] *Подберезкин А. И., Карпенко М. П.* XXI век: стратегия для России (развернутые тезисы для дискуссии). — М.: СГУ, 2005. — С. 8.

[51] *Подберезкин А. И., Макаров В. В.* Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 2000. — С. 3.

средство противодействия усилению внешнего влияния на правящую элиту страны и ЛЧЦ, прежде всего потому, что основными задачами такого внешнего влияния являются:

— во-первых, деформация у правящей элиты системы ценностей и формирование ложных, выгодных для разных сил, стереотипов национальных интересов;
— во-вторых, нарушение системы управления государственными и общественными институтами посредством их разложения и фактического уничтожения.

Именно это произошло в отношении СССР и его союзников: постепенная, но быстрая деформация коммунистической системы ценностей («развенчание» пороков режима, а затем и самого режима) сопровождалось разрушением институтов государства, прежде всего силовых (КГБ, МО, ВД, Генеральной прокуратуры, наконец, Советов всех уровней).

В этом внешнем влиянии и разрушении идеологии как системы взглядов ликвидируется, прежде всего, понятийное, системное мышление у общества и правящей элиты, которое заменяется набором идеологем, принадлежащих другой идеологии (в случае с СССР — либеральной), — «перестройка», «гласность», «демократизация» и т.п., которые должны быть, как правило, бессодержательны и внесистемны. Реальное содержание этих идеологем скрыто и известно только тем, кто с их помощью воздействует на общественное сознание.

Восстановление системного подхода и понятийного мышление является важнейшим шагом в формировании системы противодействия внешней идеологической агрессии. Системное и понятийное мышление исходит из того, что существуют объективные реалии, которые лежат в основе принимаемых решений, и которые оказывают свое влияние на правящую элиту. Поэтому, наверное, речь может идти не только об изучении процесса принятия решений (decision-making), чему посвящено немало работ, но изучение, которого не имеет большого смысла, а об исследовании этих объективных реалий, что возможно только в рамках системного (идеологического) мышления.

Прежде всего, анализа системы ценностей и национальных интересов, которые даже для такой сверхсубъективной категории как представления о МО, являются относительно устойчи-

выми, общепринятыми и объективными[52]. Даже сумасшедший генерал может неадекватно оценивать детали стратегической обстановки (СО), но не всю ее целиком. В целом же исследователи справедливо полагают, что «существует ряд вопросов, которые объединяют международников в их исследовательских усилиях»[53]. Эти вопросы лежат только в рамках некоторых идеологических систем.

К сожалению, далеко не всегда правящая элита принимает своевременные и адекватные решения, отражающие реальные интересы нации и государства и соответствующие их системе ценностей. Степень этой адекватности может быть очень разной, но, наверное, она будет сильно колебаться в зависимости от профессионализма, патриотичности, креативности и других качеств правящей элиты, но прежде всего от идеологии, как системного подхода, и вытекающей из этого стратегии[54]. Поэтому главная функция идеологии — создать некую систему взглядов, обладающую логикой и алгоритмом решений, а, кроме того, являющуюся набором общих принципов управления в политике, которая бы нейтрализовала негативные последствия сверхсубъективизма отдельных политиков.

---

52 *Подберезкин А. И., Макаров В. В.* Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 2000. — С. 312.

53 Теория международных отношений — учебник для академического бакалавриата / под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Изд-во «Юрайт», 2015. — С. 31.

54 *Лебедева М. М.* Мировая политика. Учебник. — 3-е изд. стер. — М.: КНОРУС, 2014. — С. 71.

7.3.а). Достоинство идеологии как политического инструмента — системность и последовательность

Любая внушающая доверие доктрина внешней политики Америки должна определяться, по меньшей мере, семью основными принципами…[55]
Д. Трамп,
кандидат в президенты США, 2016 г.

Когда мы поддерживаем нашу систему ценностей дома, это означает, что мы можем лучше продвигать ее за рубежом[56]
Б. Обама,
Президент США

Главное достоинство идеологии, как системы взглядов, заключается в том, что она относительно стабильна, даже фундаментальна по отношению к политике, формируя в наибольшей степени системные и последовательные внешнеполитические интересы и ценности, которые в наибольшей степени устойчивы к политической и экономической конъюнктуре. Так, в основе внешней политики ЛЧЦ, коалиций и государств, как правило, лежат системы ценностей, сохранение которых является наивысшим приоритетом и в наименьшей степени зависит от отдельных политических лидеров.

Когда появляются такие политические, духовные или иные общенациональные лидеры, которые пытаются изменить сложившуюся идеологические системы и ценности, то это, как правило, ведет либо к уничтожению этих лидеров (иногда даже физическому), либо — если им это удается — к радикальным политическим изменениям. Как это было, например, в СССР в 1980-е годы.

В конце XX — начале XXI века обострение МО выразилось, прежде всего, в усилении межцивилизационной борьбы между ЛЧЦ, которая была перенесена в идеологическую, наиболее острую и непримиримую область. Не случайно С. Хантингтон предупреждал, чтобы уникальность западной ЛЧЦ не превращалась поли-

---

55 *Трамп Д.* Укрепить силу Америки. 2016. 6 сентября / http://globalaffairs.ru/number/Ukrepit-silu-Ameriki-18340

56 National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. III.

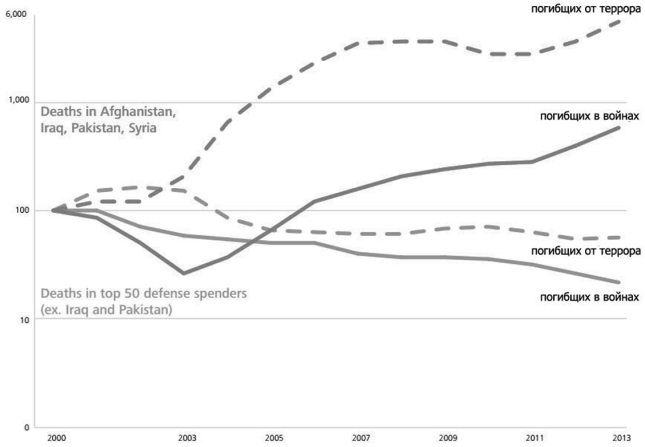

Рис. 9. Изменение численности жертв 2000–2013

тиками в ее универсальность[57]. Не случайно, например, и то, что обострение идеологической борьбы привело к быстрому росту числа жертв, прежде всего, в наиболее критически и идеологически противоборствующих регионах планеты, а не среди наиболее милитаризированных государств. Иначе говоря, — численность жертв росла быстрее не там, где было больше и лучше оружие, а там, где идеологические конфликты были сильнее (рис. 9)[58].

Осознание объективных интересов (потребности) нации и общества и международных реалий проходит через «призму» осмысления правящей элитой и трансформируются в цели и задачи стратегии, с одной стороны, и распределение национальных ресурсов, с другой. Но в основе такого «осознания» лежит система национальных ценностей, т.е. идеология. Сами по себе интересы (без системы ценностей) малоинформативны и, как правило, не актуализированы. Действительно, если ваши личные интересы диктуют вам приобретение дорогого автомобиля, но в существующей системе ценностей это не подтверждается, то этот дорогой автомобиль (дом, ценности и т.п.) теряют смысл. То же самое и с го-

---

57 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с анг. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 509.

58 Global Defense Outlook 2015. Defense and Development. A. Report. P. 11.

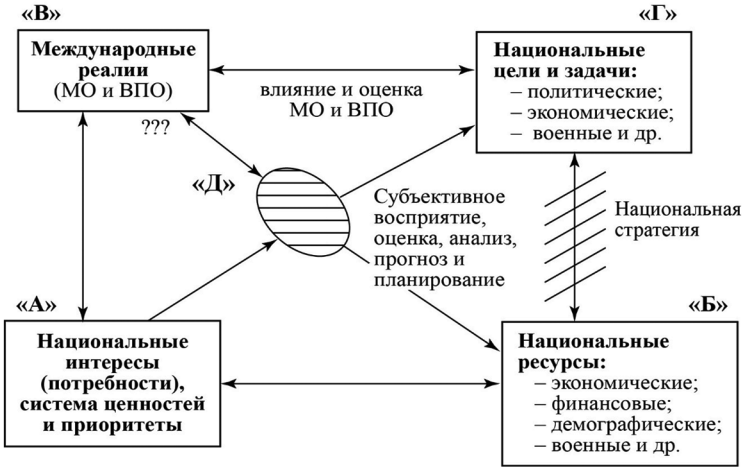

Рис. 10. Логическая схема субъективного восприятия, оценки и прогноза ВПО–СО правящей элитой и выбор ею национальной стратегии

сударством: если суверенитет теряет смысл, то он и перестает быть главным интересом, что на время произошло в России, когда многие либеральные политики призывали вообще от него отказаться (а, некоторые, призывают фактически и сегодня).

На известном рисунке (рис. 10) это будет выглядеть следующим образом применительно ко всему процессу анализа и оценки и прогноза развития МО и, главное, — выбору конкретной национальной стратегии. Это можно, например, проиллюстрировать на примере Украины по состоянию на 2016 год.

Как видно из рисунка, правящая украинская элита (прежде всего «олигархи») в лице своих конкретных политических представителей и групп (группа факторов «Д»)[59]:

1. Оценивает МО и учитывает это влияние международных факторов на формирование целей и задач национальной стратегии (в т.ч.), например, в военной области — оценка угроз и опасно-

[59] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–208.

стей. Ставка делается не на Россию, а на ЕС, который является «представителем» не только интересов, но и системы ценностей всей западной ЛЧЦ («кружевные трусики Европы»).

Как показывает опыт развития МО последних лет, это внешнее влияние может быть, абсолютным, сильным, существенным, слабым, незаметным, т.е. оно делится в зависимости от силы, на несколько категорий. Так, влияние западной ЛЧЦ на Украину в 2014–2015 годах можно назвать «абсолютным», а степень управляемости «максимальной», т.е. фактически проводилась политика «силового принуждения» с помощью радикальных и элитных групп на Украине к смене всей системы ценностей — от ликвидации памятников и советских названий до физического преследования носителей русской культуры.

Это произошло в силу абсолютной подчиненности правящей украинской элите и ее отказу от собственной системы ценностей, когда созданные ею впопыхах идеологемы выполняют не функцию идеологии (системного взгляда на мир и управления), а функцию противопоставления России. Другими словами группа внешних факторов («В») оказывает абсолютное влияние на группу факторов «Д» и группу факторов «А», формируя основные положения идеологии и системы управления нынешней правящей элиты Украины. При этом обратное влияние (правящей украинской элиты) на формирование МО минимально и может даже не учитываться в силу абсолютной незаметности!

2. Правящая элита («Д») формулирует цели и задачи («Г») с учетом оценки МО и ВПО («В») и имеющихся ресурсов («Б»), исходя из национальной системы ценностей и интересов («А»). Это абстрактное положение применительно к Украине «образца 2015–2016 годов» выглядит совершенно иначе, а именно: учитывая абсолютное влияние внешних факторов на решение правящей элиты («В»–«Д»), формулирование целей и задач (группа «Г») и распределение ресурсов (группа «Б») происходит под преимущественным влиянием этих внешних факторов, т.е. у украинской элиты нет собственной, национальной стратегии в силу отсутствия реальной системы ценностей и идеологии.
3. Международные реалии и национальные интересы в принципе находятся под взаимным влиянием и, в свою очередь, влияют

на восприятие правящей элитой страны, однако, учитывая силу влияния внешних факторов, можно сказать, что применительно к Украине в 2015–2016 годах это внешнее влияние прямо и непосредственно оказывало воздействие на всю систему национальных ценностей и интересов, трансформируя их в нужном для западной ЛЧЦ направлении.

Таким образом, точность и адекватность оценки и прогноза правящей украинской элитой МО и ВПО зависит от многих факторов, но прежде всего, внешнего влияния на нее со стороны других участников МО. Другими словами, у правящей украинской элиты не было собственной системы ценностей, которую им заменяла «универсальная» система западной ЛЧЦ. То, что называется «украинским национализмом» не является системой ценностью, а антироссийским инструментом политики.

К другим факторам анализа МО правящей элитой Украины в 2015–2016 годах относятся традиционно:

— качество и объем информации;
— научное обеспечение;
— эффективность государственного управления и др.

Примечательно, что не случайно именно эти объективные качества и инструменты анализа вообще оказались, не востребованы в 2015–2016 годы: правящая элита сознательно игнорировала реалии, чтобы заменить одну систему ценностей на другую.

Неизбежно подобная подмена ведет и к деградации правящей элиты страны. Так, известно, что на решения правящей элиты влияют также личные качества представителей правящей элиты, прежде всего:

— профессионализма;
— образования;
— нравственности (неподкупности);
— способности к стратегическому прогнозу;
— креативности, а также внутриполитической и внутриэкономической обстановки в обществе и государстве и множества других факторов[60].

---

[60] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 209–215.

Применительно к оценке этих качеств у украинской правящей элиты 2015–2016 годов можно сказать, что они были ниже предельно допустимых, что стало предметом насмешек как в самом обществе, так и за рубежом в 2014–2015 годах. Впрочем, эти насмешки абсолютно игнорировались самой элитой.

Таким образом, реальная, в случае искажения системы ценностей и подмены национальной идеологии объективная МО и ВПО может существенно отличаться от ее субъективного восприятия правящей элитой страны, а также конкретного состояния в определенный период времени. Принимаемые элитой решения будут в еще большей степени субъективны и, как правило, зависимы от факторов, которые могут и не иметь прямого отношения к МО и ВПО, например, личной заинтересованности. Именно это и происходило на Украине в 2015–2016 годы.

С точки зрения внешнего воздействия это означает, чтобы субъективность восприятия правящей элитой МО и субъективность принимаемых ею военно-политических решений превращают неизбежно правящую элиту в **главный объект влияния и воздействия со стороны внешних сил в противоборстве ЛЧЦ**. Иными словами, политика «силового принуждения» того или иного государства наиболее эффективна, если удалось нейтрализовать сопротивление элиты, лишив ее системы ценностей, либо подменив эту систему «универсальной» системой ценностей, которая на самом деле является системой ценностей западной ЛЧЦ и отражает ее интересы.

Особое значение приобретает фактор потери национальной системы ценностей, когда речь заходит о конкретной политической тактике, вытекающей из оценки и анализа стратегической обстановки. СО — не только очень конкретная по времени и месту, но и по степени субъективности — состояние Международной и военно-политической обстановки. Эта субъективность оценок происходит, как правило, в условиях цейтнота времени и ресурса. Но когда отсутствует идеология и система ценностей, т.е. принципы, системы координат и целевые ориентиры, такая субъективность оценок превращается в откровенный политический волюнтаризм: политическое искусство полностью исчезает, а его место занимают фантазии, фобии и т.п.

Кроме того важно понимать, что субъективность — важнейшая особенность в анализе и прогнозе СО, которая неизбежно

участвует в формировании той реальности, с которой приходится иметь дело. Другими словами субъективный фактор играет не только важную роль в анализе и прогнозе СО, но и в ее формировании. Прежде всего, за счет соответствующих субъективных сценариев развития МО, которые реализуют правящие элиты. Иногда с помощью таких субъектов, которые дезориентированы в политике, можно добиться очень серьезных, даже стратегических результатов. Так, лишенный системы ценности и идеологии, дезорганизованный и дезориентированный М. Горбачев в 1990 году шел на неоправданные, и необоснованные уступки Западу, а в 1991 году — Б. Ельцину, — вплоть до ликвидации СССР.

Если о роли субъективности в анализе МО уже говорилось, то в данном разделе необходимо сказать о субъективности как сознательно избранном методе выбора средств ведения политической — сетецентрической войны. Ее суть, в конечном счете, сводится к внешнему управлению правящей элитой страны, посредством оказания влияния на отдельные субъекты политики — личности. В свое время в СССР и России сотни людей, прежде всего общественных деятелей, были взяты под контроль и управлялись извне. С этой точки зрения США, например, уже выиграли войну на Украине, правящая элита которой публично заявила о своем подчинении внешнему влиянию со стороны США. Так, в ходе войны на Украине стало общем правилом, когда некие публичные заявления, абсолютно не соответствующие реалиям, предпринимались не только в США, но и на Украине. Феномен заявлений представителей правящих кругов Украины и США («псакизмы») труднообъясним и не поддается пониманию, если не учесть, что такие заявления ценны «сами по себе». В случае с Украиной эти заявления означают простое и полное «совпадение» политики Украины с политикой США.

Другой, — более масштабный пример политики сетецентрической войны, — уже по отношению к целой группе стран. Нередко говорят, что политике США и других странах не удалось стабилизировать внутриполитическую ситуацию в каком-то регионе или стране. В том числе утверждают, что даже успешные военные действия и применение ВТО не привели к политической победе, хотя собственно военная победа и стала достигаться быстрее и с меньшими затратами. Между тем, если предположить,

что целью политики США является не мифическая военная победа, а дестабилизация, хаос в этих странах, то в таких военных действиях появляется не только реальный политический смысл, но и признание достижения конкретного политического результата, а именно — дестабилизация политической системы и террор в отношении правящей элиты, ее замена, в конечном счете, на другую правящую элиту (или элиты), которые согласились бы на внешний контроль со стороны США. В этом смысле Ливия, Ирак, Афганистан — примеры таких политических побед США, даже если они заканчиваются войной и массовой эмиграцией в другие страны.

Сказанное выше значение внешнего влияния на правящие элиты при формировании национальной стратегии и МО, в еще большей степени характерно для формирования ВПО и СО в XXI веке, которые перестали быть исключительной компетенцией национальной политики. Так, сравнивая СО в той или иной стране в разные периоды времени, мы неизбежно по привычке оперируем такими категориями, как количество потерь в живой силе и технике, площадь оккупированной территории, численность захваченного населения и др., достаточно объективными критериями, которые традиционно используются входе всей истории человечества. И к которым мы исторически давно привыкли и по инерции продолжаем оценивать таким же образом, например, на Украине, где количество потерь ВиВТ и ВС со стороны Украины сравнивается с аналогичными показателями со стороны народного ополчения.

Между тем современная ВПО и СО характеризуются сегодня преимущественно иными, прежде всего субъективными особенностями и критериями, которые имеют мало общего с традиционными. Более того, мы видим, что их роль становится даже более важной, чем объективных критериев. Так, например, война на Украине, а до этого в Ираке, Югославии и Афганистане, показала, что не так уж важны собственно прямые военные потери личного состава, вооружений и военной техники, сколько важны их субъективные оценки в СМИ, социальных сетях и официальных заявлениях. Так, огромные жертвы в Ираке (более 1 млн человек) волнуют мировую общественность меньше, чем репрессии С. Хусейна против курдов, которые унесли в тысячи раз меньше жизней иракцев.

Можно в этой связи, например, даже сказать, что власти Киева беспокоили не столько реальные потери (их до сих пор никто точно не знает), сколько комментарии о таких потерях в ведущих СМИ. Поэтому была запущена массированная политико-идеологическая компания, целью которой было сознательно и грубо исказить реальное положение дел. Если в прежних конфликтах и войн собственные потери и потери противника искажались в неких пропорциях, то Киев в 2014–2015 годах продемонстрировал, что информации о потерях можно просто придумывать. Так, долгое время говорилось о десятках погибших в АТО, когда уже были тысячи смертей. Реальность отрицалась грубо и сознательно, формируя искусственное восприятие ВПО и СО на Украине у мирового сообщества и внутри страны.

Другая возросшая роль субъективного фактора — идеологическая поддержка населения, — стала решающей, как показали примеры войн на Украине, в Афганистане, Югославии, Ираке и Ливии. Особенно хорошо эта возросшая роль видна на примере исламских государств и политики негосударственных акторов, прежде всего, общественных и политических организаций, которые стали реальными факторами формирования ВПО — СО, не имея нередко изначально никаких иных ресурсов, кроме идеологии. Яркий пример этому стремительный рост влияния ИГИЛ, которая за 7–9 месяцев 2014 года превратилась во влиятельную политическую и военную силу, признанную не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке, и даже в Юго-Восточной Азии. Огромные финансовые ресурсы появились у ИГИЛ далеко не сразу, а «под идеологию».

7.3.б). Идеология как самое эффективное политическое средство управления

> Цивилизационный фактор становится все более нарастающей силой, оказывающей влияние на все мировые, региональные и даже локальные дела, он также определяет основные правила игры сегодняшней мировой политики (геополитики), внося в нее свои собственные, все нарастающие коррективы[61]
>
> *А. Владимиров, генерал-майор, военный теоретик*

Кроме своей главной функции — системы относительно устойчивых взглядов — идеология выполняет и другую важную функцию — управленческую. Именно идеология позволяет объединить огромные массы людей (не только тех, кто принимает решения, но и их выполняет) в единый коллектив, ориентированный на достижения единой стратегической цели — будь то «построение коммунизма», «выполнение ГОЭЛРО» или победу в войне.

Между тем, идеология, как влиятельный субъективный фактор и инструмент формирования МО, до сих пор недооценивается в России. Так, говоря о состоянии МО и ВПО на Донбассе в 2014–2016 годах, важно оценивать не только физические потери и соотношения в ВС и ВиВТ, а то число сторонников, той или иной идеологической модели, которое сегодня реально существует на Украине. Это обстоятельство очень хорошо понимает правящая элита современной Украины, акцентируя свои усилия не столько на физическом, сколько на идеологическом уничтожении своих противников в 2014–2016 годы. В этой связи примечательно, что хотя на выборах в октябре 2014 года на занятых Киевом территориях большинство проголосовало за «сепаратистов», идеологическое лидерство захватили те, кто устроил переворот. Таким образом, получается, что подавляющее военно-экономическое превосходство Киева … временно проиграло идеологическому превосходству сил сопротивления, которое обладало существенно меньшими

---

[61] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. — С. 49.

материальными ресурсами, но которое быстро было уничтожено с помощью средств массовой информации Киева.

Идеология, как средство системного противодействия внешнему влиянию, в XXI веке усиливает свое значение потому, что крайне субъективный характер любой стратегической обстановки (и, соответственно, еще более субъективный характер ее анализа и стратегического прогноза) вытекает естественным путем из огромного числа субъективных, переменных и частных, порой кажущихся незначительных факторов, влияющих на ее формирование[62]. Понимание характера этой субъективности и максимальное использование этих субъективных факторов становится решающим в современной стратегии и достижении победы, естественно отражаясь на формировании СО и влиянии на правящую элиту. Это означает, что именно в периоды резкого обострения ситуации резко усиливается не только внешнее воздействие на правящую элиту, но и особенно остро встает вопрос о противодействии такому влиянию. История знает немало примеров того, как в кризисных ситуациях отдельные личности извлекали для себя максимальную пользу и наносили максимальный ущерб противнику. Ярким примером этого является военное искусство А. Суворова, который в самых невыгодных и экстремальных ситуациях достигал 100% положительного результата.

В отличие от анализа ВПО, который во многом детерминирован политическими, экономическими и иными реалиями, СО является настолько динамичным явлением, что субъективные факторы играют гораздо более важную, нередко решающую роль. Это надо иметь в виду политикам и экспертам, анализирующим СО. Получается, что тот, кто лучше знает особенности и возможности субъективных факторов и умеет управлять ими, тот получает существенные преимущества в формировании СО и, в конечном счете, в силовой борьбе. Особенно, если речь идет о прямом влиянии на правящую элиту страны. Заметим, кстати, что именно руководство страны, ее лидеры, стали основными объектами для сетецентрической войны после окончания «холодной войны»: Чаушеску, Хонеккер, Павлов, Крючков и Янаев, Наджибулла, Каддафи

---

62 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

и др. К сожалению, этот вывод означает, что сознательный перевод силовой борьбы в ее вооруженную фазу может дать определенные преимущества тому, кто заранее готовится к такому развитию событий. Представляется, что в современный период это в полной мере относится к США[63].

Важнейшим аспектом, характеризующим СО, например, является эмоциональная степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу, что невозможно без тщательной идеологической подготовки. Это происходит потому, что даже незначительное участие страны в военных действиях, так или иначе, отражается на всех областях жизни общества и государства. «Всплеск» патриотизма или, наоборот, негативная реакция могут очень быстро либо ускорить, усилить масштаб военных действий, либо остановить их. Пример с Украиной показателен: массовое дезертирство, с одной стороны, и массовый психоз в СМИ, с другой. Как справедливо отмечают российские исследователи, «Война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру… В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»[64].

Характеристика современной МО–ВПО и СО, таким образом, значительно более субъективны по целому ряду параметров, чем в еще недавнем прошлом. И это используется в сетецентрической войне, прежде всего с точки зрения дезинформации элиты. Можно сказать, например, что в 1980-е и 1990-е годы правящая элита СССР и России сказалась под массированным информационным давлением со стороны Запада, которое сознательно искажало многие реалии, разрушая национальную систему ценностей и подрывая государственные интересы. Другое дело, что советская и российская элиты оказались не в состоянии сопротивляться этому давлению и искажению МО и ВПО в силу разного рода причин, в том числе

---

63 *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 50–61.

64 *Бочарников М. В., Лемешев С. В.* и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 16.

и субъективных, но, прежде всего, из-за стойкой неспособности предложить привлекательную для большинства граждан идеологию. Отказ даже от попыток к ее формулированию означал не что иное как фактическое согласие на внедрение чужой идеологии под видом «универсальной истины».

В полной мере эти свойства уязвимости от идеологического влияния используются и сегодня против российской элиты, восприятие которой сознательно искажается внешним воздействием и санкциями. Таким образом, затрудняется адекватность и своевременность оценки, анализа и прогноза МО у правящей российской элиты. Причем вполне целенаправленно и сознательно. Именно под внешним влиянием в российской экспертной среде «вдруг» появляются и активно продвигаются неадекватные концепции и оценки ВПО–СО. Не случайно, ведь, в первой редакции «Концепции национальной безопасности России» 1996 года утверждалось, что «России никто не угрожает». (Этот тезис, кстати, в той или иной форме до сих пор сохранился в разных нормативных документах).

Сознательное субъективное и ложное влияние извне на российскую правящую элиту проявляется и в том, чтобы игнорировать новые явления в формировании ВПО и СО. В том числе таких решающих и субъективных, как способы ведения сетецентрических войн против элиты и общества противника. Это неизбежно предполагает игнорирование множества неизвестных прежде переменных и новых характеристик, составляющих суть войны, что равноценно в прежние годы тому, что «не заметили» появление новых средств и способов ведения войн. Так, в условиях развития современной ВПО и даже войны значительная часть элиты и большинство нации может вообще иметь смутное представление о реальности происходящего. В 2014 году в России, (вплоть до конца 2014 года) не осознавались реалии войны на Украине, а еще в конце 2013 года ведущие политики и эксперты «прогнозировали», что в 2014 году МО, ВПО и СО останутся прежними, «благоприятными» для России. Более того, некоторые эксперты даже писали об «исключительно благоприятных» внешних условиях существования России.

Массовая дезинформация, искажение действительности, сознательно создаваемые извне в элите и обществе, формируют ил-

люзию, которая воспринимается большинством как реальность. На Украине, например, никто не верил долгое время в использовании тяжелого вооружения и даже баллистических ракет против гражданского населения, а в России — что Запад поспешит отказаться от экономических санкций. Обострение ВПО и СО в 2014–2015 годах, имеющее стратегический и долгосрочный характер, воспринималось в России и в мире как «частное» мнение некоторых представителей российской элиты. Война, в которой фактически уже участвовала Россия, настойчиво не признавалась войной, а враждебная политика — «не всегда адекватными действиями партнеров».

В истории самое масштабное создание иллюзии неадекватной ВПО и СО происходило в процессе развала ОВД и СССР. Геополитическая реальность в виде ОВД (и его экономической основы СЭВ) Советским Союзом была практически заменена (лучше сказать подменена) на новую, искусственную, нереальную. Причем, как у ловкого фокусника эту подмену обнаружили не сразу, а только «вдруг» когда границы НАТО приблизились к Белоруссии. Тем более не сразу ее осознали. Потребовалось много лет для того, чтобы эти реальности (и то постепенно) осознали политические элиты бывших социалистических стран, которые стали объектом управления (манипуляции). К тому времени маскировочные символы «демократии», «равенства», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» и т.п. уже не требовались и от них спокойно избавились. Процесс сценарного программирования, составляющий суть сетецентрической войны, против ОВД и СЭВ, в основном завершился к началу 90-х годов XX века.

В итоге была достигнута главная политическая и геополитическая цель (равноценная победе в масштабной даже, глобальной войне) — противник был дезориентирован, дезинтегрирован и принял навязанные ему условия поведения («нормы международных правил»). Новая ВПО полностью соответствовала этим результатам политической победы. Как отмечали позже американские эксперты, — «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение

значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона»[65].

Такой итог дезинформации и дезориентации правящей элиты СССР и союзников привел к формированию в мире новой МО, когда США и западная ЛЧЦ в целом получили фактически полный контроль над мировыми процессами и созданными или финансово-экономическими и военно-политическими системами. Признавая этот факт, мы, однако, нередко не хотим признать то, что эта новая МО («однополярный мир») опирается на навязываемое человечеству и другим ЛЧЦ «идеологическое лидерство» и систему ценностей США, а также сформированных ими международных норм и институтов, т.е. идеологию.

Существование этой доминирующей идеологии не позволяет создать в принципе эффективную систему противодействия внешнему влиянию потому, что оно сознательно дезориентирует и дезинформирует правящие элиты других ЛЧЦ и стран.

Безусловной заслугой западных авторов сетецентрической войны является также то, что большинство элиты и общества в Восточной Европе, СССР и России так и не поняло масштабы произошедшего, а значительная часть не понимает этого и сегодня. Не считая сознательных политико-идеологических предателей, это большинство правящей элиты оказалось неадекватным воспринимать реалии МО, ВПО и СО. Между тем в результате развала ОВД и распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский

[65] Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения». И если в предвоенные годы нашими противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям, то в настоящее время — по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»[66].

Существование этого «геополитического гетто» обеспечивается монопольным идеологическим внешним влиянием на правящие элиту других стран, которые не способны противопоставить ему сколько-нибудь национально-ориентированную стратегию.

В современном мире суверенитет сохраняет лишь те государства и ЛЧЦ, которые могут обеспечить сохранение национальной идентичности и противодействие внешнему идеологическому воздействию. Это относится в первую очередь к тем странам, у которых есть традиционная система ценностей (КНР, Индия, исламские государства), либо своя новая идеология — Куба, КНДР, Вьетнам. Другие страны, пытающиеся сохранить суверенитет и идентичность, будут вынуждены либо идти тем же путем, либо идти тем же путем, либо интегрироваться в чужие политико-идеологические модели развития.

[66] Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997.

7.4. Внешнее воздействие на способность российской правящей элиты адекватно формулировать цели и задачи (векторы «Б»–«В» и «Б»–«Д») Стратегии национальной безопасности

… до 2021 года МО будет характеризоваться возникновением тенденций и организаций… чья политика будет ориентирована на защиту цивилизационных и национальных систем ценностей[67]
А. Подберезкин, политолог

… всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы глобальной, региональной и международной безопасности[68]
С. Нарышкин, Председатель Госдумы ФС РФ

В XXI веке, как уже говорилось непосредственное значение в политике приобрела способность влиять на собственно правящую элиту (ее представления о системе национальных ценностей и интересов): вектор «Б»–«Д», а также оказывать прямое воздействие на формирование целей и задач внутренней и внешней политики государства: вектор «Б»–«В». Если первый вектор влияния носил до определенного времени характер когнитивного воздействия СС помощью инструментов «мягкой силы», то в XXI веке это внешнее влияние перешло в иное качество, а именно политики «силового принуждения», которая связывается нередко с прямыми угрозами в адрес элиты и ее лидеров и даже их физическим уничтожением.

Такая практика стала нормой для США, которые после уничтожения С. Хусейна, Бен Ладана и Каддафи очень активно ее ис-

[67] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 16.

[68] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

пользовали против других элит и их лидеров. Политика санкций и угроз в отношении российской элиты и ее лидеров также стала практически международной во втором десятилетии XXI века.

Другое направление политики «силового принуждения» — вектор «Б»–«В» — давление на процесс формирования политических целей и задач нации и государства, в котором правящие элиты занимают важное место, но не являются единственными факторами. Оппозиция, институты гражданского общества, СМИ, культурные и религиозные лидеры, а также многие другие факторы влияют на конечную политическую цель и конкретные задачи, которые, в конечном счете, выступают в качестве результата воздействия всех факторов влияния. Естественно, что оказывая давление на эти факторы, можно добиться корректировки тех или иных целей и задач политики.

7.4.а). «Политика принуждения» правящей элиты при формировании ею политических целей и задач (вектор «Б»–«Д»)

… в период конфликтов, острых кризисов, высшей формой которых являются революционные ситуации, кардинально повышается значимость личного фактора, лидерского компонента[69]

Ш. Султанов, политолог

Роль политических лидеров и лиц, принимающих решения, а также лиц, участвующих в их подготовке и влияющих на весь процесс в политике, — критически важна, а нередко и решающая. Поэтому политика «силового принуждения» лидеров и правящих элит, как правило, достаточно эффективна, хотя нередко проста, даже примитивна. Дело в том, что человеческая история накопила в своем активе огромное число средств такого влияния как на отдельную социальную группу, так и на конкретную личность,

[69] *Султанов Ш. З.* Стратегическое сознание и мировая революция. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 236.

апробировано бесчисленное множество методик и способов — от примитивных (но эффективных) подкупов и соблазнов до угроз физического уничтожения[70].

Все эти способы и методы тысячелетиями использовались государствами в своих интересах и стали, по сути, нормой (хотя не всегда и не во всем признающейся публично). Но именно в XXI веке эта возможность силового воздействия приобрела новое качество в связи с появлением принципиально новых средств информатики и связи. Так, выборы президента США в 2016 году продемонстрировали огромные возможности контролировать и накапливать информацию, которую можно использовать, например, в сексуальных скандалах.

Россия могла на протяжении столетий довольно успешно сохранять способность противодействовать внешнему влиянию на позиции правящей элиты страны, что позволило во многом сохранить ей идентичность и суверенитет. Но это было далеко не всегда. Влияние на конкретных представителей правящей элиты из-за рубежа — от предателей «новгородских бояр» до Л. Троцкого и М. Горбачева, — когда его удавалось реализовать в политических целях, давало очень эффективные результаты. Тем более что эта эффективность, как правило, также была связана с интеллектуальными и профессиональными способами правящей элиты.

Эта профессиональная способность, как и способность к адекватному и точному анализу реальной действительности, а тем более прогнозу МО, — крайне редкое качество, которое появляется у представителя элиты в результате развития нравственных качеств, профессиональной и длительной работы, а также целому набору личных качеств, включая таких редких как способность к аналитической работе. Особенно научной работы, формирующей понятийное сознание. Это также неизбежно ведет к тому, что в своей массе правящая элита должна либо опираться на достаточно простые идеологемы типа «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», либо доверять анализ, оценку и прогноз тем своим представителям, которые отвечают за это направление и являются частью политико-идеологической системы общества и государства,

---

[70] *Подберезкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 84–87.

т.е. подчиняться некой иерархии и дисциплине. Об этом мы подробно написали в 2015 году[71].

Обращаясь к известной схеме политического процесса (рис. 11), можно сказать, что конечный результат — точно сформулированные цели и конкретные задачи — зависят во многом не только (и даже не столько) от объективных групп факторов (группа «А» — национальные потребности и группа «Г» — национальные ресурсы), но и от влияния, которое оказывается на правящую элиту как прямо, непосредственно (вектор «Б»–«Д»), так и косвенно — через учет влияния международных факторов на формирование политических целей и задач (вектор «Б»–«В») в понимании правящей элиты страны, т.е. через косвенное влияние. Это эксплицитное и имплицитное влияние — норма, но нередко политики даже не отдают себе отчета о том, что ими манипулируют или их просто обманывают. Огромные массивы поступающей информации где-то и кем-то обрабатываются, где

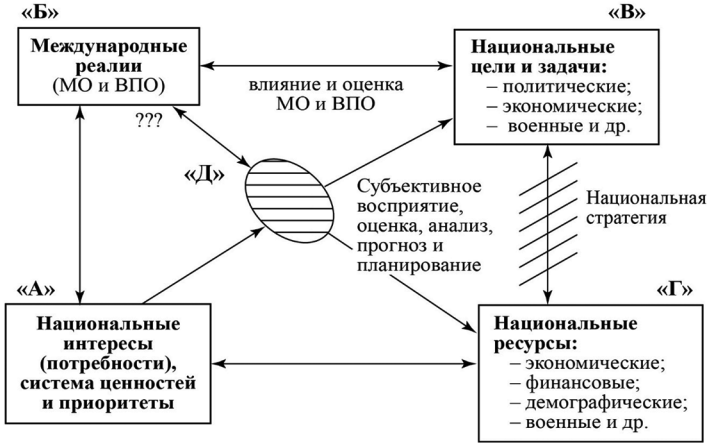

Рис. 11. Логическая схема субъективного восприятия, оценки и прогноза ВПО–СО правящей элитой и выбор ею национальной стратегии

[71] *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 200–219.

неизбежно «отсеивается» все менее важное, а то, что остается, как правило, препарируется в рафинированном виде. Поэтому политик, с одной стороны, становится, зависим от своего окружения (прежде всего тех, кто обрабатывают информацию), а, с другой стороны, становится уязвим для внешнего влияния потому, что оно может быть прямым, непосредственным, даже грубым и — что очень важно — нередко недостоверным. Именно поэтому в XXI веке особое значение приобретает информационно-аналитическая система, обслуживающая лиц, принимающих решения, которая максимально объективно способна предоставить необходимую информацию[72].

При этом важно отличать прямое (иногда силовое, граничащее с шантажом и принуждением) и косвенное влияние на личности политиков (которые, кстати, иногда выступают «в пакете», одновременно). Если первое, прямое влияние достаточно известно (хотя и не всегда в политике признается), то второе, как правило, относится к способности того или иного представителя правящей элиты к научному, понятийному и системному мышлению, т.е. противодействию навязываемому представлению. В качестве примера первого влияния можно привести дипломатическое давление США на Болгарию с целью не допустить пролет российских гуманитарных грузов в Сирию через воздушное пространство этой страны или угрозу применить кибератаки осенью 2016 года. Пример второго влияния — позиция России по ВТС с Сирией, когда, поддерживая Б. Асада, мы отказались от прямых поставок систем ПВО «С-300», но обеспечили поставки системы ПВО «Панцирь-С1», обладающие меньшими возможностями по дальности, высоте поражениям характеру поражаемой цели, но способными эффективно уничтожать ЛА.

Очевидно, что знание и учет второй группы факторов и умение им противодействовать во многом зависит от профессионализма того или иного представителя правящей элиты: существует множество «оттенков серого» в политике принуждения.

---

[72] Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П.М. Шмелев, А.И. Подберезкин и др. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 159 с.

Сказанное предполагает, что значительная часть правящей элиты, не будучи профессионально подготовленной, должна делегировать свое право и доверие профессионалам, а те — политическому руководству, которое должно быть, как минимум, не менее профессионально. Получается «пирамида», во главе которой находится очень узкий круг людей, фактически обладающий абсолютным правом выносить свой окончательный вердикт относительно состояния и перспектив развития МО–ВПО.

Нередко, как демонстрирует практика, эти люди оказываются неподготовленными и, как показывает пример с М. Горбачевым — Э. Шеварднадзе — А. Яковлевым, могут радикально ошибаться — сознательно или вопреки воле экспертов.

В этой связи возникает вопрос о том, какой видят на Западе международную, военно-политическую и военно-стратегическую обстановку в будущем в действительности и какой хотят, чтобы их видели в России, прежде всего, конечно, в правящей элите страны? Каковы сценарии развития МО и ВПО и их перспективы? Очевидно, что такая разница не просто существует, но и является современной реальностью, объясняющей бесконечные противоречия в СМИ и в политике Запада[73]. Собственно эта разница во многом помогает понять не только истинные цели западной ЛЧЦ, но и **как** они хотят их добиться, **какими способами** и — что немаловажно — как они будут воздействовать на правящую элиту России. Так, если исходить из предложенной мною еще в 2014 году концепции того, что западная ЛЧЦ продвигает развитие сценария глобального Военно-силового противоборства[74], то неизбежно следует вывод о том, что политика «силового принуждения» российской элиты не будет ограничена только политико-дипломатическими или даже информационными средствами.

Эта разница происходит из переоценки роли России в мировой политике, к которой сегодня, как считают на Западе, можно относиться достаточно безответственно. Приходится признать, что к началу XXI века в США пришли к выводу, что Россия пере-

---

[73] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 325 с.

[74] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — 169 с.

стала быть для них серьезным потенциальным стратегическим партнером (или противником), превратившись в лучшем случае в региональную державу, а потому, в глобальной сетецентрической войне США за сохранение мирового лидерства ей и отводится соответствующая роль. Одним из следствий такой переоценки стал отказ от массированной и глобальной дезинформации политической элиты России, которая потеряла свою практическую значимость, а, значит, особую секретность и масштабность. Вот почему в отношении российской элиты с конца 1990-х годов стали звучать не только трезвые, но и даже пренебрежительные оценки, лишенные, в том числе необходимости массированной дезинформации. Такой потребности к началу XXI века уже просто не было.

Такая недооценка России, безусловно, сказалась на адекватности поведения США во время сирийского кризиса. Действия России были для США и их союзников совершенно неожиданны, а во многом, поэтому и крайне неприятны. В 2015–2016 годах не только для США, но и для их главных союзников — Великобритании и Франции — поведения России было сплошным сюрпризом. Это объясняет, что внешнее давление на Россию по «сирийскому поводу» оказалось достаточно грубым, неподготовленным и даже истеричным.

Тем не менее, объективная слабость России после «реформ» никуда не исчезла. Именно поэтому оценки США в отношении России и ВПО–СО в начале XXI века стали более откровенными и даже циничными. Так, главной политической целью США в отношении России в будущем объявлялось постепенное уменьшение влияния России и последующий развал страны, и раздел ее ресурсов, а в качестве программы — минимум на ближнесрочную перспективу — недопущение евразийской интеграции. Главными «проводниками» такой политики «назначались ЕС и НАТО. Новая ВПО и ее функциональное предназначение, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве государства, аналогичному СССР в послевоенные годы[75]. Это и есть «программа минимум» США по отношению к России на среднесрочную

[75] См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М. : МО РФ, 2002.

перспективу. Соответственно и прямое влияние на российскую элиту развивалось в этом же направлении: поддерживались любые аргументы, которые «обосновывали» отказ от интеграции, участия в евразийской интеграции и ослаблении влияния на постсоветском пространстве, на что какое-то время охотно реагировали либералы.

Естественно, что «программа максимум» — развал страны, — пока официально не декларируется, хотя психологическая подготовка российской элиты к такому заявлению уже начата. Не случайно, звучат «частные» и «личные» мнения о необходимости раздела природных ресурсов России. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что долгосрочная стратегия западной ЛЧЦ в отношении с Россией заключается в ее разделе на «европейскую» (до Урала) и «азиатскую» (восточнее Уральской гряды) части, где сосредоточены основные природные ресурсы, но «оси» Урал — северный Казахстан. В этом контексте очень понятной, например, становится политика США в отношении ИГИЛ, который может сыграть роль военной организации для суннитов (более 1000 млн человек), которые могут взять под контроль Среднюю Азию, Казахстан, Южный Урал и Поволжье.

В этой связи важно попытаться оценить адекватность правящей на Западе элиты и принимаемых ею решений. На этот счет существует немало точек зрения, представляющих собой широкий «разброс» оценок — от крайне негативных, даже уничтожающих, до восторженных. В частности, по стратегии Запада по отношению к региональным конфликтам в Африке и на Большом Ближнем Востоке, России и войне на Украине. Так, исследователь из МГИМО А. Сушенцов неоднократно писал, например, о неспособности правящей элиты США адекватно оценить региональные кризисы, нередко СМИ, критикующие по разным поводам руководство США и других западных стран, также пытаются объяснить региональные войны «провалом» стратегии США и НАТО.

На мой взгляд, это не соответствует действительности. Мой собственный опыт и информация свидетельствуют о другом, а именно: в таких странах, как США, Великобритания, Израиль у власти находится прекрасно подготовленная профессионально, преданная национальным интересам и очень опытная элита. Кроме того, в отличие, например, от России, у этой элиты существует ясно разработанная идеология и конкретизирующая ее стратегия. Если

говорить, например, о России, то у этой элиты существует ясно разработанная стратегия по отношению к нашей стране. Если говорить, например, о блоке вопросов, связанных с Россией и Украиной, то эта стратегия — последовательная, тщательно оформленная, обязательная к исполнению для всех органов власти (не зависимо от того, какая партия находится в Белом доме или конгрессе) — имеет еще и долгосрочный антироссийский характер, который отчетливо просматривается в последние 25–30 лет.

Наконец, правящие элиты западных государств во многом оказались «защищены от дураков» и случайных людей типа М. Горбачева, Б. Ельцина и др., оказавшихся у власти, тщательно проду-

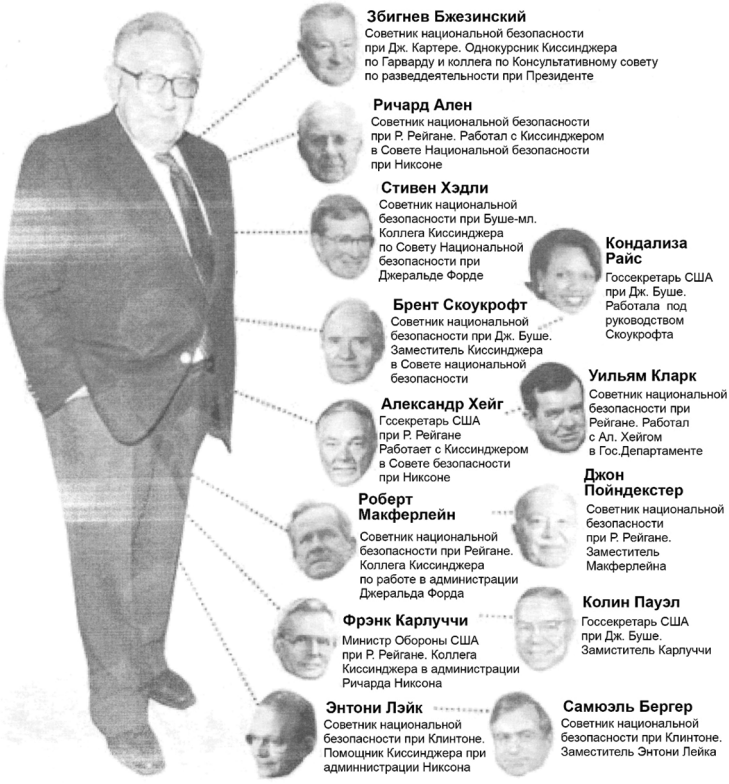

Рис. 12.

манной и реализуемой стратегией кадрового отбора и роста правящей элиты. Она хорошо видна, например, на кадровом составе нескольких администраций воспитанном еще Г. Киссинджером и его учениками (рис. 12)[76].

Таким образом (с точки зрения способности правящей элиты), существующая и складывающаяся для Российской Федерации в будущем стратегическая обстановка, крайне неблагоприятно влияет на обеспечение международной и военной безопасности»[77]. Прежде всего, потому, конечно, из-за негативного сценария МО–ВПО, но также из-за того что растущие в своей сложности политические проблемы, стоящие перед Россией, вынужденно решаются постоянно ухудшающейся правящей элитой, не способной, в частности, ясно формулировать цели и отстаивать свои политические. Активизация силового давления со стороны Запада на российскую правящую элиту в 2014–2016 годы связана не только с событиями в Сирии и на Украине (как справедливо заметил 16 октября 2016 года В. Путин, «и там было бы то же самое»), но с долгосрочными планами по уничтожению российской ЛЧЦ. Неизбежно прогнозируешь дальнейшее продвижение идей дезинтеграции, но теперь уже России и ее геополитического пространства, что постепенно внедряется со стороны Запада в сознание либеральной части правящей элиты России.

---

[76] См. подробнее: *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 171–219.

[77] *Бочарников М. В., Лемешев С. В.* и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 29.

7.4.б). «Политика принуждения» нации и общества при формировании целей и задач (вектор «Б»–«В»)

Причина, по которой консерваторы поддерживают сильные и хорошо финансируемые вооруженные силы, заключается в том, что они знают: все свободы вытекают из национальной безопасности[78]

Д. Трамп,
кандидат в президенты США

Внешнее воздействие и «силовое принуждение» непосредственно на процесс формирование политических целей (вектор «Б»–«В») означает влияние, давление и принуждение другого общества и нации, их институтов, организаций и личностей к тому, чтобы процесс целеполагания проходил в интересах внешних участников.

Как известно, процесс формирования целей и вытекающих из них стратегий не является простым и одномоментным. Крайне редко он сводится к одному–двум решениям руководителей страны или части правящей элиты, а если этого и происходит, то затем, как правило, следуют коррективы. «Правильные» цели и задачи зарождаются в обществе и лишь озвучиваются лидерами, которые в той или иной степени могут удачно реагировать на общественные запросы. Отсюда и вытекает задача, стоящая перед внешним фактором влияния: объяснить, убедить или заставить силы, участвующие в формировании политических целей и стратегий, воспринять требования внешнего участника политического процесса.

Учитывая, что таких участников процесса подготовки и принятия решений много, политика влияния и «силового принуждения» на них не может быть такой же простой как и политика влияния на правящую элиту.

Долгосрочный прогноз возможных и наиболее реальных сценариев развития международной обстановки — исключительно важное исследование, имеющее трудно переоцениваемое значение для безопасности государств и наций, но особенно для политиче-

---

[78] *Трамп Д.* Укрепить силу Америки. 2016. 6 сентября / http://globalaffairs.ru/number/Ukrepit-silu-Ameriki-18340

ской элиты и лидеров. Именно в долгосрочном прогнозе заключается, однако, возможность влияния и даже давления на правящую элиту. Прогноз, как и рейтинг, не только делается кем-то конкретно, но и по конкретному заказу, за конкретные деньги. Не менее важно и то, как этот анализ и прогноз будет восприниматься той или иной элитой. От того, как точен будет этот прогноз и насколько адекватно он будет восприниматься, зависит, в конечном счете, само будущее государства и нации, а в условиях XXI века, — всей локальной российской цивилизации. Так, в 80-е и 90-е годы XX века наиболее часто встречался прогноз не только «конца коммунизма» и «вечности либерализма», но и «универсальности» либеральных ценностей. Этот «прогноз» буквально вдалбливался в сознание советского и российского общества, влияя очень сильно на его целеполагание.

От таких анализов и прогнозов страдает адекватность восприятия реалий, — которое является обязательным условием дееспособности элиты. Мы нередко встречали в истории самый замечательный анализ, а иногда и самый точный прогноз, но крайне редко сталкивались с адекватностью их восприятия правящей элитой, предусмотрительностью и способностью понять их последствия. До сего дня, например, идут споры относительно того, могло ли царское правительство избежать вступления России в Первую мировую войну, не только остановившую быстрый социально-экономический, научный и культурный прогресс России, но и приведшую ее к катастрофе, хотя для экспертов и была очевидна катастрофичность этого решения.

Иногда удивляешься, насколько эксперты могут точно предсказать (или спрогнозировать?) необходимость для правительства какого-то конкретного действия. И насколько субъективная реакция правящей элиты неадекватна к восприятию этих рекомендаций. Так, уже в 2014 году стало совсем, уж, окончательно очевидно, что важнейшими приоритетом российской национальной стратегии в условиях санкций должно быть опережающее развитие науки, наукоемких технологий и образования, а по большому счету — проведена национальная мобилизация. В том числе и с точки зрения обеспечения военной безопасности (хотя писалось и говорилось об этом не раз и до 2014 года). В том числе и автором этих строк, которому удалось подготовить для первого послания президента РФ две отдельные

главы, посвященные приоритету развития науки и образования (еще в первом послании Президента ФС в 1994 году), а позже сделать серию публикаций на эту тему[79].

К сожалению, реакция правящей элиты была минимальна — точнее отсутствовала вообще — и абсолютно неадекватна реалиям не только в 1994, но и через 20 лет. Странно, но периодически начинались разговоры о приоритетах науки и образования, в т.ч. в очередной раз и в 2014–2015 годы, но, как правило, делалось все наоборот. Не стал исключением и 2016 год, хотя итоги развития с/х отраслей, казалось бы, на практике подтвердили эти рекомендации. Инерция развития продолжается, несмотря на кризис и отрицательные темпы роста ВВП. России так и не удалось сконцентрироваться, хотя — если исходить из реального анализа развития МО — это делать нужно было уже давно.

Сто лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же сложной ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «После войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т.е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы… Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни…»[80].

Получается, что объективные потребности общества, подмеченные В.И, Вернадским, не замечаются правящей элитой и ее лидерами, которая, однако «охотно» поддается внешнему влиянию. Это обстоятельство активно используется в политике, когда с помощью финансовых и информационных средств правящую элиту «ориентируют» в нужном направлении, либо просто заставляют сделать то, что нужно зарубежному участнику.

Этот приоритет, на котором настаивал великий ученый в 1915 году, стал крайне актуальным, даже уже неотложным,

[79] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

[80] *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&ext=pdf&ma63–76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf. — С. 76.

но встречных действий со стороны правительства пока что не наблюдается. В этом, на мой взгляд, сказывается инерция либерализма, его внешнего влияния на правящую российскую элиту в экономике и финансах, сложившееся еще в 1990-е годы. Давление на правящую элиту России осуществляется как по идеологическим, банковским, финансовым и иным каналам, так и на личном уровне — через имущество за рубежом, детей, обучающихся в западных университетах, счета, хранящиеся в западных банках и т.д.

Как известно, реакция правящей элиты, как правило, очень редко бывает адекватной объективным потребностям нации и общества, что неизбежно наводит на мысль, что субъективные факторы в политике, оценке МО и ВПО, играют решающее значение в их формировании. Политик не думает о стратегии, его мысли о завтрашних выборах. К сожалению, мудрый совет В. И. Вернадского так и не был воспринят ни в 1915 году, ни позже: Россия оказалась сначала втянутой в Мировую, а затем и гражданскую войну, которые отбросили ее в развитии на десятилетия назад. Примечательно, что возвращение к идее национальной мобилизации и необходимости опережающих темпов социально-экономического и научно-технического развития произошло только в 30-е годы XX века во многом благодаря субъективной оценке того же И. Сталина и части его окружения. Подтолкнуло их к этому именно существовавшая тогда стратегическая обстановка вокруг СССР. Эта оценка правящей элиты СССР потребовала рывка в технологическом и экономическом развитии, который, в конечном счете, и создал основу для будущей безопасности СССР.

Примечательно и то, что противники И. Сталина — как «справа», так и «слева» — не считали МО угрожающей, а меры, требуемые для обеспечения безопасности в области науки и экономики, — чрезвычайными. Споры о необходимости коллективизации и индустриализации, таким образом, вытекали из разных субъективных оценок МО и ВПО. Примечательно и то, что оценка различными частями правящей элиты России МО во втором десятилетии XXI века также существенно отличается, что проявляется порой в совершенно различных политических решениях, но правило, что «войны начинаются в головах людей и только затем

выплескиваются наружу»[81], никто не отменял. Особенность таких оценок в том, что ни одна из этих оценок не является консолидированным мнением элиты, требующим быстрой мобилизации национальных ресурсов, прежде всего интеллектуальных и идеологических. Другая особенность — никто в элите — ни советской; ни российской **никогда** не нес ответственности за неточное, неправильное или даже вредное для нации отношение и оценки реалий. Эта безответственность стимулирует правящую элиту к действиям в личных интересах, когда корысть является главным мотиватором оценок и поступков. Но, если корысть стала главным мотиватором, то это позволяет внешним силам выйти на самые простые способы управления извне. Собственно так, как правило, и происходит, когда представители правящей российской элиты мотивируются из-за рубежа. И не только деньгами, но и возможностью их использовать за рубежом.

Особенно усилилось влияние извне с появлением интернета и особенно социальных сетей, которые стали непосредственно влиять на общественное сознание и формировать отношение, которое игнорировать трудно (если вообще возможно) правящей элите.

В последнее время появился целый ряд исследований по развитию компьютерных и социальных технологий. Ниже приводится таблица этапов их развития (табл. 1), описанная В. М. Сазановым в обзоре «Социально-ориентированные сетевые технологии как новое интеллектуальное направление»[82].

Позднее, в 1990-х гг. социологи заново открыли методики преступных организаций, указав на серьезный риск, если против государства со стороны противоправных группировок будут использоваться сетевые методы воздействия и влияния. Примерно в это же время появились исследования по транснациональным правозащитным сетям. Такие сети определялись как трансграничная сеть активистов, у которых в мотивацию их действий был заложен принцип идей или ценностей. На более широком уровне

---

[81] *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 241–245.

[82] *Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: Вызовы и возможности для России. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 59.

Таблица 1.

<table>
<tr><td colspan="3">Новый социальный Интернет</td><td>Пассионарность
Интеллектуальность</td><td>«Солнечное виртуальное общество»
Сеть Пассионариев
Виртуальное вече</td></tr>
<tr><td>2010</td><td colspan="2" rowspan="2"></td><td rowspan="2">Web 2.0
Социальный интернет</td><td rowspan="2">Социальные сети
Блоги
Новостные ресурсы</td><td rowspan="2">Социально-ориентированные
Профессиональные
Массовые</td></tr>
<tr><td>2002</td></tr>
<tr><td>1970</td><td colspan="2">Интернет</td><td>Web 1.0</td><td colspan="2">Сайты, электронная почта, поисковые системы</td></tr>
<tr><td>1982</td><td colspan="2">Персональный ПК</td><td></td><td colspan="2" rowspan="3"></td></tr>
<tr><td>1948</td><td colspan="2">Компьютер</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>Военные приложения</td><td>Бизнес-ориентация</td><td colspan="2">Бизнес и социальная среда</td><td>ИТ-Коммерция</td><td>ОБЩЕСТВО</td></tr>
</table>

их определяли как «глобальное гражданское общество», которое рассматривает международную политику исходя не только из необходимости безопасности и личного интереса суверенных государств, но также признанных международных норм и концепций, общественных благ, продвигаемых «несуверенными» акторами[83]:

Появилось множество синонимов и взаимосвязанных терминов, связанных с понятием политических сетей и сетевого управления. В частности, Джоунс, Хистерли и Боргатти предлагают следующие категории (автор, год, название, определение):

1. Альтер, Хэйдж, 1993. Межорганизационные сети — неограниченные или ограниченные кластеры организаций, которые, по определению, представляют неиерархические коллективы юридически обособленных объединений;

[83] *Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К.* Сетецентрические методы в государственном управлении. — М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. — С. 6.

2. Дубини, Элдрич, 1991. Сети — шаблонные отношения между отдельными лицами, группами и организациями;
3. Герлач и Линколь, 1992. Альянсный капитализм — стратегические долгосрочные отношения внутри широкого спектра рынков;
4. Грановеттер, 1994, 1995. Бизнес группы — собрание фирм, связанных между собой определенными формальными и/или неформальными способами… с помощью промежуточного уровня связывания;
5. Крайнер, Шультц, 1993. Сети — неформальные межорганизационные сотрудничества;
6. Ларсон, 1992. Сетевые организационные формы — долгосрочные возвратные обмены, которые создают взаимозависимости, основанные на переплетении обязательств, ожиданий, репутации и взаимных интересов;
7. Либескинд, Оливер, Цукер, Бревер, 1996. Социальные сети — коллективность лиц, среди которых происходят обмены, поддерживаемые только общими нормами заслуживающего доверия поведения.
8. Майлз, Сноу, 1986, 1992. Сетевые организации — кластеры фирм или специализированных единиц, координируемых рыночными механизмами;
9. Пауэлл, 1990. Сетевые формы организаций — боковые или горизонтальные модели обмена; независимые потоки ресурсов; взаимные линии коммуникации.

Исходя из таких различий в оценках, можно выделить, как минимум, три главных подхода, отличающихся как по существу оценки, так и по репрезентативности элиты в 2015–2016 годы. Каждый из них — что важно — является в определенной мере результатом внешнего влияния или даже прямого воздействия.

Первый, западнический, откровенно антироссийский, либеральный подход, в соответствии с которым МО по-прежнему не является угрожающей для России, а ее смягчение является целиком следствием изменения курса России и лично В. Путина. Можно оценить долю приверженцев этого подхода в 2016 году в элите в 20–25%, учитывая в т.ч. их личные и корпоративные интересы.

Второй, государственнический подход, предполагает, что МО временно обостряется, но явной военной угрозы России нет и в

ближайшие годы не будет. В силу самого разного рода причин — от всемогущества СЯС до готовности Запада к компромиссу. Этот подход предполагает постепенное естественное «смягчение» противоречий и обострения МО. Сторонниками этого подхода является большинство правящей элиты (не менее 50%) и общества.

Наконец, третий подход в оценке СО, которого придерживается в 2016 году меньшинство правящей элиты и общество (5% и 15% соответственно), но число сторонников, которого растет. Эта оценка говорит в пользу стремительного нарастания внешней и военной угрозы, более того, признания того, что фактически такая война против России уже начата[84].

Понятно, что разница в оценках и прогноз развития МО и ВПО различными частями правящей элиты существует всегда. Можно привести в этой связи и аналогию с субъективными оценками в Советской правящей элите в 80-е годы, которая определенно разделилась на два лагеря. В первом лагере остались те, кого позже будут называть «консерваторами» и «ортодоксами», кто внешне придерживался строгих марксистских догм, но в действительности справедливо полагал, что против «социализма» (стран-участниц ОВД) проводится прежняя политика «холодной войны» на уничтожение.

Вместе с теми в правящей элите СССР вырастала и команда «реформаторов», которая совершенно по-иному — наивно, а иногда и преступно, глупо и т.д. — оценивала МО в начале 80-х годов. Эта команда использовала для обоснования своих оценок разные идеи, концепции и идеологемы — от концепции «общечеловеческих» ценностей и глобальных проблем до идей политической и экономической конвергенции.

Современный опыт России показывает, что проблема не в том, что даже на уровне анализа современной МО в правящей элите встречаются не просто различные, но и прямо противоположные оценки, которые в будущем еще более будут различаться. Проблема в необходимости выработки единой стратегии поведения, масштабов ответных мер, т.е. в реалистичной и эффективной стратегическом планировании. Как показывает опыт СССР и России,

---

[84] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

вытекающие из таких неверных оценок, решения, носят и, неизбежно, будут носить катастрофический характер. Субъективизм в оценке СО, наверное, неизбежен, но он имеет катастрофические последствия, если становится неадекватной государственной политикой, а именно этого исхода мы еще только учимся избегать. Если на Западе выработан механизм адаптации к наиболее реалистической стратегии (даже в случае частных ошибок, как это было в 30-е годы XX века с политикой Н. Чемберлена), то в России побеждает, как правило, неверная, непрофессиональная точка зрения в последнее столетие. Этот феномен можно отнести только за счет внешнего вмешательства и даже политического давления, когда правящая элита оказалась фактически управляемой извне.

Таким образом, у задачи точного анализа и прогноза современной СО есть одно непреодолимое препятствие: наличия внешнего вмешательства множества субъективных факторов и переменных величин, которые также субъективно (сознательно и подсознательно) трактуются разными частями элиты по-разному. Это превращает прогноз развития сценариев международной и стратегической обстановки и возможного характера будущих войн и военных конфликтов объективно в наиболее трудный предмет из всех возможных областей долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования.

Глава VIII
Формирование международной обстановки в XXI веке как результаты реализации «виртуальной реальности»

… сознание как картина мира формируется под воздействием внешних условий посредством языка[1]

Ф. Фролов,
философ

Язык, формируемые с его помощью и им стереотипы, учитывая стремительно возрастающие информационно возможности, превратился в реальный фактор мировой политики и инструмент новой публичной дипломатии. По мнению некоторых философов, именно язык лежит в основе современных конфликтов, прежде всего, конфликтов цивилизаций. По их мнению, «чем больше по своему происхождению, словарному запасу, синтаксису отличаются языки, тем выше потенциал конфликта»[2].

Подтверждая эту теорию, можно объяснить значительное общее представление о мире, существующие в западной ЛЧЦ, основанное как на значительной лингвистической общности, так и на доминировании англо-американского языка.

Учитывая, что контроль над электронными и сетевыми СМИ у западной ЛЧЦ распространяется на 90% информационных ресурсов (о чем с гордостью заявил Б. Обама осенью 2015 года), становится понятным, что цель искусственного формирования в мире самых различных образов, а затем превращения этих обрядов в реальность — практически достижима.

Особенно отчетливо это превосходство проявилось с распространением интернета, а затем и социальных сетей, веб 2.0 технологий и мобильных устройств, которые за последние 10 лет фактически «переселили» политическую активность в виртуальный мир.

---

[1] *Фролов Ф. С.* Культурно-лингвистическая экспансия — угроза национальной безопасности России: монография. — М.: «Маска», 2014. — С. 52.

[2] *Чернов И. В.* Международная организация Франкофонии. Лингвистическое измерение мировой политики. — СПб.: ПТУ, 2006. — С. 43.

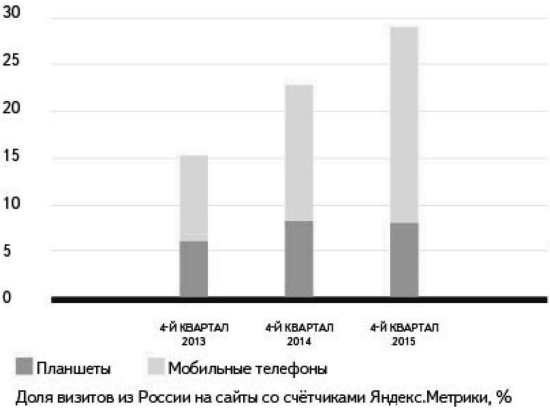

Рис. 1. Какую долю составляет трафик с мобильных устройств на веб-сайтах

Более того, уже сегодня можно уверенно прогнозировать, что эта тенденция получит свое дальнейшее развитие в среднесрочной перспективе уже 2–3 лет, когда новые технические возможности обработки и передачи информации возрастут в сотни и даже тысячи раз. Предыдущая динамика, во всяком случае, дает основание говорить об этом уверено (рис. 1[3]).

Сказанное означает, что технически и технологически возможности к 2020 году дадут лидирующей стороне (пока это западная ЛЧЦ) исключительные преимущества в формировании виртуальной реальности, которая может радикально отличаться от действительности. Сформулированные таким образом цели западной ЛЧЦ (какими бы то ни было фантастическими, они ни казались), могут и будут заявлены в качестве политических целей.

Для того чтобы сделать этого уже не существует сколько-нибудь серьезных препятствий за исключением традиционных культурных и духовных национальных и цивилизационных основ. На известном рисунке (рис. 2) это выглядит как стабильное и сильное влияние группы внешних фактов «Б» на группу базовых факторов («ценности и интересы») «А» (вектор «Б»–«А»).

[3] По данным Яндекс.Метрики. 2016. Июнь / https://yandex.ru/statistic

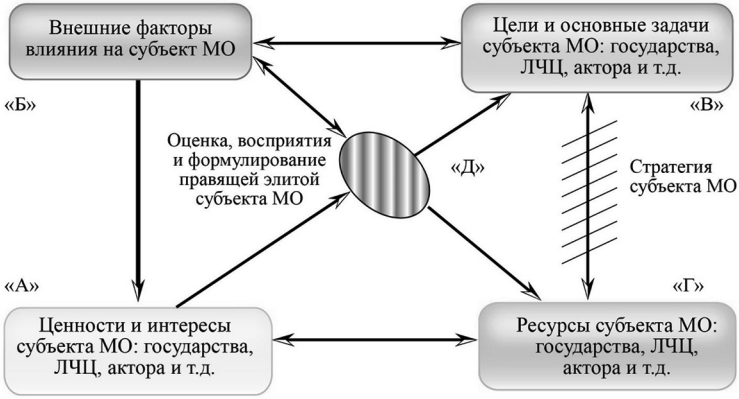

Рис. 2. Модель политического процесса

Разрушение и уничтожение базовых систем ценностей является наиболее приоритетной долгосрочной задачей в противоборстве западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ.

Именно поэтому основные усилия в политике западной ЛЧЦ сосредоточены на укреплении этих основ у себя, — в нации и государстве, — с одной стороны, и уничтожении таких основ у противника. Справедливо и точно по этому поводу высказался украинский политолог Г. Поченцов: «**Культура** как социальная конструкция содействует максимализации стабильности данного варианта мира, поскольку здесь начинают действовать следующие правила:

— культурные модели мира дают человеку смысл и стабильность в границах нестабильного и непредсказуемого мира;
— культура дает человеку ощущение ценности и самооценки, если данный человек придерживается правил, присущих определенному обществу;
— культурные модели предлагают символическое бессмертие (в детях, книгах, результатах работы и т.п.)[4].

[4] *Почепцов Г.* Виртуальные революции: использование виртуальных объектов при смене власти / Политический менеджмент, 2004.

8.1. Сознательное искажение международной обстановки как средство стратегии противоборства в XXI веке (векторы «Б»–«В» и «Д»–«В»)

… научная информация, позволяющая повысить реалистичность прогнозов развития мировой военно-политической обстановки, необходима как никогда[5]
Е. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

… в реальности нет больше никаких христианских консервативных, социал-демократических партий — а просто 50 оттенков серого либерализма[6]
О. Одинцовский,
журналист

Развитие МО на Украине и в Сирии в 2013–2016 годы наглядно продемонстрировало тенденцию, проявившуюся еще в последний четверти XX века, — «виртуализацию» всей системы международных отношений. В соответствии с этой тенденцией, сторона, обладающая преимуществами в СМИ, центрах генерации идей и концепций, а также — главное — сознательно использующая это преимущество, добивается политических результатов быстрее и с меньшими затратами, чем с помощью «прямых» (политических, экономических, а тем более военных) действий[7]. Это можно показать на следующем рисунке, отображающем эту логику информационной стратегии в конце XX — начале XXI века. Так, как такое преимущество было и сохраняется только

---

[5] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово / Подберезкин А. И. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

[6] *Одинцовский О.* Если есть свобода слова, то становится страшно за само слово / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2015. 11 января / http://topwar.ru/

[7] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

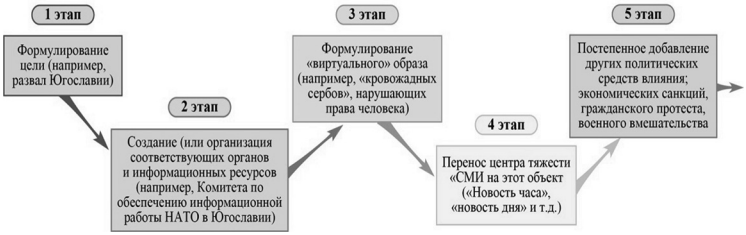

Рис. 3. Логика и последовательность действий (алгоритм) информационной стратегии западной ЛЧЦ в XX — начале XXI века

у западной ЛЧЦ, то, очевидно, что это преимущество создается и используется в качестве политического средства в интересах конкретной ЛЧЦ.

Эта достаточно простая логическая схема (рис. 3) в начале XXI века получает развитие для каждого из этапов. Так, до первого этапа, например, предполагается очень серьезная и долговременная работа по «размыванию» национальной системы ценностей: создание заранее «0» этапа (предварительного этапа), на котором создаются необходимые «научные», концептуальные, организационные предпосылки и информационные поводы. Они в обязательном порядке потребуются в последующем для более четкого оформления задачи первого этапа и концептуально-организационной работы на втором этапе. Так, если говорить о Югославии, Румынии и других бывших социалистических странах, то необходимо было изначально дискредитировать идеи социализма, а затем их (уже дискредитированных связать с Россией и прежними правящими элитами. Поле должно было быть «зачищено» для новых культурных посевов.

Другой особенностью информационной войны XXI века стало использование цивилизационно-ценностных, религиозных и даже этнических особенностей наравне с политическими, экономическими и социальными. Во всех конфликтах XXI века в той или иной степени эти особенности не только отмечались, но и становились основными: «Украина — это Европа», «настоящий ислам» и т.д. Не случайно, что исторические оценки, в частности, итогов Второй мировой войны, превратились в политические. Это означает, что

основные противоречия переносятся из области межгосударственных в межнациональные и межцивилизационные в XXI веке[8].

Таблица 1. Матрица основных концептуальных оснований для информационного противоборства в XX и XXI вв.

Название, обозначение противоречий в качестве основания для информационного воздействия	Перечень (в порядке приоритетности) основных обоснований для идеологической войны **в XXI веке**	Перечень (в порядке приоритетности) основных обоснований для идеологической войны **в XXI веке**
Поведение того или иного государства, создающее внешнюю угрозу	— агрессор, захватчик, оккупант и т.д. в отношении государства (Германия, Япония, Италия, СССР и т.д.)	— нация, элита, нарушающие нормы международного права, основы демократии и прав человека (СССР, Россия, Югославия, Сербия, Сирия, Ливия, Ирак и т.д.)
Поведение правящей элиты, угрожающей нормам международного права	— нарушение положений Заключительного Акта (Хельсинки 01.08.1975)	— нарушение «цивилизационных» и «общедемократических норм и правил

Наконец, важнейшей особенности развития возможности информационного влияния западной ЛЧЦ стало обладание и управление этой цивилизационной фактически большинством СМИ, влияющих на мировое общественное мнение. Это превосходство аналогично по своим масштабам технологическому превосходству западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ: если в объемах

[8] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. Т. 1. Национальный человеческий капитал и идеология. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

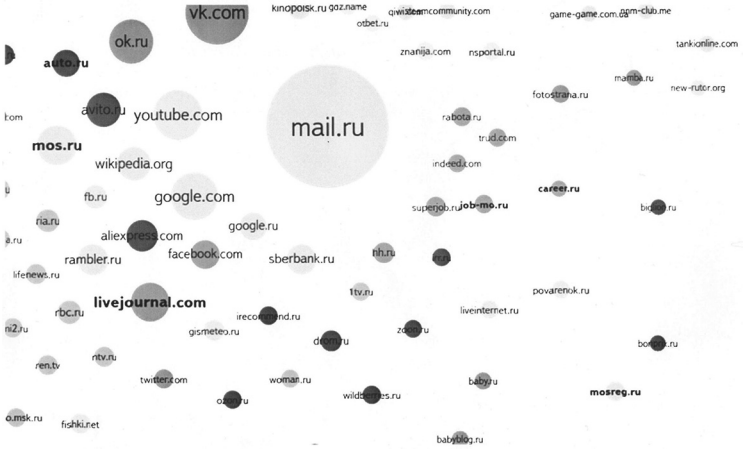

Рис. 4.

ВВП оно измеряется «разами», т.е. от 1,5 раза (по отношению к китайской ЛЧЦ) до 10 раз (в отношении российской ЛЧЦ), то в области информации, — как минимум, двумя порядками, т.е. в 100 и более раз. Количественно это легко показать на примере недельного упоминания России в мировых СМИ в 2015 (которое в июле сократилось с 1,99% до 1,33%). При этом только 30% из этих упоминаний о России относится к ее политике, а по регионам различия составляют от 1% в США и Китае до 5% в странах Ближнего и Среднего Востока[9].

Эти цифры наглядно показывают место России в мировом информационном поле разных локальных ЧЦ, во-первых, и возможность — если это необходимо — увеличить объем соответствующей информации фактически мгновенно в десятки раз (например, с 1% негативной информации до 75% соответствующей информации в США, КНР или странах З. Европы).

Из этого же следует, что западная ЛЧЦ имеет огромные возможности и резервы сознательного искажения МО как в целях внутренний, так и внешней политики, более того, использования его в качестве силового и даже вооруженного средства политики. Прежде всего, в электронных и особенно сетевых СМИ.

---

[9] Они о нас // Коммерсант Власть. 2015. 29 июня. — С. 24.

Более того, это огромное преимущество используется против общества и правящей элиты России, сознательно дезориентируя их в оценке важнейших мировых событий, включая МО. Несмотря на всю очевидную субъективность любых политических оценок, о которых все знают, от оценки МО российской правящей элитой и ее реакции во многом зависит будущий характер реальной МО и ВПО. Этот факт не просто известен, но и используется очень активно в современной системной и сетецентрической войне против России. Это видно, в частности, в оценках различных экспертов и политологов. Так, очевидно, что если полагать, например, что МО характеризуется тем, что «В мире у России нет явно выраженных врагов — потенциальных агрессоров…», а «вероятность нападения — со стороны какой-то крупной державы или коалиции мала»[10] (как писал относительно недавно бывший сотрудник МИД и администрации Президента РФ С. Кортунов, выражая позицию большинства российской либеральной элиты и экспертного сообщества), то и меры в области внешней и военной политики, стратегического планирования и военного строительства будут приниматься исходя из этой оценки. Не секрет, например, что начиная со второй половины 1980-х годов в СССР, а затем и в России сознательно формировалось общественное мнение о том, что «нам никто не угрожает», что «общечеловеческие интересы» полностью совпадают с советскими и российскими» и т.д., а система ценностей «передовых стран» — универсальна и «полностью соответствует советской (российской) системе ценностей». Это массированное влияние западной ЛЧЦ отнюдь не прекратилось сегодня. Просто со второго десятилетия XXI века оно стало встречать сопротивления со стороны части правящей элиты.

Под влиянием этого сознательного искажения реальной международной действительности, в том числе МО и ВПО, в XX–XXI веках сформировалась новая система международных отношений, ориентированная исключительно на интересы западной локальной цивилизации. Причем эта система МО состояла не, только из четко организованных подсистем — военно-политической,

---

[10] *Кортунов С. В.* Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / Международная жизнь, 2009. №5 / http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=225

финансово-экономической, военно-политической и иных, — но и из средств их защиты. Прежде всего, информационных представляющих собой «первую линию обороны» этих подсистем. Именно эта «линии предназначена внушить и убедить другие ЛЧЦ, что эти подсистемы «самые лучшие» и «эффективные» (НАТО, МВФ, ВБ и т.д.), а что попытки изменить являются «противозаконными действиями, нарушающими нормы международного права».

Но не только этим ограничена информационная система западной ЛЧЦ. В эти же годы продолжалось сознательное формирование враждебной России ВПО — расширялся и продвигался на восток НАТО, развивалась инфраструктура блока у границ России, продолжался (даже усилился) рост военных расходов США и т.д.

Все эти действия происходили под прикрытием массовой пропагандистской кампании на Западе и в нашей стране об укреплении безопасности России», которая стала «демократической страной», членом влиятельных международных клубов и организаций. Тезис о том, что «У России нет внешних врагов и угроз» стал не только главным пунктом в первой Концепции национальной безопасности Росси, но и в последующих нормативных документах, включая Военную доктрину России. То, что 3 июля 2015 года В. Путин на заседании Совбеза РФ потребовал скорректировать новые редакции Стратегии национальной безопасности и военной доктрины России доказывает не только их неадекватность реалиям, но и возможность информационного влияния на российскую элиту со стороны западной ЛЧЦ.

Это же свидетельствует о достаточно эффективной целевой внешнеполитической пропаганде, которая — надо признать — в конечном итоге полностью исказила реалии МО и ВПО в сознании большинства российской правящей элиты. Начиная где-то с 1987 года, мне было мучительно наблюдать насколько массированно и успешно развивалась эта информационная кампания по дезинформации со стороны западной ЛЧЦ, в которой, надо признать, приняло участие большинство популярных советских политиков, ученых и журналистов. К сожалению, большинство этих представителей правящей советско-российской элиты, дожившее до наших дней, по-прежнему формируют общественное мнение. Часть из них правда, превратилась из либералов в государственников (но также быстрой может проделать и обратный путь), другая часть была отодвинута, а треть — все еще активно влияет на общество.

Таким образом, реальная МО в начале XXI века существенно отличалась от мнимой, сформулированной Западом. Она отражала совершенно иную точку зрения, которая до мюнхенской речи В. Путина практически полностью игнорировалась правящей элитой потому, что если бы стали считать, что МО стремительно усложняется и имеет долгосрочную тенденцию к ухудшению[11], — что было абсолютной правдой, — то были необходимы срочные и масштабные меры, предназначенные для укрепления национальной безопасности страны уже в первом десятилетии нового века. Но этого так и не произошло вплоть до «прозрения» связанного с войной в Южной Осетии в августе 2008 года, когда наши либералы увидели всю мощь пропаганды западной ЛЧЦ.

Меры, которые, естественно, требовались еще до 2008 года, предполагали пересмотра приоритетов не только внешней политики, но и социально-экономического развития страны, коррекции бюджета и многих других, крайне непопулярных мер. Особенно в области ОПК. Очевидно, что такие непопулярные шаги неизбежно привели бы к неизбежным внутриполитическим осложнениям и другим трудностям, даже если они были бы хорошо обоснованны с точки зрения национальных интересов. Но, видимо, именно этого больше всего и боялась правящая элита страны в 2000–2010 годы. Субъективность оценок и действий — очевидна.

Субъективность правящей элиты в оценке МО, таким образом, может иметь разные причины. Нельзя исключать более того, следует изначально предполагать, что неверную субъективную оценку и ложный прогноз развития МО могут формировать сознательно извне с помощью дезинформации. Хорошо известно, например, что во время войны такие масштабные мероприятия по дезинформации в отношении реальной СО приводили к огромным потерям и даже проигранным кампаниям. Но, если согласиться с тем, что против России активизируется сетецентрическая война, в которой дезинформация играет огромную роль, так как непосредственно влияет на главный объект ведения войны — правящую элиту, — то неизбежно надо признать, что «на войне как на войне» — искажение СО становится одной из важнейших задач такой

[11] *Подберезкин А. И.* Презентация доклада «Международные последствия развития ситуации в мире до 2030 года». — М.: МГИМО, 2014. Ноябрь.

информационной войны. Иными словами, возвращаясь к самому началу этого раздела, мы находимся уже на 4–5 этапах развития информационной войны против России, когда произошла концентрация внимания на негативном облике в СМИ России, которые, в свою очередь, стали частью средств нападения.

Субъективность в оценке МО — это ее главная особенность, что очень хорошо понимают на Западе, сформировав заранее виртуальный облик «путинской России», который сейчас тиражируется многократно, навязчиво внедряется в общественное сознание правящих элит. Целью этого является программирование политики этих правящих элит в отношении России по всему спектру возможных вопросов — от спорта до ядерной безопасности. Создается уникальный образ «мирового злодея» в лице «режима Путина».

Любая МО является **уникальной** со всех точек зрения, специфическим историческим явлением, которое не повторяются в точности, даже если оно совпадают по месту и по времени, составу участников, применяемым ВиВТ, политической конфигурации и т.д. Эта абсолютная уникальность проявляется в сугубой социальной, военной, политической и иной конкретности МО, а также войн и конфликтов, имеющих порой решающее значение.

Но эта же уникальность МО позволяет манипулировать толкованием образа МО, деформировать его сознательно, делать это частью ежедневной политики по формированию общественного мнения. Достаточно вспомнить ежедневно задающиеся «простые» вопросы в СМИ: кто на Вас собирается нападать? Зачем НАТО нападать на Россию? И кроме «умные» соображения. Процесс внедрения «виртуального» искаженного образа МО и России постоянно усиливается, дезориентируя не только мировое общественное мнение, но и правящую элиту России, в особенности склонную к этому ее либеральную часть.

С другой стороны, уникальность и неповторимость таких явлений как МО и особенно ВПО и СО, военные конфликты и войны, делает попытки их систематизации, формализации, а тем более стратегического прогнозирования очень условными, достаточно общими, объективно лишенными конкретики. В этой связи изначально должно быть принято за аксиому, что не существует универсальных методов и прогнозов МО и СО, способных дать абсолютно точные предположения и рекомендации в отношении

всех сценариев и вариантов развития МО. Такие прогнозы и оценки могут носить сознательно искаженный характер, сделанный в интересах части правящей элиты. Так, все 80-е годы XX века настойчиво «прогнозировалось» в СССР развитие МО в русле «общечеловеческих интересов и ценностей», «снижения роли военной силы», «доминирования глобальных интересов» и пр. заведомо идеологических бессодержательных идеологем, имевших целью сознательное или неумышленное дезинформирование.

Тем более невозможно «научно» прогнозировать будущий характер той или иной конкретной СО. Уникальность любой конкретной СО или войны (конфликта) заключается также в том, что их нельзя вырвать из общего контекста развития конкретного сценария ВПО и МО. Они не просто являются органической и составной частью ВПО и МО, но и непосредственно, прямо и логично вытекают из их развития. Нельзя «вырвать» таким образом, из политического контекста отдельную войну и даже незначительный военный конфликт, хотя иногда это и пытаются делать, пытаясь придать вооруженной борьбе уникальность от других противоборств. Причем в XXI веке эта политическая зависимость войны еще больше увеличивается. Именно «гибридность» является в настоящее время ключевым моментом в оценке характеристики войны, конфликта и СО.

Не случайно этому на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана, который следующим образом (рис. 5[12]) представляет себе развитие конфликта, подчеркивая нарастающую степень политического риска по мере роста интенсивности конфликта.

Как видно сложные, «гибридные» войны и конфликты стали наиболее реальными угрозами и частыми войнами и конфликтами в XXI веке. При этом «гибридные» войны стали наиболее часто используемыми средствами США и Запада в целом, хотя именно для оправдания этого продвигается идея об их происхождении из других источников: «… гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея,

---

[12] *Фрэнк Г. Хоффман.* Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. — С. 58.

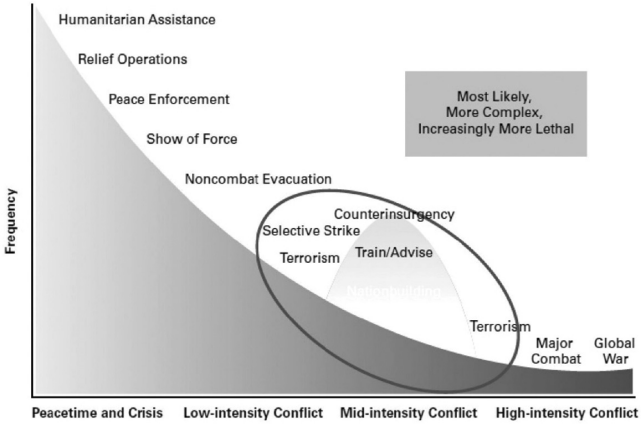

Рис. 5. Implied Change in Spectrum of Conflict

представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»[13].

Важно понимать, что при стремительно нарастающем изменении в значении субъективных факторов формирования ВПО, решающая роль остается за объективными факторами и тенденциями, которые формируют МО. Иными словами субъективные действия в военно-технической и военно-политической области, чье значение в XXI веке возрастает в политике западной ЛЧЦ, отнюдь не становятся самозначимыми, диктующими свою логику политическим процессам. Как и прежде, политика, особенно с усиливающимися коалиционными и цивилизационными аспектами, формирует «повестку дня» для военной силы. Другое дело, что в рамках этой политической «повестки дня» военная сила используется более активно, смело и в более крупных масштабах западной

[13] *Фрэнк Г. Хоффман.* Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. — С. 58.

ЛЧЦ для того, чтобы компенсировать изменение в соотношении политических и экономических сил.

Можно сказать, что во втором десятилетии XXI века произошел очередной диалектический сдвиг в сторону военной силы, который, как считают некоторые исследователи, регулярно повторяется в человеческой истории. В результате такого сдвига происходит, как правило, резкая активизация тех сил в обществе, которые делают ставку на вооруженную борьбу. Иногда даже говорят о том, что «каждого третье пополнение в Европе получает свою войну». Активизация таких сил во втором десятилетии XXI века, безусловно, наблюдается. Прежде всего, в странах, которые сами не участвовали в последние десятилетия в крупных войнах и целые поколения которых уже забили об этих последствиях.

Важно также отметить, что усиление влияния военно-силового фактора неизбежно будет «подталкивать» эволюцию ВПО в военном направлении, усиливая в возрастающей степени значение факторов военной силы. Не случайно в 2015 году не только в Европе активизировались мероприятия по развитию военной инфраструктуры НАТО, но и в Юго-Восточной Азии, где активизировалось японо-американское военное сотрудничество всех регионах планеты. Это формирует совершенно новую стратегическую реальность, с которой должен считаться российский Генеральный штаб.

«Новая» ВПО, вырастая из МО, не может не быть его продуктом и следствием. Так, новая СО в ходе Курской битвы неизбежно возникла и базировалась на той военно-политической обстановке и тех факторах, которые сложились к лету 1943 года: общем количестве бронетанковой техники, их качестве, численности авиации и используемых боеприпасах, работе была (в т.ч. ремонтных частей), качестве личного состава и т.д. И здесь очень важно отделить реальные изменения и факторы и мнимые, виртуальные. В этих целях попробуем сравнить основные закономерности формирования СО и ее влияния на МО в прежние годы и в XXI веке (рис. 6).

Очевидно, что правящая элита должна понимать реальную картину МО и отличать ее от навязываемой виртуальной МО, чего не смог сделать М. Горбачев и его команда, а тем более Б. Ельцин.

Как видно из рисунков, искусственно создаваемые заранее сценарии СО начинают влиять не только на развитие ВПО, но

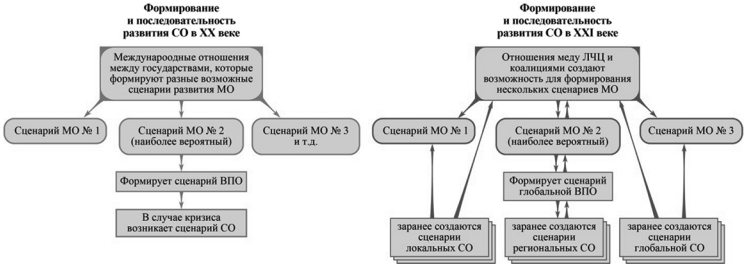

Рис. 6.

и на МО. Так, конкретные, частные военные операции на Украине в 2014–2015 годах оказали непосредственное влияние на всю ВПО и МО. Не случайно на переговорах в Минске сугубо военно-технические детали — отвод вооружений, чей калибр превысил 100 мм — занимал центральное место.

Более того, весь ход «гибридной» войны на Украине на ее ранней стадии сложился благополучно для «революционеров» потому, что или заранее были созданы необходимые военно-технические условия и сформирована нужная СО.

С точки зрения восприятия элитой современной СО необходимо помнить, что любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — будут **системным политическим явлением**, сочетающим множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. При его анализе и прогнозе необходимо учесть максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых незначительных (ошибки, например, в обмундировании войск, или сроках военной кампании, приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным поражениям). Субъективные переменные факторы в области СО формируют некую систему переменных величин, значение которой в дальнейшем формировании МО возрастает и имеет крупные последствия. Причем, не только положительное, но и отрицательные. Вопрос, однако, в том, каким образом учесть не только известные факторы, но и спрогнозировать появление новых, в т.ч. очень влиятельных факторов, способных изменить радикально всю ситуацию.

8.2. Информационная война против правящей элиты с целью искажения системы ценностей и национальных интересов

А, значит, всем нам нужно трезво оценивать существующие угрозы … иметь адекватное представление о балансе сил…[14]
С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

… анализ исторического опыта Франции
по ведению культурно-лингвистических экспансий
в различных регионах мира показывает, что …
(эти) идеи используются в интересах национальной
безопасности … в наступательных технологиях[15]
Ф. Фролов,
философ

Суть информационной войны в XXI веке сводится к максимальной ценностной дезориентации противостоящей правящей элиты с тем, чтобы использовать это для последующего силового давления и реализации силовой политики. Отсутствие системы ценности у общества — самое первое и главное условие поражения. Никакие материальные ресурсы не могут обеспечить победы, если для этого нет силы и желания пожертвовать очень многим, включая здоровье и жизнь[16].

Информационные средства в XXI веке, как известно, превратились в реальные средства вооруженной борьбы, даже если их пока что формально по разным причинам и не признают некоторые специалисты. Прежде всего, с точки зрения воздействия на главный объект

---

[14] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

[15] *Фролов Ф. С.* Культурно-лингвистическая экспансия — угроза национальной безопасности России: монография. — М.: «Маска», 2014. — С. 53.

[16] См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 303–311.

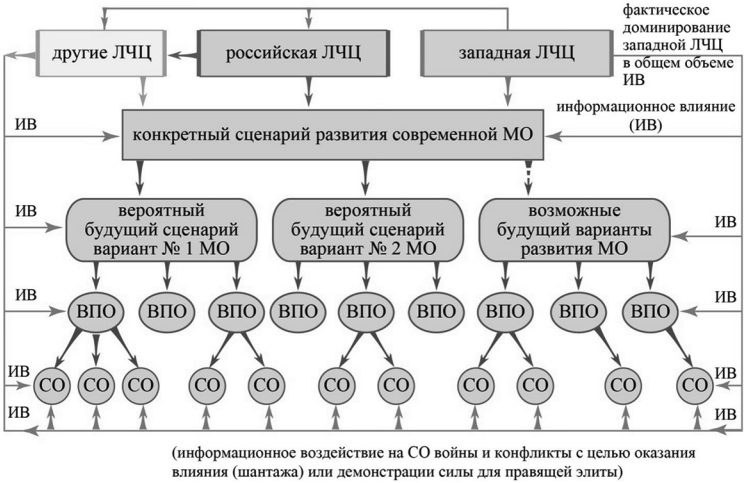

Рис. 7. Логическая модель информационного влияния на российскую элиту

вооруженной борьбы — правящую элиту и общество, их сознание и волю. Это воздействие (естественно, в разной степени) происходило и происходит всегда в отношениях между ЛЧЦ нациями и странами, но принципиальная разница заключается в том, что степень и масштаб этого воздействия для каждой ЛЧЦ качественно (в десятки, сотни раз) отличается друг от друга. Так, если степень воздействия российской ЛЧЦ на западную ЛЧЦ приближается к 1%, то обратное воздействие — в десятки, а при необходимости может быть и в сотни раз больше.

На логической модели, которую я привожу ниже (рис. 7), видно, что абсолютное доминирование западной ЛЧЦ в информационном влиянии (ИВ) ведет к:

— созданию новой, необходимой западной ЛЧЦ виртуальной реальности, по всей иерархии — ЧЦ–МО–ВПО–СО, включая прямо воздействие на отдельных лиц и конкретные информационные поводы;
— воздействию на ИВ других ЛЧЦ, субъектов и акторов мировой политики посредством управления информационными ресурсами и персональным влиянием на представителей элиты.

Для начала XXI века характерно, что западная ЛЧЦ не только нагнетает информационно-пропагандистский фон МО, но и искусственно создает необходимую «виртуальную реальность» МО, которая, безусловно, осложняет стратегическую и военно-политическую обстановку. Классические примеры сравнения Р. Рейганом СССР с «империей дьявола» или причисление России Б. Обамой к трем основным мировым угрозам (эпидемии ЭБОЛы, и исламскому экстремизму) практически ежедневно обновляются «новыми угрозами», исходящими от России. Характерной чертой такой политики становится вовлечение в нее политических институтов и организаций — ПАСЕ, ОБСЕ, Генассамблеи ООН и др.

Развитие сценариев МО в долгосрочной перспективе неизбежно предполагает «смену парадигм» мирового развития, т.е. изменения качества («фазовые изменения») во всех областях человеческой деятельности: политике, экономике, военном деле. Причем не только уже упомянутых — экономических, социальных и политических, но и гуманитарных, мировоззренческих. Поэтому неизбежно необходимый качественный анализ, тенденций в развитии МО, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов — участников МО и ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов.

В целом же обязательность системного подхода к оценке и анализу СО, её роли для МО, диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских ис-

Рис. 8.

следователей, может быть рассмотрена, как минимум, в следующих проявлениях в XXI веке:

— как традиционное **средство**, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам, а также ЛЧЦ;
— как **процесс** взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии, являясь в XXI веке основным средством противоборства между ЛЧЦ;
— как определенное **состояние** общества, ЛЧЦ (и государства) во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способ решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу, ЛЧЦ и государствам, в целом. Соответственно и стратегическая обстановка, характеризующая военный конфликт или войну, является не просто частью ВПО и МО, т.е. конкретными условиями ведения военных действий, а (продолженным) **процессом** в военной политике государства, определенным (критическим) **состоянием** общества (ЛЧЦ) и условием для реализации силовых **средств** государства.

Графически это можно отразить с помощью простой схемы (рис. 8)[17].

Информационная война в этом случае значит гораздо больше, чем одно, даже самое важное средство ведения войны. Она становится социальным процессом в Вооруженных Силах, характеризует состояние общества и является важнейшим силовым (а не только вооруженным) средством государства.

Сказанное означает, что формирование стратегической обстановки в современных условиях изначально ведется против важнейших целей войны, о которых мы уже говорили:

— уничтожение правящей элиты;
— дезорганизации общества и институтов управления государством;

---

[17] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 31.

— военного и социально-экономического потенциала и его инфраструктуры;
— вооруженных сил ЛЧЦ и страны.

Исключительно важной целью в этом перечне выступает правящая элита. Именно это объясняет ту жесткую антипутинскую риторику, санкции и попытки дестабилизации, которые пытается проводить западная ЛЧЦ особенно активно в 2013–2015 годы. Она ведет к искусственной милитаризации МО за счет нагнетания информационной истерии и попыток создать такую «виртуальную» СО, которая бы оказала давление на В. Путина и его окружение. Другими словами стратегия информационной войны ведет к формированию враждебной СО (переброска войск, складирование техники, организация штабов и т.д.), которая уже сказывается на формировании враждебного сценария МО и ВПО.

Соответственно СО, формирующая основные особенности конкретной войны, одновременно выступает отражением состояния государств и обществ, и процессов, происходящих в вооруженных силах, и средством политики государств и военно-политических коалиций. В том числе непосредственно отражается на формировании МО. Что особенно ярко проявилось в 2013–2015 годы в Европе.

Для лучшего понимания влияния СО на формирование МО необходимо сущность войны, учитывать также следующие ее признаки[18], которые отражаются каждый раз на конкретном состоянии СО и перспективах ее развития. Эти признаки, характеризующие СО и войны в XXI веке, естественно будут меняться, и оказывать очень разное воздействие на МО:

— так, война есть не просто социальное явление и самостоятельная область общественной жизни, но и специальная, а именно: крайне обостренная социальная реальность. Создание внутриполитической нестабильности, а тем более ситуации гражданской войны, радикально влияет на всю МО. Так, революции в России и Германии привели к окончанию Первой мировой войны, «оранжевые революции» — к изменению внешнеполитического курса уже в XXI веке;

---

[18] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 32.

— война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе, который ведет к еще более радикальному обострению социальных отношений;
— война фиксирует, как минимум, наличие не менее двух субъектов, участвующих в ней, но в действительности приводит в движение всю МО;
— цели и задачи этих субъектов участвующих в войне, как правило, противоположны;
— недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
— война и подготовка к ней означают стремительный рост потребностей в средствах вооруженного насилия с обеих сторон. Так, в 2014–2015 году производство ВиВСТ на Украине выросло в 50 раз;
— возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
— война означает, что стороны готовы к массовому и широкомасштабному применению средств вооруженного насилия с обеих сторон. Причем, как правило, неограниченному никакими формальными договоренностями. Войны в Ираке, Сирии и на Украине в 2013–2015 годах показали, что стороны идут на нарушение любых обязательств по отношению к гражданскому населению и запретом на использование отдельных видов ВиВТ;
— война означает, что стороны не просто активно противодействуют друг другу, но используют для этого весь арсенал своих средств, в т.ч. и запрещенных, но, прежде всего, тех, которые могут вести к активизации деятельности потенциальных союзников. Это означает, что от втягивания в войну становится все труднее удержаться другим странам. Или, как минимум, в конфронтацию. Так, по вопросу войны на Украине произошел фактический водораздел в отношениях большинства государств-участниц МО. Даже тех, кто находится очень далеко и никак не заинтересован в развитии / продолжении конфликта. США и их союзники по западной ЛЧЦ в течение 2014–2015 годов провели фактически мобилизацию своих сторонников и присудили даже третьи страны к свертыванию отношений с Россией;
— война в XXI веке отнюдь не означает принятие юридического акта объявления состояния войны главами государств и (или)

законодательными органами власти и другие. США вели десятки лет войны без объявления формально состояния войны. В XXI веке этот акт стал пустой формальностью: войны начинаются и ведутся даже в условиях сохранения не только дипломатических, но и торгово-экономических отношений между странами.

В этом скрывается очень большая опасность влияния враждебной СО и войны на МО. Сохранение мирного статуса МО и действия международных институтов предполагает, что они (институты) сами превращаются, так или иначе, в средства войны. Каждая враждующая сторона будет стремиться их использовать по-своему, но в итоге это ведет к девальвации их значения и отмиранию, как это происходит с ОБСЕ и ПАСЕ из-за конфликта на Украине[19].

Надо сказать, что каждая из этих особенностей влияния СО на МО требует своего уточнения и конкретизации в каждой конкретной ситуации. Тем более стратегический прогноз возможного сценария развития МО предполагает, в частности, стратегический прогноз развития каждой из этих особенностей. Так, например, ведущаяся в 2014–2015 годы западной ЛЧЦ информационная война против российской правящей элиты выражается одновременно (буквально в течение одного дня) заявлениями командующих ВВС и Корпуса морской пехоты США о непосредственной военной угрозе со стороны России и заявлением представителя Государственного департамента о том, что эти высказывания являются частными замечаниями командующих ВВС и Корпуса морской пехоты». Этим достигается эффект силового давления на российскую элиту фактическим признанием состояния войны и обострением до крайних пределов СО, с одной стороны, и формальным «успокаивающим» заявлением, отрицающим это состояние, с другой. Надо сказать, что этот прием в 2013–2015 годы США и их союзники практиковали регулярно, используя в этих целях не только военных, но и конгрессменов, вице-президента и своих союзников.

Перечень признаков войны указанный выше, отнюдь не является исчерпывающим и может быть дополнен, характеризуя влияние СО на МО и правящую элиту. Более того, он обязательно будет

---

[19] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 25–78.

дополнен и расширен в интересах каждой из сторон. Причем очень важно понимать, что в условиях информационной войны та или иная сторона заинтересована в том, чтобы совершенно по-своему трактовать характер войны. Причем — «по-своему» — означает не просто определение войны, но создание ее виртуального образа, такого образа характера стратегической обстановки, который нередко абсолютно отличного от реальной СО[20].

Примеров в современной истории достаточно много, но наиболее, «удачные» примеры сознательного искажения СО Соединенными Штатами в Ираке и Сирии, когда те пытались обвинить эти правительства в использовании ОМУ. Война в 2014–2015 годах на Украине дала полное основание полагать, что СО и сценарий ее развития с целью дестабилизации МО создавались задолго до собственно начала военных действий. Можно предположить, что тщательно разработанный сценарий развития СО предполагался к реализации в 2015 году, но столкнувшись с реалиями — готовностью России активно противодействовать и помогать Украине осенью 2013 года и стихийным обострением внутриполитической ситуации — был «скорректирован» в сторону более ранней реализации, т.е. перенесен на 1–1,5 года. Этим, в частности, можно объяснить неподготовленность США и их представителей на Украине к развитию событий в Крыму и в юго-восточных регионах, а, главное, — недостаток накопленных ресурсов для успешной реализации задуманного сценария развития СО в качестве очередной «цветной революции». Представляется, что в соответствии с этим сценарием развития СО и характера войны на Украине должен был произойти не просто захват власти, но и относительно мирное и быстрое превращение Украины во враждебное России государство способное к военной конфронтации и угрозе правящей российской элите. Это произошло лишь отчасти, но, основное не очень-то напугало российскую элиту.

Как показывают последние конфликты между ЛЧЦ, особенностью сознательно-субъективного искажения СО является то, что в этом процессе в качестве основного средства задействованы системным образом все информационные ресурсы — СМИ (электронные, печатные, сетевые) — а также противодействие —

---

[20] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 32–39,.

в массовом порядке, и без ограничений и каких-либо допущений — любой критики со стороны оппонентов или оппозиции. Важна конечная цель — силовое давление на правящую элиту, которое очень быстро превращается в информационный, административный и даже уголовный террор. Издержки (авторитет СМИ, гибель журналистов и т.п.) допускаются в достаточно широких границах. Так, на Украине физически пострадали от террора тысячи людей, среди которых были сотни журналистов.

Другой особенностью этого субъективного и сознательного информационного искажения СО является умышленное, без всяких ограничений и стеснений, а также ссылок на «разумность» и т.д. искажение действительности, когда, не задумываясь, вбрасывают любую информацию, не только не требуя подтверждений, проверки и прочих, традиционных, для СМИ действий, но и заведомо зная ее ложность. Более того, вбрасывается в массовом порядке сознательно сфабрикованная искаженная информация, изначально понимая, что срок ее жизни очень короткий и не обращая внимания на репутационные последствия.

Поэтому крайне наивными и заведомо бессмысленными являются споры и дискуссии, опровергающие эти информационные провокации. Более того, их опровержение неизбежно ведет к повторению дезинформации, что и является, в конечном счете, цель на этих дезинформационных вбросов. Вот почему крайне неубедительными представляются всякого рода ток-шоу, которые ежедневно проводились на российском TV в 2014–2015 годах с одним и тем же кругом лиц.

Подобное сознательное искажение СО в интересах давления на правящую элиту происходит за счет фактически монопольного использования огромных потоков информации, создаваемых подконтрольно задолго заранее, в соответствии с планом развития СО, которые плотно «вписаны» в единую информационную политику государственных структур (в США — Государственного департамента и ЦРУ, контролирующих не только национальную информационную политику, но и информационную политику в большинстве стран-союзников).

Организуется своего рода провокация, искусственный «информационный взрыв», который исключает возможное разумное противодействие информационных ресурсов противника, либо

делает его минимально ощутимым. Этот же массированный взрыв в случае необходимости давления на элиту формирует виртуальный образ СО — «народного восстания», «революции» и т.д. Для такого информационного взрыва нужны огромные массивы информации, которые создаются и резервируются заранее, либо использование в полной мере существующих СМИ (что и делается), либо создание специальных новых СМИ, что также происходит. — Так, «революция» на Украине была подготовлена, в том числе и появление «вдруг» тысяч новых сайтов, агентств, блоггеров и т.д. При этом, конечно же, особенный акцент делается на интернет-ресурсы, которые по своим объемам, оперативности и массовости превзошли традиционные СМИ.

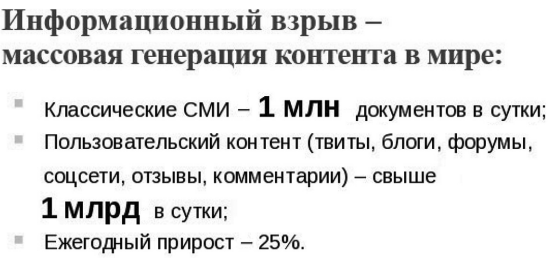

Рис. 9.

Задача при формировании образа СО, чтобы большинство этого информационного потока было направлено в нужное русло, а именно на формирование общественного мнения и позиции правящей элиты.

Другой целью такой информационной политики является дезинформация правящей элиты противника и его общественного мнения, создание у них ложного «виртуального» образа действительности, в частности, международной и военно-политической обстановки. Так, на протяжении последних десятков лет создавался виртуальный образ «цивилизованных стран» (как правило, стран, входящих ОЭСР), чьему мнению противопоставляется позиция руководства России и конкретно В. Путина. Этот «цивилизованный» мир, по замыслу авторов, представляет собой всю цивилизацию, и даже все человечество, хотя в число этих государств не входят ни КНР, ни Индия, ни Бразилия, ни Мексика, ни большинство других государств.

Создание ШОС и БРИКС, и их активизация в МО в начале XXI века имела множество отделенных политических и экономических последствий, но — если говорить о непосредственных последствиях — оно имело колоссальное информационное воздействие, включая сильнейшее влияние на формирование СО и МО. Даже саммит ШОС и БРИКС в июле, который не оформил политических, а тем более военных союзов, оказал огромное влияние на стратегическую и информационную составляющие МО.

Одним из последствий этого процесса стала «слышимость» позиции стран, не входящих в западную ЛЧЦ, ведь на фоне, такого объема информации враждебной теряется, кроме того, сообщение, которое не является для владельцев информационных потоков приоритетным, но может быть критически важным. Для этого теоретически используется армия недорогих сетевых ресурсов, генерирующих необходимую правящей элите информацию и реакцию на нее. Проблема, однако, в том, что объем, качество и скорость потоков такой информации, контролируемых в России, просто не сопоставима с показателями у западной ЛЧЦ. Так, по сравнению с «мировым потоком» информации, превышающим 1 млрд сообщений (1000 млн), Россия всего обеспечивает:

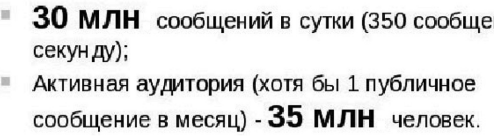

Рис. 10.[21]

Если попытаться подсчитать, какая доля мировой информации может контролироваться российской ЛЧЦ, то вряд ли она превысит 0,01%. Контроль над большими объемами информации, как и контроль над «сетью», является важнейшим условием эффективности сетецентрической войны, когда изначально необходимо создать ложный образ МО, ВПО и, конечно же, СО, а также ложный образ врага. Это возможно только в том случае, когда этот ложный

---

[21] *Крылова С.* Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_ the_future_research_13974630971293_file.pptx. — С. 4.

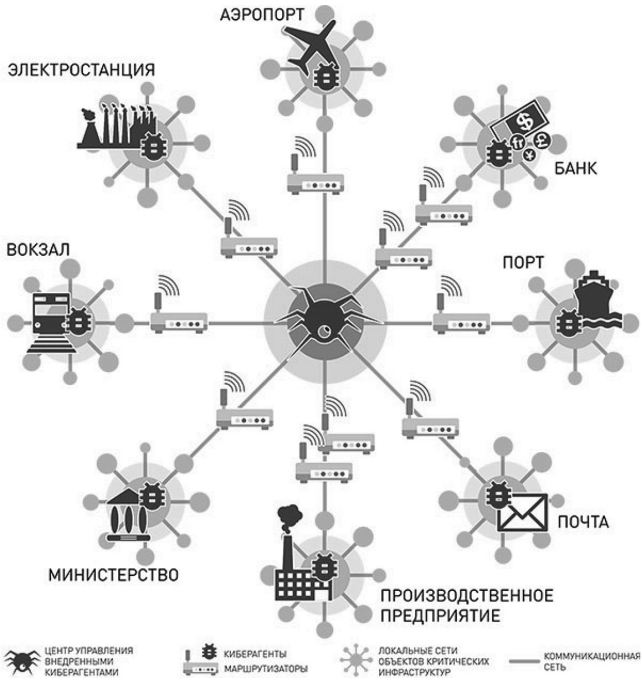

Рис. 11.

образ будут «лепить» большинство СМИ, а также сетевые сообщества. Примеры с войной в Грузии и на Украине — очень наглядны.

Наконец, огромное значение в формировании СО приобретают специальные кибероперации и атаки, в частности, с помощью специально подготовленных заранее объектов. Само наличие такой возможности дезорганизовывает элиту, лишает ее нередко адекватности восприятия. Так, заявления руководства России, в т.ч. министра обороны С. Шойгу о возможности внешнего контроля киберсистем, безусловно, оказывают негативную реакцию. Так, член ВПК РФ по АСУ Игорь Шеремет, иллюстрирует эту мысль следующим образом[22] (рис. 11).

---

[22] *Шеремет И.* Россия создает единую систему отражения кибернетических атак / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 21 ноября / http://eurasian-defence.ru

Надо понимать, что информационная война против правящей элиты России ведется самыми разными способами. В том числе (и прежде всего) в сетевом сообществе, является частью сетецентрической войны. Причем воздействие на общество и элиту, формирование виртуального, субъективно-ложного образа СО происходит на разных уровнях. Так, для правящей элиты России ложная СО формируется под влиянием таких тезисов, как «единая европейская общность», «либеральные ценности», «демократия» и т.д. Для массового потребления — «уровень жизни в Европе», «права и свободы» и т.п.

Особенное значение в целях ведения против элиты сетецентрической войны имеют отдельные, целевые социальные группы, отличающиеся по национальному, социальному, религиозному и иным признаков, для каждой из которых создается собственный уникальный, субъективный «образ врага», СО и положения в стране.

Возрастающее значение для влияния на элиту формирования субъективно-искаженного образа СО имеют социальные сети. Прежде всего, из-за того, что они способны охватить неограниченное количество социальных групп граждан, для каждой, из которой будет сформирован свой собственный, уникальный субъективно-искаженный образ противника и СО. Если для СМИ, особенно общефедеральных, а тем более мировых, характерна универсальная информационная политика, то для социальных сетей — возможна только своя, особенная, отвечающая представления достаточно узкой группы граждан. Так, невозможно, например, манипулировать сознанием граждан из Бурятии, проживающих в Москве, через федеральные СМИ (это — слишком узкая группа), но, в случае необходимости, это легко сделать через сообщество в социальных сетях, которое, как хорошо известно, имеет на них большое влияние.

Только социальные сети способы сверхоперативно влиять на элиту и реагировать на меняющуюся международную обстановку, в т.ч. СО, где возможны изменения в течение суток и даже часов. Особенно в условиях, когда развивается военный или гражданский конфликт и СО меняется буквально в течение нескольких часов. Ход «цветных» революций, как показывает недавняя история, нередко зависел от освещения сетевыми СМИ состояния и пер-

спектив развития СО (кто побеждает, а кто уступает и т.д.). Как показывает статистика, реакция сетей может измеряться тысячами посещений в течение часа, если происходят знаковые события и сотнями тысяч, даже миллионами, в течение месяца.

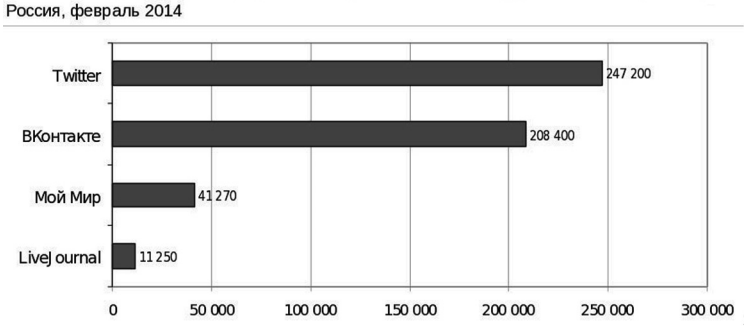

Рис. 12.[23] Количество публичных сообщений за месяц (тыс. сообщений)

Этим активно пользуются те силы западной ЛЧЦ, кто создает искусственно субъективно-искаженную СО, что хорошо было видно на примере Украины, когда в сети размещалась заведомо ложная информация, которая могла повлиять на изменение не только СО, но и МО. Так, неожиданная громкая «победа» украинских войск вынуждала менять дислокацию войск оппозиции, подрывала их боевой дух и т.п. И, наоборот, «позитивная» ложная информация могла изменить не только реальную СО на ТВД, но и всю международную обстановку. Так, импульс переговорам в Минске оба раза давало поражение украинских войск и негативное изменение для Украины СО в регионе.

Все это говорит о новом характере СО и войны и новом значении невоенных средств ведения войны для формирования и будущего развития МО. Так, в частности, некоторые военные теоретики даже считают, что война — это в первую очередь экономическая,

---

[23] *Крылова С.* Brand Analytics. SOCIAL MEDIA ANALYTICS: технологии исследования будущего / http://www.smileexpo.ru/public/upload/showsEvent/sma_technology_of_ the_future_research_13974630971293_file.pptx. — С. 5.

дипломатическая, психологическая, информационная борьба, а роль вооружённой силы, вооружённой борьбы отодвигается на второй план. По мнению В. Гулина, например: «Войну отличает не форма насилия, а основные её сущностные признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определённого времени, победа одной из сторон и поражение другой, существенное изменение соотношения сил, а в итоге — иная их расстановка»[24]. Таким образом, также как и в определении самой войны, выделение ее сущностных признаков является многоплановым и неоднозначным.

В этой связи можно допустить, что формирование и развитие будущего наиболее вероятного сценария развития МО — сценария «Глобальной системной и сетецентрической войны западной ЛЧЦ» будет происходить при дальнейшем усилении влияния информационного воздействия на правящую элиту стран-лидеров ЛЧЦ. Следует ожидать, например:

— усиление финансирования и развития тех глобальных СМИ, которые уже находятся под контролем западной ЛЧЦ;
— ужесточением государственного контроля над «независимыми» СМИ, политиками и журналистами, а также институтами гражданского общества;
— созданием явных и скрытых «силовых» СМИ и социальных сетей;
— разработкой новых методов и приемов ведения информационной войны;
— разработкой специальных информационных средств и способов давления на политические элиты, включая сбор компромата, создание баз данных и специальных ресурсов, сбор информации и т.д. (что уже стало поводом для скандала во Франции и Германии)[25].

По мнению многих авторов, в России по-прежнему определяющим признаком войны остается военное насилие, то есть «применение технических средств (оружия) для физического по-

[24] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 33.

[25] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

давления врага, подчинения его своей воле». Это и составляет, по их мнению, сущность войны в точном смысле этого слова: «На основе анализа вышеприведенных определений войны, а также ее наиболее очевидных признаков, представляется возможным дать следующее определение войны, — пишут российские авторы. По их мнению, «В самом общем виде,… война есть двухстороннее вооруженное столкновение антагонистических противоположных сил, проявляющееся в массовости и широкомасштабности, несущее за собой человеческие жертвы и потери»[26].

Другими словами, «вооруженное нападение», «массового» и «человеческие потери», считаются по-прежнему основными характеристиками войны.

С этой характеристикой современной войны и СО совершенно нельзя согласиться по причине того, что, во-первых, сознательно субъективно-искаженные представления о СО у правящей элиты, ставшие уже нормой для сетецентрической войны, совершенно по-иному отражают существующие реальности:

Во-вторых, войны могут готовиться, вестись и выигрываться без непосредственного массированного применения ВиВТ. Их основная политическая характеристика — высшая форма социального конфликта — не сводится только к применению оружия. Поражение и развал ОВД и СССР произошли при минимальном применении вооруженного насилия, как правило, незаконными вооруженными формированиями.

В XXI веке субъективно-информационное воздействие на правящую элиту противника через формирование враждебной СО и угрозу войны следует воспринимать как очень широкий спектр угроз и сценариев развития СО и войн, где потери могут исчисляться как единицами, так и сотнями тысяч и миллионами. Разница в абсолютных цифрах — не принципиальна, так как информационный контекст может быть абсолютно ложным. На Украине официально числятся погибшими «всего лишь» несколько тысяч военнослужащих ВСУ и ВСН, а также гражданских лиц, хотя на самом деле речь может идти о 70–90 тысяч. В Иране, за все годы во-

---

[26] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Лютикене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 33.

йны, по некоторым сведениям уже погибло более 1 млн человек, а в Сирии — более 500 тысяч. При всех возможностях и технологиях точных данных нет потому, что их сознательно скрывают, создавая «виртуальную» реальность относительно спокойной СО. Эту разницу можно между традиционной и сетецентрической войнами (если говорить о потерях) представить в следующем сравнении.

Таблица 2. Сравнение основных характеристик СО в традиционной и сетецентрической войне (по потерям)

Характеристики	Традиционная война (объективные представления)	Сетецентрическая война (субъективно-искаженные)
— вооруженное столкновение	десятки / сотни участников	1 участник или 1000 участников
— война	сотни и тысячи участников	несколько участников или десятки тысяч участников
— массовые столкновения	десятки, сотни, тысячи	один–два, десятки тысяч
— человеческие потери	десятки, сотни, тысячи	один–два, тысячи

Еще сложнее ситуация, если попытаться разделить военные и гражданские потери, которые, как правило, составляют 1 : 8.

Наконец, никто не пытался даже подсчитать численность погибших и «пропавших без вести» в гражданских конфликтах, где формально не применялось вооруженное насилие, хотя речь идет о десятках и сотнях тысячах людей, убитых не ВС, а такими же гражданами, но заранее подготовленными в военно-спортивных лагерях.

Эти войны даже и не считаются войнами. В частности войны на Ближнем и Средним Востоке, в Юго-Восточной Азии. Очень наглядно демонстрируется эта логика на примере военного конфликта на Украине, где военную победу в «революции» одержали формально «невооруженные формирования». Те же, что и в Тбилиси, и в Каире.

Таким образом, можно констатировать, что в XXI веке сценарии МО, в т.ч. наиболее вероятный сценарий глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», будут испытывать на себе возрастающее влияние негативных тенденций в развитии СО. Эти тенденции, в свою очередь, будут следствием массированного использования информационных средств насилия и войны, нацеленных, прежде всего на формирование у правящей элиты противника новой «виртуальной» реальности, необходимой для западной ЛЧЦ.

8.3. Российская правящая элита как главный объект в стратегии западной локальной человеческой цивилизации в XXI веке

Мы готовим Вооруженные Силы не к тем войнам и не против таких противников, какие грозят нам и не в отдаленном будущем, а уже сегодня[27]
И. Ерохин, военный эксперт

В течение 20 лет нас ждет либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных факторов[28]
С. Переслегин

В процессе противоборства двух субъектов (групп субъектов), а в данном случае ЛЧЦ, вполне закономерно возникает вопрос о главном предмете воздействия, его главной цели, достижение которой предопределяет конечный результат такого противоборства. Если конечная цель борьбы между ЛЧЦ формулируется Западом как сохранение контроля над сложившимися в последние

[27] *Ерохин Е.* Проблемы и направление оборонного и военного строительства в России. 1999. 20 декабря / Цит по: http://libatriam.net/read/257384/

[28] *Переслегин С. Б.* В кн.: Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 17.

десятилетия финансово-экономическими и военно-политическими системами, то от чего в первую очередь зависит достижение этой цели? Уничтожение ВС, военного потенциала? Оккупация территории? Уничтожение государства? Террор против населения? Другими словами, какой главный предмет противоборства среди наиболее важных приоритетов?

В XXI веке — и об этом отчасти уже говорилось главным объектом и предметом противоборства является политика правящей элиты противника, которая может в той или иной степени соответствовать потребностям (интересам) политики правящей элиты западной ЛЧЦ, не соответствовать этим потребностям в частных деталях, либо выступать против такой политики. В конечном счете, эта политика влияния на правящие элиты сводится к достижению тех или иных политических целей и задач и противодействию их достижению. Есть основания полагать, что в XXI веке такие политические приоритеты изменились в сравнении даже с политическими приоритетами ведущих стран XX века. Это можно попытаться формализовать в матрице (табл. 3), в которой сравниваются приоритеты политики СССР и США, России и США в XX и XXI веке.

В основе всей предлагаемой работы лежит рабочая гипотеза о том, что, во-первых, современная международная обстановка определяется нарастающим конфликтом между локальными человеческими цивилизациями за передел сложившихся в интересах Запада в XIX–XX веках мировых финансово-экономической и военно-политической системах, во-вторых, что западная ЛЧЦ, стремясь сохранить контроль над этими системами, не только сознательно провоцирует этот конфликт, но и переводит его в силовую и даже в вооруженную фазу, опираясь на сохраняющееся военно-техническое превосходство, а, в-третьих, что такой конфликт ЛЧЦ приобретает по инициативе западной ЛЧЦ уже в настоящее время черты глобального вооруженного (а не только силового) противоборства, в основе которого лежит системное и сетецентрическое применение всех силовых инструментов, включая вооруженного насилия.

Наиболее оптимальный — быстрый, дешевый и, главное, эффективный способ достижения этих целей — изменения в политике правящих элит тех стран, которые препятствуют этому. Или, если

Таблица 3. Матрица политических приоритетов СССР и США, России и США в XX и XXI веке

Название и порядок политического приоритета	СССР в первой половине XX в. и во второй XX в.	Россия в начале XXI в.	США в XX в.	США в XXI в.
1). Распространение своей идеологии, системы ценностей и интересов в мире	1). Продвижению идей коммунизма. Укрепление социалистической системы	1). Защита национальных интересов и системы ценностей	1). Продвижение системы ценностей (демократии, свободы торговли) и интересов контроля над системой безопасности в мире	1). Защита созданных финансово-экономических и политических систем
	Смена элиты привела к тому, что новая прозападные элиты в 90-е гг. полностью демонтировали систему защиты национальных интересов			

не удается это сделать, самих элит. Изменение политического курса или даже самой элиты является не только наиболее эффективной и быстрой, но и надежной стратегией, ведь новая элита не захочет быстро уходить в силу понятных причин.

Для этого используется системная сетецентрическая стратегия, суть которой заключается в оказании усиливающегося давления на правящую элиту во всех областях — от личной персональной деятельности до цивилизационного противоборства, включая военно-силового. В этих целях «включаются» все инструменты внешней политики, которые координируются из одного центра и развиваются по единому сценарию. За очень редким исключением эта координация охватывает все области (в случае с США

осталось, например, сотрудничество по МКС и поставки ракетных двигателей), создавая синергетический политико-экономический и социально-гуманитарный эффект.

Если говорить конкретно о России, то таким объектом стал В. Путин и его окружение, против которых были применены точечные дополнительные санкции, демонстрируя, что давление извне имеет не только конкретную цель, но и будет нарастать. Одновременно против России используется весь комплекс мер финансового, экономического и военно-технического характера, который призван не только ослабить государство и общество, но и канализировать его недовольство против правящей элиты.

Следуя этой логики всех возможных сценариев развития МО в XXI веке как в краткосрочной перспективе до 2021 года, так и после (в 2020–2030-е гг.), я выделяю наиболее вероятный сценарий — глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», — который в зависимости от масштабов и интенсивности использования военной силы в конкретной военно-политической и стратегической обстановке — может реализовываться в нескольких вариантах:

— в краткосрочной перспективе **до 2020–2021 годов** — в варианте «оптимистическом», — когда западная ЛЧЦ будет избегать масштабного и интенсивного военного столкновения с другими, прежде всего российской, ЛЧЦ, ограничившись глобальными силовыми и локальными вооруженными действиями, стимулируя создание хаоса в регионах, где возникает угроза контролю западной ЛЧЦ;
— в среднесрочной перспективе **после 2021 года** — в варианте «пессимистическом», когда западная ЛЧЦ будет использовать не только все силовые инструменты своей политики в глобальном масштабе, но и широкий набор военных средств одновременно на нескольких потенциальных ТВД, развивая ситуацию нестабильности в отдельных регионах планеты;
— в долгосрочной перспективе **после 2030 годов** — в варианте «пессимистическом» (расширенном), когда военные действия перерастут в глобальную войну между несколькими ЛЧЦ, спровоцированную и инициированную западной ЛЧЦ с целью воссоздания своего глобального контроля над цивилизационно-ценностными, финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире.

Стратегический прогноз развития международной обстановки и — как ее части — военно-политической обстановки и вариантов конкретной стратегической обстановки базируется на анализе современного положения вещей в МО, т.е. на максимально возможном точном анализе современной действительности, который осуществляется как на логическом и теоретическом, так и эмпирическом уровня[29].

Но не только. Этот анализ, как показывает политическая практика, очень сильно подвержен субъективным факторам, прежде всего политико-идеологическим, из которых может вытекать искаженная оценка реальности — сознательная или случайная. Это и является сегодня главной проблемой российской элиты. Поэтому задачей научного исследования развития сценариев МО является в то же самое время и максимально объективный подход к самому анализу и выводам, которые из него вытекают. Господствующей в правящей элите политический субъективизм нередко радикально разрушительно меняет объективную картину мира на желательную, мнимую, мнимую, искажает действительно в зависимости от личных способностей, пристрастий и моды.

Другая сторона проблемы — возможность реалистического стратегического прогноза, развития МО и ее конкретных сценариев — которая во многом зависит от объективного научного анализа, который предполагает не только использование традиционных методов экстраполяции развития основных факторов, влияющих на формирование МО: субъектов МО (государств, наций, цивилизаций), основных акторов МО (международных и иных организаций), основных тенденций мирового развития, но и возможность, даже неизбежность появления в будущем новых факторов, качественно меняющих всю мировую парадигму развития МО. Эти и другие теоретические и методологические вопросы я попытался рассмотреть в предыдущих работах[30].

---

[29] *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Долгосрочный сценарий развития международной обстановки / Вестник МГИМО–Университета, 2015. № 2(45). — С. 127–132.

[30] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Анализ и прогноз современного состояния международной, военно-политической и стратегической обстановки[31] в мире — как реальные, так и их интерпретация — является одновременно наиболее противоречивой и наиболее актуальной проблемой отношений России и Запада. В общественном мнении и даже в оценках правящих элит разных стран видны совершенно разные, порой полярные оценки действительности, которые не могут не вызывать обоснованной тревоги. Ни когда прежде в истории эти позиции и результаты анализов не отличались так радикально по самым ключевым проблемам современности.

Сегодня ясно, что очевидных ответов нет отнюдь не из-за недостатка информации и аналитики, а во многом из-за заранее принятой политической и нередко идеологической позиции, которую занимает тот или иной политик, журналист и исследователь. Эта полярность оценок, суждения и прогнозов поражает: никогда еще по поводу конкретных политических действий не высказывались такие абсолютно противоположные и категорические суждения. Эта же политико-идеологическая неопределенность отражается и на позиции военных руководителей и экспертов, которые в немалой степени были дезориентированы в СССР и в России в период правления М. Горбачева и Б. Ельцина объявленной «деидеологизацией». Идеология, как система взглядов и способ управления, была фактически запрещена в официальной России, что привело к отсутствию всех сколько-нибудь логических и последовательных концепций и хаосу в управлении. Что сохранилось до сегодняшнего дня и во многом очень удобно для правящей элиты, от которой не требуется определенных ответов.

Основных причин этому идеологическому кризису в России — две. Во-первых, абсолютная идеологизированность в последние годы со стороны Запада по отношению к России и ее политике в мире, на Украине и внутри страны. Эта идеологизированность, перешедшая в русофобию, по сути уже стала вполне соответствовать критериям психологической войны и, надо сказать, вполне соответствует задачам ведущейся сетецентрической войны против России.

---

[31] Здесь и далее сокращения даются в редакции: *Подберезкин А. И.* Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО–Университет, 2013.

Эта полярность идеологических оценок и подходов вызвана также тем, что в начале в XXI века произошло (для большинства неожиданное смещение) акцентов из противоречий в межгосударственной области в межцивилизационную, где основными субъектами МО выступают уже не государства, а локальные человеческие цивилизации. Примечательно, что, не признавая этого, мы не видели, что такая цивилизационная борьба вышла на первый план на Западе. Как очень точно сказал в начале своего президентства Б. Обама, «Я не предлагаю стройной теории государственного устройства Америки, не выдвигаю никаких призывов к действию, не подкрепляю их для верности графиками, диаграммами, расписаниями и планами из десяти пунктов.

Моя задача куда скромнее: я размышляю об идеалах и ценностях…»[32]

В конечном счете, не только В. Путин, но и остальные представители правящей элиты в России были вынуждены признать этот факт, что легализовало и придало публичности борьбе между государственниками и либералами-западниками. Произошел раскол. Единая прежде правящая элита, состоявшая в основном из тех коммунистических, советских и хозяйственных руководителей, которые сумели быстро превратиться в либералов и предать собственную партию, опыт быстро перестроилась. Теперь уже превратившись в патриотов-государственников, отстаивающих интересы российской ЛЧЦ. Насколько искренне — покажет время, — но нельзя исключать, что избранная Западом стратегия давления на правящую элиту приведет к успеху.

Признание факта переноса противоречий в цивилизационную и идеологическую область, безусловно, многое объясняет, но главное позволяет действовать (и требует действия) соответствующим образом: «На войне как на войне». Отрицание этого факта — неизбежно ведет к проигрышу из-за неверной стратегии, неспособности своевременно мобилизовать ресурсы и вести себя адекватно развитию соответствующего сценария МО. Но как раз признавать и действовать, части элиты по разным причинам не хочется. Прежде всего, потому, что действовать придется против самих себя.

---

[32] *Обама Б.* Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб: «Азбука-классика». 2008. — С. 15.

Во-вторых, хотим мы это признать или нет, но адекватный анализ и стратегической прогноз и планирование развития МО невозможен без идеологии — как господствующей в правящей элите системы взглядов и представлений на современные реалии и вытекающей из нее соответствующей стратегии развития государства[33]. Речь идет не об отдельных отраслевых или региональных стратегиях, в массе появившихся в прошлом десятилетии в России (хотя до этого либералами долго и упорно отрицалась сама их необходимость), а о национальной стратегии, в которой концентрируются ценности, интересы, цели и средства развития всей нации. В том числе и на долгосрочную перспективу. (Речь не идет, конечно же, о сугубо нормативном документе — «Стратегия национальной безопасности», разработанном Советом Безопасности и утвержденном Президентом России).

Эти оценки и интересы имеют безусловный идеологический и политический общенациональный характер, даже если это и отрицается при помощи ссылок на Конституцию. Не случайно один из исследователей признает: «…есть убежденность, что и дальше политика государства будет строиться на мгновенных импровизациях и способности удивлять население страны и внешний мир „полицейскими“ разворотами в идеологии и геостратегическими экспромтами.

В такой обстановке будущее постепенно исчезает и как объект, и как предмет. Если там ничего хорошего не придумывается, возникает естественный импульс остановить само это придумывание, закрыть жанр как таковой. Если там ничего нет, то лучше об этом не говорить вовсе. Так, незаметно сам собой рассосался еще совсем недавно столь популярный жанр „стратегий“. Официальная позиция: нынешнее поколение российских людей будет жить … как получится, то есть вообще неизвестно как…»[34].

Таким образом, стране нужна национальная стратегия, — крайне необходимая в условиях обострения МО и кризиса в России — которая должна опираться на стратегический прогноз

---

[33] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО–Университет, 2012. Т. 1.

[34] *Рубцов С. В.* Прощание с будущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. — С. 12.

и стратегическое планирование. Но, ни первое, ни второе не могут быть сделаны в принципе без ясной идеологии как системы взглядов. Как минимум, без осознанного формирования отношения элиты и общества к происходящему в мире и стратегии нации на долгосрочную перспективу. Но именно этого-то российская либеральная элита не может сделать и боится. Обозначить, как в США, КНР и других странах, основные принципы своей идеологии это означает отказаться от принципов либеральной идеологии в финансах и экономики, где до сих пор доминируют либералы.

Отсутствие идеологии и, как следствие, внятной политической позиции многое объясняют в такой радикальной разнице в оценках, сложившейся в российском обществе. Именно поэтому, в частности, внешняя политика России и развитие МО в мире в начале XXI века стали предметом бурной политической и научной дискуссии, вновь разделившей в 2012–2015 годах правящую элиту, общественное мнение и позицию экспертов в России на два уже ставших традиционных лагеря, — либералов и государственников, а за рубежом — на сторонников и противников силового давления на Россию. Причем если первые — либералы — очевидно готовы и дальше открыто вести дело к содействию эскалации фактически начавшейся войны Запада против России, то вторые, государственники, до сих пор еще так и не сформулировали свою национальную стратегию. Представляется, что у них, у государственников, сконцентрировавших к 2016 году большую часть власти и ресурсов, нет ясной стратегии противоборства не только с военно-силовой политикой западной ЛЧЦ, но и с отечественными либералами-сторонниками западной ЛЧЦ. В том числе оккупировавшими явно и скрытно ключевые позиции в российской финансово-экономической системе и образовании.

Иными словами, в противоборстве с западной ЛЧЦ, которое уже фактически началось, в том числе и в военно-силовой форме, российская правящая элита (как главная цель такого противоборства) оказалась:

— расколотой, как минимум, на две антагонистические части, одна из которых откровенно выступает на стороне противника, а другая в своем большинстве состоит из конформистов и предателей;

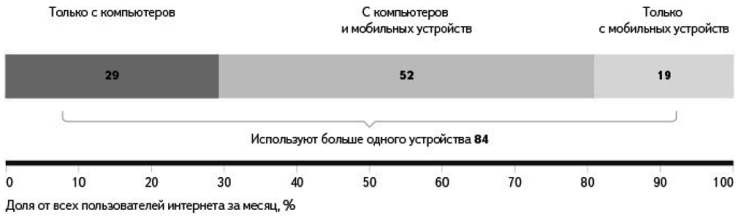

Рис. 13.[35] Как выходят в сеть пользователи интернета

— без идеологии как системы взглядов и самого эффективного механизма национального, государственного и общественного управления;
— без значительного кадрового и человеческого потенциала в руководстве страны и ее военной организации, выбитого 30-летием хаоса и реформ в государстве;
— без сколько-нибудь значительного временного ресурса для подготовки к противоборству. Такая ситуация имеет конкретных виновников, которые все последние 25–30 лет повторяли, что «Россия имеет как никогда благоприятные внешние условия для своего развития»;
— наконец, очевидный недостаток технологических возможностей, в частности, национальных мобильных устройств и средств связи, которые предоставляют западной ЛЧЦ монопольное право в средствах влияния на общество и правящую элиту.

При этом споры между различными лагерями российской элиты ведутся о том, что «хуже ли нынешнее состояние отношений или еще нет, чем в годы холодной войны?». На самом деле война с Россией уже началась, а большинство (как впрочем, и в первые месяцы Первой и Второй мировых войн), просто еще не отдает себе в этом отчета. Общество и элита ждет формальных заявлений и деклараций об объявлении войны, которых никогда не будет. Как их не было последние десятилетия у западных государств, которые воевали в Индокитае, бомбили Югославию, свергали Хусейна, Каддафи, Чаушеску и т.д.

---

[35] По данным установочного исследования TNS WEB INDEX, второе полугодие 2015 / https://yandex.ru/statistic

Между тем наше нежелание признать хотя бы де-факто эту реальность неизбежно откладывает «на потом» самые важные и срочные решения, которая могут быть уже запоздалыми. Прежде всего, в организационно-мобилизационной и идеологической области, создавая иллюзию мирного сосуществования с «партнерами». По этому поводу одна из американских журналисток очень точно написала в самом конце 2014 года: «Неоконы, манипулирующие не особенно сведущими американскими политиками, на самом деле, не ввергли нас в холодную войну. Все значительно хуже. Длительное соперничество с Советским Союзом было „холодным", поскольку существовало „гарантированное взаимное уничтожение". И Вашингтон, и Москва прекрасно понимали, что „горячая" война означает обмен ядерными ударами, которые уничтожат всех»[36].

Действительно, «холодная война» и стратегическое равновесие ограничивали для США возможности применения военной силы. Именно в разгар «холодной войны» ярый консерватор-республиканец Р. Никсон подписал первый договор по СНВ и по ПРО. Фактически, когда в Индокитае советские специалисты участвовали в войне с американскими.

Сегодня США заинтересован только в том, чтобы полностью уничтожить СЯС и тактическое ядерное оружие, что обеспечит им гарантированное военное превосходство. Ни о каких равноправных соглашениях по сокращению ВиВТ речи уже не идет, что было характерно для политики США в начале 50-х гг. XX века. Именно поэтому американская журналистка признает, что на этот раз Соединенные Штаты исходят из того, что они уже «выиграли» холодную войну, и создается впечатление, что, опьяненные своими возможностями, они самоуверенно полагают, что могут вновь победить… Вероятность прямого военного столкновения между двумя ядерными державами сегодня, действительно, намного выше, чем во время холодной войны. Сегодня мы находимся в состоянии «замороженной войны», потому что ничто из того, что говорят или делают русские, не имеет никакого эффекта. Те неоконы, которые

---

[36] *Джонстоун Д.* Замороженная война Вашингтона против России / «Counterpunch», USA. 2014.20 December / Цит. по: http://eurasian-defence.ru/

определяют за кулисами американскую внешнюю политику, изобрели совершенно фиктивную историю относительно российской «агрессии», которую президент Соединенных Штатов, а теперь и Конгресс США приняли и одобрили. Российские лидеры отвечают искренне, правдиво и руководствуются здравым смыслом, они сохраняют спокойствие, несмотря на звучащие в их адрес обвинения. Ничего хорошего сложившаяся ситуация пока еще не принесла. Позиции заморожены. Когда разум терпит неудачу, его место занимает сила. Рано или поздно[37].

Хотим мы признать это или нет, но влияние либералов в России, представляющих по сути враждебную (т.е. участвующую в военных действиях против нации) западную ЛЧЦ, очень сильно. И не только в таких областях как экономика, финансы, образование, но и в целом ряде других областей и отраслей, имеющих ключевое значение для безопасности нашей ЛЧЦ. Это влияние непосредственно сказывается и на искажении в СМИ картины происходящих событий. Однако для либерального лагеря в России события на Украине в 2014–2015 годах и последовавшие затем акции Запада оказались во многом неожиданными и поэтому они оказались расколотыми, даже отчасти дезориентированными. Часть из них очень быстро мимикрировала в «либералов-государственников» (что уже происходило не раз в последние 30 лет), в очередной раз быстро приспособившись к «линии партии». (Любопытно наблюдать, как их биографии начинались с партийных постов, потом превращались в «прорабов перестройки», затем — в демократов и, наконец, — в государственников. И все это за какие-то 25–30 лет карьеры!).

Другая часть — откровенно перешла в лагерь противников, напомню, уже ведущих сетецентрическую системную войну против России. Они считают, что в ней виновата Россия, что это во многом следствие поворота во внешней политике России, что в ней вина лично В. Путина, политику которого они прямо или косвенно не одобряли. И не только из-за Крыма. Они искренне полагали, что ухудшение отношений с США и ЕС во втором десятилетии XXI века

---

[37] *Джонстоун Д.* Замороженная война Вашингтона против России / «Counterpunch», USA. 2014.20 December / Цит. по: http://eurasian-defence.ru/

было неприятным историческим эпизодом, связанным исключительно с личностью В. Путиным его окружением, и его личной политикой, который должен вскоре пройти, а страна вернуться к внешнеполитической либеральной парадигме — «разумной», «естественной» и «единственно возможной» для России. И этих либералов, надо признать, в той или иной степени поддерживает определенная часть общества, которая уже привыкла пользоваться благами Запада, получив свою долю сырьевой ренты[38].

То, что Россия понесла в последние десятилетия катастрофические издержки в результате такой либеральной политики, их нисколько не волновало и не волнует. Не надо сомневаться в этом: они готовы на еще большие уступки, которые неизбежно привели бы к полному контролю со стороны Запада, лишь бы вернуться к «демократической» горбачевско-ельцинской внешней политике. И в этом кроется большая опасность для России: в нарастающей борьбе локальных человеческих цивилизаций за право контролировать собственное развитие у противников России есть мощные внутри союзники страны. Те, кто уничтожал СССР и разваливал Россию, кто при любых правителях — при Л. Брежневе, М. Горбачеве, Б. Ельцине, а теперь и В. Путине удивительно цепко держатся во власти или рядом с ней, мелькают по телевидению, участвуют в ток-шоу и других мероприятиях, фактически формируя реальную «национальную» идеологию приспособленчества и конформизма, хотя публично и повторяя, что «ее нет и не может быть».

Для того чтобы убедиться в этом достаточно почитать биографии «успешных» людей, которые были в центре общественного внимания последние 30 лет[39]. В любом случае в России сохраняются и, наверное, будут сохраняться два лагеря, существовавшие уже за несколько столетий до сегодняшних событий. Тех, кого Н. Данилевский и Ф. Достоевский причисляли к сторонникам уникальности российской локальной человеческой цивилизации («Россия — не Европа») и тех, кто считал, что Россия — часть Европы, точнее — та часть системы ее культурных, духовных ценностей

---

[38] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[39] См. подробнее: Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц» / http://viperson.ru/

и идентичности, которая должна признать приоритеты основной части — либерально-протестанской Европы.

Столкновение представителей различных идеологий ежедневно ощущается на всем спектре политических и экономических аспектов формирования современного сценария МО и не может не сказываться непосредственно на всех «частных» внешнеполитических вопросах, возникающих ежедневно. Вот как охарактеризовал такие политико-идеологические противоречия между двумя этими лагерями по частному вопросу политика — Приднестровью, — бывший начальник управления администрации Президента РФ М. Колеров: «Молдавия и Украина, раздав политические пощёчины „евразинтеграторам" из Москвы, вполне адекватно увидели свою политико-экономическую задачу послужить ЕС не только новым колониальным товаром, но — бери выше! — послужить ЕС надёжным каналом льготного входа на огромный потребительский рынок ТС через те дыры, что — после либерал-идеалистов из российского правительства, втащивших Россию в ВТО — открыли Молдавии и Украине зону свободной торговли СНГ … следовательно, беспрепятственный вход в ТС. Закрыть этот фактически контрабандный вход из предбанника ЕС в ТС — теперь для России крайне трудная задача. Но, по крайней мере, высшие представители России в части **экономических** отношений с ближним зарубежьем вполне определённо и резко отрицательно выступили против надежд новых колоний ЕС, особенно Украины, соединить ЗСТ ЕС с ЗСТ СНГ и ТС: национальный координатор отношений с СНГ, вице-премьер **Игорь Шувалов**, советник президента России по евразийской интеграции **Сергей Глазьев**, премьер-министр **Дмитрий Медведев**, президент **Владимир Путин** внятно и определённо заявили о категорической несовместимости европейской и евразийской интеграции»[40].

Таким образом, у правящей российской элиты, которая является во главе с В. Путиным главной целью стратегии «Глобального военно-силового противоборства», сохраняется теоретически два варианта действий.

---

[40] *Колеров М.* Создатели гуманитарной катастрофы: евразийская риторика Москвы и Приднестровье / Эл. ресурс «OSTKRAFT» 06.10.2013 / http://ostkraft.ru/ru/documents/1188

Первый вариант, к которому во многом уже привыкли со времен М. Горбачева, — компромиссов, означающих, как правило, односторонние уступки. В соответствии с этим вариантом необходимо:

— продолжать финансовую политику, определяемую МВФ, не пытаясь выйти за обозначенные им «флажки»;
— легализовать либеральную прозападную оппозицию, которая, как во времена Б. Ельцина, станет гарантом политического курса России;
— убрать из правящей элиты значительную часть окружения В. Путина и, как минимум, ограничить его влияние, заставив отказаться от суверенной политики;
— отказаться от самостоятельной внешней политики, «согласовывая» все свои действия с США;
— прекратить модернизацию ОПК и ВС, провести односторонние мероприятия по разоружению и др.

Второй вариант, по которому движется пока что Россия, заключается в борьбе за национальную идентичность и суверенитет, в т.ч. формирование самостоятельного центра силы:

— предполагает оформление национальной идеологии и стратегии развития;
— подготовки и продвижения соответствующих национально-ориентированных кадров и профессионального управления;
— «чистку» рядов правящей элиты от наиболее одиозных и активных либералов-проводников политики западной ЛЧЦ;
— создание коалиции на базе БРИКС–ШОС–ЕврАзЭС;
— вернуть суверенитет в финансово-экономическую политику государства.

8.4. Либеральная парадигма и противоборство локальных человеческих цивилизаций в XXI веке: последствия для международной обстановки (вектор «А»–«Д»–«Б»)

… Наконец, важная ключевая тема, которая находится в эпицентре идейной борьбы, — историческая перспектива[41]
К. Русаков,
секретарь ЦК КПСС

Эта (стратегия. — *А.П.*) продвигает американское лидерство, основанное на экономическом и технологическом могуществе и ценностях американского народа[42]
Стратегия национальной безопасности США, февраль 2015

Развитие либеральной парадигмы в СССР и России катастрофически повлияло на положение нации и всю международную, военно-политическую и стратегическую обстановку в мире, что видели хорошо уже не только некоторые бывшие советские руководители, но и идеологии западной ЛЧЦ. В своей известной книге «Великая шахматная доска» Зб. Бжезинский написал: « постсоветский кризис русского государства (так сказать, его «сущности») был осложнен тем фактом, что Россия не только внезапно лишилась своей имперской миссионерской роли, но и оказалась под давлением своих собственных модернизаторов (и их западных консультантов), которые … требуют, чтобы Россия отказалась от своей традиционной экономической роли ментора, владельца и распорядителя, социальных благ»[43].

Возвращаясь вновь к нашей логической модели политического процесса, мы можем условно обозначить влияние российского либерализма на МО как вектор «А»–«Д»–«Б», хотя (и в этом со

[41] *Русаков К. В.* Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся. — М.: Политизд, 1982. — С. 34.
[42] National Security Strategy White House. 2015. February. P. 1.
[43] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. — С. 120.

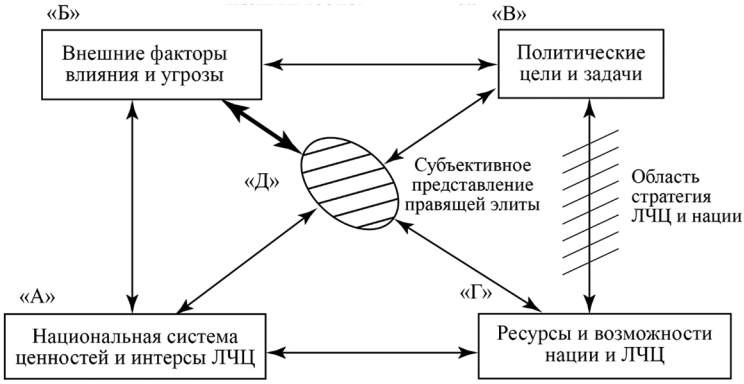

Рис. 14. Место факторов внешнего влияния в абстрактной модели политического процесса

Зб. Бжезинским, безусловно, можно согласиться) у российских либералов были влиятельные западно-либеральные советники, покровители и спонсоры, чье значение отнюдь не ослабло и сегодня.

Либералы-западники — отнюдь не только явление современной российской действительности. Их влияние было очень сильно и в XX веке, как на коммунистическое, так и собственно демократическое движение. Но не только. Можно говорить, что западничество и либерализм, как политический и даже религиозный феномен, «существовал в России всегда — от «западников-бояр» и сторонников сближения с католиками до западников-дворян в XVIII и XIX веках, о которых писал достаточно подробно еще Ключевский. Примечательно, что В. Даль относит западников к слову «западать» («начать падать»), а также — «к западу относящийся», «последователь и защитник Запада»[44].

В конце XX века эти «защитники Запада» стали доминирующей группой правящей элиты СССР и России, сохранив во многом свое влияние и в настоящее время. Поэтому можно определенно констатировать, что западная система ценностей и интересов (группа факторов «А» в нашей модели политического процесса)

[44] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. А–З. — М.: Терра, 1995. — С. 611.

оказывает по-прежнему существенное влияние как на всю правящую элиту и общество (группа факторов «Д»), так и на формирование всей международной и военно-политической обстановка.

Как видно из рисунка (рис. 14), либерально-западническая идеология и мировоззрение, представляющее систему определенных ценностей, в XXI веке оказывает влияние на целый комплекс факторов:

— **во-первых**, собственно развитие системы западно-либеральных ценностей, которые не только стремительно превращаются и силой навязываются в качестве «универсальных», но и приобретают все отчетливее антинациональной и антитрадиционный характер (поощрение наркомании, гомосексуализм, «толерантность» и пр. атрибуты новой системы ценностей), причем западная ЛЧЦ декларирует детали президента США Обамы свою готовность их «силовой защиты и продвижения»;
— **во-вторых**, эта новая система западно-либеральных ценностей предназначена для вытеснения национальных интересов, их замены «цивилизационными» интересами, что неизбежно ведет к: а). десуверенизации государств; б). ликвидации системы международной безопасности, основанной на интересах безопасности отдельных стран, и ее институтов (в т.ч. ООН и др.);
— **в-третьих**, новая система западно-либеральных ценностей наносит удар по национальной идентичности правящей элиты и общества (вектор «А»–«Д»), деформируя их представления в неадекватном восприятии реалий мира и международной обстановки. Типичный пример — Россия и восприятие ее правящей элитой и обществом Запада в 80-е и 90-е годы XX века, которое позже назвали «романтическим», «оптимистичным» и т.п., но суть, которого тем не менее с политической точки зрения не изменилась и называется только как «неадекватная» (в мягком варианте) и «предательская» по отношению к национальным интересам (в реалистическом варианте);
— **в-четвертых**, западно-либеральная система ценностей и политическая практика, возникшая на её основе, привели к деформации всей системы МО из мирной двухполярной системы в остроконфликтную многополярную систему. По-

следствия этого влияния настолько радикальны и многочисленны, что их можно охарактеризовать как качественные изменения международной и военно-политической обстановки, развитие которых естественным образом и неизбежно привело во втором десятилетии XXI века к конфликту между несколькими ЛЧЦ и фактическому началу системной и сетецентрической войны[45].

Таким образом, можно констатировать, что развитие либерально-западной парадигмы ведет к формированию сценария военно-силового противоборства в мире[46]. Это необходимо обязательно учитывать, понимая, что оставаясь политико-идеологически под влиянием либерально-западнических идей Россия неизбежно будет играть по правилам, разработанным для нее в этом сценарии, а именно — на поражение в военно-силовом противоборстве с Западом.

Рассуждая, таким образом, я исхожу из того, что с конца 80-х годов XX века до второго десятилетия XXI века в российской элите господствовали (и во многом продолжают) либерально-западнические представления о будущем России и ее ценностях, которые, по сути, являлись упрощенным заимствованием американо-европейской модели развития. При этом не отдавалось отчета в том, что эти ценности и интересы западной ЛЧЦ естественно и закономерно не соответствовали (и не могли соответствовать) российским интересам и ценностям. Более того эти ценности и интересы прямо направлены на ликвидацию российского государства и русской идентичности, т.е. на уничтожение. Это противопоставление — бескомпромиссно и не должно быть замаскировано никакими иллюзиями.

Парадокс, однако, заключался в том, что все десятилетия любые попытки попытаться представить себе собственно ценности российской ЛЧЦ и ее национальные интересы встречали яростную критику со стороны значительной части правящей элиты СССР, а потом и России. Автор хорошо прочувствовал это на себе, издав

---

[45] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[46] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

в конце 1980-х и начале 1990-х годов несколько работ, посвященных этой теме, среди которых хотелось бы выделить «Национальную доктрину России»[47], «Русская идея и государство» и несколько изданий книги «Русский путь»[48].

Таким образом, идеологическое господство либерально-западнической парадигмы привело в определенной период и господству этой парадигмы не только во внешней и военной политике М. Горбачева — А. Яковлева, которая привела к катастрофическим последствиям для МО и ВПО, но и во внутренней политике и экономике, что хорошо иллюстрировал процесс отвальной приватизации, о котором даже А. Чубайс сказал, что он «был сделан по идеологическим мотивам»[49]. Соответственно и правящая элита страны (СССР, РСФСР и РФ) формировалась с установками либеральной идеологической и политической парадигмы весь конец XX и начало XXI века. Но, главное что в соответствии с этой парадигмой трансформировалось (точнее — деформировалось) государство и его институты, в том числе и прежде всего, военная организация государства. Это привело к тому, что к 1996 году (началу, «первой чеченской» войны) вся военная организация России не могла обеспечить даже боеспособную 50-и тысячную группировку, хотя военных округ на Северном Кавказе превышал численность в 300 000 человек. Первая «чеченская война» показала со всей очевидностью, что западно-либеральная идеология и модель развития привела:

— к международному «дефолту» России;
— развалу экономики и кризису общества;
— краху государственных институтов.

Дальнейшее последовательное следование этой либерально-западной парадигме означало полную потерю власти правящей российской элиты, которая шантажом и обманом смогла «вырвать победу» у не сопротивлявшегося Г. Зюганова на президентских выборах 1996 года. Но уже выборы губернаторов 1996–1997 года

---

47 *Подберезкин А. И.* Национальная доктрина России. — М.: РАУ-корпорация, 1993; Современная русская идея и государство. — М.: РАУ-корпорация, 1995 и др.

48 *Подберезкин А. И.* Русский Путь. — М.: РАУ-корпорация, 1996.

49 *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А.* Приватизация и приватизаторы. — М.: Книга. 1995.

показали, что почти во всех областях побеждают не столько формальные сторонники НПСР и КПРФ, сколько противники западников-либералов, а кризис 1998 года окончательно «подвел черту» под претензиями либералов на монополию на власть.

Здесь мы наблюдаем классический пример социологического закона «забегания вперед — откат — стабилизация», о котором в своё время со ссылками на классиков марксизм очень хорошо написал Н. Симония: «Даже потерпевшая поражение непосредственно в ходе своего развития революция 1905–1907 гг. в России не закончилась полной политической реставрацией», а В. И. Ленин, говоря об итогах этой революции, подчеркивал, что «… самодержавие возникло в **новую** историческую эпоху»[50]. «Либеральная революция» в России «забежала» к концу 1990-х годов настолько далеко, что «развалила общество, экономику и государство. В начале нового века, пришедший к власти В. Путин, оказался у их обломков, которые с огромным трудом он принялся собирать.

Таким образом, к первому десятилетию XXI века доминирование либеральной парадигмы в политике и общественном сознании России привело к двум фундаментальным изменениям:

— деформации значительной части политической, финансово-экономической и общественной элиты страны, чьи интересы и ценности стали не соответствовать интересам и ценностям российской ЛЧЦ, но отражать интересы и ценности основного противника — западной ЛЧЦ;
— деформации общества, экономики и государства и его институтов, в том числе силовых, в соответствии с интересами и ценностями либеральной части правящей элиты. Фактически борьба с государством и его институтами была начата еще Л. Троцким, а позже — А. Яковлевым «под флагом» «антиэтатизма», но подлинных масштабов она достигла при Б. Ельцина, когда сторонники либеральных реформ добились того, что основные институты государства фактически перестали выполнять свои функции. Это относится, прежде всего, экономическому и социальному блоку и к МВД и МО, но также и СВР, ГРУ, МИД и др.

---

[50] *Ленин В. И.* Полн. СОБР. Соч. — М.: Политиздат, 4-е изд. 1980. Т. 19. — С. 243.

институтам. Эту ситуацию ко второму десятилетию XXI века можно охарактеризовать следующим образом, если говорить собственно о военной организации России: к приходу В. Путина во власть остатки этих институтов, потерявшие свои функциональные возможности, уже не могли играть сколько-нибудь эффективной роли. В 1999 году государство практически перестало существовать, разбившись на «уделы».

«Вторая чеченская война» стала с приходом В. Путина к власти основным мотивом для реанимации государства и его институтов, что категорически не соответствовало интересам и ценностям западно-либеральной части правящей элиты. Именно этим, а не любовью к чеченскому периоду, объясняется та либеральная атаки, которая была предпринята на В. Путина в 1999–2003 годы. Эта либеральная элита попыталась консолидироваться, выдвинув М. Ходорковского, и попытавшись использовать апробированные институты захвата власти — выборы и СМИ, но столкнулась с жесткой реакцией В. Путина, ушла от прямых политических выступлений в активную оппозицию.

Как видно из рисунка (рис. 15), либеральная политическая идеология и ее носители — часто российской правящей элиты оказывают прямое давление на все «блоки», которые должны составлять военную организацию государства и ЛЧЦ, — но по-разному. Если говорить коротко, то основной традиционный блок, состав-

Рис. 15. Логическая модель «идеальной» и фактической военной организации России во втором десятилетии XXI века

ляющий институты военной организации государства (блок №2) не только находился под разрушительным давлением «либеральной» парадигмы, но и до сих пор продолжает его испытывать. Это привело к разрушению ОПК и ВС России, других государственных институтов, которые стали медленно восстанавливаться с приходом к власти В. Путина по мере вытеснения либеральной элиты из управления.

Еще хуже ситуация с двумя другими блоками (блок №3, блок №4), которые:

— игнорировались государством, обществом и властью последние десятилетия, а поэтому были фактически исключены из военной организации. Напомню, что в США произошел обратный процесс: общество и бизнес были интегрированы в военную организацию.

Вплоть до настоящего времени в России не существует всеобъемлющей и эффективной военной организации, которая включала бы в себя все слои общества, нации и все ресурсы. Так, как это было при И. Сталине и позже в СССР, когда существовал единый общенациональный центр, управляющий всеми силами, возможностями и ресурсами нации, а также привлекающего для решения этих задач внешние ресурсы. Под влиянием политико-идеологической либеральной парадигмы все военная организация нации и общества сузилась только до военной организации собственно государства, что видно на следующей логической модели, которая представляет собой «идеальную» и «реальную» военные организации;

— эти институты, которые испытывали на себе влияния «либеральной парадигмы» в максимальной степени, были превращены в антигосударственные и антинациональные в своем большинстве институты.

Наконец, последний, пятый блок, только начал восстанавливаться из остатков советского влияния и могущества при втором сроке В. Путина — «Россотрудничество», «Россия сегодня» и другие институты «мягкой силы», активизация евразийского процесса, сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС, двусторонних связей и пр. действия России стали по сути дела ее новой политикой в мире. Именно эта активность, наравне с конкретными политическими примерами «непослушания» России, стали истинной причиной ускорения антироссийской кампании со стороны США.

Вместе с тем следует признать, что именно из-за позиции западно-либеральной части правящей российской элиты не произошло воссоздания всей военной организации России и ее ЛЧЦ. Это привело, в конечном счете, к тому, что российская ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века до сих пор не имеет полноценной военной организации, роль которой выполняет ее единственный («второй» — на нашей схеме) блок — силовые и политические институты государства.

Кроме того, влияние «либеральной парадигмы» сохранилось на все российское общество и институты государства, что крайне опасно. Возможность повторения либерального реванша, аналогичного реваншу М. Горбачева — А. Яковлева во второй половине 1980-х годов является очевидной угрозой российской ЛЧЦ. Маловероятно, что обанкротившаяся политика снова станет ведущим трендом, но то, что она препятствует восстановлению могущества и влияния России — очевидный факт.

К середине 2015 года в российской элите сложилось хрупкое равновесие между сторонниками либеральной парадигмы развития и российского пути, но это хрупкое равновесие не может долго сохраняться: западная ЛЧЦ использует все свои возможности, чтобы реанимировать либеральный лагерь и отстранить национально ориентированную элиту от власти. Война на Украине стала для откровенных и скрытых российских либералов не борьбой локальных (российской и западной) цивилизаций не на жизнь, а на смерть, а всего лишь неприятным и достаточно неожиданным политическим эпизодом. В этой войне они увидели «угрозу демократии», а также потенциальную угроз возвращения России на независимый внешнеполитический и национально ориентированный (т.е. антизападной) путь развития, о котором еще в конце 40-х гг. XX в. предупреждал И. Ильин[51], который писал: «Или внутри России встанет русские национальная диктатура … или же … в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия»[52]. По их

---

[51] *Ильин И.* О русском национализме. Сборник статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2007. — С. 87.

[52] *Ильин И. А.* О возрождении государственности / Эл. версия: Viperson. 2005. 9 марта / http://viperson.ru/

мнению, либеральная парадигма в России оказалась под угрозой, т.е. прозападный, антинациональный курс «посмели поставить под сомнение».

Причем во всех проявлениях этого хаоса и анархии. Правящий (во многом по-прежнему) в России либеральный лагерь увидел во внешней политике В. Путина явную угрозу своим интересам и базовым ценностям, а западную политику по отношению к Москве рассматривает как «естественную», «допустимую», даже «неизбежную» и «справедливую». Это становится вполне понятно, если признать, что интересы России — коммунистической, монархической, любой — противоположны.

Представители этого западническо-либеральногополитического лагеря и с этими же идеями остаются частью правящей российской элиты и — скрыто или «из-под полы» — лоббируют интересы западной ЛЧЦ вопреки интересам российской ЛЧЦ, которую они категорически не хотят признавать за полноценную и равноправную цивилизацию. В этом смысле их позиция удивительно точно совпадает с позицией официального Киева. И не случайно: русофобство лежит в основе идеологии либерализма. Просто в Киеве это признается открыто, а в России — полуофициально. Из этого вытекает, как минимум, несколько выводов:

— находясь у власти и отрицая право российской нации на цивилизационную идентичность, либералы изначально обрекают ее на поражение, а государство — на потерю суверенитета в противоборстве с западной ЛЧЦ, потерю сложившейся столетиями системы культурных и духовных ценностей;
— так или иначе, но отрицается и право нации на самостоятельность политический суверенитет и государственность, «что ведет неизбежно (как заметил еще Н. Данилевский) к исчезновению нации в скором времени». Во многом это стало следствием отказа от идеологической и формационной парадигмы советского периода, когда, как признает академик А. Чубарьян, «открылись возможности плюралистического взгляда на ход мировой истории»[53]. Но именно в этих новых условиях

[53] *Чубарьян А.О.* Всемирная история: взгляд из XXI века / Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян, Ин-т всеобщ. ист. РАН. — М.: Наука, 2011. — С. 5.

возникает потребность развития национального ориентированного мировоззрения и идеологии;

— отрицается сама необходимость и возможность противодействия давлению Запада, в т.ч. необходимости национальной мобилизации, обеспечения безопасности и др. мер по укреплению государства и развитию ЛЧЦ в условиях противоборства, что наглядно продемонстрировал демарш министра финансов А. Кудрина, который ушел в отставку из-за роста расходов на безопасность и оборону. Сторонники российского либерализма, как идейно-политического течения, не видят, что в XX–XXI веке «чистого либерализма» уже не существует, что с конца XX века происходит сближение этих идей с идеями консерватизма и социал-демократии[54], ориентированными на систему ценностей и интересы западной ЛЧЦ.

Таким образом можно констатировать, что в 2013–2015 годах произошло не только резкое, обострение международной обстановки (МО), которое привело к радикальным изменениям в военно-политической обстановке в мире и в Евразии, но и проявились все признаки глубокого политико-идеологического кризиса международными в отношения между локальными человеческими цивилизациями. Это в свою очередь означало фактическое начало первой фазы войны между двумя наиболее мощными в военном отношениями локальными цивилизациями — западной и восточной, — вокруг которых резко ускорился процесс формирования военно-политических коалиций. Очень наглядно этот процесс проявился в обычно спокойный июльский месяц 2015 года, когда в Уфе прошел саммит ШОС и БРИКС, а в Европе — разразился финансово-политический кризис в Греции и были продлены антироссийские санкции. Другими словами, налицо — все политические признаки начавшейся войны, которая формирует сегодня конкретную современную стратегическую обстановку[55], а та — в свою очередь (и об этом будет ниже подробнее сказано в книге) — влияет на формирование ВПО и, в конечном счете, МО.

[54] Краткая российская энциклопедия. — М.: БРЭ ОНИКС XXI век, 2003. Т. 2. — С. 323.

[55] *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В.* Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных, конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

8.5. Либеральная российская элита и ее влияние на развитие международной обстановки в XXI веке

… искать новые характеристики войн и конфликтов будущего необходимо в современных тенденциях развития человеческой цивилизации, международных отношений[56]
С. Нарышкин,
Председатель Госдумы ФС РФ

Западническая либеральная элита России продолжает оказывать влияние на все стороны процесса подготовки и принятия политических решений в интересах западной ЛЧЦ и в противовес интересам и ценностям российской ЛЧЦ. Это особенно опасно в условиях фактически начатой войны между этими двумя ЛЧЦ. На известном рисунке (рис. 16), отображающем модель политического процесса, это достаточно наглядно видно и проявляется в следующем:

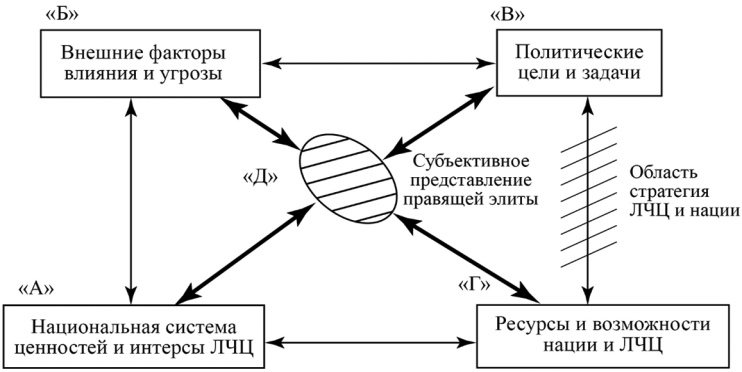

Рис. 16. Место факторов внешнего влияния в абстрактной модели политического процесса

---

[56] *Нарышкин С. Е.* Вступительное слово // Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Харкевич М. В. [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

— российская либеральная элита непосредственно влияет на формулирование политических и иных целей и задач (группа факторов «В»), пытаясь их трансформировать в интересах либеральной и западнической части общества, что, как правило, в XXI веке противоречат интересам России и российской ЛЧЦ. Это, в частности, проявляется во внешней политике в односторонней ориентации на США и Западную Европу, соответствующие компромиссы и уступки, которые со времен М. Горбачева стали нормой для советской и российской внешней политики;
— российская либерально-западническая элита влияла на формирование МО (группа факторов «Б») нередко, таким образом, как это было выгодно западной ЛЧЦ. Примеров — огромное множество от фактического соучастия в блокаде Кубы, до фактического пособничества в агрессии против Югославии, Ирака и т.д.;
— российская западно-либеральная элита, безусловно, негативно влияла на распределение национальных ресурсов, сформировав сырьевую, экспертно-ориентированную, экономику, проводя политику деиндустриализации и передав собственность в руки случайных и безответственных лиц[57].

Иными словами, российская либеральная элита негативно влияла и продолжает влиять на все этапы формирования МО — от отношений между ЛЧЦ, до МО, ВПО и СО[58]. Причем особенностью XXI века является то, что политическая идеология начинает непосредственно влиять на формирование СО, войн и военных конфликтов, что в предыдущей истории человечества встречалось редко. Более этого, именно либеральная идеология и ее носители становятся в XXI веке активными проводниками политики силы вообще и военной силы в частности. Если прежде это влияние снижалось по мере «опускания» на более низкие этажи развития общественных отношений (и, например, практически не ощущалось влияние той или иной идеологии, на формирование СО), то сегодня, в XXI веке, к «вертикальному» воздействию добавилось и «горизонтальное», непосредственное воздействие.

---

[57] См. подробнее: *Мунтян М.А., Подберезкин А.И.* и др. Приватизация и приватизаторы. — М.: Евразия+, 2005.

[58] *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–54.

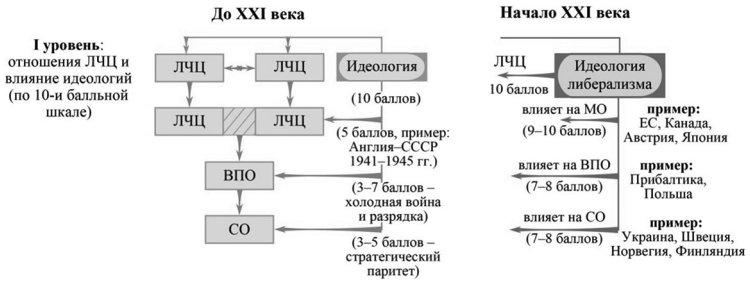

Рис. 17.

Как видно из этого рисунка (рис. 17), прежнее слабое (или относительно слабое) влияние идеологии на формирование СО и ВПО в XXI веке переросло в сильное, даже «очень сильное» влияние.

В этой связи целесообразно напомнить о том, что понимается под этим термином — «стратегическая обстановка» — и как он трактуется в настоящей работе, ибо именно это понятие, наравне с международной и военно-политической обстановкой, является ключевым.

Это понимание, надо подчеркнуть, отчасти отличается от традиционного определения СО, сложившегося в послевоенные десятилетия, характеризующего, как правило, какой-то конкретный период войны или военного конфликта в неких конкретных военно-политических и прочих условиях. В том числе и по причине усиления непосредственного влияния на него невоенных и таких несиловых факторов, как идеология, превратившихся в XXI веке уже в силовые и даже военные факторы влияния. Иначе говоря, идеология в XXI веке превратилась в оружие, участвующее в формировании как ВПО, так и СО.

Будет ли это оружие использоваться и как оно будет пользоваться — компетенция правящей элиты. Война на Украине является очень ярким и конкретным примером того, как либеральная идеология превратилась в оружие, пройдя за короткий период всего несколько этапов в своем развитии от:

— Украина — Европа;
— Украина — не Россия;
— Украина — настоящая Русь;
— Россия — азиатская страна;

— граждане России — «азиата», «ватники»;
— граждане России — «колорады», «нелюди»;
— граждане России — враги, подлежащие уничтожению.

Известно, что идеологическая подготовка, как часть боевой подготовки ВС страны, радикально влияет на СО. И на Украине, где порядка 50% граждан восприняли антирусскую риторику, идеология превратилась в фактор боеспособности ВСУ и формирования СО.

В этой связи полагаю, что в XXI веке под «стратегической обстановкой» понимается не только традиционно понимаемый вид конкретной военно-политической обстановки, представляющий собой еще более конкретное состояние противоборствующих сторон в определенный (и, опять же, конкретной) период времени в ходе такого же конкретного военного конфликта[59], но и такой вид международной и военно-политической обстановки, когда основные их характеристики определяются силовой и вооруженной борьбой (в том числе, в условиях мирного времени).

Другими словами «формула» последовательного развития и взаимосвязи МО–ВПО–СО, существовавшая вплоть до начала XXI века меняется: возникает прямая взаимосвязь между международной обстановкой (МО) и конкретной войной или военным конфликтом, когда СО становится изначально составной и неизбежной частью всей МО военная сила стала прямо влиять на политику. Теоретически подобная взаимосвязь и непосредственное влияние возникло с появлением ядерного оружия и возможности непосредственно решать стратегические и политические задачи. Косвенно эта возможность реализовалась только в период «Суэцкого кризиса» 1956 года, когда СССР «пригрозил» Англии и Франции применением ЯО. Но практическое значение эта взаимосвязь имела только в качестве политики «ядерного сдерживания», т.е. угрозы возможного применения ЯО. В XXI веке ситуация изменилась: Такое изменение роли СО и войны произошло в результате политики стран-лидеров либерализма, создавших к началу XXI века абсолютно несправедливую систему перераспределения ресурсов

---

[59] См., например: *Подберезкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад [и др.] М. : МГИМО–Университет, 2014. — С. 13

и национальных богатств. Стремление либеральных государств сохранить контроль над этой системой сталкивается с естественным стремлением других ЛЧЦ и государств добиться равноправия, т.е. справедливо перераспределить сферы и масштабы влияния, что неизбежно приводило к войнам в человеческой истории, в т.ч. к мировым войнам в XX веке и неизбежно приведет к мировой войне западной ЛЧЦ в XXI веке с другими ЛЧЦ.

Военно-политическая система, которая была создана западной ЛЧЦ на принципах либерализма и глобализма, будет неизбежно стремиться сохранить существующий «мировой порядок» и формальные нормы международного права и его институты, охраняющие этот порядок, либо даже «улучшить» его в свою пользу. Например, реформируя ООН, ОБСЕ или вводя новые требования в отношения «прав человека» и т.д. Поэтому силовое перераспределение контроля неизбежно, но если либерально-западная ЛЧЦ, обладающая военным превосходством, будет пытаться сохранить этот контроль с помощью вооруженного насилия, то неизбежно и сопротивление других ЛЧЦ, в т.ч. вооруженное, которое будет нарастать по мере усиления этих государств и коалиций.

В качестве еще одного примера для иллюстрации такого силового противоборства ЛЧЦ можно привести ситуацию на Украине в 2014–2015 годы. Традиционно отношения между РФ и Украиной в эти годы можно охарактеризовать как напряженные, а ВПО как «стабильно-враждебную». Одновременно и повсеместно существовали и все признаки характерные для относительно мирного развития МО, — экспорт российского угля, газа, торговля, движение граждан через границы, транзит пассажиров и грузов. В то же время существовали параллельно и все признаки для определения военной характеристики развития МО: участие добровольцев в вооруженной борьбе, враждебные действия украинского правительства и информационно-пропагандистская война.

Это «враждебно-стабильное» состояние ВПО по целому ряду своих параметров характеризовалось одновременно всеми признаками ведения вооруженной борьбы, т.е. в полной мере относилось к характеристике СО[60]. Причем именно западная ЛЧЦ, а не группа

[60] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

европейских стран, выступили на стороне украинских властей по одной — единственной глобальной причине: правящая украинская элита, захватившая власть в стране, выступила на стороне западной ЛЧЦ против российской ЛЧЦ, которая попыталась публично поставить под сомнение право Запада контролировать ситуацию в мире и конкретно в этом регионе.

Украина в этом случае — не единственный пример новой взаимосвязи МО и СО. В той или иной форме к этому феномену можно отнести и сложившуюся МО в начале второго десятилетия XXI века в Ираке, Сирии, Йемене, а также вокруг целого ряда других формально не воюющих государств, которая **изначально и сознательно создавалась западной ЛЧЦ с учетом и неизбежным впоследствии ее развитием и превращением в СО в этих странах и регионах**. Эта практика не была случайной. Отчетливо просматриваются такие тенденции, как:

— превращение специальных сил Армии США в диверсионные образы;
— «военизация» ЦРУ;
— легализация ЧВК и т.д.

Аналогичную ситуацию в настоящее время мы можем наблюдать и в отношении России, когда МО в Европе сознательно и искусственно развивает в соответствии с задачами, будущей СО, т.е. военными задачами. Примеров множество, но самое интересное то, что такая практика становится формальной нормой в Уставах ВС. Это и предварительное складирование военной техники и вооружений в Польше и Прибалтике, и маневры, и увеличение мобильных сил, и создание военной инфраструктуры, и усиление враждебности во всех областях взаимоотношений с Россией — от спорта и туризма до торговли. Враждебность — как отношение — закладывается в качестве политического условия формирования МО, а не только СО.

Сказанное означает, что война и военные конфликты между ЛЧЦ уже стали неизбежными атрибутами, правилами, по которым формируются и развиваются МО в регионах и во всем мире. И не только потому, что ежегодно происходят десятки войн и конфликтов, а потому, что война изначально становится частью внешней политики: формирование той или иной СО сознательно входит органично в формирование сценария МО, — т.е. СО с самого начала

планируется как часть МО и с участием военных специалистов. После взрывов в Нью-Йорке в 2001 году, как известно, в Стратегии национальной безопасности США утвердилось положение о возможности «превентивного» удара по противнику, которое стало впоследствии частью не только внешней, но и всей военной политики и политической практикой западной ЛЧЦ.

Конкретной формой такого изначально органичного участия СО в формировании МО становится сетецентрическая и системная война, в которой задействованы все институты и средства не только государства, но и мобилизованные им негосударственные институты и организации. Прежде всего, зарубежные, а также такие, которые прямо не ассоциируются с государством. В некоторой литературе эту форму называют также «гибридной» войной, хотя, в конечном счете, эта война все равно остается войной[61]. В частности в новой редакции Национальной военной стратегии США прямо говорится о том что «вероятность военного столкновения США с великими державами растет», а характер этого столкновения будет носить характер гибридной войны[62]. Что хорошо видно из приводимой в Национальной военной стратегии США иллюстрации: (рис. 18)

Как видно из рисунка официальной американской Стратегии, поле «гибридного конфликта» занимает место между межгосударственными и негосударственными участниками, что изначально стирает границу между военными средствами, силовыми средствами политики и просто средствами влияния. Развитие «либеральной парадигмы» в конкретной СО и войне приводит, таким образом, не только к неизбежности столкновения, но и заведомой неопределенности в выборе средства и способов силовых и военных действий. Ясно, как минимум, одно: либеральная парадигма в своем развитии в военной области породила принципиально новое и более опасное явление «гибридной» войны, стирающей все грани между средствами, способами, жертвами. Так, соотношение между погибшими гражданскими лицами и военными, несмотря

---

61 *Подберезкин А. И.* Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

62 The National Military Strategy of the United States of America. 2015. June. P. 4.

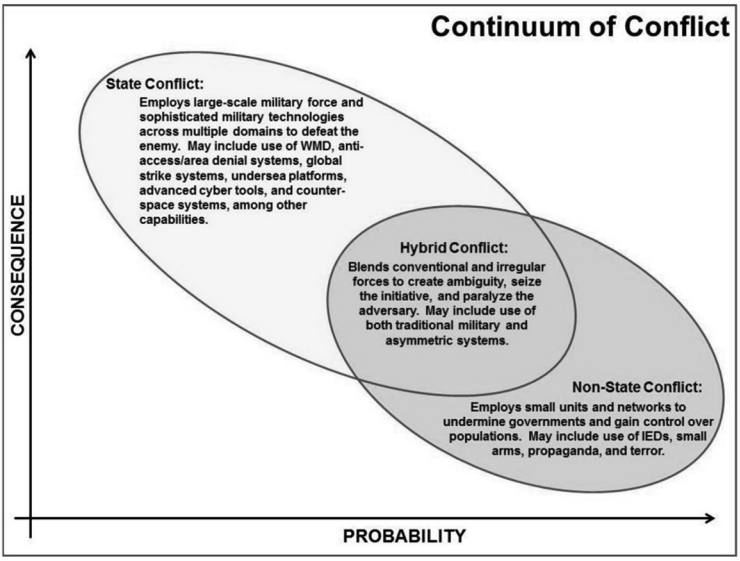

Рис. 18. Континуум конфликта

на появление ВТО, стремительно меняется в пользу гражданских лиц не только в Пакистане и Афганистане, но и на Украине. Это означает, что будущие конфликты и войны будут гораздо более циничными и жестокими, чем предыдущие. «Немыслимая» война в Европе во второй половине XX века, стала вполне реальной в Югославии и на Украине.

Подобное изменение роли идеологии, правящей элиты и инструментов политики в XXI веке совершенно по-новому ставит принципиально новые вопросы о:

— роли идеологии и пропаганды как инструментов политики и войны;
— роли либеральной идеологии все западнической трактовке как инструмента деформации российского общества;
— роли либеральной идеологии как инструмента, угрожающего суверенитету государства.
— очевидно, также, что наше военное искусство, опирающееся на традиционный опыт, к такой войне не готово, как не готова и военная организация, и ресурсы, и военная доктрина, и ОПК.

Эти качественные перемены в характере развития влияния либеральной идеологии и ее носителей на МО позволяют говорить о фактически начале во втором десятилетии XXI века формирования в мире такой стратегической обстановки (СО), в которой отчетливо проявляется не только силовое, но и вооруженное противостояние западной ЛЧЦ, характерное для крупномасштабной войны, в котором важнейшая роль принадлежит либеральной идеологии и ее представителям. В отличие от «холодной войны», у этой СО отсутствует масса сдерживающих факторов, увеличивающих политические риски. Либерализм стал агрессивен и опасен в качестве политического инструмента, а его представители — в качестве носителей этой идеологии. Относительное равновесие политических, экономических и финансовых сил, неизбежно приведет к военным попыткам его «исправить», когда стратегическое равновесие уже не сможет, как прежде гарантировать равновесия военного. Новые средства и способы ведения войны фактически девальвировали сдерживающий фактор СЯС, за которыми остался «последний аргумент» в политическом споре, но которые уже не предполагают политических полутонов и «серых зон». Но не только девальвируются СЯС. Отсутствует уже само точное понятие «война», которое вполне может быть заменено «миром», при котором, как на Украине, продолжают гибнуть десятки тысяч люди[63].

Ситуация и МО в мире обострила отношение к либеральной элите. В 2015 году противостояние России и Запада достигло критического уровня, когда политическое руководство России должно было делать принципиальный выбор либо в пользу сохранения остатков национального суверенитета, либо полного отказа от него в пользу признания приоритетов Запада, т.е. фактического признания политического поражения и полной зависимости. Примечательно, что часть правящей элиты в России открыто, готова была это сделать, т.е. совершать предательство, а другая часть — пока что камуфлирует эту готовность. И первое, и второе — крайне опасны для России. Как показывает российская история, либералы часто предавали собственное государство и народ, даже не считая это предательством, в интересах других держав. Эти интересы

[63] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–33.

очевидны. Этот выбор В. Путин образно обрисовал в своем послании ФС в виде образа «Мишки в тайге, у которого хотят вырвать когти».

Переговоры в Минске между Россией и ЕС по поводу Украины в этой связи означали, что политико-дипломатические средства искусственно сохраняются в этом противостоянии, даже при понимании того, что они неэффективны. Война на Украине в 2014–2015 годах все более приобретала черты одного из региональных военных конфликтов на фоне контекста глобальной войны, имеющей новый сетецентрический, системный и гибридный характер[64]. «Военный мир» или «мирная война» на Украине в 2015 году — иллюстрация ведущейся против России войны.

Соответственно и характер будущих отношений России и Запада (в том числе и в военно-политической области) либеральный лагерь — в отличие от В. Путина и части его окружения — ассоциирует с откровенно подчиненной западной ЛЧЦ внешней и военной политикой России, которая, так или иначе станет «частью западной системы ценностей» на условиях стран-лидеров глобализации, прежде всего США. Требование западников-либералов очевидно — по сути дела В. Путин должен вернуться к курсу М. Горбачева и Б. Ельцина, при котором сформировалось нынешнее пополнение российской элиты, которое не только приспособилось к трудностям переходного периода, но и научилось извлекать из него немалую личную выгоду. Для большинства ее представителей «благо Родины» — отвлеченное понятие, от которого их и они пытались отучить все последние десятилетия.

Нравственные основы нынешней либеральной элиты формировались не на преданности нации и государству, а на умении приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам и извлекать из этого материальную выгоду. В этой парадигме конфликт с Западом недопустим, ибо он мешает многих возможностей, к которым уже привыкли в последние годы. Каким образом совместить в этих условиях неизбежную борьбу ЛЧЦ и личную выгоду остается очень важным внутриполитическим вопросом не только для В. Путина и его окружения, а для самой российской ЛЧЦ, будущее

---

[64] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 83–90.

которой, по справедливому замечанию Н. Данилевского, будет зависеть от политического суверенитета государства.

В этом смысле не случайно, что вплоть до начала 2014 года будущая международная, военно-политическая обстановка и стратегическая обстановка рисовались правящей либеральной элите как относительно мирные и, как неизбежный результат постепенного «вползания России» в те правила игры и ту систему либеральных ценностей, которые были созданы на Западе. В соответствии с интересами западной локальной цивилизации и ее системой ценностей, вполне устраивающих российский западнический либеральный лагерь.

8.6. Война как главное средство политики современного либерализма в XXI веке

Основная причина краха либерализма — это неустранимые противоречия, имманентно заложенные в самой структуре капиталистического мира-экономики[65]
И. Валлерстайна

Фундаментальные национальные интересы США включают:
— Безопасность США, их граждан и союзников, и партнеров;
— Сильную, инновационную и растущую экономику в открытой экономической мировой системе;
— Уважение универсальных ценностей в стране и за рубежом;
— Мировой порядок, основанный на лидерстве США…[66]
Национальная военная стратегия США, июнь 2015 г.

Существует прямая и непосредственная взаимосвязь меду ценностями либерализма (экономическими, торговыми, политическими, религиозными и пр.) правящими в ведущих странах западной

---

[65] Цит. по: *Воронин С. А.* Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015. — С. 10.

[66] The National Military Strategy of the United States of America. 2015. June. Wash., P. 5.

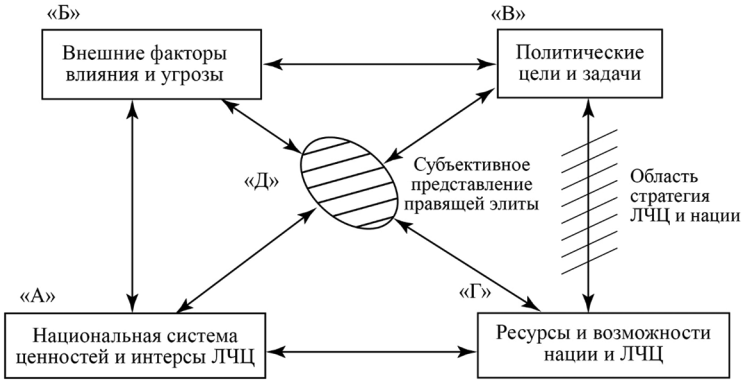

Рис. 19. Логическая абстрактная модель политического процесса

ЛЧЦ элитами и политическими целями, которые формулируются этими элитами. В очередной раз, возвращаясь к известному рисунку, иллюстрирующему модель политического процесса, мы видим эту связь между группой факторов «А», характеризующих систему ценностей и интересов (в данном случае западно-либеральной ЛЧЦ) — группой факторов «Д», характеризующих правящую в этих странах элиту, — и группой факторов «В», характеризующих политические цели и задачи правящей элиты (рис. 19).

Понятно (и видно на рисунке), что на формирование целей и задач влияют не только ценности и интересы либерализма, но и реалии МО (факторы «Б») и имеющиеся ресурсы (факторы «Б»), однако именно система ценностей и интересы правящей элиты являются базовым фактором, чье влияние, безусловно, доминирует. При этом следует понимать, что как ценности, так и интересы не являются постоянными, статичными. В том числе и либеральные ценности, и интересы в XXI веке, которые претерпели существенные изменения.

Выбор политических целей и определение основных средств их достижения является сутью стратегии. Война как главное средство обеспечения доминирования либеральной системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, стала достаточно новым явлением в стратегии западной (либеральной) ЛЧЦ, которая исторически стремилась использовать экономическую, финансовую и торговую

экспансию, обращаясь к военной силе, в крайнем случае. В XXI веке, похоже, что наступил именно такой «крайний случай», ибо финансово-экономическое влияние западной ЛЧЦ стало существенно слабеть. Поэтому важно понимать, что либерализм, как идеология и политика в XXI веке, радикально отличается от изначального, традиционного, либерализма XVIII–XX вв., к которому многие привыкли, сохраняя, тем не менее, единственный общий и имеющий для России значение знаменатель — неприемлемость для русской цивилизации и государства. Не вдаваясь в детали и частности отличия либерализма XX и XXI веков, для нас важно обратить внимание на современную внешнеполитическую часть доктрины либерализма западной ЛЧЦ[67], которая сводится, на мой взгляд, к следующим основным положениям:

— защите в глобальном масштабе системе ценностей западной ЛЧЦ, которым придается «универсальное», общемировое значение, в том числе и прежде всего с помощью военной силы. Более того, «продвижения» и навязывания этой системы ценностей в выгодном для лидеров западной ЛЧЦ понимании;
— отказ от признания суверенитета других государств и возможность навязывать им свою волю как важнейший принцип новейшей внешнеполитической доктрины либерализма. Приоритет придуманных норм международного права в их западно-либеральном толковании — лишь один из приемов обоснования этого принципа;
— защита всеми средствами и способами, включая военные, созданного мирового порядка и его институтов, состоящего из выгодных для западной ЛЧЦ подсистем:
  — финансово-экономических;
  — военно-политических;
  — гуманитарных;
  — морально-нравственных и др.
— формирование такой системы и норм международного права, которые будут подчинены и соответствовать системе ценностей и интересам западной ЛЧЦ, а также соответствующих международных институтов, защищающих эти международные нормы.

---

[67] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО–Университет, 2012. Т. 2.

Война, как известно, — высшая форма социально-политического кризиса в отношениях между государствами и акторами в мире. На рубеже 2014–2015 годов Россия столкнулась с таким очевидным внешнеполитическим кризисом в отношениях с Западом, с одной стороны, и с внутриполитическим кризисом национальной идентичности, необходимостью выбора модели развития государства, экономики и общества, в т.ч. между укреплением суверенитета и его окончательной потерей, — с другой. Оба эти кризиса в своей основе являются политико-идеологическими (как и мировой кризис 2007–2013 гг.). И оба эти острейших кризиса решающим образом, но по-разному, оказывали влияние на формирование в 2013–2015 годах международной и стратегической обстановки в мире, в Евразии, и в России. Другими словами в основе этих кризисов лежит идеология, точнее, — неприятие многими нациями в мире, включая Россию, «господствующей» и «единственно правильной» идеологии западной ЛЧЦ — либерализма. Этот мировой кризис похож на «слоеный пирог»: на самой поверхности виден финансово-экономический кризис, который уходит вглубь кризиса производственного и технологического, вытекающего из политико-идеологического и цивилизационного кризисов. Их частные проявления, «протуберанцы» — войны и конфликты, — ставшие характерной особенностью этого кризиса XXI века. Их локальный или даже региональный характер не должен никого обманывать — такие частные военно-силовые «всплески» на самом деле отражают тектонические изломы столкновения локальных человеческих цивилизаций. В конечном счете, споры вокруг продолжающегося с 2007 года мирового кризиса все чаще приводят к изменению формулировка вопроса «Будет ли война?» на вопрос «Когда она начнется?». Наконец, как бы этого не хотелось признавать, правильным будет более точный вопрос: «Когда война началась?» и «Кто реально, в действительности, воюет друг с другом?»

Ответы на эти вопросы могут лежать в анализе современной международной обстановки и ее конкретной военной части — стратегической обстановки, и отношений между локальными человеческими цивилизациями[68]. Военно-силовое противоборство и военно-техническая политика, в отличие от политической ри-

[68] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

торики и даже экономических трендов, очень конкретны и количественно легко измеряемы. Численность ВС, количество ВиВСП, интенсивность боевой подготовки, наконец, активность специальных служб, манёвры, спецоперации и т.п. действия показывают не только направленность политики, но и неизбежно демонстрируют ее подлинный, а не мнимый или декларируемый характер.

Но даже такой прикладной анализ СО, характера конфликтов и войн не может быть однозначным по той причине, о которой много говорилось выше — влияния субъективного фактора в политике и сознательного искажения действительности. Приведу пример: в начале XXI века продолжаются споры относительно численности участвовавших в Бородинском сражении 1812 года русских и французских войск, количестве погибших, в том числе офицеров и генералов (!), раненных, оставшихся резервах и пр. Порядка 50 ведущих историков по-разному дают оценки включая самих участников. Так, Наполеон, говорил и о 80 тыс. французам, противостоявших «250 000 русских орд», и о соотношении 130–150 тыс. И это при том, что по поводу этого сражения написаны сотни книг, имеются тысячи документов, памятников и воспоминаний, а «политическая целесообразность» не заставляет подгонять факты.

Оценка СО и МО в XXI веке не проще, а сложнее, чем в начале XIX века в силу ряда объективных и субъективных причин. Прежде всего — множества появившихся новых факторов, которые лишают такую оценку однозначности. Они не могут быть однозначными и простыми — «Да» или «Нет». Характер современной МО и СО изменился настолько, что все традиционные положения о характере того или иного сценария и будущем развитии МО и ВПО требуют коренного пересмотра[69]. Именно поэтому резко возрастает роль идеологии, в частности формирования концепции, гипотезы, наконец, теории и отношения, как избранной системы взглядов, т.е. опять же идеологии.

Не следует думать, что в общественных науках вообще, а в международной и военно-политической, в частности, «упрямые факты» и «объективные истины» будут все определять. Напротив,

---

[69] *Подберезкин А. И.* Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

вопреки научным представлениям и логике, решать будет **позиция, отношение**, сформированные заранее, т.е. опять же идеология, и те конкретные люди, носители этой идеологии, которые будут принимать решения.

Применительно ко второму десятилетию XXI века сказанное означает, что с точки зрения господствующего вида либеральной идеологии XXI века западная ЛЧЦ во главе с США **уже сформировала** свое отношение к существующей и будущей МО, и в т.ч. с точки зрении усиления значения военной силы, которой возвращена главная роль во внешней политике. Остальное — детали. Так, в частности, современный сценарий развития МО и вытекающая из него СО и характер современной войны (в отличие от еще недавнего времени) характеризуются следующими (деталями) особенностями[70]:

— современные конфликты и войны уже являются основным политическим средством либерально-западной ЛЧЦ для того, чтобы сохранить контроль над мировой обстановкой с помощью силы и, в т.ч. прямого вооруженного насилия. Эта главная цель — определяет характер и политическое содержание современных военных конфликтов и войн;
— войны и военные конфликты XXI века носят, как правило, **цивилизационно-идеологический характер**, даже если речь идет о внутренних войнах и конфликтах. Это означает, что система ценностей и интересы ЛЧЦ во многом, даже в основном, предопределяют внешнюю и военную политику государств и других акторов на международной арене, а сделанный ими цивилизационный выбор — предопределяет политическую позицию и участие в коалициях. Так, выбор Черногории в пользу ЕС и НАТО сделал ее участницей кампании антироссийских санкций в 2015 году;
— современные войны и конфликты могут быть (и, как правило) **не привязаны к конкретной дате** и прочим международно-правовым формальностям (включая дипломатическим). Войны начинаются, идут и заканчиваются без объявлений, решений, конференций и прочих традиционных атрибутов, характер-

[70] На этот счет в последнее время стало говориться немало. В частности: *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2-х томах. — М.: Синергия, 2013.

ных для прошлых веков. Соответственно и формирование МО и ВПО происходит и будет происходить все менее формализовано. Западная ЛЧЦ будет стремиться к тому, чтобы международно-правовая система (в т.ч. безопасности), а также международные институты, соответствовали ценностной системе и интересам западной ЛЧЦ, либо не мешали. Это означает, что возможны только два варианта их развития с точки зрения идеологии западной ЛЧЦ:

— эволюции в развитии системы и институтов в нужном для западной ЛЧЦ направлении (например, расширении членства Совета Безопасности и ликвидации права «вето»);
— деформации и ликвидации элементов этой системы и институтов (например, договоров по ПРО, ДОВСЕ, или трансформации ОБСЕ).

Современные войны чаще всего и в дальнейшем, все меньше будут связаны международно-правовыми формальностями. Объявлять войну, как прежде, невыгодно в информационно-пропагандистском и международно-правовом аспекте. Наоборот. Выгодно сознательно и заранее формировать «ложную» виртуальную реальность и затем «под нее» подгонять действительность. Собственно это уже стало правилом, устойчивой тенденцией, сформированной во время войны с Югославией и Ираком. США, например, ни разу за последние десятилетия не объявляли войны, хотя и участвовали, и развязывали десятки войн и конфликтов[71], заранее объявляя «врагов человеческой цивилизации» в качестве целей войны;

— современные войны и вооруженные конфликты **не определяются конкретными средствами** ведения войны. Конечно же, остаются традиционные представления о ВиВСТ для Сухопутных сил, ВМЧС и ВВС, но они все менее определяются родами и видами ВС. Так, созданные 1 августа в России Войска воздушно-космической обороны (о необходимости, создания которых я писал за 3 года до этого), по сути, объединяют не только ВВС, ПВО и ВКО, но и в будущем должны будут включать РВСН[72].

---

[71] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[72] *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона М.: МГИМО–Университет, 2013.

Кроме того, к современным ВиВТ могут относиться не только ОМУ, но и нелетальные, а также даже гражданские средства ведения борьбы: биты, дубинки, взрывпакеты, петарды и т.д. — все то, что может быть использовано в асимметричном конфликте»;

— войны и конфликты **не определяются прежними (традиционными) политическими и военными целями**: уничтожением ВС противника, оккупацией его территории, занятием столиц, контрибуциями и т.д. Сегодня главная политическая цель войны — заставить правящую элиту делать то, что необходимо победителю, сохранив ей (при необходимости) все атрибуты и внешние формальные признаки льготы и доходы власти, но лишив ее реального суверенитета, который определяется способность управлять. Многие современные государства, например, включая развитые, уж не обладают реальным фактическим суверенитетом, но сохраняют все внешние его атрибуты;
— войны **не характеризуются** исключительно военными способами ведения противоборства и достижениями собственно военного искусства. Вооруженная борьба становится нередко достоянием отдельных социальных групп и гражданских слоев населения и организаций, которые ведут ее по-своему», нетрадиционно. Это очень, хорошо было видно на примере военного конфликта на Украине, где собственно военное искусство было сведено к тактике управления отдельными батальонами, в разных случаях, бригадами;

и т.д. и т.п.

В силу этих и других качественных изменений в анализе МО и СО, войн и конфликтов требуется попытаться по-новому, в том числе с разных углов зрения объяснить развивающуюся международную ситуацию, которая стремительно меняет традиционные представления о МО и ВПО, сложившиеся в последние десятилетия. В частности, если прежде военно-политическая обстановка нередко была частью международной обстановки на протяжении длительного мирного периода времени, а стратегическая обстановка возникала как «частный случай» войны или военного конфликта, то сегодня мы наблюдаем феномен, когда СО изначально становится составной частью современной МО, т.е. вооруженная борьба в том или ином виде присутствует и планируется всегда. Причем не только в форме информационной или кибервойны,

но и в форме прямых военных действий, которым, естественно, стараются не придавать до поры публичного характера. Это отчетливо просматривается, например, во всех современных стратегиях национальной безопасности США.

Сегодня нужно изначально признать необходимость критического анализа предыдущего опыта и «авторитетов» в политике и военном деле для того, чтобы добиться эффективной политики в будущем. В том числе и самых «неоспоримых». Так, с последней четверти XX века и до начала второго десятилетия XXI века многие ведущие политики и эксперты в России вообще не рассматривали вообще всерьез (более того, мешали это делать другим) сценарии и прогнозы усиления конфронтации России с Западом до уровня военных конфликтов и войны (а некоторые «эксперты» отказываются делать это и теперь). Можно сказать, что целое поколение политиков, ученых и экспертов (не говоря уже об «общественных деятелях») сделало себе имя карьеру и положение при Брежневе — Горбачеве — Ельцине — Путине, утверждая «невозможность войны» и конвергенцию интересов, т.е. фактический отказ от системы национальных интересов и ценностей. «Советский Союз распался не в декабре 1991 года, а в декабре 1988 года, когда в выступлении Михаила Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН прозвучало: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес»[73].

Фактически еще при М. Горбачеве и А. Яковлевы были запрещены любые исследования, анне только публикации, направленные на трезвый анализ МО под предлогом «деидеологизации». Любая попытка такого анализа рассматривалась как «антиперестроечная», «не соответствующая линии партий».

Разве что такой закрытый анализ происходил в тех специальных структурах, где были вынуждены разрабатывать сценарии «на все случаи жизни» или у отдельных политологов[74], хотя уже после конфликта на Кавказе в августе 2008 года стало ясно, что могут получить развитие самые разные военные сценарии отношений с Западом.

---

[73] Цит. по: *Воронин С. А.* Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015. — С. 4.

[74] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение. 2011.

Реалистические варианты развития МО даже не рассматривались, а их авторы сознательнодоставались на периферии общественно-политического внимания. «Либеральная парадигма» существовала в исторической России с очень древних времен, вполне выживая и при монархах, и при коммунистах. Абсолютное большинство современных «экспертов» — политиков, комментаторов и журналистов — вполне успешно существовали при Советской власти (даже в ЦК КПСС), при М. Горбачеве, — в период пропаганды «общечеловеческих ценностей», при Б. Ельцине, — при «демократах». Существуют они и сегодня — в Государственной Думе, Совете Федерации, Администрации, Правительстве, — причем, вполне успешно. Это необходимо иметь в виду, так как ресурс влияния и приспособления этих представителей элиты — огромен.

Противоположные сценарии усиления противоборства (которые в том числе предлагались и мною в 1980-е — 1990-е годы) даже всерьез не рассматривались, хотя эти сценарии, как оказалось, не такие, уж, «далекие» и не такие, уж, «невероятные». Более того, в моем случае существовала явная запретительная цензура в самом либеральном ИМЭМО РАН, где мне были запрещены некоторые публикации. В этом смысле либерализм и свобода слова отнюдь не синонимы.

Можно сказать, что процесс «протрезвления» и отхода от наивного либерального западничества во внешнеполитическом и военном мышлении российской элиты стал ускоряться в начале XXI века под влиянием западной ЛЧЦ, хотя еще далеко и не закончился. Это объясняется не глупостью или умом отдельных представителей либеральной правящей элиты, а их личной аффилированностью с интересами западной ЛЧЦ: там, где такая вовлеченность была глубока, началось примитивное бегство на Запад (В. Гусинский), где она была меньше — вывод капиталов, где еще меньше — приспособление к реалиями. Это, освобождение от либерализма, естественно, сопровождалось неизбежными практическими усилиями в области укрепления обороноспособности, реанимации ОПК и возрождения военной науки[75], т.е.

[75] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

признанием объективных интересов государства. Но — приходится признать, — что эти усилия по «возвращению государства» развиваются еще в русле старых внешнеполитических и военных парадигм, сформированных в 1980-е годы и последующие десятилетия. Политического отказа от прежнего либерального курса так и не произошло. Отход от него похож на медленную эволюцию, движение в верном направлении, а не на смену идеологических и политических парадигм, хотя в события на Украине показали, что требуется именно это. В отличие от М. Горбачева и Б. Ельцина В. Путин явно не является сторонником качественных, революционных изменений, запаздывая в своих решениях на несколько лет. Даже вполне конкретные и заметные усилия в области реализации Государственной программы вооружений РФ несут в себе характеристики, которые вполне вписываются в рамки прежних парадигм и уже не годятся в условиях фактически ведущейся против России войны[76].

Осознание того, что западный политический либерализм предпринял в начале XXI века решительно наступление с целью подчинить себе окончательно остальные ЛЧЦ, — не произошло еще в мире. До сих пор еще не произошло осознание того, что борьба между двумя основными течениями либерализма — капитализмом и коммунизмом — в XXI веке закончилась не просто победой капитализма, а укреплением либерализма как такового, который воспринимает остальные идеологические и религиозные доктрины и системы враждебно. Ни о какой «политической толерантности» в идеологии либералы говорить не в состоянии. Тем более о нормах, реально гарантирующих эту толерантность. Так же, как либерализм воспринимал чужие нормы и идеи враждебно за всю человеческую историю. Либерализм не может сосуществовать с другими системами ценностей в мире — религиозными, цивилизационными, национальными. Он должен принудить их носителей подчиниться себе. Не случайно римский папа Пий IX был очень категоричен, когда — еще в 1864 году в своей книге «Перечень наиболее важ-

[76] См., например: Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации: аналитич. доклад / Центр анализа стратегий и технологий. М. 2015.

ных заблуждений нашего времени» причислял к этим заблуждениям либерализм, отделение церкви от государства и взгляд на государство как источник права[77].

Сторонники другой, государственнической, точки зрения (в том числе и автор этой книги) считают, что события на Украине стали одним из очередных звеньев не только неизбежно нарастающей конфронтации между двумя ветвями христианской цивилизации — локальными цивилизациями Запада и Востока, между либерализмом, а традиционализмом, но и внутри правящих элит этих ЛЧЦ. Эта нарастающая конфронтация внутри правящей элиты России, таким образом, стала следствием либеральной доктрины Запада, поставившей цель сохранить за собой глобальный контроль над сложившейся финансово-экономической и политической, а также ценностной системой и глобальными процессами в мире военными средствами, где либеральная часть правящей российской элиты стала фактически **военным союзником** западной ЛЧЦ уже не только в идеологическом, но и политическом аспекте.

Применительно к современной части правящей российской элиты это означает, что эта часть уже превратилась в инструмент чужой политической воли и силовое средство политики оппонента. Причем эта констатация, применительно к сегодняшнему дню, означает признание не только политического предательства, но и откровенной измены в условиях военного времени, когда нахождение в системе управления (а тем более военной организации) таких лиц недопустимо.

---

[77] Воронин С. А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: «Школа великих книг», 2015. — С. 4.

8.7. Российская либеральная элита и война

… сама констатация кризиса… не решает проблемы. Очевидно, что … требуется радикальное изменение самой базовой концепции…, а, следовательно, и ее методологической парадигмы[78]

Для России напишут новую стратегию развития — до 2030 года[79]
О. Кушинова

Ключом к пониманию наукой эффективности всех российских стратегий и решений является осознание того, что значительная (либеральная) часть правящей элиты сознательно противодействует их реализации. Речь идет даже не о саботаже, а о прямом противодействии.

Уже говорилось, что главная политическая цель современной войны заключается в том, чтобы принудить правящую элиту противника действовать в рамках системы ценностей и соответствовать интересам нападающей стороны. Применительно к современному состоянию МО это означает, что западная ЛЧЦ стремится, прежде всего, заставить правящую элиту России действовать в ее, либерально-западнических интересах и в соответствии с ее интересами. Очевидно, например, что такие интересы предполагают раздел территории и ресурсов России в будущем, как это было всегда, начиная с раздела Македонии римлянами во II в. д.н.э. на четыре региона, которым запрещалось даже торговать друг с другом (постоянное падение объемов торговли России с Украиной и другими частями бывшей советской империи наглядно иллюстрирует современную актуальность этого примера)[80].

Эта конфронтация между ЛЧЦ стала реакцией части правящей элиты России на растущей откровенный гегемонизм Запада, угрожающий существованию суверенитета и непосредственно самой российской нации. Не только одной части элиты, тогда как

[78] *Нариньяни А. С.* Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм / Вопросы философии. 2011. 22 февраля / http://vphil.ru

[79] *Кувшинова О., Лютова М.* Для России напишут новую стратегию развития до 2020 года / Ведомости. 2015. 21 июля.

[80] См. подробнее: Всемирная история войн. — М.: АСТ, 2006. — С. 56.

другая, либеральная, отнюдь не считает себя находящейся в состоянии противоборства. Получается как в борьбе, когда у одного из противников одна рука и нога не просто не задействованы, а помогают врагу.

К началу второго десятилетия конфронтация между ЛЧЦ уже фактически вылилась в силовую внешнюю политику, которая совершенно по-новому сформировала МО и ВПО в мире. События в Северной Африке, Сирии, а затем и на Украине это лишь подтвердили. А именно, когда собственно подготовка войны и формирование необходимой для международной обстановки СО изначально сопровождается параллельно достаточно активными силовыми и даже вооруженными действиями[81]. Так, как она 25 лет сопровождалась на Украине, в Прибалтике, Польше и бывших республиках СССР.

Можно сказать, что внешняя политика США и Запада в XXI веке перешла из одного своего качества в другое, а именно: из качества общепринятой силовой политики в качество политики вооруженного насилия (которой обычно, в «нормальных условиях», страны пытаются избегать), когда граница между вооруженными способами и «просто» силовыми способами достижения политической цели фактически исчезла. Произошла смена политических парадигм, но произошло это вслед за сменой идеологических парадигм. Проблема в том, что далеко не все это заметили, а те, кто даже и заметил, — захотели это публично признать. Именно это и произошло в российской правящей элите, где значительная ее либеральная часть сделала вид, что ничего радикального не произошло, а другая либеральная часть по привычке быстро «встроилась в новую линию партии».

По сути же дела в мире была официально утверждена новая политическая модель поведения США, которую Б. Обама назвал в февральской (2015) речи, посвященной «Стратегии национальной безопасности США», «…моделью американского лидерства, основанного на экономических и технологических преимуществах и ценностях американского народа»[82], т.е. — для тех, кто не понимает

---

[81] Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[82] Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

в России, — на идеологическом лидерстве. Модель, которую США готовы защищать и продвигать силой, включая военную силу. Иными словами политическая доктрина либерализма стала изначально предполагать одностороннее применение силы в международных отношениях не только против отдельных (террористических) организаций, но и суверенных государств и наций, исходя из своих идеологических предпочтений. Более того, такое применение силы, в соответствии с новой либеральной доктриной, предполагает не простое военное поражение того или иного государства, но смену в нем всей системы ценности, а если необходимо, — замену правящей элиты на ту, которая будет соответствовать их представлениям.

Хотят это признать или нет, но к правящим элитам других государств западная ЛЧЦ во главе с США предъявляет набор жестких требований, несоответствие которым влечет за собой целый набор санкций — от экономических и финансовых ограничений (как в случае с Россией) до демонстративного и цинично-жесткого уничтожения членов правящей элиты и даже их семей (вспомним Чаушеску, Хусейна, Каддафи и пр.).

Фактически, любые силовые действия (даже чисто экономические) стали официально признаны одной из легальных форм вооруженного насилия, составляя единую внешнеполитическую стратегию западной ЛЧЦ, в основе которой лежит либеральная доктрина. Военная сила формально и официально вновь, как и в период холодной войны, стала главным инструментом американской внешней политики, который используется по своему усмотрению, и в самых разных целях. Как, например, на Украине. Как заявил по этому поводу еще в октябре 2014 года С. Лавров, «Наши партнеры, которые фактически ввели санкции, не скрывают, что цель этих мер — не Украина. По сути, в их заявлениях и поступках постоянно сквозит истинная цель рестрикций — переделать Россию, изменить ее позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада. Это прошлый век, прошлая эпоха, колониальное инерционное мышление»[83].

В основе изменения такого подхода США к военной силе лежит осознанная политика отказа от признания объективных, но

[83] Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / http://itar-tass.com/politika/1517691

неудобных мировых реальностей, а именно того, что мир в XXI веке уже вступил в эпоху «фазового перехода», множества качественных изменений, одним из которых является ликвидация однополярности и монополии на власть США, а либерализма — как единственно верной доктрины. Осознание и признание этого факта — объективная необходимость, — альтернатива которой только одна — попытка военной силой остановить эти качественные, революционные изменения в мире. В том числе в политической идеологии, и среди носителей этой идеологии в элите, хотя это и противоречит всем законам.

К сожалению, именно это и произошло в американской политике, что неизбежно будет вести к обострению противоборства в будущем. Именно эта политическая альтернатива сегодня стала господствующей во внешней политике США. И не таким, уж, неожиданным. Как очень точно описал ситуацию бывший начальник департамента внешнеполитического планирования МИД РФ А. Крамаренко, «Этот уход от действительности, который, возможно, не столь институционализирован, как это было в случае с Австро-Венгрией, все же является врожденной характеристикой американской политической элиты. И здесь опять, похоже, поперек стоит Россия. Как писала об иллюзиях Вирджиния Вулф, «тот, кто отнимает у нас наши мечты, лишает нас жизни». Том Грэм (в своей статье в газете «Интернешнл Геральд Трибюн», как она тогда называлась) объяснил, почему Россию винят во всех бедах Америки. Предполагалось, например, что мы «должны признать свое предполагаемое поражение в «холодной войне», которое является полным лишь тогда, когда потерпевшие поражение **воспринимают внутреннюю и иную политику своих победителей** (т.е. капитулирует идеологически. — *А.П.*). То есть отказываются от своего неотъемлемого права на свободу решать за себя и, в итоге, на свободу мысли». Луренс Фридман в своей книге объясняет эту интуитивную приверженность Запада простым понятиям, не идущим дальше элементарной математики. Порочность этой привязанности (к простым понятиям. — *А.П.*) мы доказали в 1812 и 1945 гг. Почему сейчас должно быть иначе?[84].

[84] Александр Крамаренко: Ответ Стивену Сестановичу / Эл. ресурс: «Официальный сайт посольства России в Великобритании». 2014. 18 ноября.

Иными словами, политическая элита России должна была, по мнению США:

— окончательно проиграть в «холодной войне»;
— полностью признать свой проигрыш и победу США;
— воспринять систему ценностей и интересы своих победителей.

Именно на этом, третьем этапе осознания результатов «перестройки» и «реформ», похоже, часть либеральной правящей российской элиты окончательно поняла, что ее система ценностей и интересы не полностью тождественны с западно-либеральной. Если на первом этапе осознания своей роли правящая либеральная элита СССР–России уже разделилась (по моим оценкам, только 30% ее представителей оказались готовы «окончательно проиграть», т.е. пойти на все уступки, западной ЛЧЦ, и еще меньше — «полностью признать» свое поражение, то сменить свою систему ценностей — не более 15% правящей российской элиты. Но и эта доля — не такая, уж, маленькая, если учесть, что представители этой доли занимают ключевые должности в финансах, экономике и медийной сфере России.

Начало второго десятилетия XXI века, таким образом, объективно означает завершение периода относительно мирного господства США, основанного на идеализированной либеральной доктрине и экономическом и политическом могуществе, который вызвал определенную «стратегическую паузу», с одной стороны, и начало периода открытого военного реванша со стороны США, — с другой. Реванша, прежде всего, военно-силового. Не случайно, поэтому, что в конце 2014 года именно Б. Обама заявил, что ему «удалось вернуть мировое лидерство США», подразумевая, что с помощью военной силы ему удалось резко обострить МО и повысить уровень конфликтности.

Второе десятилетие, на мой взгляд, — именно тот период, когда США показали, что не готовы отказаться от выгодной для них политической монополии на военную силу и власть в условиях изменения глобального соотношения сил. Это означает, что для США и Запада в целом по сути дела стало неважно какими способами заставить правящую элиту Россию принять навязываемые ей «правила игры» и поведения в мире, которые отводили ей роль управляемой извне страны. Когда речь идет о готовности использовать любые средства это означает только одно: готовность

использовать, в том числе любые военные средства. В том числе и против представителей правящей элиты. Причем в массовом, я бы сказал, тотальном масштабе. Финансовые, экономические, иные санкции — как демонстрируют США — могут быть только началом полномасштабного процесса санкций против самых разных представителей правящей элиты: политической, промышленной, финансовой, гуманитарной, спортивной и пр. Причем границы, которые обозначаются для элиты, могут расширяться. В «список» может быть включено 100, 1000, 1000 и даже миллионы представителей элиты и самых широких слоев общества. Эскалация санкций против элиты и расширение перечня до бесконечности создает в новых условиях политической борьбы исключительные возможности для давления и шантажа. И либерализм, как идеология и политика, всю свою историю оправдывал это.

Спектр этих средств в наше время не просто достаточно, но чрезвычайно широк. По сути дела границы между военными и мирными средствами уже не существует, а значит нет и границы между войной и миром. Нет четкой границы между МО и СО, что, конечно же, требует своего политического признания, ибо находится далеко от традиционных политических представлений о политике, дипломатии и войне. Прежде всего, потому, что либеральная доктрина — как набор ценностей, идей и концепций — стала сама уже таким же оружием. Когда Б. Обама говорит о том, что будет защищать права секс-меньшинств на однополые браки во всем мире, — речь идет именно об этом.

Достижение Западом заявленной политической цели — сохранение полного контроля в мире (естественно, «в интересах свободы и торговли») — означало бы окончательную капитуляцию нашей страны, равноценную полному политическому и военному поражению. Хуже того: этот результат означал бы смену системы ценностей, подмену национальных интересов и замену правящей элиты на ту, которая будет «воспринимать систему ценностей победителей». Эта капитуляция должна была бы зафиксировать формальное международно-правовое положение, которое сохраняет новое соотношение сил в мире в XXI веке, сложившееся в 90-е годы XX века.

Но не только. Она должна означать формальное признание российской элитой и обществом господства политической воли и идеологии Запада. Что выглядит не так, уж, и фантастично, ведь

именно это в своей массе и произошло на Западе. Не случайно С. Лавров выразил надежду, что сейчас западные страны осознали «пагубность нынешнего курса, направленного на то, чтобы наказывать Россию». «Нет никакого результата, потому что они хотят изменить нашу позицию, — сказал он. — Но в какую сторону? Нам говорят — „если вы поможете урегулировать кризис на Украине, мы отменим санкции; давайте мы вам выставим критерий: сделайте один шаг, обеспечьте, чтобы ополченцы пустили наблюдателей на границу с Россией". Мы отвечаем очень просто — никакие критерии и условия такого рода выполнять и согласовывать не будем»[85].

Таким образом, можно констатировать, что в начале XXI века произошла радикальная корректировка, фактически смена парадигм либеральной доктрины Запада: силовая политика этой ЛЧЦ по отношению к России переросла в откровенную и публичную политику вооруженного насилия, в которой отчетливо присутствовали элементы шантажа, угроз и прямого применения военной силы. Прежде всего, сателлитами Запада в Европе. Созданные за последние годы в интересах Запада неформальные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские организации стали массово использоваться против интересов безопасности России уже не только на периферии России — на Кавказе и Средней Азии, но и на ее европейской части. По сути дела нападение на юго-восточные регионы Украины стало нападением на Россию, что хорошо понимали на Западе, но всячески, подчеркивая независимость Украины, представляли это как украинский конфликт, в который вмешивается Россия. Тем самым уровень и масштаб войны против России искусственно снижался до рядового регионального вооруженного конфликта, чьи последствия долго скрывались, а масштабы — уменьшались. Этот факт позволяет снизить политические издержки для правящих элит не только Украины и России, но и всей западной ЛЧЦ, уменьшить масштаб военной угрозы до приемлемого уровня опасности.

Происходит своего рода игра, когда правящие элиты скрывают от общественности масштабы угроз, вытекающих из своей деятельности, не называя вещи своими именами и не давая им

---

[85] Александр Крамаренко: Ответ Стивену Сестановичу / Эл. ресурс: «Официальный сайт посольства России в Великобритании». 2014. 18 ноября.

четких определений и характеристик. Эта игра на «убаюкивание» элит ведется, естественно, по договоренности, когда все стороны сознательно занимают масштабы и уровень опасности: кто-то на 70%, а кто-то — на 150–300% или даже больше. Этот процесс обратно пропорционален уровню ответственности правящих элит — чем больше ложь, «убаюкивание», тем меньше ответственность.

Но это только до определенного предела. В правилах, разработанных для правящих элит, существует «красная черта», переступать через которую нельзя. И именно эту «красную черту» можно двигать так же свободно, как и оценки угроз: важно, чтобы это было сделано в соответствии с договоренностями, желательно без видимого обмана. Это процедура объясняет во многом, например, логику «минских договоренностей», которая внешне абсолютно нелогична, противоречива и откровенно строится на обмане.

Незаметно, для мирового общественного мнения, но на Украине произошло главное: новая либеральная доктрина стала носить откровенно антинациональный характер. Военная сила в полномасштабном формате стала применяться против русских и России, т.е. началась прямая война с Россией. И не важно, что вооруженные силы Украины не состояли из профессиональных военных США и НАТО, а из бывших военных. Они управлялись, т.е. действовали в интересах и подчинялись руководству США и НАТО, в соответствии с нормами и правилами новой, асимметричной войны. Проще говоря, во втором десятилетии XXI века на Украине война против России фактически началась, хотя формально ее никто и не объявлял. Впрочем, США только в последнее десятилетие воевали более 10 раз против 7 государств, не объявляя войны, а Б. Обама в августе 2015 года даже признался, что отдавать приказ бомбить другие государства 7 раз за свое президентство. Наглядный пример военных действий США против ИГИЛ, которые велись с августа 2014 года, но письмо к конгрессу США об их санкционировании было направлено только через 6 месяцев, а ответ не получен до конца 2015 года. Этот атрибут — объявление войны — стал, как уже говорилось, устаревшим атрибутом военной истории прошлого, как и многие другие особенности традиционной войны.

Вместе с тем вряд ли можно смириться с ситуацией, когда из-за лицемерия страха и обмана элиты, мы не знаем, что нас ждет в будущем, к чему готовиться. Тем более что готовиться «ко всему»,

готовиться отражать «все угрозы» просто невозможно по политическим и экономическим соображениям. Необходимо в конечном счет выбрать некие сценарии и их варианты, обосновать их, и попытаться добиться их реализации. Собственно эта работа и является одной из таких попыток, которую можно назвать попыткой «сценарного программирования» внешней и военной политики России в XXI веке, опираясь на анализ множества факторов формирования международной и военно-политической обстановки в мире и в Евразии[86], а не позицию (и ее анализ) правящих элит.

В настоящем исследовании, не исследуется собственно либеральная доктрина и позиция элиты. Она предполагает более конкретный, и даже прикладной стратегический прогноз развития наиболее вероятных сценариев МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу, где, естественно, не обойтись без обсуждения теоретических вопросов, которые в той или иной степени выступают обоснованием прогноза.

---

[86] *Подберезкин А. И.* Евразийская система воздушно-космической обороны (ЕвразВКО) М.: МГИМО–Университет, 2013; *Подберезкина А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014; *Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО–Университет, 2014; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015; Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад / А. И. Подберезкин [и др.] М.: МГИМО–Университет, 2014 и др.

Глава IX
Идеология правящей элиты как важнейший субъективный фактор формирования международной обстановки в XXI веке

Цивилизационный фактор становится все более нарастающей силой… мы сегодня находимся на этапе первоначального осмысления этого процесса и на стадии первичного осмысления самими цивилизациями своей геополитической субъектности[1]

А. Владимиров,
военный эксперт

Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером[2]

Б. Обама,
президент США

Идеология, как система определенных взглядов, изначально предполагает выбор той или иной системы ценностей, представлений и идей, точнее — систем идей и ценностей тех или иных наций и ЛЧЦ, находящихся в постоянном противоборстве[3]. На этот счет написано очень много, но для нас важно, что это постоянное противоборство вытекает из сути самой идеологии, которая является системой концептуально оформленных идей, выражающих:

— **интересы** тех или иных наций, локальных цивилизаций, классов, социальных групп, отдельных людей. Эти интересы изначально не могут совпадать, как и их вторичные проявления — потребности[4]. Так, интересы и потребности европейцев;

---

[1] *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны. В 2-х частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Университет Синергия, 2013. — С. 49.

[2] *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

[3] См., например: Философская энциклопедия / Идеология / http://dic.academic.ru/dic.nsf…

[4] Краткая российская энциклопедия. — М.: БРЭ, «Оникс 21 век», 2003. — С. 995.

проживающих на севере и юге, не совпадают. Тем более они не совпадают с интересами и потребностями граждан других стран, цивилизаций и континентов;

— **мировоззрение и идеалы**, системы ценностей и их приоритеты различных субъектов и акторов мировой политики — ЛЧЦ, наций, партий, социальных групп и т.д.;

— **форму** сохранения (или изменения) существующей системы МО или государства и общества — политическую, правовую, философскую, нравственную и т.д.[5]

Совпадение интересов (потребностей), мировоззрений, идеалов, приоритетов и форм их реализации невозможно в принципе. Поэтому в практических, политических целях важно определить, где средства обеспечения этих интересов и ценностей угрожают (в т.ч. в военном плане) тому или иному субъекту или актору МО. В этом случае каждый раз возникает проблема адекватной оценки объективных и субъективных реалий, формирующих МО. Так, если объективные интересы и потребности ЛЧЦ, нации, государства и даже основных социальных групп можно выделить и проанализировать, то субъективные интересы и потребности правящей элиты того или иного государства анализировать (а тем более прогнозировать) крайне трудно. Они идеологичны, субъективны и зависят от множества, в т.ч. неизвестных факторов, но именно они с политической и военной точек зрения имеют особенно важное значение, ибо отражают реальную политику; в конце-концов для других субъектов МО не столь уж и важно, насколько объективны потребности этого субъекта (например, Германии «в жизненном пространстве» в 30-е годы XX века), но очень важно, что этот субъект МО собирается делать в международной и военной политике. А это уже в основном зависит от идеологии правящей в этой стране элиты (в данном случае — нацисткой). Но не только. Разницу между подходами в рамках одной идеологии в одной стране — России — можно проиллюстрировать на следующем примере (табл. 1).

Иначе говоря, состояние, оценка и стратегический прогноз развития МО и ее различных сценариев являются нередко не столько научной, сколько идеологической, а, точнее, — политико-

---

[5] *Хрусталев М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2015.

Таблица 1. Соотношение объективных и субъективных интересов (потребностей) и систем ценностей
(на примере СССР начала 20-х гг. XX в.)

Объективные интересы (потребности) и системы ценностей	Интересы, поднимаемые правящей элитой в начале 20-х гг.	Интересы, поднимаемые правящей элитой в конце 30-х гг.
Национальные интересы:		
— восстановления в естественных границах России до Брестского мира	всемирная революция, экспорт революции, отсутствие границ	восстановление контроля над утраченными территориями в Финляндии, Польше, Румынии
Экономические интересы:		
— расширение производства и торговли	экспорт революции, помощь рабочему классу за рубежом	индустриализация, импорт технологий

идеологической категорией, хотя это утверждение сегодня многими и оспаривается. Это происходит потому, что основываясь в той или иной степени на реальных и объективных фактах и критериях, оценка общественно-политического процесса, а тем более его прогноз, зависят вместе с тем от целого ряда субъективных факторов, которые нередко частично или даже полностью искажают научную картину мира.

В частности, например, можно выделить некоторые из таких важнейших субъективных идеологических факторов, изначально искажающих объективные реалии, характеризующие современную международную обстановку[6]:

— профессиональную подготовку того, кто анализирует и дает оценку этим объективным реалиям когнитивную способность

[6] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

того или иного субъекта к анализу и прогнозу. История человечества знает множество примеров того, как субъективная неадекватность представителей элиты являлась главным двигателем развития международной обстановки. Мы и сегодня, в частности, знаем как не только прежде, но и сейчас, такие оценки даются людьми, которые «по-определению» — профессионально и в силу своих слабых когнитивных способностей — не способны адекватно оценить, то, или иное общественно-политическое явление. Проблема в том, что к власти часто приходят не самые адекватные люди. Их мы наблюдаем ежедневно не только в эфире СМИ, но и на политических трибунах, на кафедрах и т.д. К сожалению, я, например, слишком часто сталкивался за последние 30 лет с такими людьми. В том числе на самом «верху» властной пирамиды. И не только в СССР и России, но и за рубежом;

— сознательно занятая ложная идеологическая позиция, влиявшая на адекватность оценки и принятие решения, которая в современной политической истории России часто встречалась и хорошо известна. Так, по признанию А. Чубайса, приватизация в России делалась исходя из идеологических мотивов[7], а не экономической и социальной целесообразности. Ее результаты для экономики страны хорошо известны, но, то, же самое в полной мере можно сказать и об абсолютном большинстве областей деятельности российской правящей элиты в современной политической истории. М. Горбачев, А. Яковлев и Б. Ельцин имели абсолютно неадекватную политическую идеологию, не соответствовавшую реалиям. К сожалению, не вполне понятна программа и идеология В. Путина, которая очевидно незакончена концептуально;

— существенно искажает реальный анализ изначально известный корыстный, личный, либо корпоративный интерес, который часто присутствует для обоснования той или иной групповой, либо ведомственной позиции. Так, приватизация в министерстве обороны, имевшая место при А. Сердюкове, — представляла собой совпадение личных, корпоративных и ведомственных корыстных интересов, что является отличным примером

[7] *Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. А.* Приватизация и приватизаторы. — М.: 2004.

негативного влияния субъективного фактора на развал ОПК, научных школ и ВС России[8].

Эти и другие субъективные идеологические факторы необходимо обязательно учитывать при анализе, оценке, а тем более прогнозе развития различных сценариев МО, когда требуется дать максимально точную реальную картину мира, которая в минимальной степени зависит от субъективных пристрастий и интересов. Другими словами, идеология не плоха или хороша «сама по себе», а относительно хороша или плоха представленная ею система социально-политических и иных взглядов. Так либеральная идеология, как система взглядов, очень хороша для анализа и прогноза в интересах либеральной (западной) ЛЧЦ. В частности, в феврале 2015 года частная научно-прогностическая корпорация США сделала, безусловно, политико-идеологический стратегический прогноз до 2040 года, в котором подчеркивалось:

— усиление дезинтеграционных процессов внутри Европы и странах ЕС;
— «разлом» России по национальным окраинам (Кавказ, Карелия, Поволжье и т.д.);
— сохранение динамизма в развитии и мирового лидерства США.

Позже, в августе 2015 года, в журнале «National Interest» был опубликован другой политико-идеологический прогноз, основанный на анализе действия «сегментов влияния» США в России. Из этого прогноза также следует углубление кризиса в нашей стране и ее «разлом» уже в недалеком будущем.

Научная обоснованность подобных прогнозов имеет мало значения. Это объясняет то обстоятельство, что они, как правило, делаются неизвестными и частными организациями, естественно, не несущими за такие прогнозы ответственности. Тем не менее, в этих прогнозах видна очевидная политико-идеологическая суть политики западной ЛЧЦ и США в отношении России: дестабилизировать, дезинтегрировать и в конечном счете, уничтожить Россию в качестве суверенного государства. Субъективность таких идеологических систем и прогнозов очевидна, однако пытаться

---

[8] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

их «исключить», «деидеологизировать» идеологию, как предлагал А. Яковлев, — также невозможно. В силу двух основных причин: во-первых, интересы и ценности, идеи, приоритеты должны быть концептуально так или иначе оформлены. Даже если правящая элита (как российская) какое-то время и отрицает эту необходимость.

Во-вторых, эти интересы, потребности, приоритеты и ценности должны быть оформлены в некую систему (концепцию, стратегию, программу и т.п.) с учетом влияния внешних факторов и имеющихся ресурсов. Отсутствие у России идеологии, например, объясняет не только отсутствие у В. Путина внятной национальной программы (которую пытаются регулярно заменить разного рода концепциями и сериями президентских указов), но и соответствующей команды исполнителей, реализующих такую программу. Одно — тесно связано с другим, а именно: самый эффективный инструмент управления — идеология. Именно с помощью этого инструмента подбирается команда и ведется постоянное управление и контроль.

Отсутствие внятной идеологии означает отсутствие системы взглядов, устранения противоречий в интересах и отсутствие системы управления и команды исполнителей. В этом случае доминировать будет одна «неофициальная» идеология, как это было в «деидеологизированной» России в 80-е и 90-е годы XX века, когда в ней господствовала фактически либеральная идеология, как набор несвязанных западнических антироссийских идей. Роль идеологии в анализе и прогнозе МО — исключительно важна. Идеология, как система взглядов, во многом предопределяет не только целые направления в научном и объективном анализе развития государства и общества, но и является важнейшим и изначально самым первым условием точной оценки и стратегического прогноза развития МО в XXI веке. Более того, в условиях развития средств и способов ведения силовой и вооруженной войны в XXI веке идеология сама становится эффективным средством ведения политического противоборства и даже войны, о чем подробнее говорилось ранее[9], а также фактически самостоятельным и влиятельным фактором формирования международной обстановки.

---

[9] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

9.1. Значение исследования идеологии для анализа и прогноза сценариев формирования международной обстановки

Я не предлагаю стройной теории государственного устройства Америки… я размышляю об идеалах и ценностях…[10]
Б. Обама,
Президент США

Буржуазная идеология представляет собой извращенное сознание, затемняющее правильное понимание объективной реальности[11]
К. Маркс, Ф. Энгельс

Исследование развития тех или иных сценариев и вариантов МО и ВПО предполагает, как уже говорилось выше, изучение трех основных объективных групп факторов и субъективной группы факторов, формирующих МО–ВПО, а также возникающих между ними взаимосвязей и взаимозависимости. Это исследование предполагает, что у его автора(ов) уже есть некий научный теоретический и методологический подход, концепция и методы, которые, как правило, объединены в некую общую систему взглядов и идей, т.е. идеологию. Таким образом, идеология сама становится предметом исследования, без чего невозможно системно изучать развитие международной и военно-политической обстановки. Особенно тех взаимосвязей, которые возникают между отдельными факторами, тенденциями и акторами, которые их формируют.

Последняя задача представляется особенно сложной потому, что если анализ развития факторов, мировых тенденций и акторов, формирующих МО, уже достаточно известен и освоен, то взаимодействие между этими факторами представляет собой не только сложный, но и малоизученный системный процесс[12]. Так, например, можно проанализировать как будут развиваться в ближайшие

[10] *Обама Б.* Дерзость надежды. Санкт Петербург. Издательский Дом «Азбука-классика». 2008. — С. 14.

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 3. — С. 167.

[12] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

годы такие факторы, как США и Россия и даже отношения между ними (хотя здесь уже прогноз носит совсем вероятностный характер), но как на эту систему будет влиять развитие фундаментализма и экстремизма — предположить исключительно сложно. Более того, в данном случае допускаются прямо противоположные выводы. Избежать этого можно только при построении некой идеологической концепции, в которой рассматривается взаимодействие всех этих групп факторов, акторов и тенденций.

Так, если вы используете либеральную идеологическую концепцию развития глобализации со всеми вытекающими из нее последствиями, то ваши представления о будущем МО и ВПО будет формироваться под этим углом зрения, а именно удержания лидерства либеральной (западной) ЛЧЦ в мире, в том числе силовым и даже вооруженным путем. Этот идеологический подход может противоречить (и, в действительности, противоречит) объективным потребностям всех ЛЧЦ и научным оценкам, но именно он и будет господствовать при формировании МО. Вот почему бессмысленно изучать только существующие и будущие реалии — важно исследовать **отношение** к ним правящей элиты той или иной ЛЧЦ. Так, для оценки будущей ВПО мало знать сколько и какого качества есть ВиВСТ у того или иного государства, важно понимать, **как** планируется их использовать, **какие** цели преследуются, **какие** ресурсы готова направить правящая элита на достижение этих целей, **чем** пожертвовать и т.д. и т.п.

В СССР почти весь XX век считалось, что в противовес буржуазной идеологии социалистическая идеология есть «сознание научное, правильно раскрывающее закономерности общественного развития»[13]. В действительности спор шел не об обоснованности «научности» той или иной идеологии, а о её «правильности», «справедливости». Острая идеологическая борьба обозначала, что победа в ней обеспечит политическую и даже экономическую победу. И это было абсолютной правдой до тех пор, пока одна из сторон (СССР) не решилась на «деидеологизацию». По сути же две разновидности либеральной идеологии и их представители в мире — две основные социально-экономические и военно-по-

[13] *Русаков К. В.* Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся. — М.: Политиздат, 1982. — С. 5.

литические системы — боролись за лидерство до тех пор, пока одна из них, причем добровольно, не уступила своего идеологического лидерства, а вместе с этим и лидерства политического, что очень быстро привело к изменению всей геополитической карты мира — образованию новых союзов, расширению и распаду прежних, а в конечном итоге к перераспределению контроля над финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире. Другими словами добровольное поражение в идеологическом противостоянии (в данном случае СССР и его союзников) привело к политическому, экономическому и военному поражению.

Можно спорить о том, насколько идеологическое лидерство является обязательным атрибутом лидерства политического и необходимым условием финансово-экономического лидерства, но очевидно, что такая связь есть. И такая связь прослеживается через всю историю человечества: не случайно завоеватели, как правило, несли с собой своих богов, идеи, принципы и технологии. Все то, что можно объединить в некую нематериальную мировоззренческую и идеологическую систему.

На наш взгляд, в современную эпоху, когда исчезли редкие исключения «неидеологических» войн (ради наживы, террора и т.п.), лидерство в идеологии стало важнейшим условием политического и экономического лидерства и военной победы. Отказываясь от претензий на такое лидерство, нация изначально соглашается на роль ведомого в политике, экономике и даже науке и технологиях. Поэтому есть основания для того, чтобы вернуться не только к признанию влияния идеологии на формирование МО, но и учету роли идеологии в мировой политике и формировании международной и военно-политической обстановки. В научном исследовании и политическом анализе важно не отбрасывать изначально как «вредное» и «несуществующее» само понятие «идеология» (которое означает, прежде всего, ту или иную систему взглядов, как правило, оформленных в некую концепцию). Более того, она означает также четкие алгоритмы политических действий, а, нередко даже и конкретную модель таких действий (скажем, поведение СССР в условиях начала мировой революции). Так, господствовавшие в начале 1990-х годов в России либеральная идеология потребовала четкого политического алгоритма действий во внешней политике (последовательных и необоснованных уступок России),

приватизации (во внутренней политике) и реализации модели «антисоциального» рыночного государства, построенного на принципе «рынок все урегулирует».

Изучение идеологии при анализе МО, кроме того, необходимо потому, что идеология является фундаментом национальной программы и национальной и государственной стратегии (может быть и программа, и стратегия социальной группы), без которого любые попытки построить сколько-нибудь эффективную политику, государственную политику обречены изначально на провал. Это, в частности, подтверждают российские попытки создать «деидеологизированную стратегию», которые ведут только к хаотичному, непоследовательному, а нередко и противоречивому движению в политике, целеполаганию, определению приоритетов и распределении ресурсов. Что, опять же, наглядно видно на современном российском примере.

С точки зрения формирования того или иного сценария МО, таким образом выбор любой идеологии правящим классом в любой стране означает:

— выбор системы доминирующих политических взглядов, отражающих представления об интересах и ценностях для ЛЧЦ, нации, страны или класса;
— выбор алгоритма политических действий, т.е. поведения и стратегии правящей элиты в мире;
— модели государственного устройства и модели формирования МО.

Без понимания идеологии того или иного субъекта (актора) формирования МО, анализ поведения и ресурсов этого субъекта будет представлять собой простой набор факторов и показателей. Так, например, можно знать сотни показателей развития США до 2050 года, предполагать развитие отношений этого государства с другими субъектами и акторами МО, но не увидеть как, в конечном счете, будет выглядеть это государство (прежде всего с точки зрения его национальных интересов и системы ценностей) в будущем, какова будет его внешнеполитическая и военная стратегия. Сам по себе факт, даже конкретный интерес без понимания механизма его реализации бывает чаще всего бесполезен. Он нужен в некой системе, взаимосвязи с другими фактами, субъектами и тенденциями. Как справедливо заметили ученые МГИМО, «вза-

имодействие новых явлений, возникающих в процессе исторического развития, и системы международных отношений определяет закономерности её эволюции»[14].

Естественно, что все эти слова имеют прямое отношение не только к формированию МО, но и к внешней и военной политике России, прежде всего их роли для будущей МО, которая неизбежно вытекает из идеологии, а та, в свою очередь, — наиболее эффективной системой управления обществом и государством, в т.ч. внешней и оборонной политикой. Она предполагает, что нация и её управленческий аппарат и все общество изначально знают конечные цели, конкретные и задачи развития, средства и способы их решения, не требуя ежеминутного вмешательства органов управления в текущую деятельность и пресловутого «ручного управления». Иными словами, не только военная политика и стратегия, но и военная организация государств и ЛЧЦ зависят от идеологии.

Этот вывод принципиально важен для эффективного стратегического планирования, которое также маловероятно без идеологического обоснования, ибо предполагает максимальное использование творческого потенциала нации. Соответственно отсутствие в России идеологической основы ее внешней политики неизбежно ведет не только к ошибкам, но и крупным провалам, о которых не принято говорить публично со времен СССР потому, что они являются прямым следствием решений первых лиц государства. Между тем невнятная позиция России по Югославии, Ливии, Ираку, расширению НАТО и прочим акциям Запада во многом стала следствием именно отсутствия у правящей элиты идеологической системы взглядов на внешнюю политику страны и политику вообще.

Важно иметь в виду, что идеология (если она эффективна) — лучший способ мобилизации и использования национальных ресурсов, без чего невозможно добиться поставленных целей и решить конкретные задачи при сознательном формировании будущего сценария МО[15]. Но именно этого и не происходит. И не только

---

[14] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2006. — С. 21.

[15] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

в финансовой, экономической и промышленной, но и во внешней политике, где из-за отсутствия четкой позиции мы потеряли многих союзников и партнеров. Хуже того, нам перестали верить даже бывшие союзники. Мы растратили бездарно огромный советский внешнеполитический потенциал, бездумно поддерживая Запад и даже тогда, когда нас об этом не просили;

Идеология — основа для национальной стратегии. Именно идеология (точнее ее отсутствие) привели к тому, что во внешней политике мы остались без стратегии, которую заменил некий «прагматизм» и «разновекторность», хотя каким образом бессистемность может заменить системный подход остается не ясно до сих пор.

Таким образом, роль наиболее адекватной идеологии в XXI веке — во многом определяющая и решающая в национальном и государственном строительстве вообще и во внешней и военной политике, в частности. В конечном счете, она превращается в эффективную стратегию и политику. Она стремительно повышается в еще большей степени в XXI веке по мере усиления значения и роли национального человеческого капитала и его институтов. Эта растущая взаимосвязь очевидна и является во многом определяющей в стратегическом прогнозе и планировании в XXI веке: чем качественнее человеческий капитал и эффективнее его институты, например, тем эффективнее политическая стратегия страны и военное планирование[16]. Чем качественнее и больше НЧК — тем больше перспектив и сильнее влияние на развитие МО у нации или ЛЧЦ[17].

И, наоборот, идеологические шараханья, выбор неверной идеологии предполагает выбор ложной системы политических и военных взглядов, не являющихся адекватным отражением действительности. Но не только: неверная идеология означает и выбор неверной стратегии, неверного алгоритма действий и модели государственного и общественного развития. Именно к такому результату привел выбор правящей элитой либеральной модели и либеральной идеологии.

---

[16] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 187–295.

[17] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 25–78.

Рис. 1.

Оставаясь в рамках либеральной идеологической парадигмы в XXI веке невозможно в принципе выработать эффективную стратегию внешней и военной политики потому, что она должна ориентироваться на либеральные интересы и ценности западной ЛЧЦ, а не на российские ценности и интересы. В самом общем виде этот выбор можно продемонстрировать следующим образом (рис. 1):

Нетрудно увидеть, что каждому из этих основных выборов в XXI веке соответствует та или иная ЛЧЦ и господствующая в ней система ценностей и понимания национальных (цивилизационных) интересов, а также способ управления и система взглядов на те или иные проценты и даже факты в мире. Это объясняет, например, почему одни и те же факты, события и процессы описываются в СМИ и политических кругах западной ЛЧЦ, российской ЛЧЦ и других ЛЧЦ совершенно по-разному. Это же объясняет нам, что не стоит ждать от западной ЛЧЦ, например, «объективного» освещения событий на Украине, «непредвзятого» подхода и — что особенно важно — одинаково — равноправного отношения к вопросам безопасности. Их просто не будет — слишком разный идеологический «угол зрения».

Во многом этот субъективный выбор сегодня объясняет, например, учет и использование в развитии такого решающего фактора как национальный человеческий капитал и его институты. К сожалению, это влияние идеологии — сознательно или по недомыслию — нередко недооценивается, хотя история человечества и международных отношений свидетельствует

о том, что растущее значение качества НЧК и его институтов во многом предопределяют развитие того или иного сценария МО и внешнеполитической стратегии государства. Так, низкое качество и эффективность управления СССР при М. Горбачеве, в т.ч. «деидеологизация идеологии», которые стали во многом причиной провала его политики, привели к катастрофическим последствиям не только для СССР и России, которые сказываются и сегодня, но и развалу ОВД, потере Россией своих союзников, изменению соотношения сил в мире, развалу внешнеэкономических и гуманитарных связей и т.д. Иными словами сценарий «победы» западной локальной человеческой цивилизации был реализован, прежде всего, вследствие низкого качества НЧК СССР и его институтов, кризиса его идеологии, что привело, как следствие, к управленческому кризису во внешней и внутренней политике. Высокому уровню качества НЧК соответствовала до определенного времени (начала 70-х гг. XX в.) коммунистическая идеология. Но когда поле смены власти в СССР вместо того, чтобы в приоритетном порядке сделать идеологический выбор в пользу ускоренного развития НЧК и его институтов, идеологический выбор был сделан в пользу «рынка», «либерализма» и пр. материальных атрибутов благополучия, произошло именно то, что и должно было произойти, а именно нарастающее отставание в темпах развития НЧК СССР, т.е.:

— кризис в области науки, культуры, образования;
— социально-экономический кризис;
— демографический кризис;
— кризис в развитии институтов НЧК, которые были заменены «внешними» суррогатами общественных и политических организаций.

По большому счету произошло именно то, о чем предупреждал в конце 40-х годов XX века И. Ильин, когда говорил о последствиях посткоммунистического развития России в случае, если к власти не придет национально ориентированная правящая элита, не о чем сегодня крайне редко и неохотно вспоминают.

Сохранение основ идеологии либерализма в современной политике России неизбежно сказывается на приоритетности развития НЧК и его институтов. Особенно в периоды кризиса и стагнации, когда социально-экономическое положение стано-

вится заложником политики макроэкономической стабилизации. В 2014–2015 годы, например, это привело к тому, что уровень бедности стремительно увеличивался и достиг 16%, т.е. 22 млн человек жили на доходы менее 10 000 рублей. Это при том, что в те же годы доходы богатых и число представителей России в списке «Форбс» тоже росло[18].

Таким образом, оказалось, что именно отказ от идеологического выбора в пользу развития качества НЧК, государственного управления и эффективности внешней и военной политики оказали в период конца 80-х — начала 90-х годов решающее значение на формирование МО в 90-е годы в мире. В значительно большей степени, чем привычные и традиционные факторы, влияющие на формирование МО. Иными словами, субъективный фактор — идеология правящей элиты СССР — оказался более сальным, чем все объективные факторы.

Это обстоятельство предполагает, что в XXI веке в случае адекватной идеологии возможно не только дальнейшее усиление влияния НЧК на формирование сценариев МО, но и вероятное появление качественно новых политических рисков, связанных как с НЧК, так и растущей ролью его институтов. Решающую роль в этом будет играть идеология. Что не признается большинством, но находит множество конкретным подтверждений. В частности, в успехах ИГИЛ.

Очевидно и другое: без глубокой теоретической и методологической проработки, а также идеологического обоснования любой анализ международной или стратегической обстановки теряет всякий смысл, превращаясь в лучшем случае в набор эмпирических, порой противоречивых данных, которые, как правило, трактуются субъективно в чьих-то личных интересах и, в конечном счете, неверно. Тем более этот вывод справедлив, когда речь идет о стратегическом прогнозе таких сложных явлений, как международная, военно-политическая или стратегическая обстановка, влияние на которые оказывают тысячи факторов — как относительно стабильных, так и переменных и очень динамичных. Даже тщательно собранные и систематизированные огромные объемы

[18] Число бедных в России достигло критического значения / Ведомости. 14.07.2015 / http://www.vedomosti.ru/

информации сами по себе окажутся бесполезными, если нет, как минимум, анализа политико-идеологических и общественно-политических проблем, опирающегося на цивилизационно-ценностные, мировоззренческие и гуманитарные знания.

В анализе и прогноз общественно-политических процессов требуется не простое механическое моделирование развития уже известных факторов, но и использование качественных методов, опирающихся уже не только на сознание, но и как говорил академик А. Сименов, на подсознание и сверхсознание, которые предлагают «неожиданные и даже невероятные» решения[19].

И здесь роль идеологии, как системы теоретических и научно-методических, а также религиозных взглядов, чрезвычайно важна, ибо именно идеология закладывает базовые, мировоззренческие основы научного анализа, задает основные направления исследования, открывает новые парадигмы. Применительно к военно-политической проблематике, которая во многом является следствием развития процессов социально-политического, финансово-экономического и иного порядка, этот вывод принципиален и бесспорен. Именно он и лежит в основе данной работы.

«Идеология» анализа и стратегического прогноза развития МО, таким образом, предоставляет собой систему взглядов на развитие не только отдельных факторов, формирующих различные сценарии МО в настоящем и будущем (государства, организации, мировые тренды и тенденции), но и на их взаимосвязь между собой. Именно такая взаимосвязь позволяет говорить о существовании системы, а не о простом наборе информации о различных факторах и тенденциях в МО и ВПО. Как справедливо заметили авторы МГИМО, «… международные отношения это не просто совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых) политических процессов, внешней политики отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»[20].

---

[19] *Савушкин Р. А.* Что или Кто стоит за сознанием человека? / Эл. ресурс: «Viperson». 2015. 8 июня / http://viperson.ru/

[20] Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А. Т. Шаклеиной. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО, 2014. — С. 14.

Представление о такой системе взглядов может давать не отдельно взятая наука, в т.ч. теория или история международных отношений, а идеология, которая выходит далеко за пределы отдельных наук и создает именно связанную логическую систему.

В нашем случае такой идеологией, на основе которой происходят все логические и теоретические построения и осмысления эмпирических фактов, является идеология анализа интересов нации, государства и — что становится особенно важным в XXI веке — локальных человеческих цивилизаций. Некоторые теоретические основы этой идеологии были много описаны в ряде работ, опубликованных в последние годы. Например, в достаточно объемной (но по претендующей на законченность) работе «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики»[21] и серии аналитических докладов и книг[22]. Фундаментом этих работ стали исследования профессоров МГИМО М. Хрусталева, Н. Злобина и других, которые в 1970-е и 1980-е годы достаточно подробно сделали анализ такой категории как «национальные интересы (потребности)» и «государственные интересы (потребности)».

Эта идеология, как система взглядов на развития МО, в нашем случае также предполагает некую концепцию анализа и логическую модель, принципы и закономерности формирования и развития различных сценариев МО в XXI веке. Огромное количество самых разных фактов из разных областей человеческой деятельности — страноведческих, политических, экономических и др. — должны быть объединены в некую систему и встроены в некую логическую модель развития сценария МО, которая должна позволить максимально приближенно к реалиям и подробно ответить на вопрос о будущем сценарии МО, стратегиях отдельных субъектов и акторов международных отношений. В нашем конкретном случае речь идет о попытке стратегического прогноза развития сценария противоборства западной ЛЧЦ с другими цивилизациями, эволю-

[21] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[22] *Подберезкин А. И.* [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

ции этого сценария из силового в вооруженное противоборство в 2020 годы и обоснования его характерных черт и особенностей, из которых уже изначально видно, что в его основе находится цивилизационно-идеологическая система взглядов значительной части правящей элиты Запада.

Очевидно — и это подтверждается всеми событиями и дискуссиями в России в последние 25 лет, — что в зависимости от политико-идеологической позиции, а не научной или практической целесообразности, принимается большинство решений правящей российской элитой. Самые правильные и обоснованные аргументы, как правило, уступают идеологической позиции (ангажированности). Поэтому необходимо не только выдвигать и обосновывать научно ту или иную концепцию, но и отстаивать ее политико-идеологически, принуждать правящую элиту «идеологизировать идеологию».

9.2. Идеология как средство формирования реального представления о современном состоянии международной[23], военно-политической, а также стратегической обстановки[24] в XXI веке[25]

… лучшее из лучшего — покорить войско противника не сражаясь
Сунь Цзы

… «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства[26]
П. Цыганков, профессор

Неудовлетворительное состояние уровня современного анализа, прогноза и планирования в России объясняется, как всегда многими причинами, но главная из них заключается в отсутствие ясной идеологии у правящего класса как системы взглядов на цели

---

[23] **Международная обстановка** — *зд.* состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними.

[24] **Стратегическая обстановка** — *зд.* конкретное состояние участников ВПО и их положение в определенный период времени накануне и в ходе конкретного военного конфликта или войны: **Международная война** — *зд.* одна из форм международного конфликта с участием, как минимум, двух государств и их вооруженных сил; **Внутренняя война** — *зд.* конфликт в форме вооруженного противоборства между двумя (или несколькими) политическими субъектами; **Внутренний военный конфликт** — *зд.* внутреннее вооруженное противоборство, преследующее политические, экономические и идеологические цели.

[25] Подробные определения даны в серии работ Центра военно-политических исследований МГИМО, подготовленных в 2012–2015 годах. См., в частности: *Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 11.

[26] *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. — М.: Гардарики. 2007. — С. 290.

развития нации, общества и государства, а, во-вторых, на основные средства и ресурсы обеспечения достижения этих целей. «Разброс» таких целей в существующем сегодня у правящей элиты политическом восприятии крайне (даже недопустимо) широк — от «обеспечения демократического развития» до «сохранения макроэкономической стабильности» и пр. приоритетов, оформленных в Конституции РФ, законах и различных нормативных актах. Путаница, существующая в этих документах, в конечном счете, ведет к их игнорированию самой правящей элитой.

Если вернуться к логической схеме, воспроизводящей политический процесс, к которой мы не раз уже прибегали, то сразу же видно, что **результаты анализа, прогноза и планирования** будут зависеть не столько от объективных реалий, сколько от их восприятия правящей элитой этих основных объективных реалий: — во-первых, системы ценностей и национальных интересов; во-вторых, оценки и использования национальных ресурсов и возможностей; в-третьих, международных реалий[27]. Отсутствие идеологии у нации и ее элиты предопределяет разные, порой полярные оценки всех основных групп факторов. Эта полярность достигает недопустимых значений, не позволяющих осуществлять эффективного управления государством и обществом. Что, собственно говоря, и наблюдается в современной России.

Из рисунка (рис. 2), например, видно, что именно восприятие правящей элитой («Д») международных реалий, т.е. система взглядов на существующие объективно международные реалии, определяет, в конечном счете, политику государства. Это особенно справедливо для формулирования политических целей и задач (вектор «Д»–«В») и оценки распределения ресурсов (вектор «Д»–«Г»)[28].

На самом деле во втором десятилетии XXI века радикальные расхождения в оценке этих международных реалий в правящей элите продолжают сохраняться лишь с некоторыми поправками по сравнению с концом XX века. Так, наиболее радикально-демокра-

---

[27] См. подробнее: *Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015.

[28] *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013. Т. 1–3.

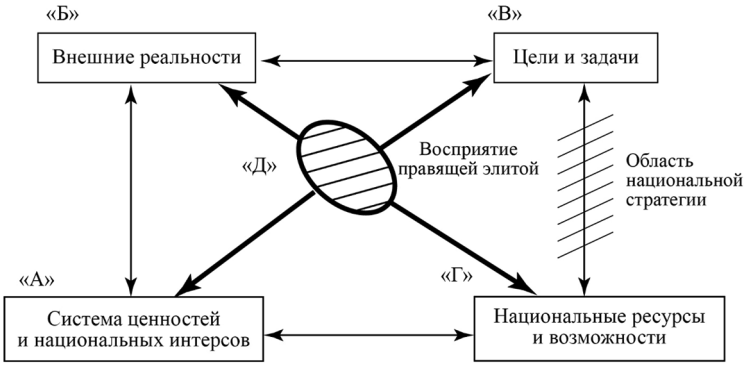

Рис. 2. Логическая схема (модель) политического процесса

тическая группа в правящей элите воспитанников М. Горбачева — А. Яковлева — Э. Шеварднадзе — А. Козырева потеряла многие (но далеко не все) позиции в формировании внешнеполитического процесса. Достаточно посмотреть на список и биографии тех, кто отвечает за реализацию внешней политики России сегодня: все те же фамилии, должности, звания. Разве только их радикальное западничество сменилось на «равноудаленность» и даже «евразийство».

«Государственники», к которым было принято относить Е. Примакова (на деле бывшего просто западником-прагматиком), отнюдь не усилились, но их голос стал заметнее в государственной политике и дипломатии, уступая, однако в решительные моменты «генеральной линии».

Наконец, в правящей элите появилась незначительная и маловлиятельная, но все-таки отдельная социальная группа «евразийцев», которая искренне пыталась отстаивать интересы СССР–России, но голоса представителей, которой не было слышно.

Особенно важно отметить, что как всегда самой влиятельной группой политиков и экспертов осталась группа «профессиональных конформистов». Они успешно делали карьеру при М. Горбачеве, Б. Ельцине, Д. Медведеве и В. Путине. Когда надо, они были «радикалами-западниками», когда надо — стали «евразийцами». Очень легко их судьбу проследить по биографиям и источникам

финансирования — от Сороса, Государственного департамента и российских олигархов до президентских грантов и вечного членства во всех «экспертных советах».

Современное печальное состояние анализа и перспективы развития МО в России во многом объясняется именно тем идеологическим хаосом, который возник в СССР в конце 80-х годов и во многом сознательно продвигается и сегодня, силами этой наиболее влиятельной конформистской группы правящей элиты.

В результате такого идеологического хаоса были потеряны и выведены из научного оборота ценностные и национальные ориентиры, а политика вырабатывалась как сиюминутная «очень субъективная реакция на «возникающие обстоятельства». Постепенное «затухание» этого хаоса и выкристаллизовывание подобия идеологической системы в России началось только во второй половине первого десятилетия, но этот процесс, очевидно, сильно затянулся, что хорошо видно как на крайне медленной эволюции различных редакций Стратегии (концепции) национальной безопасности, Военной доктрины и др. документов, не успевающих отражать новые реальности, так и собственно персонального состава правящей элиты, где по-прежнему ведущая роль принадлежит группе «западников-конформистов». Такое отставание, о котором напомнил еще раз В. Путин, возможно в том случае, когда отсутствует принципиальная система взглядов (т.е. идеология), при которой основные оценки — продуманные, просчитанные и прописанные — не носят конъюнктурного или временного характера.

Сказанное означает, что без полноценной и обоснованной идеологической системы взглядов (как это есть, например, в США и КНР) не получится стройной системы политических и военных взглядов, а значит и анализ и оценки будут носить чрезмерно субъективный и конъюнктурный характер. Не сложится и той критически важной социальной группы идеологически ориентированной элиты, которая будет отстаивать эту систему ценностей, целей и стратегию. Так, если в идеологической и политической системе взглядов отрицается претензия России на роль глобальной державы, то в частной военной политике вряд ли обосновано будет строительство гигантских авианосцев и соответствующей для них инфраструктуры.

Отсутствие этой системы политико-идеологических взглядов у правящей элиты, ее «отказ от идеологии» в пользу некой «прагматичности», «разновекторности» и прочих необъяснимых в политике дефиниций, наносит сильнейший удар по теории и методологии исследований в области международных и военно-политических отношений. Поскольку все, сто было связано с «марксистским тяжелым прошлым» в теории международных отношений и военной теории было начисто отметено, то осталось либо непрактическое заимствование у западных политологов (чем с садистским удовольствием занимались последние 25 лет российские политологи), либо слабые и непоследовательные попытки немногих попытаться сделать нечто свое. В советской и российской литературе существует, следует признать, очень мало работ, посвященных теории и методологии анализа международной обстановки и международной ситуации. К ним следует, прежде всего, отнести работы профессоров МГИМО М. Хрусталева, А. Злобина, Т. Шаклеиной и ряда других авторов[29]. В последнее время к ним добавились работы Центра военно-политических исследований МГИМО[30], а также фундаментальная работа А. Владимирова[31].

В целом, однако, российских работ, посвященных методологическим и теоретическим вопросам анализа МО и ВПО за последние 30 лет появилось очень немного, что было вызвано, очевидно, кризисным состоянием российской гуманитарной науки в последние годы существования СССР и постсоветский период. Причем этот кризис объяснялся не только материальными обстоятельствами,

---

[29] *Хрусталёв М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 208. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. А.Т. Шаклеиной. — М.: Аспект–Пресс, МГИМО, 2014.

[30] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. М. 2015. 796 с. Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. М. 2015. 722 с.

[31] *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. 973 с. Часть II. Теория национальной стратегии. М.: Синергия, 2013. 976 с.

но и политико-административным давлением, связанным с общем подходом правящей элиты по «деидеологизации» (а, в действительности, либерализации) гуманитарной науки, которая была принуждена адаптироваться к либерально-западническим идеологическим нормам, понятийному аппарату и концепциям. Следует отметить, что этот процесс набрал такую силу, что продолжает доминировать и сегодня: «моду» в российской политологии определяют те ученые, которые «состоялись» в качестве кандидатов и ректоров наук во второй половине 90-х годов XX века и в начале нового столетия.

Другая сторона проблемы — политическая практика, которая основывалась на субъективном и полуграмотном отношении к внешней и военной политике, традицию которой заложили М. Горбачев и Б. Ельцин. Научные и дипломатические школы, связанные с внешней и военной политикой. уничтожались, радикально сокращались, «перепрофилировались» и просто вымирали, а новые, нарождающиеся, очень часто не имели необходимой фундаментальной подготовки. Вдруг, «на плаву» оказалось множество случайных ученых, экспертов и политиков, что, в принципе, отражало общую в то время в России тенденцию. В результате не только в научных учреждениях, но и в министерствах и других правительственных организациях резко снизился научный уровень (а кое-где и вообще исчез), что привело, в конечном счете, к появлению в процессе принятия решений такого массового явления как непрофессиональный субъективизм и коррупция.

Таким образом, ко второму десятилетию XXI века, когда фактически, началась информационно-идеологическая война против России в рамках системной сетецентрической войны[32], в России:

— не оказалось идеологически ориентированного не только правящего класса, но даже отдельной его социальной группы;
— сколько-нибудь оформленной национальной идеологии;
— идеологических институтов, школ и компетенций;
— идеологических органов и структур военной организации не только у общества и нации, но даже у государства.

Отсутствие такой системы и институтов привело к общему упадку теоретических и методологических основ гуманитарной

[32] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

науки. Анализ и стратегический прогноз предполагают описание реалистической картины действительности, которая (во всяком случае, сознательно) не искажается, а субъективные факторы (включая симпатии руководства) сводятся к минимуму. Это возможно только при условии существования некой рамочной системы взглядов и приоритетов, выход за пределы которой требует особенно аргументированного об основания.

На самом деле, сегодня в России, говоря об анализе МО и ВПО, это не является нормой. Очень часто встречаются не просто противоречивые, а абсолютно полярные политические суждения, включая публичные, недопустимые в развитых странах и обществах, которые дезориентируют элиту и общественность. Примеров — не счесть. Поэтому изначально следует провести четкие различия между анализом подлинных реалий международной, военно-политической и стратегической обстановки, существующей в действительности, и отдельными субъективными представлениями об этих реалиях, той «виртуальной реальностью», которая по разным причинам часто становится подлинной реальностью в российских условиях и влияет на процесс подготовки и принятия решений.

Как правило, такую верификацию между реальностью и субъективным мнением сделать трудно, а иногда и невозможно в политике. Достаточно сказать, что о начале Первой мировой войны и о Бородинском сражении, как кажется на первый взгляд, хорошо известно и много написано, однако единства мнений у политиков и ученых до сих пор нет. Тем труднее говорить о современных реалиях, когда, например, о ситуации на Украине спорят часами одни и те же эксперты, придерживающиеся полярных точек зрения.

Более того, современная виртуальная реальность теперь уже сначала искусственно и умышленно создается с помощью информационных технологий (что опять же хорошо иллюстрирует ситуация на Украине), а затем уже становится реальностью. Поэтому очень важно не только точно знать военно-политические реалии и уметь их анализировать, но и сознательно формировать адекватное представление о них у правящей элиты. Такие представления, которые порой могут существенно, даже радикально, отличаться от навязываемого извне восприятия реалий.

9.3. Военная организация России и идеология в XXI веке

Концепция глобального доминирования США вынашивалась многие годы в научной, военной, политической и даже религиозной среде Соединенных Штатов Америки[33]
Л. Савин,
политолог

Военная организация России, очевидно, не соответствует масштабам и наличию современных угроз, прежде всего потому, что в ней не предусмотрены функции идеологического противоборства и защиты правящей элиты и всего общества, от идеологических угроз. Если в СССР, например, существовало не только 5-е Управление КГБ СССР и Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС (со всеми идеологическими институтами государства и партии), то в современной структуре военной организации РФ таких органов и институтов нет вообще за исключением, может быть, отдельных элементов «политико-воспитательной» работы в МО, РПЦ и недавно созданных «неидеологических» структурах — Россотрудничества и др.

Отсутствие этих органов и даже самой постановки такой задачи неизбежно ведет к тому, что в развернутой идеологической борьбе против России западной ЛЧЦ мы не можем выстроить сколько-нибудь эффективной идеологической стратегии, роль которой выполняет, по сути, пресс-служба Президента РФ и соответствующие подразделения администрации, аппарата правительства России и ряда министерств. Пресловутый «PR», а, точнее, — «паркетный PR» заменяет собой соответствующие институты и пытается выполнять не свойственные функции.

Известно, что политология и социология могут служить не только средствами выяснения общественного мнения, но и инструментами его формирования. В этом качестве они используются достаточно часто, в особенности в процессе избирательных кампаний, когда у общественного мнения необходимо заранее

---

[33] *Савин Л. В.* Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011. — С. 5.

сформировать готовящийся результат, либо в качестве средств внешнеполитической пропаганды. В этом случае, в частности, могут, как завышаться, так и занижаться рейтинги. Причем неоднократно, в процессе нескольких месяцев. Манипулирование происходит масштабно и в других областях внешней, военной и внутренней политики.

Существует и другая, политическая задача, в таких соцопросах: формирование необходимой идеологически «картинки ожидания», когда части общества или правящей элиты заранее приписываются те настроения и в тех масштабах, которые не существуют в реальности, но хотят увидеть. Так, например, в аналитическом докладе клуба «Валдай» в 2010 году приводился соцопрос представителей российской элиты, из которого вроде бы следует, что российская элита за последние десятилетие решительно ограничила свои интересы за рубежом собственно российскими интересами, а интерес за пределами российских границ свелся к минимуму. В этих целях предлагается подборка, из которой следует, что внешние интересы российской элиты действительно вроде бы радикально ограничиваются собственно внутрироссийскими. Тем самым фактически «подсказывается» России ограничение своих внешнеполитических амбиций (рис. 3)[34].

На самом деле эти выводы не основаны на серьезном анализе. Во-первых, количество отобранных представителей элиты чрезвычайно мало, т.е. не репрезентативно. Во-вторых, принцип их подбора (выборка) неизвестен. В-третьих, — и это главное — мнение российской общественности и элиты сознательно формируется в интересах не существующей и будущей международной и стратегической обстановки, а желаемой. В частности, речь может идти о том, чтобы предупредить правящую элиту России «не высовываться» и не пытаться противоборствовать начавшейся силовой экспансии США в мире, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке, Севере Африки и в восточной Европе.

Иными словами не только в США создавалась идеология силового сохранения сложившегося миропорядка, создавались новые

---

[34] Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2013 / http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf. — С. 24.

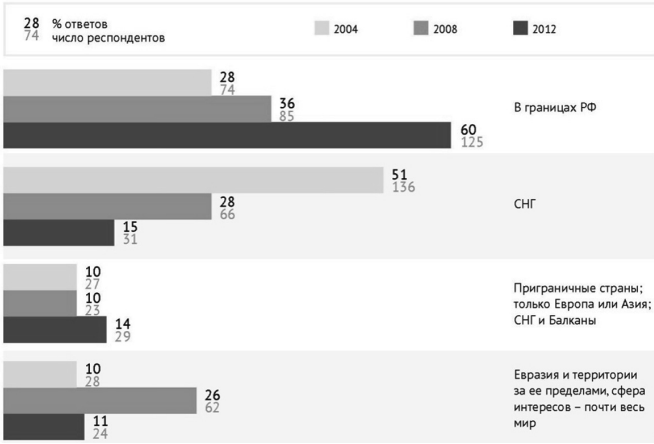

Рис. 3. Сфера интересов России по опросам социологов в 2010 году

и совершенствовались прежние силовые институты, но и вовне США, за пределами национальных границ и границ НАТО закладывались предпосылки будущей силовой политики западной ЛЧЦ, которая все четче приобретала черты сетецентрической войны.

Очевидно, что вряд ли анализ и прогноз, построенный на этих посылках и данных, может быть полезен реальной политике. Их публикация всего лишь свидетельствует о характере PR-акции, основанной на выделенном бюджете. Реалистичность таких выводов на самом деле никого не беспокоит. Нужен импульс, посыл, демонстрация изменений в политической идеологии и начало кампании в поддержку таких изменений в России. Собственно уже события в Крыму в 2014 году, т.е. всего лишь через два года после соцопроса, продемонстрировали, что большинство общественного мнения и значительная часть элиты поддержали официальную позицию В. Путина, выразив полную заинтересованность в расширенном толковании национальных интересов РФ и более значительном — вовлечении России в мировые дела.

Для анализа МО и ВПО и эффективности военной организации России важно другое: формирование «научного обоснования» будущей идеологии, выстраивание ее концепции и последующая реализация лежат в основе будущих «PR»-компаний» и акций,

планируются задолго до их начала в рамках достаточно жесткого процесса политического планирования специальными политико-идеологическими органами военной организации США с привлечением всего спектра возможных негосударственных организаций.

Резкое обострение политической и военной обстановки в 2014–2015 годах не только планировалось задолго администрацией Б. Обамы. Как признавал позже в 2015 году Г. Киссинджер, это был «политический выбор» президента США, вслед за которым была начата полномасштабная политико-идеологическая кампания лишь частично связанная с событиями на Украине.

Другими словами в XXI веке — не только в России, но, прежде всего, в мире — сложились две реальности в анализе и прогнозе МО — формально-практическая и виртуальная, — которые не соответствуют друг другу и нередко открыто противоречат. И западная ЛЧЦ умело использует эту особенность МО в XXI веке. В отличие от предыдущих периодов человеческой истории, однако, неясно какая из этих двух реальностей «более реальна»: нередко «виртуальная реальность» оказывается более реальной. Из этого вытекает вывод о том, что, как правило, политическая цель сначала превращается в «виртуальную цель». Так, война на Украине — публичная демонстрация борьбы западной ЛЧЦ за «виртуальную цель» — суверенитет и независимость Украины, которые никого на Западе не интересует. Что действительно интересует, так это существование суверенной России и поведение России в мире, степень ее готовности противоборствовать стратегии западной ЛЧЦ. Но, если не признать такое противоборство ЛЧЦ главным противоречием в современной и будущей МО, т.е. не сделать политико-идеологического обоснования для подобного вывода, то и ситуация на Украине и в современной МО может быть описана, исходя из каких угодно соображений, в том числе сознательно искажающих действительность:

— «агрессивности» России;
— «амбициозности» Путина;
— интриг Януковича;
— «революционного настроя» украинцев и т.д.

Война на Украине и ведущаяся война против России 2014–2015 годов ярко продемонстрировала, что у западной ЛЧЦ и руководства Украины существуют на самом деле две политики и две

стратегии, как и вытекающие из них политические практики, — реальная и виртуальная, идеолого-пропагандистская. Причем нередко оказывается, что виртуальная политика и стратегия важнее, чем реальная, т.е. публичные, заведомо пропагандистские, заявления становятся реальной политикой, а не наоборот. Заявленная идеологией цель может становиться реальной политической целью.

Задача практического анализа и прогноза в области МО и ВПО лежит в плоскости учета этой важной современной особенности, в частности, понимания роли «виртуальной стратегии» и целеполагания в политике страны. Выделение ложных целей в этом процессе — не единственная задача. Важно увидеть, как они сосуществуют с реальными. В самом общем виде эту разницу в политике можно было бы показать следующим образом, что следует иметь в виду при политическом анализе и прогнозе.

Рис. 4. Анализ и прогноз реальной и виртуальной политики

Как видно из рисунка (рис. 4), формирование МО в XXI веке сознательно происходит по двум направлениям — реальному, — политическому, и виртуальному, — идеологическому, причем нередко трудно определить, какое из них является наиболее приоритетным и будет в будущем реальным. Обычный традиционный анализ текстов, выступлений и деклараций политиков, дипломатов и ученых в этой ситуации мало помогает. Такие заявления и оценки перестали отражать реалии. Они выполняют некую идеологическую функцию, нередко очень далекую от действительности, лучшей иллюстрацией которой являются бесконечные заявления украинских политиков, Д. Псаки и др.

Фактически это означает, что отношение к традиционной публичной политике в XXI веке полностью изменилось: никто уже в действительности не заботится ни об имидже, ни о впечатлении общественности, ни даже о точности высказываний и замечаний. Достаточно напомнить о десятках «оговорках» Буша-младшего, Обамы, Меркель и пр. политиков. Взвешенные и — главное, ответственные — формулировки стали не модной редкостью. Примеров такой политики — множество. Наиболее яркий и масштабный, — когда США публично заявили о наличии ОМУ у Ирака и это послужило основанием для уничтожения режима Саддама Хусейна. «Новая реальность», созданная по инициативе США в Ираке, не имела ничего общего с действительной реальностью, однако полностью соответствовала интересам США, что и являлось конечной политической целью, т.е. реальностью. Эта ситуация регулярно повторяется, как и «оранжевые» революции, что вносит очень серьезную поправку в любой политический анализ.

Точные знания о политике и войне в истории человечества нередко означали возможность национального выживания, предопределяли будущее народов и цивилизаций, а иногда даже само их существование. На протяжении веков и тысячелетий в войнах решались судьбы народов и государств, решалась судьба самих локальных человеческих цивилизации. Некоторые из них после поражения в войнах, как, например, Карфаген, исчезали из политико-экономической жизни и даже из истории человечества. Другие — на годы и даже десятилетия становились зависимыми государствами и народами. А иные — были вытеснены на обочину истории, где и остались забытыми навеки. Именно поэтому

точность анализа и прогноза развития современной международной и военно-политической обстановки повышается вместе со ставкой в соревновании ЛЧЦ. Эта точность во многом предопределяется способностью военной организации государства к ведению идеологического и информационного противоборства. И уже даже не только государства, но и военной организации нации и всей локальной человеческой цивилизации по простой причине: только институты военной организации государства уже не способны эффективно выполнять функцию информационно-идеологического противоборства, которая переходит с государственного на цивилизационный и национальный уровень (рис. 5).

В XXI веке наблюдается отчетливый перенос центра тяжести с первого уровня на третий уровень даже в относительно мирное время, что позволяет говорить об условности понятия «мирное время» в условиях сетецентрической войны.

Таким образом, современная военная организация России не соответствует требованиям ведущейся против нее информационно-идеологической войны в силу, как минимум, трех причин:

— **во-первых**, адекватность противодействия в идеологической области может быть достигнута только при наличии, собственной идеологии — системы концептуально связанных идей, ценностей, целей. Против идеологии можно бороться только идеологией;
— **во-вторых**, должна быть создана военная организация не только государства, но и нации и ЛЧЦ, противостоящая на том, же цивилизационном уровне западной ЛЧЦ. Так, идеологические

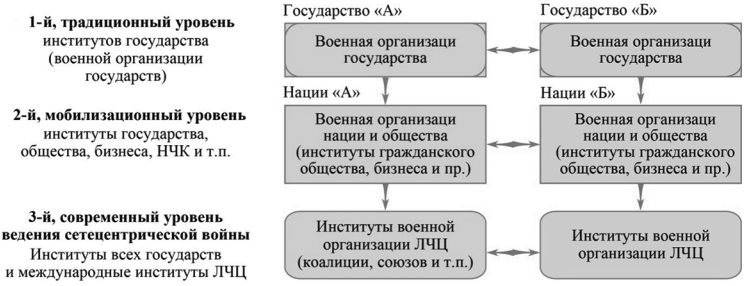

Рис. 5. Уровни информационно-идеологического противоборства двух условных государств в XXI веке

и информационные институты НАТО, получившие развитие в 2013–2015 годах (Радио «Свобода», Центр стратегических коммуникаций и т.д.) очень наглядно это подтверждают;

— **в-третьих**, должны быть созданы институты и органы для такой идеологической, а не только информационной борьбы, в государстве и ЛЧЦ. При этом решающее значение приобретает роль идеологов, т.е. профессиональных политиков, военных и ученых, которые могут руководить в таких идеологических победах. Их значение для своих и чужих ЛЧЦ и наций становится особенно важным, а роль — огромная, иногда даже решающая. Их знания, способности и искусство идеологов со временем оформляются в теорию и практику политики, военной науки и военного искусства, т.е. происходит своего рода трансформация идеологии в политические результаты.

9.4. Значение субъективного личностного фактора в политической идеологии современной России для формирования международной обстановки

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что будущее десятилетие станет периодом приспособления субъектов мирового хозяйства к новым условиям, «перевариванием» того, что зародилось на рубеже веков[35]
С. Караганов, политолог

… на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность[36]
Б. Поршнев, социальный психолог

При отсутствии сколько-нибудь оформленной политической идеологии правящей элиты чрезвычайно большое, даже гипертрофированное значение приобретает такой субъективный фактор как частная позиция, оценки и решение того или иного представителя правящей элиты. Естественно, что чем выше положение этого лица во властной иерархии, тем сильнее, даже «абсолютнее» его влияние, но и грубее просчеты и ошибки.

На уровне битовом, а не политическом, мы ежедневно это видим на экранах телевидения и в электронных СМИ: непрофессиональные, а, порой, и неграмотные, оценки и суждения встречаются ежедневно, точнее — из них состоит целиком собственно весь процесс принятия решений — от заявлений Д. Медведева образца 2010 г. о рубле как резервной и надежной валюте, до безостановочной инфляции и обесценения этого рубля.

---

[35] *Караганов С. А.* Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. — М.: АСТ, 2008. — С. 68.
[36] *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О. Т. Вите. Спб., 2007. — С. 13.

На политическом уровне, особенно в области внешней политики, ошибки не столь заметны, хотя несколько признаний президента РФ о том, что его решения выполняются на 10 (15; 20) процентов уже сами за себя говорят. Проблема в том, что отсутствие политической идеологии предполагает не только отсутствие системы взглядов, эклектику, но и отсутствие стратегии (т.е. четко сформулированных целей и ресурсов), последовательности, а также исполнителей этой «политической воли». Остается «ручное управление», т.е. откровенный волевой субъективизм, когда даже гениальный руководитель не может быть гарантирован от ошибок. Тем более — субъективных ошибок исполнителей.

«Подставлять себя со своей субъективностью на место субъектов прошлого — форма антропоморфизма»[37], писал Б. Поршнев. Еще необоснованнее пытаться представить «себя в будущем». Если что-то и меняется быстро в этом мире, так это человек и общество. Это значит, что в 2030 году изменится, прежде всего, человек и все общество. Именно это обстоятельство — самое трудное в стратегическом прогнозе.

Слова С. Караганова, вынесенные мною в эпиграф этого раздела, интересны тем, что они коротко характеризуют суть стратегического прогноза развития МО на 10 лет (т.е. с 2008 по 2018 годы. — *А.П.*) — «приспособление субъектов» к той миросистеме, которая образовалась к этому времени, сделано за несколько месяцев до радикальных перемен.. Далее авторы прогноза раскрывают подробнее содержание этого тезиса в восьми основных тезисах, характеризующих отдельные аспекты этого процесса «приспособления». Примечательно, что все эти 8 тезисов частично и **полностью не подтвердились к 2015 году**. Проиллюстрируем эти тезисы:

— «не случится масштабных войн или вооруженных столкновений» (хотя, надо признать, пока что прогноз в отношении Ирана подтверждается);
— сохранится «стабильность поставок энергоносителей» и «приемлемый диапазон цен от 50 до 75 долл.;
— «мировая валютная система не подвергнется потрясением»;

---

[37] *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / науч. ред. О.Т. Вите. Спб., 2007. — С. 13.

— будут совершенствоваться «механизмы регулирования мировых финансовых потоков»;
— «инновационное развитие ускорится … за счет втягивания национальных экономик»;
— «экономические ограничения не станут критическими»;
— «прирост населения в мире замедлится»…
— «интенсивность миграционных потоков … будет сдерживаться … позитивными изменениями в ряде стран».

Как результат этих прогнозов повторяется вывод о том, что «имеющиеся проблемы и сложности глобального и регионального масштаба … не содержат явных зачатков серьезных потрясений»[38]. Все — история заканчивается. Либерализм — идеологически, политически и экономически — победил!

Эти выводы интересны тем, что С. Караганов в 2008 году представлял позицию большинства членов Совета по внешней и оборонной политике, куда входили не только бывшие, но и действующие во власти высокопоставленные представители российской правящей элиты. В целом благодушно-уверенная оценка и долгосрочный прогноз отражают именно доминировавшие в то время настроения: кризис (который грянет через несколько месяцев) никто не ожидает; конфликт с Грузией и обострение отношений с Западом еще впереди (хотя это тоже скоро произойдет); падение цен на нефть, обострение отношений с мигрантами, экологические катаклизм и пр. — все еще впереди, хотя (книга подписана в печать в конце декабря 2007 г.) и очень скоро.

Этот достаточно наглядный и подробный пример свидетельствует, на мой взгляд, прежде всего о том, что (хотя именно это на протяжении многих лет в России и не хотят признавать): ничто в мире не меняется так быстро как человек и общество. Соответственно и прогнозы мирового общественного, экономического и иного развития зависят от скорости изменения социальной сущности и поведения человека. То есть наиболее динамичный фактор в МО не финансы и экономика, а человек, управляемый идеологией.

---

[38] *Караганов С. А.* Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. — М.: АСТ, 2008. — С. 70–71.

Без признания этого невозможно понять радикальное изменение общественно-политической ситуации на Украине и на Западе за одно–два десятилетия, что означает и радикальное изменение МО и ВПО.

Сегодня, как оказалось, профессиональные и достаточно субъективные знания и способности играют еще больше значение, чем прежде, хотя и в прошлые периоды истории человечества субъективный фактор в политике и в военном деле всегда был чрезвычайно важен. Связано это, прежде всего с резко возросшей ролью личности, национального человеческого капитала и его институтов в экономике, политике и военном деле, а также огромной ролью, которую приобрело государственное и общественное управление, от эффективности которого стали зависеть уже не только темпы социально-политического и экономического развития страны, но и само будущее нации[39]. Это влияние субъективного фактора — личности и изменений в ней — в истории человечества неохотно признавали не только марксисты, но и либералы, которые апеллировали, прежде всего, к «объективным» законам развития общества (классово-социальным одни и макроэкономическим — другие). Об этом, как о самой большой ошибке в стратегии развития России, говорилось, например, в раскрытой переписке государственных чиновников США в августе 2015 года.

Это отношение выглядит странным, хотя достаточно привести примеры в советской и российской истории, когда Н. Хрущев, М. Горбачев, И. Сталин (а до этого Иван Грозный, Петр I, Александр I, Николай I и др.) радикально меняли не только настоящее, но даже далекое будущее страны. Ни в одной стране мира, пожалуй, не замечена такая роль субъективного влияния ее лидеров на нацию.

Значение этого влияния сегодня, в современной политической истории, отнюдь не уменьшилось. Более того — возросло. Достаточно вспомнить роль М. Горбачева и Б. Ельцина во внешней и военной политике России, или роль В. Путина, их министров: А. Козырева, П. Грачева, А. Сердюкова. Эта роль, как и значение идеологии (о чем старательно умышленно умалчивают),

---

[39] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

оказывается в некоторые периоды сильнее течения объективных мировых и национальных тенденций. Так. политическая бездарность и непрофессионализм М. Горбачева и сформированной им наспех правящей элиты привела к геополитической катастрофе, затронувшей не только СССР и страны социалистического лагеря, но и большинство стран на планете. Это обстоятельство в политике отнюдь не соответствовала развитию объективных глобальных, в частности, гуманистических тенденций, а тем более общечеловеческих тенденций, как пытались об этом говорить.

Есть и другие примеры, когда победы или поражения великих политиков и полководцев (которые были следствием, прежде всего качественного интеллектуально-волевого превосходства нередко над многократно превосходящими силами противника), — стали лучшими свидетельствами огромного значения субъективного фактора в политике и военном деле.

Все это изначально предопределяет особую и нарастающую роль личности, знаний о политике и войне и, соответственно, военно-политической мысли как совокупности идей, взглядов, концепций, отражающих динамику, сложившихся в данную конкретную историческую эпоху характера и содержания военно-политических отношений[40]. Эти знания и опыт, объединенные в некую политико-идеологическую систему, могут стать основой для национальной стратегии. Отсутствие этой системы означает и отсутствие стратегии, когда ошибка т ой или иной личности умножается на скорость исторического процесса. Иными словами растущая роль субъективного личностного фактора в политике может быть канализирована рамками политической идеологии, как системы взглядов, сочетающей в себе логические взаимосвязи и взаимозависимости. Если бы у М. Горбачева или Б. Ельцина была такая политическая идеология, то была бы и стратегия, и план (хотя бы, самый общий) действий, и самый общий прогноз развития ситуации.

Сказанное в полной мере относится к анализу и стратегическому прогнозу, который делается в настоящее время. Не имея политической идеологии, мы не можем анализировать и прогно-

---

[40] *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ. 2013. — С. 5.

зировать поведение отдельных политических субъектов — представителей правящей элиты России, — которые, как показывает опыт последних 30 лет, могут легко пойти по «коммунистическому», «либерально-демократическому» или «государственно-патриотическому» пути в зависимости от личностных или конъюнктурных обстоятельств.

В отличие от КНР и США, где есть достаточно жесткие рамки такой политической идеологии, что, кстати, позволяет им строить не только, прогнозы, но и заниматься долгосрочным стратегическим планированием.

Эти знания, совмещение с опытом, искусством, становятся бесценным, незаменимым национальным ресурсом, а их отсутствие или недостаток — общенациональной трагедией. Как справедливо заметил А. Кокошин, говоря о разгроме школы Свечина, «Порой действительно складывается впечатление, что они (акции разгрома. — *А.П.*) были не только продуктом внутреннего соперничества…, но и чем-то иным…»[41].

Рост значения субъективно-личностного фактора в политике России происходит на фоне деградации политической культуры. Современные гуманитарные знания в России об обществе политике и войне, к сожалению, очевидно, деградируют, что ведет к ухудшению качества российской политической и военной науки и искусства политики. Если прежняя элита в российской империи проходила достаточно жесткую школу естественного отбора и воспитания, то при советской власти в результате революции эта традиция прервалась. Но только на время. Вновь она прервалась в 90-е годы, когда во власть буквально хлынул поток нравственно ущербных и непрофессиональных кандидатов.

В результате в конце XX века в России оформилась даже некая политическая закономерность: чем сложнее становились проблемы, тем хуже, менее профессиональна и нравственно, — правящая элита. И соответственно — хуже варианты решения этих проблем. Эта тенденция наблюдалась везде. В том числе, когда речь шла об уровне анализа и прогноза международной и военно-политической обстановки. Состоявшаяся в России последние 30 лет «деидеологизация»,

---

[41] *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 9.

вкупе с развалом науки и образования привели, к тому, что современная правящая элита страны не только не готова сама к качественному анализу и стратегическому прогнозу, но и не обеспечена достаточным количеством качественных экспертов и исследователей. Более того разрушены целые исследовательские школы, от которых остались в лучшем случае отдельные небольшие группы исследователей: деградирует академическая наука, полностью ликвидирована отраслевая, а остатки ведомственных коллективов практически не пополняются молодыми исследователями. Тому есть несколько субъектных политико-идеологических причин, у которых, как говорится, есть имя, фамилия, отчество и должность:

Во-первых, последствия борьбы с идеологией вообще и с «этатизмом», в частности, начатой еще А. Яковлевым, как главным «архитектором» и двигателем перестройки, сказываются и сегодня. Прежде всего, потому, что у него есть идеологические последователи, отстаивающие и сегодня «необходимость отсутствия» идеологии. На эту тему регулярно проводятся даже целые мероприятия, не только на экспертном, но и политическом уровне.

Роль идеологии и ее институтов настолько умышленно дискредитирована, что даже сегодня, во второй половине второго десятилетия XXI века, попытки ее восстановления малорезультативны. Идеология, как логически обоснованная система взглядов, конечно же, сохранилась, но в виде нескольких неформальных школ, не имеющих сколько-нибудь существенной материальной, организационно и кадровой базы, а уж, тем более не оказывающей общенационального влияния.

Вместо этого, спохватившись, начались поиски «смыслов» и написание «текстов», не связанных между собой, т.е. отсутствие системы заменили эклектикой. Идеология, как система, исчезла. Она превратилась в отдельные философские направления, перестав быть отраслью знаний профессиональной науки. Что, естественно, сказывается на качестве концептуальных материалов. Простой пример: министерство по развитию дальневосточных регионов предложило сделать летом 2015 года комплексный (!) НИР, посвященный социально-экономической стратегии развития дальневосточных регионов России до 2030 года. Такая стратегия, очевидно, должна отражать общенациональные, приоритеты, которые необходимо четко сформулировать, что является именно поли-

тико-идеологической задачей. Но именно этой общенациональной задачи так до сих пор и по сформулировано, поэтому стратегия социально-экономического развития в очередной раз (как и другие предыдущие такие стратегии, подготовленные за последние 10 лет) будет носить регионально-отраслевой характер. Как и многие другие стратегии и концепции она останется абстрактным, не требующим соблюдения, документом, слабо отражающим реалии. Между тем, опрос, проведенный РАГС в августе 2015 года, показал не только сокращение доли тех руководителей, которые следуют таким концепциям, но и, одновременно, увеличение доли тех, кто заинтересован в стратегическом планировании.

Любой субъективизм имеет в политике конкретный характер — политический, экономический, финансовый, военный или другой. Для того чтобы он «вписался» в эту систему, он должен видеть ее целиком с политико-идеологической точки зрения. Не случайно, что в стратегическом планировании США именно за политическим и идеологическим планированием (не случайно было и объединение Госдепа и ЮСИА) сохраняется, безусловно, главная, не подлежащая оспариванию ни ЦРУ, ни КНШ роль.

В области формирования ВПО, а тем более МО именно политико-идеологическая система уравновешивает все остальные интересы. В качестве конкретного примера, иллюстрирующего взаимосвязь политико-идеологических приоритетов с другими приоритетами и политическими целями, можно привести ход размышлений сотрудника РИСИ Л. Абаева относительно «дерева целей» российской внешней политики в отношении Японии (рис. 6), из которого видно, что главная задача — именно политико-идеологическая — «отобрать» наиболее приоритетные цели для России, которые затем уже расставляются в определенном порядке, «делятся» и т.д.[42]

«Деидеологизация», начатая А. Яковлевым и продолженная «макроэкономистами» и «менеджерами», «вымыла» из политики, административных органов и управленческих структур идеологов. Сегодня — это главная проблема путинской политики. В свою

---

[42] *Абаев Л. Ч.* О некоторых аспектах аналитического обеспечения стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации / Слушания в Общественной палате РФ. М. 2013. — С. 36.

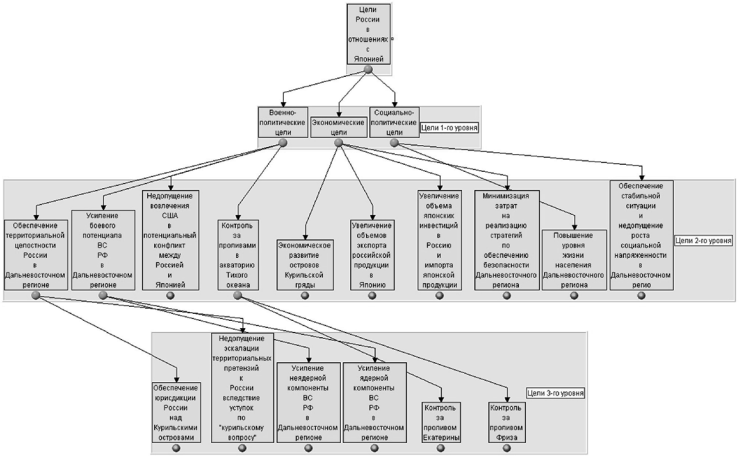

Рис. 6. Система политико-идеологической балансировки стратегии в отношении одного государства

очередь это привело к кадровому голоду, когда в России вдруг исчезли не только политики-идеологи, но и чиновники, способные широко (политико-идеологически) посмотреть на ту или иную проблему. Востребованы оказались «практики», которые в подавляющей массе составляют категорию безмолвных, безропотных и безынициативных исполнителей, хорошо ориентированных в «решении конкретных» вопросов. Главное требование к качеству человеческого капитала в XXI веке — креативность, способность к творчеству, оказалось невостребованным властью. Как следствие — идеологов нет ни в руководстве страны, ни в ее управлении, ни в экономике, ни в образовании. Их место занимают «менеджеры», — специалисты по всем вопросам управления, точнее по управлению финансовыми потоками. А. Сердюков, А. Чубайс — яркие этому примеры, но таких примеров в управленческом звене — абсолютное большинство. Все это лишает управление, анализ и прогноз творческого подхода, а значит и эффективности. Только хороший исполнитель не способен сегодня к творческому решению, научному поиску, инициативе. Поэтому в управленческом звене в России сформировался «идеальный» тип: безынициативный, лояльный, исполнительный. Другими словами, возник кадровый кризис, в котором власть не отдает себе отчета.

Даже попытки единственного идеолога в стране — В. Путина (в частности, на Селигере и других неформальных идеологических встречах, а также в последних Посланиях Президента РФ), ни к чему не привели. Системы политико-идеологического управления так и не появилось. Точнее — система сложилась как «идеологическая антисистема», которая требует ежечасного вмешательства, «ручного управления».

Во-вторых, на усиление субъективного влияния на политические процессы сказалось фактическое разрушение национальной гуманитарной науки, причем не только в фундаментальной, но и прикладных областях. Были уничтожены целые институты и школа РАН. Но не только. «Исчезла» отраслевая наука, которая обеспечивала органы управления информацией и аналитикой, «захирели» научные школы в университетах и вузах, которые были вынуждены зарабатывать только на образовании. Все это привело к резкому снижению качества специалистов самого разного звена. Это отбросило эффективность управления страной на десятилетия. Некоторые научные школы в отдельных отраслях экономики вообще исчезли, а некоторые сократились до вымирающего минимума. Так, на одной из идеологических кафедр Военного Университета вместе 80 профессоров, доцентов и преподавателей осталось… восемь. Очень сильный удар по военным научным школам нанес А. Сердюков, но его действия, на самом деле, вполне типичный пример «отраслевого» управления наукой[43], «деидеологизированными» менеджерами. Это свидетельствует о резком усилении существовавшего прежде кризиса научных школ и направлений, которые сознательно уничтожаются в соответствии с идеологией рынка, не требующей от России наукоемкой продукции. Как справедливо отметил в своей фундаментальной работе А. Владимиров, «Мы уже хорошо прочувствовали на себе, что попытки власти, государства или всей нации жить без собственной идеологии, не только не дают хоть какого-то положительного результата, но и ввергают их в идеологическую зависимость от чуждых идеологий…»[44].

---

[43] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[44] *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. — С. 54.

Таким образом, качественным анализом и прогнозом общественно-политического развития в России заниматься в настоящее время практически некому, а его политическая востребованность только-только стала возникать в директивных органах, о чем свидетельствует возросший «портфель заказов» на частные гуманитарные исследования. Фактически к 2015 году Россия в этой области оказалась в ситуации, которую можно охарактеризовать как почти «нулевая» — нет ни долгосрочных научных крупных заказов, ни научных школ, ни серьезных кадров. То немногое, что еще существовало в СССР, за последние 30 лет было практически уничтожено, а остатки этого человеческого капитала продолжают вымирать.

И, наоборот, в конкурирующей с российской ЛЧЦ западной ЛЧЦ за эти годы было сделано очень многое, что существенно повысило качество анализа и прогноза, а также уровень принимаемых решений. Для России это означает, что во втором десятилетии XXI века такой его разрыв с США, как и в области технологий.

Эти и другие причины привели к тому, что как во внешней, так, и в военной политике реальная научная база фундаментальной и прикладной науки «сжалась» до того уровня когда ее качественное воспроизводство фактически прекратилось. Попытки власти последних лет воссоздать через научно-координационные советы и пр. общественные институты связь высших звеньев управления с наукой оказались малоэффективными, а реанимации научных коллективов из советского прошлого и использование в этой области советского наследия стали практически бессмысленными.

Естественно, что эти и другие причины позволяют скептически оценивать не только уровень принятия и реализации политических решений (о чем не раз говорил Президент РФ, в частности, упоминая то о 10%, то 15% реализуемых его решений), но и качество этих решений. Яркий пример — четыре (!!!) раза пересмотренный краткосрочный прогноз МЭР роста ВВП в 2014 году. С точки зрения эффективности управления это означает катастрофу.

Такая оценка в полной мере относится как к качеству подготовки, так и принятия решений, что, естественно, в полной мере относится к качеству анализа и прогноза. По сути дела возникли

две большие группы субъективных проблем (по большому счету политико-идеологических), связанных с анализом, прогнозом развития МО и принятием необходимых решений в области стратегического планирования[45]:

Первая группа связана с катастрофически низким качеством лиц, отвечающих за подготовку и принимающих политические и другие важнейшие решения, т.е. качеством человеческого потенциала правящей элиты, в частности:

— образованием;
— опытом;
— способностью к анализу и прогнозу;
— нравственными качествами.

Быстро решить эти проблемы не удастся: требуется идеологическое воспитание и профессиональная подготовка экспертной и правящей элиты. Так, как это делается на протяжении десятилетий в США. Мой личный опыт показывает, что там существует фактически обязательные ступени в карьере, которые позволяют политический системе не только «защититься от дурака» (в нашем случае, не пропустить к власти М. Горбачева и К), но и обеспечить высокое качество элиты. По моим наблюдениям эти обязательные ступени (которые невозможно обойти, избежать и пр.) таковы:

— престижный университет;
— участие на старших курсах в общественно-политической деятельности;
— участие в работе органов власти штата (помощник конгрессмена и т.д.);
— выход на уровень работы в каком-то штате, как правило, в качестве конгрессмена штата;
— выход на федеральный уровень;
— выдвижение в «первые ряды» федерального уровня;
— стажировки в министерствах, ведомствах, участие в кампаниях, командировках и т.д. «по кругу»;
— заметный пост в федеральных органах власти (сенатор, зам. секретаря / министра и т.д.);

---

[45] Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А. И. Подберезкина. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

— стажировки, отмены и т.д.;
— выход на первые роли — министра, руководителя комитетов, палат Конгресса и т.д.

Вторая группа проблем повышения эффективности связана с развитием научных школ, коллективов, институтов, естественным уходом ученых и переориентацией научных кадров в области социальных и гуманитарных наук, отсутствием наработанных теорий, методик, концепций и пр. аппарата научных исследований. Эту группу проблем необходимо срочно решить, посредством воссоздания старых и создания новых научных школ и направлений, понимая, что потребуются годы для решения этой проблемы.

Между тем, предпринимаемые в последние годы амбициозные усилия руководством страны в области внешней и оборонной политики требуют не только быстрой, но и очень точной оценки и анализа, а тем более прогноза. От этого зависит как эффективность принимаемых решений (скорость реализации, стоимость, полнота), так и сама их целесообразность. Это — общее современное требование. Как подчеркивается в Докладе о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки от 13 июня 2013 года, «важнейшей частью процесса формулирования указаний по использованию ядерного оружия является **всесторонняя оценка стратегической обстановки** (подч. — *А.П.*)»[46]. Особенно, если речь идет о крупных национальных программах, требующих больших затрат. Собственно именно этой проблеме и посвящена настоящая глава, в которой делается попытка осмысления логики практического политического и военного процесса, включая его современное состояние.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что современное состояние человеческого потенциала и качество анализа, прогноза и принятия качественных решений в России оказывается ниже критического уровня. Существующих человеческих ресурсов совершенно недостаточно[47]:

---

[46] Доклад о Стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки (направлен в Конгресс США в соответствии с положениями раздела 491 тома 10. Свода Законов США 13 июля 2013 г.). — С. 3 / http://www.defense.gov.publ

[47] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

— ни с точки зрения наработанного аппарата для анализа и прогноза, теоретической и методологической проработки этих проблем и разработки частных методик и концепций;
— ни с точки зрения кадров, способных сделать такой оригинальный анализ и прогноз;
— ни с точки зрения лиц, принимающих важнейшие решения в стране, которые в настоящее время не только не способны выполнить эту работу, но даже осознать ее масштаб и значение.

Это означает только одно: эффективность государственного, общественного и экономического управления в России будет оставаться крайне низкой по двум основным причинам:

— низкому качеству НЧК и его институтов, обладающему устойчивой тенденцией к ухудшению, снижению общего научного и культурного уровня в стране и уровня экспертизы;
— продолжающемуся ухудшению качества правящей элиты, когда остатки профессиональной советской элиты заменяются новым поколением непрофессиональных сотрудников, обладающих низким качеством нравственного потенциала.

9.5. Идеология и дезинформация при анализе и прогнозе развития международной обстановки в XXI веке

Эта технологическая пропасть (между Россией и Западом. — *А.П.*) — прямой результат ранее сделанного и ныне действующего морального выбора[48]
С. Рубцов,
руководитель Центра исследований идеологических процессов

Наша система высшего образования — лучшая в мире…[49]
Б. Обама,
президент США

Очень часто оценка или даже прогноз политических событий в международной области основывается просто на заявлениях и публичных декларациях политиков, оценках экспертов и выводах журналистов. Причем без какого-либо серьезного исследования. Между тем, как известно, существует большая разница между публичными намереньями и декларациями, с одной стороны, и реальными действиями, с другой. Очень часто, даже, как правило, эта разница умышленно камуфлируется с целью дезинформации противника относительно своих истинных намерений. Особенно если речь идет о будущих намерениях. Это и понятно, ведь в политике и военном деле противной стороне нужно знать только то, что вы хотите знать. Проблема, однако, заключается в том, что публичная международная политика не может строиться на дезинформации: важно, чтобы не только ваши союзники, но и оппоненты понимали цели и мотивы ваших действий.

С этой точки зрения идеология, как оформленная концепция и система взглядов, не может вводить в заблуждение ни союзников, ни противников в долгосрочной перспективе. Возможные тактические уловки, приемы и хитрости не могут изменить политико-идеологическую суть внешней политики также как украшения на фасаде

---

[48] *Рубцов С. В.* Прощание с будущим // Независимая газета. НГ-сценарии. 2015. 27 января. — С. 12.

[49] *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

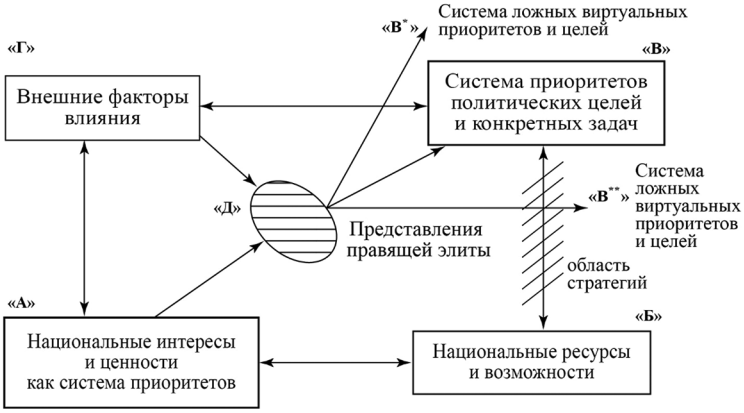

Рис. 7. Модель политического процесса применительно к механизму формирования «виртуального» сценария МО в будущем

дома не могут повлиять на фундамент и основные несущие конструкции. Вот почему анализ политики должен основываться не только на традиционном политическом анализе: публичных заявлений и действий, а также изучении реальных интересов (потребностей) правящего класса и его возможностей (ресурсов), но и на тщательном изучении концептуально-идеологических основ политики, отражающих субъективные взгляды представителей правящей элиты. Если вернуться в очередной раз к модели политического процесса, то это означает, что анализу должны повергнуться: (рис. 7)

— традиционные заявления и публичные декларации, в которые оформляются цели и задачи политики (группа факторов «В»);
— национальные ресурсы и возможности (группа факторов «Б»);
— национальные ресурсы и интересы (группа факторов «А»);
— влияние внешних факторов (группа факторов «Г»).

Но не только! Анализу должны подвергнуться их взаимосвязи в представлении правящей элиты страны и общества (группа факторов «Д»), т.е. идеология!

При таком анализе окажется невозможным спутать подлинные и декларируемые в целях дезинформации политические цели. Также невозможно, как и скрыть конструкцию здания и его основные параметры за внешним декором.

Представляется, что в XXI веке такая разница между декларируемыми намерениями и реальными действиями стремительно увеличивается. Более того, политические декларации и их комментарии экспертами, журналистами и блоггерами нередко сознательно преследуют цель ввести в заблуждение. При этом, похоже, что ответственность за такое поведение становится все более актуальной задача отделить в анализе и прогнозе развития МО и ВПО реальность от вымыслов и дезинформации, что позволяет делать традиционный анализ, основанный не столько на изучении заявлений и намерений (intentions), сколько на анализе, во-первых, возможностей и ресурсов (capabilities), а также, во-вторых, анализе идеологии, как системы взглядов, идей и ценностей, отказ или игнорирование, которых полностью невозможен даже в интересах дезинформации противника[50]. Таким образом, самый общий теоретический подход к анализу развития МО и ВПО предполагает:

— традиционный для политических ведомств анализ намерений, заявлений, комментариев и пр. (intentions);
— анализ реальных возможностей и ресурсов (capabilities), который в большой степени относится к компетенции спецслужб;
— анализ идеологии (концепций, идей, ценностей), который является резко предметом тех, кто склонен к научным исследованиям.
— анализ развития НЧК и его институтов на уровне как ЛЧЦ, так и наций, и государств, и международных акторов.

Эту мысль можно сконцентрировать в следующую логическую картину методологии исследования, исходя из предыдущей логики обсуждения: (рис. 8).

Как видно из рисунка, идеологический аспект анализа и прогноза присутствует не только в качестве важнейшего самостоятельного подхода, но и присутствует, в том числе в анализе ресурсов/возможностей и политических деклараций, потенциала ЛЧЦ и ее институтов.

Этот подход к анализу и прогнозу МО позволяет, в конечном счете, отличить реальные планы и действия от мнимых — надуманных или разработанных в целях дезинформации, — что всегда было важнейшей задачей политики и лиц, принимающих политические,

---

[50] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 64–73.

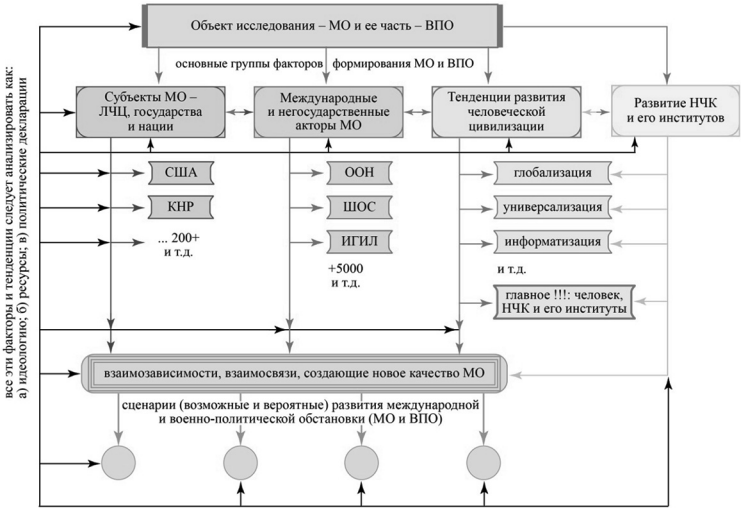

Рис. 8. Анализ развития МО и ВПО во взаимосвязи основных групп факторов и идеологии

военные или иные важнейшие решения. Известно, что успешная кампания и дезинформации приводила не только к проигранным сражениям и даже войнам, но и краху государств. Речь идет в данном случае не столько о конкретных деталях, пусть даже очень важных, а о понимании сути политики и стратегии оппонента.

В условиях ведущейся сетецентрической войны против России исключительно важными становится точное понимание политики противника, которая возможна только на основе идеологической адекватной оценки всей суммы идеи, концепций и «смыслов», — собственных и чужих — которые, так или иначе, используются в этой войне локальными цивилизациями и нациями, а не только отдельных фактов и тенденций. Это возросшее значение идей определяется как минимум, двумя обстоятельствами: во-первых, объективно возросшей ролью в политике и стратегии государств информационно-коммуникационных средств, вытекающих, в свою очередь, из роста значения НЧК и его институтов[51], а, во-вторых,

[51] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

в качественно новых научных, образовательных, технических возможностях влиять на другие ЛЧЦ государства и коалиции, прежде всего, на формирование общественного и элитарного сознания этих стран.

Особенное значение изменения в этих возможностях имели для политики откровенной дезинформации и создания ложных «виртуальных реалий» в МО, которая стала повсеместной практикой в начале XXI века, более того, будет ведущей тенденцией в будущем. Так, мысль о «вине» коммунизма и «покаянии», которая активно используется с конца 80-х годов, «плавно» переросла в «вину СССР», а затем уже и «войну России». В том числе и за то положительное, что еще совсем недавно признавалось за ней бесспорно. Так, «вина» коммунистов и И. Сталина превратилась через несколько итераций в «вину России» перед всей Европой, а недалеко, возможно, и то время, когда эта вина трансформируется в «вину перед Германией». А затем и пересмотр результатов войны, отрицание итогов послевоенного мироустройства, что, в конечном счете, может привести уже к «законному» пересмотру сложившихся границ и переделу природных ресурсов и контролю над транспортными коридорами.

Не случайно, что этот процесс «деидеологизации» в СССР и России совпадает с политическим процессом формирования новой «виртуальной реальности» — положительного значения усиления лидерства «миролюбивой» — демократической Германии в конце XX века. С политической точки зрения это означает, что Германия стремительно превращается уже не только в лидера ЕС, но и в самостоятельную военно-политическую силу, которой очень мешает недавнее прошлое, чтобы было можно повторить сценарий развития МО накануне Первой и Второй мировых войн. Иными словами, идеология, пропаганда и манипулирование общественным сознанием стали реальными политическими инструментами, альтернативными объективным знаниям, к которым прибегают традиционно при анализе МО и ВПО. В отличие от прежних лет это явление уже стало важным реальным фактором мировой политики, который требуется учитывать при анализе, а тем более стратегическом прогнозе. Можно, например, предположить, такую картину: сформулируется некий ложный образ в качестве «виртуальной реальности», а в результате целенаправленных усилий

сформировывается такая МО, которая будет соответствовать этому образу уже в реальности. Примеры уже существуют — «поиск» химического оружия» в Ираке, «ядерная угроза» Ирана, «имперские амбиции России» и т.д.

Другой пример реализованной «виртуальной реальности» — создание атмосферы русофобии на Украине, которая привела, в конечном счете, к незаконной смене власти. Образ «империалиста» из русского начал сознательно формироваться еще в СССР, когда всячески стало выпячиваться «украинство» и подчеркиваться «экономические издержки» союзного государства. В итоге произошло, казалось бы, невероятное — часть русского народа «осознала себя» самостоятельной нерусской этнической общностью, противопоставив основной части нации. И все это за какие-то 25–30 лет[52].

На самом деле быстрое изменение МО предполагает, прежде всего, быстрое изменение социальной сущности человека, институтов его развития, т.е. НЧК и его институтов. На рисунке, указанном выше, этот фактор обозначен среди прочих в группе глобальных тенденций развития человеческой цивилизации, но именно он и является **самым динамичным фактором** в изменяющейся МО: демографические, природные, экономические и иные факторы меняются не только медленнее, но и менее радикально. Тем сильнее их влияние и в конкретной МО и ВПО, и даже СО[53].

Сказанное означает, что идеологическое и дезинформационное значение при формировании (и, следовательно, прогнозе) МО — чрезвычайно высоко и стремительно повышается. Что, кстати, очень хорошо поняли на Западе еще в последней четверти XX века, когда подписали Заключительный Акт в Хельсинки 1 августа 1975 года, который стал фактически правовой и политической основой для всего диссидентского движения и последующего развала Социалистического содружества.

Развитие современного сценария МО характеризуется еще более быстрой искусственной виртуализацией действительности, когда сознательно создается некая нереальная виртуальная

[52] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 27–47.

[53] *Подберезкин А. И.* Долгосрочный сценарий развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке / *А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян* [и др.]. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 22.

Рис. 9. Шесть этапов создания нового реального сценария международной обстановки (МО) и новой политики на базе политических интересов «виртуальной МО»

(выгодная западной МО) реальность, которая начинает все сильнее влиять на сценарий развития МО. И объективные реалии и знания в этом процессе играют подчиненную идеологии роль, т.е. сознательно подгоняются под необходимую субъекту МО реальность. Сегодня, например, можно выделить ведущую виртуальную реальность, созданную США, под которую тщательно и настойчиво подгоняется» реальная МО. Эта реальность — «агрессивная «Россия», «угрожающая цивилизованному человечеству», которую требуется всеми способами (включая военные) уничтожить. Такая «идеологическая картинка» является уже не виртуальной, а реальной политической основой для анализа современной МО и будущих сценариев.

Эту идеологическую особенность важно сознавать в реальной политике потому, что именно настойчивое отстаивание «виртуальной реальности» превращается в реальную политическую практику. Это особенно отчетливо было видно в процессе осве-

щении конфликта на Украине, когда собственно медийный процесс превратился в самостоятельную политику. И этот же процесс стал фактором сознательного формирования сценария МО в еще большей степени в будущем. Механизм создания такого «виртуального сценария МО» можно представить следующим образом, разбив его (в целях выделения отдельных функций) на два этапа, которые означают этапы сознательной политики дезинформации и создания ложного сценария развития МО[54].

Как видно из рисунка (рис. 9), будущий сценарий МО во многом предопределен теми идеологически обоснованными «виртуальными образами», которые сознательно заранее создаются оппонентами. Если проиллюстрировать эту формальную логику примером, то хорошо подходит пример с Украиной, полностью соответствующий всем этапам развития.

I этап (1970–1980-е гг.)	—	Реальность существования ОВД и СССР. Идеологическая «постановка задачи» развала Социалистического содружества.
II этап (1975–1989 гг.)	—	«научное» обоснование, формирование концепции «независимого» от империи, «демократического» государства.
III этап (1989–2013 гг.)	—	Продвижение «образа незалежности» и «демократичной» (в отличие от «ватников») Украины
IV этап (10.2013–2014 гг.)	—	Создание «политической реальности» в соответствии с виртуальным образом.
V этап (2014–2015 гг.)	—	Формирование новой реальной, враждебной России МО и политики на Украине, ее трансформация в военно-политическую реальность
VI этап (2015 г. —)	—	Реализация новых политических установок, прежде всего, формирования устойчиво враждебной России стратегической обстановки.

[54] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Реальные объективные знания не только в отношении фактов, но и идеологии необходимы для того, чтобы отделить «виртуальные» цели от реальных и спрогнозировать конечные реальные политические цели и будущий реальный сценарий развития МО. В частности, реальный сценарий развития МО после 2020 года представляется как один из вариантов сценариев военно-силового и вооруженного противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ, прежде всего российской. Однако его «виртуальный образ», который готовится в настоящее время в США и НАТО, существенно отличается от реального. Он акцентирует внимание не только на силовом, но и на вооруженном противоборстве ЛЧЦ, что очевидно следует из ставших известными в 2015 году Стратегии национальной безопасности и Военной стратегии США[55]. Это сознательно дезориентирует общественность и лиц, принимающих политические решения.

Надо понимать, что существует и дезинформационный процесс формирования «виртуального образа» — процесс, занимающий определенное время и усилия не только в СМИ, но и в политических и дипломатических, и экспертных кругах, которые — это важно подчеркнуть — специально готовятся и для них выделяются специальные ресурсы. Другими словами, это достаточно ресурсный процесс дезинформации, требующий времени. Он необходим для формирования у оппонента «ложной цели» и неэффективной траты ресурсов. Так, очевидной «ложной целью» для СССР многие годы являлась возможная война в Европе с помощью массовых сухопутных армий по аналогии с войной 1941–1945 годов. В результате СССР создал огромное число бронетанковых и пр. сухопутных соединений, которых надо было поддерживать в мирное время вне зависимости от степени военной угрозы. Позже, десятками тысяч эти самолеты, танки и пр. техника утилизировались, что, впрочем, также потребовало крупных затрат.

Яркий пример этому — создание иллюзии стратегического наступления, когда в процесс включены в т.ч. и реальные ВС, а также ВиВТ. В политике происходит примерно то же самое: тратятся не

[55] National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015; а также: The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : GPO, 2015.

только виртуальные и медийные, но и материальные ресурсы. В т.ч. создается, возможно, иллюзия развертывания подразделений ВС, создаются новые ВиВТ. Это необходимо иметь в виду при анализе и стратегическом прогнозе развития сценария МО после 2020 года.

Следует понимать, что такие дезинформационные «виртуальные акции» не только могут, но **обязательно будут** предприниматься в будущем. Они уже стали частью внешнеполитического планирования западной ЛЧЦ. И задачей научной экспертизы является вычленение таких ложных «виртуальных акций», в т.ч. из всего спектра возможных сценариев развития МО в будущем. Отличать возможные от реальных сценариев, включая искусственно культивируемые возможные сценарии развития МО, является очень важной функций органа, участвующего в подготовке и принятии решений. По сути дела — это важнейшая задача, стоящая перед всей военной организацией нации.

Известно, что в современной истории существует много практических примеров такого процесса сознательного искажения объективных реальностей в целях дезинформации. Например, через все шесть стадий этого этапа прошло формирование «виртуального» политического облика НАТО в 1990–2000 годы — от искажения реального военно-политического союза, которым он

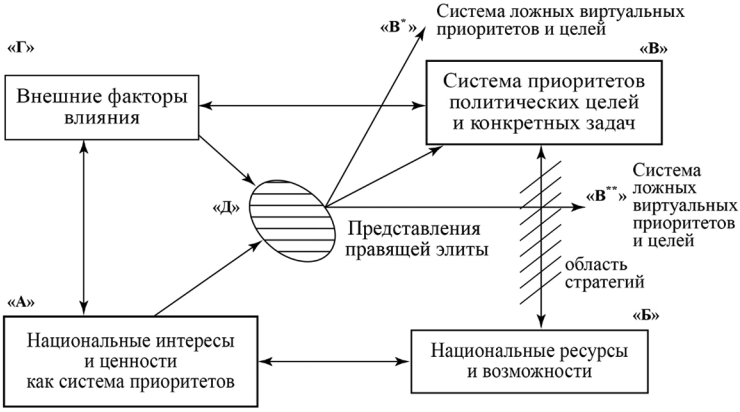

Рис. 10. Модель политического процесса применительно к механизму формирования «виртуального» сценария МО в будущем

является, и попыток представить его в виде некой «невоенной, политической», чуть ли не гуманитарной организации, до дезинформации относительно сворачивания его военной деятельности и даже роспуске блока. Надо признать, что для большого числа представителей советско-российской правящей элиты эта дезинформация сработала. Более того даже высшие представители правящих кругов России включая президента Б. Ельцина, поддержали идею расширения НАТО на восток.

Очень важно понимание значения именно идеологического этапа формирования сценария «виртуальной МО» потому, что он представляет собой не только будущую научную основу идеологии, ее базовую логику всего политического процесса, но и нередко сам механизм реализации всех последующих стадий формирования «виртуального» сценария МО. Общую логику и взаимосвязь всех звеньев политического процесса можно лучше представить себе на основе рисунка (рис. 10), составленного по исследования профессора МГИМО М. Хрусталева[56].

Из рисунка видно, что объективные (базовые) интересы и ценности, проходя через «линзу» восприятия национальной элитой могут формироваться в цели и задачи очень по-разному, даже противоречиво. Наверное, наиболее, точный, научно обоснованный, «идеальный вектор» представлений («Д»–«В») может соответствовать объективным международным реалиям на 70–80, а в идеале даже на 90%, но и тогда эти представления не будут идеальны и абсолютно тождественны потребностям. Конкретная СО, например, никогда не будет тождественна ВПО.

Другие же вектора («Д»–«В*» и «Д»–«В**») могут быть очень далеко от реалий и действительности. Причем это может происходить как по ошибке, или другим причинам, так и осознанно, с целью введения в заблуждение потенциального противника относительно современных и будущих политических целей и вытекающих из них стратегий. Так, вектор «Д»–«В*», например, показывает на эволюцию целей (и соответствующие изменения в стратегии) в сторону большего учета международных реалий, открытости, универсальности и большей вовлеченности в международные дела. Это оз-

[56] *Хрусталёв М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015.

начает, что и внешнеполитическая стратегия и военная политика будут больше ориентированы вовне, что позволяет делать соответствующие выводы о характере будущего сценария развития МО. В качестве примера можно привести политику Японии и прогноз ее стратегии, а также сценарии развития МО в 30-е годы XX века для США, которые колебались от изоляционизма к глобальной или региональной вовлеченности.

И, наоборот, вектор «Д»–«В**» свидетельствует о целях и стратегии, ориентированных в значительной степени на изоляционизм, как это было в США в 30-е годы XX века. Но это разделение, естественно, справедливо только для логической модели. На практике это слишком явное разделение отсутствует.

Глава X
Роль национального человеческого капитала, науки и идеологии в формировании международной обстановки в XXI веке

… будущие сценарии развития МО зависят …
от усилий самого субъекта международных
отношений, его воли, ресурсов
и последовательности[1]
А. Подберезкин, М. Александров

Национальный человеческий капитал и институты его развития можно рассматривать как самый мощный материальный и творческий ресурс ЛЧЦ и нации в XXI веке, с одной стороны, и как стремительно усиливающий свое внимание фактор (группа факторов), влияющий на формирование МО.

Признание этого факта означает, в конечном счете, не только признание растущей роли НЧК и его институтов в XXI веке, но и его значения среди других факторов формирования МО. Это означает неизбежно и признание значения иррационального в мировой системе политических и иных взаимоотношений, субъективного, в т.ч. когнитивно-личностного значения политики.

С точки зрения адекватного анализа и прогноза развития того или иного сценария МО это означает необходимость учета субъективных и личностных факторов как части системного анализа, что в принципе возвращает отчасти нас в прошлое, когда выдающиеся монархи и полководцы определяли вектор развития и выбор того или иного сценария развитии МО — от Чингиз-хана, Наполеона, Сталина до Дэн Сяо Пина и Путина.

---

[1] Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 13.

10.1. Национальный человеческий капитал, его институты и идеология[2]

Формирование человеческого капитала должно стать стратегической задачей государства на ближайшее время. Это задает новые ориентиры не только в собственно демографической области, но и во многих хозяйственных сферах страны…[3]
Н. Слука,
профессор МГУ

Новые решения требуются не только в международных отношениях, но и в выстраивании ответственного административного механизма внутри страны[4]
А. Цыганков,
профессор Калифорнийского университета

Существует строгая зависимость для подготовки эффективной национальной стратегии в отношении формирования МО: во-первых, нужна система взглядов (т.е. идеология) на то какие цели и задачи политики мы преследуем, во-вторых, реализация этих целей должна опираться на эффективную стратегию и трату ресурсов, т.е. на четкие приоритеты. В XXI веке в основе этой стратегии лежит приоритет развития НЧК. Взаимосвязь проблем развития МО, национального человеческого капитала и идеологии впервые много была достаточно подробно рассмотрена мною в специальной работе[5] в 2011–2013 годы. Главный практический вывод, вытекающий из анализа этой взаимосвязи, можно сформулировать коротко следующим образом: в формирования МО в XXI веке решающее значение приобретает эффективность управ-

---

[2] Подробнее о роли НЧК в идеологии и формировании международной обстановки см.: *Подберезкин А. И.* Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология. — М.: МГИМО–Университет; *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

[3] *Слука Н.* Большой стране — большие проекты / ВВП, 2015. №5(94). — С. 27.

[4] *Цыганков А.* Сильное государство: теория и практика в XXI веке / Россия в глобальной политике. 2015. Март–апрель. — С. 9.

[5] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т. 2. Книга первая: *Подберезкин А. И.* Международная безопасность в XXI веке и модернизация России. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

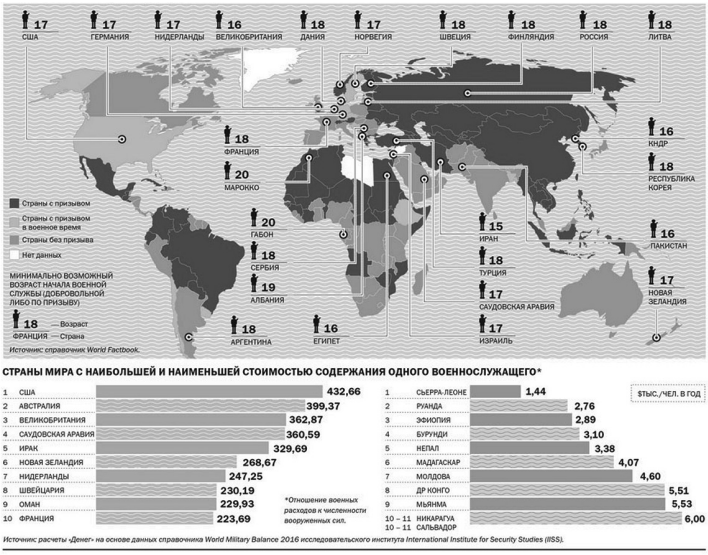

Рис. 1. Призыв на военную службу в мире

ления (ЛЧЦ, нацией и государством), которая определяется, прежде всего, наличием адекватной идеологии, а та, обеспечивается в свою очередь, качеством НЧК и его институтов.

Иными словами эффективная национальная стратегия, влияющая на степень благоприятности для нации и государства той или иной МО, является конечным результатом развития адекватной, соответствующей современным мировым реалиям, идеологии, обеспеченной эффективным национальным человеческим капиталом и его институтами.

Этот вывод означает, что без такой идеологии (как национально ориентированной и научно обоснованной системы взглядов) говорить об эффективной национальной стратегии бессмысленно. И так же бессмысленно говорить о количественном и качественном увеличении НЧК, рост которого в России в последние годы объясняется многими, но отнюдь не политико-идеологическими причинами: депопуляция страны в общих чертах прекратилась, но и говорить о «демографическом ренессансе», очевидно преждевременно, так как Россия по-прежнему остаётся среди стран, чей ИРЧП не относится к показателю «очень высокий».

10.1.а). Идеологический приоритет развития национального человеческого капитала и его институтов

… политика имеет дело с людьми, их субъективным восприятием окружающего мира, которое формируется под влиянием индивидуальных предпочтений, личного опыта, социального статуса, уровня знаний и образования, культурных установок и т.д.[6]

Л. Капица,
профессор МГИМО

Система политических приоритетов представляет собой идеологию, даже если сами субъекты — носители той или иной идеологии это и отрицают. Во втором десятилетии XXI века для многих уже стало окончательно ясно, что вопросы обеспечения безопасности и национального развития могут решаться только в том случае, если в качестве важнейшего приоритета в политической стратегии сформулирована цель максимально быстрого развития НЧК и его институтов.

Сказанное имеет самое прямое отношение к степени возможного влияния того или иного субъекта МО на процесс его формирования. Зависимость, как обнаруживается, прямая: чем выше НЧК и сильнее его институты, тем сильнее влияние на процесс формирования МО и на отдельные (финансовые, экономические, военные и пр.) аспекты этого процесса.

К сожалению, такой ясно сформулированной идеологии и приоритетов у России пока нет, что, безусловно, сказывается не только на темпах ее развития, но и на возможностях влияния на процессы формирования МО, хотя уже можно говорить о постепенной, пусть и медленной и недостаточной, по смене курса в сторону учета этих приоритетов в развития НЧК. Причем в самых различных областях — от демографии до создания национального индекса культурного наследия[7], военного планирования и гуманитарного сотрудничества. В качестве примера приведу две под-

---

[6] *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. — 2-ое изд. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 263.

[7] *Кулешова М.* Эпикриз околонаучных интенций // Независимая газета. 2015. 11 сентября.

борки данных, из которых следует, что экспорт нашей наукоёмкой продукции военного назначения в абсолютных величинах растет очень медленно, хотя именно качество ВиВСТ сегодня отражает в концентрированном виде состояние и конкурентоспособность российского НЧК.

Иногда, правда, следуют оптимистические оценки роста продаж ВиВСТ в последние годы, масштабы которых, однако, абсолютно не ответствуют ни политическим амбициям России, ни тому, каким должна быть ее обрабатывающая промышленность как один из критериев НЧК.

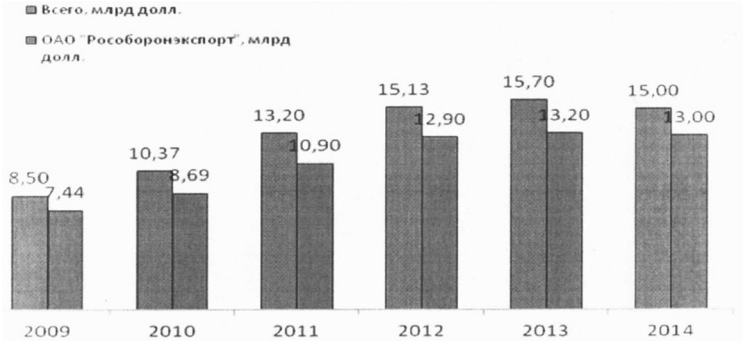

Рис. 2.[8] Стоимость поставок российских ВВТ за рубеж, млн долл. в текущих ценах

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего	8965	10 370	13 200	15 130	15 700	15 000
ОАО «Рособоронэкспорт»	7436	8691	10 900	11 340	13 200	13 000

Этот вывод особенно актуален, если сопоставить объемы экспорта ВиВСТ и всего экспорта России сегодня. На рисунке видно, что экспорт ВВТ занимает небольшую часть в общем экспорте страны, однако его относительная доля в последние годы растет.

[8] 1997–2015. Центр анализа стратегий и технологий (www.cast.ru)

Рис. 3.[9] Общий экспорт России и доля в нем экспорта ВВТ

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Общий экспорт, млрд долл. в текущих ценах	303,4	400,4	516,5	524,7	526,4	496,9
Доля военного экспорта, %	2,96	2,59	2,5	2,66	2,98	3

Таким образом, даже военной обрабатывающей промышленности в экспорте страны составляет порядка 3%, что вполне точно характеризует объемы и качество НЧК России и эффективность ее институтов, включая те, которые отвечают за развитие ОПК и экспортных возможностей страны.

Остается добавить, что продажи ВиВСТ являются мощным и реальным политическим инструментом влияния на других субъектов МО и на формирование МО в целом. Достаточно привести некоторые пример, когда такие поставки (С-300 — Ираку, танков Т-90, истребителей СУ-30 и т.д.) вызвали резкое изменение в поведении субъектов МО.

Таким образом, если вы хотите обеспечить ЛЧЦ, нации или государству максимально благоприятную для них МО, то решение этой задачи возможно в определенной строгой последовательности, которая изначально определяется наличием общенациональной (поддерживаемой в основных рамках большинством социальных

[9] 1997–2015. Центр анализа стратегий и технологий (www.cast.ru)

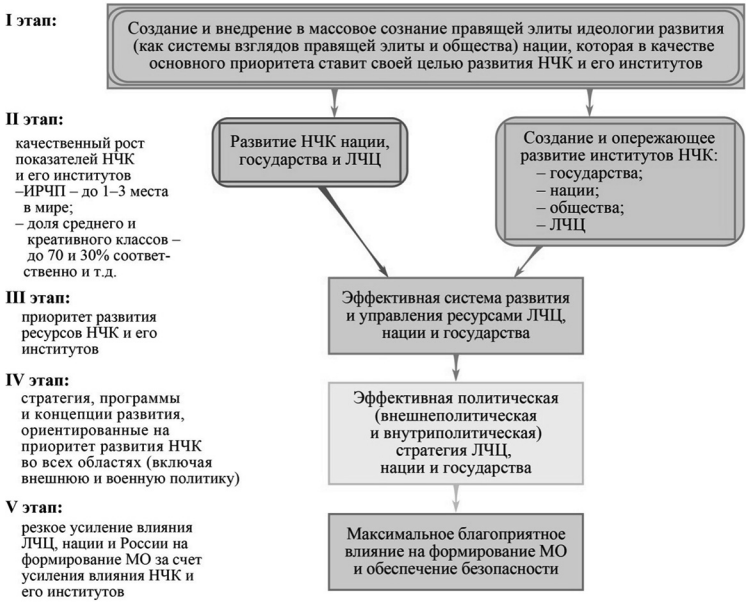

Рис. 4. Последовательность решения задачи создания благоприятной МО

групп) идеологии как системы взглядов на опережающее развитие НЧК и его институтов. Эту идеологию (систему взглядов на роль НЧК) можно с точки зрения порядка ее реализации разделить на этапы: (рис. 4).

Обязательная последовательность в решении задачи усиления эффективности внешнеполитической стратегии отнюдь не означает, что эту же задачу нельзя решать и одновременно и параллельно с решением главной, идеологической задачи. По мере формирования и внедрения идеологии национального развития (на первом этапе) можно и необходимо одновременно внедрять и развивать ее элементы на всех этапах — от второго до пятого. Так, например, развитие институтов НЧК в качестве инструментов внешней политики (пятый этап) может и должно происходить уже сегодня. Отчасти это и происходит, если говорить о таких удачных примерах, как «Россотрудничество» и «Россия сегодня», но масштаб и динамика

развития подобных институтов должны быть серьезно, качественно усилены, не дожидаясь пересмотра основных приоритетов на общенациональном уровне (например, в Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности и др.).

В настоящее время, прежде всего, важно максимально точно определить реальный вектор российской политики, ее цели и стратегию, как отдельного субъекта МО, так и коалиции, союза или ассоциации, но прежде всего, локальной человеческой цивилизации. В том числе и для того, чтобы не быть дезориентированным относительно их подлинности и отличия от ложных или заведомо виртуальных целей и стратегий, которые могут быть навязаны извне. Это происходило очень часто в прошлом и происходит — сознательно или нет — особенно часто сегодня. Как уже говорилось в предыдущем разделе, этого можно избежать, если анализировать не только отдельные группы факторов, формирующих политический процесс (цели, интересы, ресурсы, угрозы), но и концептуально-идеологическую взаимосвязь между ними, т.е. политическую идеологию. В этой связи особенно важно понимать значение правящей элиты и ее взаимоотношение с творческим («креативным») классом и его институтами. В этих целях обратился в очередной раз к модели политического процесса (рис. 5).

Из нее видно, что влияние на адекватность восприятия правящей элитой оказывает много факторов, но прежде всего группа внешних факторов (группа факторов «Б»), которые могут прямо

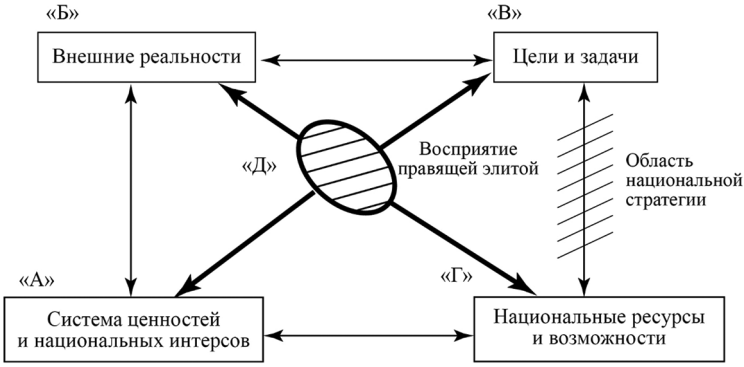

Рис. 5. Логическая схема (модель) политического процесса

влиять как на правящую элиту, так и на правящую элиту через корректировку национальных целей и задач внешней политики (группа факторов «В»). Из-за непрофессионализма, амбициозности или сознательной дезинформации извне, исказившей существующую и будущую реальность, но не только. Это внешнее влияние — его сила, а также способность преодолевать различное сопротивление, быстрота реализации и т.п. — зависят не только от собственно способностей самой правящей элиты и ее личных качеств, но и состояния нации, всего общества, точнее, — качества общества (его НЧК) и его институтов, — государственных, политических и общественных. Именно по этим институтам (КПСС, КГБ, МВД и др.) был нанесен удар в 1980-е годы с тем, чтобы внешнее влияние стало эффективным, что, в конечном счете, привело к отсутствию у нации сколько-нибудь общих представлений об обществе и государстве, целях и средствах внутренний и внешней политики, приоритетах и ценностях[10], писал я еще в 1999 году. И именно по этому качеству общества, его способности защищать свою систему ценностей и национальные интересы (группа факторов «А»). Не случайно, например, что именно РПЦ и Министерство культуры и их руководители (патриарх Кирилл и министр В. Мединский) стали главными объектами критики извне и оппозиции в последние годы.

Во второй половине 80-х и в 90-е годы XX века на правящую группу М. Горбачева — А. Яковлева — М. Шеварднадзе, а затем и Б. Ельцина — А. Козырева и руководимую ими элиту, очевидно, оказывалось не просто сильное внешнее влияние, и дезинформация, но и порой откровенное прямое, а иногда и грубое давление: политическое, экономическое, дипломатическое, психологическое. И это давление было эффективным в т.ч. и потому, что национальные институты НЧК, прежде всего государства, были до этого сознательно ослаблены и разрушены. Прежде всего, развязанной против них кампанией. Это давление, в конечном счете, привело к радикальной деформации целеполагания, внешнеполитических целей и задач СССР, а затем и России, фактическому отказу, более того, сознательному разрушению существовавшей военно-

[10] *Подберезкин А.И., Макаров В.В.* Стратегия для будущего президента России: Русский путь. — М.: РАУ-Университет, 2000. — С. 3–4.

политической и экономической под эгидой российской ЛЧЦ коалиции социалистических государств не только в Европе, но и во всем мире. Именно идеологическая деформация правящей элиты СССР (которая стала возможной в результате развала институтов НЧК государства и общества) стала главной причиной радикального изменения МО, которая не имела под собой серьезных объективных оснований[11], более того, прямо противоречила таким основаниям.

В этой связи есть основания полагать, что в XXI веке политическое знание качества НЧК, его институтов и, как следствие, правящей элиты, ее роль, в том числе, в военном искусстве станут еще более важным, даже решающими факторами в политической и военной победе той или иной ЛЧЦ или нации. Этот вывод подтверждается примерами прихода к власти в XXI веке в мире целой плеяды сильных харизматических личностей, изменивших, иногда радикально, внешнеполитический курс своих стран и даже ЛЧЦ — в России, Китае, Сингапуре, Венесуэле, Бразилии, Аргентине и т.д. Соответственно резко повышается и значение внедрение ложных идеологем и прямой дезинформации этих лидеров и правящих элит, которая превращается, как правило, в самостоятельную, публичную, системную политику[12]. «Виртуальная реальность», создаваемая в результате такой политики, может полностью дезориентировать общественное мнение или создавать условия для проведения нужной внешней политики. Именно так происходит сегодня на Украине, где создана абсолютно ложная «виртуальная реальность» — «российский агрессор», которая положена в основу всего стратегического курса США:

— по отношению к другим членам западной ЛЧЦ;
— своим союзникам по НАТО;
— странам Ближнего и Среднего Востока;
— беженцам из Сирии, Ливии и др. стран и т.п.

Этот вывод также является прямым следствием, прежде всего, резко возросшей роли и решающего значения национального человеческого капитала и его институтов на новом этапе развития

---

[11] Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3.М. : МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

[12] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

человечества, которые нередко сводятся к появлению «креативного класса». Этот фактор, как уже говорилось выше, превратился в решающую мировую тенденцию формирования МО[13]. Но он также является и главным ресурсом, в т.д. идеологическим и дезинформации, на который делает ставку западная ЛЧЦ.

10.1.б). Идеология опережающего развития институтов национального человеческого капитала

Поскольку наши западные «партнёры» мыслят,
по-видимому, геополитическими категориями,
проанализировав их можно попытаться
сделать прогноз их дальнейшего поведения[14]
С. Глазьев,
советник Президента РФ

Институты развития НЧК играют исключительно важную роль для формирования МО, которая до сих пор еще не оценена по достоинству. И эта недооценка очень сильно вредит стратегии развития России. Дело в том, что институты развития НЧК выполняют две важнейшие функции, они являются как инструментом реализации НЧК, так и мощным инструментом политическая влияния (и противодействия) на враждебные условия по формированию МО в XXI веке. По своему характеру эти институты развития кроме того могут быстро превращаться при необходимости в международные акторы, которые могут соперничать с отдельными государствами. Так, некоторые институты развития НЧК в Ираке и Афганистане быстро превратились в радикальные исламские акторы — ИГИЛ и талибов. Такую же эволюцию — от «общество любителей украинской книги» до организаций «Правого сектора», вооруженных тяжелой техникой, эти институты в короткие сроки прошли на Украине.

---

[13] *Подберезкин А.И.* Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. 2. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 119–162.

[14] *Глазьев С.Ю.* Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 10.

Именно поэтому идеология их опережающего развития должна стать важнейшей частью стратегии социально-экономического развития России и мощным блоком в Стратегии национальной безопасности, Концепции внешней политики и Военной доктрине России.

Многочисленные исследования и критерии показывают, что резкое усиление значения институтов развития в XX и XXI веках вызвало радикальными изменениями в структуре экономики и социальной структуре общества, которые привели к появлению массового творческого («креативного») класса и усилению его роли в развитии страны и общества[15].

Появление массового «креативного класса» в развитых странах существенно изменило в них всю экономическую, социальную и политическую ситуацию. Однако то, что этот процесс повлиял на активизацию многих внешнеполитические и военно-политических аспектов в деятельности государств известно значительно меньше.

Суммируем коротко основные последствия формирования «творческого класса»:

С точки зрения экономической, — «креативный класс» стал основным производителем нового прироста ВВП (до 95%), что, естественно, отразилось на его месте в структуре общества, но пока что никак не проявилось политически. Его идеологическое влияние будет стремительно нарастать и неизбежно превратится в решающее для формирования МО. Уже сегодня активные социальные группы не только в развитых, но и в развивающихся странах становятся главными носителями моды, идеологем, политических требований.

С точки зрения социальный, «креативный класс» — наименее зависимый от государства и наиболее независимый политически и экономически класс, обладающей огромной социальной и логистической мобильностью. Это обстоятельство полностью используется западной ЛЧЦ для политико-идеологического воздействия. В частности, все основные акции, особенно протестные, ориентированы именно на креативный класс, т.е. пока относительно узкую

---

[15] См. например: *Капица Л. М.* Политметрика: некоторые измерители мировых политических процессов. В кн.: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. — 2-е изд. — М.: МГИМО–Университет, 2016. — С. 263–338.

прослойку общества, но наиболее мобильную и активную ее часть. Интернет — среда обитания для креативного класса и главное средство идеологической борьбы и дезинформации, которое массово используется западной ЛЧЦ.

С точки зрения политической, «креативный класс» вынуждает правящую элиту считаться с ним, не претендуя вместе с тем на свою самостоятельную роль в политике государства. Но это, очевидно, временное явление.

С точки зрения внешнеполитической — «творческий класс» и институты его развития являются самостоятельными и очень влиятельными акторами, участвующими в формировании МО. Именно «творческий класс» является основной среднего класса и гражданского общества, причем институты человеческого капитала можно условно разделить на институты «творческого класса» и «институты гражданского общества» очень условно, опираясь на принцип «креативности», который понимается по-разному.

В целом же важно понимать, что:

— «творческий класс» является создателем основного продукта в развитых странах, обеспечивая основной прирост ВВП;
— его общественно-политическая позиция, как правило, отражает позицию всего общества (При этом нельзя допускать, что отдельные группки «креативного класса», как это случается в России, претендовали на монополию выражения интересов всего класса);
— институты развития государства и общества, эффективность управления (в т.ч. вооруженными силами, вооружениями и техникой) прямо и непосредственно зависят от качества НЧК и его институтов;
— институты НЧК (образовательные, творческие, научные, общественные) являются мощными средствами влияния на внешнюю политику и МО. Так, например, в апреле 2016 года при финансировании Сороса был создан журналистский консорциум, который сделал доступными архивы панамской компании, занимавшейся регистрацией оффшорного бизнеса, в результате чего скандалы охватили десятки государств, но — что примечательно — каким-то, чудесным образом «Обошли США. По некоторым оценкам из этих оффшорных стран в США (в такие же оффшоры) смогут перекочевать 40–50 трлн. долл.

В любом случае появление такого феномена как «креативный класс» требует от противоборствующих ЛЧЦ и наций самого пристального внимания, что проявляется уже, в частности, в резком усилении активности в социальных сетях и других явлениях, недооцененных прежде. Важно одно — появление и быстрое усиление значения «креативного класса» дает средствам дезинформации огромные преимущества по созданию ложных образов, политических целей и сценариев развития МО, т.е. деформирует всю МО.

Этот процесс имеет под собой долгосрочную и фундаментальную основу, вытекающую из роста значения НЧК, а в области международных отношений — его институтов. Причем не только государственных, но и общественных, и международных. Именно человек, его знания и творческий потенциал, стали не только решающим фактором экономического развития[16], но и главным критерием в оценке политической эффективности и военной мощи. Именно качество личного состава, индивидуальное качество личности конкретного представителя Вооруженных Сил, — от главнокомандующего до рядового, — качество управления ВС и ВиВТ станут в XXI веке решающими факторами в войне. Об этом же свидетельствует опыт последних войн в Сирии и на Украине, когда военные результаты обеспечивались, прежде всего, качеством личного состава (НЧК) противоборствующих сторон и их командования. Так, на Украине в 2014 в большинстве боестолкновений соотношение сил было 1:3 или даже 1:5 не в пользу ополченцев, что, однако не помешало им проводить не только оборонительные, но даже наступательные операции[17].

В этой связи особенно важное значение приобретают личностные возможности лидера — политика и военного, — во многом определяемые его мировоззрением, идеологией, способностью к научному (понятийному) анализу: отличать реалии от «виртуальных реалий», осмысленно и адекватно делать анализ, выстраивать стратегические прогнозы и сценарии развития международной и стратегической обстановки по возможности, точно определять будущий

---

[16] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I–III. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

[17] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. — С. 79–110.

характер войн и военных конфликтов, а значит решающим образом адекватно влиять на процесс стратегического планирования и программирования. В конечном счете — оказывать решающее влияние на формирования будущих стратегических реалии: стратегической обстановки, войны и конфликта. Системный понятийный взгляд, основанный на идеологии, позволяет максимально снизить внешнее воздействие дезинформации. Именно для такого подхода необходима не только достоверная эмпирическая информация, но и идеология, и вера, и нравственность. Все эти качества стали в XXI веке обязательным и для лидера. Они являются «обязательным минимум» идеологии управления и формирования управленческих кадров.

Но что особенно важно, так это то, что в XXI веке лидер должен обладать высоким профессионализмом, которые в обязательном порядке включают «креативность» (творческие способности) и отдельно личную способность к стратегическому прогнозу. Личность в XXI веке, на любом месте, должна превратить простой управленческий процесс из преимущественного процесса «угодническо-исполнительского» в процесс творческий. Формированию этого творческого процесса в военно-политической области может помочь политическая и военная наука, которые выработали определенные методики и приемы анализа и прогноза. Это означает, что «абсолютный субъективизм», господствующий в политической и стратегической области, не является таким уж абсолютным и таким уж субъективным, если сознательно не игнорировать объективные реалии и данные науки, избегать научного анализа[18], основанного на системе взаимосвязанных взглядов, т.е. идеологии.

К сожалению, современные политики и военные нередко именно это и делают по самым разным причинам: из-за непрофессионализма и амбициозности (как М. Горбачев и Б. Ельцин), из-за неграмотности и волюнтаризма (как Н. Хрущев), из-за корысти и из-за плохого образования — как в современной России, да и по многим другим причинам. В результате происходит целая эпидемия ошибок политического характера. Прежде всего, из-за дезинформации — внешней или внутренней — которая созна-

---

[18] *Подберезкин А.И.* Эволюция идеологии российской политической элиты / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО–Университет, 2012. — С. 119–153.

тельно искажает действительность. С этим бороться может только опытный и профессиональный политик.

При этом надо помнить, что цена персональной ошибки в анализе и прогнозе международной и военно-политической обстановки и характера войны — чрезвычайно высока. Иногда это цена — независимость государства и сохранение нации. До сих пор спорят не только историки и политики, но и самые разные люди о том, насколько точен был Наполеон в оценке ВПО после Бородинского сражения, И. Сталин перед началом войны, Ф. Рузвельт перед нападением Японии. Поэтому, кстати, и цена дезинформации очень высока. Она стоит больших денег, времени и даже человеческих жизней.

Наука, конкретные данные, теория и методики, но прежде всего идеологический анализ, должны страховать от политического субъективизма, и дезинформации, которые неизбежно бывают в этой области, но которые критически опасны в большинстве случаев. Достаточно вспомнить известные в истории субъективные ошибки политиков, полководцев и просто командиров, которые были в их деятельности — будь то великие Ганнибал, Наполеон или Сталин. Или наших современников — М. Горбачева, М. Каддафи, Б. Ельцина и пр. Это ставит особенно остро практический вопрос об эффективных и надежных способах и методах анализа и прогнозирования МО и характера будущих международных и внутренних войн и конфликтов, которые позволят минимизировать субъективные ошибки политиков и полководцев (следует, правда оговориться с самого начала, что качественные научные рекомендации и их использование — совершенно разные области процесса подготовки и принятия решений).

Система, составляющая полноценный набор таких способов и методов, страхующих от дезинформации и ошибок в выборе приоритетов, является, прежде всего, идеологической системой взглядов, объединенной единой логикой и концепцией, на то, каким образом, в каких целях и с помощью каких способов развивается современная МО. Эклектические и фактические данные, добытые легально или другими способами, очень важны, но они лишь укладываются своего рода «кирпичиками» в общий идеологический каркас. Ошибка в выборе приоритетов политиками военными вполне сопоставима по своим последствиям с решениями, принятыми в результате де-

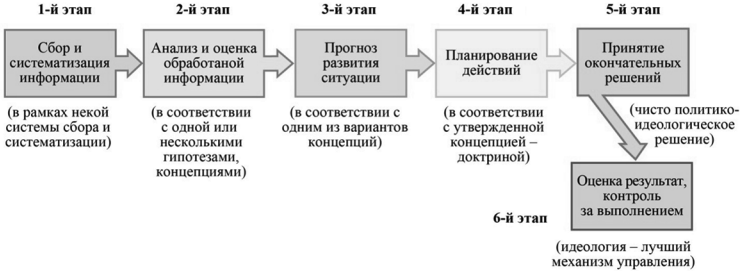

Рис. 6. Общая логическая модель подготовки, принятия и реализации политического решения в классическо-традиционной форме

зинформации. В конечном счете, неважно, почему было принято то, либо иное решение; важны его последствия. И ложный выбор идеологического приоритета предполагает неизбежные системные идеологические последствия. Так, идеология неконтролируемого рынка начала 90-х годов XX века провела в России к социальному и экономическому катаклизму. Это была ошибка в выборе идеологического приоритета, что подтвердил в то время А. Чубайс, когда говорил о приватизации как идеологическом решении.

Идеология, как самое начало процесса подготовки и принятия решения, далеко не всегда вызывает внимание. Но именно на этих, самых ранних стадиях, фактически формируются основы будущей политики. Этот процесс, как правило, рассматривается как единый и последовательный, во многом личностный процесс, но на практике это далеко не всегда соответствует действительности. В идеальном, самом общем и простом, виде, эта модель подготовки, принятия и реализации решения может выглядеть следующим образом: (рис. 6).

Уже на самых первых двух, «не идеологических» стадиях сбора и обработки информации, однако, уже участвует идеология: по каким-то причинам обращается внимание на одну информацию и пропускается другая, выделяется в приоритет третья и т.д. Так, действительное значение НЧК и его институтов, их роль в формировании МО может недооцениваться и даже не замечаться. Именно так и происходил при формировании внешней политики России, когда прагматизм подчеркнуто, вытеснил идеологию. Но именно идеологическое лидерство позволяло СССР долгое время выживать

и, позже, развиваться в условиях радикального несоответствии соотношения сил в мире между Востоком и Западом.

Поэтому для того, чтобы этот процесс подготовки и принятия решений в области МО был эффективным, не зависящим от попыток дезинформации и создания «виртуальной реальности», необходимо, чтобы он одновременно проходил, как минимум, на всех четырех уровнях (выше об этом уже говорилось, когда рассматривалась логика общей методологии исследования). В этом случае акцент делается даже не на традиционных объектах и предметах исследования (субъектах и акторах МО, мировых процессах), а на самом подходе, а именно:

— необходимо анализировать идеологические и концептуальные основы политики субъектов и акторов МО;
— реальные ресурсы и возможности всех субъектов и акторов МО включая нематериальные, духовные, идеологические ресурсы;
— политические цели, задачи, оформление в декларации и историю вопроса, обязательно акцентируя внимание на политико-идеологических целях и задачах;
— влияние внешних факторов, в том числе (а, в условиях XXI века, прежде всего) — борьбы за системы ценностей и т.д.

Примечательно, что на всех этапах и на всех уровнях, включая заключительный этап, широко практикуются методы политико-идеологической дезинформации — умышленной или случайной, — которые в XXI веке приняли масштабный и долгосрочный характер целенаправленной стратегии государства по созданию «виртуальной реальности», ложного представления о МО и политике государств.

Искаженный сценарий развития МО сознательно формируется годами, иногда десятилетиями, постепенно добиваясь признания абсолютной реальности искусственного образа. Этот искусственный образ, «виртуальная политическая реальность» должны быть обязательно некой идеологической концепцией, фундаментом, а не просто идеологемой. Так, для десятков миллионов граждан Украины удалось последовательно создать сначала образ «Украины — не России» и «русского — врага нации», принесшего все беду — экономические, социальные, культурные и пр. проблемы народу Украины, а, уж, потом зафиксировать антироссийскую политику. Не случайно зачатки русофобии существовали десятилетиями, которые были идеологически оформлены в середине

XX века, превратились в доминирующую идеологию на рубеже XXI века и оформлены в русофобскую военную доктрину в августе 2015 года. При этом, как уже говорилось выше, способность противодействовать массовой кампании дезинформации зависит от степени развития НЧК государства и общества, и его институтов: чем выше качество НЧК и эффективнее его институты, тем сложнее их дезинформировать. Именно поэтому потребовалось 25 лет, чтобы на Украине были разрушены те институты государства и общества, которые противодействовали новой идеологии, и тщательно уничтожаются любые попытки создания новых общественных институтов: запрет на деятельность политических партий, общественных организаций, журналистов, любых структур, противодействующих «свидамитной» политике, соблюдается не просто строго в раздрызганной Украине, но и цинично-жестко.

На практике подобный управленческий процесс в идеологии, о котором говорилось выше, редко бывает реализован полностью — от первого до шестого этапа. Как правило, «выпадают» не только целые этапы, но и даже несколько этапов, что делает потребность соблюдения идеологических принципов особенно важной. Более того, в определенные периоды времени политические решения огромной важности принимаются (по разным причинам) с откровенным нарушением даже этих банальных правил. В том числе и те, которые имеют стратегический характер.

Мы знаем, например, что Беловежские соглашения были составлены и подписаны наспех узкой группой людей, имеющих сомнительные полномочия и незначительный политический опыт. Из процесса подготовки и принятия решений были сознательно исключены практически все этапы, за исключением собственно политического решения о развале СССР, принятого наспех и некомпетентно. Но этому решению, надо признать, предшествовала вся предыдущая «нарастающая» практика принятия решений М. Горбачевым и Б. Ельциным, которая отрицала саму мысль об объективном анализе ситуации и прогнозе последствий принимаемых решений, сознательно игнорировали экспертизу и мнение других руководителей. Более того, не исключается и внешнее вмешательство.

Аналогичная ситуация повторилась и в сентябре 1993 года с Указом Б. Ельцина №1400. Который был подготовлен втайне, в одном рукописном экземпляре помощником Президента.

В этой связи, как представляется, требуется законодательно утвердить алгоритм подготовки и принятия, важнейших военно-политических решений, который минимизировал бы негативное влияние случайно субъективных факторов. Для этого, кстати, у США можно было бы перенять опыт подготовки и принятия стратегических решений о развитии ВС и ВиВТ, который законодательно закреплен в соответствующей процедуре. Пока что в России мы не застрахованы от того, что такие решения могут иметь характер крупных ошибок. И не только в военном строительстве, но и в военно-политической области. Очевидно, что такой алгоритм должен строиться на четком идеологическом фундаменте — в данном случае приоритета национальных интересов и системы национальных ценностей.

10.2. Стратегия глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» и идеология

Новости составляют из нескольких историй, которые распространяются по обширной сети СМИ, находящихся в собственности небольшой кучки людей[19]
Ф. Батлер,
американский обозреватель

Во внешней политике любого государства присутствует определенная идеология. Она придает ей необходимую легитимность в глазах собственных граждан[20]
А. Сидоров, Н. Клейменова,
профессора МГИМО

Идеология, придает внешней политике не только легитимность и публично-политическую последовательность, но и обоснованность, а также предохраняет от сиюминутного влияния дезинформации.

---

[19] Ведущим СМИ это не понравится («Philip Butler», US). 2015. 30 июня / http://topwar.ru

[20] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений 1918–1939 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — С. 23.

Идеология — как относительно устойчивая система взглядов — помогает преодолеть информационный хаос и сохранить концептуально-логический способ оценки МО в условиях, когда поступает самая разная, порой прямо противоречивая, информация. Так, трудно, например, ответить однозначно на вопрос в каком направлении развиваются отношения между Россией и США конкретно 7 апреля 2016 года, если, с одной стороны, появляются определенные результаты в сотрудничестве по сирийскому и украинскому вопросу, НАТО заявляет о необходимости восстановления политического диалога в рамках Совета РФ и НАТО, а, с другой, объявляется о необходимости расширения с июля того же года санкций против России, а сама Россия объявляется Б. Обамой и председателем ОКНШ США одной из пяти важнейших угроз США[21].

В конечном счете — идеология делает внешнюю политику более эффективной — реалистичной и реализуемой. Совершенно справедливо и обратное утверждение: если ваша политика неэффективна, то следует искать ее ошибки, прежде всего в идеологии, концептуальном подходе, а не в отдельных деталях и конкретных людях.

Примеры внешней политики СССР и России последних десятилетий очень ярко иллюстрирует этот тезис. Можно выделить несколько наиболее выраженных примеров, демонстрирующих идеологическое доминирование во внешней политике СССР и России в последние 50 лет.

Как видно из сопоставления изменений в идеологемах и их политических проекциях (табл. 1) — внешнеполитических парадигмах, — происходит почти полное совпадение их хронологических рамок. Более того, изменения в политических парадигмах всегда являлись следствием изменений в парадигмах идеологических.

Если согласиться с этим выводом, то неизбежно придется сделать вывод о том, что новое изменение политической парадигмы, включая изменения в МО, должны и будут следствием изменений идеологем. Так, идеологема западной ЛЧЦ на сохранение, более того, упрочение своего лидерства в мире, неизбежно ведет

[21] НАТО хочет возобновить работу совместного с Россией Совета // Коммерсант. 2016. 7 апреля.

Таблица 1.

Этапы	Идеологема	Внешнеполитическая парадигма
Военно-силового противоборства	Идеология развития социалистической системы в условиях враждебного окружения (1945–1975 гг.)	Холодная война и военно-силовое противоборство социалистической и капиталистической систем (1945–1975 гг.)
Противоборства и конкуренции при минимуме силового противоборства	Этап мирного сосуществования и сотрудничества («разрядка международной напряженности») (1975–1980 гг.)	Стратегический паритет как основа для взаимоотношений двух систем и мирного сосуществования (1979–1982 гг.)
Обострение МО как следствие обострения противоборства	Обострение идеологического противоборства в борьбе за мировое лидерство («империя зла» 1980–1986 гг.)	Перенос силового противоборства из военной в идеологическую и экономическую области (борьба с агрессией СССР в Афганистане, Польше, РСМД, Олимпиада, событий «Боинг» и т.д.) (1980–1986 гг.)
Отступление одной (коммунистической) идеологии	«Поражение коммунизма» и «победа демократии» (1987–1990 гг.)	«Победа» и изменение мироустройства в интересах западной ЛЧЦ как следствие политической победы (1987–2000 гг.)
Победа идеологии западной ЛЧЦ	Упрочение идеологического лидерства западной ЛЧЦ (1990–2015 гг.)	Закрепление силовыми способами сложившихся финансово-экономических и военно-политических результатов «победы» Запада(2001–2015 гг.)

к появлению и закреплению соответствующей внешнеполитической парадигмы и военно-политической стратегии. Такой новой стратегией с начала второго десятилетия XXI века стала стратегия глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ».

Признание этой логики очень важно для правящей элиты современной России, многочисленные представители которой сохранили не только иллюзии прошлого, но и наивную веру в искренние намерения Запада к сотрудничеству. Это означает, что в России произошел очень глубокий, часто не афишируемый и не признаваемый раскол в правящей элите на сторонников прежней идеологемы («сотрудничества любой ценой») и новой идеологемы — «противодействие» силовому давлению западной ЛЧЦ.

Такое состояние для правящей элиты в принципе нормальное, обычное.

Политическая борьба, в т.ч. в области внешней политики, это всегда идеологическая борьба между отдельными группами общества и правящей элиты, даже когда (как в современной России) пытаются отрицать саму идеологию и такую борьбу. Отрицая идеологию, на самом деле, отрицаются не только перечисленные ценные качества политики (о которых говорилось выше — системность, последовательность и т.д.), но и само ее будущее: стратегическое прогнозирование и планирование, последовательность и преемственность, которые без идеологии невозможны в принципе[22]. Без идеологии, как фундамента политической доктрины, невозможна и последовательная внешнеполитическая и военная стратегии. Эту логическую последовательность (признаваемую, кстати, в США) можно выразить следующим образом[23] (рис. 7).

Не трудно обнаружить, что у России нет «верхнего этажа» политики и стратегии — системы идеологических взглядов и ценностей, — что сказывается ежедневно и ежечасно как на уровне развития менее приоритетных стратегий, так и на эффективности управления, но более всего — на монолитности правящей элиты страны. Отсутствие «идеологических рамок» для правящей эли-

---

22 *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. — М.: МГИМО–Университет, 2012.

23 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

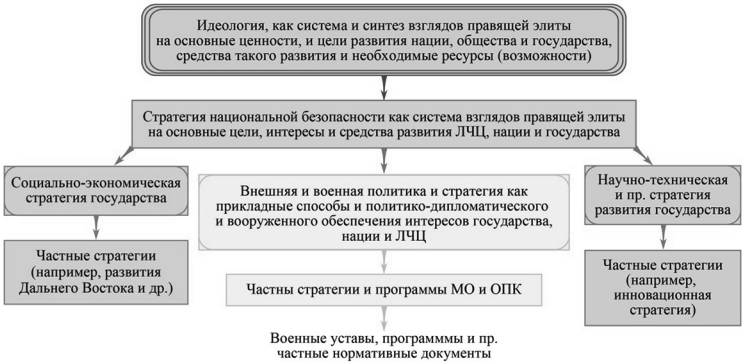

Рис. 7. Логическая последовательность формирования внешнеполитической и военной стратегии в XXI веке государства

ты ведет не просто к идеологическому многообразию и хаосу, но ценностной дезориентации. Что очень хорошо понимает не только в США и других западных странах, но и на Украине (где силовым способом формируется общая ценностная база на искусственном фундаменте), где очень жестко отстаиваются допустимые для правящей элиты идеологические границы.

Примерно аналогичная, но еще более жесткая, идеологическая логика присутствует и в США, где Стратегия национальной безопасности (02.2015)[24] предшествует Военной стратегии (06.2015)[25], а частные планы МО США вытекают из этих двух основных документов, причем в Стратегии национальной безопасности формулируются и главные политико-идеологические цели развития. В частности, в последнем варианте в качестве такой главной цели объявлялось «… укрепление и поддержание американского лидерства»[26]…, а по сути — сохранение и укрепление контроля США над мировыми процессами и сложившимися к началу XXI века финансово-экономическими и военно-политическими система-

[24] National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015.

[25] The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash. : GPO, 2015.

[26] National Security Strategy. Wash.: The White House. February. 2015.

ми[27]. Эта цель, которая в дальнейшем развивается в соответствующих документах Белого дома, Конгресса США, Государственного департамента, Министерства обороны и Комитета начальников штабов и др. органов, можно попытаться показать на следующем рисунке (табл. 2).

Таблица 2. Общая идеология, объединяющая «Дерево целей» и основных стратегий США в XXI веке

Главная цель: сохранение контроля над сложившимися к XXI веку в мире системами:	**Главное средство (глобальная стратегия)**: сохранение и укрепление американского лидерства в мире
— финансово-экономической; — военно-политической; — гуманитарно-ценностной; — торговой.	
Частные политические цели:	Частные политические стратегии:
— сохранение технологического лидерства; — сохранение и создание новых союзов; — сохранение американских ценностей в качестве универсальных и т.д.	— военно-технического превосходства; — расширения НАТО, ТАП и ТТП и др.; — противоборства с конкурирующими ЛЧЦ.
Конкретные политические цели:	Конкретные военно-политические стратегии:
— укрепление союзов; — сохранение международных организаций, контролируемые США; — ослабление конкурирующих союзов и организаций.	— развитие ВТО и ПРО; — расширение специальных силовых операций; — создание «опорных баз» внутри стран-конкурентов и т.д.

[27] Достаточно подробно принципиальном значении идеологии для военной политики и безопасности написано: *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Т. 2. — М.: Синергия, 2013. — С. 52–63.

Как видно логика и последовательность развития политических целей, приоритетов и соответствующих стратегий очевидна и не требует особенных комментариев. За исключением, пожалуй, одного: современная политическая идеология США требует усиления противоборства с новыми центрами силы — ЛЧЦ, прежде всего, китайской и российской, — перенося центр тяжести такого противоборства все более из политико-силовой области в политико-вооруженную область противостояния . В основе такого противоборства ЛЧЦ, по логике Запада выступает борьба за продвижение ценностей западной ЛЧЦ, «выдавливания» и замены чужих ценностных систем и навязывания своего понимания национальных и государственных интересов. Это означает, как минимум, два принципиальных последствия для понимания перспектив развития международной обстановки в будущем:

— во-первых, основной центр борьбы между ЛЧЦ переносится в сферу идеологической и ценностной борьбы правящих элит этой цивилизаций, от результатов которой, в конечном счете, зависит политическая и военная победа или поражение ЛЧЦ. Собственно средства такой борьбы, включая военные, рассматриваются, прежде всего, как средства угрозы, давления и принуждения правящих элит изменить свои ценностные и идеологические ориентиры;
— во-вторых, в качестве системного средства такой идеологической борьбы между ЛЧЦ сформулирована стратегия «Глобального военно-силового противоборства», являющаяся системой самых разных силовых средств воздействия — от гуманитарно-образовательных до массированного применения вооруженного насилия, — используемой сетецентрическим образом, т.е. параллельно из разных центров и разными средствами и способами.

Это говорит об особом значении идеологии, которое она приобретает, в частности, в критические для ЛЧЦ или нации периоды развития — кризисы, войны, революции. Учитывая,

---

[28] *Подберезкин А.И.* [и др.] Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

что в XXI веке западная ЛЧЦ сознательно создает кризисы и дестабилизирует МО в целях «распыления контрольного пакета» мирового влияния, сказанное означает, что роль идеологии и идеологического лидерства будет еще больше повышаться. Отсюда, например, и такая болезненная реакция США на рост авторитета В. Путина в мире, представляющего как Россию, так и ценности, отстаиваемые чужой правящей элитой. Соответственно и развитие сценария МО, в котором применяется стратегия глобального «Военно-силового противоборства ЛЧЦ», неизбежно повышает значение идеологии, более того, сам сценарий и стратегия во все большей степени становятся идеологией. В том числе и важнейшим ресурсом такой стратегии западной ЛЧЦ, а именно — идеологическим ресурсом.

Борьба внутри правящих элит за лидерство идеологии в такие кризисные периоды превращается в борьбу за политические приоритеты, управление и ресурсы, а победа той или иной фракции элиты в такой борьбе, означает неизбежное изменение национальной стратегии. Нередко победа другой фракции в идеологической борьбе ведет к победе или поражению в войне с внешним противником. Так, приход к власти в России Петра III привел к прекращению войны с Пруссией, а Павла I — к изменению политики по отношению к Франции, М. Горбачева — к развалу ОВД–СЭВ и СССР.

Именно поэтому исследование идеологических основ политики правящих элит становится важнейшей задачей, которая может быть практически решена. Сегодня уже есть основания, предположить, что теоретически существуют адекватные методы и даже некоторые политические исследования, а также варианты стратегических прогнозов развития возможных сценариев международной обстановки, которые базируются на изучении и прогнозе уже существующих, в т.ч. идеологических и концептуальных объективных реалиях человеческой цивилизации, которые в решающей мере влияют на формирование конкретной международной обстановки (МО)[29].

Это, прежде всего, национальные интересы и система национальных (цивилизационных) ценностей, интересы правящих

[29] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

элит субъектов МО и ВПО, а также основные тенденции мирового развития и взаимоотношения между ними, формирующие МО и ВПО[30]. Их изучение позволяет создать серьезную объективную научную основу для исследования существующей и будущей конкретной СО, которая в любом случае будет логическим продолжением, следствием существующих процессов в международной обстановке. Так, набиравшая силу в XX веке западная локальная цивилизация привела к соперничеству ее основных представителей за лидерство — англосаксов и немцев, — которое вылилось в две мировые войны. Других цивилизационных соперников не было. Поэтому борьба внутри одного вида — западной локальной цивилизации — приобрела крайнюю форму войны.

В то же самое время подобная детерминированность борьбы ЛЧЦ не исключает субъективных толкований иного рода. Причем эти субъективные предположения, иногда могут (и ложатся) даже в основу реальной политики. Наиболее яркий пример — теория конвергенции, — которая в том или ином роде повлияла на советскую правящую элиту, «впавшую в романтизм» в 80-е гг. XX в. Необоснованная (и даже необъяснимая) вера в «человеколюбие европейской цивилизации» значительной части советской элиты привело к краху ОВД и СССР. Этот пример интересен и тем, как сознательно насаждавшаяся А. Яковлевым и М. Горбачевым идеология капитуляции перед западной ЛЧЦ, получившая приторно-бессмысленное название «Новое мышление», стала политической основой для смены стратегии и последующего кризиса. Именно на основе этой «деидеологизированной» (по-Яковлеву) идеологии принимались решения о политических, экономических и военных односторонних уступках Западу, которые привели к краху ОВД и СССР.

---

30 *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

10.3. Идеологическая борьба внутри правящей элиты как фактор влияния на формирование международной обстановки: институциональное доверие к научному знанию

… всем нам нужно трезво оценивать
существующие угрозы глобальной, региональной
и национальной безопасности[31]
С. Нарышкин,
председатель Госдумы ФС РФ

Известно, что различные лагеря или фракции (партии и т.п.) правящей элиты оказывают в разное время разное по своей силе влияние на формирование политики и — через это влияние — на формирование всей МО и ВПО в мире. Поэтому существует реальная проблема того, чтобы точно определить силу влияния того или иного лагеря (партии) правящей элиты. Иногда эта проблема, на мой взгляд, искусственно преувеличивается. Так, относительно политика США существует еще с советских времен школа (представленная, прежде всего, институтом США и Канады РАН), которая преувеличивает разницу в оценках и подходах между различными лагерями истэблишмента и партиями в США, а также влиянием западноевропейских лидеров.

На мой взгляд, для анализа и прогноза политики и стратегии того или иного государства важнее знать соотношение сил и влияния различных групп в правящей элите, представляющих различные идеологические подходы, выраженные в разных политических концепциях. Так, разница в подходах к Германии в конце 30-х годов в Великобритании персонифицировалась, в конечном счете, в разнице концепций безопасности Чемберлена и Черчилля, отражавших не столько разницу в их идеологическом отношении

[31] *Нарышкин С.Е.* Вступительное слово // *Подберезкин А.И., Султанов Р.Ш., Харкевич М.В.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. доклад [и др.] М. : МГИМО–Университет, 2014. — С. 3.

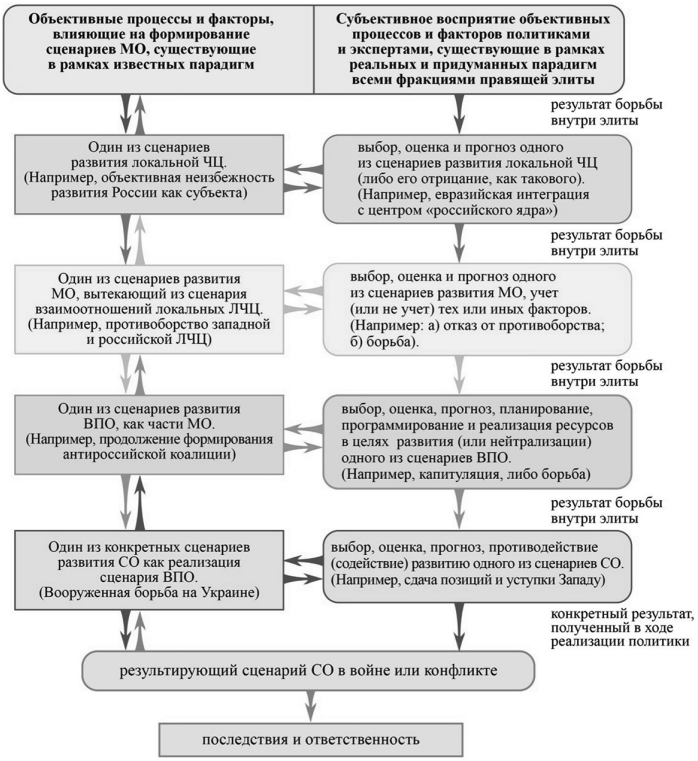

Рис. 8. Логическая схема объективного влияния и субъективного восприятия этого влияния на формирование МО, ВПО, СО

к коммунизму и нацизму, сколько разницу в реализме и понимании сути национальной безопасности.

Другими словами, в политике, говоря об идеологии, не следует говорить о личных симпатиях и идеологических предпочтениях. Идеология в политике — это система политических взглядов на обеспечение безопасности и благоприятных условий развития государств. И с этой точки зрения следует относиться к оценке, анализу и прогнозу субъективно-идеологического влияния на политику государств, ЛЧЦ и наций. В самом общем виде это может быть представлено на следующем рисунке (рис. 8).

Таким образом, из логической схемы видна не только иерархия и структура развития сценариев МО, ВПО и СО, войн и конфликтов, но и то, что на каждом из этапов ее элементы подвергаются субъективной оценке, анализу и трактовке. Оценка, которая происходит в острой идеологической и научной борьбе, но результаты которой, как правило, зависят не от качества аргументов и доказательств, а от того, кто обладает властью или другими ресурсами. В итоге таких споров побеждает не «научная истина», «вера», «принципы» и др. идеологические атрибуты, а контроль над властным ресурсом. Иногда такой субъективный результат оказывался положительным, но чаще — конъюнктурно-отрицательным, даже вредным. «Победа» в идеологическом споре узкой группы партийных начальников во главе с М. Горбачевым дорого стоила не только элите и обществу, но и всей нации и стране.

Причем чем выше в иерархии находится тот или иной сценарий идеологической борьбы, тем фундаментальнее его значение и влияние для последующих сценариев. Так, процесс национальной самоидентификации на Украине (самый верхний уровень рисунка) стал первопричиной дальнейших сценариев развития МО, ВПО и даже СО, что особенно ярко проявилось в конфликте «Правого сектора и Порошенко в июле 2015 г.

Искаженное субъективное восприятие реальной МО или ВПО не только в результате идеологической борьбы отдельных социальных групп, но и личностей, не такая уж, редкость, которая, как правило, объясняется очень упрощенно — определенными личными интересами — идеологией, деньгами и т.д. Приведем пример того как субъективно и заведомо ошибочно некий политик (И. Рыбкин) выбрал и стал реализовывать на практике сценарий, исключающий возможность вооруженного противоборства локальных цивилизаций и наций, а также наличие внешней угрозы России (именно так было сказано, в частности, в первой редакции Концепции национальной безопасности России 1996 г.). В соответствии с этим субъективно — позитивным сценарием потребности у России в средствах вооруженного насилия исчезают: прекращается финансирование, закупка и НИОКР, ВиВТ, производство, модернизация, обслуживание и т.п. (что и было с большинством систем в 90-е гг.). Через некоторое время оказывается, что таких средств уже либо нет вообще, либо осталось ничтожно мало. Именно так и случилось к началу 2000 года.

Конкретные примеры развития такого сценария — Россия до начала XXI века и Украина до 2014 года — настолько убедительны, что возникает единственный вопрос об ответственности тех лиц, кто лично отвечал за такой анализ оценки, прогноз и принятие решений.

К сожалению, именно вопрос ответственности конкретных лиц за принимаемые решения является наиболее трудно решаемым, хотя провести простейшее расследование совсем несложно: у всех документов есть подписи, даты, резолюции. Для целей же нашего исследования важен вывод, который, к сожалению, может быть очень пессимистическим: можно сделать блестящий научный анализ и соответствующий стратегический прогноз, но это отнюдь не гарантирует, что принимаемые решения будут вытекать из такого анализа и прогноза. Субъективная политическая воля может (и, как правило, так и делает) перечеркнуть все научно обоснованные рекомендации. Но нередко бывает и так: научная экспертиза отражает ложные идеологические посылы. Так было, например, во второй половине 80-х годов, когда по поручению А. Яковлева и М. Горбачева институты РАН усиленно разрабатывали все более изощренные способы уступок Западу, а в МИД допоздна трудились, чтобы «к утру» придумать очередную уступку США.

Ниже мы увидим, что на формирование МО, ВПО и СО влияют не только объективные, но и субъективные процессы, а также как эти субъективные оценки политиками, экспертами и военными влияют на формирование МО и даже СО. Рассмотрим подробнее один уже вскользь упоминавшийся пример. Так, к перечню (важнейших) особенностей развития отношений в треугольнике США–РФ–КНР А. Арбатов и В. Дворкин относят то, что «Российско-американские стратегические отношения основаны на паритете ядерных вооружений, взаимном ядерном сдерживании и сорокалетнем опыте соглашений об ограничении и сокращении вооружений»[32].

С этим положением согласиться, безусловно, нельзя. Ядерные проблемы отношений остались в прошлом. Думать так сегодня — сознательно вводить в заблуждение свою политическую

[32] *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. — С. 7.

элиту. Строго говоря, достигнутый ядерный паритет ничему не мешает и не помогает — ни санкциями, ни вооруженной борьбе, ни изоляции России. Может быть, только США мешает использовать ЯО. Характер противоречий между Россией и США и двусторонние отношения в XXI веке основываются на фундаментальных разногласиях, которые прежде носили идеологическую форму (разногласия либеральной и коммунистической системы ценностей), а теперь политическую и цивилизационную форму. В их основе — и прежде и сегодня — находятся геополитические противоречия, во-первых, и мировоззренческие, ценностные, во-вторых. Любопытно, но острота этих противоречий, как оказалось, во втором десятилетии XXI века может быть даже больше, чем во второй половине XX века. О чем прямо говорил Б. Обама в своем выступлении «О стратегии национальной безопасности» в феврале 2015 г.[33]

Думается, на мой, взгляд, что российско-американские отношения в международной и даже стратегической области в XXI веке:

— в последнюю очередь основаны на ядерном паритете;
— меньше всего зависят от ядерного сдерживания;
— фактически игнорируют «опыт» сорока лет переговоров об ограничении СЯС.

Таким образом, существует, как минимум, две точки зрения на характер российско-американских отношений, существенно отличающих друг от друга. Одна — А. Арбатова и В. Дворкина — основана на примате положительного опыта ядерного противостояния, другая — на геополитическом и ценностном противостоянии. Главное политическое значение этих точек зрения заключается в том, что «ядерные приоритеты», о которых говорят эксперты, никоим образом сегодня не влияют не только на политико-экономическое поведение США в отношении России, но даже и на военную составляющую — СО. Никто не планирует использовать СЯС ни в каком из вариантов развития СО до тех пор, пока США во всяком случае, не создадут потенциал неядерного ВТО и эффективную систему ПРО. Во всех уравнениях отношений «США–Россия» СЯС выведены «за скобки».

---

[33] *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

Другая странная особенность, подчеркнуто выделяемая указанными выше экспертами в отношении «стратегического треугольника» Россия — Китай — Америка, заключается в «отсутствии информации о ядерных силах» со стороны КНР: «В отличие от российско-американского подхода к стратегической стабильности китайский подход не основан на ракетно-ядерном паритете и взаимном ядерном сдерживании. КНР — единственная из „Большой пятерки" ядерных держав, которая не предоставляет информацию о своих ядерных силах»[34], пишут авторы. Вряд ли оправдано противопоставлять позиции КНР–США и США–РФ таким образом: отсутствие легальной и полной информации о ядерных силах не является основанием для серьезной политики. Это просто отсутствие легальной информации, не более того, которое может быть компенсировано разными способами, но отнюдь не объясняет наличие фундаментальных геополитических, экономических, мировоззренческих противоречий в «треугольнике»[35].

Еще менее оправдано связывать небольшую численность СЯС КНР с намерением политикой нападения, а значительные СЯС — как потенциал сдерживания. Связь представляется очень сомнительной. Если исходить из такой посылки, то и незначительные ядерные потенциалы Израиля предназначены для нападения, а Франции — «для резерва». «Если ядерные силы КНР столь ограниченны, как считается, то они не способны к ответному удару и, очевидно, рассчитаны на упреждающий удар. Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в случае существования скрытого резерва»[36] — пишут авторы.

Подобные псевдостратегические размышления российских экспертов абсолютно беспочвенны. И не только потому, что в официальных доктринальных и нормативных документах и реальной военно-технической политике не находят своего подтверждения, но и противоречат здравой логике, ведь таким образом можно объявить агрессивными любую сторону, у которой появляется

[34] *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. — С. 7.

[35] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

[36] *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. — С. 7.

оборонительный потенциал. На самом деле — хотят того эти эксперты или нет — они просто выражают систему идеологических взглядов близких западной ЛЧЦ.

Более того, в XXI веке сложилось устойчивое представление о необходимости иметь оборонительный потенциал на разных уровнях эскалации военного конфликта — от самого низкого до самого высокого, получившего оформление в последней редакции Военной доктрины России от 19 декабря 2014 года, — системы неядерного сдерживания, как комплекса внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии…»[37].

Основания для беспокойства А. Арбатова и В. Дворкина, базирующиеся на отсутствии информации о китайском потенциале и намерениях, вряд ли достаточны и справедливы. В этой связи очень неубедительными выглядят следующие политические рекомендации А. Арбатова и В. Дворкина: «Необходимо учитывать китайский фактор при разработке новых российско-американских инициатив по ограничению и сокращению вооружений»[38], а также предположения российских экспертов, которые больше похожи на пожелания китайской стороне: «Пекин может присоединиться к процессу разоружения, если…»[39]. Каких инициатив РФ и США? Какая может быть реальная основа для продолжения ограничения СЯС США и РФ в условиях очевидного стремления США судить потенциал первого удара и защиты от уцелевших ракет?

В конечном счете, не так, уж, и важно, что предлагают российские эксперты конкретно. Важно то, что их субъективное представление о характере внешних угроз для России очень далеко от реальности, но зато очень близка к позиции западной ЛЧЦ. Важно и то, что эта и любая иная субъективность политиков и экспертов, нередко зафиксированная в политических документах и решениях, не отражает реальных тенденций в развитии ВПО и СО.

---

[37] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

[38] *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. — С. 7.

[39] *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. — М.: Центр Карнеги, 2013. — С. 7.

Приведенные примеры нужны не только для того, чтобы проиллюстрировать как авторитетные и известные эксперты субъективно понимают реальную МО и ВПО, но, прежде всего, для иллюстрации разницы в оценке МО у представителей разных политических элит в России, за контроль над которыми заинтересованы в западной ЛЧЦ. Подобный разброс мнений и субъективных подходов при оценке МО — та реальность, с которой сталкиваются политики все последние столетия, когда пытаются оценить не «возможности» («capabilities»), а «намерения» («intentions»), когда избегают «идеологизации» политики. Если возможности меняются относительно медленно (на чем мы специально остановимся ниже), то намерения — очень быстро. Так, экономические, финансовые и иные возможности России за 2013–2015 годы изменились незначительно. Эти изменения можно оценить в несколько процентов, даже в долях процентов по ряду направлений, да и то, далеко не в лучшую сторону. Но политико-идеологические намерения изменились существенно из-за радикально изменившихся внешних условий, что позволяет надеяться, что в главном противоборстве ЛЧЦ — идеологическом — сможет победить российская ЛЧЦ. Сначала идеологически, а затем и политически.

10.4. Влияние идеологического фактора (правящей элиты) на формирование международной обстановки

Вопрос заключается не в том, должна или нет
Америка лидировать. Вопрос состоит в том,
как мы должны лидировать[40]
Б. Обама,
президент США

Важнейшей частью процесса формулирований указаний
по использованию ядерного оружия является
всесторонняя оценка стратегической обстановки[41]
Доклад о стратегии использования ядерного оружия США

Усиление значения субъективных факторов для анализа и прогноза развития МО и ВПО в XXI веке, о котором коротко говорилось выше, требует более детального исследования, ибо без этого не вполне ясно каким образом могут реализовываться будущие сценарии развития МО и ВПО в условиях сетецентрической войны. В этой связи необходимо напомнить, что главной целью системной сетецентрической войны против российской ЛЧЦ является российская правящая элита, точнее — ее способность адекватно воспринимать национальные ценности и интересы, формулировать точные цели и задачи и эффективно использовать имеющиеся национальные ресурсы[42]. И первое, и второе, и третья — достаточно субъективно оцениваемые функции управления, результаты которого не зависят по большому счету от объективных критериев (которых уже разработаны сотни)[43],

---

[40] *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

[41] Доклад о стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. Направлен в Конгресс правительством США в соответствии с положением раздела 491 тома 10. Свода законов США 12 июня 2013 г. — С. 3.

[42] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015. 169 с.

[43] См. например: *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО, 2008. 352 с.

а трактуются также субъективно. Иными словами, эти результаты могут быть не менее виртуальными, чем виртуальны политические цели в XXI веке.

В этих целях предлагается вернуться к общей логической схеме политического процесса, о которой уже не раз говорилось выше, для того, чтобы попытаться рассмотреть влияние решений политической элиты в условиях сетецентрической войны.

Изначально видно, что в XXI веке требования к профессиональным и управленческим навыкам правящей элиты стремительно возрастают, а ее субъективное положение и качество становится нередко решающим фактором политического успеха. Особенно резко возросла ответственность элиты: Это видно, если прежде ошибки правящих элит могли быть исправлены и не имели таких драматических последствий (за редким исключением стратегических ошибок), то в XXI веке правящие элиты превратились не только в главный субъект, но и главный предмет, например, из следующего рисунка, в котором описана реальная роль современной

Рис. 9. Логическая схема политического процесса и взаимодействия основных групп факторов с группой субъективных факторов в условиях сетецентрического противоборства

правящей элиты и ее субъективно решающее значение. Причем это объективное значение резко возрастает в связи с новыми внешними условиями, формируемыми сетецентрическим системным противоборством.

Из этого рисунка (рис. 9) в частности видно следующее:

1. Сетецентрическое системное противоборство предполагает не только усиление прямого внешнего воздействия на правящую элиту (по оси «А»–«Д») в форме влияния, угроз, шантажа, санкций и пр., но и **усиление косвенного внешнего давления через все группы факторов, участвующие в формировании политики**:
   — деформацию системы ценностей и национальных интересов («универсализацию» и «гуманизацию» ценностей и приоритета прав человека над национальными интересами и пр.);
   — искажение политических целей и задач (по оси «А»–«Б»), когда политические цели, формулируемые правящей элитой, во многом искажены под внешним влиянием, что хорошо было видно в 90-е годы XX века в России;
   — неэффективным использованием национальных ресурсов и транспортных коридоров. Таких примеров внешнего влияния на группу факторов «Г» известно множество — от попыток «обосновать» бесперспективность развития Сибири и Дальнего Востока, до современных попыток рейтингования университетов и уничтожения образования и НЧК России[44].
2. Сетецентрическое и системное противоборство с Россией предполагает **одновременное использование** всех инструментов влияния и средств не только внешней, военной, но и внутренней политики, синхронизированное в режиме on-line, что дает дополнительный синергетический эффект влияния. Государство — объект внешнего воздействия сталкивается одновременно с экономическими и финансовыми трудностями, социальной напряженностью, ростом оппозиции, внешнеполитической изоляцией и т.п.

---

[44] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3.М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

3. Базовые, объективные факторы в XXI веке (прежде всего система ценностей и национальных интересов) не только влияют на элиту, но и сами все сильнее начинают находиться под ее влиянием и последствиями проводимой ею политики (вектор «В»–«Д»). Можно сказать, что в XXI веке влияние элиты уже существенно усилилось на эту группу факторов. Настолько существенно, что уже можно говорить о радикальных сдвигах в общественном сознании, которые занимают не столетия и несколько десятилетий, как прежде, а несколько лет. Это нашло свое отражение, в частности, в новой редакции «Стратегии национальной военной безопасности США, в которой подчеркивается Консенсус правящей элиты относительно необходимости мирового лидерства США[45]. Яркий пример — деформация системы ценностей у значительной части граждан Украины.

Именно это явление мы наблюдаем в других бывших советских республиках — странах, входивших в СССР, где благодаря телевидению и Интернету произошел практически мгновенный переход от идеологии коммунизма к православию и исламу, от интернационализма — к шовинизму и русофобии.

Вероятнее всего эта тенденция усиления субъективного влияния политики элиты на базовые ценности в XXI веке не только сохранится, но и усилится. Особенно, если государство будет активнее в ней участвовать. Конечной целью такой деформации систем ценностей и интересов является приведение их с некой универсальной системе «мировых ценностей», которая автоматически означает и создание **универсальной мировой системы правовых норм**, которыми должны в обязательном порядке руководствоваться государства, даже если они и противоречат их ценностям и интересам. Об этом, в частности, откровенно говорится даже в последней (июнь 2015 г.) «Национальной военной стратегии США», где подчеркивается, что Вашингтон берет на себя обязательство «возглавить процесс адаптации, формирования и … установления правил и норм, создания институтов, являющихся базовой основой для мира, безопасности…»[46] и т.д.

---

[45] The National Military Strategy of the United States of America. June. 2015. Wash.: GPO, 2015. P. 3.

[46] Там же. P. 2.

4. Институты «мягкой силы», создаваемые государством, для воздействия на системы ценностей, могут уже успешно конкурировать даже с государственными институтами. Как показал пример с Исламским государством, в течение всего лишь нескольких месяцев можно создать международную военно-политическую организацию, охватывающую десятки стран на нескольких континентах. Это означает, что у государств появляется новое средство силового и военного давления на своего оппонента — негосударственные (национальные и международные) организации, которые становятся вполне равноправными акторами с государствами при формировании МО и ВПО, если получают соответствующую поддержку извне.

Нередко такие акторы могут появляться и активизироваться по вполне субъективным и даже личным причинам. Если в XXI веке такие случаи были редкостью (вспомним, например, высадку группы Ф. Кастро на Кубе с яхты в 1956 году), то в XXI веке они стали правилом. Более того — частью системной стратегии противоборства.

5. Формирование международных реалий пока что находятся еще только отчасти под субъективным влиянием политики правящей элиты ведущей ЛЧЦ. Объективное влияние на элиту международных факторов в XXI веке очень сильно и продолжает оставаться решающим (вектор «А»–«Д»). Но и в этой области мы наблюдаем усиление субъективного фактора влияния политики правящей элиты ведущей ЛЧЦ даже на глобальные тенденции. Так, масштабы финансирования отдельных областей человеческой деятельности и административные решения (науки, образования, экологии и др.) или направлений деятельности могут ускорять или тормозить их развитие отдельных глобальных тенденций. Мировой тренд развития здравоохранения, а также образования, например, во многом был обеспечен объявлением этих областей наиболее приоритетными областями экономики еще в 80-е годы XX века в странах западной ЛЧЦ.

Но особенно важную роль субъективный фактор может оказать на развитие существующих или создание новых международных (государственных и общественных) институтов. И не только политических, но и иных, чье влияние, однако, сравнимо с политическими. Во многом успех или неудачи в этой области связаны с личностя-

ми тех политиков, которые стоят у истоков такой политики и их возможностями. Особенно важное значение приобретает, например, политическая стратегия США по созданию новых коалиций государств — как политических, так и экономических, — а также «обновлению альянсов от Европы до Азии»[47] (Б. Обама).

6. Наличие национальных ресурсов во многом детерминирует возможности правящей элиты, но история показывает, что и сама элита оказывает на их развитие сильное влияние. Так, И. Сталин смог за 10–12 лет фактически создать промышленный и оборонный потенциал СССР, а М. Горбачев — развалить ОПК все ОВД и СССР. Сегодня огромное значение имеет, например, потенциал НЧК[48], который, однако, очень слабо учитывается, развивается и используется правящий российской элитой (вектор «Г»–«Д»).

Огромное значение приобретает в XXI веке не только НЧК как таковой — «сам по себе», но и его институты, которые становятся движущей силой экономического и социально-политического развития. Более того, они становятся влиятельным ресурсом для формирования МО и ВПО. Их развитие во многом зависит от субъективного фактора — позиции правящей элиты, — которая может законодательно и финансово, а также медийно существенно ускорять или замедлять этот процесс. Так, в США, где сознательно развивают эти институты, фонд развития университета может составлять 50 млрд долл., а в России — самый крупный (МГИМО) — 0,03 млрд долларов. Соотношение этих цифр говорит о многом, но прежде всего о тех возможностях институтов развития НЧК и их влияния в мире, которые есть у США и России.

Не секрет, что во многих странах правящие элиты (и не только финансовые, но и политические) сознательно управляют этим процессом. Новые организации создаются и развиваются, как правило, под контролем или даже при непосредственном участии власти. Соответственно и «конечный продукт» — будь то ИГИЛ, талибы, либо УНА–УНСО, будет результатом такой работы.

---

[47] *Обама Б.* Стратегия национальной безопасности («The White House») / Эл. ресурс: ИНОСМИ, 2015. 13 февраля / http://inosmi.ru/

[48] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. В 3 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

7. В XXI веке, как и прежде, политические цели и задачи (группа факторов «Б») прямо формулируются правящей элитой, однако сама эта элита существенно сужается, а влияние общества и даже правящего класса сходит на нет. Вместе с тем у этого узкого слоя правящей элиты появляется новый «абсолютный» инструмент влияния на общество и особенно на «креативный класс» — социальные сети, позволяющие манипулировать общественным сознанием.

При этом решающее влияние на процесс формирования цели и задач оказывают три группы факторов:

— Группа факторов «А» — (международные реалии: соотношение сил, содержание МО и ВПО и т.д.);
— Группа факторов «Г» — (существующие национальные ресурсы и эффективность их использования). Совершенно очевидно, что национальные ресурсы (демографические, экономические и др.) могут либо прирастать, причем быстрыми темпами, как в современной КНР или Индии или в СССР в 50-е гг., либо стагнировать, как в современной России, когда демографический и экономические ресурсы за 2007–2015 годы остались в лучшем случае на прежнем уровне. От этого зависят, прежде всего, реальные возможности государства участвовать и влиять на формирование МО;
— Группа факторов «Д», характеризующая качество (адекватность, профессионализм и подготовленность) самой правящей элиты. Именно от **субъективного качества** правящей элиты зависит, прежде всего, реалистичность формируемых в Группе факторов «Б» (цели и задачи политики)[49].

Для целей анализа и стратегического прогноза развития сценариев МО и ВПО очень важно не допустить недооценки влияния этой группы субъективных факторов на формирование соответствующей МО, особенно, если речь идет о долгосрочной перспективе. Конкретно, когда речь идет о развитии важнейших групп факторов, формирующих МО: субъектов международной обстановки, мировых тенденциях и негосударственных акторах.

---

[49] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

Значение субъективного фактора в условиях глобального противоборства ЛЧЦ — прежде всего политики правящей элиты — выражается, в частности:

— в ее непосредственном влиянии на международные реалии, которые может быть очень сильным, даже радикальным. Достаточно вспомнить Наполеона или Гитлера, чье субъективное влияние на формирование МО в XIX и XX веках было огромным, но в еще большей степени это влияние стало в XXI веке: лидерство США в западной ЛЧЦ предопределяет во многом весь ход мирового развития, а не только конкретные исторические периоды;
— в создании «мнимых» политических целей и «виртуальных реалий» вместо реальных с тем, чтобы сначала дезориентировать, а затем и разгромить противника. Так, заявленной мнимой, «виртуальной» целью США на протяжении многих лет в отношении СССР была «демократизация», а реальная — расчленение, установление контроля над ресурсами и политикой страны.

Нередко политика, «сеть» сознательно пользуется разницей между субъективными и объективными оценками, либо даже искусственно их создает. Что характерно для современной науки и журналистики в общественно-политической области. Это влияние «сети» на сознательное искажение реальности в полной мере недооценивается, хотя нередко «сеть» сама и становится этой реальностью. Более того программирует возникновение этой реальности.

Очень наглядно этот феномен, характеризующий радикальное расхождение между реальностью и виртуальностью, описали талантливые футурологи, на примере катастрофы в Чернобыле в 1986 году (Для понимания ведущейся против России системной сетецентрической войны на этом феномене следует остановиться подробнее). Они, в частности, пишут следующее: «Мы уже отмечали, что взрыв реактора в Чернобыле совершенно по-разному выглядит в материальном и в информационном измерениях. Другими словами, между реальной катастрофой и ее отражением в зеркале общественного мнения нет почти ничего общего»[50]. (Именно

[50] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 48–51.

так, кстати, произошло в 2008 году в ходе осетино-грузинского конфликта и в 2014–2015 годах на Украине). В качестве примера приводится следующая матрица, которую полезно составлять, на мой взгляд, в целях лучшего понимания МО (табл. 3).

Можно было бы составить аналогичную таблицу для сравнения реальных событий на Украине в 2014–2015 годов и их восприятием в медийном пространстве, общественном и политическом сознании, контролируемом «сетью» на Западе и частично в России. Приведем лишь несколько примеров (табл. 4).

Основываясь на принципиальной разнице в оценках и анализе между виртуальной реальностью, «сетью» и политической конкретной реальностью, политики нередко формируют такие сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО, которые изначально соответствуют их целеполаганию. Именно это происходит, например, в США, где конгрессмены, сенаторы, пресс-секретари сознательно и целенаправленно формируют новую реальность в отношении России и Украины, равноценную военной реальности, реалиям сетецентрической войны.

На примере таких оценок применительно к Чернобылю, российские авторы показывают, как далеко могут зайти эти искусственно построенные сценарии по своим последствиям. Пример с Чернобылем убедителен еще и тем, что он внешне никак не политизирован и достаточно удален по времени на большое расстояние, что позволяет более объективно отнестись к последствиям искусственной оценки «сети». Другими словами последствия создания виртуальной реальности для стратегии развития страны еще больше, чем для современности. Это и понятно, ведь в стратегическом прогнозе на 10–20, а тем более 30–50 лет можно сознательно допускать еще большие искажения, чем в создании виртуальной реальности.

В частности, российские авторы выделяют:

Долгосрочные технологические последствия Чернобыля заслуживают того, чтобы перечислить их отдельно.

РАЗ. Согласно прогнозам МАГАТЭ середины 1970-х годов к рубежу тысячелетий в мире должно быть около 4500 ядерных реакторов. В действительности на сегодня в мире 439 функционирующих реакторов, еще 27 находятся в постройке, то есть проектные намерения были выполнены менее чем на 10%. Это позволяет

Таблица 3. Реальность и мифы Чернобыльской катастрофы

	Оценка общественного мнения	Реальная оценка
Дата и место катастрофы	26 апреля 1986 г., г. Чернобыль	26 апреля 1986 г., г. Припять
Характер катастрофы	Взрыв ядерного реактора	Взрыв гремучего газа с разрушением корпуса ядерного реактора и выбросом наружу радиоактивных материалов
Количество погибших	Более 100 000 человек, не считая врожденных уродств (еще около 100 000), некоторые оценки — до миллиона	Не более 711 человек: 3 погибли при взрыве (погибшие), 28 умерли в течение трех месяцев (пострадавшие), 10 человек погибли от рака щитовидной железы, вызванного Чернобылем (косвенные потери). Остальные 670 человек — это оценка сверху возрастания смертности в течение 30 лет — до 2016 года (статистические или демографические потери). Из общего числа в 711 человек 237 были госпитализированы с диагнозом лучевая болезнь, причем у 134 зарегистрирована острая форма
Прямые материальные потери	Триллионы долларов, «невозможно подсчитать»	250 млрд долл в мировых ценах 1986 г. В долларах 2010 года по расчетам «калькулятора инфляции» (США)1 — около 500 млрд долл

Масштаб катастрофы	Крупнейшая техногенная катастрофа в истории человечества, сравнимая с самыми серьезными природными катастрофами и даже превосходящая их	Крупнейшая ядерная катастрофа в истории человечества. Заметно уступает по масштабу ряду других промышленных катастроф, по числу человеческих жертв — многим катастрофам на транспорте, по материальным потерям — экономическим кризисам". С природными катаклизмами ни по числу жертв, ни по материальным последствиям не сравнима
Основная причина катастрофы	Порочная конструкция реактора	Грубые ошибки операторов
Экологические последствия	Глобальная экологическая катастрофа, влияние которой будет ощущаться в течение столетий по всему земному шару	Локальная катастрофа, приведшая к гибели т.н. «рыжего леса», эвакуации города и временному выводу из эксплуатации ряда пахотных земель. По истечении двадцатилетнего срока, каких бы то ни было экологических последствий, даже на территории, непосредственно примыкающей к станции, не наблюдается
Социальные последствия	Демографическая деградация (депопуляция) Украины и Белоруссии, огромное количество хронически больных и больных от рождения	Возникновение «иллферства» — «синдрома хронически больного». Катастрофа сыграла определенную роль в процессе распада СССР, в частности, вызвала расторжение союза России и Украины. Энергетическая катастрофа в Армении в начале 1990-х годов

Таблица 4. Реальность и мифы войны на Украине в 2014 г.

Событие	Оценка в «сети»	Реальная оценка
21 февраля 2014 г.	Революция против коррупции и авторитаризма	Военный переворот
Военные действия на юго-востоке	Вторжение и агрессия российских войск	Гражданская война
Противостояние в стране	Борьба против коррупции и ставленников России	Террор против оппозиции и политических противников
Борьба с вооруженной оппозицией	Антитеррористическая операция (АТО) в некоторых районах страны	Политическое и военное противоборство по всей стране
Экономический и финансовый кризис	Временные трудности в финансах и экономике, вызванные российской агрессией	Неуправляемость экономикой и финансами, их подчиненность решению политико-идеологических задач
Численность погибших	5 тыс. убитых и 10 тыс. раненых	50 тыс. убитых и около 100 тыс. раненых

оценить как «эффект Чернобыля», так и реальность барьерного торможения»[51].

Другими словами программы ядерной энергетики были свернуты в 10 раз(!), что имело, в конечном счете, огромное политическое и экономическое значение.

«ДВА. Количество вводимых ядерных мощностей резко сократилось, а цена энергоблока резко возросла в связи с новыми требованиями к безопасности. Это привело к кризису национальных и международных компаний-производителей ядерного оборудования. В конечном итоге, даже такой гигант, как Westinghouse, потерял коммерческую самостоятельность»[52].

Не трудно оценить эти последствия для СССР и России, которые изначально ориентировались на экспортные возможности нашей страны. К этому следует добивать, что с точки зрения научно-технической и технологической атомная энергетика была одна из немногих областей, где СССР и Россия были бесспорными мировыми лидерами. Во многом кризис советской и российской науки и промышленности 1990-х годов объясняется кризисом в атомной промышленности.

Наконец, снижение экспортного потенциала СССР и России из-за кризиса в атомной промышленности значительно повлияло на степень внешнеполитического влияния России в мире. Известно, что строительство и обслуживание АЭС — огромный многомиллиардный проект, от развития которого зависят многие политические и экономические условия формирования внешней политики страны.

Далее авторы рассматривают более широкий экономический контекст аварии в Чернобыле:

«ТРИ. Остановка развития ядерной энергетики опосредованно привела к торможению во всех секторах энергетики. Как следствие, возник дисбаланс между ростом потребностей на электроэнергию и темпами ввода в строй энергетических мощностей. Эта проблема усугубилась в начале 2000-х годов, когда в ряде стран ускорился процесс выбывания энергоблоков, выработавших свой ресурс.

---

[51] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 50.

[52] Там же.

Желание продлить эксплуатационный и межремонтный период работы генерирующих систем, причем в технологически неадекватных, но коммерчески привлекательных режимах, привело к ряду аварий. Самой тяжелой из них была катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 года»[53].

Известно, что в целом ряде стран эта проблема оказал катастрофические последствия. В частности, в Армении, Болгарии, Германии. Но в еще большей степени она повлияла на общеполитическую и экономическую обстановку в мире.

«ЧЕТЫРЕ, — пишут авторы. — В ряде стран ядерная энергетика была законодательно запрещена. В тех странах, где ее роль в общем энергетическом балансе была значительной, возникла острая нехватка электроэнергии, как для промышленного, так и для бытового потребления. К наиболее тяжелым последствиям это привело в Республике Армении»[54]. Политические последствия, например, сказались даже в 2015 году и, наверное, еще не раз скажутся.

«ПЯТЬ. Цена на природный уран за 1986 год упала в четыре раза. В результате данный ресурс оказался сильно недооцененным, что привело к социосистемно неэффективной ядерной энергетике[55], причем, вплоть до сегодняшнего дня все попытки перейти к рециклингу урана наталкиваются на сопротивление экономистов»[56].

«ШЕСТЬ. Резко замедлился технический прогресс в ядерной энергетике. На сегодня функционирует только один реактор на быстрых нейтронах — БН-600 на Белоярской АЭС, введенный

---

[53] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 51.

[54] Там же..

[55] Социосистема, как и любая экосистема, тем эффективнее, чем более она замкнута по веществу и энергии. При низкой цене на природный уран коммерчески невыгодно перерабатывать ядерные отходы для повторного использования урана (замкнутый ядерный топливный цикл, урановый рециклинг). Возникает противоречие: социосистемно необходимое действие оказывается коммерчески неэффективным. Это и означает неоцененность используемых ресурсов.

[56] *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 51.

в строй в 1980 г. С момента Чернобыльской катастрофы и по сей день не введена в коммерческую эксплуатацию ни одна инновационная ядерная энергетическая установка».

СЕМЬ. Оказался вне закона с вечным клеймом «чернобыльского» весьма эффективный реактор РБМК.

Этот пример с Чернобылем очень убедителен хотя бы потому, что в нем изначально явно не просматривается политическая заданность, хотя очевидно, что она была и играла решающую роль. Тем яснее становится политическая заданность оценок, анализа и прогноза «сети» в случаях, когда рассматриваются сценарии военно-политической и стратегической обстановки. Причем не только с точки зрения контроля и управления над формой — субъектами и факторами формирования МО и ВПО, — но и с точки зрения контроля над их содержанием, направленностью и характером (т.е. основными особенностями). Так, с этой точки зрения «сеть» сознательно и целенаправленно формирует последовательно иерархию, структура которой предопределяет содержание будущей СО[57]. В ее основе лежит один из сценариев развития локальной (западной) человеческой цивилизации, которая объявляется «эталоном», «самодостаточной системой ценностей», «образцом» для подражания и, может быть, главное — той «абсолютной» международной нормой, которой должны соответствовать другие локальные цивилизации, нации и страны. В любой области — от соблюдения прав ЛГБД-сообщества, которое обещал Б. Обама, до сохранения финансово-экономической системы.

Соответственно будущая система МО и ВПО должна либо соответствовать этой «идеальной «международной» норме», либо приспособиться к ней на определенных, выработанных Западом условиях. В противном случае эти цивилизации оказываются «нецивилизованными», «недемократическими» и т.д. и в их отношении формируется неблагоприятная МО и ВПО с соответствующими последствиями для СО. Это и есть та «содержательная» характеристика для изначально формируемых будущих сценариев развития СО, которые могут в некоторых деталях отличаться друг от друга,

---

[57] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

но сходиться в общем — установлении контроля западной локальной цивилизаций над всеми основными субъектами и факторами развития МО, ВПО и СО в мире. Причем не только с формальной, но и, главное, содержательной стороны[58].

Таким образом, можно констатировать, что традиционно существующий подход в анализе МО и ВПО, и характера будущих войн и конфликтов основанный на анализе объективных факторов в XXI веке уже становится недостаточным. Даже с учетом его более совершенных методик. Он позволяет в лучшем случае анализировать и прогнозировать существующие количественные и декларативные факторы и тенденции, определяющие развитие ВПО в мире — субъекты МО и мировые процессы, — но не их содержание, качество и политическую направленность, формируемые теми, кто контролирует политико-информационную мировую структуру «сети». Этому мало помогает и анализ, который делается внешнеполитическими службами, ибо он опирается, прежде всего, на анализ официальных документов. Поэтому, рассматривая существующие и будущие сценарии развития МО и ВПО требуется акцентировать внимание, прежде всего на содержании идеологии, концепций и субъективных оценок в политике «сети», а не на ее формальных моментах: сетецентрическая стратегия не просто допускает, но и планирует массовый вброс информации.

Сказанное имеет прямое отношение к СССР — России, против которой не прекращалась «холодная война», начатая после Второй мировой войны (а на деле — всего лишь «замороженная» на период 1941–1945 годов). Эта война, получившая мощный импульс в начале 1980-х годов при Р. Рейгане, отнюдь не закончилась с ликвидацией коммунистической власти. Просто борьба против коммунизма в СССР была заменена борьбой против русских и России как центра, «ядра» евразийской цивилизации, геополитического пространства и концентрации природных ресурсов. Теперь уже Россия рассматривалась в качестве цивилизационного и геополитического противника. Во всяком случае, до тех пор, пока ее элита не приняла правил игры, навязанные Западом. Что и явля-

---

[58] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

ется важнейшей субъективной особенностью формирования МО и ВПО в условиях сетецентрической войны.

Война в XXI веке против России уже приобрела отчетливые сетецентрические очертания — системной навязывание антинациональной системы ценностей и ложного понимания национальных интересов, деградацию национального человеческого капитала, обрабатывающей промышленности, — что неизбежно должно было привести уже в среднесрочной перспективе до 2021 года к двум важнейшим геополитическим последствиям:

— потере влияния России на постсоветском пространстве и в Евразии и переход к контролю над ним к США и НАТО (что и произошло во многом с расширением НАТО);
— ослаблению политического, идеологического и экономического влияния федерального центра в российских регионах страны, разрушению транспортных коридоров, что означало подготовку к дезинтеграции территории страны.

10.5. Усиление влияния субъективного фактора — национального человеческого капитала и его институтов на главные субъекты, акторы и тенденции, формирующие международную обстановку в XXI веке

На войне нужна идеология, за которую можно бы отдавать свои жизни … Нужно знать, за что воевать. Мы сейчас фактически находимся в состоянии войны[59]
И. Стрелков (Гиркин)

…между экономической стабильностью и крахом может пройти всего три года, два из которых экономика будет расти повышенными темпами[60]
В. Мау, экономист

XXI век вносит очень существенные изменения в процессы развития человеческой цивилизации, которые можно сформулировать как стремительное усиление влияния субъективного фактора на формирование МО, прежде всего влияния человека, его потенциала вообще, и институтов развития человеческого потенциала, в частности, на все процессы, происходящие в мире. Эта объективная тенденция усиливает и без того значительное субъективное влияние на мировые социальные и общественные процессы, включая, естественно, процессы формирования МО, существующие в социальной деятельности человечества[61].

Если согласиться с уже не раз используемым в работе определением, что МО — это такое состояние международных отношений в конкретный период времени, которое определяется тремя

[59] *Гиркин И.И.* Выступление на круглом столе в Доме журналиста 04.06.2015 / http://rusplt.ru/policy/

[60] *Мау В.* После сверхустойчивости // Коммерсант. 2015. 3 февраля. — С. 2.

[61] См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. — М.: МГИМО–Университет, 2011–2013.

основными группами объективно существующих и развивающихся факторов и отношениями между ними, как:

— субъектами МО (цивилизациями, нациями, государствами);
— ведущими мировыми тенденциями;
— негосударственными акторами — союзами, коалициями, организациями и т.д.[62], то мы неизбежно вскоре обнаружим, что на все эти три группы объективных факторов в XXI веке в возрастающей степени воздействует субъективный, человеческий фактор (формально прежде относившийся к подгруппе мировых тенденций) — человеческий потенциал и институты его развития. Настолько сильно, что возникает вопрос о его реальном месте в МО среди этих трех других основных групп формирующих МО. Это происходит потому, что социальные отношения между людьми, обществами и государствами с появлением электронных СМИ и ИКТ превратились в самостоятельную политическую силу, фактор, поддающийся влиянию субъективной воле, который, в конечном счете, и формирует «виртуальную», а затем и «реальную» МО.

В качестве примера можно привести войну США в Ираке против С. Хусейна, которая началась после создания с помощью СМИ и других институтов НЧК «виртуальной» МО, где Ирак, по мнению США, угрожал использованием химического оружия. Интересно, что другие три группы приоритетных факторов, формирующих конкретную МО (субъекты МО, ведущие мировые тренды и негосударственные акторы) в наименьшей степени повлияли на этот процесс. Не только позиции отдельных ЛЧЦ и стран, но и ведущих мировых акторов, наконец, сложившаяся в то время мировая система безопасности не помешали, а фактически поддержали процесс «виртуальной провокации» США, который оказался возможным в силу очевидного превосходства США в НЧК и влияние его институтов, прежде всего СМИ и «экспертного сообщества».

Таким образом, мы можем констатировать, что благодаря НТР и объективным трендам в конце XX — начале XXI веке в условиях, казалось бы, развития науки, глобальных тенденций, появился новый влиятельный фактор формирования МО — субъективная

---

[62] *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

политическая воля, опирающаяся на НЧК, и выраженная через СМИ и социальные сети. Влияние этой группы факторов не просто стремительно возрастает в абсолютном масштабе по мере роста НЧК и его институтов (за последние 25 лет только в Индии и Китае было подготовлено порядка 300 млн человек с высшим образованием в каждой стране, а уровень душевого финансирования науки вырос в несколько раз), но и становится фактором неопределенности в политике. Так, Дж. Фридман, например, пишет об этом феномене применительно к США: «Любопытно, что нации, которая верит в свое «явное предначертание», свойственно не только ощущение приближающегося несчастья, но и не дающее покоя чувство, что ныне страна совершенно не та, что была прежде. Мы испытываем глубокую ностальгию по 50-м годам XX века, когда «все было проще». Это довольно странное убеждение. Если вспомнить, что в начале того периода были война в Корее и маккартизм, в середине — кризис в Литл-Рок, а в конце — паника, вызванная запуском спутника в СССР и берлинские события вместе с постоянно присутствовавшей угрозой атомной войны, то 50-е годы прошлого века представляются временем, полным тревог и мрачных предчувствий. Одна из самых популярных книг того периода носила название The Age of Anxiety («Век беспокойства»), а ее читатели с ностальгией вспоминали о былой Америке, так же как мы сейчас ностальгически вспоминаем о 50-х годах.

Американская культура представляет собой адскую смесь торжествующего высокомерия и беспросветной тоски. Итог — чувство уверенности, постоянно снедаемое страхом того, что страна уйдет под воду из-за таяния ледников при глобальном потеплении или будет стерта с лица земли Господом, разгневанным гомосексуальными браками, за что в обоих случаях мы несем личную ответственность. Перепады настроения американцев затрудняют осознание подлинной сущности США в начале XXI века. Но факт остается фактом — Америка невероятно сильна. Может быть, эта страна и приближается к катастрофе, но, если проанализировать основные данные, никаких признаков этого не видно»[63].

---

[63] *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. — С. 12.

Эту мысль можно проиллюстрировать следующим образом на рисунке (рис. 10), условно изображающем известные основные группы факторов формирующих МО, дополненные новым, формально субъективным фактором, который можно обозначить как концептуально-информационное и когнитивное влияние, которое в XXI веке будет усиливаться по мере интеграции наук о человеке и информатики, росту значения эффективности управления на всех уровнях.

Из рисунка, например, видно, что в XXI веке уже существуют не только три группы объективных факторов, формирующих МО, но и группа субъективных факторов — концептуально-информационная, — которая самостоятельно, а также через традиционные факторы влияния формирует МО. При этом «виртуализация» реальности в обязательной мере присутствует при таком формировании, но в разной степени — от «обычной», до гипертрофированной.

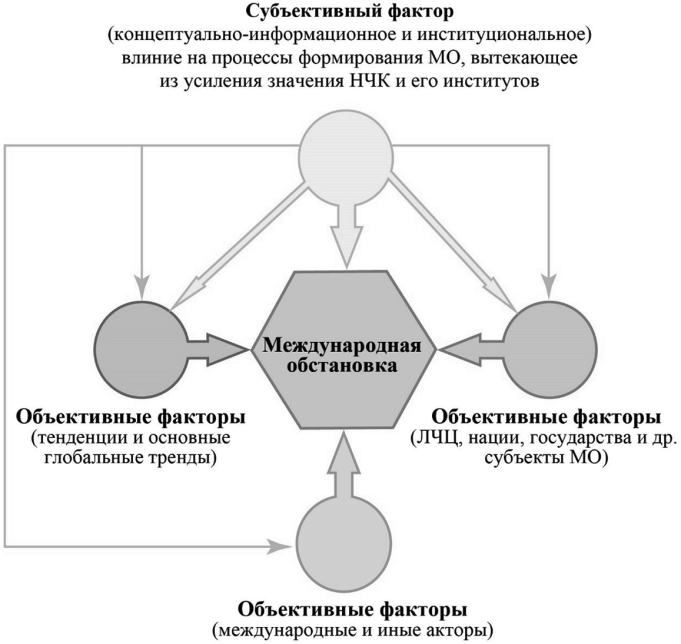

Рис. 10. Основные факторы, формирующие международную обстановку (МО)

10.5.а). Возрастание роли эффективности управления как функции национального человеческого капитала и его институтов в формировании международной обстановки

Наши военные и гражданские
специалисты — решающее преимущество[64]
Национальная военная стратегия США

… война будущего будет вестись в режиме онлайн, когда
… неприятель сможет воспользоваться уязвимостью наших
компьютерных систем здесь, у нас дома[65]
Б. Обама,
Президент США

В последнее десятилетие можно наблюдать революционные изменения в области управления общественными, политическими и военно-техническими процессами в западной ЛЧЦ, связанные со стремительным развитием средств информатизации и связи. Не только в США, которые являются безусловным лидером в этой области, но и в Великобритании, Австралии, Франции, Италии и целом ряде других стран появились новые научные организации, центры и концепции, конечной целью которых является повышение эффективности использования национальных ресурсов и политических средств. В конечном счете, это привело к возникновению феноменов «системная политика», «системная война», «сетецентрическая война» и ряда других.

Эти достижения, в свою очередь, решительным образом повлияли на управление всеми тремя группами объективных факторов и тенденций в интересах формирования необходимого сценария развития МО. Возник парадокс: усиление иррациональности и субъективности, с одной стороны, и эффективности управления, с другой, стали следствием развития НЧК и его институтов.

---

[64] The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 13.

[65] *Харрис Ш.* Кибервойна. Пятый театр военных действий. — М.: АНФ, 2016. — С. 23.

Ниже мы подробнее рассмотрим (когда будем говорить о конкретном сценарии развития МО) способы формализации влияния количественных, а также качественных оценок трех групп объективных факторов, которых в последние 15–20 лет разработано не мало[66]. Здесь же важно подчеркнуть, что воздействие на МО группы субъективных факторов влияния (чье значение в XXI веке существенно возрастает) может быть измерено, прежде всего, качественно, хотя и методы количественного измерения (тиражи, индексы цитирования и пр.) наиболее привлекательны потому, что вполне доступны и легко используемы. Не случайно, например, то, что рейтинги банков, университетов и даже государств стали не только средством оценки этих субъектов, но и инструментом их использования, управления. Так, основные рейтинги (банков, государств, университетов и пр.) придуманы и управляются западной ЛЧЦ. Это — политические намерения («intentions»), идеологические симпатии, предпочтения, системы ценностей и личных интересов отдельных личностей, политических лидеров и других представителей правящих элит.

Это создает объективные трудности для анализа МО и ВПО: если три группы объективных факторов можно систематизировать анализировать, а их развитие прогнозировать, то растущее влияние целой группы субъективных факторов необходимо учитывать какими-то иными способами, требующими самостоятельного теоретического и методологического обеспечения. Добавим, которого пока что не существует вообще.

Очевидно, что даже официальные взгляды, какими является, например, Военная доктрина РФ, выражают в лучшем случае более точный и обоснованный (на самом деле — формализованный и нормативный) подход, который, однако, является всего лишь точкой зрения, позицией части правящей элиты в конкретный период времени. Причем не всегда сколько-нибудь значимой. Так, уточненная Военная доктрина, принятая в декабре 2014 года, является именно уточненным вариантом Военной доктрины 2010, а та, в свою очередь, — Военной доктрины 1999 года. Примечательно, что между двумя последними вариантами Военной доктрины прошло чуть более 4 лет, однако развитие ВПО потребовало новой

---

[66] См., например: *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. — М.: МГИМО–Университет, 2008.

редакции. Не случайно, кстати, и то, что в новой редакции наибольший приоритет уделен описанию «мирового развития» и «глобальной конкуренции», «перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения», а также «соперничества ценностных ориентиров»[67]. Иными словами существует проблема учета и оценки влияния всей массы таких субъективных факторов, как взгляды правящей элиты, которая пока что поддается, только, социологическому анализу. Этот анализ получил стремительное развитие в XXI веке, но пока что еще не стал инструментом оценки реальных факторов формирования МО. Причем выбор этих факторов делается произвольно.

В действительности суть процесса формирования МО и ВПО является результатом противоборства (иногда сотрудничества) локальных цивилизаций и формирования соответствующих сценариев развития будущей МО и ВПО и будущих войн. Она имеет мало общего в XXI веке с прежними представлениями об отношениях наций и государств в XX веке и, тем более, попытками их прогноза в качестве экстраполяции на будущее. Эта новая, цивилизационная, суть МО прямо вытекает из признания качественно нового характера военно-политической и международной обстановки, а также принципиально новых средств и способов вооруженного насилия. Признания того, что МО и ВПО в XXI веке качественно, радикально отличаются от обстановки в XX веке. Эта новая суть требует рассматривать новую парадигму развития МО, а не механически экстраполировать МО, сложившуюся в XX веке, на XXI век. Это особенно заметно на той части МО, которая относится к ВПО, в частности:

— соотношение и расстановка сил в мире (включая военные) стала совершенно иной, а именно: налицо безусловное доминирование западной ЛЧЦ и стремление сохранить эту ситуацию в будущем;
— произошла революция в средствах ведения войн (ВиВТ), которые сделали войну, по сути, продолжением технологического развития ЛЧЦ;
— радикально изменились способы ведения войны (военное искусство), которое перестало быть только военным искусством

[67] Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 19 декабря 2014 г. / офиц. сайт Президента РФ / www.Президент.рф. 26 декабря 2014 г.

превратившись в искусство системного применения всех видов насилия;
— появились совершенно новые пространства для ведения войн, прежде всего, воздушно-космическое, глобальное пространство на море и суше, глобальное информационное;
— изменилось представление о времени, необходимом для начала и ведения войны, которое сократилось до режима «on-line»[68].

Эти и другие радикальные изменения привели к качественному изменению всего характера МО и ВПО, войн и конфликтов, сделав их частями, производными от глобальных цивилизационных факторов, что ярко проявилось в концепции «сетевой войны». Это же, в свою очередь, стала мощным стимулом для усиления влияния субъективного фактора на формирование МО. Война — как высшая форма социального конфликта — обладает множеством решающих субъективных особенностей, которые затем влияют уже на более высокие уровни формирования ВПО и МО. Достаточно привести примеры войны 2014 года на Украине, где эти особенности проявились очень ярко. Так, появление небольшой патриотической группы решительных людей во главе с И. Стрелковым в Славянске привело к началу вооруженного восстания. И, наоборот, отсутствие такой группы в Харькове и Одессе не позволило «сепаратистам» оказать сопротивление[69].

В итоге формирование всей СО, а затем и ВПО и МО вокруг восточных регионов Украины стало во многом следствием субъективного частного случая — решимости нескольких десятков людей, возглавлявшихся И. Стрелковым. Более того, до этого, в Крыму, произошло ровно то же самое: несмотря на противодействие объективных факторов (власть, ресурсы, вооруженное насилие и т.п.), субъективная воля отдельной группы граждан Крыма в короткие сроки изменила стратегическую обстановку, затем — военно-политическую и, наконец, международную обстановку вокруг Крыма, втянув в себя всех сколько-нибудь влиятельных субъектов, объективно формирующих МО.

---

[68] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014.

[69] *Подберезкин А. И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО–Университет, 2015.

Субъективность, таким образом, выражается в сознательном приближении, даже интеграции особенностей стратегической обстановки (т.е. конкретных условий силовой и вооруженной борьбы) с международной обстановкой. В XXI веке прежняя жесткая логика и иерархия МО–ВПО–СО меняется на «смыкание флангов» — МО и СО. Средством для этого становится сетевая и сетецентрическая война, которые трансформируются из средства политики все важнейшие атрибуты и особенности.

Суть современной «сетевой войны» (которая не имеет начала и конца, ведется постоянно, без формального объявления войны и соблюдения каких-либо договоренностей) заключается в использовании любых средств — политических, экономических, информационных, военных и других для достижения конечной и глобальной геополитической цели. Эта суть также выражается в том, что силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся системно, одновременно и скоординировано на всех уровнях, и, как правило, изначально, либо планируются с самого начала. В самом общем виде эта суть может быть выражена в следующей матрице «сетевых войн», где масштабы и интенсивность применяемых средств условно распределены от 1 до 20: (табл. 5).

Из этой матрицы видно, что собственно военные и военно-технические средства используются параллельно и в разных масштабах с другими силовыми средствами, прежде всего, субъективно-личностными, что отражало суть сетевой войны против Росси на данном (2014–2016 гг.) этапе. Главный объект — В. Путин и правящая элита. Соответственно и эскалация войны возможна по всем направлениям ведения войны, но прежде всего финансово-экономическим и военным, направленным лично против представителей правящей элиты.

Надо сказать, что подобная матрица применима ко всем потенциальным противникам США, которые уже (и в этом весь секрет) перешли из категории «потенциальные» в «реальные». Главная цель сетевой войны — обеспечить тем, кто ее ведет (США), способность, в конечном счете, всестороннего и абсолютного контроля и управления всеми существующими ресурсами и силами человечества: государствами, нациями, организациями, а также глобальными тенденциями — политическими, финансовыми, транспортными и пр., т.е. всеми процессами, формирующими МО и ВПО. Не слу-

Таблица 5. Суть современной «сетевой войны»
(на примере войны США против России на Украине)

Используемые средства	Масштабы и интенсивность						
	1	2	3	5	10	15	20
1. Политические						■	
2. Дипломатические					■		
3. Информационные							■
4. Экономические				■			
5. Финансовые				■			
6. Общественные							■
7. Гуманитарные							■
8. Военные		■					
9. Военно-технические					■		
другие							

чайно в декабре 2014 года Б. Обама заявил о том, что «в 2014 году США укрепили свое лидерство в мире, прямо связывая этот результат с «победами» в Ливии, Ираке и на Украине», а в феврале 2015 года заявил об «обязательном лидерстве» США.

Поэтому сценарий доминирования США в любой СО, а затем и МО, является главным, доминирующим и имеющим точную антиэлитную направленность. Доминирование, как известно, очень трудно сочетается с равноправием и нормами международного права, обеспечением всеобщей безопасности и другими атрибутами суверенитета и международного сотрудничества. Эта политика — стратегический выбор США и военно-политической коалиции возглавляемой ими в мире. Прежде всего, в форме НАТО, а вскоре и ТТП и ТАП. Не случайно в новой редакции Военной доктрины России активизация НАТО была поставлена в качестве главной угрозы для нашей страны. Именно этот субъективный политический фактор — внешняя политика США — противопоставляют объективным факторам, формирующим МО.

Доминирование в мировой политике и укрепление контроля над всеми субъектами МО, а также развитием основных мировых тенденций не является единственной задачей США и возглавляемого ими союза западной локальной цивилизации. Такой «чисто» формальный контроль уже потерял в XXI веке значение. Подчинение государств, оккупация территории, даже военная победа — все эти атрибуты победы — в XXI веке потеряли свое значение. Более важным полагается создание условий для контроля над **содержанием состояния субъектов МО и мировых тенденций**, направленностью и темпами их развития: прежде всего формированием, внутри этих субъектов, соответствующих представлениям победителя системы ценностей и интересов. Так, на протяжении более 25 лет США формально практически контролировали правящую элиту Украины (как субъект МО), включая государственные и общественные институты этого субъекта (партии, министерства, администрации), но в еще большей степени они стремились к установлению контроля над содержанием процессов, происходящих внутри этих субъектов и акторов политической, экономической и медийной деятельности на Украине. Это выражалось в политике искажения системы ценностей, определялось, прежде всего, русофобской, антироссийской направленностью, ориентаций на западную систему ценностей и интересов, отказ от действительно национальных интересов. Ставится задача изменить сознание если не у всей нации, то у наиболее активной ее части, которая и будет обеспечивать развитие нации в нужном направлении. В этом смысле пример Украины достаточно типичен, но наиболее ярок: процессы изменения сознания и национальной системы ценностей были запущены активно еще в начале 80-х гг. XX века, когда, как казалось, господствовала коммунистическая идеология. Именно тогда, по воле части правящей партийной элиты Украины стали возникать отдельные социально-активные группы людей, ориентированных на «украинство».

Этот тип «украинства» западноукраинского происхождения активно продвигался во власть на важные, но не публичные позиции. Поэтому «перестройка» М. Горбачева позволила легализовать эту идеологическую диверсию очень быстро и в течение всего лишь нескольких лет превратить во влиятельный политический фактор. После февраля 2014 года эта политика стала официальной доктриной той части правящей элиты Украины, которую западная ЛЧЦ поста-

вила у власти. «Ярлык» на княжение в Киеве предполагает не просто сохранение формального контроля, но и развития содержательных процессов украинизации», т.е. превращение Украины во врага — не только государственного, но и национального, этнического — России.

Иными словами контроль над содержанием, сутью субъектов МО, основными трендами мирового развития рассматривается западной ЛЧЦ как наиболее приоритетная задача по отношению не только к международной, но и военно-политической обстановке. Контроля только над развитием ВПО и СО уже недостаточно. Недостаточно контроля уже и только над финансами. Необходим контроль над социально-политической и культурно-образовательными процессами, проходящими в зависимых субъектах МО.

10.5.б). Национальный человеческий капитал и его институты как средство влияния на субъекты, акторы и тренды в формировании международной обстановки

Мы должны восстановить потерянные компетенции военных институтов, интегрировать их с развивающейся системой военного образования …[70]
В. Путин,
Президент России

Способность России противостоять трансформации внешних факторов во внешние и внутренние военные угрозы будет зависеть, прежде всего, от темпов развития Национального человеческого капитала[71]
А. Подберезкин,
профессор, 2014 г.

Увеличение НЧК и развитие его институтов превращается в постоянно действующий фактор влияния на все три основные

---

[70] *Путин В. В.* Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 октября.

[71] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — С. 187.

группы, формирующие МО — субъекты и акторы МО и мировые тенденции. Если говорить коротко, то можно сделать следующий вывод: в XXI веке страна-лидер в области НЧК и развитии его институтов получает наиболее мощные инструменты влияния на формирование МО. Этот вывод также предполагает целую серию последствий, в частности:

— страны, обладающие высокими темпами роста НЧК (КНР, Индия, Бразилия и др.) объективно будут усиливать свое влияние на формирование МО быстрее других стран, в которых НЧК и институты развиваются медленнее;
— их потенциалы и возможности, определяемые НЧК, будут развиваться значительно быстрее, чем в других странах. Так, в КНР и Индии ставится задача не просто увеличить ВВП, а превратиться в сверхдержавы — мировые технологические лидеры, что означает одновременно и их превращение в военно-политических лидеров;
— опережающее развитие НЧК ведет к усилению влияния этих стран на все общественно-политические, культурно-образовательные и идеологические процессы в мире, т.е. выводит эти страны в мировые идеологические и культурные лидеры;
— наконец, быстрое развитие НЧК и его институтов неизбежное условие эффективного управления и способности ЛЧЦ или нации успешной системно-сетецентрической внешней и военной политики.

В этих целях не только создаются в массовом порядке лояльные НПО, фонды, но и псевдоинституты развития национального человеческого капитала — университеты и другие образовательные учреждения, системы кинопроката, театры и т.д.[72] Гуманитарные аспекты политики выходят на первый план, а их носители — творческие личности («креативные личности») — становятся важными субъектами, формирующими международную обстановку. Эти субъекты МО и акторы участвуют в формировании МО как лично, так и через свои институты. Учитывая резко возросшее значение «креативных слоев» (по некоторым оценкам они обеспечивают до 0% прироста ВВП развитых стран) и их институтов, влияние

[72] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал Т. II. — М.: МГИМО–Университет. 2012 г.

этих акторов на МО становится просто подавляющим. Именно эти искусственно созданные Западом институты, объединившие различные небольшие, но активные организации от фанатов-болельщиков до студентов университетов, стали той социальной силой, которая не просто сотворила «революцию Майдана», но и стала носителем идеологического и мировоззренческого мэйнстрима на Украине в 2014 году. Произошло то, что казалось прежде невероятным массовый сдвиг в общественном сознании, который перевернул веками формировавшуюся систему ценностей. И сделали это не финансовые вливания Запада (которые, естественно, были), не военная сила, а воспитанная определенным образом достаточно узкая социальная группа «пассионариев», которая смогла превратить субъективный фактор в политическую силу.

Естественно, что все прежние инструменты политики, основанные на объективных возможностях западной ЛЧЦ, были использованы. Активно в целях «сетецентрической войны» был задействован контроль США над мировой финансовой системой, мировыми сетевыми ресурсами, рейтингами — финансовыми, социальными, университетскими — международными и национальными негосударственными институтами.

Контроль «над содержанием» в отличие от «контроля над формой» субъектов политического процесса, осуществляемый с помощью «сети», как видно принципиально разный. Для контроля над содержанием по большому счету не важно, какая партия, например, будет находиться у власти в Раде, какой президент или премьер, будет возглавлять исполнительскую власть, какие партии и общественные движения будут формировать политическую систему («регионалы», «коммунисты» или «националисты»). Для контроля сети над содержанием важно имеют ли эти структуры проамериканский, антироссийский и русофобский характер, насколько они последовательны и успешны в такой политике, насколько управляемы в этих целях. Соответственно большинство ответов на эти вопросы лежат в субъективной области.

Контроль «сети» над МО означает, что «сеть» в конечном счете, формирует и осуществляет контроль над будущими сценариями развития не только МО и ВПО, но и СО, отметая (блокируя развитие, тормозя) с самого начала все те варианты и сценарии, которые противоречат содержанию проводимой политики. При этом «сеть»

Таблица 6. Изменение механизмов внешнего контроля в XXI веке по сравнению с XX веком

Общая характеристика контроля XX в.	Общая характеристика контроля XXI в.
Внешнее влияние стремится к переходу к внешнему контролю над важнейшими областями **государственной деятельности**: — внешней политикой; — военной политикой; — финансами; — международно-коалиционной и дипломатической деятельностью	Внешне влияние стремится к переходу к содержательному внутреннему контролю через организованные группы правящей элиты не только в государственной, но и в большей степени в общественной деятельности на следующие объекты: — группы правящей элиты и общества в высших эшелонах власти, управления обществом и государством; — группы творческих деятелей и представителей «креативного класса» в общественных организациях, культуре, науке, образовании, СМИ; — группы лиц, контролирующих экономическую и финансовую жизнь
Основной объект влияния — институты государства	**Основной объект влияния — институты общества, формирующие национальную систему ценностей**
Пример: «перестройка» М. Горбачева, когда главными объектами для дезинтеграции стали армия, органы безопасности и правопорядка	**Пример:** трансформация общественного сознания на Украине

«не цепляется» за контроль над формой или конкретными субъектами. Тем более над формальными признаками. Этот контроль для нее менее важен, чем контроль над содержанием. Поэтому «сеть» легко жертвует ненужными субъектами и делает ставку на самые разные факторы. Политика «сети» не только гибка, что говорить о ее принципах бессмысленно, кроме одного — вписываться в обозначенную политическую стратегию. Не случайно в нормативных наставлениях армии США четко отдается приказ сопоставления любых действий (информационных, военных, подрывных и т.д.) политическим намерениям США, которые четко формулируются Государственным департаментом страны.

Для анализа возможных сценариев развития МО и СО очень важно понимать, что традиционный анализ и прогноз в военно-политической области — это не только анализ состояния и развития субъектов, акторов и факторов (государств, численности ВС, ВВП и т.д.) МО и ВПО, а анализ и прогноз содержания мировых тенденции и направленности их развития. Причем все эти факторы, акторы и тенденции должны быть:

— во-первых, рассмотрены в своей взаимосвязи;
— во-вторых, оценены с точки зрения влияния группы субъективных факторов МО.

Поэтому и в анализе, и в стратегическом прогнозе развития ВПО и СО в России требуется сосредоточиться не только на конкретных деталях и факторах (позиции «республиканцев», «демократов», конкретных конгрессменов, сенаторов, министров и т.п.), анализом деятельности которых привычно занимается большинство наших экспертов, а **на системном анализе всего процесса сетецентрической войны,** ведущейся против России, изначально включая два важнейших условия анализа:

— во-первых, признания самого факта такой войны и ее начала;
— во-вторых, признания ее конечной политической бескомпромиссной цели — уничтожения российской цивилизации.

Признание этих двух условий анализа современной МО обязательно просто потому, что оно делает изначально субъективные оценки близкими к объективной реальности. Нет смысла анализировать МО, если вы изначально исходите из горбачевских идей, которые не имеют под собой реальной основы. Также как и при постановке диагноза — будь то человек, автомашина или международная

обстановка — нужна трезвая реальная оценка, а не субъективные пожелания «всего хорошего» для всех на этой планете. Реальность, к сожалению, такова. Это реальность означает, что повсеместное внедрение «сети» в конечном счете, представляет собой не только лишение стран, народов, армии и правительств мира какой бы то ни было действительной самостоятельности и суверенности, но и превращение их в жестко управляемые, запрограммированные заранее заложенным и контролируемым содержанием механизмы. Это в целом известный, но широко не признаваемый факт. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» («Операции базовых эффектов» — Effects-based operations — EBO. — *А.П.*), например, разработанной в США, стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе»[73], — справедливо пишет К. Мямлин. Не случайно политика В. Путина системного противодействия вызвала такую резкую и глобальную реакцию США. Она также системно противодействует системе «сети».

К сожалению, надо признать, что большинство существующих субъективных оценок в России МО и СО далеки от этих предположений. Более того, настолько далеки, что можно констатировать, что они просто не соответствуют реалиям. По самым разным, чаще всего субъективным, а иногда просто корыстным причинам. Поэтому когда происходят «неожиданные» радикальные изменения в МО они встречают «удивленную реакцию» со стороны, в том числе и тех авторов и институтов, которые составляют актуальные анализы и прогнозы. Так абсолютное большинство прогнозов, сделанные вплоть до декабря 2013 года в России, исключали обострение отношений с Западом в 2014 году. О чем сохранилось немало письменных свидетельств. Было немало и таких, которые прямо ориентировались на Запад.

Расхождения в субъективных оценках существующих реальных сценариев развития МО в общественном сознании России, —

---

[73] *Мямлин К.* Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

катастрофические. Именно это сплошь и рядом, и наблюдается в реальной общественной и научной жизни и реальной политике. Там, где эти расхождения между надуманными или устаревшими оценками СО и реалиями больше, — там и крупнее трагедия. Пример — в оценках последствий «демократизации» СССР и случившейся реальной геополитической катастрофе, постигшей нашу страну. Их просто невозможно понять, если не принимать во внимание долгосрочного стратегического планирования, основанного на возможностях «сети» и ее содержательном контроле. Объяснение может быть только одним: правящая элита СССР и России не обладала необходимыми субъективными качествами для адекватной оценки и прогноза развития политической обстановки в мире. Эти минимальные субъективные качества (о чем я не раз уже писал)[74], должны соответствовать следующим критериям:

— профессионализму и образованию;
— нравственности, патриотичности;
— способности к стратегическому прогнозу и оценки последствий принимаемых решений;
— творческому («креативному») принятию неординарных и инициативных решений.

К сожалению, не только брежневская, но и последующие правящие элиты, не соответствовали этим минимальным критериям. Более того, сложилась закономерность, о которой говорилось не раз выше: чем сложнее становились проблемы в СССР и России, тем хуже становилась правящая элита, тем меньше оставалось уже субъективных возможностей для управления.

---

[74] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал Т. I. — М.: МГИМО–Университет. 2012 г.

Заключение

Вторая и третья части (модули) УМК составляют главное ядро содержательного материала, освоение которого осуществляется учащимися в соответствии с учебной программой дисциплины «Государство и безопасность в новой и новейшей истории России». Дополнительным форматом их самостоятельной подготовки могут стать инициативные разработки по тематике актуальных международных конфликтов, затрагивающих российские интересы, в частности, написание небольших эссе, выполненных по образцу ведомственных информационных документов, а также составление рабочих сценариев для проведения тематических ситуационных анализов с использованием ресурсов УМК.

ЧАСТЬ | МОДУЛЬ IV

Приложения

Приложение № 1. Федеральный закон «О безопасности»[1] от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ

Принят Государственной Думой
7 декабря 2010 года
Одобрен Советом Федерации
15 декабря 2010 года

Дата подписания 28 декабря 2010 г.
Опубликован 29 декабря 2010 г.

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее — безопасность, национальная безопасность), полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов

1 Российская Федерация. Федеральный закон «О безопасности» / base.consultant.ru/cons/static4012_00_88_189271/docframes

местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации (далее — Совет Безопасности).

Статья 2. Основные принципы обеспечения безопасности

Основными принципами обеспечения безопасности являются:

1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;

4) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;

5) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Статья 3. Содержание деятельности по обеспечению безопасности

Деятельность по обеспечению безопасности включает в себя:

1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;

2) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;

3) правовое регулирование в области обеспечения безопасности;

4) разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;

5) применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

6) разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности;

7) организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности;

8) координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности;

9) финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств;

10) международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности;

11) осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 4. Государственная политика в области обеспечения безопасности

1. Государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

2. Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент Российской Федерации.

3. Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации.

4. Граждане и общественные объединения участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности.

Статья 5. Правовая основа обеспечения безопасности

Правовую основу обеспечения безопасности составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности.

Статья 6. Координация деятельности по обеспечению безопасности

Координацию деятельности по обеспечению безопасности осуществляют Президент Российской Федерации и формируемый и возглавляемый им Совет Безопасности, а также в пределах своей компетенции Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Статья 7. Международное сотрудничество в области обеспечения безопасности

1. Международное сотрудничество Российской Федерации в области обеспечения безопасности осуществляется на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

2. Основными целями международного сотрудничества в области обеспечения безопасности являются:

1) защита суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации;

2) защита прав и законных интересов российских граждан за рубежом;

3) укрепление отношений со стратегическими партнерами Российской Федерации;

4) участие в деятельности международных организаций, занимающихся проблемами обеспечения безопасности;

5) развитие двусторонних и многосторонних отношений в целях выполнения задач обеспечения безопасности;

6) содействие урегулированию конфликтов, включая участие в миротворческой деятельности.

Глава 2. Полномочия федеральных органов государственной власти, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности

Статья 8. Полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности

Президент Российской Федерации:

1) определяет основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности;

2) утверждает стратегию национальной безопасности Российской Федерации, иные концептуальные и доктринальные документы в области обеспечения безопасности;

3) формирует и возглавляет Совет Безопасности;

4) устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности, руководство деятельностью которых он осуществляет;

5) в порядке, установленном Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 года №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение, осуществляет полномочия в области обеспечения режима чрезвычайного положения;

6) принимает в соответствии с законодательством Российской Федерации:

а) решение о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

б) меры по защите граждан от преступных и иных противоправных действий, по противодействию терроризму и экстремизму;

7) решает в соответствии с законодательством Российской Федерации вопросы, связанные с обеспечением защиты:

а) информации и государственной тайны;

б) населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

8) осуществляет иные полномочия в области обеспечения безопасности, возложенные на него Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Статья 9. Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в области обеспечения безопасности

1. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации:

1) рассматривает принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы в области обеспечения безопасности;

2) утверждает указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения.

2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации принимает федеральные законы в области обеспечения безопасности.

Статья 10. Полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения безопасности

Правительство Российской Федерации:

1) участвует в определении основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности;

2) формирует федеральные целевые программы в области обеспечения безопасности и обеспечивает их реализацию;

3) устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности, руководство деятельностью которых оно осуществляет;

4) организует обеспечение федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления средствами и ресурсами, необходимыми для выполнения задач в области обеспечения безопасности;

5) осуществляет иные полномочия в области обеспечения безопасности, возложенные на него Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Статья 11. Полномочия федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности

Федеральные органы исполнительной власти выполняют задачи в области обеспечения безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации.

Статья 12. Функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Глава 3. Статус Совета Безопасности

Статья 13. Совет Безопасности

1. Совет Безопасности является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также по вопросам международного сотрудничества в области обеспечения безопасности.

2. Совет Безопасности формируется и возглавляется Президентом Российской Федерации.

3. Положение о Совете Безопасности Российской Федерации утверждается Президентом Российской Федерации.

4. В целях реализации задач и функций Совета Безопасности Президентом Российской Федерации могут создаваться рабочие органы Совета Безопасности и аппарат Совета Безопасности.

Статья 14. Основные задачи и функции Совета Безопасности

1. Основными задачами Совета Безопасности являются:

1) обеспечение условий для осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности;

2) формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией;

3) прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации;

4) подготовка предложений Президенту Российской Федерации:

а) о мерах по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и преодолению их последствий;

б) о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

в) о введении, продлении и об отмене чрезвычайного положения;

5) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения безопасности;

6) оценка эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

2. Основными функциями Совета Безопасности являются:

1) рассмотрение вопросов обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, иных вопросов, связанных с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности;

2) анализ информации о реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности, о социально-политической и об экономической ситуации в стране, о соблюдении прав и свобод человека и гражданина;

3) разработка и уточнение стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, а также критериев и показателей обеспечения национальной безопасности;

4) осуществление стратегического планирования в области обеспечения безопасности;

5) рассмотрение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к ведению Совета Безопасности;

6) подготовка проектов нормативных правовых актов Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности и осуществления контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности;

7) организация работы по подготовке федеральных программ в области обеспечения безопасности и осуществление контроля за их реализацией;

8) организация научных исследований по вопросам, отнесенным к ведению Совета Безопасности.

3. Президент Российской Федерации может возложить на Совет Безопасности иные задачи и функции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 15. Состав Совета Безопасности

1. В состав Совета Безопасности входят Председатель Совета Безопасности Российской Федерации, которым по должности является Президент Российской Федерации; Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации (далее — Секретарь Совета Безопасности); постоянные члены Совета Безопасности и члены Совета Безопасности.

2. Постоянные члены Совета Безопасности входят в состав Совета Безопасности по должности в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации. Секретарь Совета Безопасности входит в число постоянных членов Совета Безопасности.

3. Члены Совета Безопасности назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, им определяемом.

4. Члены Совета Безопасности принимают участие в заседаниях Совета Безопасности с правом совещательного голоса.

5. Секретарем Совета Безопасности, постоянными членами Совета Безопасности и членами Совета Безопасности могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

Статья 16. Секретарь Совета Безопасности

1. Секретарь Совета Безопасности является должностным лицом, обеспечивающим реализацию возложенных на Совет Безопасности задач и функций.

2. Секретарь Совета Безопасности назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации, которому подчиняется непосредственно.

3. Полномочия Секретаря Совета Безопасности определяются Президентом Российской Федерации.

Статья 17. Организация деятельности Совета Безопасности

1. Деятельность Совета Безопасности осуществляется в форме заседаний и совещаний.

2. Порядок организации и проведения заседаний и совещаний Совета Безопасности определяется Президентом Российской Федерации.

Статья 18. Решения Совета Безопасности

1. Решения Совета Безопасности принимаются на его заседаниях и совещаниях постоянными членами Совета Безопасности в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации. Постоянные члены Совета Безопасности обладают равными правами при принятии решений.

2. Решения Совета Безопасности вступают в силу после их утверждения Президентом Российской Федерации.

3. Вступившие в силу решения Совета Безопасности обязательны для исполнения государственными органами и должностными лицами.

4. В целях реализации решений Совета Безопасности Президентом Российской Федерации могут издаваться указы и распоряжения.

Глава 4. Заключительные положения

Статья 19. О признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации

Признать утратившими силу:

1) Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года №2446–1 «О безопасности» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, №15, ст. 769);

2) Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 5 марта 1992 года №2446/I-I «О введении в действие Закона Российской Федерации «О безопасности» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, №15, ст. 770);

3) Закон Российской Федерации от 25 декабря 1992 года №4235-I «О дополнении статьи 14 Закона Российской Федерации «О безопасности» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, №2, ст. 77);

4) Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 25 декабря 1992 года №4236-I «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О дополнении статьи 14 Закона Российской Федерации «О безопасности» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, №2, ст. 78);

5) статью 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года №116-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №30, ст. 3033);

6) статью 2 Федерального закона от 7 марта 2005 года №15-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательного акта Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления в сфере защиты и охраны Государственной границы

Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2005, №10, ст. 763);

7) статью 1 Федерального закона от 25 июля 2006 года №128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к замещению государственных и муниципальных должностей» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, №31, ст. 3427);

8) статью 3 Федерального закона от 2 марта 2007 года №24-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, а также должности государственной или муниципальной службы» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, №10, ст. 1151);

9) статью 1 Федерального закона от 26 июня 2008 года №103-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области таможенного дела» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2008, №26, ст. 3022).

Статья 20. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации
Д.Медведев

Москва, Кремль
28 декабря 2010 года
№390-ФЗ

Приложение №2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ

Дата подписания 28 июня 2014 г.
Опубликован 3 июля 2014 г.

Принят Государственной Думой
20 июня 2014 года
Одобрен Советом Федерации
25 июня 2014 года

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

1. Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

2. Стратегическое планирование в Российской Федерации (далее — стратегическое планирование) осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований.

3. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

4. В части стратегического планирования в сферах обеспечения национальной обороны, государственной и общественной безопасности настоящий Федеральный закон применяется с учетом законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения в этих сферах.

5. Действие настоящего Федерального закона распространяется на отношения в сфере стратегического планирования, осуществляемого на территории Российской Федерации, территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации, включая морские пространства.

Статья 2. Правовое регулирование стратегического планирования

Правовое регулирование стратегического планирования основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами.

Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации;

2) государственное управление — деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

3) муниципальное управление — деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития;

4) целеполагание — определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

5) прогнозирование — деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

6) планирование — деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная

на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания;

7) программирование — деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания;

8) мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования — деятельность участников стратегического планирования по комплексной оценке хода и итогов реализации документов стратегического планирования, а также по оценке взаимодействия участников стратегического планирования в части соблюдения принципов стратегического планирования и реализации ими полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

9) система стратегического планирования — механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработки и реализации документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения;

10) документ стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования;

11) корректировка документа стратегического планирования — изменение документа стратегического планирования без

изменения периода, на который разрабатывался этот документ стратегического планирования;

12) методическое обеспечение стратегического планирования — разработка и утверждение требований и рекомендаций по разработке и корректировке документов стратегического планирования;

13) цель социально-экономического развития — состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями;

14) задача социально-экономического развития — комплекс взаимоувязанных мероприятий, которые должны быть проведены в определенный период времени и реализация которых обеспечивает достижение целей социально-экономического развития;

15) результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями;

16) очередной год — год, следующий за текущим годом;

17) отчетный год — календарный год с 1 января по 31 декабря включительно, предшествующий текущему году;

18) отчетный период — отчетный год и два года, предшествующие отчетному году;

19) среднесрочный период — период, следующий за текущим годом, продолжительностью от трех до шести лет включительно;

20) долгосрочный период — период, следующий за текущим годом, продолжительностью более шести лет;

21) стратегический прогноз Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о стратегических рисках социально-экономического развития и об угрозах национальной безопасности Российской Федерации;

22) прогноз научно-технологического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и об ожидаемых результатах научно-технологического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на долгосрочный период;

23) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о внешних и внутренних условиях, направлениях и об ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный или долгосрочный период;

24) стратегия социально-экономического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации;

25) документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации — утверждаемые (одобряемые) Президентом Российской Федерации документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности Российской Федерации;

26) стратегия пространственного развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации;

27) отраслевой документ стратегического планирования Российской Федерации — документ, в котором определены приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования;

28) план деятельности федерального органа исполнительной власти — документ стратегического планирования, содержащий цели, направления, индикаторы, планируемые промежуточные и окончательные результаты деятельности федерального органа исполнительной власти на среднесрочный период и предусматривающий в рамках установленных полномочий федерального

органа исполнительной власти обеспечение реализации документов стратегического планирования;

29) стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;

30) прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и об ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный или долгосрочный период;

31) государственная программа Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

32) государственная программа субъекта Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

33) стратегия социально-экономического развития муниципального образования — документ стратегического планирования, определяющий цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период;

34) прогноз социально-экономического развития муниципального образования — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и об ожидаемых результатах социально-экономиче-

ского развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период;

35) муниципальная программа — документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития муниципального образования;

36) макрорегион — часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования.

Глава 2. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования

Статья 4. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации в сфере стратегического планирования

К полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере стратегического планирования относятся:

1) установление принципов организации и функционирования системы стратегического планирования;

2) определение порядка осуществления стратегического планирования;

3) определение приоритетов социально-экономической политики и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также способов и источников ресурсного обеспечения их достижения;

4) формирование комплекса мероприятий, направленных на достижение приоритетов социально-экономической политики

и целей социально-экономического развития Российской Федерации, решение задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

5) установление общих требований к содержанию документов стратегического планирования, к последовательности и порядку их разработки, корректировки, рассмотрения и утверждения (одобрения);

6) установление порядка координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере стратегического планирования;

7) обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации, включая согласованность утверждаемых ими целей и задач деятельности органов государственной власти, показателей достижения этих целей и решения этих задач;

8) разработка и утверждение (одобрение) документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к ведению Российской Федерации и полномочиям Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

9) методическое обеспечение стратегического планирования;

10) мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, утвержденных (одобренных) федеральными органами государственной власти;

11) иные полномочия в сфере стратегического планирования, отнесенные настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации.

Статья 5. Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере стратегического планирования

К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере стратегического планирования относятся:

1) определение в пределах полномочий субъектов Российской Федерации приоритетов социально-экономической политики, долгосрочных целей и задач социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации;

2) установление требований к содержанию документов стратегического планирования, разрабатываемых в субъектах Российской Федерации, порядку их разработки, рассмотрению и утверждению (одобрению) с учетом положений настоящего Федерального закона, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации;

3) разработка и утверждение (одобрение) документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к полномочиям субъектов Российской Федерации;

4) мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, утвержденных (одобренных) органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

5) обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на уровне субъектов Российской Федерации;

6) установление порядка осуществления стратегического планирования в субъектах Российской Федерации в соответствии с нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона;

7) участие в формировании документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, реализуемых на территориях субъектов Российской Федерации;

8) иные полномочия в сфере стратегического планирования, отнесенные в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Статья 6. Полномочия органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования

К полномочиям органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования относятся:

1) определение долгосрочных целей и задач муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

2) разработка, рассмотрение, утверждение (одобрение) и реализация документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к полномочиям органов местного самоуправления;

3) мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, утвержденных (одобренных) органами местного самоуправления;

4) иные полномочия в сфере стратегического планирования, определенные федеральными законами и муниципальными нормативными правовыми актами.

Глава 3. Система стратегического планирования

Статья 7. Принципы стратегического планирования

1. Организация и функционирование системы стратегического планирования основываются на принципах единства и целостности, разграничения полномочий, преемственности и непрерывности, сбалансированности системы стратегического планирования, результативности и эффективности стратегического планирования, ответственности участников стратегического планирования, прозрачности (открытости) стратегического планирования, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеряемости целей, соответствия показателей целям и программно-целевом принципе.

2. Принцип единства и целостности означает единство принципов и методологии организации и функционирования системы стратегического планирования, единство порядка осуществления стратегического планирования и формирования отчетности о реализации документов стратегического планирования.

3. Принцип разграничения полномочий означает осуществление установленных законодательством Российской Федерации полномочий органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований, в пределах которых участники стратегического планирования самостоятельно определяют цели и задачи социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также пути достижения этих целей и решения этих задач.

4. Принцип преемственности и непрерывности означает, что разработка и реализация документов стратегического планирования осуществляются участниками стратегического планирования последовательно с учетом результатов реализации ранее принятых документов стратегического планирования и с учетом этапов реализации документов стратегического планирования.

5. Принцип сбалансированности системы стратегического планирования означает согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, показателям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

6. Принцип результативности и эффективности стратегического планирования означает, что выбор способов и методов достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должен основываться на необходимости достижения заданных результатов с наименьшими затратами ресурсов в соответствии с документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках планирования и программирования.

7. Принцип ответственности участников стратегического планирования означает, что участники стратегического планирования несут ответственность за своевременность и качество разработки и корректировки документов стратегического планирования, осуществления мероприятий по достижению целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и за результативность и эф-

фективность решения задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

8. Принцип прозрачности (открытости) стратегического планирования означает, что документы стратегического планирования, за исключением документов или их отдельных положений, в которых содержится информация, относящаяся к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне, подлежат официальному опубликованию.

9. Принцип реалистичности означает, что при определении целей и задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации участники стратегического планирования должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки с учетом ресурсных ограничений и рисков.

10. Принцип ресурсной обеспеченности означает, что при разработке и утверждении (одобрении) документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования, должны быть определены источники финансового и иного ресурсного обеспечения мероприятий, предусмотренных этими документами, в пределах ограничений, определяемых документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках прогнозирования.

11. Принцип измеряемости целей означает, что должна быть обеспечена возможность оценки достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации с использованием количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов их оценки, используемых в процессе стратегического планирования.

12. Принцип соответствия показателей целям означает, что показатели, содержащиеся в документах стратегического планирования и дополнительно вводимые при их корректировке, а также при оценке эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, должны соответствовать целям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

13. Программно-целевой принцип означает определение приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, разработку взаимоувязанных по целям, срокам реализации государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ и определение объемов и источников их финансирования.

Статья 8. Задачи стратегического планирования

Основными задачами стратегического планирования являются:

1) координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики;

2) определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей, включая финансовые, социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

3) определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

4) выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, обеспечивающих наибольшую эффективность использования необходимых ресурсов;

5) формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

6) определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономической политики и социально-экономи-

ческого развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

7) координация действий участников стратегического планирования и мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования, по срокам их реализации, ожидаемым результатам и параметрам ресурсного обеспечения;

8) организация мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;

9) научно-техническое, информационное, ресурсное и кадровое обеспечение стратегического планирования;

10) создание условий, обеспечивающих вовлечение граждан и хозяйствующих субъектов в процесс стратегического планирования.

Статья 9. Участники стратегического планирования

1. Участниками стратегического планирования на федеральном уровне являются:

1) Президент Российской Федерации;

2) Федеральное Собрание Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума);

3) Правительство Российской Федерации;

4) Совет Безопасности Российской Федерации;

5) Счетная палата Российской Федерации;

6) Центральный банк Российской Федерации;

7) федеральные органы исполнительной власти;

8) иные органы и организации в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона.

2. Участниками стратегического планирования на уровне субъекта Российской Федерации являются:

1) законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации;

2) высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);

3) высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации;

4) исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации;

5) контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации;

6) иные органы и организации в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона.

3. Участниками стратегического планирования на уровне муниципального образования являются органы местного самоуправления, а также муниципальные организации в случаях, предусмотренных муниципальными нормативными правовыми актами.

Статья 10. Полномочия участников стратегического планирования

1. Президент Российской Федерации:

1) осуществляет руководство государственной политикой в сфере стратегического планирования;

2) определяет и уточняет направления, цели и приоритеты социально-экономической политики, цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

3) определяет направления достижения стратегических целей и важнейшие задачи, подлежащие решению;

4) определяет цели и задачи стратегического управления в Российской Федерации;

5) утверждает (одобряет) документы стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и по другим вопросам, находящимся в ведении Президента Российской Федерации, определяет порядок их разработки и корректировки;

6) определяет порядок осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Президента Российской Федерации;

7) принимает иные решения в сфере стратегического планирования.

2. Палаты Федерального Собрания Российской Федерации осуществляют законодательное регулирование в сфере стратегического планирования, полномочия в соответствии с Федеральным

законом от 7 мая 2013 года №77-ФЗ «О парламентском контроле» и проводят обсуждение стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации.

3. Правительство Российской Федерации:

1) определяет порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации, и утверждает (одобряет) такие документы;

2) обеспечивает в пределах полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации во взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации согласование разрабатываемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации документов стратегического планирования, в частности стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации;

3) определяет цели, задачи и показатели деятельности федеральных органов исполнительной власти, находящихся в ведении Правительства Российской Федерации;

4) определяет порядок осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации, а также порядок подготовки отчетов (докладов) о реализации документов стратегического планирования;

5) обеспечивает согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации;

6) обеспечивает методическое обеспечение стратегического планирования;

7) определяет последовательность разработки и взаимоувязку документов стратегического планирования и содержащихся в них показателей, а также порядок формирования системы целевых показателей исходя из приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации для разработки документов стратегического планирования;

8) определяет порядок ведения федерального государственного реестра документов стратегического планирования, в том числе порядок регистрации документов стратегического планирования в федеральном государственном реестре документов стратегического планирования;

9) осуществляет контроль за соблюдением нормативных и методических требований к документам стратегического планирования Российской Федерации, включая требования к последовательности и порядку их разработки и корректировки;

10) осуществляет иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

4. Совет Безопасности Российской Федерации:

1) осуществляет стратегическое планирование в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 года №390-ФЗ «О безопасности», Положением о Совете Безопасности Российской Федерации;

2) осуществляет иные функции в сфере стратегического планирования в соответствии с решениями Президента Российской Федерации.

5. Счетная палата Российской Федерации:

1) осуществляет полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»;

2) осуществляет иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с законодательством Российской Федерации.

6. Центральный банк Российской Федерации:

1) осуществляет полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»;

2) осуществляет иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с законодательством Российской Федерации.

7. Федеральные органы исполнительной власти:

1) разрабатывают документы стратегического планирования на федеральном уровне, осуществляют координацию и методи-

ческое обеспечение стратегического планирования в отдельных сферах государственного управления в соответствии с настоящим Федеральным законом и нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона;

2) разрабатывают планы деятельности федеральных органов исполнительной власти и утверждают отчеты об их реализации;

3) осуществляют мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования на федеральном уровне;

4) осуществляют иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с настоящим Федеральным законом и нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона.

8. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации:

1) участвует в обеспечении реализации единой государственной политики в сфере стратегического планирования, организует разработку проектов нормативных правовых актов в указанной сфере и осуществляет методическое обеспечение стратегического планирования на уровне субъекта Российской Федерации;

2) определяет порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования, находящихся в ведении высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, и утверждает (одобряет) такие документы;

3) определяет порядок методического обеспечения стратегического планирования на уровне субъекта Российской Федерации;

4) определяет последовательность разработки и взаимоувязку документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации и содержащихся в них показателей, а также порядок формирования системы целевых показателей исходя из приоритетов социально-экономического развития субъекта Российской Федерации для разработки документов стратегического планирования;

5) определяет цели, задачи и показатели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

6) обеспечивает согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации;

7) осуществляет мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования по вопросам, находящим-

ся в ведении высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации;

8) определяет порядок подготовки отчетов (докладов) о реализации документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации;

9) осуществляет контроль за соблюдением нормативных и методических требований к документам стратегического планирования субъекта Российской Федерации, включая требования к последовательности и порядку их разработки и корректировки;

10) осуществляет иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

9. Исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации:

1) разрабатывают документы стратегического планирования субъекта Российской Федерации, обеспечивают координацию разработки и корректировки документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным законом и нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона;

2) осуществляют мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации;

3) осуществляют иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с настоящим Федеральным законом и нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона.

10. Органы местного самоуправления осуществляют полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии со статьей 6 настоящего Федерального закона.

Статья 11. Документы стратегического планирования

1. Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований.

2. Координация разработки и реализации документов стратегического планирования осуществляется Президентом Российской

Федерации и Правительством Российской Федерации по вопросам, находящимся в их ведении.

3. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, относятся:

1) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания, к которым относятся:

а) ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации;

б) стратегия социально-экономического развития Российской Федерации;

в) стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

2) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, к которым относятся:

а) отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации;

б) стратегия пространственного развития Российской Федерации;

в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов;

3) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования, к которым относятся:

а) прогноз научно-технологического развития Российской Федерации;

б) стратегический прогноз Российской Федерации;

в) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период;

г) бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период;

д) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период;

4) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, к которым относятся:

а) основные направления деятельности Правительства Российской Федерации;

б) государственные программы Российской Федерации;

в) государственная программа вооружения;

г) схемы территориального планирования Российской Федерации;

д) планы деятельности федеральных органов исполнительной власти.

4. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне субъекта Российской Федерации, относятся:

1) документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания, — стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

2) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования, к которым относятся:

а) прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;

б) бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;

в) прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период;

3) документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, к которым относятся:

а) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

б) государственные программы субъекта Российской Федерации;

в) схема территориального планирования субъекта Российской Федерации.

5. К документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне муниципального образования, относятся:

1) стратегия социально-экономического развития муниципального образования;

2) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования;

3) прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период;

4) бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период;

5) муниципальная программа.

6. В соответствии с требованиями к порядку разработки, утверждения (одобрения) и содержанию документов стратегического планирования, установленными настоящим Федеральным законом, последовательность и порядок разработки документов стратегического планирования и их содержание определяются:

1) на федеральном уровне Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации согласно их компетенции;

2) на уровне субъекта Российской Федерации органами государственной власти субъекта Российской Федерации, определенными в соответствии с настоящим Федеральным законом и законодательством субъекта Российской Федерации;

3) на уровне муниципального образования органами местного самоуправления, определенными в соответствии с муниципальными нормативными правовыми актами.

7. К разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

Статья 12. Государственная регистрация документов стратегического планирования

1. Документы стратегического планирования подлежат обязательной государственной регистрации в федеральном государственном реестре документов стратегического планирования в порядке и сроки, установленные Правительством Российской Федерации, с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

2. Федеральный государственный реестр документов стратегического планирования создается федеральным органом исполнительной власти, определяемым Правительством Российской Федерации, в порядке и сроки, установленные Правительством Российской Федерации.

3. Руководители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федера-

ции и органов местного самоуправления несут ответственность за достоверность и своевременность представления информации для государственной регистрации документов стратегического планирования.

Статья 13. Общественное обсуждение проектов документов стратегического планирования

1. Проекты документов стратегического планирования выносятся на общественное обсуждение с учетом требований законодательства Российской Федерации, в том числе законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

2. Форма, порядок и сроки общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования определяются согласно полномочиям Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления.

3. Замечания и предложения, поступившие в ходе общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования, должны быть рассмотрены федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, ответственными за разработку документа стратегического планирования.

4. В целях обеспечения открытости и доступности информации об основных положениях документов стратегического планирования их проекты подлежат размещению на официальном сайте органа, ответственного за разработку документа стратегического планирования, а также на общедоступном информационном ресурсе стратегического планирования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет»).

Статья 14. Информационное обеспечение стратегического планирования

1. В целях информационного обеспечения стратегического планирования создается обеспечивающая формирование и обработку данных федеральная информационная система стратегического планирования на основе распределенной информации,

содержащейся в федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсах и системах, данных официальной государственной статистики, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере государственного управления.

2. Федеральная информационная система стратегического планирования используется в целях:

1) государственной регистрации документов стратегического планирования;

2) ведения федерального государственного реестра документов стратегического планирования;

3) мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;

4) мониторинга и контроля показателей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

5) мониторинга эффективности деятельности участников стратегического планирования;

6) доступа участников стратегического планирования, юридических и физических лиц к документам стратегического планирования, осуществляемого с использованием единой системы идентификации и аутентификации;

7) разработки, общественного обсуждения и согласования проектов документов стратегического планирования;

8) информационно-аналитического обеспечения участников стратегического планирования при решении ими задач стратегического планирования.

3. Порядок функционирования федеральной информационной системы стратегического планирования, требования к технологическим и лингвистическим средствам, в том числе требования к обеспечению автоматизации процессов сбора, обработки информации, и порядок информационного взаимодействия федеральной информационной системы стратегического планирования с иными информационными системами устанавливаются Правительством Российской Федерации.

4. Оператора федеральной информационной системы стратегического планирования определяет Правительство Российской Федерации.

5. Оператор федеральной информационной системы стратегического планирования осуществляет ее создание, эксплуатацию и совершенствование в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

6. Требования к пользователям федеральной информационной системы стратегического планирования, обладателям информации, содержащейся в ней, эксплуатации и ведению данной системы устанавливаются Правительством Российской Федерации с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

Глава 4. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания на федеральном уровне

Статья 15. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации

1. Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики государства является основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определения направления достижения указанных целей, важнейших задач, подлежащих решению, а также для разработки других документов стратегического планирования.

2. Во исполнение ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации издает указы, в которых определяются стратегические цели и приоритеты социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направления достижения указанных целей и решения важнейших задач в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также документы стратегического планирования, подлежащие разработке.

Статья 16. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации

1. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации разрабатывается каждые шесть лет на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, совместно с другими участниками стратегического планирования.

2. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

3. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации разрабатывается и корректируется на основе ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, содержащих основные направления и цели социально-экономической политики Российской Федерации, социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритеты и цели регионального развития Российской Федерации, с учетом прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период и бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период.

4. Порядок разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития Российской Федерации определяется Правительством Российской Федерации.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

6. Корректировка стратегии социально-экономического развития Российской Федерации осуществляется по решению Правительства Российской Федерации.

7. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации содержит:

1) оценку текущей социально-экономической ситуации и степени достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;

2) определение целей социально-экономического развития Российской Федерации и целевых показателей на долгосрочный период, а также условий, факторов их достижения и ограничений и рисков при их достижении с учетом задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

3) определение основных приоритетов и задач социально-экономической политики на долгосрочный период, обеспечивающих достижение целей социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

4) приоритеты и направления регионального развития Российской Федерации;

5) оценку позиций Российской Федерации в мировой экономике и их изменения на долгосрочный период;

6) обоснование основных реформ и программ, необходимых для достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;

7) основные направления, мероприятия и механизмы реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации;

8) иные положения, определенные Правительством Российской Федерации.

8. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации является основой для формирования и корректировки перечня государственных программ Российской Федерации.

Статья 17. Документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

1. Документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, требования к их содержанию, порядок их разработки, экспертизы и корректировки, критерии и показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации, порядок мониторинга и контроля реализации указанных докумен-

тов и оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации определяются Президентом Российской Федерации.

2. Документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по предложению Совета Безопасности Российской Федерации утверждаются (одобряются) Президентом Российской Федерации.

3. Независимая экспертиза документов в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации осуществляется в порядке, установленном Президентом Российской Федерации, с учетом ограничений, предусмотренных законодательством Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

4. Оценка состояния национальной безопасности Российской Федерации и контроль реализации документов в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации осуществляются Советом Безопасности Российской Федерации.

Статья 18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который разрабатывается Советом Безопасности Российской Федерации совместно с другими участниками стратегического планирования с учетом стратегического прогноза Российской Федерации на долгосрочный период, не превышающий периода, на который разработан стратегический прогноз Российской Федерации, и корректируется каждые шесть лет.

2. Совет Безопасности Российской Федерации осуществляет разработку и корректировку критериев и показателей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации:

1) содержит приоритеты, цели и меры в области внутренней и внешней политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

2) содержит оценку текущего состояния национальной безопасности Российской Федерации и оценку угроз национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период;

3) определяет национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

4) определяет цели и задачи обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в различных областях и сферах развития Российской Федерации и соответствующие направления деятельности по противодействию угрозам национальной безопасности Российской Федерации;

5) определяет организационные, нормативные правовые и информационные основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

6) содержит основные показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации;

7) содержит иные положения, определенные Президентом Российской Федерации.

4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации является базовым документом в области планирования развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором определяются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

5. Концептуальные положения в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости стратегии национальной безопасности Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

6. Совет Безопасности Российской Федерации обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

7. Порядок разработки и корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации.

8. Порядок мониторинга реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации и достижения показателей состояния национальной безопасности Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации.

Глава 5. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу на федеральном уровне

Статья 19. Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации

1. Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации разрабатываются на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, по решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией федеральными органами исполнительной власти в целях обеспечения реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации с учетом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации, стратегического прогноза Российской Федерации, прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

2. Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации являются документами, определяющими развитие определенной сферы или отрасли экономики, а также могут быть основой для разработки государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, схем территориального планирования Российской Федерации, а также плановых и программно-целевых документов государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием.

3. Корректировка отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации осуществляется по решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации.

4. К отраслевым документам стратегического планирования Российской Федерации относятся:

1) отраслевые стратегии, в том числе схемы и стратегии развития отраслей экономики и сфер государственного управления;

2) стратегии отдельных сфер социально-экономического развития;

3) иные документы стратегического планирования, которые соответствуют требованиям настоящей статьи и решение о разработке которых принято Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации.

5. Для совокупности отраслей социально-экономического развития или сфер государственного управления разрабатываются межотраслевые стратегии.

6. В топливно-энергетических и транспортных отраслях разрабатываются генеральные схемы, детализирующие отраслевые и межотраслевые стратегии.

7. Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации содержат:

1) оценку состояния соответствующей сферы социально-экономического развития Российской Федерации;

2) показатели развития соответствующей сферы социально-экономического развития по одному или нескольким вариантам прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период;

3) приоритеты, цели, задачи и показатели государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования.

8. По решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации могут содержать:

1) сроки и этапы проведения мероприятий, предусмотренных отраслевыми документами стратегического планирования Российской Федерации;

2) ожидаемые результаты проведения мероприятий, предусмотренных отраслевыми документами стратегического планирования Российской Федерации;

3) план мероприятий на среднесрочный период, в том числе обоснование состава и содержания государственных программ Российской Федерации в соответствующей сфере или отрасли экономики;

4) иные положения.

9. Федеральный орган исполнительной власти, определенный Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации ответственным за разработку и корректировку отраслевого документа стратегического планирования Российской Федерации, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки соответствующего отраслевого документа стратегического планирования Российской Федерации.

10. Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации утверждаются Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации в соответствии с их компетенцией в течение года с даты утверждения стратегии национальной безопасности Российской Федерации или стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

11. Порядок разработки и корректировки отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации в соответствии с их компетенцией.

Статья 20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяет приоритеты, цели

и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению.

2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается на основании решения Правительства Российской Федерации и учитывается при разработке и корректировке схем территориального планирования Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития макрорегионов, государственных программ Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, иных документов стратегического планирования и документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, в целях реализации полномочий органов государственной власти Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

5. Содержание, состав, порядок разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации определяются Правительством Российской Федерации.

6. По поручению Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации разрабатывает основы государственной политики регионального развития Российской Федерации, являющиеся основой для определения приоритетов регионального развития Российской Федерации. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации утверждаются Президентом Российской Федерации.

Статья 21. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов

1. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов разрабатываются на долгосрочный период по решению Правительства Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, совместно с другими участниками стратегического планирования.

2. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов разрабатываются и корректируются в целях обеспечения согласованности проведения в территориальном и временном отношении мероприятий, предусмотренных стратегией пространственного развития Российской Федерации, отраслевыми документами стратегического планирования Российской Федерации, стратегиями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, генеральными схемами, плановыми и программно-целевыми документами государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием, в соответствии с положениями, определенными стратегией национальной безопасности Российской Федерации, стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, а также на основе данных прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

3. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов могут быть основанием для принятия решения о разработке государственных программ Российской Федерации, сформированных по территориальному принципу для соответствующих макрорегионов, в целях реализации указанных стратегий.

4. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов учитываются при разработке и корректировке государственных программ Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и иных документов стратегического планирования.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной поли-

тики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов.

6. Правительство Российской Федерации обеспечивает согласованность и сбалансированность стратегий социально-экономического развития макрорегионов и стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах соответствующего макрорегиона, в целях осуществления полномочий органов государственной власти Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

7. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов утверждаются Правительством Российской Федерации.

8. Содержание, состав, порядок разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов определяются Правительством Российской Федерации.

Глава 6. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования на федеральном уровне

Статья 22. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации

1. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации разрабатывается на основе решений Президента Российской Федерации каждые шесть лет на двенадцать и более лет федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, перечня критических технологий Российской Федерации и на основе данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академией наук.

2. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации содержит:

1) оценку достигнутого уровня и возможностей научно-технологического развития Российской Федерации в сопоставлении с мировыми тенденциями;

2) анализ и прогноз внешних условий и тенденций научно-технологического развития Российской Федерации;

3) анализ макроэкономических, структурных и институциональных факторов научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период;

4) прогноз технологического развития секторов (отраслей) экономики, в том числе по субъектам Российской Федерации;

5) направления научно-технологического развития Российской Федерации и основные направления совершенствования научно-технической политики;

6) иные положения, определенные Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

3. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации.

4. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации.

5. Порядок разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации определяется Правительством Российской Федерации.

Статья 23. Стратегический прогноз Российской Федерации

1. Стратегический прогноз Российской Федерации разрабатывается по поручению Президента Российской Федерации на двенадцать и более лет Правительством Российской Федерации с учетом данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академией наук. Корректировка стратегического прогноза Российской Федерации осуществляется каждые шесть лет.

2. Стратегический прогноз Российской Федерации содержит:

1) оценку рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности Российской Федерации;

2) поэтапные прогнозные оценки вероятного состояния социально-экономического потенциала и национальной безопасности Российской Федерации;

3) оптимальный сценарий преодоления рисков и угроз с учетом решения задач национальной безопасности Российской Федерации;

4) оценку конкурентных позиций Российской Федерации в мировом сообществе;

5) иные положения по решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации.

3. Правительство Российской Федерации обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегического прогноза Российской Федерации.

4. Стратегический прогноз Российской Федерации рассматривается Советом Безопасности Российской Федерации.

5. Порядок разработки, корректировки и утверждения (одобрения) стратегического прогноза Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации.

Статья 24. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается каждые шесть лет на двенадцать и более лет федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, с учетом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации и стратегического прогноза Российской Федерации на основе данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и другими участниками стратегического планирования. Корректировка прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период осуществляется в соответствии с реше-

нием Правительства Российской Федерации с учетом прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период.

2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период содержит:

1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития Российской Федерации;

2) определение вариантов внутренних условий и характеристик социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей среды и природных ресурсов;

3) определение вариантов внешних условий социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, основные показатели развития мировой экономики, включая прогноз мировых цен на отдельные сырьевые ресурсы;

4) оценку макроэкономического эффекта от реализации государственных программ Российской Федерации, отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и планируемых институциональных преобразований;

5) показатели вариантов прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период и других вариантов, учитывающих изменение внешних и внутренних условий развития;

6) направления и основные показатели социально-экономического развития, балансы по основным видам экономической деятельности и институциональным секторам экономики, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктур на долгосрочный период с учетом проведения мероприятий, содержащихся в государственных программах Российской Федерации;

7) основные показатели регионального развития на долгосрочный период;

8) иные положения, определенные Правительством Российской Федерации.

3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается на вариативной основе.

4. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период утверждается Правительством Российской Федерации.

6. Порядок разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период определяется Правительством Российской Федерации.

Статья 25. Бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период

Бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Статья 26. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период разрабатывается ежегодно федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, на основе анализа внешних и внутренних условий социально-экономического развития Российской Федерации с учетом основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, а также на основе данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и другими участниками стратегического планирования.

2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период содержит:

1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития Российской Федерации;

2) характеристику условий социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей среды и природных ресурсов;

3) основные показатели развития мировой экономики на среднесрочный период, включая прогноз мировых цен на отдельные сырьевые ресурсы;

4) оценку факторов и ограничений социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период;

5) показатели одного или нескольких вариантов социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период;

6) направления и основные показатели социально-экономического развития, балансы по основным видам экономической деятельности и институциональным секторам экономики, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктур на среднесрочный период с учетом проведения мероприятий, содержащихся в государственных программах Российской Федерации;

7) основные направления регионального развития на среднесрочный период;

8) иные показатели, определенные Правительством Российской Федерации.

3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период разрабатывается на вариативной основе.

4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период разрабатывается в целом по Российской Федерации, по видам экономической деятельности, а также по субъектам Российской Федерации.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период.

6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период одобряется Правительством

Российской Федерации и учитывается при корректировке прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

7. Порядок разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период определяется Правительством Российской Федерации.

Глава 7. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования на федеральном уровне

Статья 27. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации

1. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации определяются Председателем Правительства Российской Федерации.

2. Содержание, порядок разработки и корректировки основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации определяются Правительством Российской Федерации.

3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации утверждаются Правительством Российской Федерации.

4. Подготовка и разработка основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации осуществляются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, на шесть лет с учетом положений ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации и прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный и долгосрочный периоды.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и норма-

тивно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации.

Статья 28. Государственные программы Российской Федерации

1. Государственные программы Российской Федерации разрабатываются федеральными органами исполнительной власти для достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенных в стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации.

2. Государственные программы Российской Федерации разрабатываются на период, определяемый Правительством Российской Федерации.

3. Государственные программы Российской Федерации включают в себя подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти Российской Федерации.

4. Перечень государственных программ Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации. Формирование перечня государственных программ Российской Федерации осуществляется исходя из стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и с учетом основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки государственных программ Российской Федерации.

6. Государственные программы Российской Федерации утверждаются Правительством Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

7. Порядок разработки, реализации и оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации определяется Правительством Российской Федерации.

8. Положения настоящей статьи не распространяются на государственную программу вооружения.

Статья 29. Государственная программа вооружения

1. Государственная программа вооружения утверждается Президентом Российской Федерации.

2. Порядок разработки, утверждения и реализации государственной программы вооружения определяется Президентом Российской Федерации.

Статья 30. Схемы территориального планирования Российской Федерации

Схемы территориального планирования Российской Федерации разрабатываются в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и основываются на основных положениях стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации, стратегиях социально-экономического развития макрорегионов, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации с учетом требований, определенных Градостроительным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами.

Статья 31. План деятельности федерального органа исполнительной власти

1. План деятельности федерального органа исполнительной власти разрабатывается на шесть лет с учетом основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации в целях организации деятельности федерального органа исполнительной власти по реализации документов стратегического планирования, по которым данный федеральный орган исполнительной власти

является ответственным исполнителем или соисполнителем, и содержит цели, направления, индикаторы, планируемые промежуточные и окончательные результаты деятельности федерального органа исполнительной власти.

2. Разработку планов деятельности федеральных органов исполнительной власти осуществляют федеральные министерства, а также федеральные агентства и федеральные службы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации. Федеральные министерства разрабатывают планы с учетом планов подведомственных им федеральных агентств и федеральных служб.

3. Порядок разработки, корректировки и структура плана деятельности федерального органа исполнительной власти определяются Правительством Российской Федерации.

4. План деятельности федерального органа исполнительной власти утверждается руководителем федерального органа исполнительной власти.

Глава 8. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания на уровне субъекта Российской Федерации

Статья 32. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации

1. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации разрабатывается на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период, в целях определения приоритетов, целей и задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации.

2. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации разрабатывается на основе законов субъекта Российской Федерации, актов высшего должностного лица

субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации с учетом других документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации.

3. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации содержит:

1) оценку достигнутых целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

2) приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики субъекта Российской Федерации;

3) показатели достижения целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, сроки и этапы реализации стратегии;

4) ожидаемые результаты реализации стратегии;

5) оценку финансовых ресурсов, необходимых для реализации стратегии;

6) информацию о государственных программах субъекта Российской Федерации, утверждаемых в целях реализации стратегии;

7) иные положения, определяемые законами субъекта Российской Федерации.

4. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации является основой для разработки государственных программ субъекта Российской Федерации, схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

5. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, осуществляет методическое обеспечение разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

6. Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации утверждается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской

Федерации либо высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации.

7. Порядок разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации определяется законом или иным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации.

8. Порядок согласования стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации, определяется Правительством Российской Федерации.

9. В соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации могут разрабатываться стратегии социально-экономического развития части территории субъекта Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации.

10. Координация и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития части территории субъекта Российской Федерации осуществляются в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации.

Глава 9. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования на уровне субъекта Российской Федерации

Статья 33. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период

1. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается

каждые шесть лет на двенадцать и более лет на основе прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период с учетом прогноза научно-технологического развития Российской Федерации и данных, представляемых органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления.

2. Корректировка прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период осуществляется в соответствии с решением высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации с учетом прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период.

3. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается на вариативной основе.

4. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период содержит:

1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

2) определение вариантов внутренних условий и характеристик социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей среды и природных ресурсов;

3) оценку факторов и ограничений экономического роста субъекта Российской Федерации на долгосрочный период;

4) направления социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и целевые показатели одного или нескольких вариантов прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период, включая количественные показатели и качественные характеристики социально-экономического развития;

5) основные параметры государственных программ субъекта Российской Федерации;

6) основные показатели развития по отдельным видам экономической деятельности, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктур на долгосрочный период с учетом

проведения мероприятий, предусмотренных государственными программами субъекта Российской Федерации;

7) иные положения, определенные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

5. Разработка и корректировка прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период осуществляются при методическом содействии федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития.

6. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

7. Порядок разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Статья 34. Бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период

Бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Статья 35. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период

1. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период разрабатывается ежегодно на основе прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период, стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации с учетом основных направлений бюджетной и налоговой политики субъекта Российской Федерации.

2. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период разрабатывается на вариативной основе.

3. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период содержит:

1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

2) оценку факторов и ограничений экономического роста субъекта Российской Федерации на среднесрочный период;

3) направления социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и целевые показатели одного или нескольких вариантов прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период, включая количественные показатели и качественные характеристики социально-экономического развития;

4) основные параметры государственных программ субъекта Российской Федерации;

5) иные положения, определенные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

4. Разработка и корректировка прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период осуществляются при методическом содействии федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития.

5. Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период одобряется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и учитывается при корректировке прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.

6. Порядок разработки и корректировки прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Глава 10. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования на уровне субъекта Российской Федерации

Статья 36. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации

1. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации разрабатывается на основе положений стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на период реализации стратегии с учетом основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации.

2. Корректировка плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации осуществляется по решению высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

3. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации содержит:

1) этапы реализации стратегии, выделенные с учетом установленной периодичности бюджетного планирования: три года (для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования) и три–шесть лет (для последующих этапов и периодов);

2) цели и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, приоритетные для каждого этапа реализации стратегии;

3) показатели реализации стратегии и их значения, установленные для каждого этапа реализации стратегии;

4) комплексы мероприятий и перечень государственных программ субъекта Российской Федерации, обеспечивающие достижение на каждом этапе реализации стратегии долгосрочных целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, указанных в стратегии;

5) иные положения, определенные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

4. Разработка и корректировка плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации осуществляются при методическом содействии федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

5. План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Статья 37. Государственные программы субъекта Российской Федерации

1. Государственные программы субъекта Российской Федерации разрабатываются в соответствии с приоритетами социально-экономического развития, определенными стратегией социально-экономического развития субъекта Российской Федерации с учетом отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и стратегий социально-экономического развития макрорегионов, на период, определяемый высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

2. Перечень государственных программ субъекта Российской Федерации и порядок их разработки, реализации и оценки их эффективности утверждаются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

3. В случае, если на федеральном уровне утверждена и реализуется государственная программа Российской Федерации, направленная на достижение целей, относящихся к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, может быть разработана аналогичная государственная программа субъекта Российской Федерации.

4. Государственные программы субъекта Российской Федерации утверждаются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Статья 38. Схема территориального планирования субъекта Российской Федерации

Схема территориального планирования субъекта Российской Федерации разрабатывается в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и основывается на положениях стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития макрорегионов и отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации с учетом требований, определенных Градостроительным кодексом Российской Федерации и схемами территориального планирования Российской Федерации.

Глава 11. Стратегическое планирование на уровне муниципального образования

Статья 39. Документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне муниципального образования

1. Документы стратегического планирования, необходимые для обеспечения бюджетного процесса в муниципальных районах и городских округах, разрабатываются, утверждаются (одобряются) и реализуются в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

2. По решению органов местного самоуправления могут разрабатываться, утверждаться (одобряться) и реализовываться в муниципальных районах и городских округах стратегия социально-экономического развития муниципального образования и план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

Глава 12. Мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования

Статья 40. Цель и задачи мониторинга реализации документов стратегического планирования

1. Целью мониторинга реализации документов стратегического планирования является повышение эффективности функциони-

рования системы стратегического планирования, осуществляемого на основе комплексной оценки основных социально-экономических и финансовых показателей, содержащихся в документах стратегического планирования, а также повышение эффективности деятельности участников стратегического планирования по достижению в установленные сроки запланированных показателей социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

2. Основными задачами мониторинга реализации документов стратегического планирования являются:

1) сбор, систематизация и обобщение информации о социально-экономическом развитии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации;

2) оценка степени достижения запланированных целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

3) оценка результативности и эффективности документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления;

4) оценка влияния внутренних и внешних условий на плановый и фактический уровни достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

5) оценка соответствия плановых и фактических сроков, результатов реализации документов стратегического планирования и ресурсов, необходимых для их реализации;

6) оценка уровня социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и состояния национальной безопасности Российской Федерации, проведение анализа, выявление возможных рисков и угроз и своевременное принятие мер по их предотвращению;

7) разработка предложений по повышению эффективности функционирования системы стратегического планирования.

3. Основным документом, в котором отражаются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, является ежегодный доклад Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по ее укреплению. Порядок разработки данного доклада определяется Президентом Российской Федерации.

4. Документами, в которых отражаются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации, являются:

1) на федеральном уровне ежегодный отчет Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Российской Федерации и доклады о реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти;

2) на уровне субъекта Российской Федерации ежегодный отчет высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) о результатах деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ субъекта Российской Федерации;

3) на уровне муниципального образования ежегодные отчеты главы муниципального образования, главы местной администрации о результатах своей деятельности либо о деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления, сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности реализации муниципальных программ.

5. Порядок осуществления мониторинга реализации документов стратегического планирования и подготовки документов, в которых отражаются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования, определяется:

1) на федеральном уровне нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией;

2) на уровне субъекта Российской Федерации законодательством субъекта Российской Федерации;

3) на уровне муниципального образования муниципальными нормативными правовыми актами.

6. Документы, в которых отражаются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования, подлежат размещению на официальных сайтах органов, ответственных за разработку документов стратегического планирования, и общедоступном информационном ресурсе стратегического планирования в сети «Интернет», за исключением сведений, отнесенных к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне.

Статья 41. Задачи контроля реализации документов стратегического планирования

1. Основными задачами контроля реализации документов стратегического планирования являются:

1) сбор, систематизация и обобщение информации о социально-экономическом развитии Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

2) оценка качества документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования;

3) оценка результативности и эффективности реализации решений, принятых в процессе стратегического планирования;

4) оценка достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;

5) оценка влияния внутренних и внешних условий на плановый и фактический уровни достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;

6) разработка предложений по повышению эффективности функционирования системы стратегического планирования.

2. По результатам контроля реализации документа стратегического планирования орган, его осуществлявший, направляет в орган государственной власти Российской Федерации или руко-

водителю организации, ответственным за проведение мероприятий или достижение показателей, запланированных в документе стратегического планирования, соответствующую информацию.

Статья 42. Порядок осуществления контроля реализации документов стратегического планирования

Контроль реализации документов стратегического планирования осуществляется в порядке, определяемом:

1) на федеральном уровне федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в соответствии с их компетенцией;

2) на уровне субъекта Российской Федерации законодательством субъекта Российской Федерации;

3) на уровне муниципального образования муниципальными нормативными правовыми актами.

Глава 13. Реализация документов стратегического планирования

Статья 43. Реализация документов стратегического планирования на федеральном уровне

Положения стратегии социально-экономического развития Российской Федерации в части целей, задач и приоритетов развития отраслей экономики и сфер государственного управления детализируются в отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, на основе которых формируются мероприятия государственных программ Российской Федерации с необходимым ресурсным обеспечением, в том числе определенным в соответствии с бюджетным прогнозом Российской Федерации на долгосрочный период.

Статья 44. Реализация документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации

1. Реализация стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации осуществляется путем разработки плана мероприятий по реализации стратегии социально-

экономического развития субъекта Российской Федерации. Положения стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации детализируются в государственных программах субъекта Российской Федерации с учетом необходимости ресурсного обеспечения, в том числе определенного в соответствии с бюджетным прогнозом Российской Федерации на долгосрочный период и бюджетным прогнозом субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.

2. Приоритеты, цели и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации могут быть детализированы в отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации.

3. Комплексы мероприятий по реализации основных положений стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и перечень государственных программ субъекта Российской Федерации включаются в план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

4. Государственные программы субъекта Российской Федерации, необходимые для реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, определяются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и включаются в перечень государственных программ субъекта Российской Федерации.

5. Ежегодно проводится оценка эффективности реализации каждой государственной программы субъекта Российской Федерации. Порядок проведения указанной оценки и ее критерии устанавливаются высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

6. Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации готовит ежегодный отчет о ходе исполнения плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Глава 14. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов в сфере стратегического планирования

Статья 45. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов в сфере стратегического планирования

Лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов в сфере стратегического планирования, несут дисциплинарную, гражданско-правовую и административную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Глава 15. Заключительные положения

Статья 46. Признание утратившим силу Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»

Признать утратившим силу Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №30, ст. 2871).

Статья 47. Заключительные положения

1. Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона до 1 января 2015 года разработать план подготовки предусмотренных настоящим Федеральным законом документов стратегического планирования, содержащий сроки разработки и утверждения (одобрения) документов стратегического планирования.

2. Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона до 1 января 2016 года:

1) разработать нормативные правовые акты, определяющие порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования, а также осуществления мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;

2) создать федеральный государственный реестр документов стратегического планирования в соответствии со статьей 12 настоящего Федерального закона;

3) осуществить информационное обеспечение стратегического планирования в соответствии со статьей 14 настоящего Федерального закона.

3. Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона до 1 января 2017 года:

1) разработать документы стратегического планирования в соответствии с планом подготовки документов стратегического планирования, предусмотренным частью 1 настоящей статьи;

2) привести в соответствие с настоящим Федеральным законом действующие документы стратегического планирования, принятые до дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

4. Документы стратегического планирования, принятые до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, считаются действительными до окончания установленного в них срока, если иное не установлено Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

5. Федеральные целевые программы реализуются до окончания срока их действия.

Президент Российской Федерации
В. Путин

Приложение №3.
Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

и Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности России до 2020 года» № 537 от 12 мая 2009 г.

Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. №683

В соответствии с федеральными законами от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» **постановляю**:

1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации.

2. Признать утратившими силу:

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, №20, ст. 2444);

пункт 27 приложения №1 к Указу Президента Российской Федерации от 1 июля 2014 г. №483 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, №27, ст. 3754).

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
В. Путин

Москва, Кремль
31 декабря 2015 г.
№683

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

I. Общие положения

1. Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные инте-

ресы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

2. Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации.

3. Настоящая Стратегия призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее — органы государственной власти), органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

4. Настоящая Стратегия является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

5. Настоящая Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны.

6. В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

— национальная безопасность Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее — граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской

Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности;

— национальные интересы Российской Федерации (далее — национальные интересы) — объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития;
— угроза национальной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам;
— обеспечение национальной безопасности — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов;
— стратегические национальные приоритеты Российской Федерации (далее — стратегические национальные приоритеты) — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности;
— система обеспечения национальной безопасности — совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов.

II. Россия в современном мире

7. Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации способствует реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов. В настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире.

8. Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориаль-

ной целостности, защиты прав соотечественников за рубежом. Возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях.

9. Экономика России проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных рядом стран против Российской Федерации.

10. Позитивные тенденции наметились в решении задач укрепления здоровья граждан. Отмечаются естественный прирост населения, увеличение средней продолжительности жизни.

11. Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм.

12. Укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления.

13. Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. Особое значение в этом процессе приобретает лидерство в освоении ресурсов Мирового

океана и Арктики. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб.

14. В международных отношениях не снижается роль фактора силы. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружением. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений.

15. Наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности.

Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США, в условиях практической реализации концепции «глобального удара», развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия, а также в случае размещения оружия в космосе.

16. Сохраняющийся блоковый подход к решению международных проблем не способствует противодействию всему спектру современных вызовов и угроз. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза.

17. Позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов. Поддержка США и Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине привела к глубокому расколу в украинском обществе

и возникновению вооруженного конфликта. Укрепление крайне правой националистической идеологии, целенаправленное формирование у украинского населения образа врага в лице России, неприкрытая ставка на силовое решение внутригосударственных противоречий, глубокий социально-экономический кризис превращают Украину в долгосрочный очаг нестабильности в Европе и непосредственно у границ России.

18. Практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом.

19. Сохраняется риск увеличения числа стран — обладателей ядерного оружия, распространения и использования химического оружия, а также неопределенность относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием, наличия у них потенциала для его разработки и производства. На территориях соседних с Россией государств расширяется сеть военно-биологических лабораторий США.

20. Критическое состояние физической сохранности опасных объектов и материалов, особенно в государствах с нестабильной внутриполитической ситуацией, неконтролируемое распространение обычного вооружения повышают вероятность их попадания в руки террористов.

21. Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории.

22. Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности.

23. Осложняются мировая демографическая ситуация, проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности. Более ощутимыми становятся дефицит пресной воды, последствия изменения климата. Получают распространение эпидемии, многие из которых вызваны новыми, неизвестными ранее вирусами.

24. Возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, а также попытки применения отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной и технологической политики для решения своих геополитических задач ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. На фоне структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, растущей суверенной задолженности, волатильности рынка энергоресурсов сохраняется высокий риск повторения масштабных финансово-экономических кризисов.

25. Государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Региональные и субрегиональные торговые и иные экономические соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений. Повышается интерес к использованию региональных валют.

26. Для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны.

27. В целях защиты национальных интересов Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключающую затратную конфронтацию (в том числе новую гонку вооружений).

28. Российская Федерация выстраивает международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов. Россия заинтересована в развитии взаимовыгодного и равноправного торгово-экономического сотрудничества с иностранными государствами, является ответственным участником многосторонней торговой системы. Цель Российской Федерации заключается в приобретении как можно большего числа равноправных партнеров в различных частях мира.

29. В области международной безопасности Россия сохраняет приверженность использованию прежде всего политических и правовых инструментов, механизмов дипломатии и миротворчества. Применение военной силы для защиты национальных интересов возможно только в том случае, если все принятые меры ненасильственного характера оказались неэффективными.

III. Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты

30. Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются:

— укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации;
— укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
— повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны;
— сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
— повышение конкурентоспособности национальной экономики;
— закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

31. Обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации следующих стратегических национальных приоритетов:

— оборона страны;
— государственная и общественная безопасность;
— повышение качества жизни российских граждан;
— экономический рост;
— наука, технологии и образование;
— здравоохранение;
— культура;
— экология живых систем и рациональное природопользование;
— стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

IV. Обеспечение национальной безопасности

32. Состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Оборона страны

33. Стратегическими целями обороны страны являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение ее военной безопасности.

34. Достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны.

35. Основные положения военной политики и задачи военно-экономического обеспечения обороны страны, военные опасности и военные угрозы определяются Военной доктриной Российской Федерации.

36. В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализу-

ются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности. Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляются путем поддержания потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне, а Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в заданной степени готовности к боевому применению.

37. Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе своевременного выявления существующих и перспективных военных опасностей и военных угроз, сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов современными вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

38. Совершенствование форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов предусматривает своевременный учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создание условий для наиболее полной реализации боевых возможностей войск (сил), выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы.

39. Повышение мобилизационной готовности Российской Федерации осуществляется путем совершенствования планирования мер по обеспечению мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации и их реализации в необходимом объеме, своевременного обновления и поддержания на достаточном уровне военно-технического потенциала военной организации государства. Важнейшими направлениями совершенствования мобилизационной подготовки являются подготовка экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации, экономики муниципальных образований, подготовка органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других

войск, воинских формирований и органов к выполнению задач в соответствии с их предназначением и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время.

40. Готовность сил и средств гражданской обороны обеспечивается заблаговременно путем проведения мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

41. Обеспечение обороны страны осуществляется на основании принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе путем применения методов и средств невоенного реагирования, механизмов дипломатии и миротворчества, расширения международного военного и военно-технического сотрудничества, контроля над вооружением и использования других международно-правовых инструментов.

Государственная и общественная безопасность

42. Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

43. Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются:

— разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам;
— деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружи-

ем массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

— деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
— деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми;
— деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;
— преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;
— коррупция;
— стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров.

44. Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции,

терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

45. Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

46. Особое внимание уделяется искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов. В этих целях реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области.

47. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности:

— совершенствуются структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй Российской Федерации,

права и свободы человека и гражданина, государственную и частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность;

— создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию российских граждан в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом;
— укрепляется режим безопасного функционирования, повышается уровень антитеррористической защищенности организаций оборонно-промышленного, ядерного, химического, топливно-энергетического комплексов страны, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов;
— совершенствуется система выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им;
— принимаются меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур;
— осуществляется комплексное развитие правоохранительных органов и специальных служб, укрепляются социальные гарантии их сотрудникам, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные средства и техника, развивается система профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности;
— повышается социальная ответственность органов обеспечения государственной и общественной безопасности.

48. Обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве осуществляется путем развертывания на государственной границе Российской Федерации высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов и систем, повышения эффективности пограничной деятельности, совершенствования межведомственного взаимодействия и межгосударственного пограничного сотрудничества, активизации процесса международно-правового оформления государственной границы и социально-экономического развития приграничных территорий Российской Федерации.

49. Обеспечение национальной безопасности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в области пожарной безопасности осуществляется путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ее территориальных и функциональных подсистем, взаимодействия с аналогичными иностранными системами, повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, обновления парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения населения, развития системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения, поддержания на должном уровне современной технической оснащенности и готовности пожарно-спасательных сил, развития системы принятия превентивных мер по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций и пожаров на основе совершенствования надзорной деятельности, проведения профилактических мероприятий, а также путем формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения.

Повышение качества жизни российских граждан

50. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов.

51. Угрозами качеству жизни российских граждан являются неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг.

52. Повышение качества жизни граждан гарантируется за счет обеспечения продовольственной безопасности, большей доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных

товаров и услуг, современного образования и здравоохранения, спортивных сооружений, создания высокоэффективных рабочих мест, а также благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда, его достойной оплаты, поддержки социально значимой трудовой занятости, обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур для инвалидов и других маломобильных групп населения, достойного пенсионного обеспечения.

53. Для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества:

— совершенствуют защиту прав и свобод человека путем развития законодательства, судебной и правоохранительной систем;
— содействуют росту благосостояния граждан, снижению дифференциации населения по уровню доходов, сокращению бедности, в том числе путем развития пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан, совершенствования системы социального обслуживания;
— обеспечивают поддержку трудовой занятости населения, контроль за соблюдением трудовых прав работников, совершенствуют систему защиты от безработицы, создают условия для вовлечения в трудовую деятельность лиц с ограниченными физическими возможностями;
— создают условия для стимулирования рождаемости, снижения смертности населения, ведения здорового образа жизни, развития массового детско-юношеского спорта, организуют пропаганду здорового образа жизни;
— улучшают и развивают транспортную и жилищно-коммунальную инфраструктуры;
— принимают меры по защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также по снижению риска их возникновения на территории Российской Федерации;
— обеспечивают развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества, равный доступ к государственным услугам на всей территории Российской Федерации, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий;

— совершенствуют систему контроля за использованием бюджетных ассигнований и механизм государственно-частного партнерства в целях повышения качества жизни граждан.

54. Обеспечение продовольственной безопасности осуществляется за счет:

— достижения продовольственной независимости Российской Федерации;
— ускоренного развития и модернизации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, пищевой промышленности и инфраструктуры внутреннего рынка;
— повышения эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и расширения их доступа на рынки сбыта продукции;
— развития племенного дела, селекции, семеноводства и аквакультуры (рыбоводства), формирования достаточных федеральных фондов семян сельскохозяйственных растений (в том числе страховых фондов семян), развития производства комбикормов, белково-витаминных, минеральных добавок и премиксов, ветеринарных (зоотехнических) препаратов;
— повышения плодородия почв, предотвращения истощения и сокращения площадей сельскохозяйственных земель и пахотных угодий;
— недопущения бесконтрольного оборота генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей их;
— совершенствования системы технического регулирования, санитарного и фитосанитарного надзора, контроля в области обеспечения безопасности пищевых продуктов для здоровья человека;
— подготовки научных работников и высококвалифицированных специалистов в области сельского хозяйства.

Экономический рост

55. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического

развития, вхождения России в число стран — лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз.

56. Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая трудонедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения.

57. Негативное воздействие на экономическую безопасность оказывают введенные против Российской Федерации ограничительные экономические меры, глобальные и региональные экономические кризисы, усиление недобросовестной конкуренции, неправомерное использование юридических средств, нарушение стабильности тепло- и энергоснабжения субъектов национальной экономики, а в перспективе будет оказывать также дефицит минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов.

58. Обеспечение экономической безопасности осуществляется путем развития промышленно-технологической базы и национальной инновационной системы, модернизации и развития приоритетных секторов национальной экономики, повышения инвестиционной привлекательности Российской Федерации, улучшения делового климата и создания благоприятной деловой среды. Важнейшими факторами обеспечения экономической безопасности являются повышение эффективности государственного регулирования экономики в целях достижения устойчивого экономического роста, повышение производительности труда, освоение

новых ресурсных источников, стабильность функционирования и развития финансовой системы, повышение ее защищенности, валютное регулирование и контроль, накопление финансовых резервов, сохранение финансовой стабильности, сбалансированности бюджетной системы, совершенствование межбюджетных отношений, преодоление оттока капитала и квалифицированных специалистов, увеличение объема внутренних сбережений и их трансформация в инвестиции, снижение инфляции. Кроме того, необходимы активные меры по борьбе с коррупцией, теневой и криминальной экономикой, а также по государственной защите российских производителей, осуществляющих деятельность в области военной, продовольственной, информационной и энергетической безопасности.

59. Для обеспечения экономической безопасности основные усилия направлены на устранение дисбалансов в экономике, территориальном развитии, развитии рынка труда, транспортной, информационной, социальной и образовательной инфраструктурах, формирование новой географии экономического роста, новых отраслей экономики, центров промышленности, науки и образования, активизацию фундаментальных и прикладных научных исследований, повышение качества общего, профессионального и высшего образования, совершенствование национальных инвестиционных и финансовых институтов, стимулирование миграции производства из других стран в Россию.

60. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в области экономики на долгосрочную перспективу является повышение уровня энергетической безопасности, которая включает в себя устойчивое обеспечение внутреннего спроса на энергоносители стандартного качества, рост энергоэффективности и энергосбережения, конкурентоспособности отечественных энергетических компаний и производителей энергоресурсов, предотвращение дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей, производство комплектующего оборудования, стабильное функционирование систем энерго- и теплоснабжения.

61. Необходимыми условиями обеспечения энергетической безопасности являются повышение эффективности государственного управления топливно-энергетическим комплексом, надеж-

ность и бесперебойность поставок энергоресурсов потребителям, обеспечение технологического суверенитета страны на мировом энергетическом рынке, внедрение перспективных энергосберегающих и энергоэффективных технологий, повышение степени переработки энергоресурсов, недопущение дискриминации российских поставщиков энергоносителей на зарубежных рынках и российских добывающих компаний при освоении месторождений углеводородов за пределами Российской Федерации, противодействие попыткам ряда государств регулировать рынки энергоресурсов исходя из политической, а не экономической целесообразности, разработка перспективных энергосберегающих технологий и международный обмен ими.

62. В целях противодействия угрозам экономической безопасности органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества реализуют государственную социально-экономическую политику, предусматривающую:

— обеспечение устойчивости макроэкономической ситуации, стимулирование темпов роста экономики, превышающих аналогичные показатели развитых государств, поддержку реального сектора экономики;
— повышение эффективности и качества государственного управления экономикой, снижение издержек и неэффективных бюджетных расходов, борьбу с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, повышение эффективности управления принадлежащими государству активами;
— укрепление финансовой системы, обеспечение ее суверенитета, устойчивости валютного курса рубля, оптимизацию валютного регулирования и контроля, снижение инфляции, развитие национальной инфраструктуры финансовых рынков, снижение банковских ставок, повышение уровня прямых инвестиций, доступности кредитования за счет «длинных» денег, привлечение внутренних накоплений, деофшоризацию экономики, возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж;
— обеспечение сбалансированности бюджетной системы и совершенствование межбюджетных отношений в Российской Федерации;

— повышение привлекательности российской юрисдикции, совершенствование условий для предпринимательской деятельности, развитие конкуренции, выработку новых подходов к деятельности органов государственного контроля (надзора), обеспечение стабильности налоговой и правовой систем, гарантированную защиту права частной собственности и выполнения договоров;
— осуществление рационального импортозамещения, снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции, ускоренное развитие агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности;
— развитие новых высокотехнологичных отраслей, укрепление позиций в области освоения космоса, ядерной энергетики, возвращение лидерства в традиционных промышленных отраслях (тяжелое машиностроение, авиа- и приборостроение), восстановление электронной и легкой промышленности, судо- и станкостроения, а также системы статистической оценки уровня технологического состояния отраслей экономики;
— развитие оборонно-промышленного комплекса страны как двигателя модернизации промышленного производства, обновление производственной базы организаций оборонно-промышленного комплекса на новой технологической основе, совершенствование их кадрового потенциала и выпуск ими востребованной продукции гражданского назначения;
— создание стратегических резервов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для гарантированного обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации и потребностей экономики страны на долгосрочную перспективу;
— формирование единого транспортного пространства на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры и роста уровня транспортной связности Российской Федерации, создание транспортных коридоров и мультимодальных транспортно-логистических узлов, увеличение объема и повышение качества дорожного строительства;
— расширение использования инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики, завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктур,

особенно в Арктике, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, развития Северного морского пути, Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей;

— стимулирование развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере путем снижения расходов, связанных с началом предпринимательской деятельности, ее поддержку на этапе становления за счет снижения налоговой нагрузки, создания бизнес-инкубаторов, промышленных парков и технопарков, формирования спроса на продукцию малых и средних предприятий, расширения доступа к закупкам государственных компаний, участия в реализации крупных проектов;

— сокращение неформальной занятости и легализацию трудовых отношений, повышение инвестиций в развитие человеческого капитала;

— обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, в том числе иностранных граждан, с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, совершенствование миграционного учета, обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах;

— развитие международных деловых контактов, привлечение иностранных инвестиций и технологий, реализацию совместных проектов, расширение рынков сбыта российской продукции, противодействие попыткам иностранных государств регулировать мировые рынки исходя из их политических и экономических интересов.

63. Укреплению экономической безопасности способствует совершенствование государственного управления на основе документов стратегического планирования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и макрорегионов.

64. Стабильное состояние национальной безопасности на региональном уровне обеспечивается путем сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации, расширения и укрепления хозяйственных связей между ними.

65. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне (на среднесрочную перспективу) является создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом

развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития страны, устранения инфраструктурных ограничений, введения механизма координации размещения транспортной, инженерной и социальной инфраструктур всех уровней, совершенствования системы стратегического и территориального планирования, обеспечения взаимной согласованности отраслевого и территориального развития, совершенствования национальной системы расселения и системы размещения производительных сил на территории Российской Федерации.

66. В долгосрочной перспективе устранить угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией развития регионов России, целесообразно путем стимулирования самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации и их кооперации, повышения инвестиционной и предпринимательской активности, укрепления бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений, расширения количества центров экономического роста, в том числе территорий опережающего социально-экономического развития.

Наука, технологии и образование

67. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования являются:

— развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу;
— повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований.

68. Факторами, негативно влияющими на национальную безопасность в области науки, технологий и образования, являются отставание в развитии высоких технологий, зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, приборов и электронных компонентов, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов,

несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении российских научных и образовательных организаций, недостаточное развитие нормативно-правовой базы, неэффективная система стимулирования деятельности в области науки, инноваций и промышленных технологий, снижение престижа профессий преподавателя и инженера, уровня социальной защищенности работников инженерно-технического, профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава, качества общего, среднего профессионального и высшего образования.

69. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования является повышение уровня технологической безопасности, в том числе в информационной сфере. Для этого совершенствуется государственная инновационная и промышленная политика, федеральная контрактная система и система государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих, получают приоритетное развитие фундаментальная и прикладная наука, образование, развивается государственно-частное партнерство в области науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности, проводятся системные исследования в интересах решения стратегических задач военной, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития страны.

70. Для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования необходимы:

— комплексное развитие научного потенциала, восстановление полного научно-производственного цикла — от фундаментальных научных исследований до внедрения достижений прикладной науки в производство в соответствии с приоритетами социально-экономического, научного и научно-технологического развития Российской Федерации;
— развитие национальной инновационной системы, стимулирование и поддержка развития рынка инноваций, наукоемкой продукции, в том числе наукоемкой продукции с высокой добавочной стоимостью;
— формирование системы фундаментальных и прикладных научных исследований и ее государственная поддержка в интересах

организационно-научного обеспечения реализации стратегических национальных приоритетов;
— развитие перспективных высоких технологий (генная инженерия, робототехника, биологические, информационные и коммуникационные, когнитивные технологии, нанотехнологии, природоподобные конвергентные технологии);
— развитие взаимодействия образовательных организаций и научно-исследовательских центров с промышленными предприятиями, расширение практики софинансирования государством и субъектами предпринимательства долгосрочных фундаментальных научных исследований и программ с длительными сроками реализации;
— повышение качества подготовки научных работников, инженеров, технических специалистов, способных решать задачи модернизации российской экономики на основе технологических инноваций, обеспечить развитие науки и образования, разработку конкурентоспособных технологий и образцов наукоемкой продукции, организацию наукоемкого производства;
— развитие системы среднего профессионального образования в целях подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с лучшими мировыми стандартами и передовыми технологиями;
— создание благоприятных условий для научной деятельности;
— обеспечение лидирующих позиций России в области фундаментального математического образования, физики, химии, биологии, технических наук, гуманитарных и социальных наук;
— развитие междисциплинарных исследований;
— повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии;
— повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий;
— развитие системы поддержки талантливых детей, внешкольного дополнительного образования, детского технического и художественного творчества, решение проблем переполненности общеобразовательных организаций;

— активное развитие международных связей в области науки и образования, наращивание экспорта качественных образовательных услуг, прежде всего в государства — участники Содружества Независимых Государств, повышение привлекательности образования на русском языке на мировом рынке образовательных услуг.

Здравоохранение

71. Развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, для реализации которого проводится долгосрочная государственная политика в сфере охраны здоровья граждан. Стратегическими целями такой политики являются:

— увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения;
— повышение доступности и качества медицинской помощи;
— совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств;
— соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий.

72. Угрозами национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан являются возникновение эпидемий и пандемий, массовое распространение таких заболеваний, как онкологические, сердечно-сосудистые, эндокринологические, ВИЧ-инфекции, туберкулез, наркомания и алкоголизм, увеличение случаев травм и отравлений, доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления.

73. Факторами, негативно влияющими на национальную безопасность в сфере охраны здоровья граждан, являются недостатки в реализации государственной политики в сфере охраны здоровья граждан в части, касающейся обеспечения доступности медицинской помощи и реализации гарантий ее оказания населению, несовершенство действующей системы медицинского страхования, недостаточное финансирование системы высокотехнологичной медицинской помощи и низкий уровень квалификации медицинских работников, не полностью сформированная нормативно-правовая база в указанной сфере.

74. Цели государственной политики в сфере охраны здоровья граждан заключаются в профилактике заболеваний, предотвращении роста заболеваний, представляющих опасность для окружающих, повышении доступности для населения медицинской помощи, повышении эффективности и качества медицинских услуг, снижении уровня инвалидности, разработке и внедрении новых медицинских технологий и лекарственных средств. Для реализации государственной политики в этой сфере необходимо сформировать долговременную стратегию развития системы охраны здоровья граждан, усовершенствовать организационные основы здравоохранения и управления им, уточнить полномочия и ответственность в сфере охраны здоровья граждан федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, определить порядок взаимодействия органов управления здравоохранением, а также создать национальные научно-практические медицинские центры для профилактики и лечения социально значимых заболеваний.

75. В целях противодействия угрозам в сфере охраны здоровья граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают:

— выполнение государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, повышение финансовой устойчивости системы обязательного медицинского страхования и завершение ее перехода на страховые принципы;
— повышение эффективности нормативно-правового регулирования в области лицензирования медицинских услуг, контроль качества работы медицинских организаций, внедрение единых критериев оценки работы лечебно-профилактических учреждений на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
— развитие профилактической медицины и первичной медико-санитарной помощи, внедрение новых организационных форм оказания медицинской помощи, в том числе в сельской местности и труднодоступных местностях;
— повышение эффективности оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, скорой, в том

числе скорой специализированной, медицинской помощи, совершенствование организации медицинской эвакуации;
— развитие службы охраны материнства и детства;
— развитие паллиативной медицинской помощи, в том числе детям;
— развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также создание основ персонализированной медицины;
— ускоренное развитие фундаментальных и прикладных научных исследований в интересах здравоохранения, а также внедрение их результатов;
— внедрение современных информационных и коммуникационных технологий;
— создание условий для развития фармацевтической отрасли, преодоления ее сырьевой и технологической зависимости от зарубежных поставщиков, а также доступность качественных, эффективных и безопасных лекарственных средств;
— развитие системы мониторинга биологической обстановки на территории Российской Федерации;
— развитие медицинской реабилитации населения и совершенствование системы санаторно-курортного лечения, в том числе детей;
— подготовку специалистов в сфере охраны здоровья граждан в достаточном количестве, повышение качества такой подготовки, а также создание системы непрерывного медицинского образования;
— возрождение традиций милосердия;
— широкое внедрение инструментов государственно-частного партнерства в сфере охраны здоровья граждан;
— повышение конкурентоспособности российского здравоохранения на мировом рынке.

Культура

76. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются:
— сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности;

— сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны;
— повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.

77. Основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры.

78. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины.

79. Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры.

80. Для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, на воспитание взаимного уважения народов Российской Федерации, а также на развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей. Усиливается координация деятельности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти

и Российской академии наук по реализации государственной культурной политики.

81. Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом. Россия реализует программы поддержки изучения русского языка и культуры в государствах — участниках Содружества Независимых Государств для ускорения процессов евразийской интеграции.

82. Укреплению национальной безопасности в области культуры способствуют:

— признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, укреплении единства многонационального народа Российской Федерации;
— обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости;
— создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности;
— улучшение материально-технической базы организаций культуры, создание условий для организации досуга, стимулирования творческого развития и художественного образования граждан;
— развитие внутреннего культурно-познавательного туризма;
— формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов;

— усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны;
— совершенствование системы подготовки специалистов в области истории и культуры, а также их социального обеспечения;
— развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах;
— использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества.

Экология живых систем
и рациональное природопользование

83. Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:
— сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики;
— ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

84. На состояние экологической безопасности негативное влияние оказывают истощение запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, в том числе в результате неэффективного и «хищнического» природопользования, преобладание в экономике добывающих и ресурсоемких отраслей, большой удельный вес теневой экономики в сфере использования природных ресурсов, наличие экологически неблагополучных территорий, характеризующихся высокой степенью загрязнения и деградации природных комплексов. Проблемы в области экологии обостряются в связи с наличием значительного количества экологически опасных производств, нехваткой мощностей по очистке атмосферных выбросов, промышленных и городских сточных вод, по обработке, обезвреживанию, утилизации, размещению и переработке твердых отходов производства и потребления, а также в связи с загрязнением окружающей среды, вызванным трансграничным переносом токсичных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний

и радиоактивных веществ с территорий других государств. Усилению действия этих факторов способствует недостаточная эффективность государственного контроля за состоянием окружающей среды и соблюдением экологических нормативов хозяйствующими субъектами, а также низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения.

85. Достижение стратегических целей экологической безопасности и рационального природопользования осуществляется путем формирования и реализации долговременной государственной политики, направленной на защиту и воспроизводство природно-экологического потенциала Российской Федерации, повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан.

86. В целях противодействия угрозам в области экологической безопасности и рационального природопользования органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества принимают меры, направленные:

— на стимулирование внедрения инновационных технологий и развития экологически безопасных производств;
— на развитие индустрии утилизации и вторичного использования отходов производства и потребления;
— на создание удовлетворяющих современным экологическим стандартам полигонов для размещения, утилизации и переработки твердых отходов производства и потребления;
— на строительство и модернизацию очистных сооружений, а также внедрение технологий по снижению объема выбросов вредных веществ и сточных вод;
— на повышение технического потенциала и оснащенности сил, участвующих в мероприятиях по предотвращению и ликвидации негативных экологических последствий техногенных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций;
— на ликвидацию вредных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, а также на реабилитацию территорий и акваторий, загрязненных в результате такого воздействия, в том числе при осуществлении военной деятельности;
— на минимизацию ущерба, причиняемого окружающей среде при разведке и добыче полезных ископаемых, и рекультивацию нарушенных земель;

— на развитие системы государственного экологического контроля и надзора, государственного мониторинга окружающей среды, животного и растительного мира, земельных ресурсов, на осуществление контроля радиационно, химически и биологически опасных отходов, обеспечение соблюдения санитарно-эпидемиологических и санитарно-гигиенических стандартов в отношении питьевой воды, атмосферного воздуха и почв;
— на повышение требований экологических стандартов и создание системы экологических фондов;
— на развитие системы особо охраняемых природных территорий, в том числе морских, сохранение редких и исчезающих видов растений и животных, уникальных природных ландшафтов и живых систем;
— на развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, в том числе в целях снижения экологических рисков на приграничных территориях Российской Федерации.

Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство

87. Обеспечению национальных интересов способствует активная внешняя политика Российской Федерации, направленная на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций. В качестве центрального элемента такой системы международных отношений Россия рассматривает Организацию Объединенных Наций и ее Совет Безопасности.

88. Российская Федерация наращивает взаимодействие с партнерами в рамках БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), РИК (Россия, Индия, Китай), Шанхайской организации сотрудничества, форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», «Группы двадцати» и других международных институтов.

89. Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, Республикой Абхазия и Республикой

Южная Осетия является для Российской Федерации одним из ключевых направлений внешней политики. Россия развивает потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств в рамках самого Содружества, а также Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического союза, Союзного государства, оказывающих стабилизирующее влияние на общую обстановку в регионах, граничащих с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия.

90. Российская Федерация выступает за качественное развитие Организации Договора о коллективной безопасности, превращение ее в универсальную международную организацию, способную противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера (включая международный терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, нелегальную миграцию), а также угрозам в информационной сфере.

91. Формирование Евразийского экономического союза открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве. Российская Федерация всемерно способствует укреплению Союза в целях дальнейшей интеграции, стабильного развития, всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик государств — членов Союза в рамках глобальной экономики, а также в целях повышения жизненного уровня их населения, обеспечения свободы перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов.

92. Российская Федерация придает важное значение наращиванию политического и экономического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулированию в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии, а также развитию взаимодействия с государствами — членами, наблюдателями и партнерами Организации, в том числе в форме диалога и сотрудничества на двусторонней основе. Особое внимание уделяется работе со странами, проявляющими желание присоединиться к Организации в качестве ее полноправных членов.

93. Российская Федерация развивает отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой, рассматривая их как ключевой фактор поддержания глобальной и региональной стабильности.

94. Российская Федерация отводит важную роль привилегированному стратегическому партнерству с Республикой Индией.

95. Российская Федерация выступает за создание в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе, повышение эффективности политического и экономического сотрудничества со странами этого региона, расширение взаимодействия в области науки, образования и культуры, в том числе в рамках региональных интеграционных структур.

96. Российская Федерация развивает политическое, торгово-экономическое, военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в области безопасности, а также гуманитарные и образовательные контакты с государствами Латинской Америки, Африки и региональными объединениями этих государств.

97. Российская Федерация выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве, формирование в Евро-Атлантическом регионе открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе.

98. Российская Федерация заинтересована в выстраивании полноценного партнерства с Соединенными Штатами Америки на основе совпадающих интересов, в том числе в экономической сфере, и с учетом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом. Важнейшими направлениями такого партнерства остаются совершенствование предусмотренных международными договорами механизмов контроля над вооружениями, укрепление мер доверия, решение вопросов, связанных с нераспространением оружия массового уничтожения, расширением сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, урегулированием региональных конфликтов.

99. Особое значение имеет развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества в Арктике.

100. Формирование благоприятных условий для устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу осуществляется путем обеспечения стратегической стабильности, в том числе путем поэтапного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, в условиях укрепления всеобщей надежной и равной безопасности, с учетом всех факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность, и на основе единых и справедливых международно-правовых принципов.

101. В отношениях с международным сообществом Российская Федерация опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений. Практической реализации таких отношений способствуют соблюдение достигнутых международных договоренностей по вопросам сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений и разработка при необходимости новых соглашений в данной области.

102. Российская Федерация содействует вовлечению других государств, прежде всего владеющих ядерным оружием, а также заинтересованных в совместных действиях по обеспечению всеобщей безопасности, в процесс обеспечения стратегической стабильности.

103. Российская Федерация выступает на международной арене с позиций неизменности курса на участие совместно с другими государствами в укреплении международных механизмов нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и относящихся к ним товаров и технологий, недопущения применения военной силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, а также с позиций приверженности контролю над вооружениями и рациональной достаточности в военном строительстве.

104. В целях сохранения стратегической стабильности Российская Федерация:

— способствует сохранению устойчивости международно-правовой системы, недопущению ее фрагментации, ослабления и избирательного применения, приводящих к нестабильности и конфликтам;
— выполняет действующие в области ограничения и сокращения вооружений международные договоры и соглашения, участвует в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих национальным интересам;

— готова к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов на основе двусторонних договоренностей и в многосторонних форматах, а также способствует созданию надлежащих условий, позволяющих сокращать ядерное вооружение без ущерба для международной безопасности и стратегической стабильности;
— содействует укреплению региональной стабильности путем участия в процессах сокращения и ограничения обычных вооруженных сил, а также разработки и применения мер доверия в военной области;
— считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и участвует в нем, выступает за укрепление этого института в строгом соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций;
— содействует формированию системы международной информационной безопасности;
— участвует в проводимых под эгидой Организации Объединенных Наций и других международных организаций мероприятиях по ликвидации природных и техногенных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций, а также в оказании гуманитарной помощи пострадавшим странам.

105. В целях обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Российская Федерация предпринимает все необходимые усилия по поддержанию на наименее затратном уровне потенциала сдерживания в области стратегических наступательных вооружений.

106. Определяющим фактором в отношениях с НАТО остается неприемлемость для Российской Федерации наращивания военной активности альянса и приближения его военной инфраструктуры к российским границам, создания системы противоракетной обороны, попыток наделения блока глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права.

107. Российская Федерация готова к развитию отношений с НАТО на основе равноправия в целях укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Глубина и содержание таких отношений будут определяться готовностью альянса учи-

тывать законные интересы Российской Федерации при осуществлении военно-политического планирования и уважать нормы международного права.

V. Организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации настоящей Стратегии

108. Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации.

109. Настоящая Стратегия реализуется на плановой основе за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления, развития их взаимодействия с институтами гражданского общества, а также комплексного использования политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации. Положения настоящей Стратегии обязательны для выполнения всеми органами государственной власти и органами местного самоуправления и являются основой для разработки и корректировки документов стратегического планирования и программ в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации, а также документов, касающихся деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Деятельность Центрального банка Российской Федерации как участника стратегического планирования осуществляется в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов.

110. Контроль за ходом реализации настоящей Стратегии осуществляется в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности; его результаты отражаются в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

111. В целях реализации настоящей Стратегии осуществляется под руководством Президента Российской Федерации совершенствование системы государственного управления, стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации, разрабатываются и реализуются документы стратегического планирования, а также принимаются меры по подготовке квалифицированных специалистов в области обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования.

112. Информационную основу реализации настоящей Стратегии составляет федеральная информационная система стратегического планирования, включающая в себя информационные ресурсы органов государственной власти и органов местного самоуправления, системы распределенных ситуационных центров и государственных научных организаций.

113. При реализации настоящей Стратегии особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов.

114. Информационная и информационно-аналитическая поддержка реализации настоящей Стратегии, ее корректировка, проводимая один раз в шесть лет с учетом результатов мониторинга ее реализации и изменений, оказывающих существенное влияние на состояние национальной безопасности, осуществляются при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации.

VI. Основные показатели состояния национальной безопасности

115. Основными показателями, необходимыми для оценки состояния национальной безопасности, являются:

— удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
— доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
— ожидаемая продолжительность жизни;
— валовой внутренний продукт на душу населения;

— децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения);
— уровень инфляции;
— уровень безработицы;
— доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования;
— доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру;
— доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.

116. Перечень основных показателей состояния национальной безопасности может уточняться по результатам его мониторинга.

* * *

Реализация настоящей Стратегии призвана способствовать развитию национальной экономики, улучшению качества жизни граждан, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению обороны страны, государственной и общественной безопасности, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» от 12 мая 2009 г. №537

Дата подписания 12 мая 2009 г.
Опубликован 19 мая 2009 г.

В целях консолидации усилий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и граждан Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности **постановляю**:

1. Утвердить прилагаемую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

2. Секретарю Совета Безопасности Российской Федерации:

— ежегодно представлять доклад о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению, в том числе о ходе реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
— вносить проекты нормативных правовых актов Президента Российской Федерации по вопросам реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
— представить предложения по приведению нормативных правовых актов Президента Российской Федерации в соответствие с настоящим Указом.

3. Признать утратившими силу:

Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. №1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, №52, ст. 5909);

Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. №24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, №2, ст. 170).

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
Д. Медведев

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

I. Общие положения

1. Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века — остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений.

Реализуется государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям. Созданы предпосылки для укрепления системы обеспечения национальной безопасности, консолидировано правовое пространство. Решены первоочередные задачи в экономической сфере, выросла инвестиционная привлекательность национальной экономики. Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма.

В целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз национальной безопасности, динамичного развития и превращения Российской Федерации в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы.

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности.

2. Основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года — официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

4. Настоящая Стратегия является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности. Она является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

5. Основная задача настоящей Стратегии состоит в формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов.

6. В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

— «национальная безопасность» — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства;
— «национальные интересы Российской Федерации» — совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства;
— «угроза национальной безопасности» — прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства;
— «стратегические национальные приоритеты» — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности;
— «система обеспечения национальной безопасности» — силы и средства обеспечения национальной безопасности;
— «силы обеспечения национальной безопасности» — Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации;
— «средства обеспечения национальной безопасности» — технологии, а также технические, программные, лингвистические,

правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

7. Силы и средства обеспечения национальной безопасности сосредоточивают свои усилия и ресурсы на обеспечении национальной безопасности во внутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности.

II. Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития

8. Развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий.

Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции.

Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

В результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил.

Несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности.

9. Переход от блокового противостояния к принципам многовекторной дипломатии, а также ресурсный потенциал России и прагматичная политика его использования расширили возможности Российской Федерации по укреплению ее влияния на мировой арене.

Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств — лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности.

10. На обеспечение национальных интересов Российской Федерации негативное влияние будут оказывать вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов, а также совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий. Усилится глобальное информационное противоборство, возрастут угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности. Вероятно распространение эпидемий, вызываемых новыми, неизвестными ранее вирусами. Более ощутимым станет дефицит пресной воды.

11. Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии. Негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут по-прежнему оказывать ситуация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове.

12. Критическое состояние физической сохранности опасных материалов и объектов, особенно в странах с нестабильной внутриполитической ситуацией, а также не контролируемое

государствами распространение обычных вооружений могут привести к обострению существующих и возникновению новых региональных и межгосударственных конфликтов.

В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы — может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников.

Возрастет риск увеличения числа государств — обладателей ядерного оружия.

Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно сузятся при размещении в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки.

Последствия мировых финансово-экономических кризисов могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы.

13. На долгосрочную перспективу Российская Федерация будет стремиться выстраивать международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств.

Для защиты своих национальных интересов Россия, оставаясь в рамках международного права, будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключающую затратную конфронтацию, в том числе и новую гонку вооружений.

Организацию Объединенных Наций и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций Россия рассматривает в качестве центрального элемента стабильной системы международных отношений, в основе которой — уважение, равноправие и взаимовыгодное сотрудничество государств, опирающихся на цивилизованные политические инструменты разрешения глобальных и региональных кризисных ситуаций.

Россия будет наращивать взаимодействие в таких многосторонних форматах, как «Группа восьми», «Группа двадцати», РИК (Россия, Индия и Китай), БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), а также использовать возможности других неформальных международных институтов.

Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Неза-

висимых Государств является для России приоритетным направлением внешней политики. Россия будет стремиться развивать потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств в рамках прежде всего самого Содружества Независимых Государств, а также Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического сообщества, оказывающих стабилизирующее влияние на общую обстановку в регионах, граничащих с государствами — участниками Содружества Независимых Государств.

При этом Организация Договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

14. Россия будет способствовать укреплению Евразийского экономического сообщества в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения.

15. Для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

16. Российская Федерация выступает за всемерное укрепление механизмов взаимодействия с Европейским союзом, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долгосрочным национальным интересам России отвечает формирование в Евроатлантике открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе.

17. Определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права.

Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности.

18. Россия будет стремиться к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с Соединенными Штатами Америки на основе совпадающих интересов и с учетом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом. В качестве приоритетов останутся достижение новых договоренностей в сфере разоружения и контроля над вооружениями, укрепление мер доверия, а также решение вопросов нераспространения оружия массового уничтожения, наращивания антитеррористического сотрудничества, урегулирования региональных конфликтов.

19. В сфере международной безопасности Россия сохранит приверженность использованию политических, правовых, внешнеэкономических, военных и иных инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов.

Проведение предсказуемой и открытой внешней политики неразрывно связано с реализацией задач устойчивого развития России. Успешную интеграцию России в глобальное экономическое пространство и международную систему разделения труда затрудняют низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный путь развития.

20. Для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие.

III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты

21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

— в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
— в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
— в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты.

23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

— повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
— экономический рост, который достигается, прежде всего, путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
— наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;
— экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
— стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

IV. Обеспечение национальной безопасности

25. Основное содержание обеспечения национальной безопасности состоит в поддержании правовых и институциональных механизмов, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам Российской Федерации.

Состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

1. Национальная оборона

26. Стратегические цели совершенствования национальной обороны состоят в предотвращении глобальных и региональных войн и конфликтов, а также в осуществлении стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегическое сдерживание предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств).

Стратегическое сдерживание осуществляется с использованием экономических возможностей государства, включая ресурсную поддержку сил обеспечения национальной безопасности, путем развития системы военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации, а также военной инфраструктуры и системы управления военной организацией государства.

27. Российская Федерация обеспечивает национальную оборону, исходя из принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе за счет методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества, международного военного сотрудничества.

28. Военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной организации государства и оборонного потенциала, а также выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов.

Достижение стратегических целей национальной обороны осуществляется путем развития системы обеспечения национальной без-

опасности, проведения перспективной военно-технической политики и развития военной инфраструктуры, а также за счет совершенствования системы управления военной организацией государства и реализации комплекса мер по повышению престижа военной службы.

29. Государственная политика Российской Федерации в области национальной обороны и военного строительства, в том числе в рамках Союзного государства, на долгосрочную перспективу нацелена на совершенствование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, призванных при любых условиях развития военно-политической обстановки обеспечить безопасность, суверенитет и территориальную целостность государства.

30. Угрозами военной безопасности являются: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки.

Негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

31. Российская Федерация реализует долгосрочную государственную политику в области национальной обороны путем разработки системы основополагающих концептуальных, программных документов, а также документов планирования, развития норм

законодательного регулирования деятельности органов государственной власти, учреждений, предприятий и организаций реального сектора экономики, институтов гражданского общества в мирное и военное время, а также совершенствования сил и средств гражданской обороны, сетевой и транспортной инфраструктуры страны в интересах национальной обороны.

32. Главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации с сохранением потенциала стратегических ядерных сил за счет совершенствования организационно-штатной структуры и системы территориального базирования войск и сил, наращивания количества частей постоянной готовности, а также совершенствования оперативной и боевой подготовки, организации межвидового взаимодействия войск и сил.

Для этого уточняется система комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, включая подготовку личного состава и развитие необходимой инфраструктуры, отрабатываются оптимальные механизмы нахождения в резерве, поднимается престиж военной службы и статус офицерского состава, а также обеспечивается выполнение государственных программ и заказов на разработку, создание и модернизацию вооружения, военной и специальной техники, в том числе средств связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и управления.

33. В среднесрочной перспективе должен быть завершен переход на единую систему заказов федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники для Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также на унифицированную систему тылового и технического обеспечения. Должно быть обеспечено нормативное правовое регулирование поддержания запасов материальных средств в государственном и мобилизационном резерве, а также сотрудничества с другими государствами в области военной безопасности.

34. Реструктуризация, оптимизация и развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации в среднесрочной перспективе согласовываются с решением задач по всестороннему и своевременному обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов современными видами вооружения и специальной техники.

2. Государственная и общественная безопасность

35. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

36. Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

37. Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации; деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ; экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране; деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом

наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией.

38. Главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

39. Обеспечению государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу будут также способствовать повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности (в первую очередь среди несовершеннолетних) и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений.

40. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности: совершенствуется структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, реализуется Национальный план противодействия коррупции, развивается система выявления и противодействия глобальным вызовам и кризисам современности, включая международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм, национализм и этнический сепаратизм; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов; формируется долгосрочная концепция комплексного развития и совершенствования правоохранительных органов и спецслужб, укрепляются социальные гарантии их сотрудников, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные

средства и техника, развивается система профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности; укрепляется режим безопасного функционирования предприятий, организаций и учреждений оборонно-промышленного, ядерного, химического и атомно-энергетического комплексов страны, а также объектов жизнеобеспечения населения; повышается социальная ответственность органов обеспечения государственной и общественной безопасности.

41. Одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана государственной границы Российской Федерации.

Основными угрозами интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере являются наличие и возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи ее государственной границы, незавершенность международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами.

Угрозу безопасности в пограничной сфере представляют деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организации каналов незаконной миграции.

Негативное влияние на обеспечение надежной защиты и охраны государственной границы Российской Федерации оказывает недостаточный уровень развития пограничной инфраструктуры и технической оснащенности пограничных органов.

42. Решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации достигается за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на границах с Республикой Казахстан, Украиной, Грузией и Азербайджанской Республикой, а также повышения эффективности охраны государственной границы, в частности в Арктической зоне Российской Федерации, на Дальнем Востоке и на Каспийском направлении.

43. Обеспечение национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе территориальных и функциональных сегментов), ее интеграции с аналогичными зарубежными системами.

Решение задач обеспечения национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается за счет повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, обновления парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения в местах их массового пребывания, а также разработки системы принятия превентивных мер по снижению риска террористических актов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

44. Российская Федерация укрепляет национальную оборону, обеспечивает государственную и общественную безопасность в целях формирования благоприятных внутренних и внешних условий для достижения приоритетов в области социально-экономического развития государства.

3. Повышение качества жизни российских граждан

45. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе — коренное улучшение демографической ситуации.

46. Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности.

47. Источниками угроз национальной безопасности могут стать такие факторы, как кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольствен-

ные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов.

48. Обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан будут способствовать снижение уровня организованной преступности, коррупции и наркомании, противодействие преступным формированиям в легализации собственной экономической основы, достижение социально-политической стабильности и положительной динамики развития Российской Федерации, устойчивость финансово-банковской системы, расширенное воспроизводство минерально-сырьевой базы, доступность современного образования и здравоохранения, высокая социальная мобильность и поддержка социально значимой трудовой занятости, повышение квалификации и качества трудовых ресурсов, рациональная организация миграционных потоков.

49. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе определяется продовольственная безопасность и гарантированное снабжение населения высококачественными и доступными лекарственными препаратами.

50. Продовольственная безопасность обеспечивается за счет развития биотехнологий и импортозамещения по основным продуктам питания, а также путем предотвращения истощения земельных ресурсов и сокращения сельскохозяйственных земель и пахотных угодий, захвата национального зернового рынка иностранными компаниями, бесконтрольного распространения пищевой продукции, полученной из генетически модифицированных растений с использованием генетически модифицированных микроорганизмов и микроорганизмов, имеющих генетически модифицированные аналоги.

51. В целях развития фармацевтической отрасли формируются условия для преодоления ее сырьевой зависимости от зарубежных поставщиков.

52. Для противодействия угрозам национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества:

— совершенствуют национальную систему защиты прав человека путем развития судебной системы и законодательства;

— содействуют росту благосостояния, сокращению бедности и различий в уровне доходов населения в интересах обеспечения постоянного доступа всех категорий граждан к необходимому для здорового образа жизни количеству пищевых продуктов;
— создают условия для ведения здорового образа жизни, стимулирования рождаемости и снижения смертности населения;
— улучшают и развивают транспортную инфраструктуру, повышают защиту населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
— совершенствуют систему защиты от безработицы, создают условия для вовлечения в трудовую деятельность людей с ограниченными физическими возможностями, проводят рациональную региональную миграционную политику, развивают пенсионную систему, внедряют нормы социальной поддержки отдельных категорий граждан;
— обеспечивают сохранение культурного и духовного наследия, доступность информационных технологий, а также информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества;
— совершенствуют государственно-частное партнерство в целях укрепления материально-технической базы учреждений здравоохранения, культуры, образования, развития жилищного строительства и повышения качества жилищно-коммунального обслуживания.

4. Экономический рост

53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

54. Обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации.

55. Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции.

56. Недостаточная эффективность государственного регулирования национальной экономики, снижение темпов экономического роста, появление дефицита торгового и платежного баланса, сокращение доходных статей бюджета могут привести к замедлению перехода к инновационному развитию, последующему накоплению социальных проблем в стране.

57. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в экономической сфере могут оказать дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискриминационных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России, а также кризисные явления в мировой финансово-банковской системе.

58. Для обеспечения национальной безопасности за счет экономического роста Российская Федерация основные усилия сосредоточивает на развитии науки, технологий и образования, совершенствовании национальных инвестиционных и финансовых институтов в интересах достижения необходимого уровня безопасности в военной, оборонно-промышленной и международной сферах.

59. Угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией в уровнях развития субъектов Российской Федерации, предотвращаются путем проведения рациональной государственной региональной политики, направленной на улучшение координации деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества.

60. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу является энергетическая безопасность. Необходимыми условиями обеспечения национальной и глобальной энергетической безопасности являются многостороннее взаимодействие в интересах формирования отвечающих принципам Всемирной торговой организации рынков энергоресурсов, разработка и международный обмен перспективными энергосберегающими технологиями, а также использование экологически чистых, альтернативных источников энергии.

Основным содержанием энергетической безопасности являются устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества, эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей, предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования, обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения.

61. Для противодействия угрозам экономической безопасности силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на поддержку государственной социально-экономической политики, направленной:

— на совершенствование структуры производства и экспорта, антимонопольное регулирование и поддержку конкурентной политики;
— на развитие национальной инновационной системы в целях реализации высокоэффективных проектов и приоритетных программ развития высокотехнологичных секторов экономики;
— на укрепление финансовых рынков и повышение ликвидности банковской системы;
— на сокращение неформальной занятости и легализацию трудовых отношений, повышение инвестиций в развитие человеческого капитала;
— на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также на обоснованное территориаль-

ное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах;
— на формирование системы научного и технологического прогнозирования и реализацию научных и технологических приоритетов, усиление интеграции науки, образования и производства;
— на создание условий для развития конкурентоспособной отечественной фармацевтической промышленности;
— на развитие индустрии информационных и телекоммуникационных технологий, средств вычислительной техники, радиоэлектроники, телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения.

62. В интересах обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе развиваются конкурентоспособные отрасли экономики и расширяются рынки сбыта российской продукции, повышается эффективность топливно-энергетического комплекса, расширяется использование инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики и завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Российской Федерации.

63. Укреплению экономической безопасности будет способствовать совершенствование государственного регулирования экономического роста путем разработки концептуальных и программных документов межрегионального и территориального планирования, создания комплексной системы контроля над рисками, включая:
— проведение активной государственной антиинфляционной, валютной, курсовой, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики;
— стимулирование и поддержку развития рынка инноваций, наукоемкой продукции и продукции с высокой добавочной стоимостью, развитие перспективных технологий общего, двойного и специального назначения.

64. На региональном уровне стабильному состоянию национальной безопасности отвечает сбалансированное, комплексное и системное развитие субъектов Российской Федерации.

Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне на среднесрочную перспективу определяется создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития.

В долгосрочной перспективе угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией уровней развития регионов России, предотвращаются путем развертывания полномасштабной национальной инновационной системы за счет формирования перспективных территориально-промышленных районов в южных регионах и Поволжье, на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах Российской Федерации.

65. В области регионального развития силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества способствуют эффективному осуществлению органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления их полномочий за счет координации и реализации принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер, направленных на развитие региональной экономики и социальной сферы, включая выравнивание их бюджетной обеспеченности.

5. Наука, технологии и образование

66. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования являются:

— развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества национальной экономики и потребности национальной обороны за счет эффективной координации научных исследований и развития национальной инновационной системы;
— повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счет доступности конкурентоспособного образования.

67. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования оказывают отставание в переходе в последующий технологи-

ческий уклад, зависимость от импортных поставок научного оборудования, приборов и электронной компонентной базы, стратегических материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России, недостаточное развитие нормативной правовой базы и слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики, низкие уровень социальной защищенности инженерно-технического, профессорско-преподавательского и педагогического состава и качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования.

68. Одним из главных направлений Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет технологическую безопасность. С этой целью совершенствуется государственная инновационная и промышленная политика, определяются в качестве безусловного приоритета инновационного развития национальной экономики фундаментальная и прикладная наука, образование, совершенствуется федеральная контрактная система и система государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров, развивается государственно-частное партнерство в сфере науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности, проводятся системные исследования в интересах решения стратегических задач национальной обороны, государственной и общественной безопасности, а также устойчивого развития страны.

69. Для противодействия угрозам в сфере науки, технологий и образования силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества осуществляют гражданское воспитание новых поколений в традициях престижа труда ученого и педагога, обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования в области интеграции науки, образования и высокотехнологичной промышленности.

70. Решение задач национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается путем:

— формирования системы целевых фундаментальных и прикладных исследований и ее государственной поддержки в интересах

организационно-научного обеспечения достижения стратегических национальных приоритетов;
— создания сети федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, обеспечивающих в рамках кооперационных связей подготовку специалистов для работы в сфере науки и образования, разработки конкурентоспособных технологий и образцов наукоемкой продукции, организации наукоемкого производства;
— реализации программ создания учебных заведений, ориентированных на подготовку кадров для нужд регионального развития, органов и сил обеспечения национальной безопасности;
— обеспечения участия российских научных и научно-образовательных организаций в глобальных технологических и исследовательских проектах с учетом конъюнктуры рынка интеллектуальной собственности.

6. Здравоохранение

71. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются:
— увеличение продолжительности жизни, снижение инвалидности и смертности;
— совершенствование профилактики и оказания своевременной квалифицированной первичной медико-санитарной и высокотехнологичной медицинской помощи;
— совершенствование стандартов медицинской помощи, а также контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств.

72.Одними из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ.

73. Прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации оказывают низкие эффективность системы медицинского страхования и качество подготовки и переподготовки специалистов здравоохранения, недостаточный уровень социальных гарантий и оплаты труда медицинских работников и финансирования

развития системы высокотехнологичной медицинской помощи, незавершенность формирования нормативной правовой базы здравоохранения в целях повышения доступности и реализации гарантий обеспечения населения медицинской помощью.

74. Государственная политика Российской Федерации в сфере здравоохранения и здоровья нации нацелена на профилактику и предотвращение роста уровня социально опасных заболеваний.

75. Основными направлениями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет усиление профилактической направленности здравоохранения, ориентацию на сохранение здоровья человека, совершенствование в качестве основы жизнедеятельности общества института семьи, охраны материнства, отцовства и детства.

76. Укреплению национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации будут способствовать повышение качества и доступности медицинского обслуживания за счет использования перспективных информационных и телекоммуникационных технологий, государственная поддержка перспективных разработок в области фармацевтики, биотехнологий и нанотехнологий, а также модернизация экономических механизмов функционирования здравоохранения и развитие материально-технической базы государственной и муниципальной систем здравоохранения с учетом региональных особенностей.

77. Для противодействия угрозам в сфере здравоохранения и здоровья нации силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования в области стандартизации, лицензирования, сертификации медицинских услуг, аккредитации медицинских и фармацевтических учреждений, обеспечения государственных гарантий по оказанию медицинской помощи и модернизации системы обязательного медицинского страхования, определения единых критериев оценки работы лечебно-профилактических учреждений на уровне муниципальных образований и субъектов Российской Федерации.

78. Решение задач национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается путем:

— формирования национальных программ (проектов) по лечению социально значимых заболеваний (онкологические, сердечно-сосудистые, диабетологические, фтизиатрические заболевания, наркомания, алкоголизм) с разработкой единых общероссийских подходов к диагностике, лечению и реабилитации пациентов;
— развития системы управления качеством и доступностью медицинской помощи, подготовкой специалистов здравоохранения;
— обеспечения качественного изменения структуры заболеваний и ликвидации предпосылок эпидемий, в том числе вызванных особо опасными инфекционными патогенами, за счет разработки и реализации перспективных технологий и национальных программ государственной поддержки профилактики заболеваний.

7. Культура

79. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере культуры являются:
— расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства путем создания современных территориально распределенных информационных фондов;
— создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования;
— содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры.

80. Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры.

81. Негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганда образа жизни, в основе которого — вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость.

82. Для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами

гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей.

83. Укреплению национальной безопасности в сфере культуры будут способствовать сохранение и развитие самобытных культур многонационального народа Российской Федерации, духовных ценностей граждан, улучшение материально-технической базы учреждений культуры и досуга, совершенствование системы подготовки кадров и их социального обеспечения, развитие производства и проката произведений отечественной кинематографии, развитие культурно-познавательного туризма, формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов, а также использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества.

84. Решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах.

8. Экология живых систем и рациональное природопользование

85. Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:

— сохранение окружающей природной среды и обеспечение ее защиты;
— ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

86. На состояние национальной безопасности в экологической сфере негативное воздействие оказывают истощение мировых запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, а также наличие в Российской Федерации экологически неблагополучных регионов.

87. Состояние национальной безопасности в сфере экологии усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы неядерного топливного цикла. Нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых.

88. Для противодействия угрозам в сфере экологической безопасности и рационального природопользования силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества создают условия для внедрения экологически безопасных производств, поиска перспективных источников энергии, формирования и реализации государственной программы по созданию стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации и гарантированного удовлетворения потребностей населения и экономики в водных и биологических ресурсах.

9. Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство

89. Достижению приоритетов устойчивого развития Российской Федерации способствует активная внешняя политика, усилия которой сосредоточены на поиске согласия и совпадающих интересов с другими государствами на основе системы двусторонних и многосторонних взаимовыгодных партнерских отношений.

90. Формирование благоприятных условий для устойчивого развития России на долгосрочную перспективу достигается за счет обеспечения стратегической стабильности, в том числе путем последовательного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех.

91. Россия в отношениях с международным сообществом опирается на принципы сохранения стабильности и предсказуемости в области стратегических наступательных вооружений, придает особое значение достижению новых полноформатных двусторонних договоренностей по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.

92. Россия будет содействовать вовлечению других государств, прежде всего владеющих ядерным оружием, а также заинтересованных в совместных действиях по обеспечению общей безопасности, в процесс обеспечения стратегической стабильности.

93. Россия считает, что поддержанию стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству может способствовать присутствие в конфликтных регионах контингентов Вооруженных Сил Российской Федерации на основе норм международного права в целях решения политических, экономических и иных задач невоенными методами.

94. Россия будет выступать на международной арене с позиций неизменности курса на участие совместно с другими государствами в укреплении международных механизмов нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и относящихся к ним товаров и технологий, недопущения применения военной силы в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, а также с позиции приверженности контролю над вооружениями и рациональной достаточности в военном строительстве.

95. В целях сохранения стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства Российская Федерация:

— будет выполнять действующие договоры и соглашения в области ограничения и сокращения вооружений, участвовать в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих ее национальным интересам;
— готова к дальнейшему обсуждению вопросов сокращения ядерных потенциалов на основе двусторонних договоренностей и в многосторонних форматах, а также будет способствовать созданию надлежащих условий, позволяющих сокращать ядерные вооружения без ущерба для международной безопасности и стратегической стабильности;

— намерена и далее содействовать укреплению региональной стабильности путем участия в процессах сокращения и ограничения обычных вооруженных сил, а также разработки и применения мер доверия в военной области;
— считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов, выступает за укрепление этого института в строгом соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций и продолжит свое участие в нем;
— будет участвовать в проводимых под эгидой Организации Объединенных Наций и других международных организаций мероприятиях по ликвидации природных и техногенных катастроф и чрезвычайных ситуаций, а также в оказании гуманитарной помощи пострадавшим странам.

96. В интересах обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Россия в период реализации настоящей Стратегии предпримет все необходимые усилия на наименее затратном уровне по поддержанию паритета с Соединенными Штатами Америки в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы противоракетной обороны и реализации концепции глобального молниеносного удара с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении.

V. Организационные, нормативные правовые и информационные основы реализации настоящей Стратегии

97. Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения национальной безопасности при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет реализации комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера.

98. Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского общества, направленных на отстаивание национальных интересов Российской Федерации путем комплексного использования политических, организационных,

социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации.

99. Корректировка настоящей Стратегии осуществляется при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации периодически — по результатам постоянного мониторинга реализации настоящей Стратегии с учетом изменений, оказывающих существенное влияние на состояние национальной безопасности.

100. Организационная поддержка реализации настоящей Стратегии заключается в совершенствовании государственного управления Российской Федерации, а также в развитии системы обеспечения национальной безопасности на основе совершенствования механизмов стратегического планирования устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности под руководством Президента Российской Федерации.

101. Система документов стратегического планирования (концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, программы социально-экономического развития Российской Федерации на краткосрочную перспективу, стратегии (программы) развития отдельных секторов экономики, стратегии (концепции) развития федеральных округов, стратегии и комплексные программы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, межгосударственные программы, в выполнении которых принимает участие Российская Федерация, федеральные (ведомственные) целевые программы, государственный оборонный заказ, концепции, доктрины и основы (основные направления) государственной политики в сферах обеспечения национальной безопасности и по отдельным направлениям внутренней и внешней политики государства) формируется Правительством Российской Федерации и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации на основании Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

102. По решению Президента Российской Федерации документы по вопросам внутренней и внешней политики государства могут выноситься на рассмотрение Совета Безопасности Российской Федерации.

103. Разработка документов стратегического планирования осуществляется согласно Регламенту Правительства Российской Федерации и в соответствии с порядком подготовки документов в Администрации Президента Российской Федерации.

104. Государственная политика в области противодействия наркопреступности и терроризму формируется Государственным антинаркотическим комитетом и Национальным антитеррористическим комитетом — межведомственными органами, обеспечивающими координацию федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствующих сферах.

105. Комплексные проблемы обеспечения национальной безопасности могут рассматриваться на совместных заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации, Государственного совета Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации с участием иных совещательных и консультативных органов, созданных для обеспечения конституционных полномочий Президента Российской Федерации.

106. Меры нормативной правовой поддержки реализации настоящей Стратегии определяются на основании Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

107. Информационная и информационно-аналитическая поддержка реализации настоящей Стратегии осуществляется при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет привлечения информационных ресурсов заинтересованных органов государственной власти и государственных научных учреждений с использованием системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия.

108. Для развития системы распределенных ситуационных центров в среднесрочной перспективе потребуется преодолеть технологическое отставание в важнейших областях информатизации, телекоммуникаций и связи, определяющих состояние национальной безопасности, разработать и внедрить технологии информационной безопасности в системах государственного и во-

енного управления, системах управления экологически опасными производствами и критически важными объектами, а также обеспечить условия для гармонизации национальной информационной инфраструктуры с глобальными информационными сетями и системами.

109. Угрозы информационной безопасности в ходе реализации настоящей Стратегии предотвращаются за счет совершенствования безопасности функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов инфраструктуры и объектов повышенной опасности в Российской Федерации, повышения уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем, создания единой системы информационно-телекоммуникационной поддержки нужд системы обеспечения национальной безопасности.

110. Разработка и реализация комплекса оперативных и долговременных мер по предотвращению угроз национальной безопасности в федеральных округах проводятся при координирующей роли Правительства Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти во взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

111. Контроль за ходом реализации настоящей Стратегии осуществляется в рамках ежегодного доклада Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

VI. Основные характеристики состояния национальной безопасности

112. Основные характеристики состояния национальной безопасности предназначаются для оценки состояния национальной безопасности и включают:

— уровень безработицы (доля от экономически активного населения);
— децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения);
— уровень роста потребительских цен;
— уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта;

— уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта;
— уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники;
— уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами.

Перечень основных характеристик состояния национальной безопасности может уточняться по результатам мониторинга состояния национальной безопасности.

* * *

Реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года призвана стать мобилизующим фактором развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Приложение № 4. Указ Президента РФ «О Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146

Дата подписания 5 февраля 2010 г.
Опубликован 10 февраля 2010 г.

В соответствии с пунктом «з» статьи 83 Конституции Российской Федерации и подпунктом 2 пункта 2 статьи 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. №61-ФЗ «Об обороне» **постановляю**:

1. Утвердить прилагаемую Военную доктрину Российской Федерации.

2. Секретарю Совета Безопасности Российской Федерации отражать результаты реализации Военной доктрины Российской Федерации в ежегодном докладе Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

3. Признать утратившим силу Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. №706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, №17, ст. 1852).

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
Д. Медведев

I. Общие положения

1. Военная доктрина Российской Федерации (далее — Военная доктрина) является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой

систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

2. В Военной доктрине учитываются основные положения Военной доктрины Российской Федерации 2000 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года и Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года.

Военная доктрина основана на положениях военной теории и направлена на ее дальнейшее развитие.

3. Правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

4. Военная доктрина отражает приверженность Российской Федерации к использованию политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников.

5. Положения Военной доктрины конкретизируются в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и могут корректироваться в рамках стратегического планирования в военной сфере (военного планирования).

Реализация Военной доктрины достигается путем централизации государственного управления в военной области и осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти.

6. В Военной доктрине используются следующие основные понятия:

а) военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять;

б) военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;

в) военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию);

г) военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);

д) вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);

е) локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);

ж) региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом)

пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;

з) крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников;

и) военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников;

к) военная организация государства (далее — военная организация) — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее — Вооруженные Силы и другие войска), составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации;

л) военное планирование — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения.

II. Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации

7. Мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов.

Неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией. Суще-

ствующая архитектура (система) международной безопасности, включая ее международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств.

При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются.

8. Основные внешние военные опасности:

а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;

ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

з) применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;

к) распространение международного терроризма;

л) возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира.

9. Основные внутренние военные опасности:

а) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации;

б) подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации.

10. Основные военные угрозы:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств с провокационными целями;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

11. Военные конфликты характеризуются целями, способами и средствами достижения этих целей, масштабами и сроками военных действий, формами и способами вооруженной борьбы и применяемыми вооружением и военной техникой.

12. Характерные черты современных военных конфликтов:

а) комплексное применение военной силы и сил и средств невоенного характера;

б) массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием;

в) расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве;

г) усиление роли информационного противоборства;

д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;

е) повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;

ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий.

13. Особенности современных военных конфликтов:

а) непредсказуемость их возникновения;

б) наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей;

в) возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы;

г) заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем — в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

14. Военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного

и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей.

15. Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники.

16. Ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны).

В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт.

III. Военная политика Российской Федерации

17. Основные задачи военной политики Российской Федерации определяются Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и настоящей Военной доктриной.

Военная политика Российской Федерации направлена на недопущение гонки вооружений, сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, а также средств поражения в целях обороны и обеспечения безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников.

Деятельность Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов

18. Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил и других войск к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, — важнейшая задача Российской Федерации.

19. Основные задачи Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов:

а) оценка и прогнозирование развития военно-политической обстановки на глобальном и региональном уровне, а также состояния межгосударственных отношений в военно-политической сфере с использованием современных технических средств и информационных технологий;

б) нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами;

в) поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне;

г) поддержание Вооруженных Сил и других войск в заданной степени готовности к боевому применению;

д) укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитие отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями (Европейским союзом и НАТО);

е) расширение круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН и другими нормами международного права;

ж) соблюдение международных договоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений;

з) заключение и реализация соглашений в области контроля над обычными вооружениями, а также осуществление мер по укреплению взаимного доверия;

и) создание механизмов регулирования двустороннего и многостороннего сотрудничества в области противоракетной обороны;

к) заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

л) участие в международной миротворческой деятельности, в том числе под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с международными (региональными) организациями;

м) участие в борьбе с международным терроризмом.

Применение Вооруженных Сил и других войск. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время

20. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил и других войск для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Применение Вооруженных Сил и других войск в мирное время осуществляется по решению Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законодательством.

21. Российская Федерация рассматривает вооруженное нападение на государство — участника Союзного государства или любые действия с применением военной силы против него как акт агрессии против Союзного государства и осуществит ответные меры.

Российская Федерация рассматривает вооруженное нападение на государство — члена ОДКБ как агрессию против всех государств -членов ОДКБ и осуществит в этом случае меры в соответствии с Договором о коллективной безопасности.

22. В рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерацией предусматривается применение высокоточного оружия.

Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом Российской Федерации.

23. Выполнение стоящих перед Вооруженными Силами и другими войсками задач организуется и осуществляется в соответствии с Планом применения Вооруженных Сил Российской Федерации, Мобилизационным планом Вооруженных Сил Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, другими нормативными правовыми актами Российской Федерации и документами стратегического планирования по вопросам обороны.

24. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ (КСОР) в целях оперативного реагирования на военные угрозы государствам — членам ОДКБ и решения иных задач, определенных Советом коллективной безопасности ОДКБ, для их применения в порядке, предусмотренном Соглашением о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-азиатского региона коллективной безопасности.

25. Для осуществления миротворческих операций по мандату ООН или по мандату СНГ Российская Федерация предоставляет воинские контингенты в порядке, установленном федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации.

26. В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством.

27. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в мирное время:

а) защита суверенитета Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории;

б) стратегическое сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов;

в) поддержание состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки;

г) своевременное предупреждение Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении, оповещение органов государственного и военного управления, войск (сил) о военных опасностях и военных угрозах;

д) поддержание способности Вооруженных Сил и других войск к заблаговременному развертыванию группировок войск (сил) на потенциально опасных стратегических направлениях, а также их готовности к боевому применению;

е) обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения;

ж) развертывание и поддержание в стратегической космической зоне орбитальных группировок космических аппаратов, обеспечивающих деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации;

з) охрана важных государственных и военных объектов, объектов на коммуникациях и специальных грузов;

и) оперативное оборудование территории Российской Федерации и подготовка коммуникаций в целях обороны, в том числе строительство и реконструкция объектов специального назначения, строительство и капитальный ремонт автомобильных дорог, имеющих оборонное значение;

к) защита граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации от вооруженного нападения на них;

л) участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений Совета Безопасности ООН или иных органов, уполномоченных принимать такие решения в соответствии с международным правом;

м) борьба с пиратством, обеспечение безопасности судоходства;

н) обеспечение безопасности экономической деятельности Российской Федерации в Мировом океане;

о) борьба с терроризмом;

п) подготовка к проведению мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне;

р) участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;

с) участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и восстановление объектов специального назначения;

т) участие в обеспечении режима чрезвычайного положения.

28. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в период непосредственной угрозы агрессии:

а) осуществление комплекса дополнительных мероприятий, направленных на снижение уровня угрозы агрессии и повышение уровня боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил и других войск, в целях проведения мобилизационного и стратегического развертывания;

б) поддержание потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности;

в) участие в обеспечении режима военного положения;

г) осуществление мероприятий по территориальной обороне, а также выполнение в установленном порядке мероприятий гражданской обороны;

д) выполнение международных обязательств Российской Федерации по коллективной обороне, отражение или предотвращение в соответствии с нормами международного права вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой.

29. Основными задачами Вооруженных Сил и других войск в военное время являются отражение агрессии против Российской Федерации и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников.

Развитие военной организации. Строительство и развитие Вооруженных Сил и других войск

30. Основные задачи развития военной организации:

а) приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации в соответствие с задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время

с учетом выделения на эти цели достаточного количества финансовых, материальных и иных ресурсов. Планируемые количество и сроки выделения указанных ресурсов отражаются в документах планирования долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации;

б) повышение эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления;

в) совершенствование системы противовоздушной обороны и создание системы воздушно-космической обороны Российской Федерации;

г) совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов;

д) совершенствование военного планирования;

е) совершенствование территориальной обороны и гражданской обороны;

ж) совершенствование системы создания запаса мобилизационных ресурсов, в том числе запасов вооружения, военной и специальной техники, а также материально-технических средств;

з) повышение эффективности функционирования системы эксплуатации и ремонта вооружения, военной и специальной техники;

и) создание интегрированных структур материально-технического, социального, медицинского и научного обеспечения в Вооруженных Силах и других войсках, а также учреждений военного образования и подготовки кадров;

к) совершенствование системы информационного обеспечения Вооруженных Сил и других войск;

л) повышение престижа военной службы, всесторонняя подготовка к ней граждан Российской Федерации;

м) обеспечение военно-политического и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами.

31. Основные приоритеты развития военной организации:

а) совершенствование системы управления военной организацией и повышение эффективности ее функционирования;

б) развитие мобилизационной базы военной организации и обеспечение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и других войск;

в) обеспечение необходимой степени укомплектования, оснащения, обеспечения соединений, воинских частей и формирований постоянной готовности и требуемого уровня их подготовки;

г) повышение качества подготовки кадров и военного образования, а также наращивание военно-научного потенциала.

32. Основная задача строительства и развития Вооруженных Сил и других войск — приведение их структуры, состава и численности в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов, текущими и перспективными задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, а также политическими, социально-экономическими, демографическими и военно-техническими условиями и возможностями Российской Федерации.

33. В строительстве и развитии Вооруженных Сил и других войск Российская Федерация исходит из необходимости:

а) совершенствования организационно-штатной структуры и состава видов и родов войск Вооруженных Сил и других войск и оптимизации штатной численности военнослужащих;

б) обеспечения рационального соотношения соединений и воинских частей постоянной готовности и соединений и воинских частей, предназначенных для мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и других войск;

в) повышения качества оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки;

г) совершенствования взаимодействия между видами Вооруженных Сил, родами войск (сил) и другими войсками;

д) обеспечения современными образцами вооружения, военной и специальной техники (материально-техническими средствами) и их качественного освоения;

е) интеграции и скоординированного развития систем технического, тылового и других видов обеспечения Вооруженных Сил и других войск, а также систем военного образования и воспитания, подготовки кадров, военной науки;

ж) подготовки высокопрофессиональных, преданных Отечеству военнослужащих, повышения престижа военной службы.

34. Выполнение основной задачи строительства и развития Вооруженных Сил и других войск достигается путем:

а) формирования и последовательной реализации военной политики;

б) эффективного военно-экономического обеспечения и достаточного финансирования Вооруженных Сил и других войск;

в) повышения качественного уровня оборонно-промышленного комплекса;

г) обеспечения надежного функционирования системы управления Вооруженными Силами и другими войсками в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

д) поддержания способностей экономики страны обеспечить потребности Вооруженных Сил и других войск;

е) поддержания мобилизационной базы в состоянии, обеспечивающем проведение мобилизационного и стратегического развертывания Вооруженных Сил и других войск;

ж) создания сил гражданской обороны постоянной готовности, способных выполнять свои функции в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

з) совершенствования системы дислокации (базирования) Вооруженных Сил и других войск, в том числе за пределами территории Российской Федерации, в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством;

и) создания эшелонированной по стратегическим и операционным направлениям системы военной инфраструктуры;

к) заблаговременного создания запаса мобилизационных ресурсов;

л) оптимизации количества военных образовательных учреждений профессионального образования в сочетании с федеральными государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования, в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программе военной подготовки, а также оснащения их современной материально-технической базой;

м) повышения уровня социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также гражданского персонала Вооруженных Сил и других войск;

н) реализации установленных федеральным законодательством социальных гарантий военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, повышения качества их жизни;

о) совершенствования системы комплектования военнослужащими, проходящими военную службу по контракту и по призыву, с преимущественным укомплектованием должностей рядового и сержантского состава, обеспечивающих боеспособность соединений и воинских частей Вооруженных Сил и других войск, военнослужащими, проходящими военную службу по контракту;

п) укрепления организованности, правопорядка и воинской дисциплины, а также профилактики и пресечения коррупционных проявлений;

р) совершенствования допризывной подготовки и военно-патриотического воспитания граждан;

с) обеспечения государственного и гражданского контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обороны.

Военное планирование

35. Военное планирование организуется и осуществляется в целях реализации согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами мероприятий развития военной организации, а также строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их эффективного применения.

36. Основные задачи военного планирования:

а) определение согласованных целей, задач и мероприятий строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, а также развития соответствующей научно-технической и производственно-технологической базы;

б) выбор оптимальных направлений строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, форм и способов их применения исходя из прогнозов развития военно-политической обстановки, военных опасностей и военных угроз, уровня социально-экономического развития Российской Федерации;

в) достижение соответствия ресурсного обеспечения Вооруженных Сил и других войск задачам их строительства, развития и применения;

г) разработка документов краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного планирования, учет результатов выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;

д) организация контроля выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;

е) своевременная корректировка документов военного планирования.

37. Военное планирование осуществляется в соответствии с Положением о военном планировании в Российской Федерации.

IV. Военно-экономическое обеспечение обороны

38. Основной задачей военно-экономического обеспечения обороны является создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

39. Задачи военно-экономического обеспечения обороны:

а) достижение уровня финансового и материально-технического обеспечения военной организации, достаточного для решения возложенных на нее задач;

б) оптимизация расходов на оборону, рациональное планирование и распределение финансовых и материальных ресурсов, направляемых на обеспечение военной организации, повышение эффективности их использования;

в) своевременное и полное ресурсное обеспечение выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, боевой, специальной и мобилизационной подготовки и других потребностей военной организации;

г) концентрация научных сил, финансовых и материально-технических ресурсов для создания условий качественного оснащения (переоснащения) Вооруженных Сил и других войск;

д) интеграция в определенных сферах производства гражданского и военного секторов экономики, координация военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения обороны;

е) обеспечение правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения;

ж) выполнение обязательств Российской Федерации в соответствии с заключенными ею международными договорами в военно-экономической сфере.

Оснащение Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой

40. Основной задачей оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой является создание и поддержание взаимоувязанной и целостной системы вооружения в соответствии с задачами и предназначением Вооруженных Сил и других войск, формами и способами их применения, экономическими и мобилизационными возможностями Российской Федерации.

41. Задачи оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой:

а) комплексное оснащение (переоснащение) современными образцами вооружения, военной и специальной техники стратегических ядерных сил, соединений и воинских частей постоянной готовности сил общего назначения, антитеррористических формирований, инженерно-технических воинских формирований и дорожно-строительных воинских формирований, а также поддержание их в состоянии, обеспечивающем их боевое применение;

б) создание многофункциональных (многоцелевых) средств вооружения, военной и специальной техники с использованием унифицированных компонентов;

в) развитие сил и средств информационного противоборства;

г) качественное совершенствование средств информационного обмена на основе использования современных технологий и международных стандартов, а также единого информационного поля Вооруженных Сил и других войск как части информационного пространства Российской Федерации;

д) обеспечение функционального и организационно-технического единства систем вооружения Вооруженных Сил и других войск;

е) создание новых образцов высокоточного оружия и развитие их информационного обеспечения;

ж) создание базовых информационно-управляющих систем и их интеграция с системами управления оружием и комплексами средств автоматизации органов управления стратегического, оперативно-стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического уровней.

42. Реализация задач оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой предусматривается в государственной программе вооружения и других

государственных программах (планах). Оперативные решения по разработке военной и специальной техники в случае оснащения иностранного государства новыми видами вооружения принимаются Правительством Российской Федерации.

Обеспечение Вооруженных Сил и других войск материальными средствами

43. Обеспечение Вооруженных Сил и других войск материальными средствами, их накопление и содержание осуществляются в рамках интегрированных и скоординированных систем технического и тылового обеспечения.

Основная задача обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в мирное время — накопление, эшелонированное размещение и содержание запасов материальных средств, обеспечивающих мобилизационное и стратегическое развертывание войск (сил) и ведение военных действий (исходя из сроков перевода экономики, отдельных ее отраслей и организаций промышленности на работу в условиях военного времени) с учетом физико-географических условий стратегических направлений и возможностей транспортной системы.

Основная задача обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в период непосредственной угрозы агрессии — дообеспечение войск (сил) материальными средствами по штатам и нормам военного времени.

44. Основные задачи обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в военное время:

а) подача запасов материальных средств с учетом предназначения группировок войск (сил), порядка, сроков их формирования и предполагаемой продолжительности ведения военных действий;

б) восполнение потерь вооружения, военной и специальной техники и материальных средств в ходе ведения военных действий с учетом возможностей Вооруженных Сил и других войск, организаций промышленности по поставкам, ремонту вооружения, военной и специальной техники.

Развитие оборонно-промышленного комплекса

45. Основной задачей развития оборонно-промышленного комплекса является обеспечение его эффективного функционирования

как высокотехнологичного многопрофильного сектора экономики страны, способного удовлетворить потребности Вооруженных Сил и других войск в современном вооружении, военной и специальной технике и обеспечить стратегическое присутствие Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичных продукции и услуг.

46. К задачам развития оборонно-промышленного комплекса относятся:

а) совершенствование оборонно-промышленного комплекса на основе создания и развития крупных научно-производственных структур;

б) совершенствование системы межгосударственной кооперации в области разработки, производства и ремонта вооружения и военной техники;

в) обеспечение технологической независимости Российской Федерации в области производства стратегических и других образцов вооружения, военной и специальной техники в соответствии с государственной программой вооружения;

г) совершенствование системы гарантированного материально-сырьевого обеспечения производства и эксплуатации вооружения, военной и специальной техники на всех этапах жизненного цикла, в том числе отечественными комплектующими изделиями и элементной базой;

д) формирование комплекса приоритетных технологий, обеспечивающих разработку и создание перспективных систем и образцов вооружения, военной и специальной техники;

е) сохранение государственного контроля над стратегически значимыми организациями оборонно-промышленного комплекса;

ж) активизация инновационно-инвестиционной деятельности, позволяющей проводить качественное обновление научно-технической и производственно-технологической базы;

з) создание, поддержание и внедрение военных и гражданских базовых и критических технологий, обеспечивающих создание, производство и ремонт находящихся на вооружении и перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники, а также обеспечивающих технологические прорывы или создание опережающего научно-технологического задела в целях разработки принципиально новых образцов вооружения, военной и специальной техники, обладающих ранее недостижимыми возможностями;

и) совершенствование системы программно-целевого планирования развития оборонно-промышленного комплекса в целях повышения эффективности оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой, обеспечения мобилизационной готовности оборонно-промышленного комплекса;

к) разработка и производство перспективных систем и образцов вооружения, военной и специальной техники, повышение качества и конкурентоспособности продукции военного назначения;

л) совершенствование механизма размещения заказов на поставки продукции, выполнение работ и оказание услуг для федеральных нужд;

м) реализация предусмотренных федеральным законодательством мер экономического стимулирования исполнителей государственного оборонного заказа;

н) совершенствование деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса путем внедрения организационно-экономических механизмов, обеспечивающих их эффективное функционирование и развитие;

о) совершенствование кадрового состава и наращивание интеллектуального потенциала оборонно-промышленного комплекса, обеспечение социальной защищенности работников оборонно-промышленного комплекса.

Мобилизационная подготовка экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций

47. Основная задача мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций заключается в заблаговременной подготовке к переводу на работу в условиях военного времени, удовлетворении потребностей Вооруженных Сил и других войск, а также в обеспечении государственных нужд и нужд населения в военное время.

48. Задачи мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций:

а) совершенствование мобилизационной подготовки и повышение мобилизационной готовности Российской Федерации;

б) совершенствование нормативно-правовой базы мобилизационной подготовки и перевода экономики и организаций на работу в условиях военного времени;

в) подготовка системы управления экономикой к устойчивому и эффективному функционированию в период мобилизации, в период военного положения и в военное время;

г) разработка мобилизационных планов экономики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, мобилизационных планов организаций;

д) создание, развитие и сохранение мобилизационных мощностей для производства продукции, необходимой для удовлетворения потребностей Российской Федерации, Вооруженных Сил и других войск, а также нужд населения в военное время;

е) создание и подготовка специальных формирований, предназначенных для передачи в Вооруженные Силы и другие войска при объявлении мобилизации или использования в их интересах, а также в интересах экономики Российской Федерации;

ж) подготовка техники, предназначенной для поставки в Вооруженные Силы и другие войска по мобилизации;

з) создание, сохранение и обновление запасов материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, неснижаемых запасов продовольственных товаров и нефтепродуктов;

и) создание и сохранение страхового фонда документации на вооружение и военную технику, важнейшую гражданскую продукцию, объекты повышенного риска, системы жизнеобеспечения населения и объекты, являющиеся национальным достоянием;

к) подготовка финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения к особому режиму функционирования в период мобилизации, в период военного положения и в военное время;

л) создание условий для работы органов управления всех уровней, в том числе создание запасных пунктов управления;

м) организация воинского учета;

н) бронирование граждан на период мобилизации и на военное время;

о) организация совместной мобилизационной подготовки органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, имеющих мобилизационные задания, а также

обеспечивающих мобилизационные мероприятия по переводу Вооруженных Сил и других войск на организацию и состав военного времени.

Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами

49. Российская Федерация осуществляет военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами (далее — военно-политическое и военно-техническое сотрудничество), международными, в том числе региональными, организациями на основе внешнеполитической, экономической целесообразности и в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации.

50. Задачи военно-политического сотрудничества:

а) укрепление международной безопасности и выполнение международных обязательств Российской Федерации;

б) формирование и развитие союзнических отношений с государствами — членами ОДКБ и государствами — участниками СНГ, дружественных и партнерских отношений с другими государствами;

в) развитие переговорного процесса по созданию региональных систем безопасности с участием Российской Федерации;

г) развитие отношений с международными организациями по предотвращению конфликтных ситуаций, сохранению и укреплению мира в различных регионах, в том числе с участием российских воинских контингентов в миротворческих операциях;

д) сохранение равноправных отношений с заинтересованными государствами и международными организациями для противодействия распространению оружия массового поражения и средств его доставки.

51. Основные приоритеты военно-политического сотрудничества:

а) с Республикой Беларусь:

координация деятельности в области развития национальных вооруженных сил и использования военной инфраструктуры;

выработка и согласование мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства в соответствии с Военной доктриной Союзного государства;

б) с государствами — членами ОДКБ — консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны;

в) с другими государствами — участниками СНГ — обеспечение региональной и международной безопасности, осуществление миротворческой деятельности;

г) с государствами ШОС — координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы;

д) с ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями — вовлечение представителей Вооруженных Сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных Сил и других войск в операциях по поддержанию мира.

52. Задачей военно-технического сотрудничества является реализация целей и основных принципов государственной политики в этой области, которые определены федеральным законодательством.

53. Основные направления военно-технического сотрудничества определяются соответствующими концепциями, утверждаемыми Президентом Российской Федерации.

* * *

Положения Военной доктрины могут уточняться с изменением характера военных опасностей и военных угроз, задач в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также условий развития Российской Федерации.

Приложение № 5. Указ Президента РФ «Концепция внешней политики Российской Федерации» от 12 февраля 2013 г. (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640 утратила силу)

I. Общие положения

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция) представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации.

2. Нормативно-правовую основу Концепции составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Военная доктрина Российской Федерации, нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере внешней политики, и другие аналогичные документы.

3. Стремительное ускорение глобальных процессов в первом десятилетии XXI века, усиление новых тенденций в мировом развитии требуют по-новому взглянуть на ключевые направления динамично меняющейся ситуации в мире, переосмыслить приоритеты внешней политики России с учетом ее возросшей ответственности за формирование международной повестки дня и основ международной системы.

4. В соответствии с высшим приоритетом национальной безопасности — обеспечением защищенности личности, общества и государства — главные внешнеполитические усилия должны быть сосредоточены на достижении следующих основных целей:

а) обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных и конкурентоспособных центров современного мира;

б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого и динамичного роста экономики России, ее технологической модернизации и перевода на инновационный путь развития, повышения уровня и качества жизни населения, укрепления правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека;

в) активное продвижение курса на всемерное укрепление международного мира, всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой и демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава ООН, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения;

г) формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах;

д) развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и форумами на основе принципов уважения

независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов. Развертывание широкого и недискриминационного международного сотрудничества, содействие становлению гибких внеблоковых сетевых альянсов, активное участие в них России;

е) укрепление торгово-экономических позиций России в системе мирохозяйственных связей, дипломатическое сопровождение интересов отечественных экономических операторов за рубежом, недопущение дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций, использование возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций в этих целях;

ж) всесторонняя защита прав и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, отстаивание в различных международных форматах российских подходов по теме защиты прав человека;

з) распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация культурных достижений народов России, консолидация русской диаспоры за рубежом;

и) содействие развитию конструктивного диалога и партнерства между цивилизациями в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и религий.

II. Современный мир и внешняя политика Российской Федерации

5. Главной, знаковой чертой современного этапа международного развития являются глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте, мощным катализатором которых стал глобальный финансово-экономический кризис. Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы. Этот процесс проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым.

6. Продолжают сокращаться возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его

смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. Выход на авансцену мировой политики и экономики новых игроков на фоне стремления западных государств сохранить свои привычные позиции сопряжен с усилением глобальной конкуренции, что проявляется в нарастании нестабильности в международных отношениях.

7. На фоне снижения опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной, меняется военное соотношение сил между различными государствами и группами государств. Стремление к наращиванию и модернизации наступательных потенциалов, созданию и развертыванию новых видов вооружений размывает структуру глобальной безопасности, цементируемую системой договоров и соглашений в области контроля над вооружениями.

8. В условиях глобальной турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности», а единственно надежной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам.

9. На современном этапе традиционные военно-политические союзы не могут обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру. На смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач.

10. На передний план выдвигаются, наряду с военной мощью, такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все больший вес приобретают вопросы обеспечения устойчивого развития, духовного и интеллектуального развития населения, роста его благосостояния, повышения уровня инвестиций в человека. Экономическая взаимозависимость государств является одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности.

11. Осязаемо заявляют о себе финансово-экономические вызовы на фоне накопления кризисных элементов в мировой экономике.

Нерешенность структурных проблем и затяжная депрессия в ведущих странах Запада негативно влияют на глобальное развитие. Незавершенность восстановительных процессов в условиях долгового кризиса в Европе и продолжающегося сползания еврозоны в рецессию представляет серьезные риски для будущего. Особую актуальность приобретают международные усилия по созданию новых, более сбалансированных и отвечающих реалиям глобализации мировых торговой и валютно-финансовой систем.

12. Возрастает конкуренция вокруг распределения стратегических ресурсов, которая лихорадит сырьевые биржи и рынки. Качественные трансформации происходят в энергетической сфере, что связано, в том числе, с использованием инновационных технологий добычи трудноизвлекаемых запасов углеводородов. В то время, когда для обеспечения экономической безопасности государств, все больше требуется диверсификация их присутствия на мировых рынках, наблюдается ужесточение необоснованных ограничений и других дискриминационных мер.

13. Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики. Все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира.

14. Оборотной стороной процессов глобализации становится тенденция повышения значения фактора цивилизационной идентичности. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчетливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения исламских ценностей. Схожие процессы наблюдаются и в других регионах, что выводит в разряд первоочередных приоритетов мировой политики задачу предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества. В этих условиях попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах, а в конечном итоге — сползанием к хаосу

и неуправляемости в международных отношениях. Негативно на перспективы укрепления глобальной стабильности влияет обозначающаяся тенденция реидеологизации международных отношений.

15. Опасность для международного мира и стабильности представляют попытки регулировать кризисы путем применения вне рамок Совета Безопасности ООН одностороннего санкционного давления и иных мер силового воздействия, включая вооруженную агрессию. В отдельных случаях открыто игнорируются основополагающие международно-правовые принципы неприменения силы, прерогативы Совета Безопасности ООН, допускается произвольное прочтение его резолюций, реализуются концепции, направленные на свержение законной власти в суверенных государствах с использованием лозунгов защиты гражданского населения. Применение принудительных мер и вооруженной силы в обход Устава ООН и Совета Безопасности ООН неспособно устранить глубокие социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов. Оно лишь ведет к расширению конфликтного пространства, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь.

16. На первый план в современной международной политике выходят имеющие трансграничную природу новые вызовы и угрозы, стремительно возрастают их уровни, диверсифицируются их характер и география. Прежде всего, это опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений, провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, глобальная бедность, экологические и санитарно-эпидемиологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности.

17. Глубоко трансформируется транснациональная организованная преступность, приобретающая в условиях глобализации макроэкономическое измерение, что приводит к появлению новых криминальных «центров силы», аккумулирующих значительные

ресурсы и последовательно расширяющих сферы своего влияния, в том числе путем проникновения во властные структуры различных государств, финансовые и экономические институты, установления связей с террористическими и экстремистскими организациями.

18. Глобальные вызовы и угрозы требуют адекватного ответа со стороны международного сообщества, его солидарных усилий при центральной координирующей роли ООН и с учетом объективной взаимосвязанности вопросов безопасности, обеспечения устойчивого развития и защиты прав человека.

19. В условиях децентрализации глобальной системы управления укрепляется ее региональный уровень как основа — наряду с ООН — полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность. Новые центры экономического роста и политического влияния все чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Региональная интеграция становится действенным инструментом повышения конкурентоспособности ее участников. Сетевые форматы и объединения, торговые пакты и иные экономические договоренности, усиление роли региональных резервных валют являются факторами укрепления безопасности и финансово-экономической стабильности.

20. Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом.

21. Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных

действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие.

22. Внешняя политика является одним из важнейших инструментов поступательного развития страны, обеспечения ее конкурентоспособности в глобализирующемся мире.

23. Российская Федерация, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участницей целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов межгосударственного диалога и сотрудничества, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая отношения с ведущими государствами и объединениями в различных частях мира в рамках многовекторного внешнеполитического курса, последовательно интегрируясь в мировую экономику и политику в качестве ответственного и конструктивного члена международного сообщества, способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня, решению глобальных и региональных проблем.

24. Фундаментальный характер и стремительный темп перемен создают для Российской Федерации, наряду с серьезными рисками, одновременно и новые возможности. Россия проводит самостоятельный и независимый внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и опирающийся на безусловное уважение международного права.

25. Внешняя политика России является открытой, предсказуемой и прагматичной. Она характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны как уравновешивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации.

26. Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в целях решения общих задач. Россия будет работать на опережение и упреждение событий, оставаясь готовой к любому варианту развития международной обстановки.

III. Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем

27. Многообразие и сложность международных проблем и кризисных ситуаций предполагают своевременную прогнозную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Использование политико-дипломатических, правовых, военных, экономических, финансовых и иных инструментов при решении внешнеполитических задач должно быть соразмерно их реальному значению для обеспечения внешнеполитических интересов России и осуществляться при должной скоординированности действий всех ветвей власти и соответствующих ведомств.

Формирование нового мироустройства

28. Россия проводит политику, направленную на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств. Такая система призвана обеспечить надежную и равную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, информационной, гуманитарной и иных областях.

29. Центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена уникальной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной и координирующей роли. Это предполагает:

а) обеспечение незыблемости ключевых положений и принципов Устава ООН, всемерное укрепление ее потенциала в целях рационального адаптирования ООН к новым мировым реалиям при сохранении ее межгосударственной природы;

б) дальнейшее повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание этому органу в процессе рационального реформирования ООН большей представительности при обеспечении должной оперативности в его работе. Любые решения по созданию дополнительных мест в Совете Безопасности ООН должны приниматься на осно-

ве самого широкого согласия государств — членов ООН. Статус пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН должен быть сохранен.

30. Россия придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. В этих целях Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как «Группа двадцати», БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), «Группа восьми», ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), РИК (Россия, Индия и Китай), а также с использованием других структур и диалоговых площадок.

Верховенство права в международных отношениях

31. Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ в международных отношениях, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Поддержание и укрепление международной законности — одно из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене. Верховенство права призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств, при соблюдении баланса их зачастую не совпадающих интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом. Россия намерена:

а) поддерживать коллективные усилия по укреплению правовых основ в межгосударственных отношениях;

б) противодействовать попыткам отдельных государств или групп государств подвергать ревизии общепризнанные нормы международного права, отраженные в универсальных документах — Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года, а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (г.Хельсинки, 1 августа 1975 г.). Для международного мира и правопорядка особенно опасно осуществляемое в угоду политической конъюнктуре и интересам отдельных государств произвольное толкование важнейших международно-правовых

норм и принципов, таких как: неприменение силы или угрозы силой, мирное разрешение международных споров, уважение суверенитета государств и их территориальной целостности, право народов на самоопределение. Опасны также попытки выдать нарушения международного права за его «творческое» применение. Недопустимо, чтобы под предлогом реализации концепции «ответственности по защите» осуществлялись военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, подрывающие устои международного права, основанные на принципе суверенного равенства государств;

в) содействовать кодификации и прогрессивному развитию международного права, прежде всего, осуществляемым под эгидой ООН, достижению универсального участия в международных договорах ООН, их единообразному толкованию и применению;

г) продолжать усилия по совершенствованию санкционного инструментария ООН, вести дело к тому, чтобы решения о введении санкций принимались только Советом Безопасности ООН на коллегиальной основе после всесторонней проработки, прежде всего с учетом их эффективности для решения задач поддержания международного мира и безопасности и ненанесения ущерба гуманитарной ситуации;

д) вести дело к завершению международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации, а также границ морского пространства, в отношении которого она осуществляет суверенные права и юрисдикцию, при безусловном обеспечении национальных интересов России, прежде всего в сфере безопасности и экономики, исходя из задачи укрепления доверия и сотрудничества с сопредельными государствами.

Укрепление международной безопасности

32. Россия последовательно выступает за снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. В этих целях Российская Федерация:

а) неукоснительно соблюдает свои международные обязательства по международным договорам в сфере контроля над вооружениями, а также принимает меры по укреплению доверия в военной сфере, добиваясь того же от своих партнеров; участвует в разработке и заключении новых договоренностей в этих областях,

отвечающих ее национальным интересам и учитывающих все без исключения факторы, влияющие на стратегическую стабильность, на основе принципов равноправия и неделимости безопасности;

б) придает приоритетное значение выполнению Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений;

в) подтверждает неизменность курса на создание многосторонних политических и правовых основ универсального и прочного режима нераспространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки; выступает за соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия, Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, а также Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении; активно участвует в деятельности многосторонних режимов экспортного контроля, а также в международных усилиях в сфере контроля за оборотом материалов и технологий двойного назначения, содействует скорейшему вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний; выступает за создание глобального режима ракетного нераспространения на основе юридически обязывающей договоренности и за придание глобального характера обязательствам по Договору между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности;

г) поддерживает процесс создания зон, свободных от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения;

д) выступает за укрепление технической и физической ядерной безопасности в глобальном масштабе, в частности за совершенствование международно-правовых механизмов обеспечения ядерной безопасности и предотвращения актов ядерного терроризма;

е) выступает за предотвращение размещения оружия в космосе, включая заключение соответствующего международного договора, развитие мер транспарентности и доверия в космической деятельности, создание системы коллективного реагирования на равноправной основе на возможные ракетные вызовы и против односторонних ничем не ограниченных действий по наращиванию

противоракетной обороны одним государством или группой государств, наносящих ущерб стратегической стабильности и международной безопасности;

ж) в интересах решения проблем стратегической стабильности выступает за развитие двустороннего и многостороннего взаимодействия государств, прежде всего обладающих ядерным оружием, в целях обеспечения общей безопасности в духе стратегической открытости, в том числе в сфере доступности для всех заинтересованных стран благ «мирного атома»;

з) будет принимать необходимые меры в интересах обеспечения национальной и международной информационной безопасности, предотвращения угроз политической, экономической и общественной безопасности государства, возникающих в информационном пространстве, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами в сфере применения информационно-коммуникационных технологий, противодействовать их использованию в военно-политических целях, противоречащих международному праву, включая действия, направленные на вмешательство во внутренние дела, а также представляющие угрозу международному миру, безопасности и стабильности;

и) будет добиваться выработки под эгидой ООН правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности;

к) поддерживает международные усилия по противодействию незаконному обороту легкого и стрелкового оружия;

л) в контексте усилий по укреплению региональной стабильности в Европе будет добиваться приведения европейского режима контроля над обычными вооружениями в соответствие с современными реалиями, а также безусловного соблюдения всеми сторонами согласованных мер укрепления доверия и безопасности;

м) считая международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач государственного строительства на посткризисной стадии, намерена участвовать в международной миротворческой деятельности под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с региональными и международными организациями; будет вносить активный вклад в совершенствование превентивного антикризисного потенциала ООН;

н) при подготовке решений Совета Безопасности ООН в области обеспечения международной безопасности, включая учреждение новых миротворческих операций или продление действующих, твердо выступает за разработку четких, не допускающих произвольных интерпретаций миротворческих мандатов, особенно связанных с применением силы, и обеспечение строгого контроля за их реализацией;

о) рассматривает статью 51 Устава ООН как адекватную и не подлежащую ревизии правовую основу для применения силы в порядке самообороны, в том числе в условиях существования таких угроз миру и безопасности, как международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения;

п) рассматривает в качестве важнейшей национальной и внешнеполитической задачи борьбу с международным терроризмом, выступает за системное и комплексное использование политико-правовых, информационно-пропагандистских, социально-экономических и специальных мер с упором на превентивную составляющую такого противодействия на основе глобальных и региональных антитеррористических конвенций;

р) в соответствии с международным правом и своим законодательством применяет все необходимые меры по отражению и предотвращению террористических нападений на Россию и ее граждан, по их защите от террористических актов, по недопущению на своей территории деятельности, имеющей целью организацию подобных актов против граждан и интересов других стран, по непредоставлению убежища и трибуны террористам и подстрекателям к террору, по предотвращению и пресечению финансирования терроризма;

с) добивается политико-дипломатического урегулирования региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что современные конфликты не имеют силовых решений и их урегулирование следует искать через вовлечение всех сторон в диалог и переговоры, а не через изоляцию какой-либо из них;

т) целенаправленно противодействует незаконному обороту наркотиков и организованной преступности, сотрудничая с другими государствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных органов, и на двусторонней основе, в том числе в целях сохранения и укрепления международной системы контроля над наркотиками;

у) поддерживает создание под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия по реагированию на стихийные бедствия и крупные техногенные катастрофы, другие чрезвычайные ситуации, включая наращивание возможностей по преодолению их последствий и укрепление систем раннего предупреждения и прогнозирования; обладая уникальным опытом, техническими и кадровыми ресурсами, является важной и эффективной частью глобальной и трансъевропейской систем борьбы с чрезвычайными ситуациями;

ф) участвует в международном сотрудничестве по регулированию процессов миграции, обеспечению прав трудящихся-мигрантов;

х) как многонациональное и многоконфессиональное государство, имеющее многовековой опыт гармоничного сосуществования представителей различных народов, этнических групп и вероисповеданий, способствует диалогу и партнерству между культурами, религиями и цивилизациями, в том числе в рамках ООН, других международных и региональных организаций; поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества, активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны, противодействует экстремизму, радикализации общественных настроений, нетерпимости, дискриминации и разделению по этническому, конфессиональному, лингвистическому, культурному и другим признакам.

Международное экономическое и экологическое сотрудничество

33. Своими высокими темпами экономического роста, основанного на стабильном экспортном и расширяющемся внутреннем спросе, уникальными природными и накопленными финансовыми ресурсами, ответственной социально-экономической политикой Россия вносит значительный вклад в обеспечение стабильности глобальной экономики и финансов, участвует в международных усилиях по предотвращению и преодолению кризисных явлений. Россия намерена активно содействовать формированию справедливой и демократической глобальной торгово-экономической и валютно-финансовой архитектуры, определению ориентиров

международного развития, исходя из того, что общность модернизационных вызовов открывает дополнительные перспективы углубления международного экономического сотрудничества.

34. Основные задачи России в сфере международных экономических отношений с учетом приоритетов инновационного развития страны заключаются в обеспечении ее равноправных позиций в современной системе мирохозяйственных связей, сведении к минимуму рисков, возникающих при интеграции в мировую экономику, в том числе в контексте вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) и присоединения к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Для решения этих задач Российская Федерация:

а) принимает меры торговой политики для защиты собственных интересов в соответствии с международными правилами и противодействует торгово-политическим мерам иностранных государств, ущемляющим права Российской Федерации и российских предприятий;

б) добивается адекватного учета российских интересов и подходов при выработке в рамках крупнейших международных форумов коллективной позиции по наиболее актуальным аспектам международного развития и функционирования мировой экономики, включая определение глобальной повестки дня в области укрепления энергетической и продовольственной безопасности, совершенствования режима торгового и транспортного сотрудничества;

в) создает благоприятные политические условия для диверсификации российского присутствия на мировых рынках за счет расширения номенклатуры экспорта и географии внешнеэкономических и инвестиционных связей России;

г) оказывает государственное содействие российским предприятиям и компаниям в освоении новых и развитии традиционных рынков, противодействует дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров;

д) содействует модернизации и диверсификации российской экономики, а также повышению доли наукоемких, инновационных и других приоритетных отраслей в общеэкономической структуре за счет привлечения передовых зарубежных научно-технических знаний и технологий, методов хозяйствования и ведения деловых операций, а также иностранных инвестиций;

е) укрепляет стратегическое партнерство с ведущими производителями энергетических ресурсов, активно развивает диалог со странами-потребителями и странами транзита, исходя из того, что меры, гарантирующие надежность поставок энергоресурсов, должны последовательно подкрепляться встречными мероприятиями по обеспечению стабильности спроса и надежности транзита;

ж) принимает меры для закрепления за Российской Федерацией статуса ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, в том числе посредством расширения участия в формируемых трансконтинентальных маршрутах грузоперевозок;

з) активно использует возможности региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов Российской Федерации в соответствующих регионах, уделяя особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств.

35. Российская Федерация выступает за расширение международного сотрудничества в целях обеспечения экологической безопасности и противодействия изменению климата на планете, в том числе с привлечением новейших энерго- и ресурсосберегающих технологий, в интересах всего мирового сообщества. Среди приоритетов в данной сфере — дальнейшая разработка научно обоснованных подходов к сохранению благоприятной природной среды и наращивание взаимодействия со всеми государствами по вопросам охраны окружающей природной среды для обеспечения устойчивого развития нынешнего и будущих поколений.

36. Россия рассматривает устойчивое социально-экономическое развитие всех стран как необходимый элемент современной системы коллективной безопасности и исходит из того, что содействие международному развитию должно быть нацелено на поиск эффективных путей поддержки усилий по ликвидации дисбалансов в развитии различных регионов. В этих целях Россия, используя свой донорский потенциал, проводит активную и целенаправленную политику в сфере содействия международному развитию как на многостороннем, так и на двустороннем уровне.

37. Россия поддерживает международное сотрудничество в области охраны здоровья при ведущей роли Всемирной организации

здравоохранения в качестве одного из приоритетов глобальной повестки дня, неотъемлемого компонента обеспечения устойчивого развития.

38. В условиях возрастающего как с экономической точки зрения, так и в плане укрепления безопасности значения морских пространств актуальной задачей становится их эффективное использование. Российская Федерация будет добиваться обеспечения отвечающих национальным интересам режимов безопасного судоходства, включая борьбу с морским пиратством, ответственного рыболовства и научно-исследовательской деятельности в Мировом океане в сочетании с мерами по защите морской среды, борьбе с международным терроризмом. Россия намерена установить в соответствии с международным правом внешние границы своего континентального шельфа, расширяя тем самым возможности для разведки и разработки его минеральных ресурсов.

Международное гуманитарное сотрудничество и права человека

39. Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, видит свои задачи в том, чтобы:

а) добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей каждого государства, осуществлять мониторинг ситуации с соблюдением прав человека в мире, способствовать привлечению к решению задач в данной сфере российских институтов гражданского общества, таких как Общественная палата Российской Федерации, неправительственные организации внешнеполитической направленности, содействуя их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве;

б) способствовать гуманизации социальных систем во всем мире в целях обеспечения прав и основных свобод человека в политической, экономической, социальной и культурной областях;

в) обеспечивать дальнейшее комплексное развитие в соответствии с современными требованиями системы дипломатической и консульской защиты российских граждан, пребывающих

за рубежом, в пределах, допускаемых международным правом и международными договорами Российской Федерации, в целях повышения ее эффективности, включая меры по расширению сети заграничных консульских учреждений;

г) защищать права и законные интересы соотечественников, проживающих за рубежом, на основе международного права и международных договоров Российской Федерации, рассматривая многомиллионную русскую диаспору в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры;

д) способствовать консолидации организаций соотечественников в целях более эффективного обеспечения ими своих прав в странах проживания, сохранению этнокультурной самобытности русской диаспоры и ее связей с исторической Родиной, последовательно создавать условия для содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию тех соотечественников, кто сделает такой выбор;

е) способствовать изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения;

ж) развивать межгосударственные культурные и гуманитарные связи славянских народов;

з) твердо противодействовать проявлениям экстремизма, неонацизма, любых форм расовой дискриминации, агрессивного национализма, антисемитизма и ксенофобии, попыткам переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны, способствовать деполитизации исторических дискуссий, переводу их исключительно в академическое русло;

и) привлекать институты гражданского общества к решению международных проблем в целях повышения эффективности российской внешней политики;

к) развивать, в том числе используя потенциал институтов гражданского общества в сфере общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу;

л) наращивать взаимодействие с международными и неправительственными правозащитными организациями в целях укрепления универсальных, без двойных стандартов норм защиты прав человека, их сопряжения с ответственностью личности за свои действия, прежде всего в плане недопущения оскорбления чувств верующих и укоренения толерантности, укрепления в диалоге по правам человека нравственных начал;

м) расширять участие Российской Федерации в международных договорах в области прав человека;

н) расширять правовые рамки международного сотрудничества с целью повышения уровня защиты прав и законных интересов российских детей, проживающих за рубежом;

о) работать над созданием положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества, а также участия в программах помощи развивающимся странам, формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире, совершенствовать систему применения «мягкой силы», искать оптимальные формы деятельности на этом направлении, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику и опирающиеся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом и экспертами, продолжить формирование нормативной базы в указанной сфере.

Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности

40. Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки.

41. В рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную

поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности. В этой деятельности будут широко использоваться возможности новых информационно-коммуникационных технологий. Россия будет добиваться формирования комплекса правовых и этических норм безопасного использования таких технологий.

IV. Региональные приоритеты

42. Приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ, дальнейшее укрепление СНГ — основы углубления регионального взаимодействия его участников, имеющих не только общее историческое наследие, но и обширный потенциал интеграции в различных сферах.

43. Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств — участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга, стремясь к интенсификации интеграционных процессов на пространстве Содружества. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества.

44. Россия считает приоритетной задачу формирования Евразийского экономического союза, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств. Строящийся на универсальных интеграционных принципах новый союз призван стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

45. Россия намерена активно способствовать развитию взаимодействия государств — участников СНГ в гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия, которое в условиях глобализации является важным ресурсом СНГ в целом и каждого государства — участника Содружества в отдельности. Особое внимание будет уделяться поддержке соотечественников, проживающих в государствах — участниках СНГ, согласованию договоренностей о защите их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод.

46. Россия будет наращивать сотрудничество с государствами — участниками СНГ в сфере обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной преступности, незаконной миграции. Первостепенными задачами являются нейтрализация указанных угроз, исходящих с территории Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье.

47. В качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Сохраняется актуальность дальнейшей трансформации ОДКБ в универсальную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и угрозам в условиях усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах.

48. В этих целях Россия будет:

а) работать над дальнейшей реализацией потенциала СНГ, его укреплением в качестве влиятельной региональной организации, форума для многостороннего политического диалога и механизма многопланового сотрудничества в сферах экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами;

б) содействовать практической реализации Договора о зоне свободной торговли, призванного качественно модернизировать нормативно-правовую базу торгово-экономического сотрудничества государств — участников СНГ;

в) расширять взаимодействие с Белоруссией в рамках Союзного государства в целях углубления интеграционных процессов во всех сферах;

г) активно поддерживать процесс евразийской экономической интеграции, реализуя совместно с Белоруссией и Казахстаном задачу преобразования Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и формирования Евразийского экономического союза, содействовать привлечению к этой работе других государств — членов ЕврАзЭС, предпринимать шаги по дальнейшему развитию и совершенствованию механизмов и нормативно-правовой базы

Таможенного союза и Единого экономического пространства, способствовать укреплению Евразийской экономической комиссии как единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза и Единого экономического пространства;

д) выстраивать отношения с Украиной как приоритетным партнером в СНГ, содействовать ее подключению к углубленным интеграционным процессам;

е) способствовать развитию ОДКБ в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности и обеспечения безопасности в зоне ответственности Организации, делая акцент на укреплении механизмов оперативного реагирования, ее миротворческого потенциала, а также на совершенствовании внешнеполитической координации государств — членов ОДКБ.

49. Россия продолжит играть активную роль в политико-дипломатическом урегулировании конфликтов на пространстве СНГ, в частности будет участвовать в поиске путей решения приднестровской проблемы на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и нейтрального статуса Республики Молдова при определении особого статуса Приднестровья, способствовать урегулированию нагорно-карабахского конфликта во взаимодействии с другими государствами — сопредседателями Минской группы ОБСЕ и на основе принципов, изложенных в совместных заявлениях президентов России, США и Франции, сделанных в 2009 — 2011 годах.

50. Уважая право партнеров по Содружеству на выстраивание отношений с другими международными субъектами, Россия выступает за всеобъемлющее выполнение государствами — участниками СНГ взятых на себя обязательств в рамках региональных интеграционных структур с российским участием, обеспечение дальнейшего развития интеграционных процессов и взаимовыгодного сотрудничества на пространстве СНГ.

51. В числе российских приоритетов остается содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению.

52. Россия заинтересована в нормализации отношений с Грузией в тех сферах, в которых к этому готова грузинская сторона, при учете политических реалий, сложившихся в Закавказье.

53. Подходы России к всестороннему взаимодействию с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах будут выстраиваться с учетом сохранения приверженности целям и принципам Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма сотрудничества пяти Прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений.

54. Приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни. С учетом растущей востребованности коллективных усилий государств перед лицом транснациональных вызовов и угроз Россия выступает за достижение единства региона без разделительных линий, через обеспечение подлинно партнерского взаимодействия России, Европейского союза и США.

55. Российская внешняя политика на евро-атлантическом направлении ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязательную форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в каких-либо военно-политических союзах.

56. Основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана.

57. Россия заинтересована в углублении сотрудничества с Европейским союзом как основным торгово-экономическим и важным внешнеполитическим партнером, выступает за укрепление взаимодействия, подчеркивая актуальность задачи формирования четырех общих пространств: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты. Россия выступает за заключение с Европейским союзом нового базового соглашения о стратегическом партнерстве на принципах равноправия и взаимной выгоды, будет способствовать эффективной реализации совместной инициативы Россия — ЕС «Партнерство для модернизации», развитию взаимовыгодного энергетического

сотрудничества в целях создания объединенного энергетического комплекса Европы на основе строгого соблюдения имеющихся двусторонних и многосторонних договорных обязательств. Перспективной задачей является построение единого рынка с Европейским союзом.

58. Особое место в отношениях России и Европейского союза занимает задача взаимной отмены виз для краткосрочных поездок граждан. Визовый режим остается одним из основных барьеров на пути развития человеческих и экономических контактов между Россией и Европейским союзом. Его отмена станет мощным импульсом для реальной интеграции России и Европейского союза.

59. Учитывая значимую роль Европейского союза в международных делах, Россия настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного политического диалога с Европейским союзом по основным вопросам внешнеполитической повестки дня, дальнейшее развитие практического взаимодействия во внешне- и военно-политической сферах, создание соответствующих механизмов сотрудничества в области внешней политики и безопасности, с тем чтобы придать работе характер совместного принятия решений с их последующей совместной реализацией.

60. Важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, содействия переводу российской экономики на инновационный путь развития является активизация взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Нидерландами и другими государствами Европы. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией.

61. Россия продолжит усилия по укреплению Совета Европы как самостоятельной универсальной европейской организации, обеспечивающей за счет своих уникальных конвенционных механизмов единство правового и гуманитарного пространств континента.

62. Россия рассматривает Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в качестве важного механизма строительства равной и неделимой системы общеевропейской безопасности и заинтересована в укреплении ее роли и авторитета. Предпосылкой повышения востребованности ОБСЕ является фокусирование приоритетов деятельности Организации на действи-

тельно острых проблемах современности, прежде всего связанных с противодействием транснациональным вызовам и угрозам безопасности, а также разработка ее устава и реформирование работы исполнительных структур ОБСЕ в целях обеспечения надлежащих прерогатив коллективных межправительственных органов.

63. Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, реальным шагам по продвижению к общему пространству мира, безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе на принципах взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия — НАТО обязательства по необеспечению своей безопасности за счет безопасности других, а также обязательств по военной сдержанности. Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО и к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, как к действиям, нарушающим принцип равной безопасности и ведущим к появлению новых разъединительных линий в Европе.

64. Россия исходит из стратегической общности целей со всеми государствами Евро-Атлантического региона, в том числе со странами — членами НАТО, по поддержанию мира и стабильности, противодействию общим угрозам безопасности — международному терроризму, распространению оружия массового уничтожения, морскому пиратству, незаконному обороту наркотиков, природным и техногенным катастрофам.

65. Россия развивает поступательное практическое взаимодействие со странами Северной Европы, включая реализацию в рамках многосторонних структур совместных проектов по сотрудничеству в Баренцевом/Евроарктическом регионе и Арктике в целом, учитывая при этом интересы коренных народов. Важную роль играет участие России во взаимодействии в рамках Совета государств Балтийского моря. Россия выступает за дальнейшее раскрытие проектного потенциала «Северного измерения» и его партнерств как платформы регионального взаимодействия на севере Европы.

66. Россия нацелена на развитие всестороннего прагматичного и равноправного сотрудничества с государствами Юго-Восточной Европы. Балканский регион имеет для России важное стратегиче-

ское значение, в том числе как крупнейший транспортный и инфраструктурный узел, через территорию которого осуществляется доставка нефти и газа в страны Европы.

67. Российская Федерация выстраивает отношения с США с учетом значительного потенциала развития взаимовыгодного торгово-инвестиционного, научно-технического и иного сотрудничества, а также особой ответственности обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом.

68. Долгосрочный приоритет российской политики — подведение под диалог с США солидного экономического фундамента, уплотнение связей во всех сферах, качественное наращивание равноправного, недискриминационного торгово-экономического сотрудничества на постоянной основе, совместная выработка культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов, что позволит придать отношениям между двумя странами большую стабильность и предсказуемость, укрепить двустороннее взаимодействие на основе принципов равноправия, невмешательства во внутренние дела и уважения взаимных интересов.

69. Россия будет вести активную работу в целях противодействия введению односторонних экстерриториальных санкций США против российских юридических и физических лиц, продвигать инициативы по дальнейшей либерализации визового режима между двумя странами.

70. Россия последовательно выступает за конструктивное сотрудничество с США в сфере контроля над вооружениями, в том числе с учетом неразрывной взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными средствами, императивности придания процессу ядерного разоружения многостороннего характера, исходит из того, что переговоры о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений возможны только с учетом всех без исключения факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность. В связи с созданием глобальной системы противоракетной обороны США Россия будет последовательно добиваться предоставления правовых гарантий ее ненаправленности против российских сил ядерного сдерживания.

71. Россия ожидает, что американская сторона в своих действиях на мировой арене будет строго руководствоваться нормами международного права, прежде всего Устава ООН, включая принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

72. Важным элементом сбалансированной политики Российской Федерации на североамериканском направлении являются поступательно развивающиеся отношения с Канадой. Россия стремится к углублению двустороннего сотрудничества по актуальным международным проблемам, наращиванию динамики торгово-инвестиционных и научно-технических связей.

73. Россия проводит инициативную и конструктивную линию, направленную на укрепление разноформатного международного сотрудничества в Арктике. Последовательно реализуя национальные интересы, Россия исходит из достаточности имеющейся международной договорно-правовой базы для успешного урегулирования всех возникающих в регионе вопросов путем переговоров, включая вопросы установления внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Отдавая приоритет взаимодействию с арктическими государствами, в том числе в рамках центрального регионального форума — Арктического совета, а также прибрежной арктической «пятерки», Совета Баренцева/Евроарктического региона и других многосторонних форматов, Россия открыта к взаимовыгодному сотрудничеству с внерегиональными игроками при уважении ими независимости, суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике. Существенное значение для развития региона имеет использование Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации России в Арктике, открытой для международного судоходства на взаимовыгодной основе.

74. Будет продолжена работа по сохранению и расширению присутствия Российской Федерации в Антарктике, в том числе на основе эффективного использования механизмов и процедур, предусмотренных системой Договора об Антарктике.

75. Возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики. Россия

заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, в создании в Азиатско-Тихоокеанском регионе транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах.

76. Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление военно-политической обстановки в Азии, где сохраняется значительный конфликтный потенциал, наращиваются военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Россия последовательно выступает за урегулирование вовлеченными сторонами всех имеющихся разногласий политико-дипломатическими средствами при строгом соблюдении основополагающих принципов международного права.

77. Россия считает важными формирование и продвижение в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети региональных объединений. Особое значение в этом контексте придается укреплению роли ШОС в региональных и глобальных делах, конструктивное влияние которой на положение дел в регионе в целом заметно возросло.

78. Россия рассматривает механизм Восточноазиатских саммитов как основную площадку для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия на данном направлении будут подкрепляться активностью и в других форматах — форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», диалоге Россия — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Региональном форуме АСЕАН по безопасности, форуме «Азия — Европа», Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Совещании министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами, форуме «Диалог по сотрудничеству в Азии».

79. Важнейшее направление российской внешней политики — развитие дружественных отношений с Китаем и Индией.

80. Россия будет продолжать наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух стран к ключевым вопросам мировой политики рассматривается Россией в ка-

честве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в Совете Безопасности ООН, «Группе двадцати», БРИКС, Восточноазиатском саммите, ШОС и других многосторонних объединениях.

81. Россия проводит принципиальную линию на углубление привилегированного стратегического партнерства с Индией, упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепление взаимовыгодных двусторонних связей во всех областях, прежде всего в торгово-экономической сфере, ориентируясь на реализацию утвержденных сторонами долгосрочных программ сотрудничества.

82. Россия считает важным дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и экономического сотрудничества в формате Россия — Индия — Китай.

83. Россия намерена активно участвовать в работе по формированию в Северо-Восточной Азии эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

84. Россия нацелена на поддержание дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, более полное использование потенциала этих связей для ускорения регионального развития, оказания поддержки межкорейскому политическому диалогу и экономическому взаимодействию как важнейшему условию поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата.

85. Российская Федерация намерена проводить курс на динамичное развитие добрососедских многоплановых отношений с Японией. На фоне продвижения всего комплекса двустороннего

сотрудничества и взаимодействия на международной арене Россия будет продолжать и диалог о путях взаимоприемлемого решения неурегулированных вопросов.

86. Россия намерена укреплять традиционно дружественные связи с Монголией.

87. Россия стремится последовательно углублять стратегическое партнерство с Вьетнамом, расширять сотрудничество с другими странами АСЕАН, будет продолжать линию на интенсификацию отношений с Австралией и Новой Зеландией, поддержание регулярных контактов и налаживание связей с островными государствами южной части Тихого океана.

88. Россия будет вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, проводить последовательную линию на содействие достижению гражданского мира и согласия во всех государствах Ближнего Востока и Северной Африки и в регионе в целом на основе уважения суверенитета и территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела. Используя свой статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и участника «квартета» международных посредников, Россия продолжит мобилизацию коллективных усилий для достижения на международно признанной основе всеобъемлющего и долгосрочного урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах, включая создание независимого палестинского государства, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем. Такое урегулирование должно быть достигнуто путем переговоров при содействии международного сообщества, использовании потенциала Лиги арабских государств и других заинтересованных сторон. Россия будет содействовать созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки.

89. Россия будет последовательно проводить сбалансированную линию на всеобъемлющее политико-дипломатическое урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы путем налаживания диалога на основе поэтапности, взаимности и неукоснительного соблюдения требований режима нераспространения ядерного оружия.

90. В целях дальнейшего расширения взаимодействия с государствами исламского мира Россия будет использовать возмож-

ности участия в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества и контакты с Лигой арабских государств, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. Россия настроена и далее развивать двусторонние отношения с государствами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

91. Продолжающийся кризис в Афганистане и предстоящий вывод из этой страны международных военных контингентов несут серьезную угрозу безопасности России и других государств — участников СНГ. Российская Федерация во взаимодействии с Афганистаном, другими заинтересованными государствами, ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС и иными многосторонними институтами, в том числе в рамках проектов по линии Россия — НАТО, будет прилагать последовательные усилия в целях достижения прочного и справедливого политического урегулирования проблем этой страны при уважении прав и интересов всех населяющих ее этнических групп, постконфликтного восстановления Афганистана в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой. Неотъемлемым компонентом этих усилий являются комплексные меры по снижению уровня террористической угрозы, исходящей с территории Афганистана, а также по ликвидации или существенному, поддающемуся оценке сокращению незаконного производства и оборота наркотиков. Россия выступает за дальнейшее наращивание международных усилий под эгидой ООН, направленных на оказание Афганистану и сопредельным с ним государствам помощи в противодействии этим вызовам.

92. Россия продолжит всемерное укрепление отношений со странами Латинской Америки и Карибского бассейна с учетом растущей роли региона в мировых делах. Развитие стратегического сотрудничества с Бразилией, в том числе в рамках БРИКС, а также партнерских отношений с Аргентиной, Венесуэлой, Кубой, Мексикой, Никарагуа и другими государствами Латинской Америки и Карибского бассейна будет ориентировано на расширение политического взаимодействия, на продвижение торгово-экономического, инвестиционного, инновационного, культурно-гуманитарного сотрудничества, на совместный поиск ответов на новые вызовы и угрозы, на закрепление российских компаний в динамично развивающихся секторах промышленности, энергетики, связи и транспорта стран региона.

93. Россия будет стремиться к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами на международных и региональных форумах, к расширению сотрудничества с многосторонними объединениями Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности с Сообществом латиноамериканских и карибских государств и со странами — членами Южноамериканского общего рынка.

94. Россия будет расширять разноплановое взаимодействие с африканскими государствами на двусторонней и многосторонней основе с упором на совершенствование политического диалога и продвижение взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, содействовать урегулированию и предотвращению региональных конфликтов и кризисных ситуаций в Африке. Важная составная часть этой линии — развитие партнерских отношений с Африканским союзом и субрегиональными организациями.

V. Формирование и реализация внешней политики Российской Федерации

95. Президент Российской Федерации в соответствии со своими конституционными полномочиями осуществляет руководство внешней политикой страны и как глава государства представляет Российскую Федерацию в международных отношениях.

96. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в рамках своих конституционных полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнению ее международных обязательств, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии.

97. Правительство Российской Федерации осуществляет меры по реализации внешней политики страны.

98. Совет Безопасности Российской Федерации ведет работу по формированию основных направлений государственной внешней и военной политики, оценке вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России в международной сфере, осуществляет подготовку предложений Президенту Российской Федерации для принятия главой государства решений по вопросам внешней политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности, координации деятель-

ности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в процессе реализации принятых ими решений в области обеспечения национальной безопасности, а также дает оценку эффективности этих решений.

99. Министерство иностранных дел Российской Федерации разрабатывает общую стратегию внешней политики Российской Федерации, представляет соответствующие предложения Президенту Российской Федерации и ведет работу по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации в соответствии с Концепцией и Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», а также осуществляет координацию внешнеполитической деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. №1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации».

100. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству участвует в выработке предложений и реализации внешней политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, международного гуманитарного сотрудничества, поддержки российских соотечественников, проживающих за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, развития сети российских центров науки и культуры за рубежом.

101. Субъекты Российской Федерации развивают свои международные связи в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 4 января 1999 г. №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и другими законодательными актами. Министерство иностранных дел Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают содействие субъектам Российской Федерации в осуществлении ими международного и внешнеэкономического сотрудничества при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности России, используя в этих целях возможности действующего при

Министерстве иностранных дел Российской Федерации Совета глав субъектов Российской Федерации. Развитие регионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими странами и регионами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях.

102. При подготовке внешнеполитических решений федеральные органы исполнительной власти на постоянной основе взаимодействуют с палатами Федерального Собрания Российской Федерации, политическими партиями, неправительственными организациями, экспертно-академическим сообществом, культурно-гуманитарными объединениями, деловыми кругами и средствами массовой информации России, содействуя их участию в международном сотрудничестве. Широкое вовлечение представителей гражданского общества во внешнеполитический процесс соответствует общемировой практике и тенденциям внутреннего развития России, отвечает задаче укрепления консенсусного характера и повышения результативности внешней политики страны, способствует ее эффективной реализации.

103. При финансировании внешнеполитических мероприятий могут привлекаться внебюджетные средства в рамках государственно-частного партнерства на добровольной основе.

104. Последовательное осуществление государственной внешней политики России призвано создавать благоприятные условия для реализации исторического выбора народов Российской Федерации в пользу правового государства, демократического общества, социально ориентированной рыночной экономики.

Приложение № 6. Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 30 ноября 2016 г. № 640

В целях актуализации приоритетных направлений, целей и задач внешнеполитической деятельности Российской Федерации постановляю:

1. Утвердить прилагаемую Концепцию внешней политики Российской Федерации.

2. Признать утратившей силу Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. №Пр-251.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации
В. Путин

Москва, Кремль
30 ноября 2016 года
№640

Утверждена
Указом Президента
Российской Федерации
от 30 ноября 2016 г. №640

КОНЦЕПЦИЯ
внешней политики Российской Федерации

I. Общие положения

1. Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации.

2. Правовую основу настоящей Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере внешней политики, а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации в этой сфере.

3. В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на выполнение следующих основных задач:

а) обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление правового государства и демократических институтов;

б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения;

в) упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира;

г) укрепление позиций России в системе мирохозяйственных связей, недопущение дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций, использование возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций в этих целях;

д) дальнейшее продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава Организации Объединенных Наций (Устав ООН), а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) как основной организации, регулирующей международные отношения;

е) формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов;

ж) развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России;

з) всесторонняя эффективная защита прав и законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников, в том числе в различных международных форматах;

и) усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры;

к) укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы;

л) содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций.

II. Современный мир и внешняя политика Российской Федерации

4. Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств.

5. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнем благосостояния государств, усилением борьбы за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями. Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциалы, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях. Это выводит в разряд приоритетных задач предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества. Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые

процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития.

6. В условиях обострения политических, социальных, экономических противоречий и роста нестабильности мировой политической и экономической системы повышается роль фактора силы в международных отношениях. Наращивание и модернизация силового потенциала, создание и развертывание новых видов вооружения подрывают стратегическую стабильность, создают угрозу глобальной безопасности, обеспечиваемой системой договоров и соглашений в области контроля над вооружениями. Несмотря на то что опасность развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной, между ведущими государствами остается невысокой, возрастают риски их втягивания в региональные конфликты и эскалации кризисов.

7. Существующие военно-политические союзы не способны обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз. В условиях возросшей взаимозависимости всех народов и государств уже не имеют перспектив попытки обеспечения стабильности и безопасности на отдельной территории. Особую актуальность приобретает соблюдение универсального принципа равной и неделимой безопасности применительно к Евро-Атлантическому, Евразийскому, Азиатско-Тихоокеанскому и другим регионам. Востребована сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач.

8. На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные. Стремление использовать соответствующие возможности для реализации геополитических интересов наносит ущерб поиску путей урегулирования споров и решения существующих международных проблем мирными средствами на основе норм международного права.

9. Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам.

10. В мировой экономике в условиях накопления элементов кризисных явлений складывается новая реальность, для которой характерны общее замедление темпов роста, волатильность финансовых и товарно-сырьевых рынков, дробление глобального экономического пространства на региональные структуры с конкурирующими тарифными и нетарифными ограничениями. На этом фоне региональная интеграция на основе норм и правил Всемирной торговой организации (ВТО), усиление роли региональных резервных валют являются факторами укрепления конкурентоспособности, безопасности и финансово-экономической стабильности. Особую актуальность приобретают продвижение коллективных подходов к управлению международной экономикой и ее регулированию, укрепление транспарентности в глобальном торгово-экономическом пространстве, формирование всеохватных, более открытых, сбалансированных, отвечающих реалиям эпохи глобализации мировых торговой и валютно-финансовой систем.

11. Качественная трансформация происходит в сфере энергетики, что связано в первую очередь с внедрением новых технологий добычи трудноизвлекаемых запасов углеводородов, расширением использования возобновляемых источников энергии. В то же время в условиях, когда для обеспечения энергетической безопасности государств требуется диверсификация их присутствия на мировых рынках, наблюдаются ужесточение необоснованных ограничений и введение других дискриминационных мер в этой сфере.

12. Наметившаяся смена технологического уклада в различных отраслях экономики способна привести к дальнейшему обострению экономического соперничества, ускорить перераспределение сил на международной арене.

13. В эпоху глобализации финансовых, информационных, миграционных потоков возрастающее влияние на международные отношения оказывают внутригосударственные социальные

процессы. Важное место в мировой политике занимают вопросы обеспечения благосостояния населения, его духовного и интеллектуального развития, повышения уровня инвестиций в человека.

14. Одной из наиболее опасных реалий современного мира становится усиление угрозы международного терроризма. Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке), обусловленные как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством, в совокупности привели к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов. Навязываемые извне идеологические ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности. Эти тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в частности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве.

15. Качественно новый характер глобальная террористическая угроза приобрела с появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние на территории от Атлантического побережья до Пакистана. Главным направлением в борьбе с терроризмом должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе, на основе эффективного и системного взаимодействия государств, без политизации и двойных стандартов, активно использующей возможности гражданского общества, прежде всего в целях предупреждения терроризма и экстремизма, противодействия распространению радикальных идей.

16. Увеличиваются масштабы транснациональной организованной преступности, появляются новые криминальные центры силы, аккумулирующие значительные ресурсы и последовательно

расширяющие сферы своего влияния, в том числе путем проникновения во властные структуры различных государств, финансовые и экономические институты, установления связей с террористическими и экстремистскими организациями.

17. Современный мир характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как незаконное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, коррупция, морское пиратство, киберпреступность, глобальная бедность, изменение климата, а также угрозы в области продовольственной, экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности.

18. Глобальные вызовы и угрозы требуют адекватного комплексного ответа со стороны международного сообщества, консолидации его усилий при координирующей роли ООН и с учетом объективной взаимосвязи вопросов защиты прав человека, обеспечения безопасности и устойчивого развития.

19. Подлинное объединение усилий международного сообщества влечет за собой необходимость формирования ценностных основ совместных действий с опорой на общий духовно-нравственный потенциал основных мировых религий, а также на такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода, ответственность, честность, милосердие и трудолюбие.

20. Российская Федерация, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участником целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов межгосударственного диалога и сотрудничества, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая в рамках своего внешнеполитического курса отношения с ведущими государствами, международными организациями и объединениями в различных частях мира, способствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной международной повестки дня.

21. Россия проводит самостоятельный и независимый внешнеполитический курс, который продиктован ее национальными интересами и основой которого является безусловное уважение

международного права. Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в интересах решения общих задач.

22. Внешняя политика Российской Федерации является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравновешивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации.

III. Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем

Формирование справедливого и устойчивого мироустройства

23. Российская Федерация проводит внешнюю политику, направленную на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений на основе общепризнанных норм международного права и принципов равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств в целях обеспечения надежной и равной безопасности каждого члена мирового сообщества.

24. Центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена международной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной координирующей роли. Это предполагает:

а) обеспечение незыблемости ключевых положений и принципов Устава ООН, в том числе относящихся к итогам Второй мировой войны и действиям, предпринятым или санкционированным в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, всемерное укрепление потенциала ООН в целях рациональной адаптации к новым мировым реалиям при сохранении ее межгосударственной природы;

б) дальнейшее повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание

этому органу в процессе рационального реформирования ООН большей представительности при обеспечении должной оперативности в его работе. Любые решения о создании дополнительных мест в Совете Безопасности ООН должны приниматься на основе самого широкого согласия государств — членов ООН. Статус пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН должен быть сохранен.

25. Россия придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной координирующей роли ООН. В этих целях Россия наращивает взаимодействие с партнерами в рамках «Группы двадцати», БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), РИК (Россия, Индия, Китай), а также в рамках других структур и диалоговых площадок.

Верховенство права в международных отношениях

26. Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Поддержание и укрепление международной законности — одно из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене. Верховенство права в международных отношениях призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом. Российская Федерация намерена:

а) поддерживать коллективные усилия по укреплению правовых основ межгосударственных отношений;

б) противодействовать попыткам отдельных государств или групп государств подвергать ревизии общепризнанные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г., в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.; попыткам

осуществляемого в угоду политической конъюнктуре и интересам отдельных государств произвольного толкования важнейших международно-правовых норм и принципов, таких как неприменение силы или угрозы силой, мирное разрешение международных споров, уважение суверенитета государств и их территориальной целостности, право народов на самоопределение; попыткам выдать нарушения международного права за его творческое применение; попыткам вмешательства во внутренние дела государств в целях осуществления неконституционной смены власти, в том числе посредством поддержки негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации;

в) не допускать осуществления под предлогом реализации концепции «ответственность по защите» военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства, нарушающих нормы международного права, в частности принцип суверенного равенства государств;

г) содействовать прогрессивному развитию международного права и его кодификации, прежде всего осуществляемым под эгидой ООН, а также универсальному участию в международных договорах ООН, их единообразному толкованию и применению;

д) продолжать усилия по совершенствованию механизма применения ООН санкций, исходить, в частности, из того, что решения о введении таких санкций должны приниматься Советом Безопасности ООН на коллегиальной основе после всестороннего рассмотрения, прежде всего с учетом их эффективности при выполнении задач поддержания международного мира и безопасности и предотвращения ухудшения гуманитарной ситуации; содействовать исключению из практики международного взаимодействия незаконных односторонних принудительных мер, принимаемых в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

е) активизировать процесс международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации, а также границ морских пространств, в пределах которых Россия осуществляет суверенные права и юрисдикцию, при безусловном обеспечении ее национальных интересов, прежде всего в сфере безопасности и экономики, исходя из важности укрепления доверия и сотрудничества с сопредельными государствами.

Укрепление международной безопасности

27. Россия последовательно выступает за укрепление международной безопасности, стабильности на стратегическом и региональном уровнях. В этих целях Российская Федерация:

а) неукоснительно соблюдает свои международные обязательства в отношении контроля над вооружениями, добиваясь того же от своих партнеров;

б) придает важное значение выполнению Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 г.;

в) неизменно придерживается курса на упрочение политических и правовых основ режима нераспространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки с учетом риска попадания компонентов такого оружия в руки негосударственных субъектов, прежде всего террористических организаций, в том числе на территориях государств, где утрачен или ослаблен контроль центральных властей; выступает за соблюдение Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г., Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 16 декабря 1971 г., Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г., а также за их универсализацию; содействует скорейшему вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 г.;

г) участвует на основе принципов равноправия и неделимости безопасности в разработке новых договоренностей в области контроля над вооружениями, которые отвечают национальным интересам России и способствуют обеспечению стратегической стабильности;

д) ведет последовательную работу в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве посредством разработки и заключения международного договора и в качестве промежуточной меры выступает за принятие государствами обязательства по неразмещению первыми оружия в космосе;

е) подтверждает готовность к обсуждению вопросов дальнейшего поэтапного сокращения ядерных потенциалов исходя из растущей актуальности придания этому процессу многостороннего характера и с учетом всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность;

ж) выступает за формирование на равноправной основе системы коллективного реагирования на возможные вызовы и угрозы в ракетной области, а также против односторонних, ничем не ограниченных действий государства или группы государств по наращиванию противоракетной обороны, подрывающих стратегическую стабильность и международную безопасность;

з) активно участвует в международных усилиях по повышению эффективности контроля за оборотом материалов и технологий двойного назначения, в том числе в деятельности многосторонних режимов экспортного контроля;

и) поддерживает создание зон, свободных от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, прежде всего на Ближнем Востоке;

к) выступает за укрепление технической и физической ядерной безопасности на глобальном уровне и предотвращение актов ядерного терроризма, прежде всего путем совершенствования соответствующих международно-правовых механизмов, при центральной роли в международном сотрудничестве по этим аспектам Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ) и при сохранении за самими государствами права определять свою национальную политику; исходит из того, что ответственность за обеспечение эффективности и надежности национальной системы ядерной безопасности несет само государство, которое определяет ее оптимальные параметры по своему усмотрению;

л) выступает за развитие двустороннего и многостороннего взаимодействия государств, прежде всего обладающих ядерным оружием, в целях решения проблем стратегической стабильности, обеспечения общей безопасности в духе открытости, в том числе в сфере использования мирного атома для удовлетворения потребностей всех заинтересованных стран в топливе и энергии.

28. Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической

и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права, включая действия, направленные на вмешательство во внутренние дела государств или представляющие угрозу международному миру, безопасности и стабильности, добивается выработки под эгидой ООН универсальных правил ответственного поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе посредством интернационализации на справедливой основе управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет».

29. Россия поддерживает международные усилия по противодействию незаконному обороту легкого и стрелкового оружия.

30. Российская Федерация в контексте усилий по укреплению региональной стабильности в Европе добивается приведения европейского режима контроля над обычными вооружениями в соответствие с современными реалиями, а также безусловного соблюдения всеми государствами согласованных мер укрепления доверия и безопасности.

31. Считая международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач государственного строительства в посткризисный период, Россия намерена участвовать в международной миротворческой деятельности под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с региональными и международными организациями, вносить активный вклад в укрепление превентивного антикризисного потенциала ООН. При подготовке решений Совета Безопасности ООН в области обеспечения международной безопасности, включая проведение новых миротворческих операций или продление действующих, Россия выступает за разработку реалистичных и четких, не допускающих произвольных интерпретаций миротворческих мандатов, особенно связанных с применением силы, и обеспечение строгого контроля за их реализацией.

32. Россия рассматривает статью 51 Устава ООН в качестве адекватной и не подлежащей ревизии правовой основы для применения силы в порядке самообороны, в том числе в условиях суще-

ствования таких угроз миру и безопасности, как международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения.

33. Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности. В этой связи Российская Федерация:

а) осуждает терроризм во всех его формах и проявлениях, считает, что террористический акт не может быть оправдан идеологическими, политическими, религиозными, расовыми и иными целями;

б) выступает категорически против любого использования государствами террористических организаций для достижения политических, идеологических или иных целей;

в) применяет в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействию ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма и экстремизма;

г) настойчиво стремится к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных условий в соответствии с Уставом ООН, нормами и принципами международного права;

д) уделяет приоритетное внимание международному сотрудничеству в сфере противодействия террористическим организациям и группировкам, в том числе путем применения военной силы, с участием всех государств и организаций в меру их возможностей и с согласия государств, на территориях которых ведется борьба с такими организациями и группировками;

е) выступает за обеспечение определяющей роли государств и их компетентных органов в противодействии терроризму и экстремизму, в любом международном сотрудничестве в этой области;

ж) признавая, что терроризм невозможно победить только посредством военных и правоохранительных мер, выступает за активное и эффективное использование в борьбе с терроризмом возможностей институтов гражданского общества, включая научные и образовательные организации, бизнес-сообщества, религиозные объединения, неправительственные организации и средства массовой информации;

з) исходит из того, что результативная борьба с терроризмом не может вестись без ликвидации источников его финансирования, поддерживает предпринимаемые в рамках многосторонних структур усилия, направленные на выявление государств, физических и юридических лиц, вовлеченных в экономические связи с террористическими организациями, а также на блокирование каналов финансирования терроризма;

и) выступает за консолидацию коллективных усилий под эгидой ООН в целях борьбы с иностранными террористами-боевиками посредством блокирования любых форм материальной поддержки террористических организаций.

34. Россия содействует политико-дипломатическому урегулированию региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что разрешение таких конфликтов возможно посредством вовлечения всех сторон в диалог и переговоры, а не посредством изоляции какой-либо из них.

35. Российская Федерация противодействует организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сотрудничая с другими государствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных структур, и на двусторонней основе, в том числе в целях сохранения и укрепления международной системы контроля в этой области.

36. Россия поддерживает создание под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия при возникновении стихийных бедствий, крупных техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций, включая наращивание возможностей по преодолению их последствий и укрепление систем раннего предупреждения и прогнозирования. Обладая уникальным опытом, техническими и кадровыми ресурсами, Российская Федерация является важной и эффективной частью глобальной системы борьбы с чрезвычайными ситуациями.

37. Россия участвует в международном сотрудничестве по регулированию процессов миграции, обеспечению прав трудящихся-мигрантов, в том числе по созданию оптимальных форм и механизмов их интеграции в общество принимающей страны, установлению условий предоставления гражданства, убежища от

преследований; отвергает использование миграционных процессов в политических целях.

38. Российская Федерация как многонациональное и многоконфессиональное государство, имеющее многовековой опыт гармоничного сосуществования различных народов, этнических групп и вероисповеданий, способствует развитию диалога и формированию партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, в том числе в рамках ООН, других международных и региональных организаций; поддерживает соответствующие инициативы гражданского общества; активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны; противодействует экстремизму, радикализации общественных настроений, нетерпимости, дискриминации и разделению по расовому, этническому, конфессиональному, лингвистическому, культурному и иным признакам.

Международное экономическое и экологическое сотрудничество Российской Федерации

39. Российская Федерация, решая задачи обеспечения устойчивого экономического роста, основанного на стабильном экспортном и расширяющемся внутреннем спросе, обладании уникальными природными ресурсами и использовании накопленных финансовых ресурсов, проводя ответственную социально-экономическую политику, вносит значительный вклад в обеспечение стабильности глобальной экономики и финансов, участвует в международных усилиях по предотвращению и преодолению кризисных явлений в мировой экономике и на финансовых рынках. Россия намерена активно содействовать формированию в мире справедливой и демократической торгово-экономической и валютно-финансовой системы, определению ориентиров устойчивого глобального развития и достижению соответствующих целей, поставленных ООН, исходя из того, что в условиях современных мировых экономических вызовов требуется общий подход к их преодолению, в связи с чем открываются дополнительные перспективы международного сотрудничества.

40. Россия проводит политику, направленную на обеспечение равноправного и активного участия в современной системе мирохозяйственных связей. В этих целях Российская Федерация:

а) добивается адекватного учета российских интересов и подходов при выработке в рамках крупнейших международных форумов коллективной позиции по наиболее актуальным аспектам международного развития и функционирования мировой экономики, включая вопросы укрепления энергетической и продовольственной безопасности, совершенствования сотрудничества в области торговли и транспорта, обеспечения свободы и недискриминационного характера обмена передовыми технологиями, многостороннего взаимодействия в использовании ядерной энергии в мирных целях;

б) содействует эффективному функционированию многосторонней торговой системы, основой которой является ВТО, а также развитию соответствующей российским приоритетам региональной экономической интеграции;

в) создает благоприятные условия для укрепления российского присутствия на мировых рынках, прежде всего за счет расширения номенклатуры экспорта, в частности увеличения объема экспорта несырьевой продукции, и расширения географии внешнеэкономических связей;

г) оказывает государственную поддержку российским организациям в освоении новых и развитии традиционных рынков, противодействует дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров;

д) принимает в соответствии с международными нормами и принципами необходимые меры в области торговой политики в целях защиты национальных интересов и эффективного реагирования на недружественные экономические действия иностранных государств, ущемляющие права Российской Федерации и российских хозяйствующих субъектов;

е) предпринимает усилия по технологическому обновлению и диверсификации национальной экономики, повышению доли наукоемких, инновационных и других приоритетных отраслей в общеэкономической структуре за счет привлечения инвестиций, передовых зарубежных научно-технических знаний и технологий;

ж) укрепляет сотрудничество с ведущими производителями энергетических ресурсов, стремится к развитию равноправного диалога со странами-потребителями и странами транзита таких ресурсов, исходя из того, что для гарантированного осуществления

поставок энергетических ресурсов требуется обеспечение стабильности спроса на них и надежности их транзита;

з) принимает меры по использованию своего уникального географического положения для увеличения транзитных грузопотоков в целях оптимального развития торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом;

и) активно использует возможности региональных экономических и финансовых организаций для развития национальной экономики, уделяя особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов в Евразии.

41. Российская Федерация выступает за расширение международного сотрудничества в целях обеспечения экологической безопасности и противодействия изменению климата на планете, исходя, прежде всего, из важности сохранения и повышения экологического потенциала лесов и основываясь на необходимости использования новейших энерго- и ресурсосберегающих технологий в интересах всего мирового сообщества. Надежной основой международного регулирования в сфере климатической политики на долгосрочную перспективу призвано стать Парижское соглашение, принятое на основе Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 г. Среди приоритетов на данном направлении — дальнейшая разработка научно обоснованных подходов к сохранению благоприятной окружающей среды и наращивание взаимодействия со всеми государствами в этой области для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений. Российская Федерация выступает против искусственной политизации природоохранной проблематики, ее использования для ограничения суверенитета государств в отношении их природных ресурсов, а также в целях недобросовестной конкуренции.

42. Россия рассматривает устойчивое социально-экономическое развитие государств как важнейшую предпосылку формирования более эффективной и кризисоустойчивой международной системы, фактор благополучия и процветания всего человечества и исходит из того, что содействие международному развитию является одним из механизмов решения глобальных и региональных проблем, укрепления международной безопасности и политической стабильности. Российская Федерация прово-

дит активную целенаправленную политику в сфере содействия международному развитию на многостороннем и двустороннем уровнях, используя, в частности, потенциал ООН и ее специализированных учреждений.

43. Россия активно участвует в международном сотрудничестве в области охраны здоровья граждан, осуществляемом при ведущей роли Всемирной организации здравоохранения, рассматривая сохранение жизни и здоровья человека в качестве одного из приоритетов глобальной повестки дня и важного фактора обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

44. Российская Федерация в условиях возрастающего — как для экономического развития, так и для укрепления безопасности — значения морских пространств и морских путей добивается соблюдения отвечающих национальным интересам требований обеспечения безопасности морского судоходства в соответствии с нормами международного морского права, в том числе в части, касающейся борьбы с международным терроризмом и противодействия морскому пиратству, развивает ответственное рыболовство и осуществляет научно-исследовательскую деятельность в Мировом океане, принимая при этом меры по защите морской среды. Россия намерена установить в соответствии с международным правом внешние границы своего континентального шельфа, расширяя тем самым возможности для разведки и добычи его минеральных ресурсов.

Международное гуманитарное сотрудничество и права человека

45. Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, видит свои задачи в том, чтобы:

а) добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного, равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства, осуществлять мониторинг ситуации с соблюдением прав человека в мире, способствовать привлечению к решению задач в данной сфере российских институтов гражданского общества, таких как Общественная палата Российской Федерации и неправительственные организации;

б) противодействовать попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств;

в) способствовать гуманизации социальных систем во всем мире в целях обеспечения основных прав и свобод человека;

г) обеспечивать защиту прав и законных интересов российских граждан за рубежом на основе норм международного права и международных договоров Российской Федерации;

д) защищать права и законные интересы соотечественников, проживающих за рубежом, на основе норм международного права и международных договоров Российской Федерации, признавая значительный вклад соотечественников в сохранение и распространение русского языка и российской культуры;

е) способствовать консолидации соотечественников, проживающих за рубежом, в целях более эффективного обеспечения ими своих прав в государствах проживания, содействовать сохранению самобытности российской диаспоры и ее связей с исторической Родиной, добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию;

ж) способствовать изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения, поддерживать и развивать систему российских образовательных организаций за рубежом, оказывать поддержку филиалам и представительствам российских образовательных организаций, расположенным на территориях иностранных государств;

з) развивать на межгосударственном уровне культурные и гуманитарные связи славянских народов;

и) твердо противодействовать любым проявлениям экстремизма, неонацизма, расовой дискриминации, агрессивного национализма, антисемитизма и ксенофобии, попыткам фальсификации истории и использования ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны, способствовать деполитизации исторических дискуссий;

к) привлекать институты гражданского общества к решению международных проблем в целях повышения эффективности российской внешней политики;

л) развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу;

м) наращивать взаимодействие с международными и неправительственными правозащитными организациями в целях укрепления общепризнанных норм в области прав человека, их сопряжения с ответственностью личности за свои действия, искоренения политики двойных стандартов в указанной области;

н) расширять международное сотрудничество в целях повышения уровня защиты прав и законных интересов российских детей, проживающих за рубежом.

Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации

46. Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до мировой общественности объективной информации о позиции России по основным международным проблемам, ее внешнеполитических инициативах и действиях, процессах и планах социально-экономического развития Российской Федерации, достижениях российской культуры и науки.

47. Россия добивается объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку, активно участвует в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимает необходимые меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности. В этих целях предполагается широкое использование новых информационно-коммуникационных технологий. Россия будет добиваться формирования комплекса правовых и этических норм безопасного использования таких технологий. Россия отстаивает право каждого человека на доступ к объективной информации о событиях в мире, а также к различным точкам зрения на эти события.

48. Одним из направлений развития общественной дипломатии является расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности.

IV. Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации

49. Приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием.

50. Россия будет расширять стратегическое взаимодействие с Республикой Белоруссия в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах.

51. Россия считает ключевой задачу углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Республикой Армения, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств — членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения. ЕАЭС призван обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, стать площадкой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Созданный на основе универсальных интеграционных принципов, ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах.

52. В качестве одного из важнейших элементов современной системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве Россия рассматривает Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Россия выступает за качественное развитие ОДКБ, превращение ее в авторитетную многофункциональную международную организацию, способную противостоять современным вызовам и угрозам в условиях усиливающегося

воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в зоне ответственности ОДКБ и прилегающих к ней районах.

53. Россия работает над дальнейшей реализацией потенциала СНГ, укреплением Содружества в качестве влиятельной региональной организации, форума для многостороннего политического диалога, а также в качестве механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами.

54. Россия, уважая право партнеров по СНГ на выстраивание отношений с другими международными субъектами, выступает за всеобъемлющее выполнение государствами — участниками СНГ обязательств в рамках региональных интеграционных структур с российским участием, а также за обеспечение дальнейшего развития интеграции и взаимовыгодного сотрудничества на пространстве СНГ.

55. Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств — участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. В этих целях Российская Федерация:

а) активно способствует развитию взаимодействия государств — участников СНГ по вопросам сохранения общего культурно-исторического наследия, расширения сотрудничества в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах, уделяет особое внимание поддержке соотечественников, проживающих в государствах — участниках СНГ, совершенствованию международно-правовых инструментов защиты их прав и законных интересов в образовательной, языковой, социальной, трудовой, гуманитарной и иных сферах;

б) содействует расширению экономического сотрудничества с государствами — участниками СНГ, в том числе путем совершенствования нормативно-правовой базы в соответствии с Договором о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г.;

в) наращивает сотрудничество с государствами — участниками СНГ в сфере обеспечения безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, транснациональной преступности, незаконной миграции.

56. Российская Федерация заинтересована в развитии всего многообразия политических, экономических, культурных и духовных связей с Украиной на основе взаимоуважения, выстраивании партнерских отношений при соблюдении своих национальных интересов. Во взаимодействии со всеми заинтересованными государствами и международными структурами Россия приложит необходимые усилия для политико-дипломатического урегулирования внутриукраинского конфликта.

57. В числе российских приоритетов остается содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению.

58. Россия активно выступает за политико-дипломатическое урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве, в частности способствует в рамках существующего многостороннего переговорного механизма всеобъемлющему решению приднестровской проблемы на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и нейтрального статуса Республики Молдова при определении особого статуса Приднестровья, урегулированию нагорно-карабахского конфликта во взаимодействии с другими государствами — сопредседателями Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и на основе принципов, изложенных в совместных заявлениях Президента Российской Федерации, Президента Соединенных Штатов Америки и Президента Французской Республики, сделанных в 2009–2013 годах.

59. Россия заинтересована в нормализации отношений с Грузией в тех сферах, в которых к этому готова Грузинская Сторона, при учете политических реалий, сложившихся в Закавказье.

60. Подходы России к взаимодействию с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах будут выстраиваться с учетом сохранения приверженности целям и принципам Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества, а также с учетом необходимости укрепления механизма сотрудничества пяти прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений.

61. Накопившиеся в течение последней четверти века системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, выразившиеся

в осуществляемой Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Европейским союзом (ЕС) геополитической экспансии при нежелании приступить к реализации политических заявлений о формировании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества, вызвали серьезный кризис в отношениях между Россией и государствами Запада. Проводимый США и их союзниками курс на сдерживание России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного давления подрывает региональную и глобальную стабильность, наносит ущерб долгосрочным интересам всех сторон, противоречит возрастающей в современных условиях потребности в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам.

62. Российская политика в Евро-Атлантическом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в военно-политических союзах.

63. Для России ЕС остается важным торгово-экономическим и внешнеполитическим партнером. Российская Федерация заинтересована в выстраивании конструктивного, стабильного и предсказуемого сотрудничества со странами ЕС на принципах равноправия и взаимного уважения интересов. Дальнейшее развитие отношений с ЕС требует совершенствования как договорно-правовой базы, так и институциональных механизмов сотрудничества в целях обеспечения взаимной выгоды и оптимального выстраивания партнерских связей, в том числе в сфере энергетики. Стратегической задачей в отношениях с ЕС является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции, что позволит не допустить появления разделительных линий на европейском континенте.

64. Российская Федерация настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного диалога с ЕС по основным вопросам внешнеполитической повестки дня, а также на дальнейшее развитие практического взаимодействия во внешнеполитической

и военно-политической сферах. Потенциал имеет активизация совместной работы России и ЕС по противодействию терроризму, неконтролируемой и незаконной миграции, а также организованной преступности, включая такие ее проявления, как торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и взрывчатых веществ, киберпреступность.

65. Визовый режим остается одним из основных барьеров на пути развития контактов между Россией и ЕС. Поэтапная отмена визового режима на взаимной основе станет мощным импульсом для укрепления сотрудничества России и ЕС в экономической, гуманитарной, культурной, образовательной и иных областях.

66. Важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах является активизация взаимовыгодных двусторонних связей с Федеративной Республикой Германия, Французской Республикой, Итальянской Республикой, Королевством Испания и другими государствами Европы.

67. Россия продолжит работу в рамках Совета Европы как самостоятельной универсальной европейской организации, обеспечивающей за счет своих уникальных конвенционных механизмов единство правового и гуманитарного пространств континента.

68. Россия рассматривает ОБСЕ в качестве важного механизма строительства равной и неделимой системы общеевропейской безопасности и заинтересована в укреплении ее роли и авторитета. Предпосылкой повышения востребованности ОБСЕ является четкое определение приоритетов ее деятельности, прежде всего связанных с противодействием транснациональным вызовам и угрозам, а также разработка ее устава и реформирование работы исполнительных структур ОБСЕ в целях обеспечения надлежащих прерогатив коллективных межправительственных органов.

69. Россия с уважением относится к выбору европейских государств, не входящих в военные альянсы. Эти государства вносят реальный вклад в обеспечение стабильности и безопасности в Европе. Россия готова к конструктивному многоплановому взаимодействию с ними.

70. Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного

права, реальным шагам по обеспечению общего пространства мира, безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе на принципах взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия — НАТО обязательства по необеспечению своей безопасности за счет безопасности других государств, а также обязательств по военной сдержанности в соответствии с Основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 г. Российская Федерация негативно относится к расширению НАТО, приближению военной инфраструктуры альянса к российским границам и наращиванию его военной активности в приграничных с Россией регионах как к действиям, нарушающим принцип равной и неделимой безопасности и ведущим к углублению старых и появлению новых разделительных линий в Европе.

71. Россия выступает за сохранение на севере Европы зоны доверия и стабильности на основе принципа равной и неделимой безопасности. В этих целях Россия развивает практическое взаимодействие с государствами Северной Европы, в том числе реализует в рамках многосторонних структур совместные проекты, учитывая при этом экологические аспекты и интересы коренных народов. Важная роль отводится участию России в кооперации в рамках Совета государств Балтийского моря. Россия выступает за дальнейшее раскрытие проектного потенциала «Северного измерения» и его партнерств как одной из платформ регионального взаимодействия в Северной Европе.

72. Российская Федерация заинтересована в выстраивании взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами Америки, учитывая особую ответственность обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом, а также наличие значительного потенциала торгово-инвестиционного, научно-технического и иного сотрудничества. Россия исходит из того, что поступательное и предсказуемое развитие диалога с США как по вопросам двусторонних отношений, так и по вопросам мировой значимости возможно только на основе равноправия, взаимного уважения интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга. Россия не признает экстеррито-

риального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия, в том числе путем укрепления национальной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер.

73. Россия выступает за конструктивное сотрудничество с США в сфере контроля над вооружениями при обязательном учете неразрывной взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными средствами, императивности придания процессу ядерного разоружения многостороннего характера. Российская Федерация исходит из того, что переговоры о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений возможны только с учетом всех без исключения факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность. Россия рассматривает создание глобальной системы противоракетной обороны США как угрозу своей национальной безопасности и оставляет за собой право принятия адекватных ответных мер.

74. Россия ожидает, что США в своих действиях на мировой арене будут строго соблюдать нормы международного права, прежде всего закрепленные в Уставе ООН.

75. Российская Федерация открыта к выстраиванию отношений с Канадой на основе взаимного уважения интересов и накопленного опыта сотрудничества, в том числе в Арктике.

76. Россия проводит линию, направленную на сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике. Российская Федерация исходит из достаточности имеющейся международной договорно-правовой базы для успешного урегулирования путем переговоров всех возникающих в регионе вопросов, включая вопросы установления внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Россия считает, что арктические государства несут особую ответственность за устойчивое развитие региона, и в связи с этим выступает за укрепление взаимодействия в формате Арктического совета, прибрежной арктической «пятерки», а также Совета Баренцева/Евроарктического региона. Россия будет твердо противодействовать любым попыткам привнести в Арктику элементы политики конфронтации и военного противостояния, политизировать

международное взаимодействие в регионе в целом. Существенное значение для развития региона имеет использование Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации России в Арктике, а также использование его для осуществления транзитных перевозок между Европой и Азией.

77. Российская Федерация продолжит работу по сохранению и расширению своего присутствия в Антарктике, в том числе на основе эффективного использования механизмов и процедур, предусмотренных системой Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г.

78. Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону. Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах.

79. Россия считает важным дальнейшее укрепление позиций ШОС в региональных и глобальных делах и расширение ее состава, выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС, осуществление в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии, а также за развитие взаимодействия с государствами — членами ШОС, наблюдателями при ШОС и партнерами по диалогу ШОС.

80. Россия стремится к укреплению комплексного, имеющего долгосрочный характер диалогового партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и его выведению на уровень стратегического партнерства. Усилия на этом направлении будут подкрепляться расширением взаимодействия в таких форматах, как Восточноазиатский саммит, являющийся площадкой для стратегического диалога лидеров государств по концептуальным вопросам обустройства Азиатско-Тихоокеанского региона, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны государств — членов АСЕАН с диалоговыми партнерами.

81. Россия выступает за широкое взаимовыгодное экономическое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с использованием возможностей форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество».

82. Россия настроена на формирование общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства — пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах.

83. Россия рассматривает форум «Азия — Европа» и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии в качестве востребованных механизмов развития многопланового практического сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона и будет принимать активное участие в деятельности этих структур.

84. Россия продолжит наращивать всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, активно развивать сотрудничество с ней во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая противодействие новым вызовам и угрозам, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в международных организациях и многосторонних объединениях.

85. Россия выступает за дальнейшее углубление особо привилегированного стратегического партнерства с Республикой Индией, основанного на совпадении внешнеполитических приоритетов, исторической дружбе и глубоком взаимном доверии, а также за упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепление взаимовыгодных двусторонних связей во всех сферах, прежде всего в торгово-экономической, ориентируясь на реализацию утвержденных сторонами долгосрочных программ сотрудничества.

86. Россия считает необходимым продолжить дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и практического сотрудничества в формате РИК.

87. Россия намерена укреплять традиционно дружественные связи с Монголией.

88. Российская Федерация продолжит курс на выстраивание добрососедских связей и осуществление взаимовыгодного сотрудничества с Японией, в том числе в целях обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

89. Россия, заинтересованная в поддержании традиционно дружественных отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, будет добиваться снижения уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове, а также достижения примирения и развития межкорейского сотрудничества посредством развития политического диалога. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации, исходя из того, что средством достижения этой цели являются шестисторонние переговоры. Российская Федерация продолжит прилагать усилия в целях формирования механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также будет принимать меры по расширению экономического взаимодействия в регионе.

90. Россия стремится последовательно углублять всеобъемлющее стратегическое партнерство с Социалистической Республикой Вьетнам, а также расширять многоплановое сотрудничество с Республикой Индонезией, Королевством Таиланд, Республикой Сингапур, Малайзией и другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

91. Россия продолжит развивать взаимодействие с Австралией и Новой Зеландией по вопросам, представляющим взаимный интерес, а также поддерживать регулярные контакты и связи с государствами южной части Тихого океана.

92. Россия продолжит вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, поддерживать коллективные усилия, направленные на нейтрализацию угроз, исходящих от международных террористических группировок, проводить последовательный курс на политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в государствах этого региона на основе уважения их суверенитета и территориальной целостности, права самим определять свою судьбу без вмешательства извне. В качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН

и участника ближневосточного «квартета» международных посредников Россия продолжит прилагать усилия, направленные на достижение на международно-правовой основе всеобъемлющего, справедливого, долгосрочного урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах.

93. Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Россия поддерживает единство, независимость и территориальную целостность Сирийской Арабской Республики как светского, демократического, плюралистического государства, представители всех этноконфессиональных групп которого будут жить в мире и безопасности и пользоваться равными правами и возможностями.

94. Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договоренности по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе резолюции Совета Безопасности ООН 2231 от 20 июля 2015 г., соответствующих решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие.

95. Россия намерена и далее развивать двусторонние отношения с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе используя механизм взаимодействия министров иностранных дел в рамках Российско-Арабского форума сотрудничества, продолжать стратегический диалог с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива.

96. Россия будет использовать возможности участия в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества в целях дальнейшего расширения взаимодействия с государствами исламского мира, развития партнерства с ними в различных областях.

97. Сохраняющаяся нестабильность ситуации в Исламской Республике Афганистан на фоне вывода из страны большей части международных военных контингентов несет серьезную угрозу безопасности России и других государств — участников СНГ. Российская Федерация во взаимодействии с Исламской Республикой Афганистан, другими заинтересованными государствами

и с использованием возможностей ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС и иных международных структур будет последовательно прилагать усилия в целях скорейшего урегулирования проблем этого государства при уважении прав и законных интересов всех населяющих его этнических групп, постконфликтного восстановления в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой и политической системой. Неотъемлемой частью таких усилий является реализация комплексных мер по снижению уровня террористической угрозы, исходящей с афганской территории и направленной против других, в том числе соседних с Афганистаном, государств, а также по ликвидации или существенному сокращению незаконного производства и оборота наркотических средств. Россия выступает за дальнейшее наращивание под эгидой ООН международных усилий, направленных на оказание Исламской Республике Афганистан и сопредельным с ней государствам помощи в противодействии этим вызовам.

98. Россия продолжит всемерное укрепление отношений с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна с учетом растущей роли этого региона в мировых делах. Россия будет стремиться к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами в рамках международных и региональных форумов, к расширению сотрудничества с многосторонними объединениями и интеграционными структурами Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности с Сообществом латиноамериканских и карибских государств, Южноамериканским общим рынком, Союзом южноамериканских государств, Центральноамериканской интеграционной системой, Боливарианским альянсом для народов нашей Америки, Тихоокеанским альянсом, Карибским сообществом.

99. Россия будет расширять разноплановое взаимодействие с африканскими государствами на двусторонней и многосторонней основе посредством совершенствования политического диалога и развития взаимовыгодных торгово-экономических связей, наращивания всестороннего сотрудничества в общих интересах, содействовать предотвращению региональных конфликтов и кризисных ситуаций, а также постконфликтному урегулированию в Африке. Важной составной частью продвижения по этому направлению является развитие партнерских отношений с Африканским союзом и субрегиональными организациями.

V. Формирование и реализация внешней политики Российской Федерации

100. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внешней политики государства, осуществляет руководство внешней политикой страны и как глава государства представляет Российскую Федерацию в международных отношениях.

101. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии.

102. Правительство Российской Федерации осуществляет меры по реализации внешней политики страны.

103. Совет Безопасности Российской Федерации осуществляет формирование основных направлений государственной внешней и военной политики, прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз национальной безопасности России, подготовку Президенту Российской Федерации предложений о применении специальных экономических мер в целях обеспечения национальной безопасности, рассмотрение вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения национальной безопасности.

104. Министерство иностранных дел Российской Федерации разрабатывает общую стратегию внешней политики Российской Федерации и представляет соответствующие предложения Президенту Российской Федерации, осуществляет реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации в соответствии с настоящей Концепцией и Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №605, а также координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в области международных отношений и международного сотрудничества

в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. №1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации».

105. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству оказывает содействие Министерству иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в части, касающейся координации в установленном порядке программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества

106. Субъекты Российской Федерации осуществляют международные и внешнеэкономические связи в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 4 января 1999 г. №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и иными законодательными актами. Министерство иностранных дел Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают органам государственной власти субъектов Российской Федерации необходимую правовую и экспертно-консультативную помощь в развитии международных и внешнеэкономических связей, в организации и ведении переговоров, в выработке текстов соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в выполнении указанных соглашений, а также обеспечивают защиту прав и законных интересов субъектов Российской Федерации в иностранных государствах, используя в этих целях возможности Совета глав субъектов Российской Федерации при Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими регионами и государствами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях.

107. При подготовке внешнеполитических решений федеральные органы исполнительной власти на постоянной основе взаимодействуют с палатами Федерального Собрания Российской Федерации, российскими политическими партиями, неправитель-

ственными организациями, экспертным и научным сообществом, культурно-гуманитарными объединениями, деловыми кругами и средствами массовой информации, способствуя их участию в международном сотрудничестве. Широкое вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс соответствует общемировой практике и тенденциям развития России, отвечает задаче формирования консенсусного характера внешней политики страны, содействует ее эффективной реализации.

108. Для финансирования внешнеполитических мероприятий могут привлекаться на добровольной основе внебюджетные средства в рамках государственно-частного партнерства.

Приложение 7. Указ Президента Российской Федерации Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646

Утверждена
Указом Президента
Российской Федерации
от 5 декабря 2016 г. №646

ДОКТРИНА
информационной безопасности Российской Федерации

I. Общие положения

1. Настоящая Доктрина представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере.

В настоящей Доктрине под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет»), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность

которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

2. В настоящей Доктрине используются следующие основные понятия:

а) национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере (далее — национальные интересы в информационной сфере) — объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы;

б) угроза информационной безопасности Российской Федерации (далее — информационная угроза) — совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере;

в) информационная безопасность Российской Федерации (далее — информационная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства;

г) обеспечение информационной безопасности — осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-разыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления;

д) силы обеспечения информационной безопасности — государственные органы, а также подразделения и должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченные на решение в соответствии с законодательством Российской Федерации задач по обеспечению информационной безопасности;

е) средства обеспечения информационной безопасности — правовые, организационные, технические и другие средства, используемые силами обеспечения информационной безопасности;

ж) система обеспечения информационной безопасности — совокупность сил обеспечения информационной безопасности, осуществляющих скоординированную и спланированную деятельность, и используемых ими средств обеспечения информационной безопасности;

з) информационная инфраструктура Российской Федерации (далее — информационная инфраструктура) — совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации.

3. В настоящей Доктрине на основе анализа основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности определены стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

4. Правовую основу настоящей Доктрины составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

5. Настоящая Доктрина является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683, а также других документов стратегического планирования в указанной сфере.

6. Настоящая Доктрина является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности.

II. Национальные интересы в информационной сфере

7. Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Их эффективное применение является фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества.

Информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

8. Национальными интересами в информационной сфере являются:

а) обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации;

б) обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, в первую очередь критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее — критическая информационная инфраструктура) и единой сети электросвязи Российской Федерации, в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

в) развитие в Российской Федерации отрасли информационных технологий и электронной промышленности, а также совершенствование деятельности производственных, научных и научно-технических организаций по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности;

г) доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире, применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры;

д) содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве.

9. Реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Российской Федерации.

III. Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности

10. Расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы.

Возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности.

При этом практика внедрения информационных технологий без увязки с обеспечением информационной безопасности существенно повышает вероятность проявления информационных угроз.

11. Одним из основных негативных факторов, влияющих на состояние информационной безопасности, является наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях.

Одновременно с этим усиливается деятельность организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса.

12. Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий.

Отмечается тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации.

Российские средства массовой информации зачастую подвергаются за рубежом откровенной дискриминации, российским журналистам создаются препятствия для осуществления их профессиональной деятельности.

Наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

13. Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры.

14. Возрастают масштабы компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся все изощреннее.

15. Состояние информационной безопасности в области обороны страны характеризуется увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности.

16. Состояние информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности характеризуется постоянным повышением сложности, увеличением масштабов и ростом скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры, усилением разведывательной деятельности иностранных государств в отношении Российской Федерации, а также нарастанием угроз применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности Российской Федерации.

17. Состояние информационной безопасности в экономической сфере характеризуется недостаточным уровнем развития конкурентоспособных информационных технологий и их использования для производства продукции и оказания услуг. Остается высоким уровень зависимости отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий в части, касающейся электронной компонентной базы, программного обеспечения, вычислительной техники и средств связи, что обусловливает зависимость социально-экономического развития Российской Федерации от геополитических интересов зарубежных стран.

18. Состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности, а также низкой осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая

ее целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую не имеют комплексной основы.

19. Состояние информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства характеризуется стремлением отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве.

Существующее в настоящее время распределение между странами ресурсов, необходимых для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет», не позволяет реализовать совместное справедливое, основанное на принципах доверия управление ими.

Отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства.

IV. Стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности

20. Стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, в том числе в целях осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на подрыв суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности.

21. В соответствии с военной политикой Российской Федерации основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны страны являются:

а) стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий;

б) совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, включающей в себя силы и средства информационного противоборства;

в) прогнозирование, обнаружение и оценка информационных угроз, включая угрозы Вооруженным Силам Российской Федерации в информационной сфере;

г) содействие обеспечению защиты интересов союзников Российской Федерации в информационной сфере;

д) нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

22. Стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры.

23. Основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются:

а) противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации;

б) пресечение деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности Российской Федерации, осуществляемой с использованием технических средств и информационных технологий специальными службами и организациями иностранных государств, а также отдельными лицами;

в) повышение защищенности критической информационной инфраструктуры и устойчивости ее функционирования, развитие механизмов обнаружения и предупреждения информационных угроз и ликвидации последствий их проявления, повышение защищенности граждан и территорий от последствий чрезвы-

чайных ситуаций, вызванных информационно-техническим воздействием на объекты критической информационной инфраструктуры;

г) повышение безопасности функционирования объектов информационной инфраструктуры, в том числе в целях обеспечения устойчивого взаимодействия государственных органов, недопущения иностранного контроля за функционированием таких объектов, обеспечение целостности, устойчивости функционирования и безопасности единой сети электросвязи Российской Федерации, а также обеспечение безопасности информации, передаваемой по ней и обрабатываемой в информационных системах на территории Российской Федерации;

д) повышение безопасности функционирования образцов вооружения, военной и специальной техники и автоматизированных систем управления;

е) повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям;

ж) обеспечение защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, иной информации ограниченного доступа и распространения, в том числе за счет повышения защищенности соответствующих информационных технологий;

з) совершенствование методов и способов производства и безопасного применения продукции, оказания услуг на основе информационных технологий с использованием отечественных разработок, удовлетворяющих требованиям информационной безопасности;

и) повышение эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации;

к) нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

24. Стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в экономической сфере являются сведение к минимально возможному уровню влияния негативных факторов, обусловленных недостаточным уровнем развития отечественной отрасли информационных технологий и электронной промышлен-

ности, разработка и производство конкурентоспособных средств обеспечения информационной безопасности, а также повышение объемов и качества оказания услуг в области обеспечения информационной безопасности.

25. Основными направлениями обеспечения информационной безопасности в экономической сфере являются:

а) инновационное развитие отрасли информационных технологий и электронной промышленности, увеличение доли продукции этой отрасли в валовом внутреннем продукте, В структуре экспорта страны;

б) ликвидация зависимости отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий и средств обеспечения информационной безопасности за счет создания, развития и широкого внедрения отечественных разработок, а также производства продукции и оказания услуг на их основе;

в) повышение конкурентоспособности российских компаний, осуществляющих деятельность в отрасли информационных технологий и электронной промышленности, разработку, производство и эксплуатацию средств обеспечения информационной безопасности, оказывающих услуги В области обеспечения информационной безопасности, В том числе за счет создания благоприятных условий для осуществления деятельности на территории Российской Федерации;

г) развитие отечественной конкурентоспособной электронной компонентной базы и технологий производства электронных компонентов, обеспечение потребности внутреннего рынка в такой продукции и выхода этой продукции на мировой рынок.

26. Стратегической целью обеспечения информационной безопасности В области науки, технологий и образования является поддержка инновационного и ускоренного развития системы обеспечения информационной безопасности, отрасли информационных технологий и электронной промышленности.

27. Основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования являются:

а) достижение конкурентоспособности российских информационных технологий и развитие научно-технического потенциала в области обеспечения информационной безопасности;

б) создание и внедрение информационных технологий, изначально устойчивых к различным видам воздействия;

в) проведение научных исследований и осуществление опытных разработок в целях создания перспективных информационных технологий и средств обеспечения информационной безопасности;

г) развитие кадрового потенциала в области обеспечения информационной безопасности и применения информационных технологий;

д) обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

28. Стратегической целью обеспечения информационной безопасности В области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства является формирование устойчивой системы неконфликтных межгосударственных отношений в информационном пространстве.

29. Основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства являются:

а) защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов В информационной сфере;

б) участие в формировании системы международной информационной безопасности, обеспечивающей эффективное противодействие использованию информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, а также в террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целях;

в) создание международно-правовых механизмов, учитывающих специфику информационных технологий, в целях предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов в информационном пространстве;

г) продвижение в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере;

д) развитие национальной системы управления российским сегментом сети «Интернет».

V. Организационные основы обеспечения информационной безопасности

30. Система обеспечения информационной безопасности является частью системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Обеспечение информационной безопасности осуществляется на основе сочетания законодательной, правоприменительной, правоохранительной, судебной, контрольной и других форм деятельности государственных органов во взаимодействии с органами местного самоуправления, организациями и гражданами.

31. Система обеспечения информационной безопасности строится на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в данной сфере с учетом предметов ведения федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, определяемых законодательством Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

32. Состав системы обеспечения информационной безопасности определяется Президентом Российской Федерации.

33. Организационную основу системы обеспечения информационной безопасности составляют: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, Центральный банк Российской Федерации, Военно-промышленная комиссия Российской Федерации, межведомственные органы, создаваемые Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы судебной власти, принимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации участие в решении задач по обеспечению информационной безопасности.

Участниками системы обеспечения информационной безопасности являются: собственники объектов критической информационной инфраструктуры и организации, эксплуатирующие такие

объекты, средства массовой информации и массовых коммуникаций, организации денежно-кредитной, валютной, банковской и иных сфер финансового рынка, операторы связи, операторы информационных систем, организации, осуществляющие деятельность по созданию и эксплуатации информационных систем и сетей связи, по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, по оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности, организации, осуществляющие образовательную деятельность в данной области, общественные объединения, иные организации и граждане, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации участвуют в решении задач по обеспечению информационной безопасности.

34. Деятельность государственных органов по обеспечению информационной безопасности основывается на следующих принципах:

а) законность общественных отношений в информационной сфере и правовое равенство всех участников таких отношений, основанные на конституционном праве граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом;

б) конструктивное взаимодействие государственных органов, организаций и граждан при решении задач по обеспечению информационной безопасности;

в) соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере;

г) достаточность сил и средств обеспечения информационной безопасности, определяемая в том числе посредством постоянного осуществления мониторинга информационных угроз;

д) соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, а также законодательства Российской Федерации.

35. Задачами государственных органов в рамках деятельности по обеспечению информационной безопасности являются:

а) обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и организаций в информационной сфере;

б) оценка состояния информационной безопасности, прогнозирование и обнаружение информационных угроз, определение приоритетных направлений их предотвращения и ликвидации последствий их проявления;

в) планирование, осуществление и оценка эффективности комплекса мер по обеспечению информационной безопасности;

г) организация деятельности и координация взаимодействия сил обеспечения информационной безопасности, совершенствование их правового, организационного, оперативно-разыскного, разведывательного, контрразведывательного, научно-технического, информационно-аналитического, кадрового и экономического обеспечения;

д) выработка и реализация мер государственной поддержки организаций, осуществляющих деятельность по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, по оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности, а также организаций, осуществляющих образовательную деятельность в данной области.

36. Задачами государственных органов в рамках деятельности по развитию и совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности являются:

а) укрепление вертикали управления и централизация сил обеспечения информационной безопасности на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном уровнях, а также на уровне объектов информатизации, операторов информационных систем и сетей связи;

б) совершенствование форм и методов взаимодействия сил обеспечения информационной безопасности в целях повышения их готовности к противодействию информационным угрозам, в том числе путем регулярного проведения тренировок (учений);

в) совершенствование информационно-аналитических и научно-технических аспектов функционирования системы обеспечения информационной безопасности;

г) повышение эффективности взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан при решении задач по обеспечению информационной безопасности.

37. Реализация настоящей Доктрины осуществляется на основе отраслевых документов стратегического планирования

Российской Федерации. В целях актуализации таких документов Советом Безопасности Российской Федерации определяется перечень приоритетных направлений обеспечения информационной безопасности на среднесрочную перспективу с учетом положений стратегического прогноза Российской Федерации.

38. Результаты мониторинга реализации настоящей Доктрины отражаются в ежегодном докладе Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Приложение № 8. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 605

Дата подписания 7 мая 2012 г.
Опубликован 9 мая 2012 г.
Вступает в силу 7 мая 2012 г.

В целях последовательной реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, позволяющего обеспечивать ее национальные интересы на основе принципов прагматизма, открытости и многовекторности в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений, постановляю:

1. Министерству иностранных дел Российской Федерации совместно с другими федеральными органами исполнительной власти:

а) содействовать созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития Российской Федерации, модернизации ее экономики, укреплению позиций России как равноправного партнера на мировых рынках;

б) добиваться утверждения верховенства права в международных отношениях, твердо отстаивать центральную роль ООН в мировых делах, основополагающие принципы Устава ООН, которые требуют развивать дружественные отношения между

государствами на основе равноправия, уважения их суверенитета и территориальной целостности, главной ответственности Совета Безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности, расширять вклад Российской Федерации в миротворческие операции ООН;

в) активно задействовать различные формы многосторонней дипломатии, включая БРИКС, «Группу двадцати», «Группу восьми», Шанхайскую организацию сотрудничества;

г) содействовать активизации коллективных международных усилий по противодействию глобальным вызовам и угрозам, включая опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, наркотрафик, организованную преступность, региональные конфликты;

д) в отношениях с государствами — участниками Содружества Независимых Государств:

рассматривать развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств как ключевое направление внешней политики Российской Федерации; последовательно проводить курс на дальнейшее развитие разнопланового сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в социально-экономической, гуманитарной, правоохранительной и других сферах; содействовать вступлению в силу и практической реализации Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г.; продолжать активно расширять взаимодействие с Республикой Белоруссия в рамках Союзного государства; способствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Белоруссия и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников Содружества Независимых Государств, содействовать международному позиционированию новых интеграционных структур; укреплять Организацию Договора о коллективной безопасности, ее механизмы оперативного реагирования на современные вызовы и угрозы и ее миротворческий потенциал, совершенствовать

внешнеполитическую координацию в рамках этой организации; продолжать активно участвовать в поиске путей решения приднестровской проблемы на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и нейтрального статуса Республики Молдова при определении особого статуса Приднестровья; продолжать последовательную работу в интересах урегулирования нагорно-карабахского конфликта во взаимодействии с другими государствами — сопредседателями Минской группы ОБСЕ и на основе принципов, изложенных в совместных заявлениях Президента Российской Федерации, Президента Соединенных Штатов Америки и Президента Французской Республики, сделанных в 2009–2011 годах;

е) активно содействовать становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению этих республик;

ж) в отношениях с Европейским союзом:

выступать за достижение стратегической цели — создание единого экономического и человеческого пространства от Атлантического до Тихого океана; добиваться заключения соглашения с Европейским союзом об отмене виз при краткосрочных взаимных поездках граждан; отстаивать принципы равноправия и взаимной выгоды в работе над новым базовым соглашением между Российской Федерацией и Европейским союзом о стратегическом партнерстве; способствовать эффективной реализации программы «Партнерство для модернизации»; развивать взаимовыгодное энергетическое партнерство в целях создания единого энергетического комплекса Европы, добиваясь строгого соблюдения имеющихся двусторонних и многосторонних договорных обязательств;

з) в Азиатско-Тихоокеанском регионе:

наращивать участие в региональных интеграционных процессах в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; продвигать инициативы по формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных

внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности; разработать дополнительные предложения для включения в повестки дня Восточноазиатских саммитов и диалогового партнерства Россия — АСЕАН; углублять равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, стратегическое партнерство с Республикой Индией, Социалистической Республикой Вьетнам, развивать взаимовыгодное сотрудничество с Японией, Республикой Корея, Австралией, Новой Зеландией и другими ключевыми государствами Азиатско-Тихоокеанского региона;

и) в отношениях с Соединенными Штатами Америки:

проводить курс на поддержание стабильного и предсказуемого взаимодействия на основе принципов равноправия, невмешательства во внутренние дела и уважения взаимных интересов, ориентируясь на выведение двустороннего сотрудничества на подлинно стратегический уровень; уделять приоритетное внимание качественному наращиванию торгово-экономического сотрудничества, расширению деятельности Российско-Американской президентской комиссии, обеспечению равноправного, недискриминационного режима в двусторонней торговле на постоянной и безусловной основе; вести активную работу в целях недопущения введения односторонних экстерриториальных санкций Соединенными Штатами Америки против российских юридических и физических лиц; продвигать инициативы, касающиеся дальнейшей либерализации визового режима; обеспечивать последовательную реализацию Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 г.; исходить из того, что переговоры о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений возможны только в контексте учета всех без исключения факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность; последовательно отстаивать российские подходы в связи с созданием глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки, добиваясь предоставления твердых гарантий ее ненаправленности против российских сил ядерного сдерживания;

к) в Евро-Атлантическом регионе:

продолжать работу в целях создания на евро-атлантическом пространстве системы равной и неделимой безопасности на международно-правовой основе; развивать отношения с Организацией Североатлантического договора соразмерно ее готовности учитывать интересы Российской Федерации в сфере безопасности и стратегической стабильности и уважать основополагающие принципы международного права; продвигать инициативы по реформированию Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в целях превращения ее в эффективный механизм коллективного взаимодействия в интересах всех государств-участников; поддерживать деятельность Совета Европы по укреплению единого для всех европейских государств правового пространства;

л) продолжать углублять отношения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, консолидировать позиции по повестке дня международных форумов, обеспечивать реализацию мер, направленных на использование потенциала растущих рынков Латинской Америки для закрепления российских компаний в динамично развивающихся секторах промышленности, энергетики, связи и транспорта, а также расширять сотрудничество с многосторонними объединениями в регионе;

м) развивать традиционно дружественные связи со странами Африки в целях дальнейшего продвижения геополитических и экономических интересов Российской Федерации на базе многогранного взаимовыгодного сотрудничества, расширять контакты с Африканским союзом и субрегиональными объединениями в решении проблем развития Африки;

н) в отношении кризисных ситуаций:

отстаивать безальтернативность политико-дипломатического урегулирования региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества путем вовлечения всех заинтересованных сторон в переговоры; содействовать всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта на общепризнанной международно-правовой базе; поддерживать создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки; выступать за преодоление внутригосударственных кризисов в регионе Ближнего

Востока и Северной Африки путем прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, и проведения общенационального диалога без предварительных условий, на основе уважения суверенитета и территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела; на двусторонней основе и во взаимодействии с партнерами по Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества, а также в рамках проектов по линии Совета Россия — НАТО оказывать содействие Исламской Республике Афганистан в деле построения мирного, независимого, демократического государства, способного самостоятельно решать проблемы борьбы с терроризмом, наркотиками и организованной преступностью; добиваться урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы исключительно политико-дипломатическими средствами, через налаживание диалога, на основе поэтапности и взаимности; способствовать мирному урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова в рамках шестистороннего переговорного процесса и продолжению работы по формированию механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии;

о) продолжать целенаправленную работу по надлежащему международно-правовому оформлению внешних границ Российской Федерации, включая внешние границы континентального шельфа, и разграничению прилегающих морских пространств при безусловном обеспечении национальных интересов России, прежде всего в сфере безопасности и экономики, исходя из задачи укрепления доверия и сотрудничества с сопредельными государствами;

п) проводить конструктивную линию на укрепление разноформатного сотрудничества в Арктике при уважении суверенитета и юрисдикции арктических государств;

р) продолжать работу по сохранению и расширению присутствия Российской Федерации в Антарктике, в том числе на основе эффективного использования механизмов и процедур, предусмотренных системой Договора об Антарктике;

с) содействовать продвижению и защите интересов российского бизнеса на внешних рынках, обеспечивать дипломатическое сопровождение отечественных деловых проектов, противодействовать дискриминации за рубежом российских участников внешнеэкономической деятельности;

т) в сфере международных гуманитарных связей:

проводить активную работу по защите прав человека, противодействовать попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств; обеспечивать всестороннюю защиту прав, свобод и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, принять меры к расширению заграничных консульских учреждений Российской Федерации и к увеличению бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующие проекты по линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом и некоммерческой организации «Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом»; активизировать усилия по созданию прочной юридической базы и механизмов для эффективной защиты прав и законных интересов российских детей, усыновляемых (удочеряемых) за рубежом, в том числе заключение соответствующих межправительственных соглашений и подготовку предложений о внесении необходимых изменений в законодательство Российской Федерации; расширять российское культурное присутствие за рубежом, укреплять позиции русского языка в мире, развивать сеть российских центров науки и культуры;

у) в интересах повышения результативности российской внешней политики эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс, укреплять взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, некоммерческой организацией «Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова», другими неправительственными организациями внешнеполитической направленности, содействовать их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических диалоговых форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве;

ф) совершенствовать информационное сопровождение внешнеполитической деятельности в интересах объективного восприятия Российской Федерации на международной арене;

х) обеспечивать защиту прав Российской Федерации на ее дипломатическое недвижимое имущество за рубежом; содействовать урегулированию вопросов, связанных с размещением дипломати-

ческих представительств иностранных государств на территории Российской Федерации.

2. Правительству Российской Федерации разработать концепцию укрепления ресурсного и кадрового потенциала системы Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации и Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

3. Министерству иностранных дел Российской Федерации:

а) представить в установленном порядке до декабря 2012 г. проект Концепции внешней политики Российской Федерации в новой редакции;

б) обеспечить координацию работы, связанной с реализацией настоящего Указа.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации В. Путин

Приложение №9.
Презентация: Логика анализа и долгосрочного прогноза развития международной и военно-политической обстановки в XXI веке

Любой общественно-политический анализ и прогноз – субъективен, но в его основе лежит:

– логика, концепция;

– сумма определенных теоретических знаний;

– качественная (и объемная для анализа МО и ВПО) информация;

– интуиция и опыт экспертов;

– вера.

2

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основа современного анализа и прогноза политического процесса (модель)

3

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

В качестве наиболее вероятного сценария развития МО до 2050 годов в 2013 году был предложен сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)» с другими ЛЧЦ, центрами силы и странами за сохранение своего контроля над созданными этой ЛЧЦ военно-политической и финансово-экономическими системами в мире в предыдущие десятилетия.

4

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Модель международной обстановки (МО), формирующаяся под влиянием четырех основных групп факторов и тенденций

Локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ), как видно на рисунке, относятся к группе факторов – субъектов МО, в которую входят нации, государства, союзы и коалиции.

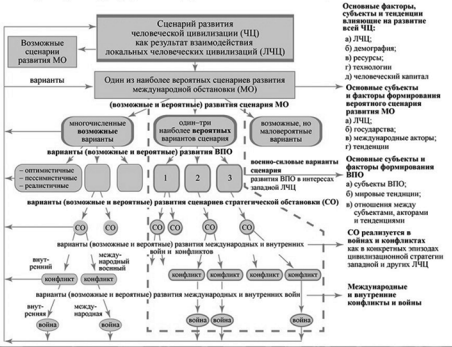
Однако со второй половины XX века в этой группе факторов именно ЛЧЦ, возглавляемая страной-лидером, стала играть решающую роль.

Это привело к тому, что в конце XX века стали говорить о том, что именно характер отношений между ЛЧЦ определяет характер МО, а влияние других групп факторов носит второстепенный характер.

5

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Логика развития взаимоотношений между ЛЧЦ и другими субъектами МО с точки зрения влияния на формирование МО и ВПО, а также будущего характера международных и внутренних войн и военных конфликтов

Как видно из этого рисунка, развитие ВПО, СО и вероятных войн и конфликтов **во многом детерминируется развитием человеческой цивилизации и МО, прежде всего отношениями между ЛЧЦ**.

Справедливо, однако, и обратное утверждение: влияние войн, конфликтов и логики военно-технического и военно-политического развития на МО не только существует, но и может быть весьма существенным, (на данном рисунке) оно и показано стрелками, иллюстрирующими обратное влияние.

6

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Существующая формальная иерархия стратегий, концепций и планов национального развития и безопасности в России

– нет связи между блоками "Безопасность" и "Развитие";
– не предусматривает влияния стратегического прогноза на Стратегию;
– не дает реального общенационального стратегического прогноза.

7

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Последовательность разработки стратегических прогнозов

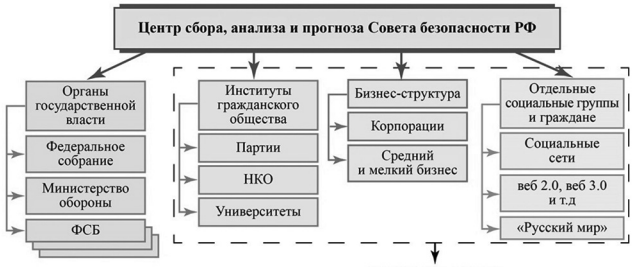

Последовательность разработки стратегии национальной безопасности

Обеспечение экспертной деятельности

Экспертно-аналитическая структура обеспечения деятельности новой военной организации

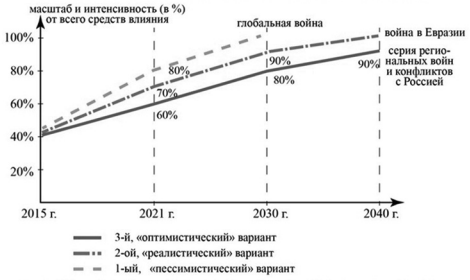

– не предусматривает влияния стратегического прогноза на Стратегию;
– не дает реального общенационального стратегического прогноза.

10

Сценарии развития МО в XXI в.

Отличие вариантов базового сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство ЛЧЦ» до 2025 года в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы в общем объеме средств силовой политики западной ЛЧЦ

11

Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 год

12

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

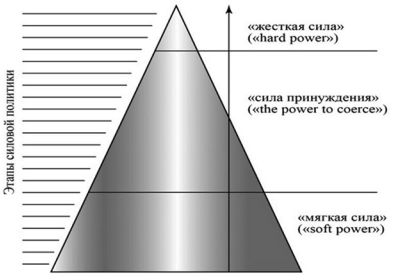
Политика новой публичной дипломатии западной ЛЧЦ

13

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

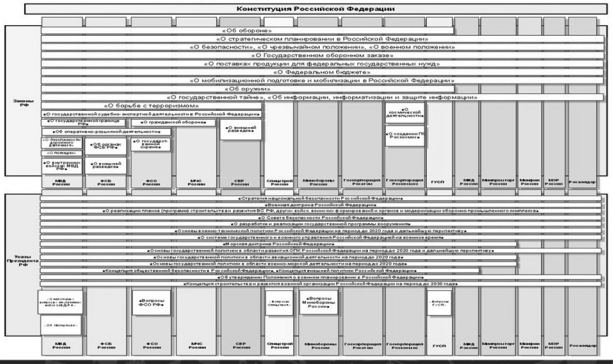
Стратегия «принуждения» против стратегии «сдерживания»

Вывод: политика стратегического сдерживания России не адекватна

14

Законодательные основы ВП

15

Новая публичная дипломатия

Главные цели публичной дипломатии во второй половине XX века:	Главные цели публичной дипломатии в начале XXI века:
1. Дестабилизации внутриполитической ситуации в социалистических странах;	1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики;
2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ;	2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах;
3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока.	3. Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ.
Основные ресурсы:	Основные ресурсы:
1. Государственные средства внешней политики, СМИ и специальные средства;	1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (МО, например, финансов и др.) и ведомств;
2. Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах.	2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу.
Стратегия:	Стратегия:
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТ.	Сетецентрическая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ.

16

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

1.Анализ и оценки современного состояния Стратегии национальной безопасности (существующей как на практике, в политике, так и в форме соответствующего Указа Президента № 683 от 31 декабря 2015 года) представляется крайне актуальным в связи с качественными изменениями, которые произошли в международной и военно-политической обстановке в последние годы, но которые пока что не нашли своего четкого отражения в политике безопасности России.

Эти изменения, в свою очередь, потребовали пересмотра многих фундаментальных основ и подходов к обеспечению безопасности. Включая теоретических и методологических, которых пока что не произошло.
В частности, это привело к неотложной возросшей потребности долгосрочного стратегического прогнозирования и планирования при подготовке базовых документов социально-экономического, бюджетного и финансового характера.

17

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

Именно такая практика существует не только в США, но и в Великобритании, Китае и даже Австралии. Так, Стратегия национальной безопасности и Военная стратегия национальной безопасности США исходят из положений стратегического прогноза, а не только современной оценки (как это есть в последних двух редакциях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

В этой связи хотел бы отметить, что в Центре военно-политических исследований МГИМО за последние 4-5 лет было сделано несколько работ, посвященных теоретическим и методологическим аспектам в области стратегического прогнозирования и планирования международной и военно-политической обстановки , а также предложения и рекомендации к новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. , опубликованным отдельными изданиями.

18

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

2.Смена парадигм безопасности, произошедшая в начале столетия, отразилась на оценке внешних и внутренних опасностей и угроз, а также средств и способов противодействия, что требует специального, системного и углубленного изучения. В особенности если речь идет об информационных, психологически и средствах влияния западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ), объединенных в единую систему политики «силового принуждения», где главной целью политического воздействия становится правящая элита и руководство страны оппонента. В этой связи представляется целесообразным и особенно актуальным специальные исследования, посвященные анализу и прогнозу развития политического и военного искусства на Западе, в частности политики «новой публичной дипломатии» и лежащей в её основе стратегии «силового принуждения» (the power to coerce), а также развития специальных информационно-психологических средств и социальных сетей, Web 2.0 , 3.0 и иных Интернет-технологий.

19

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

3. Представляется остро необходимым изучение и проработка механизмов более тесной взаимосвязи между двумя блоками Стратегии национальной безопасности РФ – «блоком безопасности» (доктринами, концепциями и стратегиями обеспечения безопасности) – и «блоком развития» (концепции социально-экономического, инновационного, регионального и т.д.развития), между которыми часто существует только формальная взаимосвязь.

В условиях финансово-бюджетных ограничений необходим поиск таких исключительно эффективных решений, которые одновременно позитивно сказываются как на социально-экономическом и технологическом развитии, так и на обеспечении безопасности страны. Это вполне возможно и не раз удавалось в прошлом (например, создание квантовых генераторов, космические исследования и пр.), но должно стать обязательной нормой при долгосрочном планировании выделения финансовых средств.

20

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

4. Большое значение имеет изучение и использование опыта изменения структуры военной организации на Западе и, прежде всего, в США, которая в настоящее время объединяет не только государственные институты, но и негосударственные акторов – общественные и коммерческие институты и организации, - т.е. имеет общенациональный характер.

Думается, что есть все основания для того, чтобы в полной мере учесть и использовать этот опыт (который был применим в СССР в качестве механизма общенационального управления, например, при учреждении ГКО в Великой Отечественной войне).

21

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

5. Важное значение в начале XX! века приобретает исследование коалиционной стратегии Запада, которая выразилась в формировании по сути дела военно-политических коалиций во главе с США (на базе общих интересов, ценностей и идеологических предпочтений западной ЛЧЦ), развитие которых, судя по документам и действиям на Западе, имеет в настоящее время наиболее приоритетное значение.

Особенную значимость этому явлению придает тот факт, что силовое противоборство России с западной коалицией происходит в условиях достаточно жесткого финансово-бюджетного дефицита, когда необходимо учитывать несопоставимость ресурсов и возможностей.

22

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

6. Наконец, представляется актуальным и эффективным изучение зарубежного опыта привлечения к работе над вопросами национальной безопасности не только представителей государственных институтов, но и бизнес структур, а также формальных и неформальных групп исследователей, использование в этих целях всего творческого и интеллектуального потенциала нации.

Так, за рубежом нередко наиболее интересные и эффективные решения появляются в результате работ, сделанных негосударственными коллективами и отдельными авторами по отдельным заказам (либо за объявленную премию, либо из-за других мотивов).

23

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

7. И последнее. Изучение зарубежного опыта сбора, анализа, обработки информации и сделанных на их основе прогнозах и планировании показывает, что не только для его анализа, но и использования необходима самостоятельная и высокоэффективная информационно-аналитическая структура, работающая в интересах Совета Безопасности РФ, а не только отдельных министерств и ведомств.

Нередко такие информационно-аналитические подразделения министерств, ведомств и служб имеют узко ведомственный характер и не всегда отличаются высоким качеством исследований.

24

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Основные выводы и рекомендации в отношении существующей Стратегии национальной безопасности России

У Совета Безопасности РФ в этих условиях недостаточно возможностей, которые основаны на праве координировать деятельность аналогичных государственных структур, а не способности вести самостоятельный анализ.

Это означает, что в целом ряде ключевых общенациональных областей СБ РФ будет полагаться на качество и результаты ведомственных разработок, а не на собственные оценки, что неизбежно предполагает создание собственной информационно-аналитической службы СБ РФ, имеющей общенациональный и системный характер.

25

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (МО) И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ (ВПО) В XXI ВЕКЕ

Приложение №10. Методы и методики научного исследования[1]

1. Предметное познание

Предметное познание протекает на прикладном и на философском уровнях.

На стадии прикладного предметного познания каждой предметной области соответственно множеству выделяющихся основных объектов изучения образуются относительно самостоятельные устойчивые системы знаний в виде так называемых предметных наук и предметных учений.

Предметная наука (предметное учение) как система знаний представляет собой науку об объектах познания соответствующей предметной области, не являющихся методами и теориями. Предметные науки, как правило, получают названия типа «предметология» (зоология, филология, стоматология, экология, социология и т.д.), «предметика» (физика, ботаника, информатика и др.), либо получаемые по иным правилам словообразования, обычно позволяющим явно подчеркнуть основной предмет познания. Предметные учения получают наименования по фамилии автора (учение Павлова, учение Дарвина и проч.). Возникновение предметных наук и учений характерно как для прикладной, так и для философской ступеней познания.

Следует отметить, что на любой стадии познания получаемые новые знания интегрируются с уже имеющимися в относительно самостоятельные устойчивые образования ещё одного вида, представляющие собой разнообразные *научные основы* рассматриваемой *предметной области*, соответствующие двум основным уровням познания — эмпирическому и теоретическому.

1 Предметное и методологическое познание / http://www.0zd.ru/filosofiya/predmetnoe_i_metodologicheskoe_poznanie.html

1.1. Эмпирические основы

Развитие науки на эмпирическом уровне прикладного предметного познания обычно соответствует самому начальному этапу человеческого познания конкретной предметной области. Эмпирическое познание, как правило, становится исходным и для всех других более высоких стадий и ступеней познания.

Период эмпирического познания знаменует первое вторжение науки в область, где прежде безраздельно властвовало только искусство. Эмпирический уровень познания реализует лишь возможности описания и предсказания фактов, свойств и явлений рассматриваемой предметной области, но не даёт им объяснения. Последующее развитие науки эмпирического уровня познания характеризуются всё большим использованием количественных методов, но в простейших формах — в виде статистических данных.

В итоге развития любой (частной) науки на уровне эмпирического предметного познания формируются эмпирические основы предметной науки, включающие в свой состав следующие основные элементы:

Эмпирические факты — это факты, приводящие к эмпирическим выводам. Эмпирические факты на стадии прикладного предметного познания — предметные, а на стадии философского предметного познания — философско-предметные. На основе эмпирических фактов, представляющих собой первичные знания соответствующей стадии познания, с помощью познавательных методов (а иногда и реализующих их средств) эмпирического уровня образуется массив вторичных знаний в виде эмпирических данных.

Методические основы предметной науки эмпирического уровня складываются как результат объединения методов получения эмпирических знаний, которые, как правило, являются простейшими познавательными.

В их перечень обычно входят измерение, сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция, абдукция.

Метод — совокупность приёмов или операций практического или теоретического освоения действительности, подчинённых решению конкретной задачи.

Измерение — познавательный процесс, имеющий целью определение характеристик материальных объектов с помощью соответствующих измерительных приборов.

Сравнение — сопоставление объектов с целью выявления признаков сходства или различия между ними .

Анализ — метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения), каждый из которых затем исследуется в отдельности как часть расчленённого целого.

Синтез — мысленное или практическое соединение частей предмета, расчленённого в процессе анализа, установление взаимодействия и связей частей и познание этого предмета как единого целого.

Индукция — форма мышления, посредством которой мысль наводится на какое-либо общее правило, общее положение, присущее всем единичным предметам какого-либо класса.

Дедукция — форма мышления, посредством которой новая мысль выводится чисто логическим путём из некоторых данных мыслей-посылок .

Абдукция — метод исследования, заключающийся в генерировании и проверке новых научных гипотез на основе имеющихся фактов.

Гипотеза (научная) — научное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-нибудь явлений.

Эмпирические данные (научные данные эмпирического уровня) представляют собой совокупность (относящихся к рассматриваемым объектам, предметам, ступеням и стадиям познания) научных {эмпирических) положений, в том числе научных (эмпирических) выводов, гипотез, соотношений, принципов, концепции, закономерностей и законов, вытекающих из эмпирических фактов, известных науке, и обусловленных ими научных (эмпирических) рекомендаций.

Научные положения — это выраженные в виде чётких формулировок основные научные результаты-сведения (как ранее известные, так и вновь выдвинутые в процессе проведенного исследования), имеющие научное объяснение.

Объяснение — этап, форма научного исследования, состоящие в раскрытии сущности изучаемого объекта.

Обоснование — цепь рассуждений, приводящих к неопровержимым выводам.

Доказательство — рассуждение, имеющее целью обосновать истинность (или ложность) какого-либо утверждения.

Научные выводы представляют собой итоговые утверждения, имеющие научное обоснование.

Соотношение — взаимная связь между чем-нибудь.

Принцип — основное исходное положение теории, учения, науки, мировоззрения и т.д..

Концепция — определённый способ понимания, трактовки какого-либо предмета {явления, процесса), основная точка зрения на предмет.

Теория — в наиболее общем случае это совокупность обобщённых положений, образующих какую-либо науку или ее раздел.

Особую ценность представляют научные выводы, приводящие к формулированию ранее неизвестных законов и закономерностей.

Закономерность — это объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений, описанная, как правило, на качественном, содержательном уровне.

Закон — необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся соотношение между явлениями (необходимая связь явлений).

Научные рекомендации представляют собой научные выводы предписывающего типа.

Эмпирические научные результаты, получаемые на философской ступени познания, оказываются применимыми не только по отношению к различным предметным наукам, возникающим на стадии прикладного предметного познания, но и к разнообразным предметным областям. Польза науки, даже если она не достигает своего совершенства, как правило, оказывается настолько ощутимой, что побуждает дальнейшее ее развитие, а недостатки используемых научных методов восполняются за счёт искусства тех, кто занимается практической деятельностью. Дальнейшее познание выводит науку на более высокий уровень теоретического познания.

1.2. Теоретические основы

Развитие науки неразрывно связано с непрерывным совершенствованием методов. Именно это обстоятельство находит выражение в утверждении, о том, что «развитому знанию предмета» обычно предшествует «выработка научного метода». Для теоретического познания характерны такие общенаучные познава-

тельные методы исследования, как абстрагирование, выдвижение гипотез, моделирование, идеализация, обобщение, мысленный эксперимент и др.

Абстрагирование — процесс мысленного выделения, вычленения отдельных или общих интересующих в данный момент признаков, свойств и отношений предмета и мысленного отвлечения от множества других признаков, свойств и отношений этого предмета.

Моделирование — метод исследования, основанный на построении моделей.

Модель — объект, который отображает или воспроизводит свойства другого объекта (оригинала) и используется для его исследования.

Особая роль при выполнении исследований принадлежит математическим моделям — аналитическим и имитационным.

Математическая модель — это модель, представленная в виде совокупности математических соотношений.

Математическое соотношение — математическая структура, отображающая взаимосвязь понятий (конкретных или абстрактных) представленных в символьной форме.

Аналитическая модель — математическая модель, представленная в виде совокупности математических утверждений.

Математическое утверждение — математическое соотношение, описывающее взаимное соответствие (равенства, неравенства, принадлежности, истинности, ложности и др.) понятий, представленных в символьной форме.

Имитационная модель — математическая модель, представленная в виде совокупности математических предписаний.

Математические предписания — математические соотношения, устанавливающее последовательность операций (арифметических, логических и др.) над понятиями, представленными в символьной форме.

Идеализация — мыслительный акт, связанный с образованием некоторых абстрактных объектов, которые не могут быть созданы на практике опытным путём

Обобщение — логический процесс перехода от единичного к общему, от менее общего к более общему знанию, а также результат этого процесса: обобщённое понятие, суждение, закон науки, теория.

Результатом теоретического познания является развитие *теоретических основ предметных наук*, возникающих как на прикладной, так и на философской ступенях познания. В составе теоретических основ предметной науки в наиболее общем случае могут быть выделены следующие основные *элементы*:

— исходные эмпирические основы;
— исходные теоретические основы;
— методические основы;
— теоретические результаты.

Исходные эмпирические основы представляют собой неопровергаемые (на данном этапе развития науки) знания, воспринимаемые как отправные, от науки эмпирического уровня, выступающей в роли предшественницы, к науке более высокого — теоретического уровня.

Исходные эмпирические основы включают множество относящихся к предмету изучения данной науки научных фактов, *эмпирических гипотез* и концепций, выявленных *эмпирических соотношений*, необходимых для выполнения теоретических построений.

Научный факт — это факт, имеющий описание и обоснование в результате обобщения определённого класса событий, явлений, процессов. Как известно, *научный факт* — это особый тип знания, связанный с непосредственным истолкованием наблюдений или экспериментов; существенными чертами научного факта являются его воспроизводимость и/или постоянство, инвариантность относительно индивидуальных особенностей наблюдателя.

Исходные теоретические основы предметной науки в качестве *элементов* включают:

понятийный аппарат — совокупность специфических терминов, понятий, категорий и определений, вводимых в рамках создания теоретических основ соответствующей науки;

термин — слово или словосочетание, являющееся названием определённого понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства;

понятие — целостная совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта;

категория — основное понятие, отражающее наиболее общие свойства, стороны, отношения явлений действительности и познания;

определение — пояснение, раскрывающее смысл понятия, даваемое, как правило, в виде одного повествовательного предложения;

аксиома — отправное, исходное положение какой-либо теории, лежащее в основе доказательства других положений этой теории, в пределах которой она принимается без доказательства;

постулат — принцип или положение научной теории, принятое в ней в качестве исходного, не доказуемого в её рамках.

В совокупности исходные эмпирические основы и исходные теоретические основы представляют собой первичные знания предметной науки, главным образом об основных объектах изучения и их элементах.

Методические основы предметной науки интегрируют в своём составе два основных элемента — научно-методический аппарат и методологические основы данной науки.

Научно-методический аппарат — это разработанный и разрабатываемый в ходе развития науки и практики соответствующей предметной области арсенал процедурных знаний (в том числе и материально реализованных), применяемых для обоснования и доказательства теоретических результатов данной науки.

Термины «*теоретические основы*», «*методические основы*», «*научно-методический аппарат*», «*методологические основы*» обычно не упоминается в энциклопедических изданиях, но применяются в научной деятельности, особенно в практике экспертизы научных работ, потому что при частом обращении к ассоциируемым с ними совокупностям элементов требуются краткие названия.

В сущности, научно-методический аппарат представляет собой инструментарий для получения научных результатов.

Элементами научно-методического аппарата являются апробированные на практике, прошедшие экспертизу специалистов, официально признанные и опубликованные (научные) методы (способы, приёмы, методические подходы, методики) решения научных и практических задач в области описания и анализа свойств рассматриваемых объектов познания, Синтеза и оптимизации требуемых свойств, объяснения (доказательства) и предсказания (прогнозирования) рассматриваемых явлений (процессов), а Также конкретные реализации этих методов в виде методик и *средств* (вычислительных, моделирующих, испытательных и др.) *теоретического и Экспериментального исследования*, приводящие

к получению научных (в том числе и практических) результатов, обладающих обоснованной степенью достоверности. В составе научно-методического аппарата могут оказаться самые разнообразные методы, модели и алгоритмы, начиная от эвристических и вплоть до строгих математических. Элементы научно-методического аппарата создаются с учетом вполне определённых ограничений и допущений, что влияет на область их применимости и на целесообразное разнообразие.

Методика — совокупность методов, приёмов целесообразного проведения какой-либо работы.

Допущения — предположения, положенные в основу упрощения описания реальною объекта (процесса), используемые при исследовании.

Ограничения — требования к форме представления и пределам изменения варьируемых данных, вводимые при исследовании.

Методологические основы предметной науки, являясь важнейшей составной частью её методических основ, объединяют в своём составе методы (научного) обоснования конкретных элементов научно-методического аппарата и сами обоснования.

Таким образом, в предметной науке могут быть выделены две группы методов — *предметные* и *методологические*.

Предметные методы (входящие в состав научно-методического аппарата методических основ предметной науки) — это методы обоснования (описания, анализа, синтеза и оптимизации) свойств тех объектов изучения предметной науки, которые не являются методами.

Методологические методы (входящие в состав методологических основ предметной науки) — это методы обоснования методов, развиваемые в рамках создания методологических основ (методологии) предметной науки.

Следует акцентировать внимание на диалектической взаимосвязи методологических основ предметной науки с методическими основами предметной области: входящие в состав методологических основ теоретические обоснования элементов научно-методического аппарата осуществляются *методологическими методами, развиваемыми в рамках методологии предметной области*. При этом, например, методы доказательства применимости метода М в различных предметных науках рассматриваемой предметной области — это

знания, относящиеся к методологии предметной области, в то время как доказательство применимости метода М в конкретной предметной науке — знания, относящиеся к данной предметной науке.

Теоретические результаты представляют собой вторичные знания предметной науки, получаемые на основе первичных знаний, и включают в свой состав

— теоретические данные;
— логические (предметологические) основы данной науки.

Теоретические данные представляют собой арсенал декларативных (непроцедурных) знаний об основных объектах изучения и их элементах, полученных с применением разработанного научно-методического аппарата как в интересах непосредственной отдачи практике, так и в целях дальнейшего развития соответствующей науки, выраженный в виде *теоретических выводов* и других более сложных теоретических построений (в том числе теоретических положений, законов, закономерностей, гипотез, соотношений, принципов, концепций, рекомендаций и др.), вытекающих из рассматриваемой и пополняемой базы научных фактов.

Логические основы предметной науки представляют собой множество непроцедурных вторичных знаний, объединяющих допустимые правила логического вывода, обоснования и доказательства теоретических данных (включая общие и частные модели, формульные описания, расчетные соотношения и другие теоретические построения и конструкции).

К необходимым признакам теории следует отнести:

нетривиальность, то есть неочевидность теоретических положений, способов получения результатов и/или самих получаемых результатов, исключающая ситуации, когда «*и без теории все ясно*»:

прагматичность — теория как метод должна быть приложима к практике, т.е. должна давать научные обоснования выводов и рекомендаций, полезных для практической деятельности.

Всякая теория создается при вполне определённых допущениях и ограничениях, что влияет на область её применимости: она описывает, объясняет и предсказывает вполне определённую совокупность фактов, свойств и явлений той предметной области, к науке которой эта теория относится. Основываясь на общественной практике и давая целостное, достоверное, систематически развиваемое знание о существенных связях и закономерностях действительности, теория

выступает как наиболее совершенная форма научного обоснования и программирования практической деятельности.

Подводя итог сравнению теории и метода, следует особо отметить, что теория во многом представляет собой описывающие, объясняющие и доказывающие {декларативные, непроцедурные) знания, отвечающие на вопросы.

Методы предметной науки, не являясь основным предметом её изучения, а лишь выступая в качестве необходимого инструмента для получения знаний.

В *структуре теории* можно выделить основные *элементы*, соответствующие ранее рассмотренным ранее элементам конкретной науки. В частности, логически взаимосвязанные элементы теории, объединяющие в споём составе общие и частные методы решения научных и практических задач соответствующей предметной области, в совокупности образуют научно-методический аппарат данной теории.

В наиболее развитом виде теория включает в качестве *элементов* своего *научно-методического аппарата* представленный в набор более элементарных взаимоувязанных методов, охватывающих все основные этапы познания применительно к той предметной области, к которой она относится.

Содержательное описание — это описание на естественном (профессиональном или литературном) языке.

Формальное описание — описание в специфических терминах и символических обозначениях той или иной теорию

Формализованное описание — содержательное описание с элементами формального описания.

Процесс перехода от содержательного к формализованному и формальному описанию *(процесс формализации)* развивается от использовании первичных идеализаций через выдвижение теоретических концепций к построению на основе располагаемого научно-методического аппарата (или вновь создаваемою) более или менее общей теоретической модели рассматриваемых явлений (процессов).

Факторы — это причины, обстоятельства, движущие силы, определяющие причинно-следственные связи в рассматриваемом явлении (процессе).

Показатель — качественная или количественная характеристика, вводимая для оценки отдельного свойства или совокуп-

ности свойств рассматриваемого объекта (процесса). Показатель обычно имеет наименование, обозначение и значение. Различают количественные показатели (значение — численная величина) и качественные показатели (значение — словесное, неколичественное описание меры проявления рассматриваемого свойства или совокупности свойств).

Параметр — это показатель с пределами допустимых значений, определяемыми конкретной смысловой интерпретацией.

Критерий — необходимый и/или достаточный признак, на основе которого производится оценка (классификация) или выбор объекта по значениям одного критериального показателя (простой критерий) или нескольких *критериальных показателей* (сложный критерий). Соотношение, в соответствии с которым вычисляется значение *критериального показателя*, называется *целевой функцией*.

В рамках философского предметного познания возникают задачи распространения научных результатов между предметными областями и развития наук на стыках той или иной предметной области (например, физики) с другими (так возникли ядерная физика, биофизика, геофизика, астрофизика и т.д.).

Расширение и углубление познания окружающего мира на предметной стадии философской ступени познания находит выражение в возникновении философских учений в более или менее развитом виде (например, дедуктивная логика Декарта, аристотелевская логика) как систем знаний о наиболее общих законах и закономерностях развития окружающего мира. Относительно самостоятельное философское учение представляет собой диалектика, интегрирующая ряд философских предметных наук (диалектика природы, диалектика познания и др.) и сама интегрирующаяся с другими философскими науками и учениями (так, например, возникла материалистическая диалектика).

Философское учение (как система знаний) обычно формируется как наука о науке в том смысле, что в рамках вводимых общих категорий (например, в метафизике Аристотеля — сущность, материя, форма, возможность, действительность, движение, количество, противоречие; в философии Канта — множество, всеобщность, реальность, отрицание, ограничение, субстанция, причина и действие, возможность и невозможность, необходимость и случайность и т.д.) сосредотачивается внимание на выявлении

закономерностей возникновения и развития объектов познания из разнообразных предметных областей и на разработке в рамках методологического познания *философских принципов*, выражающих методические и методологические подходы к решению самых разнообразных научных и практических задач.

На философском уровне познаются свойства и отношения объектов, инвариантные относительно того или иного множества предметных областей, а также закономерности возникновения, применения и развития методологий и их составных элементов. Это обеспечивает всеобщность эмпирических и теоретических основ философского уровня.

2. Методологическое познание

На стадии прикладного методологического познания в каждой предметной области образуются относительно самостоятельные устойчивые системы знаний в виде методологий.

Методология как частная система знаний, возникающая на методологических стадиях познания, является в существенной степени (и это отражено в её названии, происшедшем от *«метод»* и *«…логия»*) учением о методах (и теориях), возникающих на соответствующих ступенях познания. Методологию не следует сводить к совокупности методов, подобно тому, как не сводится метрология к совокупности измерений, зоология к совокупности зверей и т.д.

Наиболее важные точки приложения методологии:

— выявление объекта и предмета исследования;
— постановка научной задачи или проблемы (именно здесь чаще всего совершаются методологические ошибки, приводящие, например, к выдвижению псевдопроблем, что существенно затрудняет получение результата);
— построение путём сочетания известных элементов научно-методического аппарата и/или создания новых элементов, пополняющих научно-методический аппарат науки, метода (или теории) решения рассматриваемой научной задачи (проблемы) и оценка его применимости;
— решение проблемы выбора между конкурирующими методами и теориями, поиск критерия истинной теории;
— анализ обоснованности и оценка достоверности получаемых выводов;

— оценка научно-технического уровня и значимости получаемых научных результатов.

Другими словами, методология формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения научной задачи (проблемы): даёт научное обоснование основных компонент проводимого научного исследования, таких как:

объект исследования — это вполне определённая часть познаваемой предметной области (процесс, явление и т.п.), изучение которой является целью исследования;

предмет исследования — та сторона объекта, которая рассматривается в данном исследовании.

Один и тот же объект может быть предметом ряда различных исследований. Пример, относящийся к военной науке:

объект исследования — боевые действия (БД) войск;

предмет исследования (варианты):

На стадии методологического познания получаемые знания интегрируются (на уровне элементов как действующих, так и пока ещё складывающихся, иногда альтернативных, методологических теорий) в *научные основы методологической науки* эмпирического и теоретического уровней.

2.1. Эмпирические основы

Эмпирические основы методологического уровня и предметного уровня по составу элементов не отличаются. Особенностью является лишь то, что эмпирические факты на стадии прикладного Методологического познания — методологические, а на стадии философского методологического познания — философско-методологические (отражают свойства философских предметных наук и учений, процессы их возникновения и развития, а также свойства методологий различных предметных областей).

2.2. Теоретические основы

Теоретические основы методологической науки в качестве составных *элементов* включают исходные эмпирические основы (методологической науки); исходные теоретические основы (методологической науки); методические основы (методологической науки) методологические результаты.

По своей структуре теоретические основы методологической науки аналогичны теоретическим основам предметной науки.

Понятийный аппарат методологического уровня познания представляет собой совокупность специфических понятий, категорий, терминов и определений, вводимых в рамках создания методологических основ данной науки (так *понятийный аппарат философского уровня* включает совокупность специфических философских терминов и понятий — объект, субъект и др., а также наиболее общих категорий — единичное, особенное, всеобщее и др., вводимых по определению в рамках создания философских теоретических основ науки, причём «*философские понятия и представления обладают предельной общностью*»;

Методические основы методологической науки включают научно-методический аппарат методологической науки и *методологические основы методологической науки*, объединяющие в своём составе методы обоснования и сами обоснования конкретных элементов научно-методического аппарата методологического уровня.

Научно-методический аппарат методологической науки включает более или менее широкий набор средств (способов, приёмов, методических подходов, методов, методик) описания, анализа, объяснения (предсказания) и синтеза (оптимизации) свойств рассматриваемого множества методов и теорий, а также их практического использования в научной и практической деятельности.

Методологические результаты интегрируют в своём составе *логические основы* методологического уровня и методологические данные.

Методологические данные — это совокупность *методологических положений и выводов* (в том *числе методологических гипотез, соотношений, принципов, концепций, закономерностей* и *законов*, вытекающих из рассматриваемых методологических фактов) и обусловленных этими выводами *методологических рекомендаций*, которыми следует руководствоваться при применении и развитии наук как частных систем знаний. (уровень методологии предметной области) и науки в целом как общей системы знаний (уровень всеобщей методологии научного познания).

В рамках развития методологических наук наиболее совершенно, формой организации знаний является *методологическая теория*. Основным объектом изучения методологической теории, в отличие от предметной, является та или иная совокупность методов.

Методологическая теория имеет структуру, аналогичную ране рассмотренной, применительно к теории вообще, и включает не которую совокупность взаимоувязанных частных *методологических методов*, применяемых по отношению к методам теориям тех или иных наук, выступающим в качестве объекта методологии.

Примером методологической теории, возникшей в довольно широкой предметной области, а именно в области технических наук, является теория принятия технических решений.

Результатами наиболее глубокого развития методологических теорий является возникновение метатеорий.

Метатеория — теория, анализирующая структуру, методы и свойства другой, так называемой *содержательной теории*.

3. Роль методологии в развитии познания

Развитие методологических наук на стадии прикладного познания приводит к возникновению методологий тех или иных предметных областей, а на стадии философского познания — к развитию всеобщей методологии научного познания.

Методология образуется той частью науки, которая представляет собой учение о способах системного познания окружающего мира, и в этом смысле представляет *науку о науке* данной предметной области. Как система знаний, методология обеспечивает анализ имеющихся и возникающих методов и теорий предметных наук, выявление закономерностей их построения и разработку методологических выводов и рекомендаций по развитию методов и теорий соответствующей предметной области, а также по их практическому использованию. Исследователь (разработчик) для достижения поставленных целей, руководствуясь методологией, которая может включать как ранее известные элементы, так и вновь предлагаемые, и, как правило, сочетая процессы исследования с процессами разработки, добивается той или иной организации знаний в виде совокупности избираемых известных, а также

вновь предлагаемых элементов научно-методического аппарата. Совокупность таких элементов, приобретающая (в их логической взаимосвязи и взаимообусловленности) в простейшем случае форму частного либо более или менее общего метода решения конкретной научной задачи, а в более сложных случаях — форму теории, выступают в качестве инструмента, с помощью которого выполняется исследование (разработка), а конкретный способ проведения исследования (разработки) находит выражение в той или иной методике.

Методика исследования (разработки) представляет собой выбранную исследователем (разработчиком) совокупность взаимоувязанных элементов (методов, приёмов, операций, средств, более элементарных методик) известного и предлагаемого научно-методического аппарата, применяемых в определенной логической последовательности в ходе проведения исследования (разработки) или его составной части, имеющей относительно самостоятельное значение (например, *методика эксперимента*), для решения конкретной научной задачи или научной проблемы.

Возникающие и диалектически развивающиеся методологические науки и учения философского уровня, посягающие на роль всеобщей методологии научного познания, интегрируются с философскими предметными, науками и учениями в единую систему знаний — *философию*. Противоречия в знаниях различных философских наук и учений служат неиссякаемым источником дальнейшего совершенствования философии, которая на протяжении своего многовекового развития выступала как всеобъемлющая *наука о науках*.

Конечная цель развития научных знаний — обеспечение исследовательской деятельности в науке и практике соответствующей предметной области в интересах наиболее эффективного решения возникающих научных и практических задач.

Что же касается искусства, которое в донаучный период проявлялось на низшем уровне как индивидуальное умение приспосабливаться к ситуации, то оно по мере развития науки все более превращается в умение специалиста приспособить схему действий, даваемую наукой (теорией, методологией или философией) для типовой ситуации, к условиям конкретной обстановки. За счёт этого сфера применения науки в рассматриваемой предметной области

расширяется (более искусным становится тот, кто в большей степени опирается на достижения науки), а сфера искусства соответственно всё более сокращается. Наука и в дальнейшем отвоёвывает у искусства всё более новые позиции, и в пределе этот процесс ведет к полному господству науки и постепенному вытеснению или даже к отмиранию искусства в конкретно рассматриваемой предметной области. Однако, выясняясь, а в ряде случаев и полностью отмирая в данной предметной области, искусство не исчезает в целом, так как постоянно находит в окружающем нас поистине необъятном для познания мире всё более новые области приложения и тем самым открывает новые горизонты для науки.

Приложение № 11.
Научные основы военной политики Российской Федерации

1. Сущность, содержание и принципы военной политики

Военная политика — это составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением военных средств для достижения определенных политических целей по обеспечению военной безопасности страны.

Военная политика Российской Федерации является необходимым и важным элементом внутриполитической и внешнеполитической деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности государства, предотвращение войны и вооруженных конфликтов, упрочение стратегической стабильности.

Военная политика представляет собой возникшую на стыке общегосударственной политики и военной стратегии, а также включает деятельность социально-политических сил и специально созданных ими государственных институтов. Она направлена на формирование и использование насильственных средств для ведения войн и вооруженных конфликтов или противодействия им, а также для обеспечения национальной безопасности. Создание военной силы, опора на нее или ее применение для достижения политических целей является **сущностью и главным предназначением военной политики**.

Военная политика Российской Федерации на современном этапе предназначается для:

— поддержания оборонного потенциала страны на уровне, адекватном существующим и потенциальным военным угрозам с учетом экономических возможностей страны и наличия людских ресурсов;

— предотвращения крупномасштабных военных столкновений, содействия прекращению и недопущению вооруженных конфликтов между государствами СНГ, оперативной нейтрализации любых военных провокаций;
— выполнения международных обязательств Российской Федерации по оказанию военной помощи союзным с ней странам;
— обеспечение решений Совета Безопасности ООН, других международных организаций по поддержанию мира и безопасности на возможно более ранней стадии развития угрожающей ситуации или конфликта;
— оценки возможностей, необходимости и пределов применения военной силы для достижения политических и военных целей;
— выработки методов применения военной силы, способов противодействия потенциальному и реальному противнику, организации взаимодействия с союзными государствами по предотвращению и отражению агрессии.

Военная политика Российской Федерации обусловливается экономическими, политическими и иными интересами государства, выраженными в Концепции национальной безопасности, Военной доктрине, в других документах и установках.

Экономические и политические интересы определяют главную суть, содержание и направленность военной политики Российской Федерации. Они должны обеспечивать благоприятные, взаимовыгодные, экономические, политические, культурные, научные и другие связи и отношения со всеми, особенно с соседними странами;

Военная политика Российской Федерации определяется также потенциальными и реальными возможностями России как субъекта военной политики, позволяющими реализовать эти интересы.

Потенциальные возможности выражаются такими характеристиками, которые могут быть получены при максимальном напряжении сил и средств общества и государства.

Реальные возможности определяются текущими состоянием экономики (валовый национальный продукт), количеством и качеством населения, уровнем научно-технических достижений, количественными и качественными показателями военной мощи, прежде всего, Вооруженных Сил.

Внутренние и внешние условия жизнедеятельности государства определяются целями и средствами военной политики, их постепенные или резкие изменения могут вызвать необходимость пересмотра целей и средств военной политики, действий по увеличению (уменьшению) военной мощи.

Разработка основ военной политики России осуществляются на основе:

— знания и глубокого изучения военно-политической обстановки и противника (реального и потенциального), его возможного замысла действий, целей и возможностей;
— исследования состояния политических сил внутри страны и на международной арене;
— всестороннего обоснования целей и задач военной политики и последовательность их осуществления в стране в текущее время и на перспективу до 2015–2020 гг.;
— прогнозирования военно-политической деятельности на этот период;
— оценки соответствия намеченных целей и задач военной политики возможностям страны.

Это позволяет обоснованно определить курс военной политики, избежать недооценки или переоценки сил противника и своих собственных сил. В период разработки военной политики закладываются необходимые предпосылки практической реализации предусмотренных целей военной политики.

Процесс выработки и процесс проведения в жизнь военной политики разграничить трудно. Эти два процесса сливаются и образуют общую органичную систему непрерывной руководящей деятельности в военной области. При разработке и осуществлении военной политики следует руководствоваться группой принципов военной политики.

Принципы военной политики включают руководящие выводы общего характера, правила и установки, которые вытекают из исследования объективных закономерностей ее выработки и проведения в жизнь. Принципы бывают как общие — это принципы руководящей политической деятельности, которые применяются в различных областях политики с учетом своеобразия конкретной сферы, так и конкретные — это собственно принципы рассматриваемой сферы.

Деятельность высших органов власти и военного руководства в области военной политики строится на основе следующих общих принципов:

— объективность и всесторонность, обусловленные объективными закономерностями развития общества и предусматривающие глубокий и всесторонний анализ реально складывающейся военно-политической обстановки на основе изучения фактов, событий и процессов;
— конкретность и информативность, ориентированные на всеобъемлющий учет достоверной информации о конкретно исторических условиях, в которых формируется и реализуется военная политика;
— комплексность и системность, означающие сбалансированность всех составляющих военной мощи государства;
— определенность и открытость военной политики, заключающаяся в формировании механизма выработки военно-доктринальных положений и в официальном принятии ее высшими органами государственной власти;
— эффективность и оптимальность, представляющие создание благоприятных условий реализации целей и задач военной политики, наиболее рациональное использование военного потенциала;
— сосредоточение усилий на основном звене, определяющем центральные вопросы, как военной политики, так и военной стратегии;
— использование передовых военных технологий, обеспечивающих приоритет качественных характеристик современного оружия и боевой техники;
— приоритет оборонных задач, предусматривающих решение задач военной безопасности;
— экономичность при выполнении задач по повышению обороноспособности, обеспечивающую разумные затраты сил и средств на военные нужды;
— единство политического и военного руководства, позволяющие соединить политические усилия с достижениями современной военной науки;
— централизация руководства военной политикой государства;

— гибкость управления силами и средствами сдерживания противника от агрессивных действий;
— демонстрация военно-политическим руководством страны решимости реализации задач, обеспечивающих адекватную реакцию на конкретную военную опасность или угрозу со стороны противника;
— другие принципы военной политики, обеспечивающие нейтрализацию и локализацию военных опасностей и угроз государству.

Из многообразия задач военной политики основными могут быть:

— обоснование и разработка военно-политических решений, подготовка конкретных планов функционирования и развития военной системы государства. Это одна из ответственных задач, поскольку военно-политическая обстановка, как внешняя, так и внутренняя, подвержена постоянным изменениям. Они затрагивают в той или иной степени национальные интересы государства и поэтому требуют своевременного реагирования и оперативного принятия решений;
— регулирование военно-политических отношений с другими государствами, коалициями, блоками. В этом вопросе главную роль играет дипломатия, которая может включать урегулирование пограничных вопросов, переговоры по сокращению вооружений, проблемы сотрудничества с союзными государствами по военным вопросам, поиск, установление контактов и ведение диалога с военно-политическими блоками (союзами) и отдельными государствами и др.;
— разработка военной доктрины государства, которая определяет всю его военно-политическую деятельность;
— организация информационного обеспечения принятия решений, планов и военных акций;
— защита независимости России, обеспечение ее безопасности, суверенитета, неприкосновенности границ, территориальной целостности РФ, сдерживание от развязывания войн и вооруженных конфликтов, направленных против нее;
— поддержание оборонного потенциала на уровне, адекватном существующим и потенциальным военным угрозам с учетом социально-экономических и финансовых возможностей.

2. Военная политика как компонент внутренней и внешней политики

Военная политика Российской Федерации, как любого другого современного государства, **включает две взаимосвязанные стороны — внутреннюю и внешнюю**. Находясь в диалектическом единстве, внутренняя и внешняя стороны имеют свои особенности, определяемые воздействием целого ряда факторов.

Внутренняя сторона военной политики охватывает проблемы, непосредственно связанные с подготовкой военной силы для разрешения внутригосударственных конфликтов или урегулирования кризисных ситуаций внутри страны.

Внутренними кризисными ситуациями могут быть: противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленных на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране; планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры; создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований; незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий; организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Военная политика Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и федерального законодательства может использовать Вооруженные Силы и другие войска для ликвидации кризисных ситуаций и незаконных вооруженных формирований внутри страны.

В соответствии с федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года №3-ФКЗ и «О военном положении» от 30 января 2002 года №1-ФКЗ соответственно регулируется в стране (приложение №___) внутреннее положение.

Внешняя сторона военной политики рассматривает проблемы использования военной силы в межгосударственных отношениях. Военная политика Российской Федерации в области внешней политики за последние годы претерпела большие изменения. Под воздействием социально-экономических и военно-политических перемен в стране и мире преодолена конфронтационность, характерная для противостояния периода «холодной» войны. Она с конца XX — начала XXI века отличается взвешенным, конструктивным подходом к решению наиболее сложных проблем и противоречий, стремлением к достижению позитивных результатов в процессе военно-политического сотрудничества с самыми различными странами.

В настоящее время все большее место занимают суждения о том, что война и военная сила являются не самым эффективным инструментом военной политики, что военную безопасность невозможно обеспечить только военными средствами. Поэтому главный упор в разрешении конфликтов и спорных проблем принято делать политическими и дипломатическими усилиями.

В военной политике наше государства рассматривает обеспечение военной безопасности как необходимую предпосылку строительства демократического правового государства, осуществления принципов равноправного партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства в международных отношениях, последовательного формирования общей и всеобъемлющей системы международной безопасности, сохранения и укрепления всеобщего мира.

Российская Федерация в своей внешней политике исходит из основополагающих принципов и норм международного права, рассматривает в качестве партнеров все государства, чья политика не наносит ущерба российским национальным интересам и безопасности и не противоречит Уставу ООН; строго соблюдает действующие договоры в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений, содействует их реализации, обеспечению определяемого ими режима; содействует расширению мер доверия в военной области, согласование военных доктрин, планов и мероприятий военного строительства, военной деятельности.

Российская Федерация проводит сбалансированную внешнюю политику. Ее геополитическое положение накладывает ответственность за активное участие по поддержанию безопасности как в мире, на глобальном уровне, так и на региональном уровне.

Приоритетный акцент во внешней политике сделан на развитие совместных усилий по урегулированию конфликтов в государствах-участниках СНГ, развитию сотрудничества в военно-политической области в сфере безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Тесная взаимосвязь военной и внешней политики позволяют Российской Федерации более надежно укреплять военную безопасность страны, ее суверенитет и территориальную целостность.

3. Факторы, влияющие на формирование военной политики

На формирование военной политики Российской Федерации влияют внешние и внутренние факторы

К внешним факторам относятся:

— очаги локальных войн и вооруженных конфликтов вблизи государственной границы;
— распространение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, технологий их производства и средств доставки;
— расширяющийся комплекс угроз, связанный с международным терроризмом;
— сохранение или создание крупными державами (их коалициями) мощных группировок вооруженных сил в прилегающих к границам России регионах;
— нарушение отдельными государствами международных договоров и соглашений в области ограничения вооружений и разоружения;
— использование субъектами международных отношений информационных и других средств и технологий в агрессивных целях;
— целенаправленное, противоречащее интересам Российской Федерации и ее союзников, информационное (информационно-психологическое) воздействие с использованием современных информационных технологий;

— создание (наращивание) отдельными государствами (группами государств) военного потенциала с ударно-наступательной направленностью, ведущее к нарушению баланса сил.

К внутренним факторам относятся:

— кризисное состояние экономики Российской Федерации;
— значительное сокращение научно-технического, технологического и интеллектуального потенциала страны;
— низкий уровень крупномасштабных инвестиций в российскую экономику;
— обострение межнациональных отношений, региональный сепаратизм;
— организованная преступность и терроризм в масштабах, угрожающих безопасности страны;
— незаконное распространение на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, наркотических средств, которые могут быть использованы для осуществления террористических актов и иных противоправных действий;
— совершенствование средств вооруженной борьбы, их теоретическое осмысление военной наукой;
— появление новых форм и методов применения различного оружия и боевой техники;
— реформирование Вооруженных Сил, изменение методов и способов их подготовки к выполнению боевых задач.

4. Структура и функции военной политики

При определении структуры военной политики Российской Федерации отмечается два основных подхода:

— **первый** подход определяет структуру военной политики через совокупность ее субъектов и объектов, целей, средств и условий, в которых она функционирует и развивается;

Субъектами военной политики выступают высшие органы законодательной и исполнительной власти, органы военного руководства государства, военно-политические союзы.

Объектами военной политики являются те области жизнедеятельности российского общества, которые формируют военный потенциал, военную мощь государства — экономика, наука

и техника, социально-политические отношения и структуры, общественное сознание и др.

Механизм взаимодействия субъекта и объекта в структуре военной политики действует следующим образом. Государство как субъект военной политики определяет политические цели и готовит соответствующие средства (как военные, так и не военные) для их достижения. Использование этих средств оказывает воздействие на объект военной политики. Соответствие целей и средств конкретным условиям данной военно-политической обстановки способствует их успешной реализации в процессе применения военной силы. Стремление продолжать военную политику, в которой возникает значительный дисбаланс между поставленными целями и возможностями их достижения, может привести к провалу, неудаче не только военной политики, но и к кризису политики государства в целом.

— **второй** подход представляет военную политику как совокупность отправных идей и принципов долговременного действия, военно-политических решений и планов, общих идей и принципов, практических действий, направленные на реализацию общих идей и конкретных решений.

Совокупность идей и принципов заложена в Военной доктрине Российской Федерации, в которой теоретические основы подготовлены и обоснованы путем глубокого научного анализа военно-политической практики.

Военно-политические решения и планы отражают особенности конкретной обстановки и соответствуют положениям и установкам Военной доктрины. Степень и способность реализации принимаемых решений и планов определяет эффективность осуществления военно-политической деятельности.

Практические действия по реализации доктринальных положений, принятых планов и решений по руководству военным строительством, регулированию военно-политических решений с другими государствами, коалициями, руководству военно-политическими акциями различного характера и масштаба на территории России и на международной арене .

Военная политика Российской Федерации призвана выполнять в государстве **две функции**.

Первая функция включает разработку Концепции национальной безопасности, Военной доктрины, Основ государственной политики Российской Федерации по военному строительству, которая определяет: принципы строительства Вооруженных Сил; планы по вопросам технического оснащения армии и флота, подготовку и рациональное использование кадров, повышение мобилизационных возможностей государства, совершенствование системы подготовки военно-обученных резервов и мобилизационного развертывания, основные направления военной реформы; проведение постоянного анализа и прогнозирования военно-политической обстановки; подготовку предложений военно-политическому руководству по вопросам военной политики; информационное обеспечение принятых решений и планов.

Вторая функция включает: руководство военным строительством в целом и строительство Вооруженных Сил в особенности; развитие военно-экономического, социального, политического, демографического и духовного потенциалов в интересах обороны страны; регулирование военно-политических отношений с другими государствами (коалициями), армиями и субъектами военной политики; руководство военно-политическими акциями с использованием военной силы внутри страны и за ее пределами; координацию деятельности всех государственных институтов в военной сфере жизни общества; воспитание личного состава Вооруженных Сил, всего населения страны в духе патриотизма, верности долгу, обеспечения надежной защиты территориальной целостности и суверенитета государства.

В теоретической научной части военной политики можно выделить мировоззренческую, методологическую и воспитательную функции.

Мировоззренческая функция позволяет выделить в общей системе мировоззрения, прежде всего, определить правильные представления о роли существующего государственного строя страны в жизни человека, о его ценностях, о важности и необходимости надежной защиты Отечества, о современной проблематике войны и мира. Она дает возможность подчеркнуть и роль каждого члена общества в укреплении военной безопасности страны, раскрыть непосредственную личную причастность каждого к осуществлению этой ответственной задачи.

Глубоко осознанное понимание целей и задач военной политики повышает роль важнейших институтов общества как в непосредственной защите страны, так и в содействии обеспечения национальной безопасности России.

Методологическая функция военной политики позволяет выработать у руководителей разных уровней и военнослужащих необходимые для обеспечения безопасности России, умения и навыки, правильный подход к пониманию и решению оборонных задач. Она помогает определять, применять и совершенствовать такие методы и способы деятельности на том или ином конкретном направлении, которые приносят наибольшую отдачу, высокий конечный результат.

Воспитательная функция состоит в том, что системой важнейших установок военной политики, ее положений формируются и укрепляются идейные убеждения членов общества, их преданность в его защите.

Кроме рассмотренных функций можно выделить еще военно-организаторскую, координационную и прогностическую.

Военно-организаторская функция связана с осуществлением управления всей сферой обороны страны, всеми ее органами и звеньями, и, в первую очередь, Вооруженными Силами. Она обеспечивает мобилизацию всех сил и средств на обеспечение военной безопасности страны и ее защиту.

Координационная функция наибольшее значение приобретает в военное время, когда требуется координировать все вопросы в военной, социальной, экономической, культурной и других сферах для обеспечения победы. Эта функция будет проявляться и в международной области для согласования военных усилий, обеспечения взаимодействия между странами-союзниками и различными международными организациями.

Прогностическая функция используется как в военное, так и в мирное время. Она обеспечивает успешную деятельность государственных и высших военных органов. Умелое использование прогностических функций военной политики позволяет высшим органам управления государством и Вооруженными Силами наиболее результативно организовать свою работу в области военной безопасности и обороны страны.

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

Современная военная политика России

Учебно-методический комплекс

В двух томах

Том 2

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Художественное оформление *М. М. Петухова*

Подписано в печать 29.08.2017
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 61,7. Уч.-изд. л. 41,6
Тираж 100 экз. Заказ № 984

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76